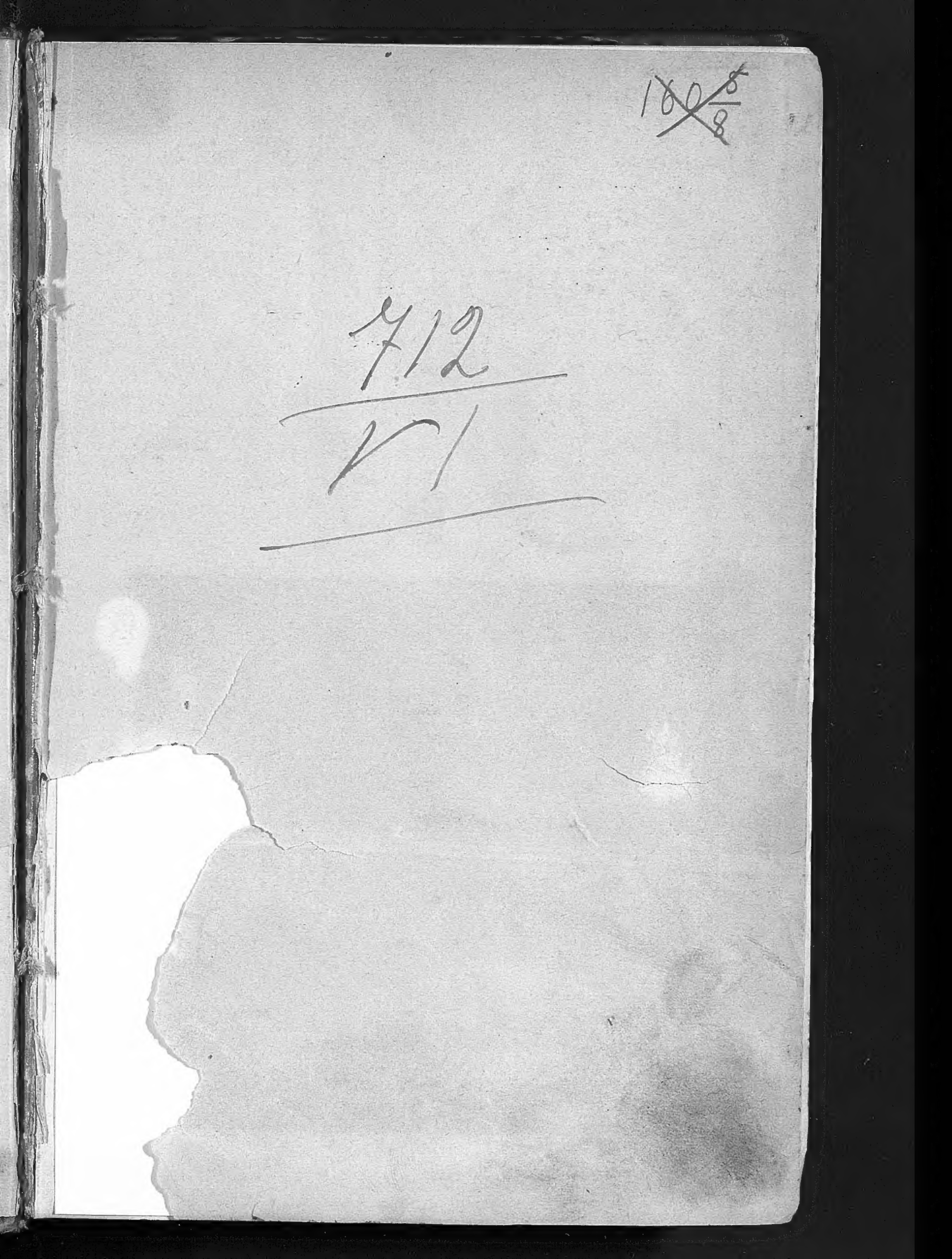
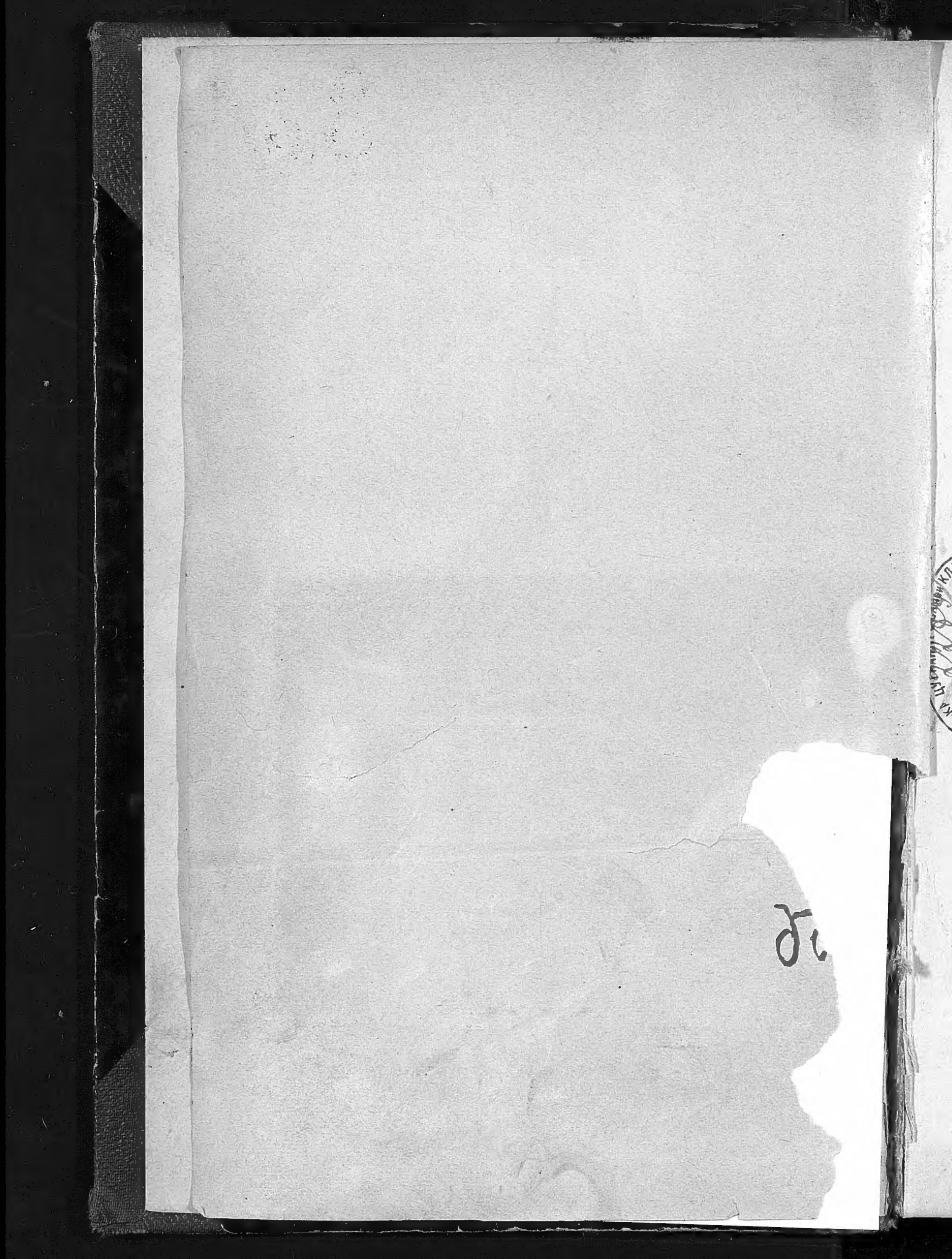
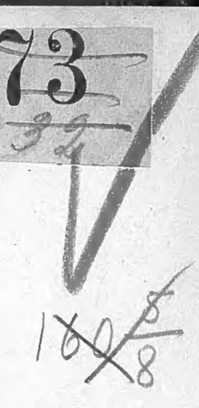
Форзац рваный!
27.3.12г.

VII II

712
VI

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ

ТОМЪ II.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1895

449005

НАРОДНАЯ МОНАРХІЯ.

РАЗБОРЪ СОЦІАЛЬНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КОНСТИТУАНТЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Народная монархія"…. Когда въ одномъ изъ засѣданій конституанты депутатъ Вимпфенъ впервые употребилъ этотъ терминъ, почти на всѣхъ скамьяхъ послышался протестъ. Чудовищнымъ казалось сочетаніе такихъ будто бы исключающихъ другъ друга понятій, какъ самодержавіе короля и самодержавіе народа. Самъ ораторъ счелъ нужнымъ прибавить въ свое оправданіе, что онъ съ намѣреніемъ окрестилъ зарождающуюся конституцію прозвищемъ démocratie royale, чтобы показать всю ея безпочвенность и несообразность.

Но прошло сто лѣтъ, и переживаемый нами конецъ вѣка видитъ почти повсемѣстное торжество на Западѣ той самой формы государственнаго устройства, которая, какъ неизвѣстная Аристотелю и Монтескье, признана была противорѣчащей самой природѣ вещей. Торжествующая демократія не разрываетъ союза съ наслѣдственнымъ представителемъ національнаго единства; съ своей стороны этотъ послѣдній все болѣе и болѣе отрѣшается отъ характера главы феодальной іерархіи, перваго дворянина своего государства; онъ признаетъ за собою новую миссію верховнаго посредника между классами и защитника интересовъ народныхъ массъ. Именемъ англійской королевы проводятся реформы, которыя по сво-

ему радикализму далеко опередили дѣло конституанты. Король Бельгіи ищетъ опоры для своего вето въ принципѣ прямой аппеляціи къ народу, и учрежденіе, всего болѣе отвѣчающее демократическому идеалу народа-законодателя, я разумѣю referendum, находитъ въ немъ горячаго поборника.

Констатируя фактъ привязанности испанскаго демоса къ монархіи, республиканецъ Кастеларъ признаетъ возможнымъ мирное развитіе народовластія и подъ эгидою монархіи; въ свою очередь наслѣдникъ Виктора Эмануила и цѣлой династіи бойцевъ за монархическое единство Италіи, открыто заявляетъ въ своемъ обращеніи къ палатамъ, что благосостояніе народныхъ массъ и демократическія реформы—та цѣль, къ которой направлена вся его политика.

Всеобщее право голосованія, котораго тщетно требовали Робеспьеръ и Маратъ, положено въ основу имперскихъ учрежденій Германіи и никѣмъ другимъ, какъ желѣзнымъ канцлеромъ, въ которомъ нельзя не признать горячаго ревнителя монархическаго принципа. Всѣ избирательныя реформы, агитируемыя или проводимыя въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Австріи, болѣе или менѣе приближаются къ тому же демократическому типу.

Такимъ образомъ, „народная монархія" изъ того „чудовища", какимъ она казалась въ концѣ прошлаго вѣка, сдѣлалась господствующимъ типомъ политическаго устройства. Принципъ 1789 года, удачныя и неудачныя рѣшенія, какія даны были конституантой большинству соціальныхъ и политическихъ задачъ, пріобрѣли снова характеръ современности. Въ концѣ XIX столѣтія мы ждемъ еще отвѣта на вопросъ, что было жизненнаго въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, какими подарила Францію революція; въ какой мѣрѣ ошибки „учредителей", ихъ сознательное или безсознательное служеніе „частному

интересу“ буржуазіи въ ущербъ „общему“ и „депутатскому самодержавію“, въ ущербъ королю и народу отсрочили мирное торжество народной монархіи.

Рѣшенію этихъ вопросовъ и посвящены ближайшіе два тома моего сочиненія. Они заняты разборомъ учредительной дѣятельности конституанты и тѣхъ многообразныхъ вліяній, подъ которыми депутаты постепенно уклонились отъ первоначальной программы, выставленной въ наказахъ и какъ нельзя лучше отразившей на себѣ народные запросы и ходячія соціально-политическія теоріи.

Въ первой части изслѣдованія анализированы и подвергнуты критикѣ тѣ рѣшенія, какія конституанта дала основнымъ вопросамъ общественнаго и государственнаго устройства. Во второй приведена оцѣнка, какую со стороны современниковъ заслужила эта учредительная дѣятельность, и изложенъ ходъ событій, заставившихъ депутатовъ подвергнуть новому пересмотру уже изданные ими основные законы. Принятіемъ конституціи 1791 года и закрытіемъ учредительнаго собранія заканчивается эта вторая и послѣдняя часть, такъ какъ дальнѣйшія событія представляютъ не естественный ходъ вновь созданной парламентской машины, а систематическое ея разрушеніе зародившейся еще въ эпоху конституанты и быстро умножившейся республиканской партіей.

Періодъ „законодательнаго собранія“ не можетъ служить эпилогомъ народной монархіи; онъ является начальной главою „республики и демократическаго цезаризма“.

Максимъ Ковалевскій.

17 іюня 1895 года.

ГЛАВА I.

Переходъ отъ сословнаго представительства къ народному.

§ 1.

Отъ современниковъ революціи, отъ людей, непосредственно участвовавшихъ въ томъ «возрожденіи Франціи», какое учредительное собраніе ставило себѣ цѣлью, не вполнѣ ускользала мысль, развитіе которой читатель нашелъ въ послѣдней главѣ перваго тома. Редактируя свои мемуары въ 1808 году, Малуэ— этотъ лучшій представитель партіи умѣренныхъ, окрещенной имъ названіемъ «безпристрастныхъ», (impartiaux) задается подобно намъ, вопросомъ: что помѣшало французамъ упрочить политическую свободу мирнымъ путемъ, путемъ взаимнаго соглашенія между правительствомъ и національнымъ собраніемъ? «Людовикъ XVI, говоритъ онъ, никогда не думалъ о возможности положить конецъ революціи иначе, какъ обнародованіемъ разумной и свободной конституціи. Несомнѣнно также, что къ подобной конституціи стремилось большинство въ собраніи и что въ самомъ меньшинствѣ, по меньшей мѣрѣ, половина депутатовъ раздѣляла то же желаніе. Почему же, несмотря на это единодушіе, несмотря на то, что вся нація и ея представители, король и его министры, умѣренные и крайніе, «безпристрастные» и «бѣшеные» одинаково желали свободы въ границахъ монархическаго устройства, это всеобщее желаніе не нашло осуществленія, и монархія принесена была въ жертву демократіи?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Малуэ говоритъ: «одно слово—равенство породило замѣшательство во всѣхъ умахъ и не нашлось чело-

вѣка, достаточно сильнаго, чтобы сдержать это равенство въ желательныхъ границахъ» [1]).

Такое заявленіе вполнѣ понятно въ устахъ человѣка, думавшаго, что представительство возможно только для собственниковъ, и что свобода не можетъ ужиться съ порядкомъ тамъ, гдѣ нѣтъ избирательнаго ценза [2]). Интересно поэтому отмѣтить, что и изъ противоположнаго Малуэ лагеря слышатся приблизительно тѣ же рѣчи.

Не съ соболѣзнованіемъ, а съ полнымъ сознаніемъ достигнутой побѣды, говоритъ Редереръ о французской революціи, какъ о порожденной преимущественно духомъ равенства. «Не знаю, пишетъ онъ въ 1831 году, признаютъ ли мое заявленіе похвалой французамъ или порицаніемъ, но истина или по крайней мѣрѣ то, что я считаю истиной, заставляетъ меня сказать, что всего ревнивѣе моя нація относится къ равенству; она ставитъ его выше свободы и собственности и понимаетъ его въ смыслѣ возможности для каждаго достигнуть того значенія и почета, право на которые даетъ заслуга». Это предпочтеніе, оказываемое французами равенству надъ свободой, проявилось съ особенной силой въ эпоху революціи. Недовольство сословными различіями и желаніе добиться равенства въ правахъ было ея господствующимъ мотивомъ. «То, что французская нація, говоритъ Редереръ, сдѣлала въ 89 году для упроченія свободы и собственности, было только послѣдствіемъ и выполненіемъ всего предпринятаго ею въ интересахъ равенства» [3]).

Иностранцы, имѣвшіе возможность всесторонняго и глубокаго изученія французской жизни въ эпоху учредительнаго собранія,

---

[1]) Mémoires de Malouet. 1774 г. (томъ II, стр. 123).

[2]) „Во всѣхъ политическихъ сообществахъ, говоритъ Малуэ въ письмѣ къ своимъ довѣрителямъ, существуетъ правящій классъ „classe dirigeante", взгляды котораго направляютъ общественное мнѣніе; этотъ классъ всегда малочисленъ, такъ какъ въ составъ его могутъ войти только люди, пользующіеся достаткомъ, образованіемъ и досугомъ, необходимымъ для того, чтобы предаться отвлеченному мышленію (Ibid., стр. 80). Одинъ этотъ классъ, по мнѣнію Малуэ, и долженъ быть допущенъ къ представительству (Ibid., стр. 87).

[3]) L'esprit de la révolution de 89 par Roederer (изд. 1831 г., стр. 7, 10).

въ одно слово утверждаютъ, что стремленіе къ равенству было преобладающимъ. Нельзя прочесть депешъ венеціанскаго посла Капелло или дневника американца Морриса безъ того, чтобы не вынести убѣжденія, что безъ отмѣны феодализма и связанныхъ съ нимъ привилегій, безъ распространенія на всѣхъ гражданъ права на занятіе общественныхъ должностей и обязанности платить налогъ, однимъ словомъ, безъ уравненія сословій передъ закономъ и судомъ, французы никогда бы не помирились съ существованіемъ самой даже либеральной конституціи. Моррисъ на каждомъ шагу высказываетъ удивленіе тому, что французами овладѣлъ, какъ онъ выражается, «республиканскій», точнѣе, демократическій духъ. Епископъ Аррасскій превозноситъ предъ нимъ преимущества американской конституціи и видитъ ея недостатки въ удержаніи нѣкоторыхъ чертъ англійскихъ аристократическихъ порядковъ. Въ салонахъ герцогини Тессе разговоры напоминаютъ тѣ, какіе ведутся въ Филадельфіи, и высказываются пожеланія, которыя въ глазахъ Морриса ни мало не отвѣчаютъ французскимъ условіямъ. Говоря о политическихъ возрѣніяхъ Лафайета, Моррисъ утверждаетъ, что они осуществимы только въ республикѣ, отнюдь не въ монархіи. «Молодые дворяне, замѣчаетъ онъ, развили въ себѣ какую-то вѣру въ естественное равенство людей; республиканизмъ сдѣлался своего рода нравственной инфлуэнцой» [1]).

«Если принципы, высказываемые среднимъ сословіемъ, одержатъ верхъ, спѣшитъ заявить Капелло, 19 января 1788 года, Франція неминуемо сдѣлается демократической державой». 15 іюля слѣдующаго года Капелло уже считаетъ свои пророчества осуществившимися. Взятіе Бастиліи въ его глазахъ является сигналомъ обращенія Франціи въ народную монархію. Будучи самъ сторонникомъ аристократическихъ порядковъ и направляя свои депеши на имя венеціанскаго сената и государственныхъ инквизиторовъ, онъ, очевидно, не можетъ отнестись къ зарождающимся порядкамъ иначе, какъ съ отрицаніемъ. Онъ видитъ въ нихъ источникъ анархіи и возможность будущаго разложенія

---

[1]) Diary and letters of Gouverneur Morris, стр. 33, 34, 35, 56, 58, (томъ I, изд. 1889 года).

Франціи [1]). Невѣроятная разнузданность, пишетъ онъ, 17 августа 89 года, первый результатъ «возрожденія націи на демократическихъ началахъ». Духъ равенства, нежеланіе повиноваться, вотъ что французы понимаютъ подъ свободой. Не даромъ же это слово неизмѣнно прикрывало собою всякія посягательства на законный порядокъ. И Катилина, ставъ во главѣ всѣхъ преступниковъ Рима, заявлялъ, что ратуетъ за свободу. Если бы понимать свободу такъ, какъ дѣлаютъ это французы, пришлось бы отказаться и отъ законовъ, и отъ арміи; пришлось бы помириться съ тою жизнью, какую разбойники ведутъ «въ лѣсахъ» [2]).

Въ «реляціи» о результатахъ своей миссіи, реляціи, прочитанной имъ въ засѣданіи венеціанскаго сената 2 декабря 1790 года, Капелло возлагаетъ всю отвѣтственность за недавнія событія на тѣ демократическіе принципы, выразителями которыхъ явились депутаты средняго сословія. «Но на этихъ принципахъ, говоритъ онъ,—построена была ими цѣлая доктрина,—доктрина, болѣе отвѣчающая требованіямъ метафизики, чѣмъ жизни. Самые пагубные выводы сдѣланы были изъ нея. Принципъ народнаго суверенитета,—принципъ, вѣрный по существу, но не примѣнимый на практикѣ, послужилъ основаніемъ къ заключенію, что всѣ люди абсолютно равны между собою. Но такое равенство не существуетъ даже въ природѣ, а чтобы провести его въ жизнь, надо предварительно все разрушить. Это именно и было сдѣлано: отмѣнены были сословія, всѣ виды корпоративнаго устройства, всѣ промежуточныя стадіи между правительствомъ и народомъ, все то, что, подобно кольцамъ одной цѣпи, связываетъ суверена съ подданными и подданныхъ съ сувереномъ. Эта химера общественнаго равенства произвела рѣшительное замѣшательство въ умахъ, разрушила дисциплину въ арміи и внесла неповиновеніе повсюду. Такъ какъ абсолютное равенство непримиримо съ существованіемъ дворянства, отмѣнили дворянство; а такъ какъ монархія немыслима безъ дворянства, то

---

[1]) „Il pin bel regnod' Europa, пишетъ онъ 27 октября 1789 г., è in una spezie di dissoluzione“.

[2]) Депеша 31 августа 1789 года.

уничтожили также и монархію. На мѣсто ея установили какую-то королевскую демократію, т. е. образъ правленія, не имѣющій имени. Онъ, пожалуй, былъ бы возможенъ въ небольшомъ городѣ или округѣ, но ужъ никакъ не въ государствѣ, имѣющемъ 24 милліона подданныхъ» [1]).

Только широкимъ преобладаніемъ во французской революціи этой нивелирующей тенденціи объясняется то отрицательное отношеніе, въ какое становятся къ ней даже горячіе приверженцы политической свободы въ Англіи. Я разумѣю не одного Борка, враждебность котораго къ принципамъ 89 года слишкомъ хорошо извѣстна. Я имѣю въ виду также такихъ болѣе свободно относящихся къ нимъ умовъ, какъ дипломатъ и публицистъ Милесъ, искавшій наравнѣ съ Моррисомъ чести быть принятымъ въ среду якобинскаго клуба и возлагавшій, по собственному утвержденію, большія надежды на то, что съ революціей падетъ власть «мелкихъ деспотовъ, угнетавшихъ собою Германію, и воцарится повсюду торжество свободы и справедливости». Но тотъ самый Милесъ, который въ письмѣ къ герцогу Аренбергскому не скрываетъ своего увлеченія революціей, называя ее на своемъ невозможномъ французскомъ языкѣ «премилой вещью» (une charmante chose), въ то же время жалуется, что *дикій духъ демократіи* овладѣлъ націей и что, благодаря ему, король, дворянство и духовенство преданы на растерзаніе и угнетеніе [2]). Другой англичанинъ, Сомерсъ, не менѣе рѣшительно заявляетъ, что руководящій дѣятелями 89 года мотивъ — уравнять всѣхъ людей нелѣпъ, такъ какъ при немъ немыслимо никакое правительство [3]).

§ 2.

Борьба старыхъ идей съ новыми, гражданскаго равенства съ сословностью началась еще за нѣсколько лѣтъ до созыва гене-

---

[1]) Roccolta cronologico-ragionata di documenti inediti, che formano la storia diplomatica della caduta della Republica di Venezia, tomo primo, Augusta 1790, стр. 36.

[2]) Miles to Henry Iames Pye, Paris January 5, 1791 (Correspondence of W. A. Miles on the french revolition, т. I, стр. 124.

[3]) The idea of putting all persons upon an equality can never do. (Ibid., т. I, стр. 139).

ральныхъ штатовъ. Первою ареною ея были созданныя Неккеромъ провинціальныя собранія. Въ Дофинэ привилегированные и непривилегированные сошлись въ убѣжденіи, что основу народнаго представительства должна составить собственность, а не происхожденіе. Эта провинція, наряду съ Берри, Верхней Гвіеной и Нижней Нормандіей, поставила образцы того новаго порядка, упроченіемъ котораго вскорѣ задались депутаты буржуазіи; я разумѣю двойное представительство средняго сословія и поголовный счетъ голосовъ. Позднѣе, когда на очередь выступилъ вопросъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ, наказы Дофинэ связали депутатовъ обязательствомъ не соглашаться на другой порядокъ преній и голосованія, кромѣ того, какого держалось мѣстное собраніе провинціи [1]).

Совмѣстное засѣданіе сословій далеко не являлось повсюду нововведеніемъ. Оно издревле существовало въ Лангедокѣ. Здѣсь, по словамъ Лаверня, всѣ сословія сходились въ одномъ залѣ, и голосъ каждаго депутата считался въ отдѣльности. Абсолютное большинство имѣло рѣшающее значеніе; а такъ какъ среднее сословіе насчитывало столько же депутатовъ, сколько два высшія, то его вліянію, повидимому, обезпеченъ былъ перевѣсъ [2]). Правда, его преобладаніе было только кажущимся, такъ какъ представителями буржуазіи на штатахъ являлись муниципальныя власти, покупавшія должности у правительства, надѣляемыя взамѣнъ правами личными или наслѣдственными и нерѣдко передававшія дѣтямъ за-одно со своими функціями и сословныя преимущества. Одинъ изъ будущихъ вожаковъ контръ революціи, графъ D'Антрегъ, въ мемуарѣ, посвященномъ критикѣ личнаго состава провинціальныхъ штатовъ Лангедока, указываетъ въ числѣ другихъ и эту характерную особенность ихъ внутренняго устройства; послѣдствіемъ ея, говоритъ онъ, является «тиранія привилегированныхъ» [3]).

---

[1]) Chérest. La chute de l'ancien régime v. II, стр. 382.

[2]) См. «Les assemblées provinciales» sous Louis, par de Lavergne. XVI. Стр. 397.

[3]) Mémoire sur la constitution des Etats de la province de Languedoc, et sur le danger qui menace la liberté publique, quand les provinces sont régies par des Etats inconstitutionnels. par M-r le comte d'An-

Тѣ же недостатки въ представительствѣ средняго сословія мы находимъ и на провинціальныхъ штатахъ Прованса. Они послужили основаніемъ для той демократической агитаціи, которая сразу сдѣлала изъ Мирабо популярнѣйшаго народнаго трибуна. Нападая на нихъ, будущій депутатъ отъ Экса признавалъ необходимымъ требованіемъ правильнаго устройства представительства распространеніе его безразлично на всѣхъ жителей или по крайней мѣрѣ на всѣхъ собственниковъ; онъ настаивалъ также на равномѣрности въ распредѣленіи его между округами,—равномѣрности, предполагающей за каждымъ не только одинаковое число голосовъ, но и равенство вліянія и власти; его удовлетворяло только двойное представительство средняго сословія, другими словами—принадлежность буржуазіи числа голосовъ, одинаковаго съ тѣмъ, какимъ пользуются совмѣстно оба высшія сословія [1]).

Въ Бретани еще болѣе рѣзкое владычество дворянъ на штатахъ дало Волнэ поводъ развивать въ своей газетѣ «La sentinelle du peuple» мысль о необходимости послѣдовать примѣру Дофинэ, потребовать, подобно ему, соединеннаго засѣданія сословій и предоставленія среднему по меньшей мѣрѣ половины голосовъ [2]).

Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ провинціяхъ, которымъ, несмотря на успѣхи абсолютизма, удалось сохранить въ большей или меньшей неприкосновенности свое исконное самоуправленіе, общественное мнѣніе высказывалось въ пользу возможнаго расширенія правъ средняго сословія и требовало, чтобы вліяніе

---

traigues. «Le tiers, composé des maires et consuls de quelques villes, et des syndics de quelques diocèse, ne peut se croire le représentant du peuple, puisque, lorsque, le roi vendit les mairies, attacha au droit de ces places, celui d'assister aux états», стр. 6.

[1]) Chérest, т. II, стр. 327.

[2]) Среднее сословіе не имѣло въ штатахъ Бретани другихъ представителей, кромѣ муниципальныхъ властей, должности которыхъ издавна объявлены были продажными. Приходское духовенство не назначало отъ себя депутатовъ; голоса отбирались по сословіямъ. Во всѣхъ вопросахъ, не касавшихся обложенія, согласіе дворянства и духовенства имѣло рѣшающее значеніе (Histoire de la Révolution de 1789 par deux amis de la liberté). Томъ I, стр. 115.

привилегированныхъ уравновѣшено было двойнымъ представительствомъ буржуазіи и поголовнымъ счетомъ голосовъ.

Въ тотъ моментъ, когда французская нація была призвана къ производству выборовъ въ генеральные штаты и къ составленію наказовъ, двойное представительство средняго сословія сдѣлалось, по крайней мѣрѣ въ глазахъ большинства, своего рода политическимъ труизмомъ. Многіе избирательные округа включили его въ число своихъ требованій, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о сочувствіи, съ какимъ встрѣчено было проведенное Неккеромъ [1]) рѣшеніе распространить эти порядки провинціальнаго представительства и на генеральные штаты. Венеціанскій посолъ, Антоніо Капелло, въ своихъ депешахъ вѣрно передалъ современное настроеніе, говоря, что судьба будущихъ штатовъ и всего королевства зависитъ не отъ одного лишь двойного числа голосовъ буржуазіи, но и отъ того, будетъ ли она представлена лицами, взятыми изъ собственной среды, или же въ равной мѣрѣ дворянами и духовными, какъ это имѣло мѣсто въ 1614 году.

Необходимо, думаетъ онъ, связать среднее сословіе въ собственныхъ его интересахъ обязательствомъ не назначать депутатами привилегированныхъ. Но еще большее значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, будутъ ли сословія засѣдать совмѣстно или врозь, и будутъ ли голоса отбираться поголовно, или по сословіямъ. Капелло выражаетъ общее многимъ убѣжденіе, говоря, что отъ того или другаго рѣшенія зависитъ «возрожденіе или окончательный упадокъ тѣхъ феодальныхъ порядковъ, съ которыми такъ успѣшно боролся еще кардиналъ Ришелье» [2]). За

---

[1]) См. Jules Flammermont. Le second ministére de Necker, Revue historique dirigée par G. Monod, Mai—Aout 1891, p. 33. Барантенъ настаивалъ на сохраненіи порядковъ 1614. Онъ соглашался только на увеличеніе числа депутатовъ отъ большихъ городовъ, что дало бы среднему сословію представительство въ 400 или 450 человѣкъ. Неккеръ сталъ грозить отставкой. Вмѣшательство королевы все уладило. Въ ея присутствіи рѣшено было дать среднему сословію двойное число депутатовъ и предоставить самимъ сословіямъ рѣшеніе вопроса о порядкѣ голосованія.

[2]) См. въ приложеніи болѣе подробную передачу его депеши отъ 22 декабря 1788 года. Мирабо высказывалъ ту же мысль въ письмѣ къ Мо-

одно съ французскими патріотами, онъ ожидаетъ отъ правительства рѣшительнаго шага въ ту или другую сторону, и его разочарованіе такъ же искренно и такъ же оправдывается дальнѣйшимъ ходомъ событій, какъ и разочарованіе Малуэ, Мирабо или Ривароля, при видѣ, что Неккеръ и руководимое имъ министерство не подымаютъ вопроса о порядкѣ преній и голосованій, предоставляя иниціативу въ этомъ дѣлѣ сословіямъ.

Другой очевидецъ, тайный корреспондентъ польскаго двора, указываетъ намъ на дѣйствительную причину правительственнаго невмѣшательства, говоря, что дворъ одинаково недоволенъ и дворянствомъ, и духовенствомъ, и парламентомъ, и среднимъ сословіемъ [1]).

Личный секретарь Маріи-Антуанеты, Ожаръ, въ отвѣтѣ на замѣчаніе, что при поголовномъ счетѣ голосовъ послѣдуетъ неминуемая гибель высшихъ сословій, выслушалъ изъ устъ королевы слѣдующее заявленіе: «Дворянство и духовенство во многомъ виновны передъ нами, они покинули насъ въ минуту нужды, слѣдуя въ этомъ примѣру парламента» [2]).

Пассивное отношеніе правительства разно объясняется современниками. Одни, подобно американскому послу Джеферсону или австрійскому графу Мерси Аржанто, видятъ источникъ его въ томъ, что министерство боится возстановить противъ себя буржу-

---

вильону отъ 8 ноября того же года: „que les états de 1614 soient adoptés, nous redevenons autant qu'il est en nous un peuple féodal". (Charles de Loménie. Les préliminaires de la séance royale de 23 Juin 1789 въ Annales de l'école des sciences politiques, 1890, стр. 105).

[1]) La cour n'est contente ni des nobles, ni du clergé, ni du Parlement, ni du tiers-état. „Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792, lettre du 15 avril 1789. Versailles. T. II.

[2]) Mémoires secrets d'Augeard, стр. 190. Одно характерное свидѣтельство можно найти въ мемуарахъ Bouillé. Въ отвѣтъ на сдѣланное имъ замѣчаніе о необходимости задушить въ корнѣ начавшуюся въ Бретани борьбу средняго сословія съ привилегированными, Буйе получилъ отъ министра Монморена слѣдующій отвѣтъ: „Le roi est trop mécontent de la noblesse et du parlement de Bretagne pour les protéger contre la bourgeoisie, justement irritée de leur insolence et de leurs vexations; qu'ils s'arrangent entre eux, mais le gouvernement ne s'en mêlera pas". (Mémoires du Marquis de Bouillé publ. par Berville et Barrière, стр. 71).

азію, такъ какъ, только благодаря ея поддержкѣ, возможно задуманное имъ обложеніе высшихъ сословій налогомъ. Изъ народа, пишетъ Джеферсонъ, выдавлены всѣ соки; волей-неволей приходится наложить руку на имущество дворянъ и церкви, но для этого правительству необходимо имѣть на своей сторонѣ среднее сословіе [1]). «Неккеръ, заявляетъ въ свою очередь Мерси, ищетъ въ угодливости буржуазіи и въ достигаемой этимъ путемъ популярности средства добыть денегъ. Единственная цѣль этого министра—обезпечить государству необходимый доходъ для покрытія неотложныхъ издержекъ» [2]).

Попадаются и менѣе благопріятныя правительству толкованія. Тайный корреспондентъ польскаго двора не отступаетъ, напр., передъ мыслью, что правительство не прочь породить между сословіями несогласія и столкновенія, вызвать скандалы, «въ самый разгаръ которыхъ ему пожалуй удастся внезапно опустить занавѣсъ, съ цѣлью предотвратить трагическую развязку» [3]).

Какъ бы то ни было, но упорное молчаніе Неккера въ день открытія штатовъ на счетъ порядка преній и голосованія, въ связи съ намеками на необходимость воздержаться отъ немедленнаго рѣшенія въ желательномъ для буржуазіи смыслѣ и тѣмъ избѣжать разлада сословій [4]), вызвали въ рядахъ большинства съ трудомъ сдерживаемое недовольство.

Современники въ одно слово говорятъ о томъ ужасномъ впе-

---

[1]) Jefferson's Writings, т. II. Письмо къ Вашингтону, Мадиссону и др. осенью 1788 года.

[2]) Письмо Мерси къ Іосифу II, 22-го февраля 1789 года. „Correspondance secrète du comte Mercy Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le prince de Kaunitz“, т. II, стр. 223.

[3]) De Lescure. Correspondance secrète, т. II, письмо отъ 1-го марта 1789 г., стр. 334.

[4]) „Tout annonce que si une partie de cette assemblée demandait que la première de vos déterminations fût un voeu pour délibérer par tête sur tous les objets qui seront soumis à votre examen, il resulterait de cette tentative, si elle était obstinée, une scission telle, que la marche des Etats Généraux serait arrêtée ou longtemps suspendue, et l'on ne peut prévoir quelle serait la suite d'une semblable division“. Archives parlementaires, т. VIII, стр. 24. Рѣчь Неккера при открытіи штатовъ въ Версалѣ.

чатлѣніи, какое произвели на присутствующихъ эти заявленія. Австрійскій посолъ доводитъ до свѣдѣнія своего государя, что рѣчь Неккера «вызвала порицаніе и ропотъ» даже въ рядахъ средняго сословія, которое все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что его требованія далеко не находятъ полнаго признанія въ правительственныхъ кругахъ [1]). Министерство,—пишетъ три недѣли спустя тотъ же Мерси,—дѣлаетъ непростительную ошибку, пребывая въ томъ «летаргическомъ снѣ, въ какое оно впало по собственной волѣ» [2]).

Никто строже Мирабо не относился къ этому ничѣмъ не оправдываемому невмѣшательству; въ его глазахъ оно неминуемо должно было повесть къ гибели самой монархіи. Чтобы спасти ее, говорилъ онъ Ла-Марку, необходимо, имѣть опредѣленный планъ, цѣльную правительственную программу. Въ письмахъ къ Мовіону и Монморену онъ возвращается къ той же мысли—оставить сословіямъ свободу согласиться между собою, голосовать совмѣстно или врознь, проводить недѣли и мѣсяцы въ безплодныхъ препирательствахъ, только усиливающихъ общественную рознь, кажется ему верхомъ безумія. Вмѣсто того, чтобы оттягивать созваніе штатовъ, пишетъ онъ въ декабрѣ 88 года, министерству слѣдовало остановиться на мѣрахъ, которыя бы сдѣлали контроль представителей не только безопаснымъ, но даже весьма желательнымъ для правительства. Если бы въ рядахъ его нашелся хоть одинъ ловкій государственный дѣятель, короля убѣдили бы высказаться въ пользу народныхъ притязаній. Его поведеніе не заставляло бы, какъ теперь, предугадывать въ немъ противника средняго сословія [3]).

При болѣе внимательномъ отношеніи къ тому, что происходило на выборахъ, Людовику XVI и его совѣтникамъ, не трудно было бы въ самомъ дѣлѣ вывести то заключеніе, что среднее сословіе не помирится съ иными порядками голосованія, кромѣ тѣхъ, которые гарантируютъ ему по меньшей мѣрѣ равенство вліянія съ высшими. Не въ одномъ Дофинэ выставлено было

---

1) Письмо отъ 10 марта 89 г., стр. 39.

2) Ibid., стр. 248.

3) См. переп. Мирабо съ гр. Ла-Маркомъ, изданіе Бакура, т I, стр. 93, 341, 350.

требованіе, чтобы депутаты буржуазіи не иначе участвовали въ собраніяхъ, какъ засѣдая рядомъ съ дворянами и духовными. То же стремленіе покончить съ сословной организаціей народнаго представительства сказывалось и въ такихъ, напр., кайе, какъ наказъ города Анжэ, объявлявшій, что впредь не должно существовать самого термина «среднее сословіе», и депутаты буржуазіи будутъ называть себя депутатами отъ общинъ [1]).

На парижскихъ выборахъ особенно наглядно сказалось это стремленіе къ всесословности, стремленіе, которому, казалось, не вполнѣ чуждо и меньшинство дворянства. Будущій депутатъ отъ Парижа, Бальи, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ собраніемъ избирателей отъ буржуазіи, было предписать повѣрку выборовъ совмѣстно всѣми сословіями [2]). Бальи утверждаетъ, что подобное рѣшеніе не встрѣчало противодѣйствія въ средѣ парижскаго дворянства, которое въ это время высказывалось въ пользу соединенія сословій [3]).

Солидарность сословій столицы проявлялась и во взаимномъ обмѣнѣ наказами, и въ обращенномъ дворянствомъ къ среднему сословію приглашеніи замѣнить индивидуальный выборъ депутатовъ выборомъ по спискамъ, и въ рѣшеніи буржуазіи не обходить избраніемъ членовъ двухъ высшихъ сословій, рѣшеніи, благодаря которому Сіейсъ сдѣлался депутатомъ отъ Парижа.

Если желаніе большинства націи не было принято въ расчетъ, если правительство отказалось отъ первоначальнаго рѣшенія не вмѣшиваться во внутренніе распорядки штатовъ только для того, чтобы настоять на сохраненіи сословной обособленности: то причина тому лежитъ въ той поддержкѣ, какую аристократическія притязанія нашли у самаго подножія престола. Въ ихъ пользу высказывались не только принцы крови, которые, за исключеніемъ старшаго брата короля (Monsieur) и герцога Орлеанскаго, ходатайствовали о сохраненіи регламентовъ 1614 г.,

---

[1]) Résumé des cahiers, т. III, стр. 28.

[2]) Mémoires de Bailly, jeudi, 23 avril, стр. 15 и 36.

[3]) Ibid., стр. 25. J'avoue que mon avis était alors pour la réunion: il faut rendre justice à la noblesse de Paris, elle la désirait, et si toute la noblesse de France avait eu les mêmes sentiments, la révolution qui ne s'en serait pas moins opérée, aurait eu une autre forme.

но и въ хранителѣ печати Барантэнъ, тайно руководившемъ той реакціей, которой удалось добиться отставки Неккера и производства coup d'état 23 іюня 89 г. Дѣйствуя совмѣстно, они поспѣшили заручиться поддержкой королевы, благодаря посредничеству близкой къ ней семьи Полиньяковъ и личному вмѣшательству графа Артуа, вѣрнаго друга дворянства, едва не принявшаго на себя званіе одного изъ его депутатовъ и отклонившаго эту честь только по настояніямъ короля. Этимъ политическимъ союзникамъ не трудно было забрать въ свои руки слабохарактернаго Людовика XVI. 4-го іюня 89 года, Мерси Аржанто уже пишетъ: «король на сторонѣ духовенства и дворянства» [1]), и ту же мысль развиваетъ двумя недѣлями раньше Мирабо, замѣчая въ письмѣ къ маіору Мовильону: «что касается до повелителя, то онъ весь на сторонѣ магнатовъ» [2]).

Вотъ въ какихъ условіяхъ открылись первыя засѣданія собранныхъ въ Версалѣ сословныхъ представителей.

Далеко не всѣмъ изъ нихъ было извѣстно дѣйствительное отношеніе главы государства къ привилегированнымъ. Этимъ объясняется, почему, по словамъ Бертрана де-Молевиля, депутаты бретонской буржуазіи искали сближенія съ правительствомъ въ надеждѣ найти въ немъ оплотъ противъ дворянства. Самъ Мирабо, несмотря на ясное пониманіе характера дѣйствующихъ лицъ и тайныхъ ихъ цѣлей, надѣялся еще вовлечь Неккера въ болѣе рѣшительную поддержку выставленной среднимъ сословіемъ программы. Одна неподатливость министра заставила его рѣзко прервать уже начатые съ нимъ переговоры [3]). Предоставленные самимъ себѣ, сословія упорствовали, одни въ отстаиваніи «неразрывно связанной съ старинной конституціей обособленности»,

[1]) Стр. 248.

[2]) Lettres de Mirabeau au major de Mauvillon, стр. 463.

[3]) Подробности объ этомъ можно найти въ мемуарахъ Малуэ. Добившись, при его посредничествѣ, свиданія съ министромъ, Мирабо при встрѣчѣ сказалъ ему: меня увѣрили, что вы поняли и одобрили мотивы, побудившіе меня къ личному объясненію. «Малуэ, отвѣтилъ Неккеръ, сообщилъ мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать мнѣ какія-то предложенія. Въ чемъ состоятъ они?» — Мои предложенія сводятся къ одному, отвѣтилъ обиженный депутатъ, къ пожеланію вамъ добраго утра (Ma proposition est de vous souhaiter le bonjour), т. I. стр. 282.

другіе въ обезпеченіи «отвѣчающей разуму и естественному праву» всесословности. Чтеніе протоколовъ ихъ засѣданій вызываетъ въ умѣ представленіе о большей принципіальности дворянства и относительной податливости болѣе, чѣмъ на половину составленной изъ буржуазіи церковной камеры. Вотъ въ какихъ, напр., словахъ передаетъ дворянство свою увѣренность, что совмѣстная повѣрка избирательныхъ полномочій неизбѣжно поведетъ къ нарушенію вѣками созданныхъ устоевъ. Одинъ изъ его коммиссаровъ, уже извѣстный намъ графъ Д'Антрегъ, не только приводитъ въ пользу раздѣльности сословій рядъ историческихъ прецедентовъ, не только ссылается на обязательный характеръ данныхъ депутатамъ полномочій, но и старается выгородить свой консерватизмъ отъ упрека, что подъ нимъ скрывается желаніе сохранить податныя изъятія и привилегіи. Сторонникъ Руссо, онъ ищетъ въ ученіи Монтескье теоретическихъ основъ для защищаемыхъ имъ взглядовъ. Между королемъ и собраніемъ народныхъ представителей, разсуждаетъ онъ, по самой природѣ вещей, должно существовать соперничество. Оно выродилось бы въ тиранію одного изъ нихъ или, наоборотъ, анархію, если бы противниковъ не раздѣляли посредствующія власти. Онѣ одни въ состояніи образовать преграду всякимъ новшествамъ, предотвратить возможность всякихъ захватовъ и обезпечить прочность и незыблимость законовъ и учрежденій. Такими именно посредствующими органами являются самостоятельныя собранія высшихъ сословій. На что жалуются противники абсолютизма, какъ не на то, что при немъ власть монарха не находитъ нужнаго противовѣса во власти націи. Но что предлагаютъ намъ для его созданія: ни больше, ни меньше, какъ установленіе власти еще болѣе сильной и ужасающей,—власти единаго нераздѣльнаго собранія, обуреваемаго всѣми страстями, податливаго на раздраженіе, жаждущаго упрочить свое владычество на правѣ сильнаго,—правѣ, которому нѣтъ границъ [1]).

Сколько ни старается ораторъ замаскировать скрытыя побужденія дворянства ссылками на историческое право и требованія политической теоріи, но дѣйствительный мотивъ того консерва-

---

[1]) Archives parlementaires, т. I, стр. 54.

тизма, какое высшее сословіе обнаруживаетъ въ отстаиваніи пережившихъ себя порядковъ, внезапно проглядываетъ во фразахъ въ родѣ слѣдующей: законъ, который хотятъ отмѣнить и который является одной изъ основъ конституціи, служитъ лучшей гарантіей для собственности. Никакой декретъ, исходящій отъ средняго сословія, не можетъ обезпечить ее намъ въ равной мѣрѣ, такъ какъ при единствѣ власти въ государствѣ и возможности отмѣнить прежнее рѣшеніе собранія новымъ, нѣтъ основанія считать подобный декретъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ [1]).

Въ отвѣтъ на такія заявленія меньшинству дворянства, благопріятному сліянію съ среднимъ сословіемъ, оставалось только настаивать на томъ, что задача штатовъ—не столько упрочить старую, сколько создать новую конституцію. А если такъ, то «вето» дворянской камеры является ненужнымъ препятствіемъ къ дѣлу политическаго возрожденія Франціи. Какъ учредительное, а не просто законодательное, настоящее собраніе должно быть свободно отъ подобнаго тормоза, а для этого необходимо совмѣстное обсужденіе и поголовный счетъ голосовъ. Эту именно мысль высказываетъ графъ Крилліонъ въ первомъ же засѣданіи дворянской камеры, 6-го мая 89 года [2]). Еще обстоятельнѣе развиваетъ ее нѣсколько времени спустя Лалли-Толендаль. Этому депутату безъ труда удается установить тотъ фактъ, что пресловутая конституція, которую на словахъ желали бы сохранить депутаты отъ дворянства, на самомъ дѣлѣ далеко не отвѣчаетъ даже ихъ политическимъ идеаламъ. Нерѣдко, говоритъ Лалли-Толендаль, осуждаютъ тѣхъ, кто высказываетъ сомнѣніе на счетъ самаго существованія во Франціи конституціи, но какъ не сознаться, что у насъ нѣтъ закона, которымъ бы генеральные штаты признавались участниками суверенитета. Нѣтъ закона, устанавливающаго періодичность ихъ созыва, гарантирующаго свободу личности отъ произвольныхъ посягательствъ и свободу печати. Не признается даже необходимость нашего согласія на налогъ, и за послѣднія два столѣтія мы обложены были поборами въ триста или четыреста милліоновъ, помимо всякаго участія съ

[1]) Ibid., стр. 53.

[2]) Archives Parlementaires, 1-ère série, т. VIII, стр. 28.

нашей стороны. Нѣтъ также закона, объявляющаго отвѣтственность министровъ; виновники жесточайшаго произвола, расточители казны, нарушители святыни правосудія, не были призваны къ отвѣту и не понесли заслуженной кары. Гдѣ, наконецъ, та грамота, тотъ національный и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій актъ, та великая хартія, на которой бы опирался неизмѣнный порядокъ государственнаго устройства, изъ котораго бы каждый могъ узнать, въ какой мѣрѣ онъ долженъ пожертвовать личной независимостью и частной собственностью, чтобы добиться обезпеченія прочихъ свободъ, хартіи, въ которой бы всѣ частные интересы и всѣ власти нашли точное обозначеніе своихъ границъ. Согласитесь же въ необходимости нѣкотораго снисхожденія къ тѣмъ, кто позволяетъ себѣ сомнѣваться въ существованіи французской конституціи. Откажемся лучше отъ этого призрака и замѣнимъ его дѣйствительностью [1]). И Лалли-Толендаль ясно видитъ, подобно Д'Антрегу, что причиной, по которой дворянство не хочетъ согласиться на повѣрку выборовъ сообща, является опасеніе, какъ бы совмѣстное засѣданіе сословій не повело къ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, этого особаго вида дворянской собственности. Слѣдуя примѣру Д'Антрега, онъ требуетъ отъ средняго сословія торжественнаго признанія «неприкосновенности почетныхъ привилегій и сеньоріальныхъ правъ» въ обмѣнъ на обязательство платить падающій на всѣ сословія налогъ [2]).

§ 3.

Что поражаетъ насъ въ положеніи, занятомъ на штатахъ депутатами отъ дворянства, это рѣшительное противорѣчіе его съ тѣми взглядами, какихъ въ теченіе всего XVIII вѣка и въ особенности въ послѣднее царствованіе держались его любимые писатели. Никто не заподозритъ, разумѣется, Монтескьё въ систе-

---

[1]) Convenez au moins qu'on peut accorder quelque indulgence à ceux qui ne peuvent se préserver de quelque doute sur l'existence de la nôtre. Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 108.

[2]) Que l'un souscrive à l'égalité entière de répartition de tous les subsides, et que l'autre reconnaisse l'inviolabilité de tous les privilèges honorifiques et droits seignieuriaux. Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 57.

матической враждебности къ дворянству, а между тѣмъ этотъ писатель рѣшительно возстаетъ противъ мысли дать всему дворянству, какъ таковому, особое представительство въ государствѣ; не даромъ ссылается онъ такъ охотно на примѣръ превозносимой имъ Англіи, верхняя палата которой составлена не изъ выборныхъ отъ дворянства, а изъ высшихъ чиновъ церковной іерархіи, старшихъ представителей немногихъ аристократическихъ родовъ и лицъ, надѣленныхъ наслѣдственной пэріей по королевскому выбору.

Тотъ же Монтескье сознается, что онъ «не дорожитъ особо сословными привилегіями духовенства» [1]). Едва ли нужно доказывать, что энциклопедисты, вліянія которыхъ не избѣжало и дворянство, были рѣшительными противниками дальнѣйшаго удержанія сословныхъ привилегій, сословныхъ изъятій и сословнаго представительства, или чтобы Руссо и Мабли были виновны, хотя косвенно, въ поддержкѣ отвѣчающихъ имъ порядковъ. О вліяніи, какое «просвѣтительная философія», прошлаго столѣтія произвела въ этомъ отношеніи на членовъ высшихъ сословій, можно судить хотя бы по тому, что ея взгляды сплошь и рядомъ воспроизводятся въ ихъ письмахъ и рѣчахъ. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ одинъ священникъ въ Греноблѣ говоритъ въ своей корреспонденціи съ Мунье о жалобахъ, какія вызываютъ чрезмѣрныя богатства церкви и внутреннія нестроенія духовнаго сословія. «Постоянно озабоченные реформами и устройствомъ общественнаго благополучія, не найдете ли вы нужнымъ заняться нами; не полагаете ли вы, что члены духовенства, слишкомъ могущественны, слишкомъ богаты и слишкомъ часто подаютъ поводъ къ скандалу. Утративши первичный духъ христіанства, благодаря легкости, съ которой блага жизни становятся намъ доступны, мы точно забыли, что Евангеліе удѣляетъ лишь скромное мѣсто въ царствіи небесномъ тому, кто присвоилъ себѣ слишкомъ видное мѣсто въ царствіи земномъ. Пренебрегая ученіемъ Христа, мы видимъ въ тѣхъ почестяхъ, какія оказываются религіи и въ тѣхъ благахъ, какими надѣляется церковь, только средство къ личному возвеличенію. Какой соб-

---

[1]) Je ne suis point entêté des privilèges des ecclesiastiques.

лазнъ представляетъ для всякаго добродѣтельнаго и честнаго гражданина наше равнодушіе къ дѣйствительнымъ интересамъ христіанства, наше наглое великолѣпіе, непомѣрная расточительность, какую мы обнаруживаемъ въ распоряженіи землями и имуществами, неизмѣнно выдаваемыми нами за достояніе бѣдныхъ...» [1]).

Что въ рядахъ дворянства существовали однохарактерныя возрѣнія на невозможность поддержать благовидными доводами устарѣлыя привилегіи,—на это указываетъ уже упомянутый выше фактъ широкаго господства въ его средѣ демократическихъ принциповъ, частью вынесенныхъ изъ Америки, частью заимствованныхъ у популярнѣйшихъ публицистовъ вѣка. Такимъ образомъ, все давало поводъ думать, что собранные на штаты представители высшихъ сословій обнаружатъ значительную податливость по отношенію къ среднему и добровольно откажутся отъ защиты давно осужденныхъ общественнымъ мнѣніемъ привилегій. Между тѣмъ съ самаго открытія штатовъ дворянство обнаружило поразительную косность въ защитѣ этихъ самыхъ преимуществъ. «Когда, — разсказываетъ одинъ изъ членовъ дворянской камеры, Александръ Ламетъ,—въ нашей средѣ поставленъ былъ вопросъ объ отказѣ отъ податныхъ изъятій, и большинство уже готово было высказаться на этотъ счетъ въ утвердительномъ смыслѣ, Лекармантье-де-Шалуэ, членъ парламента въ Руанѣ, внезапно потребовалъ голоса и съ большой горячностью сталъ доказывать, что подобное новшество возможно только при совершенномъ непониманіи правъ дворянства. Разъ дворянство будетъ призвано къ платежу налоговъ наравнѣ съ среднимъ сословіемъ, оно тѣмъ самымъ перестанетъ существовать. Оно немыслимо безъ привилегій,—въ привилегіяхъ лежитъ его жизненная сила». Послѣ долгихъ преній принято было предложеніе д'Эпремениля объявить, что дворянство ждетъ момента выработки новой конституціи сословными камерами для того, чтобы заявить согласный съ его полномочіями отказъ отъ податныхъ изъятій [2]). Такимъ образомъ оправдалось пророчество

[1]) Письмо помѣчено Греноблемъ 15 декабря 1788 года. Autour d'une révolution par le comte d'Herisson (изд. 1888, стр. 3).

[2]) Ferriéres, Mémoires, t. I, стр. 42.

уже цитированнаго нами гренобльскаго священника, писавшаго Мунье, что, какъ ни слабо въ членахъ высшихъ сословій сознаніе правоты ихъ привилегій, каждое, дѣйствуя какъ цѣлое, способно еще обнаружить отпоръ всякому проекту ихъ упраздненія. Недавно опубликованныя письма одного изъ депутатовъ марсельскаго дворянства къ маркизу Креки знакомятъ насъ съ тѣмъ настроеніемъ, въ какое приведены были представители высшихъ сословій на штатахъ благодаря быстрымъ успѣхамъ средняго. 13-го мая 89 года анонимный корреспондентъ, сообщая о томъ, что буржуазія хочетъ поголовнаго счета голосовъ и что Неккеръ на ея сторонѣ (?), прибавляетъ: «хотя министръ и подвергается открытымъ нападкамъ со стороны Мирабо, хотя эти два мерзавца (gueux) повидимому ссорятся между собою; но на самомъ дѣлѣ они идутъ рука въ руку». Недѣли три спустя, говоря объ обѣдѣ у Неккера, на которомъ присутствовало до двадцати депутатовъ отъ общинъ «изъ числа самыхъ бѣшеныхъ», то же лицо съ негодованіемъ передаетъ: «они не разъ заявляли членамъ отъ дворянства, что конференціи коммиссаровъ, назначенныхъ отъ средняго сословія для переговоровъ съ высшими, ведутся только для виду и что они ни на единую іоту не отступятъ отъ своихъ притязаній. Поголовный счетъ голосовъ обязателенъ, по ихъ словамъ, потому, что среднее сословіе одно составляетъ націю: къ чему бы послужило двойное представительство его, при отдѣльномъ засѣданіи сословій. Вздумай только король распустить штаты силой, они, по возвращеніи въ свои провинціи, добьются прекращенія дальнѣйшаго платежа налоговъ и провозглашенія банкротства. Неккеръ поддерживаетъ ихъ и стремится къ низверженію монархическаго строя». Дворянство, значится въ письмѣ отъ 18 іюня, въ неслыханномъ возбужденіи (dans une fermentation incroyable); оно ждетъ минуты, когда придется обнажить шпагу. Имѣется намѣреніе поднять на него простонародье и вырѣзать поголовно его представителей. Слухами объ этомъ стараются запугать кого слѣдуетъ и вызвать присоединеніе къ среднему сословію. Неккеръ готовъ принесть дворянство въ жертву. 23-го іюня генеральныя штаты кажутся корреспонденту какимъ-то «разбойничьимъ притономъ», въ которомъ хотятъ покончить и съ монархіей и съ дворян-

ствомъ. Среднее сословіе, подобно деспоту, рѣшаетъ все собственной властью [1]).

Одновременно другой сторонникъ дворянства, по словамъ герцога Карса, уподоблялъ камеру средняго сословія «pandémonium Мильтона», пророчилъ ей судьбу долгаго парламента и затруднялся только въ рѣшеніи вопроса, кому суждено будетъ играть при ней роль Кромвеля [2]).

Депутаты отъ дворянства опасались сдѣлаться жертвой новой Варѳоломеевской ночи. «Среднее сословіе, утверждали они, не скрываетъ болѣе своего намѣренія отдать ихъ и духовенство на растерзаніе толпѣ» [3]).

Правда, со времени окончанія парижскихъ выборовъ въ дворянской камерѣ образовалось меньшинство въ 47 человѣкъ, члены котораго, благодаря денежнымъ связямъ съ финансистами, не прочь были присоединиться къ требованіямъ буржуазіи. Но ихъ оппозиція большинству едва не повела къ кровавой стычкѣ. На вечерѣ у маркиза Монтескьё рѣшено было, по словамъ Ламета, что меньшинство ближайшимъ образомъ заявитъ о своемъ намѣреніи засѣдать рядомъ съ представителями общинъ.

Клермонъ Тоннеръ, какъ первый изъ депутатовъ отъ Парижа, долженъ былъ повести объ этомъ рѣчь. Но при самомъ уже открытіи сессіи можно было убѣдиться, что большинству напередъ извѣстно это намѣреніе: выраженіе лицъ и содержаніе рѣчей одинаково свидѣтельствовали о враждебности. Противники измѣряли другъ друга взглядомъ точно предъ началомъ сраженія. Многіе ораторы позволили себѣ косвенные намеки и напередъ высказали неодобреніе планамъ меньшинства. Казалесъ напалъ на него открыто въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. «Часть со-

---

[1]) Correspodence d'un député de la noblesse de la sénéchausseé de Marseille avec le marquis de Créquy (D'Hericault. Révolution française, Recueil de documents, t. II, стр. 193 и слѣд., 223 и слѣд.

[2]) Mémoires du duc de Cars, t. II, 1890, стр. 60.

[3]) „La fermentation est incroyable: je ne serais point étonné de voir une S-te Barthélemy de la noblesse et du clergé. Le tiers état ne s'en cache plus, il l'affiche. J'ai entendu de mes propres oreilles un orateur le conseiller dans le Palais Royal (lettre à m-r Marquis de Crequy du 26 Juin 1789, d'Héricault. Révolution française, t. 2).

бранія, сказалъ онъ, желала бы отдѣлиться. Но она не посмѣетъ этого сдѣлать». При этихъ словахъ изъ рядовъ меньшинства раздались крики негодованія. Въ ту же минуту герцогъ Кайлюсъ, принадлежавшій къ большинству, бросился въ середину залы, схватился за шпагу и наполовину вынулъ ее изъ ноженъ. Меньшинство отвѣчало тѣмъ же, и герцогу Люксембургскому, президенту собранія, съ трудомъ удалось убѣдить депутатовъ вернуться на ихъ мѣста. «Всѣ мы, пишетъ Ламетъ, ждали, что Клермонъ Тоннеръ воспользуется наставшей тишиной, чтобы представить нашу декларацію, но онъ сдѣлалъ намъ знакъ и мы оставили вмѣстѣ съ нимъ залъ засѣданія. Тогда онъ объяснилъ намъ, что при томъ раздраженіи, какое овладѣло умами, онъ не рѣшается выполнить своего полномочія. Онъ боится кровавой схватки, послѣдствія которой могутъ быть весьма печальны. Мы съ своей стороны настаивали на томъ, что наша честь оскорблена и что пути отступленія отрѣзаны. Вернувшись въ залъ, Клермонъ Тоннеръ потребовалъ голоса и уже заручился согласіемъ предсѣдателя, какъ вдругъ послѣдній объявилъ засѣданіе закрытымъ и поспѣшно удалился, сопровождаемый членами бюро. Мы узнали впослѣдствіи, что поводомъ къ закрытію была полученная герцогомъ Люксембургскимъ анонимная записка слѣдующаго содержанія: «господинъ президентъ, прервите засѣданіе немедленно; я объясню вамъ причину впослѣдствіи». Предсѣдатель, полагая, что авторъ записки—членъ большинства, послѣдовалъ данному совѣту. Но оказалось, что записка написана была графомъ Силлери, членомъ меньшинства. Собравшись вечеромъ снова у маркиза Монтескьё, меньшинство рѣшило сдѣлать письменное заявленіе о своемъ присоединеніи къ депутатамъ средняго сословія и послать его на имя президента. Насъ побудило къ этому, пишетъ Ламетъ, опасеніе, чтобы новое столкновеніе съ членами большинства не дало повода придворной партіи къ закрытію штатовъ [1]).

Отъ иностранцевъ, проживавшихъ въ это время во Франціи, не ускользалъ ни серьезный характеръ дворянской оппозиціи,

---

[1]) Histoire de l'assemblée constituante par Alex. Lameth., томъ I (изд. 1828), Détails sur la chambre de la noblesse, стр. 407.

ни ея побудительныя причины. Въ депешѣ, помѣченной еще 22 декабря 1788 года, Капелло сообщалъ сенату въ Венеціи, что дѣйствительная причина, по которой дворянство не хочетъ засѣдать въ одной палатѣ съ среднимъ сословіемъ та, что оно дорожитъ своими привилегіями, сеньеріальными правами, и податными изъятіями. «Дворянство не хочетъ платить, пишетъ онъ, и ссылается на свои старинныя вольности и злоупотребленія, источникъ которыхъ лежитъ въ феодализмѣ. Пока еще не ставится вопроса объ упраздненіи личныхъ прерогативъ дворянства, его преимущественнаго права на занятіе высшихъ должностей въ церкви и арміи, а только о томъ, чтобы заставить его платить подати наравнѣ съ народомъ. Франція наводнена брошюрами то отстаивающими, то нападающими на эти притязанія. Податныя изъятія дворянства, источникъ которыхъ теряется во мракѣ вѣковъ, одними признаются законными привилегіями, а другими—предразсудками [1]).

§ 4.

Въ то время какъ дворянство въ громадномъ большинствѣ продолжаетъ настаивать на обособленности сословныхъ камеръ, буржуазія, высказавшись съ самаго начала въ пользу совмѣстной повѣрки, считаетъ полезнымъ дать своимъ противникамъ возможность «не спѣша и послѣ зрѣлаго обсужденія присоединиться къ ея рѣшенію». Къ чему излишняя поспѣшность, говоритъ Мунье; не лучше ли искать соглашенія». Дадимъ время высшимъ сословіямъ, прибавляетъ Мирабо, проникнуться той мыслью, что всѣ равно заинтересованы въ правильности выборовъ и понимаютъ опасность вызваннаго упрямствомъ раскола. Эти рѣчи показываютъ, въ какомъ примирительномъ настроеніи открыты были дебаты. Но уже въ концѣ первой сессіи, 6-го мая, среднее сословіе увѣдомлено о постановленіи дворянства произвесть повѣрку полномочій въ отдѣльности. На слѣдующій день, когда Малуэ предлагаетъ послать депутацію къ высшимъ сословіямъ съ выраженіемъ соболѣзнованія, что они медлятъ своимъ прибытіемъ,

[1]) Депеша отъ 22 декабря 1788 г.

Мирабо отказываетъ общинамъ впредь до повѣрки полномочій даже въ правѣ назначить подобную депутацію. По его словамъ, выжиданіе и пріостановка всякой дѣятельности предписываются обстоятельствами. Мунье старается примирить оба предложенія, рекомендуя отдѣльнымъ членамъ палаты испробовать свое вліяніе на депутатовъ отъ дворянства и склонить ихъ къ согласію. Такимъ образомъ, среднее сословіе обнаруживаетъ на первыхъ порахъ сговорчивость и настоящій политическій смыслъ. Не въ примѣръ дворянству, оно старается поставить на свою сторону общественное мнѣніе, объявляя засѣданія открытыми для публики [1]), Тѣмъ самымъ оно прямо разрываетъ съ старинной практикой генеральныхъ штатовъ, не допускавшихъ народа къ присутствію. Одинъ изъ депутатовъ, Мирабо, даетъ одновременно первый примѣръ обнародованія политическихъ преній путемъ печати. Основанная имъ газета, Journal des Etats Généraux наталкивается, правда, на цензурные запреты и вскорѣ перестаетъ выходить, но только для того, чтобы возродиться снова въ формѣ «Личныхъ посланій депутата къ его избирателямъ». Подобныя посланія прямо входили въ число полномочій, и потому избѣгали случайностей правительственной репрессіи. Среднее сословіе объявляетъ себя солидарнымъ и съ этими попытками установить гласность дебатовъ. Оно открыто высказало свое соболѣзнованіе по поводу встрѣченныхъ Мирабо препятствій. Когда нѣсколько дней спустя Малуэ приходитъ на умъ потребовать исключенія публики изъ залы засѣданій, Волнэ спѣшитъ поставить на видъ, что присутствующіе на галлереи граждане не иностранцы, а братья, что они въ правѣ слѣдить за дѣйствіями депутатовъ, такъ какъ послѣдніе не болѣе, какъ ихъ уполномоченные. Я не могу, говоритъ онъ, уважать того, кто ищетъ потемокъ. Истина можетъ и должна выступать наружу; я раздѣляю мнѣніе того

---

[1]) Нѣкоторые депутаты дворянства и во главѣ ихъ Клермонъ Тоннеръ не прочь были допустить публику и на засѣданія дворянской камеры. Въ письмѣ герцога Бирона отъ 16-го іюня 89 г. мы читаемъ: Mr-le Comte de Clermont-Tonnerre a demande que l'on décidat si les seances seraient publiques, quand le local le permettrait. M-de Cazalés a observé qu'il fallait règner sur l'opinion publique avant de la prendre pour guide. La motion a été renvoyée a un autre jour (lettres au chevalier de Roger, стр. 5).

философа, который объявлялъ, что въ его поведенiи нѣтъ ничего тайнаго, и что онъ готовъ жить въ домѣ изъ стекла [1]). Предложенiе Малуэ не находитъ поддержки, и публика, сперва отдѣленная отъ депутатовъ одной рѣшеткой, продолжаетъ допускаться и впослѣдствiи на галлерею.

Среднее сословiе заявляетъ о своемъ разрывѣ съ исторической традицiей, признававшей за нимъ лишь третье мѣсто въ рядахъ народнаго представительства и не хочетъ поэтому именовать себя иначе, какъ общинами королевства. Буасси д'Англа, на засѣданiи 15-го мая пускаетъ даже впервые въ обращенiе терминъ «нацiональное собранiе» желая заявить тѣмъ самымъ, что въ его глазахъ «общины—понятiе равнозначительное всей нацiи» [2]).

Чтобы устранить тѣ возраженiя противъ совмѣстной провѣрки выборовъ, какiя депутаты отъ дворянства искали въ историческихъ прецедентахъ, Тиржэ ссылается на примѣръ штатовъ 1483 года, на которыхъ сословiя дѣйствовали совмѣстно. Обособленность ихъ засѣданiй, говоритъ онъ, началась не ранѣе 1560 года, т. е. въ «эпоху полнаго броженiя умовъ и партiйной ненависти». Примѣръ 1614 года уже потому не убѣдителенъ, что задачи, какiя ставило себѣ собранiе въ это время, ни мало не отвѣчаютъ настоящимъ. Тогда дѣло шло о представленiи однихъ жалобъ сословiй, doléances particulières, теперь-же депутаты уполномочены найти средства къ примиренiю правъ нацiи съ прерогативами королевской власти [3]). Среднее сословiе не оставляетъ также безъ отвѣта того возраженiя, какое противъ совмѣстной повѣрки сдѣлано было Д'Антрегомъ, видѣвшимъ въ потерѣ «дворянскаго и церковнаго «вето» источникъ деспотiи». Мирабо справедливо указываетъ, что всемогущество палаты немыслимо, пока существуетъ королевское вето, необходимость котораго кажется ему столь очевидной, что, по собственному сознанiю, онъ согласился бы скорѣе жить въ Турцiи, нежели въ предѣлахъ государства, «въ которомъ самовластное

---

[1]) Archives Parlementaires т. VIII, стр. 55.

[2]) Archives Parlementaires т. VIII, стр. 38. Vous vous constituerez non pas en ordre séparé, non pas en chambre du tiers état; mais en Assemblée nationale....

[3]) Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 46.

собраніе не уравновѣшено правами короля». Въ пользу совмѣстной повѣрки депутатъ отъ Экса приводитъ еще то соображеніе, что она устраняетъ необходимость обращенія къ королевскому совѣту въ спорныхъ случаяхъ, какъ это имѣло мѣсто на прежнихъ сессіяхъ. Тѣмъ самымъ исчезаетъ, по его словамъ, опасность «etre chambré et despotisé par arrêt du couseil», т. е. становится немыслимымъ вмѣшательство исполнительной власти въ составъ законодательнаго собранія [1]). Мирабо обвиняетъ дворянъ въ скрытомъ желаніи, породить въ королѣ недовѣріе къ проектамъ и намѣреніямъ средняго сословія. Поступая такимъ образомъ, они руководствуются сознаніемъ, что король въ связи съ народомъ обладаетъ неотразимою властью, передъ которой должны пасть всѣ тираннические предразсудки, всѣ притязанія на угнетеніе, всякое противодѣйствіе, источникомъ котораго является личный интересъ [2]). Изъ устъ оратора раздается вторичный призывъ къ образованію національнаго собранія (Assemblée nationale). Онъ дѣлаетъ его почти за мѣсяцъ до знаменитаго засѣданія, въ которомъ, по предложенію Леграна, среднее сословіе рѣшило присвоить себѣ это наименованіе [3]). Депутатъ отъ Экса не скрываетъ того, что совмѣстная повѣрка выборовъ не болѣе, какъ первый шагъ къ сліянію сословій, къ замѣнѣ сословнаго представительства народнымъ. Съ нею неразрывно связанъ, говоритъ онъ, переходъ къ поголовному счету голосовъ [4]).

Что касается до церковной камеры, то она съ самаго начала распалась на двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга половины: епископы пожелали отдѣлиться отъ кюре, занять особую скамью въ залѣ засѣданій; они всячески высказывали свое сочувствіе дворянскимъ рѣшеніямъ и старались предупредить возможность сліянія.

---

[1]) Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 58.

[2]) Ibid., стр. 58.

[3]) Ibid., стр. 59. Засѣданіе 29 мая.

[4]) Ibid., стр. 71. Ou ne doit pas se dissimuler que la vérification des pouvoirs préjuge la question du mode d'opinée; cas vérifier les pouvoirs, n'est-ce pas délibérer sur la légalité ou l'illégalité de ces mêmes pouvoirs? Cette question est donc nécessairement liée à celle de la délibération par ordre ou par tête; ou, pour mieux dire, c'est la méme question.

Но сознаніе, что большинство не на ихъ сторонѣ и что взятые изъ среды буржуазіи священники скрыто сочувствуютъ своимъ собратьямъ въ камерѣ средняго сословія, заставило ихъ избрать примирительную политику. Въ надеждѣ обойти ту опасность, какой грозилъ расколъ дворянства и буржуазіи, и заручиться сочувствіемъ простонародья, они прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ [1]) Особымъ коммиссарамъ поручено было пригласить отъ ихъ имени депутатовъ отъ общинъ къ немедленному обсужденію мѣръ противъ голода и дороговизны припасовъ. Всякое рѣшеніе, принятое въ этомъ смыслѣ среднимъ сословіемъ, доказывало бы готовность его приступить къ выполненію возложенныхъ на него задачъ, не измѣняя прежней практикѣ обособленнаго засѣданія палатъ; оно сдѣлалось бы прецедентомъ и для будущихъ рѣшеній, установило бы, или вѣрнѣе—упрочило сословную обособленность. Съ другой стороны, формальный отказъ равнозначителенъ былъ бы, въ глазахъ нуждающагося люда, т. е. большинства націи, явному пренебреженію его интересами и сразу выставилъ бы въ невыгодномъ свѣтѣ политику средняго сословія. Но его депутаты избѣжали поставленной имъ ловушки. Популусъ и Гара нашли возможнымъ заявить о своемъ сочувствіи къ народнымъ бѣдствіямъ, не предрѣшая вопроса о порядкѣ голосованія. По словамъ Лалли-Толендаля, «депутаты отъ народа нашли въ предложеніи духовенства не болѣе, какъ маневръ, направленный къ тому, чтобы заставить ихъ организоваться на нежелательныхъ имъ началахъ» [2]).

И это свидѣтельство вполнѣ подтверждается содержаніемъ тѣхъ рѣчей, какія произнесены были въ народной камерѣ въ отвѣтъ коммиссарамъ духовенства. «Я полагаю, сказалъ одинъ

---

[1]) Мирабо весьма удачно передаетъ это различіе въ политикѣ дворянъ и высшихъ церковныхъ іерарховъ, говоря: „каждое изъ привилегированныхъ сословій остается вѣрнымъ своей природѣ: одно рубитъ съ плеча, — другое хитритъ. Письмо къ неизвѣстному лицу, помѣченное маемъ 1789 года. Бакуръ, корреспонденція Миробо съ Ла-Маркомъ, т. I, стр. 350.

[2]) Presque tous les représentants du peuple y ont vu un piège pour les entraîner dans la neccessité de se constituer autrement qu'ils ne voulaient se constituer. Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 73.

изъ присутствующихъ, что нельзя обсуждать ничего раньше, какъ порѣшивши съ вопросомъ о собственномъ устройствѣ» [1]). «Въ предложеніи духовенства, замѣтилъ Популусъ, выступаетъ одновременно желаніе расположить народъ въ свою пользу и отвлечь среднее сословіе отъ его главной задачи. Я хотѣлъ бы поэтому предпослать его обсужденію новый призывъ къ депутатамъ церковной камеры о соединеніи съ среднимъ сословіемъ». Въ этомъ смыслѣ и состоялось рѣшеніе. Текстъ его буквально гласитъ слѣдующее: «проникнутые сознаніемъ общихъ съ вами обязанностей, тронутые до слезъ общественными бѣдствіями, мы просимъ и умоляемъ васъ присоединиться къ намъ немедленно, для обсужденія тѣхъ мѣръ, какими можно помочь имъ» [2]). Такимъ рѣшеніемъ палата средняго сословія одновременно избѣгала упрека въ нерадѣніи къ интересамъ простонародья и необходимости положить конецъ своей агитаціи въ пользу всесословности.

Послѣ неудачи церковнаго посредничества оставалась еще надежда добиться соглашенія при вмѣшательствѣ правительства. Малуэ, за одно съ епископомъ Лангрскимъ, сдѣлалъ попытку склонить Неккера къ мысли, соединить въ одну верхнюю палату обѣ высшія и дозволить среднему сословію провозгласить себя народной камерой. Этотъ проектъ, отвѣчавшій извѣстному пристрастію женевскаго банкира къ англійскимъ порядкамъ, по собственному сознанію Малуэ, не находилъ поддержки въ средѣ самихъ штатовъ. Нельзя поэтому винить министра въ томъ, что онъ не рѣшился принять на себя отвѣтственность за такое новшество [3]). Неудача заставила Малуэ и руководимыхъ имъ умѣренныхъ прервать всякіе переговоры съ правительствомъ, поступить такъ, какъ сдѣлалъ это Мирабо послѣ своего ни къ чему не поведшаго свиданія съ министромъ [4]).

---

[1]) Засѣданіе 6-го іюня 1789 года.

Un membre. Je pense qu'on ne peut délibérer qu'après que l'on sera constitué.

[2]) Ibid., стр. 76.

[3]) Malouet. Mémoires, VI, стр. 258.

[4]) Все, что Мирабо сказалъ на этомъ памятномъ свиданіи, было: „j'ai l'honneur de vous souhaiter le bonjour".

Правительство поставлено было въ необходимость пойти собственной дорогой. Предлагая назначеніе каждымъ сословіемъ коммиссаровъ съ цѣлью добиться соглашенія, оно устами Неккера заявило, что право постановлять рѣшенія въ высшей инстанціи по всѣмъ спорамъ, поводъ къ которымъ даютъ неправильности въ выборахъ, принадлежитъ никому иному, какъ королю [1]). Такимъ образомъ, оправдались высказанные Мирабо опасенія, и отказъ отъ совмѣстной повѣрки полномочій сдѣлался чѣмъ-то равнозначащимъ вмѣшательству исполнительной власти въ опредѣленіе личнаго состава законодательной. Преслѣдуемая среднимъ сословіемъ задача замѣнить сословное представительство народнымъ осложнилась теперь заботой о независимости собранія отъ короля и министровъ. Явилась, такимъ образомъ, новая необходимость настаивать на совмѣстной дѣятельности сословій, и предложеніе Сіейса провозгласить себя національнымъ собраніемъ, не дожидаясь присоединенія дворянъ и духовныхъ, но оставляя за ними это право, явилось какъ нельзя болѣе кстати. Оно сразу встрѣтило всеобщее сочувствіе, такъ какъ было единственнымъ выходомъ изъ опасности, единственнымъ средствомъ положить конецъ инерціи штатовъ и предупредить возможность правительственнаго вмѣшательства. Ставя его, Сіейсъ дѣйствовалъ въ духѣ выставленной имъ самимъ доктрины,—онъ оставался вѣренъ своему положенію: среднее сословіе должно быть всѣмъ въ государствѣ; изъ этого положенія можно было сдѣлать только тотъ выводъ, что собраніе его депутатовъ, по истинѣ, можетъ считаться собраніемъ французскихъ представителей и выраженіемъ общей воли націи.

§ 5.

Чтобы понять причину той поспѣшности, съ какой среднее сословіе объявило себя національнымъ собраніемъ Франціи, надо

---

[1]) C'est donc au Roi que semble appartenir, en raison et en équité, le jugement final sur toutes les contestations rèlatives aux élections. Ce primcipe est une suite, une dépendance du règlement souverain qui a dèterminé pour cette fois le nombre respectif des députés aux etats généraux. Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 67.

принять во вниманіе распространенные въ обществѣ слухи объ интригахъ, привилегированныхъ, поддержкѣ, какую они находятъ при дворѣ и о мѣрахъ, будто-бы принятыхъ правительствомъ съ цѣлью положить неожиданный конецъ дальнѣйшему существованію штатовъ [1]). Недавно отпечатанныя мемуары герцога Карса въ связи съ признаніями личнаго секретаря королевы Ожара, даютъ право утверждать, что въ основаніи всѣхъ этихъ слуховъ лежала извѣстная доля истины. Мы узнаемъ изъ первыхъ, что братъ короля, герцогъ Артуа, настаивалъ передъ Людовикомъ XVI на изданіи деклараціи о немедленномъ распущеніи штатовъ подъ предлогомъ неправильностей, допущенныхъ при ихъ созывѣ. Нѣкоторые бальяжи, одинаково въ провинціи и столицѣ, сочли нужнымъ опротестовать эти неправильности. Правительству, по мнѣнію герцога Артуа и его ближайшихъ совѣтниковъ, надлежало присоединиться къ этому протесту. Объявляя штаты закрытыми, оно должно было предписать производство новыхъ выборовъ и назначить мѣстомъ собранія Суассонъ, Компіенъ или Ноіонъ, вообще—любой городъ Франціи, за исключеніемъ Парижа и Версаля [2]). Этотъ планъ значительно расходился съ тѣмъ, какой предложенъ былъ Ожаромъ королевѣ, послѣ предварительнаго одобренія его извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ и министромъ Людовика XV-го Машо. Въ отличіе отъ проекта, упоминаемаго герцогомъ Карсъ, Ожаръ довольствовался однимъ переселеніемъ штатовъ въ Суассонъ; оно должно было совпасть съ переѣздомъ двора въ Компьенъ и образованіемъ военнаго лагеря въ 30 тысячъ человѣкъ вблизи этого города [3]).

---

[1]) Въ мемуарахъ Бальи значится: L'Assemblée était très pressée de se constituer. On était instruit que le gouvernement n'était pas content de la fermeté qu'annoncaient les communes... En conséquence on avait l'idée et la crainte d'ordres arbitraires qui pouvaient être décernés soit contre des particuliers pour les eloigner, soit contre l'Assemblée même pour la séparer et pour l'anéantir, Mèmoires de Bailly, т. I, стр. 151. Приблизительно то же заявляетъ и Малуэ (Mémoires, t I, стр. 248), говоря объ „assertion accréditée dans toutes les classes du peuple: la cour et les ministres veulent paralyser les états généraux, ne veulent pas que le peuple soit' libre, et se reunissent pour l'empêcher à la noblesse et au clergé.

[2]) См. Mémoires du Duc de Cars, т. II, стр. 66.

[3]) Mémoires secrets d'Augeard, стр. 181.

Дюбоа де Крансэ не далекъ отъ истины, когда приписываетъ двору намѣреніе разсѣять штаты въ случаѣ нужды даже силою [1]), Тайный корреспондентъ польскаго двора въ письмѣ отъ 21-го іюня также намекаетъ на интриги, жертвою которыхъ долженъ былъ сдѣлаться Неккеръ: съ минуты на минуту, пишетъ онъ, ожидаютъ замѣны его Амекуромъ [2]). Послѣ сказаннаго понятны тѣ нападки на окружавшихъ короля аристократовъ, которымъ, по словамъ аббата Костера [3]), предавались члены національнаго собранія на первыхъ-же своихъ сессіяхъ. Въ его корреспонденціи, этомъ доселѣ не изданномъ источникѣ, приписываются Мунье выраженія, по своей рѣдкости мало уступающія діатрибамъ Сіейса или Мирабо. «Аристократія, сказалъ будто-бы депутатъ отъ Дофинэ, при послѣднемъ издыханіи,—нельзя медлить, надо нанести ей рѣшительный ударъ». Подозрительность по отношенію въ высшимъ сословіямъ достигла такихъ размѣровъ, что въ депешѣ отъ 4-го іюля 89-го года Мерси-Аржанто, передавая подробности недавнихъ событій, пишетъ своему державному корреспонденту: если бы приведены были въ исполненіе предложенія враждебной Неккеру партіи, поголовное избіеніе дворянъ и духовенства представилось бы болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ [4]).

Частности знаменитаго засѣданія, на которомъ послѣдовало провозглашеніе палаты средняго сословія національнымъ собраніемъ въ подробности изложены въ мемуарахъ Бальи. Они слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было воспроизвесть ихъ въ подробности. Отмѣтимъ только тотъ фактъ, что потребовалось четырехъ сессій прежде, чѣмъ среднее сословіе остановилось на выборѣ подобающаго собранію имени. Особенно ха-

---

[1]) См. Dubois Crançé. 1885. Analyse de la Rèvol. Française, стр. 26.

[2]) Correspondance secrète publièe par de Lescure, т. II, стр. 64.

[3]) La séance royale du 23 juin 1789. Les préliminaires et ses suites par Brette. (Rév. Française. 1892, 14 juillet).

[4]) Correspondance du comte Mercy - Argenteau, т. II, стр. 252. Въ этой депешѣ же говорится: La cour pensait a se mettre en lieu de sureté, ce qui n'aurait pas été facile, vu la défection des troupes. Такимъ образомъ, и Мерси подтверждаетъ ходячіе слухи о намѣреніи двора укрѣпиться въ Компіенѣ или въ другомъ какомъ-либо городѣ подаль отъ столицы.

рактеренъ для тогдашняго настроенія неуспѣхъ, какимъ сопровождалось предложеніе Мирабо, объявить себя народною палатою. Собраніе отступило передъ этою мыслью, боясь чтобы такая кличка не набросила на него невыгодной тѣни. Одинъ изъ очевидцевъ, книгопродавецъ Гарди, авторъ не разъ уже упомянутыхъ нами мемуаровъ, слѣдующимъ образомъ передаетъ то впечатлѣніе, какое сдѣлала на него, какъ и на прочихъ присутствующихъ настойчивость Мирабо: «съ трудомъ удалось ему добиться слова, пишетъ онъ; заручившись наконецъ согласіемъ президента, онъ начинаетъ разглагольствовать съ тѣмъ же безстыдствомъ, какимъ отличаются его писанія. Упорно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы собраніе предпочло назвать себя не національнымъ, а «народнымъ». Въ порывѣ раздраженія, со всѣми признаками гнѣва, онъ передаетъ въ руки предсѣдателя подписанное имъ предложеніе, несмотря на почти поголовный протестъ присутствующихъ [1]).

Чтобы отстоять свою мысль, Мирабо счелъ нужнымъ сослаться на примѣръ Англіи, Голландіи, Америки, доказывать, что заявленіе солидарности съ народомъ никогда никого не унижало. «Потому именно и слѣдуетъ вамъ назвать себя его именемъ, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, что это имя недостаточно уважается во Франціи. Оно предано поношенію; противъ него возстаютъ наши предразсудки, наша гордость и тщеславіе. Аристократы произносятъ его не иначе, какъ съ презрѣніемъ. На комъ, какъ не на насъ, лежитъ поэтому обязанность возвысить и облагородить его, сдѣлать его уважаемымъ въ глазахъ правительства и дорогимъ всякому французу. Не принадлежи намъ это имя по праву, намъ все же слѣдовало бы принять его. Мы оказали бы тѣмъ существенную услугу народу, *народу, который есть все*, народу, котораго мы представляемъ, чьи интересы ввѣрены нашей защитѣ, что не мѣшаетъ однако многимъ изъ насъ краснѣть при одной мысли быть его уполномоченными, возвести наши права къ нему, какъ къ первоисточнику» [2]), «Несмотря на эту краснорѣчивую защиту

[1]) La séance dur 16 juin 1789 d'aprés un témoin oculaire (par Monin. Rév. Fr. 1889, page 537).

[2]) Засѣданіе 15 мая 1889 года.

правъ народа окрестить своимъ именемъ собраніе собственныхъ представителей, среднее сословіе отступило передъ мыслью назвать свою камеру народной, и предпочло именоваться «національнымъ собраніемъ».

Бальи разсказываетъ, что когда дѣло дошло до голосованія, существовавшее дотолѣ единеніе въ средѣ палаты внезапно смѣнилось такою рознью, что если бы противниковъ не раздѣляло бюро президента и секретарей, дѣло не обошлось бы безъ личнаго столкновенія [1]). Одни требовали, несмотря на позднее время, немедленнаго рѣшенія, другіе отсрочки его до ближайшаго засѣданія. Это послѣднее мнѣніе въ концѣ концовъ взяло верхъ, и только 17-го іюня прошло большинствомъ голосовъ предложеніе Сіэйса о томъ, чтобы представители отъ общинъ провозгласили себя національнымъ собраніемъ. Это предложеніе значительно отличалось отъ того, какое сдѣлано было тѣмъже депутатомъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій. Самое названіе «національнаго» придумано было Легранъ и заимствовано Сіэйсомъ изъ его проекта. Изъ 581 депутатовъ, присутствовавшихъ въ тотъ день въ залѣ засѣданій, 491 утвердили своимъ согласіемъ текстъ слѣдующаго постановленія: Собраніе вслѣдъ за повѣркою полномочій, признаетъ, что оно составлено уже изъ представителей девяностошести сотыхъ всей націи. Такая масса депутатовъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи по причинѣ отсутствія представителей нѣкоторыхъ бальяжей (напр., Беарна) и нѣкоторыхъ классовъ гражданъ, ибо разъ тѣ и другіе были призваны на засѣданіе, ихъ отсутствіе не въ силахъ помѣшать осуществленію наличными членами ихъ полномочій, особенно, когда это является, какъ нынѣ, неотложной необходимостью. Только представителямъ, полномочія которыхъ подверглись провѣркѣ, предоставлено выражать народную волю; но настоящее собраніе составлено изъ нихъ, а слѣдовательно, ему надо поручить истолкованіе и заявленіе общей воли націи. Сіейсъ ставилъ на видъ, что повѣрка выборовъ произведена была дворянствомъ въ закрытомъ засѣданіи, при отсутствіи всякаго общественнаго контроля. Наоборотъ, полномочія депутатовъ средняго сосло-

---

[1]) Mémoires de Bailly, т. I стр. 154.

вія провозглашены были громко при открытыхъ дверяхъ. При этомъ всѣ депутаты, безъ различія сословій, въ алфавитномъ порядкѣ призваны были къ предъявленію своихъ правъ на присутствіе. Чтобы положить конецъ всякимъ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ и сразу порвать съ традиціей тѣхъ промежуточныхъ противовѣсовъ между правительствомъ и народомъ, въ которыхъ высшее сословіе видѣло существенную черту французской конституціи, предложенный Сіейсомъ декретъ гласитъ: между престоломъ и собраніемъ нѣтъ и не можетъ существовать никакого вето или pouvoir négatif. Титулъ «національное собраніе», продолжаетъ цитируемый нами документъ, одинъ отвѣчаетъ современному положенію вещей, во первыхъ, потому, что засѣдающіе въ немъ лица одни являются законными и публично признанными представителями; во вторыхъ, потому, что они посланы въ собраніе почти всей совокупностью націи; въ третьихъ, наконецъ, потому, что представительство едино и нераздѣльно по природѣ, и къ какому бы сословію не принадлежалъ депутатъ, онъ не въ правѣ осуществлять своихъ функцій отдѣльно отъ собранія [1]).

Такъ совершилась замѣна сословнаго представительства народнымъ, такъ исполнена была задача, къ которой издавна направлены были усилія провинціальныхъ штатовъ, и созданныхъ по ихъ образцу земскихъ собраній. Декретъ 17-го іюня знаменовалъ собою цѣлую революцію въ державшихся дотолѣ государственныхъ порядкахъ. Онъ не могъ поэтому избѣгнуть упрека въ несоотвѣтствіи съ историческимъ правомъ, въ противозаконномъ новшествѣ. Даже тайные союзники средняго сословія, въ родѣ Неккера, считали возможнымъ говорить объ узурпаціи. Объявляя себя національнымъ, дѣлая видъ, что оно можетъ обойтись безъ участія двухъ высшихъ сословій, среднее, пишетъ Неккеръ въ своемъ трактатѣ о французской революціи, оказывалось виновнымъ въ присвоеніи непринадлежащей ему власти [2]). По словамъ Малуэ, несправедливо заподозренный въ демагогіи министръ отнесся съ самаго начала съ

---

[1]) Mémoires de Brissot, т. I, стр. 158 до 160.

[2]) De la Rév. tr. par M-r Necker. Paris. 1797, стр. 178.

полнымъ порицаніемъ къ принятому собраніемъ декрету. «Вы превзошли ваши полномочія, присвоивъ себѣ всю полноту законодательной власти, говорилъ онъ въ обращеніи къ депутатамъ; ваше постановленіе не имѣетъ законнаго основанія; теперь очередь за королемъ,—онъ долженъ войти въ обладаніе законодательной властью и указать каждому подобающее мѣсто»[1]. Въ средѣ меньшинства палаты мысль о правительственной репрессіи встрѣчала поддержку; и Малуэ, дважды протестовавшій противъ предложеннаго собранію декрета, требовалъ теперь отмѣны его министрами при содѣйствіи королевскаго вето и отсрочки дальнѣйшихъ сессій на шесть недѣль или два мѣсяца. Подобно Неккеру, онъ ссылался при этомъ на то, что депутаты превзошли свои полномочія и нуждаются въ новыхъ инструкціяхъ избирателей[2].

Чтобы оградиться отъ опасности внезапнаго перерыва въ дѣятельности, депутаты средняго сословія остановились на мысли—связать съ дальнѣйшимъ существованіемъ собранія и судьбу платимыхъ націей податей. Въ томъ же засѣданіи семнадцатаго іюня было постановлено, что существующіе налоги должны быть собираемы попрежнему впредь до распущенія палаты, но что съ этимъ распущеніемъ прекращается и законное основаніе къ ихъ взиманію. Поступая такимъ образомъ, палата слѣдовала вѣками освященной практики англійскихъ парламентовъ, нашедшихъ въ срочности субсидій ближайшую гарантію своей періодичности. Желая въ тоже время расположить въ свою пользу общественное мнѣніе и поддержать одновременно кредитъ правительства, національное собраніе объявило, что консалидація государственнаго долга составитъ одну изъ ближайшихъ его задачъ и что оно отнынѣ ставитъ кредиторовъ правительства подъ защиту чести и добросовѣстности французской націи. Ища поддержки въ низшихъ слояхъ общества, непосредственно задѣтыхъ наступившей дороговизной припасовъ, среднее сословіе подымаетъ поставленный уже духовенствомъ вопросъ и торжественно обязывается посвятить себя въ ближайшемъ будущемъ разслѣдо-

---

1) Mémoires de Malouet, т. I, стр. 284.
2) Ibid., стр. 283.

ванію, причинъ вызывающихъ недостаточность припасовъ, и найти средства къ ихъ устраненію, Съ этою цѣлью оно рѣшаетъ выбрать изъ своей среды комитетъ и постановляетъ ходатайствовать предъ королемъ о сообщеніи его членамъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній касательно народнаго продовольствія.

Нельзя не отдать собранію той справедливости, что оно какъ нельзя лучше съумѣло предупредить всѣ опасности и заинтересовать въ своемъ дѣлѣ различнѣйшіе классы общества, за исключеніемъ однихъ привилегированныхъ. Да и тѣмъ не отрѣзывался путь къ сліянію. Объявивши себя націей, среднее сословіе продолжало заявлять о готовности принять высшія въ свою среду, допустить изъ депутатовъ къ соединенному съ нимъ засѣданію. «Это, говорилъ президентъ Бальи въ своемъ обращеніи къ коммиссарамъ дворянства, является особенно желательнымъ въ виду необходимости общихъ мѣръ къ облегченію народной нужды [1]).

Правительство не сразу обнаружило нежеланіе допустить новые порядки представительства. На первыхъ порахъ король только косвенно выразилъ свое неодобрѣніе, порицая среднее сословіе за то, что оно примѣнило къ высшимъ терминъ: привилегированныя. Людовикъ XVI приглашалъ депутатовъ положиться на него, представить ему новыя доказательства своего довѣрія и своей привязанности къ престолу [2]). Дворъ въ это время находился въ Марли, куда дворянство и духовенство и поспѣшили направить особую депутацію съ протестомъ противъ случившагося. Правительство не отказывалось въ то же время отъ мысли склонить и дворянство къ большей уступчивости. Въ письмѣ, посланномъ Людовикомъ XVI президенту дворянской камеры, герцогу Люксембургскому, можно было прочесть слѣдующій, ничѣмъ не прикрываемый упрекъ: «бо̀льшая податливость дворянъ, бо̀льшая готовность съ ихъ стороны сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ планомъ, который предложенъ былъ моими коммиссарами по соглашенію, сдѣлало бы возможнымъ осуществленіе этихъ надеждъ [3]).

---

[1]) Mémoires de Bailly., т. I., стр. 162.

[2]) Отвѣтъ короля на адресъ собранія отъ 16-го іюня. Mémoires de Bailly, стр. 174.

[3]) Plus de déférense de la part de l'ordre de la Noblesse aurait peut—être

Но дворянство пока не обнаруживало готовности слѣдовать этимъ совѣтамъ и вступить на путь примиренія. Предложеніе герцога Орлеанскаго, отправиться въ полномъ составѣ въ залу средняго сословія для сообщенія ему своихъ полномочій и немедленной повѣрки ихъ «по сословіямъ», несмотря на эту оговорку, не нашло пока сочувствія въ большинствѣ. Оно сдѣлано было въ самый день провозглашенія національнаго собранія. Два дня спустя, 19-го іюня, герцогъ Мортемаръ считаетъ еще возможнымъ объявить неконституціоннымъ поведеніе средняго сословія и предлагаетъ своимъ товарищамъ сдѣлать о томъ торжественное постановленіе и сообщить его королю. На этотъ разъ, впрочемъ, большинство присоединилось къ менѣе рѣзкой редакціи адреса, предложенной герцогомъ де-Круи.

И духовенство продолжало упорствовать въ своей оппозиціи, за обособленное существованіе церковной камеры стояло, впрочемъ лишь, 138 человѣкъ, противъ 127-ми. [1]). Но при этомъ сказалось уже весьма наглядно отношеніе народной толпы къ тѣмъ, кто всего ревнивѣе стоялъ на стражѣ сословной исключительности. Тогда какъ епископъ Бордосскій и епископъ Шартрскій, оба члены меньшинства, встрѣчены были при выходѣ горячими привѣтствіями, а нѣкоторые кюре прижимаемы были къ груди присутствующими, аббатъ Мори подвергся открытымъ оскорбленіямъ [2]).

Рѣшеніе пріостановить дальнѣйшія засѣданія средняго сословія приведено было въ исполненіе правительствомъ двадцатаго іюля, быть можетъ, изъ опасенія, что духовенство не замедлитъ перейти на сторону средняго сословія. Правительство и на этотъ разъ не рѣшилось выступить открыто и обратилось къ недостойнымъ его уловкамъ. Подъ предлогомъ, что залъ, въ которомъ собирались депутаты средняго сословія, необходимъ для предстоящей королевской сессіи и что онъ нуждается въ соотвѣтствующихъ приспособленіяхъ, церемоніймейстеръ, маркизъ

---

amené la conciliation que je désirais. Письмо Duc de Lansaun къ chevalier Roget de la Lante отъ 17 го іюня 1789 года.

[1]) Lettre sur les Etats Généraux de 1789 par le duc de Biron, стр. 8 и 9. См. также Mémoires de Bailly, стр. 178.

[2]) Mémoires de Bailly, стр. 178 и 179.

де-Брезэ, увѣдомилъ президента, что входъ въ залъ будетъ закрытъ депутатамъ. Несмотря на протесты Бальи, ссылавшагося на отсутствіе непосредственнаго увѣдомленія отъ короля и невозможность предупредить заблаговременно депутатовъ, графъ Фоссанъ, воспротивился попыткѣ депутатовъ проникнуть въ залъ вопреки запрету [1]).

Депутатамъ осталось искать новаго мѣста для собраній. По предложенію Гильотена, они направились въ Jeu de Paume, въ которомъ графъ Артуа и члены королевской семьи не разъ забавлялись игрою въ мячъ. Владѣлецъ этого завѣдѣнія, по словамъ Бальи, охотно уступилъ его въ распоряженіе президента. Съ трудомъ достали столъ и нѣсколько скамей для членовъ бюро. Прочимъ депутатамъ въ теченіе ряда часовъ пришлось простоять на ногахъ. Мнѣнія были крайне раздѣлены. Многіе, Мунье въ томъ числѣ, ожидали отъ Сіейса и его приверженцевъ предложенія перенести мѣсто засѣданій въ Парижъ. Бальи прямо утверждалъ это, говоря, что при такомъ рѣшеніи, депутатамъ предстояло бы направиться пѣшкомъ въ столицу и подвергнуться во время пути опасности задержанія. Бальи не называетъ Сіейса и глухо упоминаетъ о депутатѣ, занятомъ редакціей подобнаго предложенія. Но Маллэ дю Панъ прямо говоритъ, что мысль о переселеніи въ Парижъ принадлежала аббату [2]). Чтобы воспротивиться такому рѣшенію, Мунье остановился на мысли о торжественной присягѣ, «не отдѣляться отъ собранія и сходиться всюду, гдѣ этого потребуютъ обстоятельства, до момента созданія и упроченія конституціи». Таржэ, Шапельэ, Барнавъ поддержали Мунье. Малуэ вздумалъ было восполнить это предложеніе присягой, не отдѣляться также отъ короля (de ne jamais nous séparer du roi). Но это дополненіе, по собственному его сознанію, встрѣчено было свистками, послѣ чего самъ авторъ поспѣшилъ присоединиться къ большинству.

---

[1]) Comme nous allions y entrer, la foule des députés qui était hors la grille dans l'avenne, fit un mouvement pour nous suivre. M-r de Vossan fit prendre les armes, et courut après moi pour me demander d'interposer l'autorité du chef pour empêcher qu'ou n'essayait de forcer la grille. Mémoires de Bailly, стр. 185.

[2]) Mémoires de Bailly, стр. 89. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan., т. I, стр. 165.

Это большинство составили всѣ присутствующіе, за исключеніемъ Мартина Д'Аухъ, который вызвалъ цѣлую бурю, заявивъ, что установляемая собраніемъ присяга противорѣчитъ депутатскимъ полномочіямъ. Бальи не безъ труда удалось спасти его отъ опасности, проведши его боковымъ выходомъ [1]). Принесенная депутатами присяга имѣла свои прецеденты. Третьяго мая 1788 г. въ полный разгаръ борьбы Бріэна съ парижскимъ парламентомъ д'Эпреминель предложилъ членамъ его связать себя торжественнымъ обѣщаніемъ, не соглашаться на внесеніе новыхъ эдиктовъ въ протоколы. Этотъ примѣръ и имѣлъ предъ глазами Мунье. Онъ самъ въ ближайшемъ будущемъ отнесется съ строгимъ осужденіемъ къ своему поступку, говоря: «эта роковая присяга была покушеніемъ на права монарха. Она отнимала у него возможность распущенія собранія даже въ случаѣ злоупотребленія власти» [2]).

Но тотъ же Мунье нѣсколько лѣтъ спустя даетъ болѣе объективную оцѣнку случившемуся, замѣчая: «только допустивши, что вся дальнѣйшая цѣпь событій, поведшихъ Францію къ народной деспотіи, съ наглядностью представлялась нашему взору, можно дѣлать насъ отвѣтственными за тогдашнее поведеніе» [3]).

Всѣ современники и участники этого памятнаго засѣданія въ одно слово говорятъ намъ объ энтузіазмѣ, овладѣвшемъ какъ присутствующими депутатами, такъ и публикой, и вскорѣ сообщившемся демократическому большинству церковной камеры. Дѣйствительно, на слѣдующій день, 22-го іюня, послѣдовало давно ожидаемое присоединеніе духовенства. Депутаты засѣдали въ этотъ день не въ Jeu de Paume, а въ церкви св. Людовика. Направо отъ президента приготовлены были мѣста для перваго сословія королевства. Члены его, встрѣченные делегаціей отъ общинъ, вскорѣ проникли подъ своды храма и устами архіепископа віеннскаго заявили о своей рѣшимости войти въ составъ

---

[1]) Малуэ. Mémoires, т. I, стр. 285.

[2]) Recherches sur les causes qui ont empêché les français de devenir libres, т. I, стр. 296, примѣчаніе.

[3]) De l'influence attribuée aux philosophes, aux francs-maçons et aux illuminés sur la révolution française, стр. 109. См. Un royaliste libéral en 1789, Jean Jóseph Mounier par de Lanzac de Laborie, стр. 92.

національнаго собранія, прибавляя, что совмѣстная повѣрка полномочій только сигналъ и прелюдія къ постоянному общенію сословій (le signal et le prélude de l'union constante).

Въ томъ же засѣданіи положено было начало и частичному переходу дворянъ. Представители высшаго сословія Дофинэ, маркизъ де Блаконъ и графъ д'Агуетъ, вошли въ залъ собранія, объявляя, что присоединеніе духовенства устранило всѣ препятствія и что они согласны подвергнуть свои полномочія совмѣстному обсужденію [1]). Правительству не приходилось медлить: переходъ сословнаго представительства въ народное грозилъ осуществиться самъ собою, какъ результатъ необходимости, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія, издавна воспитываемаго философами и публицистами въ идеяхъ равенства и изополитіи. «Партія, предводительствуемая барономъ Бретелемъ, которая, говоритъ Монлозье, не переставала оплакивать ошибку, сдѣланную при созывѣ штатовъ, не могла упустить удобнаго случая къ тому, чтобы путемъ правительственнаго вмѣшательства вернуться къ старымъ порядкамъ парламентской оппозиціи и королевскихъ lettres de cachet. Большинство того, что составляло общество, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Версалѣ душею прилежала къ старому порядку. Ему одному приписывали способность оградить право и привилегіи, спасти высшія сословія. Тѣ же воззрѣнія были распространены въ большинствѣ дворянства и высшаго духовенства. Маршалъ Брольи не скрывалъ, что возстановленіе стараго порядка кажется ему чѣмъ-то легко достижимымъ» [2]). Этимъ вліяніямъ надо приписать, что задуманное впервые Неккеромъ «королевское присутствіе» поставило себѣ задачи, далеко уклонившіяся отъ той программы, какую при созывѣ штатовъ имѣло въ виду правительство. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ общины все рѣзче и рѣзче обнаруживали свои революціонныя намѣренія, правительство продолжало шагъ за шагомъ отступать отъ выполненія имъ самимъ обѣщанныхъ реформъ. Въ рапортѣ Неккера отъ 27 декабря 1788 года, рапортѣ, одобренномъ королемъ, можно было прочесть обѣщаніе слѣдующихъ вольно-

---

[1]) Mémoires de Bailly, т. I, стр. 202.

[2]) Mémores de Montlosier, т. I, стр. 195.

стей: 1) право народа давать согласіе на налоги, 2) періодичность генеральныхъ штатовъ и созывъ ихъ въ назначенные ими самими сроки, 3) конецъ министерскому произволу въ расходованіи государственныхъ средствъ и установленіе постояннаго бюджета, 4) неизмѣнность цивиль листа, 5) рѣшеніе генеральными штатами вопроса объ административномъ задержаніи lettres de cachet), 6) свобода печати, 7) созданіе во всѣхъ провинціяхъ земскихъ собраній, 8) упрощеніе административной машины, 9) равенство всѣхъ предъ налогомъ съ немногими изъятіями въ пользу мелкопомѣстныхъ дворянъ, лично завѣдующихъ своими землями. Всѣ пункты этой программы подверглись тщательному обсужденію. Хранитель печати Барантенъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ о рядѣ засѣданій королевскаго совѣта, длившихся нерѣдко четыре или пять часовъ. При голосованіи Барантенъ и Вильедель обыкновенно оказывались въ оппозиціи; Нивэрне и Пюислюръ говорили ни да, ни нѣтъ, король же, вмѣстѣ съ Неккеромъ, Фуркё, Монмореномъ, де-ла-Люцернъ и Сенъ-Пристомъ, высказывались въ смыслѣ утвердительномъ.

Отъ этой программы, къ которой успѣло присоединиться большинство наказовъ, впервые сдѣлано отступленіе въ тронной рѣчи, открывшей собою засѣданіе штатовъ. Король говоритъ въ ней глухо о своемъ намѣреніи сохранить начальство надъ націей (commander à la nation) и о томъ авторитетѣ, «какимъ долженъ пользоваться правитель среди преданнаго монархіи народа». Будущія реформы, по его словамъ, не имѣютъ другаго источника, кромѣ нѣжнаго участія, какое самъ онъ принимаетъ въ общественномъ благополучіи (tendre interêt au bien public). Говорящій вслѣдъ за королемъ хранитель печати даетъ только слѣдующія обѣщанія: равенство налоговъ, передача штатамъ законодательства о печати, измѣненіе уголовнаго кодекса назначенной правительствомъ коммиссіей судей, нѣкоторыя нововведенія въ дѣлѣ народнаго образованія и болѣе строгое исполненіе старыхъ регламентовъ на этотъ счетъ. Рѣчь Неккера, революціонная по формѣ и консервативная по содержанію, не прибавляетъ ко всему этому ничего существеннаго [1]).

---

[1]) См. Le programme royal aux élections de 1789 (La Révolution française, v. XVI. Janvier—Juin 1789, стр. 288—299).

Теперь насталъ моментъ ослабить впечатлѣніе, произведенное недостаточностью правительственной программы. Явилась необходимость показать, что возложенныя на депутатовъ порученія, могутъ быть осуществлены въ равной мѣрѣ королемъ. Правительство задалось мыслью склонить общественное мнѣніе къ признанію, что среди взаимнаго непониманія и междуусобной розни, оно одно достаточно сильно и достаточно проникнуто сознаніемъ своихъ обязательствъ предъ націей, чтобы собственнымъ почином произвесть неотложныя реформы. Такъ понялъ требованія времени Неккеръ, и такое направленіе думалъ онъ придать правительственному вмѣшательству. По словамъ г-жи Сталь, задуманная имъ декларація ничѣмъ существенно не отличается отъ конституціонной хартіи, дарованной Людовикомъ XVIII, вслѣдъ за паденіемъ Наполеона. Съ этимъ можно согласиться только при нѣкоторыхъ оговоркахъ. Отмѣтимъ хотя бы тотъ фактъ, что провозглашенная національнымъ собраніемъ публичность преній нашла въ Неккерѣ рѣшительнаго противника и что отмѣняющая ее статья декларацiи 23 іюня принадлежитъ ему всецѣло. Если вѣрить Неккеру, редакція, текстъ которой, къ сожалѣнію, не сохранился, не настаивала на удержаніи сословныхъ камеръ и ограничивалась требованіямъ раздѣлить національное собраніе по меньшей мѣрѣ на двѣ палаты, по образцу англійскихъ [1])

Но Неккеръ въ то же время сознается, что его проектъ допускалъ вето отдѣльныхъ палатъ по вопросамъ, задѣвавшимъ сословные интересы; высказываясь противъ налоговыхъ изъятій, онъ ставилъ собственность и сословныя преимущества дворянства и духовенства внѣ возможности какихъ бы то ни было посягательствъ, другими словами, Неккеръ старался сохранить существующій status quo сеньеріальнаго права и служебныхъ привилегій дворянства [2]).

---

[1]) Le monarque écartait seulement avec vigneur les idées naissantes sur la constitution de ces états en une seule assemblée, et il déclarit d'une manière positive qu'il refuserait son assentiment à toute espèce d'organisation législative qui ne serait pas composée au moin de deux chambres (De la révolution française, т. I, стр. 194).

[2]) Ibid., стр. 190.

При всемъ томъ, редакціи не суждено было пройти. Королева и графъ Артуа горячо приняли сторону дворянства. Неккеръ разсказываетъ, что засѣданіе совѣта, въ которомъ обсуждался предложенный имъ проектъ декларации, было внезапно прервано посланнымъ отъ Маріи-Антуанеты лицомъ. Король вызванъ на время для личныхъ переговоровъ и совѣтъ отсроченъ затѣмъ на нѣсколько дней. Когда послѣдовала новая сессія, прошла редакція графа Артуа, или вѣрнѣе—члена совѣта Видо де ла Туръ, дѣйствовавшаго по его указаніямъ. Неккеръ и Монморенъ подали прошенія объ отставкѣ; но король отказалъ имъ въ ней, а графъ Артуа, обращаясь къ Неккеру, позволилъ себѣ даже сказать: мы удерживаемъ васъ какъ заложника, и дѣлаемъ васъ отвѣтственнымъ за всѣ послѣдствія [1]). Несмотря на то, что дворянство, какъ мы увидимъ вскорѣ, нашло въ декларации 23 іюня рядъ постановленій, непосредственно задѣвавшихъ его интересы, оно тѣмъ не менѣе увидѣло въ ней, и не безъ основанія, попытку защитить его права и привилегіи отъ нападокъ общинъ. Ферьеръ разсказываетъ, что вслѣдъ за ея обнародованіемъ въ личномъ присутствіи короля представители дворянскаго сословія сочли нужнымъ принесть выраженіе своей признательности какъ графу Артуа, такъ и Маріи-Антуанетѣ. Явившаяся съ этой цѣлію депутація благосклонно была принята королевой. Представляя ей наслѣдника престола, Марія-Антуанета объявила, что даетъ его дворянству и надѣется породить въ умѣ своего сына убѣжденіе, что никто больше дворянства не стоитъ на стражѣ престола [2]).

Источники не разъ останавливаются на той мысли, что декларація 23 іюня заключала въ себѣ полное удовлетвореніе большинства требованій, высказанныхъ наказами.

Ея неуспѣхъ, думаютъ они, объясняется не недостаточностью обѣщанныхъ реформъ, а посторонними причинами: опасеніемъ, что дѣло общественной и политической реформы перейдетъ отнынѣ всецѣло изъ рукъ собранія въ руки короля, подозрѣніемъ,

---

[1]) См. письмо Томаса Джеферсона къ Джоржу Дже, отъ 24-го іюня 89 года.

[2]) См. Ферьеръ, т. I, стр. 59 и 60.

что вслѣдъ за обнародованіемъ королевскихъ милостей послѣдуетъ распущеніе штатовъ и возстановленіе прежняго самодержавія [1]). Современныя свидѣтельства даютъ нѣкоторое основаніе къ подобной оцѣнкѣ. Въ одномъ изъ своихъ тайныхъ донесеній двору Мирабо пишетъ, напр.: если бы включенныя въ текстъ деклараціи статьи выражены были въ качествѣ простыхъ пожеланій, осуществленіе которыхъ предоставлено штатамъ, страна немедля очутилась бы у ногъ короля [2]). Въ мемуарахъ Ожара также передается анекдотъ, ярко рисующій настроеніе депутатовъ отъ общинъ въ моментъ обнародованія деклараціи. Личный секретарь Маріи-Антуанеты утверждаетъ, что изъ устъ Таржэ ему пришлось выслушать, немного дней спустя послѣ королевской сессіи, 23-го іюня слѣдующее заявленіе: существуй въ государствѣ частное лицо, которое такъ или иначе открыло бы мину золота, длиною съ Версальскій каналъ, и эта мина позволила бы покрыть весь накопившійся дефицитъ, я бы приказалъ задушить этого человѣка; король теперь въ нашей власти, и мы извлечемъ изъ этого всю ту пользу, какая будетъ возможна [3]).

Если полагаться на только что приведенныя свидѣтельства, причины недовольства деклараціей лежали далеко не въ ней самой. Но такъ ли было въ дѣйствительности? Стòитъ сопоставить отдѣльныя статьи ея съ текстомъ наказовъ, чтобы вынести то убѣжденіе, что цѣлая сторона народныхъ требованій и желаній предается ею забвенію. Говоря это, я разумѣю не разъ предъявленный уже запросъ объ освобожденіи собственности отъ лежащихъ на ней путъ сеньеріальнаго права, на упраздненіе того зависимаго характера отношеній между помѣщиками и крестьянами, на которомъ построена была система землевладѣнія и весь

---

[1]) Mémoires de Ferrières, стр. 58. La séance royale offrit l'odieux appareil d'un lit de justice.

[2]). Note 47-ème, см. Annales de l'Ecole des Sciences Politiques за 1790-ый годъ. Les Préliminaires de la séance royale du 23 juin 1789, par Ch. de Loménie, p. 105.

[3]) S'il existait dans le royaume un particulier quelconque qui, par hasard ou autrement, eût découvert une mine d'or grosse et longue comme le canal de Versailles, il faudrait étouffer cet homme là; nous tenons aujourd'hui le Roi dans notre puissance, il y passera dans toute l'étendue de la filière. Mémoires secrets D'Augeard, стр. 186.

соціальный строй Франціи стараго порядка. Декларація не только не говоритъ ни слова объ отмѣнѣ феодализма, но, наоборотъ, заключаетъ въ себѣ прямое указаніе на то, что въ глазахъ правительства вытекающіе изъ феодализма повинности и платежи составляютъ законный видъ собственности и въ правѣ расчитывать на его защиту. Отмѣняя податныя изъятія дворянства и церкви и провозглашая принципъ равнаго обложенія, декларація въ то же время принимаетъ мѣры къ охранѣ всѣхъ прочихъ преимуществъ, связанныхъ съ принадлежностью къ высшему званію, какъ-то: почетныхъ правъ, феодальной и сеньеріальной собственности, и вообще всѣхъ старинныхъ привилегій, корень которыхъ лежитъ въ существованіи высшихъ сословій. Всякія измѣненія въ этихъ преимуществахъ допустимы только подъ условіемъ согласія самого дворянства и церкви [1]).

По справедливому замѣчанію Шереста, только что названныя статьи въ связи съ формальнымъ запрещеніемъ публичности преній и голосованій, одни наполняютъ собою ту часть деклараціи, которая посвящена изложенію немедленно подлежащихъ осуществленію реформъ [2]). Что касается до той ея половины, которая заключаетъ въ себѣ передачу королевскихъ намѣреній и плановъ на будущее, то она является скорѣе какой-то политической программой, нежели сводомъ уже достигнутыхъ реформъ. Многія изъ тѣхъ вольностей, которыя обѣщаны въ ней, переданы въ такой редакціи, которая предполагаетъ возможность ихъ обхода и тѣмъ самымъ лишаетъ принятыя правительствомъ обязательства всякаго серьезнаго значенія. Такъ, напр., правило, что налоги могутъ быть взимаемы только съ согласія народныхъ представителей, и что ихъ же согласіе необходимо для

---

[1]) Seront exceptées des affaires qui pourront être traitées en commun celles qui regardent les droits antiques et constitutionnels des trois ordres, la forme de constitution à donner aux prochain états généraux, les propriétés féodales et seigneuriales, les droits utiles et les prérogatives honorifiques des deux premiers ordres. IX. Le consentement particulier du clergé sera nécessaire pour toutes les dispositions qui pourraient interesser la religion, la discipline ecclésiastique, le régime des ordres et corps séculiers et reguliers.

[2]) Сравни, Шерестъ, т. III, стр. 268.

займовъ, прямо отмѣняется прибавкой, что въ случаѣ войны или другой опасности для націи, король въ правѣ немедленно приступить къ займу въ сто милліоновъ.

Почти всѣ наказы высказываются въ пользу періодичности штатовъ. Королевская декларація ни мало не принимаетъ въ расчетъ и этого запроса. Въ ней нѣтъ указанія сроковъ, въ которые генеральные штаты подлежатъ возобнонленію. Отъ короля попрежнему должно зависить опредѣленіе времени и мѣста ихъсобраній.

Въ деклараціи нельзя найти прямаго признанія за штатами законодательной власти. Хранитель печати Барантэнъ объясняетъ причину, по которой правительство не сочло нужнымъ выговорить этого права сословному представительству, какъ этого требовалъ Неккеръ. «По нашему мнѣнію, пишетъ онъ, это ниспровергло бы основные законы государства». Въ мемуарахъ того-же Барантена можно встрѣтить попытку опредѣленія границы, въ которыхъ народное представительство допускается къ выраженію нуждъ и желаній націи. Отправляясь отъ того принципа, пишетъ онъ, что согласіе народа необходимо для созданія новаго налога и продленія срока прежняго, мы полагали бы, что внѣ этихъ случаевъ всякое собраніе штатовъ излишне и можетъ имѣть мѣсто только въ силу спеціальнаго призыва короля. Согласно этому текстъ деклараціи говоритъ только о невозможности отмѣнить безъ участія сословій уже принятыя рѣшенія, рѣшенія скрѣпленныя королевскою подписью, и обезпечивающія личную свободу, равенство налоговъ и существованіе провинціальныхъ собраній. Такая редакція, очевидно, не предполагала за штатами права законодательнаго почина, котораго, какъ мы уже сказали, не знала старинная французская монархія, постоянно стоявшая передъ глазами составителей деклараціи. Неизвѣстна была ей также министерская отвѣтственность, которой однако требовали наказы.

Что касается до публичныхъ правъ, то заявленіе, что свободу печати слѣдуетъ примирить съ уваженіемъ къ религіи, добрыми нравами и честью гражданъ, а отмѣну административныхъ арестовъ въ силу lettres de cachet съ необходимостью сохранить общественное спокойствіе и честь семей не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что правительство и на этотъ разъ сохранило за собой средство къ обходу имъ самимъ обѣщанныхъ вольностей.

Отмѣняя только въ принципѣ всякаго рода податныя изъятія, оно предоставляло высшимъ сословіямъ практическое осуществленіе обѣщаннаго. Въ будущемъ также должно было воспослѣдовать уравненіе всѣхъ въ дѣлѣ несенія личныхъ повинностей. Пока послѣднія не замѣнены будутъ денежными взносами, дворянство и духовенство должны сохранить свободу отъ нихъ. Ни словомъ не упоминается объ отмѣнѣ служебныхъ преимуществъ дворянства, въ особенности высшаго.

Изо всѣхъ видовъ сеньерьяльныхъ правъ перестаетъ существовать одна только личная зависимость крестьянъ; всѣ же остальныя, какъ-то: чиншъ, или цензива, ренты и другія сеньеріальныя права и обязательства объявляются предметами постояннаго уваженія и признанія. Отмѣна franc-fief или обязательства платить сборъ въ казну въ случаѣ покупки дворянскаго имѣнія, и выкупъ личной дорожной повинности заканчиваютъ собою рядъ реформъ, предпринимаемыхъ правительствомъ на пользу средняго сословія.

Изображая въ своемъ дневникѣ то впечатлѣніе, какое декларація 23-го іюня произвела въ обществѣ, Говерноръ Морисъ замѣчаетъ: король сегодня доставилъ большое удовольствіе дворянамъ и большое неудовольствіе среднему сословію [1]). Прочитавши текстъ деклараціи, легко понять причину того и другаго. Правда, королевская власть рѣшалась поднять руку на нѣкоторыя сословныя права и преимущества; но въ жертву приносились ей только тѣ привилегіи, отъ которыхъ дворянство считало нужнымъ отказаться прежде, слѣдуя въ этомъ отношеніи совѣту парламентовъ и нотаблей. Ихъ отмѣна не только не связывалась съ низверженіемъ сеньеріальныхъ порядковъ, но, наоборотъ, неприкосновенность послѣднихъ ставилась подъ защиту новой конституціи на ряду съ почетными правами и преимуществами высшихъ сословій и обособленностью ихъ представительства, каждый разъ, когда на обсужденіе поступаетъ вопросъ, такъ или иначе задѣвающій ихъ спеціальные интересы. Мунье вѣрно передавалъ ту точку зрѣнія, съ какой среднее сословіе смотрѣло на увѣковѣченіе этой системы феодальнаго безправія

---

[1]) См. Diary and letters of Gonverneur Morris., т. I, стр. 104.

и крѣпостнаго гнета, на этотъ открыто выраженный отказъ отъ равенства и изополитіи, отъ замѣны въ частности сословнаго представительства народнымъ». Подобная конституція, пишетъ онъ, неминуемо отдаетъ народъ въ угнетеніе, упрочитъ злоупотребленія, породитъ междоусобную ненависть и вражду [1]).

Г-жа Сталь справедливо указываетъ, что въ деклараціи допущена та роковая ошибка, что частные интересы высшихъ сословій признаны чѣмъ-то нераздѣльнымъ отъ интересовъ королевской власти, послѣдствіемъ же этого, прибавляетъ она, было то, что привилегированные вовлекли въ собственную погибель и монархію [2]). Монлозье вполнѣ подтверждаетъ высказываемый здѣсь взглядъ, говоря: одно сохраненіе деклараціей сословныхъ различій заставило общество добровольно закрыть глаза на всѣ ея благодѣянія [3]).

Но отмѣчая недовольство, вызванное консерватизмомъ правительства въ сферѣ общественныхъ вопросовъ, недовольство, особенно рѣзко проявившееся въ рядахъ средняго сословія, не будемъ также упускать изъ виду, что недостаточность политическихъ уступокъ и желаніе приписать ихъ всецѣло доброй волѣ короля, возстановили противъ деклараціи всѣхъ друзей свободы, не исключая и привилегированныхъ. Человѣкъ, вышедшій изъ ихъ среды и всегда дотолѣ стоявшій вдалекѣ отъ двора, маркизъ де-Ферьеръ, передаетъ въ своихъ мемуарахъ ту точку зрѣнія, съ какой его ближайшіе товарищи, члены провинціальнаго дворянства, смотрѣли на поведеніе короля и на содержаніе обнародованной имъ деклараціи. «Королевское присутствіе, пишетъ—онъ, воспроизвело всѣ ненавистныя подробности lit

---

1) Je ne verrai jamais dans une pareille constitution que l'oppression du peuple, le maintien de tous les abus, un levain de haine et de discorde entre tous les citoyens. (Exposé de la conduite de M. Mounier, p. 8). Un Royaliste libéral en 1789.—Jean Joseph Mounier par L. de Lansas de Laborie. 1887.

2) Les interéts des corps n'étaient point unis à ceux de la prérogative royale, et, en voulant les rendre inséparables, les privilégiés ont entrainé le trône dans leur propre chute:—Considérations sur la Révolution Française par M-me la Baronne de Staël. 1818, т. I, стр. 220.

3) Mémoires de Monlosier, т. I, стр. 198 и 203.

de justice; солдаты и личная гвардія окружали залъ засѣданія; все, что приближалось къ престолу, носило печать молчаливаго унынія. Сама декларація никого не удовлетворила. Людовикъ XVI походилъ болѣе на деспота, дающаго приказы, нежели на монарха, призывающаго народныхъ представителей къ обсужденію интересовъ великой націи. Людей, которымъ повиновеніе дѣлалось въ тягость, которые нетерпѣливо ожидали свободы, непріятно поражало частое повтореніе королемъ фразы: я этого хочу [1]).

Ко всѣмъ этимъ причинамъ неуспѣха слѣдуетъ прибавить еще одну. Неккеръ утверждаетъ, и не безъ основанія, что враждебность, съ какою встрѣчена была декларація 23-го іюня, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что вводимыя ею реформы выдаваемы были за королевскую милость, а не за результатъ совокупной дѣятельности представительства и монарха. «Легко-ли повѣрить, пишетъ онъ въ 1792 г. При чтеніи декрета депутаты возмущены были прежде всего тѣмъ, что король принимаетъ слишкомъ большое участіе въ возрожденіе народнаго благополучія. По собственной инціативѣ, великодушно жертвуя своею властью, онъ объявлялъ, что налоги не будутъ взимаемы впредь безъ народнаго согласія. И отъ него также исходило предложеніе примирить свободу печати съ требованіями религіи и нравственности, оградить свободу личности и тому под. [2]).

Враждебные революціи историки и публицисты не разъ старались провести тотъ взглядъ, что декларація 23-го іюля какъ нельзя удачнѣе рѣшала поставленные временемъ вопросы [3]). Если вѣрить имъ, бóльшая уступчивость, бóльшее довѣріе къ королю и его министрамъ, позволили-бы среднему сословію, по-

---

[1]) Memoires du Marquis de Ferriéres., т. I, стр. 58.

[2]) См. Du pouvoir éxecutif dans les grands états par Necker., т. II, 1792, стр. 233. Александръ Ламетъ въ своей исторіи національнаго собранія высказываетъ приблизительно то же, говоря: Les formules impératives dans cette séance royale et le caractére qu'y prenait le roi comme seul représentant de la nation, ne considérant ses mandataires que comme de sinples conseillers, n'était point de nature pour obtenir l'assentiment des députés. Histoire de l'assemblée nationale, т. I, стр. 29.

[3]) Это сдѣлано въ послѣдній разъ Маріусъ Сепé въ монографіи Паденіе во Франція стараго порядка. См. стр. 73 и слѣд.

мимо всякаго насильственнаго переворота, добиться необходимыхъ гарантій свободнаго политическаго строя. Послѣ сказаннаго о содержаніи деклараціи, трудно согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ. Не будемъ забывать, что событія, ознаменовавшія собою конецъ прошлаго столѣтія, вызваны были въ такой же, если не большей мѣрѣ, стремленіемъ къ равенству, какъ и къ политической свободѣ. А этому стремленію королевская декларація, можно сказать, почти отказывала въ своемъ признаніи.

Какъ же говорить послѣ этого о возможности мирнаго рѣшенія ею задачъ, лежащихъ въ основѣ современной гражданственности. Декларація на самомъ дѣлѣ являлась компромиссомъ старыхъ порядковъ съ требованіями ходячей, не столько общественной, сколько политической доктрины, компромиссомъ, далеко не достаточнымъ, ставившимъ себѣ цѣлью скорѣе упроченіе стараго порядка, нежели его перестройку. На нее надо смотрѣть не какъ на исходный моментъ въ развитіи французской демократіи, а какъ на послѣднее слово старой Франціи, Франціи, столько же преданной самодержавію, сколько и аристократіи. При такихъ условіяхъ единоличному акту Людовика XVI-го трудно было сдѣлаться той «великой хартіей вольностей», какой считаютъ ее, неизвѣстно почему, нѣкоторые современники и многіе изъ недавнихъ повѣствователей. Нельзя поэтому, заодно съ авторомъ мемуаровъ Вебера, утверждать, что только демонстративному отсутствію Неккера на засѣданіи въ моментъ обнародованія деклараціи, этому такъ сказать молчаливому протесту популярнаго министра, надо приписать оппозицію буржуазіи и отказъ ея депутатовъ покинуть залъ засѣданій. Историки едва ли согласятся когда-либо въ опредѣленіи того вліянія, какое на это рѣшеніе оказала личная иниціатива Бальи, Мирабо и Сіейса, которымъ авторы мемуаровъ разно приписываютъ честь почина энергическихъ предложеній и столь же строгихъ протестовъ; но исходъ неудачно начатаго правительствомъ столкновенія зависѣлъ, разумѣется, не отъ произнесенія тѣмъ или другимъ депутатомъ приписываемыхъ ему или придуманныхъ имъ впослѣдствіи словъ [1]. Онъ не обусловливался также исключи-

---

[1]) До сихъ поръ остается спорнымъ, сказалъ ли Мирабо церемоній-

тельно податливостью Людовика XVI, будто бы не нашедшаго другаго отвѣта на извѣщеніе, что національное собраніе остается въ сборѣ, кромѣ: «не хотятъ расходиться, такъ пусть сидятъ». Допуская даже ту версію, которая гласитъ, что посланная противъ депутатовъ военная команда была остановлена при входѣ дворянами-патріотами, обнажившими шпаги въ защиту товарищей, мы все же приходимъ къ заключенію, что оппозиція средняго сословія была сильна прежде всего сочувствіемъ къ ней общественнаго мнѣнія. Церемоніймейстеръ де-Брезэ, преклоняющійся предъ категорическимъ отказомъ президента исполнить королевскую волю и объявить засѣданіе закрытымъ; солдаты, не приводящіе въ исполненіе даннаго имъ приказа изъ нежеланія пролить кровь депутатовъ; король и королева, упрашивающіе Неккера не покидать ихъ въ минуту опасности и подъ его вліяніемъ направляющіе къ дворянству и духовенству призывъ о немедленномъ присоединеніи къ среднему сословію; графъ д'Артуа, настаивающій передъ ними на томъ, что дальнѣйшая безопасность короля зависитъ отъ выполненія этого желанія: всѣ и каждый въ отдѣльности руководствуются однимъ и тѣмъ же мотивомъ, сознаніемъ, что общественное мнѣніе страны одобрило поведеніе національнаго собранія и осудило всѣ попытки монархической реакціи.

Если Неккеръ проповѣдуетъ уступчивость, то прежде всего потому, что въ его глазахъ нельзя положиться на армію. Его мнѣніе находитъ поддержку въ ближайшемъ начальникѣ парижскаго гарнизона, баронѣ Безенвалѣ, и оправдывается дальнѣйшимъ поведеніемъ французскихъ гвардейцевъ въ революцію 14-го

мейстеру де-Брезэ извѣстную фразу: Allez dire à ceux qui vous envoient que nous sommes ici par la volonté nationale et que nous n'en sortirons que par la puissance des baïonettes. Самъ Мирабо приписываетъ себѣ нѣчто подобное въ 13-омъ письмѣ къ своимъ избирателямъ; но въ мемуарахъ маркиза де-Брезэ, сына того, кому данъ былъ этотъ отвѣтъ, приводится нѣсколько отличныхъ отъ этой редакціи. Nous sommes assemblés par la volonté nationale et nous ne sortirons que par la force. Смыслъ заявленія остается впрочемъ прежній. Его не измѣняетъ и сдѣланная Бальи запись: „Allez dire à ceux qui vous envoient que la force des baïonettes ne peut rien contre la volonté de la Nation". См. Les Mirabeaux par Louis de Loménie, т. IV, стр. 328.

іюня. Если Сіейсъ, несмотря на выслушанный отъ короля приказъ прекратить пренія и оставить залу присутствія, рѣшается сказать товарищамъ: «мы сегодня то же, что были вчера; а потому приступимъ къ дебатамъ», то опять таки изъ сознанія, что за нимъ стоятъ не только представители націи, не только окружающая собраніе толпа, но десятки и сотни тысячъ народа, одинаково въ Парижѣ и провинціяхъ. Если духовенство и дворянство, несмотря на принципіальныя различія, неохотно и скрѣпя сердце дѣлаютъ рѣшительный шагъ къ сближенію, приходятъ засѣдать на однѣхъ скамьяхъ съ среднимъ сословіемъ, выгораживая въ то же время свою свободу въ будущемъ, то опять-таки изъ убѣжденія, что въ данный моментъ общественное мнѣніе всецѣло стоитъ на сторонѣ національнаго собранія и что всякое противодѣйствіе съ ихъ стороны можетъ сдѣлаться поводомъ къ междоусобной войнѣ.

Напрасно нѣкоторые историки, и въ числѣ ихъ Шерэстъ, стараются представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто вынужденная уступчивость короля и высшихъ сословій была результатомъ напередъ обдуманнаго плана, составляла часть того заговора, какой дворъ и аристократическая партія составили противъ общинъ. Въ тайной перепискѣ близкаго совѣтника Маріи Антунеты, Мерси Аржанто, нѣтъ ни единаго намека на желаніе усыпить опасенія народнаго представительства и тѣмъ самымъ обезпечить успѣшность задуманнаго coup d'état. Наоборотъ, въ нихъ можно найти категорическое доказательство тому, что вслѣдъ за пораженіемъ, понесеннымъ 23-го іюня, король и королева рѣшились во всемъ положиться на Неккера и его союзниковъ въ министерствѣ — Монморена и Сенъ-Приста. Съ 23-го по 27-ое іюня, пишетъ Мерси австрійскому министру Кауницу, всѣ здѣсь казались потерявшими голову; и къ тому было не мало основаній, такъ какъ за послѣдніе четыре дня голодъ, банкротство и междоусобная война казались неминуемы. Дворъ уже думалъ о томъ, чтобы переселиться въ какой-нибудь укрѣпленный городъ. Но это было едва ли выполнимо въ виду отпаденія войскъ, засвидѣтельственнаго рядомъ случаевъ неповиновенія. Если бы Неккеръ удалился отъ дѣлъ, какъ это было его намѣреніе, или если бы безумный проектъ графа

Артуа и другихъ членовъ королевской семьи подвергнуть министра задержанію не встрѣтилъ рѣшительнаго отпора въ королѣ и королевѣ, нельзя было бы избѣжать возстанія [1]). Правительству тѣмъ труднѣе было бы остановиться на мысли, отвести кому слѣдуетъ глаза подозрительнымъ заискиваніемъ, что народъ относился къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ. Это недовѣріе на столько было сильно, что самые странные слухи принимались толпою на вѣру. Въ тайныхъ донесеніяхъ венеціанскаго, посла Антоніо Капелло, какъ и въ рядѣ одновременныхъ свидѣтельствъ, можно сплошь и рядомъ найти упоминаніе о томъ, что всѣ ждутъ кровавой рѣзни. «Дома патріотовъ, пишетъ Капелло, помѣчены и должны быть преданы грабежу и пламени. Ожидается поголовное избіеніе вожаковъ оппозиціи, штурмъ Парижа, прибытіе въ него войскъ подземными ходами, будто бы существующими между Версалемъ и Бастиліей. Слухъ о предстоящемъ coup d'état носился въ воздухѣ прежде назначенія маршала Брольи главою парижскихъ войскъ, прежде внезапнаго пріѣзда барона Бретеля изъ деревни въ Версаль. Національное собраніе, по предложенію Мирабо, еще раньше вступленія въ его ряды духовенства и дворянъ, принимало мѣры къ защитѣ своихъ членовъ отъ возможности произвольныхъ арестовъ, провозглашало неприкосновенность депутатовъ и отвѣтственность министровъ. Даже не допуская существованія какого-то издавна подготовляемаго заговора, сомнѣваясь въ томъ, чтобы съ достойнымъ Макіавелли коварствомъ дворъ старался усыпить недовѣріе будущихъ своихъ жертвъ, легко тѣмъ не менѣе объяснить, какъ слабохарактерный по природѣ король поддался убѣжденіямъ окружавшей его камарильи, разъ только маршалу Брольи и старинному совѣтнику Бретелю удалось породить въ немъ увѣренность въ легкости, съ какой можетъ быть произведена контръ-революція. А что тотъ и другой въ дѣйствительности высказывались въ этомъ смыслѣ, на то имѣются у насъ согласныя показанія мемуаровъ Вебера, Безенваля и Монлозье. Вотъ что говоритъ первый, свидѣтельство котораго особенно

---

[1]) Correspondance secrète 4-го іюня 89 года, письмо къ Кауницу, т. II, стр. 354 и 355.

цѣнно, какъ близкаго къ королевѣ лица (онъ былъ ея молочнымъ братомъ). Разстояніе, отдѣляющее насъ отъ времени, когда произошли разсказываемыя событія, позволяетъ мнѣ упомянуть, къ чести Маріи Антуанеты, пишетъ Веберъ, что она, въ числѣ первыхъ, подала королю великодушный совѣтъ поддержать свою власть силой и отпустить министровъ, требовавшихъ отъ него полнѣйшаго преклоненія предъ собраніемъ. Недавнія событія изъ жизни ея матери (Маріи Терезіи) указывали королевѣ на то, чего можно достигнуть однимъ смѣлымъ ударомъ, даже въ эпохи такихъ кризисовъ, изъ которыхъ, по общему мнѣнію, нѣтъ исхода [1]). По словамъ другаго не только свидѣтеля, но и участника контръ-революціи, Безенваля, маршалъ Брольи проникнутъ былъ убѣжденіемъ, что «однимъ словомъ ему удастся подчинить Парижъ, внушить страхъ національному собранію, укрѣпить корону на головѣ Людовика XVI и сосредочить въ своихъ рукахъ бразды правленія [2])». Маршалъ Брольи, говоритъ въ свою очередь Монлозье, не скрывалъ своего желанія произвесть насильственный переворотъ въ пользу стараго порядка; онъ сходился въ этомъ съ Бретелемъ и его приверженцами: ничто не казалось ему легче осуществленія такого замысла [3]). Въ мемуарахъ Бальи подробно разсказано все происходившее въ собраніи во второй половинѣ іюня. Сліянію палатъ предшествовало, какъ мы видѣли, вступленіе отдѣльныхъ членовъ дворянства и духовенства: 24-го присоединилась часть церковной камеры, подъ предводительствомъ архіепископа Віенскаго; 25 — восемь кюре, съ ректоромъ парижскаго университета, вошедши въ залъ засѣданія, впервые сдѣлали заявленіе, что намѣрены оставаться въ немъ не только до момента, когда провѣрены будутъ ихъ полномочія, но и послѣ этого. Вскорѣ затѣмъ вошли и 47 депутатовъ отъ дворянства. Многіе изъ сторонниковъ средняго сословія продолжали тѣмъ не менѣе засѣдать въ дворянской камерѣ, отдѣльно отъ національнаго собранія, съ цѣлью поддержать въ немъ агитацію въ пользу окончательнаго сліянія. Если

---

[1]) Mémoires de Weber, т. I, стр. 364.
[2]) Mémoires du Baron de Boesenval, т. II, стр. 354.
[3]) Монлозье. Mémoires, стр. 195.

вѣрить Ферьеру, отсутствіе Лафайета въ національномъ собраніи не имѣло другой причины [1]). Важнѣйшимъ препятствіемъ являлось однако то обстоятельство, что многіе дворянскіе наказы запрещали депутатамъ засѣдать иначе, какъ по сословіямъ. Этимъ объясняется, почему Талейранъ счелъ нужнымъ предложить собранію 7-го іюля 89 года проектъ закона, объявлявшаго, что избиратели не въ силахъ связывать воли депутатовъ путемъ такъ называемыхъ повелительныхъ мандатовъ (mandats impératifs) [2]). Многіе изъ представителей, не ожидая исхода открывшихся по этому предмету преній, спѣшатъ въ свои бальяжи и возвращаются оттуда съ новыми, болѣе широкими и свободными полномочіями. Такъ поступилъ въ числѣ другихъ Лафайетъ, который вслѣдъ затѣмъ присоединился къ засѣдавшимъ въ собраніи членамъ своего сословія.

Революція 14 іюля узаконила начавшееся раньше ея сліяніе сословій. Король призналъ самый фактъ обращенія генеральныхъ штатовъ въ національное собраніе. Явившись добровольно въ его среду, онъ заявилъ, что отнынѣ намѣренъ составлять одно съ націей и ждетъ отъ національнаго собранія помощи въ упроченіи государственнаго благополучія [3]). Людовикъ XVI, говоритъ Бальи, выразилъ тѣмъ самымъ свою готовность признать собраніе; онъ узаконилъ всѣ отмѣненныя деклараціей 23 іюня декреты о поголовномъ счетѣ голосовъ, о сліяніи сословій въ одну палату. 16 іюля временный президентъ собранія, Клермонъ Топеръ, прочелъ присутствующимъ текстъ слѣдующаго заявленія, представленнаго ему отъ имени большинства дворянскихъ депутатовъ. «Считая себя связанными волею довѣрителей, многіе изъ насъ пока не рѣшались принять участія въ вашихъ работахъ. Но переживаемыя нами обстоятельства такъ близко касаются общественнаго блага и на столько требуютъ неотложныхъ рѣшеній, что мы думаемъ дѣйствовать вполнѣ согласно съ волею избирателей и только предупредить ея выраженіе, заявляя, что впредь будемъ подавать голосъ по всѣмъ обсуждаемымъ

---

1) Mémoires de Ferrières, т. I, стр. 67 и 68.
2) См. Arch. Parlem., т. VIII, стр. 200 и 201.
3) Мемуары Бальи, т. II, стр. 5 и 7.

собраніемъ вопросамъ». Депутаты парижскаго дворянства высказались затѣмъ въ томъ же смыслѣ. Очередь настала за духовенствомъ и кардиналъ Ларошъ-Фуко объявилъ о готовности его членовъ присоединиться къ собранію. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Бальи, національное собраніе оказалось въ полномъ составѣ, и его протоколы впервые признали, что всѣ депутаты, полномочія которыхъ подверглись повѣркѣ, имѣютъ голосъ въ подлежащихъ обсужденію дѣлахъ [1])».

Но не ранѣе 29 іюля исчезли въ собраніи всякіе слѣды сословности. Въ этотъ именно день герцогъ Мортемаръ предложилъ упразднить тѣ порядки, въ силу которыхъ дворянство и духовенство занимали еще особыя скамьи. Его предложеніе, говоритъ Бальи, покрыто было апплодисментами [2]).

Замѣна сословнаго представительства народнымъ была первой побѣдой равенства надъ привилегіей. Но эта побѣда сдѣлала возможной и всѣ остальныя. Безъ соединенія депутатовъ въ одномъ собраніи, не мыслимо было бы то дружное дѣйствіе средняго сословія съ приходскими кюре и дворянами-патріотами, которое обезпечило представителямъ націи численное большинство во всѣхъ дебатахъ. Только заручившись имъ, можно было пойти смѣло по пути общественнаго и политическаго возрожденія, проводить демократическія тенденціи и въ аграрное законодательство, и въ конституціонное устройство; но всѣ подобнаго рода реформы требовали времени. Не желая медлить, озабоченное прежде всего мыслью о констатированіи достигнутой имъ побѣды, среднее сословіе поспѣшило редакціей руководившихъ имъ принциповъ народнаго суверенитета и равенства. Оно приступило поэтому къ составленію декларацін правъ.

---

1) Ibid., стр. 39.

2) Ibid., стр. 171. Замѣтимъ однако, что въ журналахъ времени и въ томъ числѣ въ Монитерѣ, нѣтъ упоминаній объ этомъ предложеніи.

ГЛАВА II.

Декларація правъ человѣка и гражданина.

§ 1.

Съ конца іюня 1789 года генеральные штаты Франціи, преобразованные по волѣ средняго сословія въ единую всесословную камеру, національное собраніе, засѣдаютъ почти безъ перерыва день за днемъ. Сессіи длятся нерѣдко двѣнадцать часовъ подъ-рядъ; начинаются въ первомъ или второмъ по полудни и заканчиваются въ третьемъ или четвертомъ утра. Что, спрашивается, побуждаетъ депутатовъ обнаруживать такую лихорадочную дѣятельность; чему посвящаютъ они жаркіе дни лѣтнихъ мѣсяцевъ, не зная усталости, не требуя отдыха?

«Они заняты построеніемъ теоріи неправильныхъ спряженій», пишетъ Карлайль. Они вырабатываютъ начала общей всѣмъ народамъ конституціи, думаютъ сами депутаты [1]). Вотъ отзывы, повидимому, исключающіе другъ друга; на самомъ же дѣлѣ каждый въ своей односторонности заключаетъ долю истины.

И Карлайль правъ, думая, что поставленная собраніемъ задача имѣла скорѣе теоретическое, нежели практическое значеніе, что формулировка правъ человѣка принадлежитъ къ кругу дѣятельности ученыхъ академій, отнюдь не законодательныхъ

---

[1]) Если бы отъ всей конституціи 91 года не осталось ничего, кромѣ деклараціи, и этого одного достаточно было бы для ея безсмертія. Подобно Евангелію, она должна была сдѣлаться предметомъ преслѣдованія, ибо что она, какъ не благовѣстіе малымъ симъ (Rabaux S. Etienne. Oeuvres, стр. 321).

палатъ. И депутаты правы, высказывая надежду, что ихъ манифестъ войдетъ со временемъ въ сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ обществъ, сдѣлается и политическимъ credo народныхъ массъ, и руководящею нитью для законодателей. Исторія оправдала эти ожиданія. Кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится отрицать, что такія положенія, какъ свобода отъ личнаго подчиненія и рабства, равенство всѣхъ предъ закономъ и судомъ, всесословность, публичность и гласность правосудія, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной, не позволяющее дать закону обратную силу, признаны въ наши дни не только ограниченными, но и неограниченными монархіями — Турціей и Россіей? Кому неизвѣстно также, что свобода духовныхъ проявленій личности соблюдается болѣе или менѣе повсюду, гдѣ существуютъ гарантіи и конституціи, т. е. на протяженіи всей западной Европы, всего Американскаго материка, значительной части Азіи, всей Австраліи и многихъ мѣстностей Африки?

Всесословность — это драгоцѣннѣйшее для людей 89 года благо—на столько успѣла проникнуть во всеобщее сознаніе даже отсталыхъ народностей, что всякая попытка уклониться отъ нея путемъ расширенія свободы одного класса, хотя бы и безъ ущерба остальнымъ, кажется намъ явною несправедливостью. Мы охотнѣе миримся съ равенствомъ въ безправіи, нежели съ неравенствомъ въ правахъ.

Повсемѣстное усвоеніе принциповъ 89 года само по себѣ уже ручается намъ за то, что принципы эти были не простыми теоретическими домыслами, а, наоборотъ, вынесенными изъ жизни убѣжденіями. Философскія абстракціи, воспринятыя въ текстъ конституцій, не становятся отъ этого частью нашего сознанія. Чтобы сдѣлаться ею, они должны отвѣчать существеннымъ потребностямъ общества, всѣми чувствуемой, хотя бы и смутно сознаваемой необходимости.

Наказы 89 года, ставившіе на видъ депутатамъ необходимость изданія декларацін правъ, относились къ ней не какъ къ отвлеченному теоретическому требованію, а какъ къ ясно сознаваемой практической задачѣ. Не имѣя возможности по многимъ причинамъ, говорятъ наказы средняго сословія отъ Рена, добиться сразу наилучшихъ законовъ и конституціи, и убѣжден-

ные также, что современное поколѣніе безсильно воспрепятствовать улучшенію ея въ будущемъ, проникнутые, наконецъ, сознаніемъ о необходимости соединить въ одно цѣлое вѣчные принципы общественнаго порядка, съ которыми надо будетъ считаться впредь при исправленіи существующихъ несовершенствъ въ учрежденіяхъ и отмѣнѣ злоупотребленій, депутаты генеральныхъ штатовъ должны начать свою законодательную дѣятельность съ изданія подробной деклараціи всѣхъ существенныхъ правъ гражданина и націи, правъ, которыя не могутъ быть отмѣнены никакимъ человѣческимъ закономъ» [1]).

Если философскія абстракціи 1789 года нашли себѣ примѣненіе на практикѣ, оказались не мертвыми формулами, а вполнѣ жизненными началами, то потому, что, думая провозгласить новые для міра принципы, составители деклараціи о правахъ человѣка только давали признаніе тому, на что натолкнулъ ихъ, что выработалъ историческій опытъ. На первый взглядъ ихъ положенія представляются намъ цѣликомъ заимствованными изъ сочиненій кабинетныхъ мыслителей—Кумберланда, Локка, Руссо, Вольтера, Монтескье. На самомъ же дѣлѣ ихъ первоисточникомъ являются такіе законодательные памятники, какъ Великая Хартія вольностей, Актъ habeas corpus, Декларація вѣротерпимости, Петиція правъ, американская декларація независимости. Понятіе о неотчуждаемыхъ вольностяхъ, о правахъ, которыя не могутъ быть отняты ни законами, ни конституціями, было вполнѣ установлено уже въ республиканской Англіи XVII-го вѣка. «Неотчуждаемыя и не знающія вліянія давности права», о которыхъ говоритъ декларація 89 года, это то самое, что англійскіе радикалы полутора столѣтіями раньше, и по ихъ примѣру Кромвель, обозвали «необходимыми устоями всякой конституціи», ея essentials. Вмѣстѣ съ пуританскимъ радикализмомъ эти идеи перешли въ новый свѣтъ, проникли въ конституціи и законы от-

---

[1]) Arch. Parl. T. V, стр. 538. Требованіе составить декларацію правъ человѣка и гражданина высказано было наказами какъ дворянства, такъ и средняго сословія. Шерэстъ приводитъ въ доказательство этой мысли выдержки изъ наказовъ дворянства Безьера, Манта, Парижа, а также изъ наказовъ средняго сословія Рена и другихъ (см. La Chute de l'Ancien Régime par Aimé Chérest., томъ II, стр. 465–468).

дѣльныхъ штатовъ и провозглашены были торжественно всему міру въ составленной Джефферсономъ декларацiи независимости. Сама форма, въ которой люди 1789 г. пожелали обнародовать свои воззрѣнія на руководящіе принципы государственнаго устройства, та самая, къ которой ранѣе ихъ не разъ обращались англичане и къ которой еще недавно прибѣгли піонеры возникающей въ Сѣверной Америкѣ европейской гражданственности.

Если принципы 1789 года въ концѣ XVIII вѣка могли считаться новинкой, то только въ томъ смыслѣ, что отрицали тѣ самыя начала, на которыхъ былъ построенъ общественный и политическій складъ Франціи и всего европейскаго континента. Для феодальныхъ порядковъ, основанныхъ на привилегіяхъ и изъятіяхъ, провозглашаемый декларацiей принципъ равенства предъ закономъ и судомъ былъ своего рода смертнымъ приговоромъ. Политическая и гражданская свобода и начало народнаго суверенитета, очевидно, въ такой же мѣрѣ противорѣчили ученію «l'état c'est moi», пророча неминуемую гибель всемогущей и вездѣсущей бюрократіи.

Ошибочно было бы думать однако, что разлагающая сила принциповъ 89 года не сказалась на континентѣ Европы задолго до ихъ обнародованія. Уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ писатели, въ родѣ Филиппа де-Коминъ, почерпая свѣдѣнія объ англійской конституціи изъ сочиненій знаменитаго Фортескью [1]), будили въ общественномъ сознаніи французовъ никогда не исчезающій вполнѣ запросъ на политическую свободу. Ихъ проповѣдь не можетъ быть названа безпочвенной, такъ какъ въ сравнительно недавнемъ прошломъ французы надѣлены были тѣми же учрежденіями, которыя послужили англичанамъ средствомъ къ обезпеченію началъ неприкосновенности личности и самодѣятельности общества. Не о простомъ заимствованіи чужихъ гарантій говорятъ также писатели Лиги, призывая къ возстановленію во Франціи той же системы ограниченной сословіями монархіи, которая для англичанъ явилась очагомъ политической свободы. Вы-

1) De Laudibus legum Angliae—The difference between an absolute and limited monarchy.

зывая въ памяти попеременно примѣры средневѣковыхъ сословныхъ монархій, съ Англіей во главѣ, и классическихъ республикъ древности, писатели, какъ Готоманъ и Ла-Боэси, одинаково подымали голосъ противъ «добровольнаго рабства», указывая въ то же время выходъ изъ него въ началѣ самодѣятельности общества.

Въ XVII вѣкѣ въ борьбѣ съ королевскимъ абсолютизмомъ и господствующею церковью начала англійской политической свободы не только получаютъ ту опредѣленность и законченность, которая недоставала имъ дотолѣ, но и находятъ себѣ существенное дополненіе въ невѣдомомъ еще Томасу Мору принципѣ гражданскаго равенства. Этотъ принципъ впервые находитъ признаніе себѣ въ сферѣ религіозной. Онъ провозглашается представителями наиболѣе передовыхъ протестантскихъ сектъ, вожаки которыхъ незамѣтно вводятъ его въ область политики, объявляя себя «левеллерами», или нивелляторами. Вызванная въ значительной степени религіозными преслѣдованіями, первая англійская революція, въ виду невозможности достигнуть того «единообразія» въ дѣлахъ вѣры, о которомъ мечталъ Генрихъ VIII, Эдуардъ VI и Елизавета, впервые вводитъ также въ понятіе личныхъ правъ англійскаго гражданства принципъ вѣротерпимости, а этотъ принципъ въ свою очередь является источникомъ развитія свободы слова и печати. Въ томъ же столѣтіи сперва въ Англіи, а затѣмъ на континентѣ составные элементы англійской свободы находятъ себѣ теоретическое выраженіе и обозначаются далеко не новымъ терминомъ «естественныхъ правъ личности» [1]). Памфлетная литература временъ республики и протектората подымаетъ и разрабатываетъ уже всѣ тѣ вопросы, болѣе систематическое выраженіе которыхъ мы находимъ впослѣдствіи у Локка, Кумберланда, Юма, Монтескье и Руссо.

Ученіе о неотчуждаемыхъ правахъ и въ числѣ ихъ о свободѣ совѣсти, неприкосновенности личности и собственности, о значеніи, какое для свободы гражданъ имѣетъ отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, какъ устраняющее возможность за-

1) Терминомъ natural law — естественное право, уже Фортескью озаглавливаетъ одно изъ своихъ сочиненій.

коновъ «ad hoc», и т. п. уже ясно выражено въ многочисленныхъ трактатахъ и петиціяхъ Лильборна и не отрицаются самимъ Кромвелемъ. Континентальной публицистикѣ XVIII вѣка останется только усвоить эти принципы, дать имъ болѣе полное метафизическое обоснованіе, привести ихъ въ стройную логическую послѣдовательность; Монтескье и Руссо одни внесутъ нѣкоторыя измѣненія въ эту въ полномъ смыслѣ слова англійскую систему личныхъ и народныхъ правъ. Первый доведетъ теорію Лильборна и Локка о раздѣленіи властей до ея крайностей—полнаго обособленія и равновѣсія [1]), второй — исказитъ англійское начало ограниченнаго народнаго суверенитета, суверенитета, не устраняющаго существованія не подлежащихъ отчужденію человѣческихъ правъ—античной идеей о всецѣломъ поглощеніи личности государствомъ и установить такимъ образомъ свой принципъ неограниченнаго и недѣлимаго народнаго верховенства [2]). Ошибки теоретиковъ вслѣдъ за тѣмъ отразятся на дѣятельности законодателей, и творцы единой американской гражданственности поспѣшатъ внести въ выработанный ими текстъ федеральной конституціи заимствованное у Монтескье начало обособленія властей, «какъ существеннѣйшую гарантію англійской свободы». Политическое сознаніе Франціи въ свою очередь усвоитъ себѣ всѣ эти провозглашаемыя теоріей положенія во всей ихъ исключительности и доктринерствѣ, и данные депутатамъ въ 1789 г. наказы потребуютъ включенія въ «декларацію правъ человѣка и гражданина», наряду съ безспорными началами всякой, и прежде всего англійской, свободы, болѣе спорныя положенія о неограниченности народнаго суверенитета и необходимости въ интересахъ свободы не только

---

[1]) Il faut que le pouvoir arrête le pouvoir, говоритъ онъ.

[2]) При заключеніи общественнаго договора, говоритъ онъ, каждый отчуждаетъ себя всецѣло (sans réserke). Руссо почему-то думаетъ, что такое полное отчужденіе, благодаря началу взаимности, не влечетъ къ умаленію ничьей свободы. (Chacum se donnant à tous ne se donne à personne; et comme il n'y à pas un associé sur lequel on n'acquière le même droit qu'on lui cède sur soi on gagne l'équivalent de tout ce qu'on perd et plus de force pour conserver ce qu'on a. (Du contrat social книга I, глава VI).

раздѣлить, но и обособить другъ отъ друга законодательство, судъ и управленіе.

Правда, большинство наказовъ, и въ томъ числѣ тотъ, который данъ былъ Парижемъ депутатамъ отъ средняго сословія, указывая на націю, какъ на источникъ всякой власти въ государствѣ, въ то же время провозглашаютъ начало ограниченности этой власти, запрещая ей всякое посягательство на свободу и собственность гражданъ; правда, тѣ же наказы открыто высказываются и противъ недѣлимости народнаго суверенитета, и противъ начала полнаго обособленія властей, и предоставляютъ законодательную власть совмѣстно королю и націи; но можно указать и на такіе, въ которыхъ, какъ, напр., въ наказахъ Медона, Этампа или Ниверне, строго проводится грань отличія между «областью воли—законодательствомъ» и «областью дѣйствія — исполненіемъ». Въ первой — полная неограниченность власти признается за націей, во второй—за королемъ. Власти должны быть такъ строго отдѣлены другъ отъ друга, что у короля отнимается всякое право измѣнить что-либо въ текстѣ вотированнаго народнымъ представительствомъ закона.

То обстоятельство, что большинство дѣятелей 89 года было знакомо съ требованіями свободы не изъ указаній опыта, а изъ чтенія метафизическихъ трактатовъ и кабинетныхъ размышленій [1]), не могло, разумѣется, не отразиться на ихъ дѣятельности. Читая дебаты учредительнаго собранія, невольно выносишь представленіе о какомъ-то свѣтскомъ соборѣ, занятомъ скорѣе формулированіемъ политическихъ догматовъ, нежели реформой въ законодательствѣ и управленіи. Членамъ его недостаточно отмѣны старинныхъ злоупотребленій и установленія новыхъ государственныхъ порядковъ; они мечтаютъ еще о томъ, чтобы своими предначертаніями произвесть переворотъ въ самомъ складѣ мышленія, въ политическихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Отсюда включеніе ими въ свою задачу такихъ цѣлей, которыя,

[1]) Locke, Cumberland, Hume, Rousseau, et plusieurs autres, говоритъ одинъ изъ депутатовъ учредительнаго собранія, de Londine, ont développé les mêmes principes que ceux que nous appliquons an jourd'hui, leurs ouvrages les ont fait germer parmi nous (Buchez et Roux, т. II, стр. 205).

пожалуй, были бы понятны со стороны древняго законодателя, на половину религіознаго и нравственнаго, на половину свѣтскаго реформатора, но которымъ нѣтъ мѣста въ современныхъ кодексахъ и законахъ, обособляющихъ право отъ нравственности и религіи.

Къ чему, напримѣръ, безконечныя разсужденія о томъ, признать ли Бога источникомъ естественнаго закона; провозгласить ли общественный договоръ [1]) началомъ всякаго общежитія, включить или не включать въ декларацію правъ тезисъ Кумберланда о томъ, что единственная цѣль правительства [2])—благоденствіе гражданъ? Къ чему также предложенія въ родѣ слѣдующаго: внести въ декларацію тезисъ, что «человѣкъ имѣетъ священное право на самосохраненіе и спокойствіе и что Верховное Существо создало всѣхъ людей свободными и равноправными» [3])? Вѣдь, по самому характеру своему, всѣ постановленія подобнаго рода необходимо должны остаться безъ санкціи, а санкція есть именно то, что отличаетъ законъ отъ нравственной или религіозной максимы.

Учредительное собраніе, несомнѣнно, исключило бы подобные вопросы изъ сферы своихъ обсужденій, если бы его цѣлью не было выработать «догматы вѣры» (articles de foi), обязательные для всѣхъ людей и для всѣхъ націй. Не ставь оно себѣ этой цѣли—оно избѣжало бы справедливаго упрека Мирабо: «благодаря метафизическимъ тонкостямъ, вы сдѣлаетесь непонятными большинству и заслужите восторженное отношеніе всѣхъ, кто не уразумѣлъ васъ» [4]). Только тѣмъ, кто подобно Мирабо или Мунье, Лалли-Толендалю или Мале Дюпанъ, знакомы были съ механизмомъ свободныхъ учрежденій, могло прійти въ голову выбросить изъ деклараціи правъ «все, чему можно научиться изъ книгъ и абстрактныхъ размышленій». Большинство депутатовъ держалось на этотъ счетъ противоположнаго взгляда. «Я намѣренъ представить на ваше обсужденіе то, до чего додумался

---

[1]) Сессія 17 августа 1789 г.

[2]) Сессія 27 іюля 1789 г.

[3]) Предложеніе аббата Боннефуа, сдѣланное въ засѣданіи 19 августа 1789 г.

[4]) Засѣданіе 20 августа 1789 г.

въ тиши и уединеніи. Я не имѣлъ иного руководителя, кромѣ разума, и другаго двигателя, помимо любви къ человѣчеству» [1]). Эти слова депутата Креньера, требовавшаго, чтобы собраніе включило въ текстъ деклараціи его личные домыслы, какъ нельзя лучше рисуетъ намъ точку зрѣнія законодателей 89 года. Понятіе о томъ, что конституціи не сочиняются, а растутъ, что ихъ значеніе и сила зависитъ не отъ логической послѣдовательности установляемыхъ ими абстракцій, а отъ соотвѣтствія ихъ съ выработанными исторіей особенностями національнаго характера, повидимому, было чуждо большинству депутатовъ. «Всѣ народы призваны къ одной и той же конституціи, такъ какъ всѣ получили отъ природы одинаковыя права» [2]), — таково послѣднее слово ихъ политической мудрости. Оно объясняетъ намъ причину, по которой составители деклараціи смотрѣли на свою роль, какъ на роль всемірныхъ законодателей. Дать законодательное признаніе долго остававшимся въ забвеніи естественнымъ правамъ—развѣ это не то же, что надѣлить всѣ народы единственно возможной для нихъ конституціей, конституціей, источникомъ которой являлся бы не предшествующій опытъ, не историческое право, а разумъ, или что для нихъ то же, природа (la nature)? «Наша задача, говоритъ Петіонъ, не ограничивается одной Франціей; мы должны объявить, какія права составляютъ общее достояніе всѣхъ людей и всѣхъ временъ» [3]).

При такомъ настроеніи приходится только удивляться, что выработанная собраніемъ декларація отличается относительной трезвостью и практичностью; что, отказываясь отъ мысли опредѣлить, въ чемъ состоятъ права человѣка, «живущаго внѣ общежитія, въ такъ называемомъ естественномъ состояніи», она озабочена установленіемъ того драгоцѣннаго для свободы начала, что въ государствѣ верховная власть не въ правѣ посягать на права гражданъ, что признаніе ихъ обязательно для нея. «Цѣль

---

1) См. рѣчь M. de Crenière въ засѣданіи 1 августа 1789 г.

2) Рѣчь того же депутата Креньера (Buchez et Roux, т. II, стр. 193).

3) Il ne s'agit pas ici de faire une déclaration des droits seulement pour la France, mais pour l'homme en général. Ces droits sont de tous les temps.

всякаго политическаго сообщества, читаемъ мы въ Деклараціи— охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію. Общество, въ которомъ эти права не гарантированы, не имѣетъ конституціи». Присутствія однихъ этихъ словъ въ текстѣ деклараціи достаточно для того, чтобы признать въ ней не простое метафизическое разсужденіе о прирожденныхъ вольностяхъ, но практическую попытку обезпеченія публичной свободы.

Результатомъ продолжительныхъ и, по выраженію одного изъ современниковъ, «смертельно скучныхъ [1]) разсужденій о правахъ и гарантіяхъ» явился не отвлеченный трактатъ о политикѣ, а основной законъ, провозглашающій, вопреки ходячей теоріи о безграничности суверенитета, освященное опытомъ Англіи и Америки ученіе о неотъемлемыхъ правахъ. Руссо утверждалъ, что, при выходѣ изъ естественнаго состоянія, люди путемъ общественнаго договора всецѣло отчуждаютъ себя и принадлежащія имъ права въ руки общества [2]) (aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté). Отсюда то послѣдствіе, что, такъ какъ никто не сохранилъ за собою никакихъ правъ, суверенитетъ общества или, что то же, народа безграниченъ и не можетъ быть связанъ законами [3]). Дѣятели 89 г. не повѣрили обѣщанію Руссо, что «при такой взаимной уступкѣ всѣми и каждымъ принадлежащихъ ему правъ, отдѣльные граждане не только ничего не потеряютъ, но и пріобрѣтутъ еще большую силу для сохраненія того, что имѣютъ». Они справедливо признали безграничность власти источникомъ деспотизма и тиранніи. Подобно англійскимъ радикаламъ XVII вѣка и дѣятелямъ американской революціи, люди 89 г. сочли нужнымъ не признавать во всѣхъ его послѣдствіяхъ ученія о неограниченности суверенитета, ученія, завѣщаннаго намъ древностью, нашедшаго выраженіе себѣ и въ Аристотелевой Политикѣ, и въ Комментаріяхъ на нее Бодена, и въ политическихъ замышленіяхъ Гоббса, и въ соціальныхъ фантазіяхъ Руссо. Про-

[1]) Étienne Dumont de Genève. Souvenirs sur Mirabeau, стр. 138.

[2]) Contrat Social, ch. VI et VII.

[3]) Il est contre la nature du corps politique, que le souverain s'impose une loi qu'il ne puisse enfreindre. Contrat social, ch. 7.

возглашая новыя начала политической жизни, они избрали отправной точкой для своихъ построеній выработанный не теоріей, а практикой принципъ, что власть всякаго правительства останавливается тамъ, гдѣ начинается посягательство на личность и собственность. Въ теоріи это начало не было признано и въ самой Англіи, гдѣ всемогущество парламента, составленнаго изъ короля, лордовъ и общинъ, доселѣ находитъ наглядное выраженіе въ поговоркѣ: «парламентъ все можетъ сдѣлать; онъ безсиленъ только обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину». Англійская жизнь тѣмъ не менѣе въ теченіе столѣтій стремилась къ ограниченію этого правила, создавая съ каждымъ поколѣніемъ новыя гарантіи для свободы физическихъ и духовныхъ проявленій личности, свободы, нарушенія которой запрещены были самому парламенту. Съ расцвѣтомъ американской гражданственности, съ возникновеніемъ отдѣльныхъ штатовъ и ихъ конституцій, и это, всецѣло опирающееся на обычаѣ, правило нашло выраженіе себѣ на бумагѣ. Американскія декларации, и въ числѣ ихъ виргинская, включили его въ число обѣщанныхъ ими народу гарантій. Ихъ примѣръ оказался заразительнымъ и для французовъ. Кондорсе на столько увлекся имъ, что при самомъ созывѣ штатовъ сталъ требовать составленія акта, «который, заявляя о существованіи у человѣка неотъемлемыхъ правъ, тѣмъ самымъ связалъ бы до нѣкоторой степени руки всѣмъ властямъ, и судебной, и военной, и даже законодательной» [1]). Сами составители декларации неоднократно ссылаются въ своихъ проектахъ на ея американскіе образцы. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ не оставалось тайной, что практическій смыслъ всякой декларации подобнаго рода лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности установить съ помощью ея извѣстныя границы всемогуществу не только исполнительной, но и законодательной власти. Въ той редакціи, на которой, въ виду необходимости скорѣйшаго завершенія работъ, остановилось большинство депутатовъ, далеко не точно передается то значеніе, какое связывали съ декларацiей ея ближайшіе виновники. Въ ней говорится только о возможности найти въ признаваемыхъ пра-

---

[1]) Lettre d'un gentilhomme à Messieurs du tiers état (Oeuvres, т. IX, стр. 234).

вахъ разумный критерій для сужденія о дѣятельности законодателей и правителей. Зная, въ чемъ состоятъ права человѣка, люди съумѣютъ правильно отнестись ко всему, что нарушаетъ эти права. Они вѣрнѣе поймутъ также въ каждомъ данномъ случаѣ характеръ падающихъ на нихъ обязанностей. Все это, очевидно, лежитъ далеко отъ той вполнѣ практической цѣли— установить границы для всякой власти, которая, какъ мы видѣли, составляла заботу депутатовъ и нашла выраженіе себѣ въ отдѣльныхъ статьяхъ воздвигнутаго ими законодательнаго памятника. Объясняется это тѣмъ, что въ своемъ окончательномъ видѣ декларація представляетъ результатъ компромисса между различными теченіями, изъ которыхъ одно занято было установленіемъ практическихъ гарантій въ родѣ тѣхъ, какія извѣстны были въ Англіи и Америкѣ, а другое заботилось о возможно полномъ и послѣдовательномъ перечнѣ не только правъ, но и обязанностей гражданъ, съ указаніемъ на народъ, какъ на источникъ власти, и Верховное Существо. (Etre Suprême), какъ на высшую санкцію «естественнаго закона».

Но что ближайшей цѣлью составителей деклараціи было поставить государственную власть—все равно, будетъ ли ею король или народное представительство—въ невозможность отнять у личности ея прирожденныя права, это ясно слѣдуетъ какъ изъ содержанія происходившихъ въ собраніи преній, такъ и изъ того отношенія, въ какое стали къ нимъ представители прессы и наиболѣе популярные вожди революціи. Одинъ изъ депутатовъ, де-ла-Бордъ, предложилъ включить въ текстъ акта слѣдующій афоризмъ: никакая власть не должна нарушать положенныхъ ей границъ; она преступитъ эти границы, если дозволитъ себѣ малѣйшее посягательство на естественныя права личности [1]). Одновременно никто иной, какъ Камилль Демуленъ, высказывалъ ту мысль, что на землѣ не можетъ существовать власти неограниченной и что надъ «общею волею», или — что то же— народнымъ суверенитетомъ надо поставить «естественное право» (au dessus de la volonté générale il y a le droit naturel) [2]).

---

[1]) Buchez et Roux, Hist. parl., т. II, стр. 312.
[2]) Camille Desmoulins, La France libre. 1789, стр. 10.

Все значеніе деклараціи правъ сводится для меня къ признанію этой истины; составители ея не имѣютъ иной заслуги предъ потомствомъ. Самыя границы суверенитета указаны ими не всегда вѣрно, языкомъ сбивчивымъ и неточнымъ. Множество совершенно побочныхъ вещей и безцѣльныхъ разсужденій закрываютъ предъ читателемъ настоящій смыслъ деклараціи; спорныя по существу положенія, о происхожденіи общества путемъ договора, о необходимости войска для гарантіи правъ человѣка и гражданина и т. п. наполняютъ ея столбцы, вызывая со стороны критиковъ справедливыя замѣчанія, что «высшая похвала, которая можетъ быть сдѣлана имъ, есть признаніе ихъ ненужности» [1]). Декларація, слѣдуя предсказанію Мирабо, не оказала большей живучести, чѣмъ та, какая составляетъ удѣлъ ежегодно возобновляемыхъ календарей, но провозглашенный ею принципъ необходимости ограниченія всякой, хотя бы и верховной власти, въ наши дни, какъ и сто лѣтъ назадъ, продолжаетъ оставаться наиболѣе существеннымъ требованіемъ публичной свободы. Установленіе его было равнозначительно разрыву не только съ тѣми взглядами, которыя завѣщены дѣятелемъ 89 года всею предшествующею исторіей ихъ страны, но и съ присущимъ всей древности воззрѣніемъ, что верховная власть по природѣ своей всесильна. Это воззрѣніе на столько еще живо во многихъ изъ современниковъ революціи, что одинъ изъ нихъ, Бентамъ, даже прямо ставитъ составителямъ деклараціи въ вину то, что̀ даетъ имъ наибольшее право на нашу признательность. Если бы декларація, говоритъ онъ, была въ силахъ поставить границы законодательному собранію, это было бы большимъ зломъ. Такія границы не нужны и опасны (toute limite est inutile et dangereuse). Бентамъ, или точнѣе его женевскій истолкователь—Дюмонъ, поясняетъ свою мысль, говоря: въ странѣ, въ которой законодатель озабоченъ расширеніемъ народнаго вліянія, въ которой предоставлено народу выбирать себѣ представителей, собираться на сходки и составлять петиціи, сдѣлано все возможное къ предотвращенію злоупотребленій: у свободнаго народа, надѣленнаго правомъ представительства, уздой по отношенію къ

---

[1]) Oeuvres de Jérémie Bentham, т. I. Sophismes Anarchiques, стр. 521.

законодателямъ можетъ быть одно общественное мнѣніе. Когда власть ихъ приведена только что указанными средствами въ зависимость отъ общественнаго мнѣнія, нѣтъ больше мѣста для опасеній и нѣтъ необходимости въ мѣрахъ предосторожности. «Ничто не въ состояніи замѣнить этой узды, ничто не въ состояніи придать ей больше силы, чѣмъ та, которую она имѣетъ. Всего же забавнѣе мысль, что законодатель можетъ связать себя фразами своего собственнаго изобрѣтенія» [1]).

Говоря это, критикъ декларации 89 года упускаетъ изъ виду, что какъ законъ, такъ и общественное мнѣніе въ представительныхъ государствахъ всегда являются выразителями одного большинства, что въ критическіе моменты народной жизни, подобные тѣмъ, какіе представляетъ собою эпоха французской революціи, и свободное отъ всякой удержи, всемогущее собраніе легко можетъ подавить малѣйшее выраженіе разномыслія: разогнать митинги, запретить петиціи, отнять у члена меньшинства право голоса и тѣмъ самымъ подавить въ зародышѣ всякій протестъ. Въ такія эпохи серьезную гарантію даетъ интересамъ меньшинства лишь та конституція, которая непосредственно принимаетъ подъ свою защиту публичныя права гражданъ и ввѣряетъ ихъ охрану независимой отъ законодательства судебной власти.

Гдѣ нѣтъ этого, тамъ возможно, какъ показалъ опытъ Конвента, и при самой неограниченности народной власти то, что весьма удачно было названо Робеспьеромъ «деспотизмомъ свободы» (le despotisme de la liberté). Дѣятели 89 года ясно сознавали эту возможность. «Неограниченность власти, въ ихъ глазахъ, необходимо должна была вести къ деспотіи», все равно будетъ ли эта власть ввѣрена одному лицу, или цѣлому собранію [2]). Ихъ прозорливость тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что, по вѣрному замѣчанію Ланфре, «люди, только что вышедшіе изъ подъ ига абсолютизма, весьма склонны думать, что источникъ

---

[1]) Sophismes Anarchiques, т. I, стр. 510.

[2]) Buzot: „Un pouvoir ne pouvant etre arrété par rien, est par cela même despotique“. Это мнѣніе раздѣляемо было всѣми членами Жиронды. Уже въ учредителиномъ собраніи его открыто высказывалъ Virieu (H. Parl. т. II, стр. 189); „Le despotisme de la multitude est le plus funeste de tous“.

угнетенія лежитъ всецѣло въ принадлежности власти одному лицу. Замѣните его собраніемъ, и они охотно надѣлятъ собраніе еще болѣе неограничѐнными правами и вообразятъ себя свободными» [1]).

Но если выставленный людьми 89 года принципъ заслуживаетъ полнаго одобренія, то справедливость заставляетъ сказать, что они не приняли всѣхъ нужныхъ мѣръ къ его упроченію.

Ихъ заявленія о неприкосновенности личности и собственности, о свободѣ мысли и религіозной терпимости, остаются простыми обѣщаніями. Никакая власть не призвана спеціально къ охранѣ этихъ вольностей, никакихъ практическихъ средствъ не указано къ тому, чтобы доставить имъ торжество, въ случаѣ попытокъ къ ихъ низверженію со стороны законодательныхъ или административныхъ органовъ. Это тѣмъ болѣе не простительно, что законодатели Франціи имѣли передъ собою готовый опытъ Англіи и Америки. Гдѣ есть право, тамъ должно быть и средство къ его защитѣ—судъ (ubi jus, ibi justitia), говорятъ римскіе юристы. Изъ народовъ новаго міра англичане ранѣе другихъ поняли всю обязательность такого правила и провозглашая, напримѣръ, свободу отъ произвольныхъ арестовъ, снабдили ее исковой охраной, поставили стражемъ ея суды королевства. То же, на еще болѣе широкую ногу, было задумано и проведено творцами американскаго единства. Тѣ самыя начала, которыми члены учредительнаго собранія думали облагодѣтельствовать человѣчество путемъ простаго напоминанія о нихъ, защищены были Гамильтономъ и Джефферсономъ не только отъ произвола администраціи, но и отъ тиранніи законодательной власти, и съ этою цѣлью ввѣрены спеціальной заботливости федеральныхъ судовъ. Законы, противорѣчащіе этимъ началамъ, были объявлены неконституціонными, и, какъ таковые, не подлежащими исполненію. Частному лицу, интересы котораго задѣваемы были ими, дано право судебнаго обжалованія этихъ законовъ, а за судомъ признана обязанность освободить въ каждомъ данномъ случаѣ доказавшаго свой искъ жалобщика отъ подчиненія имъ. Французскіе законодатели не сдѣлали ничего подобнаго. А между

---

[1]) Essai sur la révolution française, стр. 158.

тѣмъ данные имъ избирателями наказы открыто высказывались въ пользу исковой охраны «естественныхъ правъ».

Дворянство Монтаржиса, Ока, Гвіены, Кверси, Мелена, Лилля, Верманду, Понтъ-а-Мусона, Нижняго Лимузена, Бове въ одинъ голосъ требовало, чтобы лицо, виновное въ произвольномъ арестѣ, являющееся исполнителемъ не легально состоявшагося судебнаго приговора, а исходящаго отъ администраціи приказа о задержаніи (lettre de cachet), несло вредъ и убытки и подлежало тѣлесному наказанію [1]). Среднее сословіе присоединялось къ этому запросу и обнаруживало въ то же время заботливость о томъ, чтобы залогъ допускаемъ былъ возможно часто къ замѣнѣ личнаго задержанія. «Хартія Короля Іоанна», дозволяющая подобную замѣну, не разъ упоминается наказами, какъ достойный примѣръ для подражанія [2]). Суду также желаютъ ввѣрить избиратели Франціи охрану другаго естественнаго права человѣка— свободу печати. Мѣры предупрежденія по отношенію къ ней должны быть отмѣнены, и никто, кромѣ суда, не въ правѣ рѣшать, совершено ли въ каждомъ данномъ случаѣ путемъ печати оскорбленіе религіи, нравственности и чести гражданъ, и подлежитъ ли соотвѣтственно писатель и типографщикъ опредѣленному закономъ наказанію [3]).

Дѣятели 1789 года ни словомъ не обмолвились о той гарантіи, какую въ Америкѣ даетъ личнымъ правамъ возможность судебнаго обжалованія законовъ, не согласныхъ съ конституціей. Но изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы въ ихъ сознаніе не проникло убѣжденіе, что законъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ нарушать однажды признанныхъ государственныхъ устоевъ. Лоранъ справедливо останавливается на слѣдующихъ двухъ случаяхъ, какъ на рѣшительныхъ доказательствахъ того, что члены учредительнаго собранія считали себя связанными декларацiей и выраженными въ ней правами. «Когда въ іюлѣ 1789 г., въ виду возникшаго подозрѣнія, что дворянство Бретани вступило въ за-

---

[1]) См. Les Cahiers de 89, par Léon de Poncis, стр. 127.

[2]) Ibid., стр. 135.

[3]) Большинство наказовъ средняго сословія и дворянства, въ частности наказы средняго сословія отъ Медона и Меца. См. Les Cahiers de 89, стр. 153 и 154.

говоръ съ англичанами, одинъ изъ депутатовъ, Реубель, потребовалъ вскрытія частной корреспонденціи, собраніе отклонило это предложеніе, не желая опорочить своихъ реестровъ подобнымъ рѣшеніемъ. Когда, два года спустя, въ собраніе внесенъ былъ проектъ закона, воспрещающаго эмиграцію, Мирабо, усматривая въ немъ нарушеніе принципа личной свободы, открыто заявилъ, что никогда не станетъ повиноваться ему [1]) (je jure de n'y obéir jamais). Само собраніе, въ виду, какъ значится въ его протоколахъ, несоотвѣтствія проекта съ принципами конституціи, отказалось выслушать докладчика [2]).

Послѣ этого остается только удивляться, какъ при такомъ ясномъ пониманіи отношенія, въ какомъ законы должны стоять къ конституціи, учредительное собраніе не приняло никакихъ судебныхъ гарантій къ обезпеченію ихъ «конституціонности». Оно не только не сдѣлало этого, не только не дало гражданамъ судебной защиты противъ тиранніи законодательныхъ палатъ, но не установило даже начала исковой охраны публичныхъ правъ противъ произвола исполнительной власти. Средствомъ къ этому могло быть созданіе такъ называемой административной юстиціи, все равно — въ рукахъ спеціальныхъ или общихъ судовъ. Необходимо было надѣлить гражданъ, личныя права которыхъ провозглашались деклараціей, правомъ обжалованія въ судебномъ порядкѣ всѣхъ дѣйствій чиновниковъ, клонящихся къ нарушенію этихъ правъ. Объявляя свободу отъ арестовъ, или равномѣрность налоговаго обложенія, необходимо было снабдить эти права исковой охраной. Въ такой охранѣ не отказывала вполнѣ гражданамъ и примирившаяся, повидимому, съ бюрократическимъ произволомъ Франція стараго порядка. Она не допускало ея, правда, по отношенію къ органамъ полиціи. Но юрисдикція на-

1) Moniteur 1 марта 1791 года. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, La révolution française, т. I, стр. 53—55 втораго изданія.

2) Rapport de M. Thouret au nom du comité de constitution (Sèance du Mardi 29 septembre 1789, Moniteur, № 65): L'objet essentiel de la constitution étant de définir et de séparer les différents pouvoirs... il parait nécessaire qu'il soit statué constitntionnellement... que les assemblées administratives ne pouront être traversées, ni arrêteés dans leurs fonctions administratives par aucun acte du pouvoir judiciaire.

логовъ, возможность судебной защиты въ случаяхъ неправильной или неравномѣрной ихъ разверстки, была вполнѣ признана. На половину судебныя, на половину административныя учрежденія, и во главѣ ихъ палаты сборовъ (Cours des Aides) и отчасти парламенты являлись стражами этой равномѣрности, и только въ послѣднія два столѣтія ихъ роль въ этомъ отношеніи была принижена захватами интендантовъ провинцій и королевскаго совѣта. Ничто не могло быть цѣлесообразнѣе, ничто не обѣщало бо́льшихъ выгодъ для политической свободы, какъ дальнѣйшее расширеніе системы судебнаго обжалованія административныхъ мѣропріятій. Но провозглашая своимъ принципомъ подсудность каждаго его естественнымъ судьямъ (nul ne doit ètre distrait de ses juges naturels), учредительное собраніе сразу приступило къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ органовъ судебной власти, которые, въ его глазахъ, носили характеръ чрезвычайныхъ. Парламенты и палаты сборовъ были отмѣнены, съ той оговоркою однако, что функціи ихъ будутъ переданы обѣщаннымъ французамъ новымъ судамъ. Когда же дѣло дошло до надѣленія этихъ судовъ контролемъ за администраціею, юристы, въ родѣ Турэ, поспѣшили выставить принципъ: «il faut que le cours de l'administration ne soit pas entravé par la justice» [1]): необходимо, чтобы дѣятельность администраціи не была стѣсняема судами. Въ этомъ принципѣ видѣли прямое примѣненіе теоріи Монтескье объ отдѣленіи судебной власти отъ административной. Мысль о томъ, что торжество его было равнозначительно отказу дать практическое признаніе провозглашеннымъ декларацiей началамъ, повидимому, не смутила законодателей Франціи. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, и во главѣ всѣхъ Мирабо, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ англійской конституціи, признавали за каждымъ гражданиномъ и право, и обязанность, доводить до свѣдѣнія судовъ о всѣхъ нарушеніяхъ закона, какія позволяетъ себѣ администрація, но собраніе громаднымъ большинствомъ высказалось въ пользу того принципа, что для обжалованія такъ называемыхъ «délits d'administration», т. е. преступленій по должности, необходимо предварительное разрѣшеніе высшаго

[1]) Séance du Mardi, Déc. 1789. Moniteur, № 101.

органа исполнительной власти въ департаментѣ (такъ называемой директоріи) [1]). Это правило, въ которомъ одинъ изъ депутатовъ—Реубель, справедливо находилъ полное противорѣчіе съ свободой, было затѣмъ примѣнено и по отношенію къ судебному преслѣдованію министровъ. Вышедшая изъ рукъ учредительнаго собранія конституція допустила обжалованіе ихъ дѣйствій предъ судами не иначе, какъ съ разрѣшенія законодательнаго собранія. Такимъ образомъ положено было начало тому правилу, полнымъ выраженіемъ котораго является знаменитая 75 статья консульской конституціи, сохранившая свою силу до временъ третьей республики: статья эта не допускаетъ преслѣдованія чиновниковъ иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ начальства, въ частности государственнаго совѣта. Тщетно Бюзо [2]), указывалъ на «опасность, какой грозятъ свободѣ гражданъ подобныя ограниченія», тщетно требовалъ онъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, вышедшіе въ отставку министры признаны были непосредственно подлежащими судебной отвѣтственности. Начало «безспорности» дѣйствій администраціи было установлено на практикѣ, частью подъ вліяніемъ унаслѣдованныхъ традицій, частью въ угоду теоретическому требованію о раздѣленіи и обособленіи властей.

И такъ, провозглашая принципъ ограниченности суверенитета, отказывая въ полнотѣ самодержавія не только королю и собранію, но и совокупности обоихъ, составители деклараціи 1789 года въ то же время не сдѣлали нужнаго, чтобы дать этому началу практическое признаніе. Они не устранили возможности нарушающихъ свободу и равенство дѣйствій ни со стороны законодателей, ни со стороны исполнительной власти; они не сдѣлали суда стражемъ конституціонности издаваемыхъ собраніемъ законовъ, ихъ согласованности съ провозглашенными деклараціей началами. Они не озаботились также правильнымъ устройствомъ административной юстиціи, не надѣлили гражданъ исковой охраной принадлежащихъ имъ публичныхъ правъ, не

---

1) Moniteur. Séance du mercredi 6 Avril 1791. Discussion sur l'organisation du ministère.

2) Buchez et Roux, H. parl., т. II, стр. 274.

поставили администрацію подъ единственно возможный для нея контроль судебныхъ органовъ.

Эта ошибка сдѣлалась источникомъ постепенной отмѣны путемъ закона и административнаго распоряженія тѣхъ самыхъ принциповъ свободы и равенства, въ которыхъ учредительное собраніе справедливо находило выраженіе существеннѣйшихъ правъ личности.

Но, можетъ быть, такой исходъ былъ неизбѣженъ, можетъ быть, данныя декларацiей обѣщанія несбыточны по самой своей природѣ, а защищаемыя ею начала не иное что, какъ разлагающіе принципы и «анархическіе софизмы»? Такъ, повидимому, склонны думать и баронъ Этвешъ въ своемъ «Разсужденіи о господствующихъ идеяхъ нашего времени», и Бентамъ въ своей знаменитой критикѣ самой деклараціи. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить, что всѣ свободныя правительства построены на признаніи этихъ же самыхъ принциповъ; какъ объяснить, что Англія и Америка положили ихъ въ основу своей гражданственности, что вопросъ о неприкосновенности личности и собственности, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ и судомъ ставился и ставится повсюду, гдѣ только возникаетъ рѣчь о гарантіяхъ и конституціяхъ, о защитѣ противъ насилія и произвола?

Но исчерпываютъ ли собою эти «вольности» содержаніе самой деклараціи и то ли именно представленіе связывали съ началами свободы и равенства люди 89 года, какое мы соединяемъ съ ними нынѣ и какое сотнями лѣтъ раньше придаваемо было имъ составителями Великой Хартіи вольностей, акта Habeas Corpus, Деклараціи вѣротерпимости и Билля о правахъ? Если отвлечься отъ вѣрно отмѣченныхъ Бентамомъ несовершенствъ редакціи, если имѣть въ виду, какъ понимали сами составители деклараціи, формулируемые ими принципы свободы и равенства, необходимо придешь къ заключенія, что между ихъ точкой зрѣнія и нашей нѣтъ существенной разницы. Понятіе о томъ, что въ наше время привыкли разумѣть подъ терминомъ матеріальной свободы, въ противность свободѣ формальной, о равенствѣ по отношенію не къ одному закону и суду, но и къ состоянію, остается имъ чуждымъ. Неприкосновенность собственности для нихъ такое же естественное право, какъ и свобода личности.

Самые смѣлые изъ нихъ — и опять таки во главѣ всѣхъ Мирабо — не идутъ дальше пожеланія, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ свой участокъ земли — идеалъ, очевидно навѣянный на него американскими порядками. Въ доложенномъ Мирабо отъ имени Комитета проектѣ деклараціи прямо значится: «Гражданское равенство не есть равенство имуществъ, оно состоитъ въ томъ, что всѣ граждане равно подчиняются законамъ и имѣютъ равное право на ихъ защиту» [1]). Основою всякому обществу, говоритъ другой участникъ въ составленіи деклараціи — Пелленъ — служитъ собственность и свобода [2]).

Въ первомъ по времени проэктѣ — а такимъ надо признать тотъ, который изложенъ въ наказѣ, данномъ депутатами средняго сословія Парижа, — цѣлью законовъ признается защита собственности, и неприкосновенность ея возводится на степень обязательнаго для законодателя принципа [3]). Право собственности поставлено въ числѣ прирожденныхъ и неотчуждаемыхъ правъ, какъ въ проектѣ Лафайета, такъ и въ тѣхъ, авторами которыхъ являются Мунье и Сіэйсъ. Формула, придуманная Дюпономъ и цѣликомъ вошедшая въ окончательную редакцію, заявляя, что собственность священна и неприкосновенна и что никто не можетъ быть лишенъ ея иначе, какъ въ силу засвидѣтельственной въ законномъ порядкѣ общественной необходимости и подъ условіемъ справедливаго вознагражденія (ст. XVII), отвѣчаетъ такимъ образомъ, общему воззрѣнію людей 89 года, что собственность есть неотъемлемое право человѣка. Будущіе монтаньяры, и въ числѣ ихъ Камиль Демуленъ, открыто объявляли себя сторонниками такого пониманія. Экспропріація государствомъ частной собственности помимо вознагражденія владѣльцевъ, какъ и всякій аграрный законъ, направленный къ передѣлу имуществъ, кажется ему невозможностью. Необходимость такого закона не вытекаетъ, по мнѣнію Демулена, изъ признаннаго собраніемъ принципа равенства. «Общество, разсуждаетъ онъ, не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія даны ему частными лицами, его составившими. Было бы безсмысліемъ допустить, что люди,

¹) Idid., стр. 304.
²) Buchez et Roux, т. I, стр. 337.
³) Ibid., т. II, стр. 79, 178.

соединившись въ общество для защиты отъ разбойниковъ, надѣлили верховную власть правомъ ихъ ограбить» [1]). Между депутатами идутъ, правда, споры о томъ, что считать собственностью, подводить ли подъ понятіе ея церковную десятину, тѣ или другіе виды феодальныхъ правъ; видѣть ли въ налогѣ частичное отрицаніе собственности или, какъ думаетъ Мирабо, ту часть личнаго достоянія, какую гражданинъ отдаетъ въ общее пользованіе. Депутатовъ раздѣляетъ также такой вопросъ, какъ прирожденность права собственности. Одни, слѣдуя Локку, признаютъ ее существующей до государства; другіе, согласно съ ученіемъ Гоббса, Руссо и всей современной исторической школы правовѣдѣнія, утверждаютъ, что въ до-государственномъ состояніи всѣ вещи состояли въ общемъ владѣніи. Но эти частныя разнорѣчія не выходятъ изъ сферы метафизическихъ и историческихъ проблемъ и нисколько не подрываютъ силы того общаго положенія, что люди 89 г. далеко не были коммунистами, а, наоборотъ, приверженцами начала частной собственности. Гражданское равенство для людей 89 года сводится прежде всего къ отмѣнѣ той эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, какую представляло собою все еще остававшееся въ силѣ крѣпостное

---

[1]) Camille Desmoulins, la France libre (1789), стр. 10.

Луи Бланъ старается убѣдить читателя, что всѣ зародыши современнаго соціализма, начиная отъ его принципа: de chacun selon ses facultés et à chacun selon ses besoins, и оканчивая практическимъ средствомъ его реализаціи — всемірной ассоціаціей, выражены уже въ слѣдующемъ отрывкѣ представленнаго Сіейсомъ проекта декларации: «природа даетъ человѣку потребности и средства къ ихъ удовлетворенію; два человѣка, будучи равно людьми, имѣютъ въ равной мѣрѣ всѣ права, вытекающія изъ человѣческой природы. Существуютъ, правда, между людьми большія неравенства средствъ. Природа дѣлаетъ одинаково сильныхъ и слабыхъ. Она даетъ однимъ разумъ, въ которомъ отказываетъ другимъ; изъ этого слѣдуетъ, что между ними будетъ различіе продукта, *различіе потребленія и пользованія* (inégalité de consommation, de jouissance). Но изъ этого не слѣдуетъ, что не должно существовать равенства правъ. Ассоціація одно изъ средствъ, указанныхъ природою для достиженія счастія». Я полагаю, что достаточно прочесть подчеркнутыя мною слова, чтобы убѣдиться, что принципъ, каждому по его потребностямъ, не выражаетъ собою мысли Сіэйса. Вѣдь „различіе въ потребленіи и пользованіи“ и выражаетъ собою характеръ современнаго индивидуализма, который, оче-

право. Наказы депутатамъ единогласны въ требованіи уничтожить бозвозмездно гражданскую несвободу, барщину и другія такъ называемыя личныя права сеньеровъ по отношенію къ вилланамъ. Благородное соревнованіе, обнаруженное въ знаменитую ночь 4 августа привилегированными сословіями въ отказѣ отъ своихъ правъ, и сравнительно слабое впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ отказъ въ народныхъ массахъ, какъ нельзя лучше доказываютъ, по вѣрному замѣчанію Кинэ, что равенство, въ смыслѣ отсутствія личной зависимости, проникло уже въ общее сознаніе и всѣми ожидалось, какъ нѣчто должное и неизбѣжное. Равенство означало также для составителей деклараціи, какъ показываетъ самый ея текстъ, единообразіе законовъ и судовъ, отсутствіе элемента сословности въ налоговомъ обложеніи и отправленіи государственной службы. Далѣе не шли ни требованія наказовъ, ни обѣщанія деклараціи. Правда, въ ней можно найти намекъ на то, что въ будущемъ всѣ граждане равно будутъ участвовать въ изготовленіи законовъ и вотированіи налоговъ, но что подъ этимъ далеко не имѣлось въ виду введеніе всеобщаго права голосованія, доказываетъ легкость, съ которой незначительному и не популярному меньшинству удалось, по собственному его сознанію, провести при обсужденіи конституціи правило объ огра-

---

видно, нимало не исключаетъ возможности того обращенія къ ассоціаціи, о которомъ говоритъ Сіэйсъ. (См. Исторія французской революціи Луи Блана. Изд. второе, томъ III, стр. 41).

Въ общемъ точка зрѣнія Сіэйса ничѣмъ не разнится отъ той, какую проводитъ Мирабо въ своемъ проектѣ деклараціи правъ, когда говоритъ: „гражданское ревенство не есть равенство имуществъ; оно состоитъ въ равномъ подчиненіи всѣхъ законамъ и въ равномъ правѣ на ихъ защиту“. Это не мѣшаетъ тому же Мирабо объявить, что люди рождаются равными и свободными, что никто не имѣетъ большаго противъ другихъ права пользоваться своими естественными и пріобрѣтенными преимуществами; что это право, хотя не имѣетъ другой границы, кромѣ личнаго сознанія пользующагося, тѣмъ не менѣе не должно клониться къ ущербу ближнихъ. Въ послѣднемъ заявленіи можно, пожалуй, видѣть нѣкоторое ограниченіе принципа собственности, но во всякомъ случаѣ Мирабо не идетъ дальше того, что говорилъ классическій ея защитникъ Локкъ, объявляя, что право индивидуальнаго присвоенія возможно лишь подъ условіемъ оставленія другимъ равнокачественныхъ предметовъ въ достаточномъ количествѣ. Эта мысль можетъ быть, внушена была Мирабо чтені-

ниченіи избирательнаго права одними «активными гражданами», т. е. лицами, платящими налогъ, равный заработку трехъ рабочихъ дней [1]).

Нельзя также назвать крайними тѣ взгляды, какихъ составители деклараціи придерживаются по вопросу о личной свободѣ, свободѣ совѣсти и печати, петицій и сходокъ. Статья, провозглашающая свободу отъ арестовъ, напоминаетъ своимъ содержаніемъ знаменитую статью Великой Хартіи: «nullus liber homo capiatur vel imprisonetur... nisi per legale judicium... vel per legem terrae». «Ни одинъ человѣкъ не будетъ обвиненъ, арестованъ или содержимъ въ заточеніи иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и съ соблюденіемъ предписанныхъ имъ формъ», гласитъ ст. 7-я. Извѣстно, что обѣщанная англичанамъ свобода отъ арестовъ была обезпечена не раньше, какъ послѣ того, когда новымъ актомъ (Habeas corpus) она поставлена была подъ защиту судовъ и ея нарушителямъ

емъ трактата Локка о гражданскомъ правительствѣ. Во всякомъ случаѣ, въ ней нельзя видѣть ничего похожаго на соціализмъ или коммунизмъ. (См. проектъ деклараціи правъ, предложенный Мирабо отъ имени комитета, въ Arch. Parl., томъ VIII, стр. 439).

Еслибы соціалистическія и коммунистическія идеи дѣйствительно такъ раздѣляли депутатовъ, какъ стараются представить это нѣкоторые писатели, протоколамъ собранія едва ли бы пришлось ограничиться немногими строчками при передачѣ порядка, въ какомъ принята была собраніемъ статья деклараціи, провозглашавшая принципъ неприкосновенности собственности. Вотъ буквальное воспроизведеніе того, что содержатъ на этотъ счетъ эти протоколы: «большинство депутатовъ хотятъ перейти къ обсужденію конституціи; немногіе настаиваютъ, чтобы декларація не была завершена безъ включенія въ нее статьи касательно собственности. Дюпоръ предлагаетъ редакцію, которая сразу встрѣчаетъ всеобщую поддержку. Это не значитъ, чтобы къ ней не было предложено прибавокъ и измѣненій, но статья Дюпора принята въ слѣдующемъ видѣ: Такъ какъ собственность право священное и неприкосновенное, то никто не можетъ быть лишенъ ея и т. д.... (Arch. Parl., т. VIII, стр. 489).

[1]) См. Hérisson, Autour d'une révolution. Lettre du comte de Virieu: L'opiniâtreté gagne seule des batailles. Par exemple, le principe, consacré de la propriété, nécessaire pour entrer dans les assemblées nati onales, eut été perdu sans moi... Un jour de bonheur et de courage de ma part a valu à la nation d'être sauvée de ce dernier crime contre son bonheur et sa liberté, I Nov. 1789 (стр. 20).

стало грозить положенное закономъ наказаніе. Необходимость судебной охраны сознаваема была въ 1789 году одинаково избирателями и депутатами. Первые открыто высказали въ своихъ наказахъ требованіе, чтобы исполнители противозаконныхъ предписаній, клонящихся къ лишенію гражданъ свободы, подлежали уголовной отвѣтственности. Вторые дали удовлетвореніе такому желанію, включивъ въ текстъ разбираемаго нами параграфа слѣдующія слова: «Наказанію подлежитъ всякій, кто издастъ приказъ о произвольномъ арестѣ или станетъ слѣдить за приведеніемъ его въ дѣйствіе, равно и тотъ, кто ходатайствуетъ о его изданіи». Остается только сожалѣть, что въ ближайшемъ будущемъ собраніе лишило эту гарантію всякаго практическаго значенія, оградивъ, какъ мы видѣли, чиновниковъ отъ возможности судебнаго преслѣдованія.

Опять таки, въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями англійской свободы, составители деклараціи спѣшатъ прибавить, что гражданинъ, призванный къ суду или задержанный властями «согласно закону», долженъ повиноваться немедленно; кто не дѣлаетъ этого, становится виновнымъ въ сопротивленіи властямъ. Что означаютъ эти слова, какъ не то же, къ чему стремится практика великобританскихъ или американскихъ судовъ, признавая за арестованнымъ право самозащиты въ томъ случаѣ, когда арестъ сдѣланъ чиновникомъ, не снабженнымъ письменнымъ приказомъ о его производствѣ, или когда этотъ приказъ составленъ не по формѣ, не заключаетъ въ себѣ имени или внѣшнихъ примѣтъ лица, которое предписано задержать, и не указываетъ на побудительную причину ареста?

Гарантію личной свободы англичане и, по ихъ примѣру, американцы видятъ также въ правѣ арестованнаго требовать замѣны личнаго задержанія залогомъ и поручительствомъ. О такой свободѣ поднята была рѣчь въ стѣнахъ учредительнаго собранія, но желаніе избѣжать частностей въ формулировкѣ этого справедливаго требованія повело къ принятію положенія, которое по своей неопредѣленности оправдываетъ всякія ожиданія, а на самомъ дѣлѣ ничего не обѣщаетъ. «Всякій считается невиннымъ, пока не объявлена его виновность, гласитъ девятая статья деклараціи. Въ случаѣ, если признано будетъ нужнымъ аресто-

вать его, всякая суровость (rigueur), не необходимая для пресѣченія ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда (pour s'assurer de sa personne), должна быть строго преслѣдуема закономъ». Что надо разумѣть подъ такою суровостью, составители деклараціи не говорятъ, а между тѣмъ не только въ англійскомъ, но и во французскомъ прошломъ, они бы легко могли открыть нѣкоторыя положенія, указывающія на то, какія дѣйствія народное сознаніе признавало чрезмѣрно суровыми даже по отношенію къ справедливо задерживаемымъ преступникамъ: такими древніе кутюмы Франціи, за-одно съ англійскимъ общимъ правомъ, считали вторженіе ночью въ чужое жилище, отказъ въ замѣнѣ ареста поручительствомъ, чрезмѣрность требуемаго залога или недопущеніе къ представленію его. Учредительное собраніе оказало бы бо̀льшую услугу свободѣ, если бы ограничилось напоминаніемъ объ этихъ гарантіяхъ. Зато полнаго одобренія заслуживаетъ та статья, которая, повторяя истину, сознанную англичанами въ серединѣ XVII вѣка и поведшую къ отмѣнѣ билля of attainder, постановляетъ, что законъ не будетъ имѣть обратнаго дѣйствія. «Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, читаемъ мы въ 8-ой статьѣ деклараціи, иначе, какъ въ силу закона, изданнаго ранѣе совершеннаго имъ проступка». Это правило, выставляемое уже неотложнымъ требованіемъ политическими агитаторами временъ англійской республики, является дѣйствительнымъ источникомъ той теоріи, которая требуетъ отдѣленія судебной власти отъ законодательной. Распространенная въ равной мѣрѣ на отношенія законодательства къ исполненію, теорія эта сдѣлалась въ устахъ Монтескье пресловутымъ ученіемъ о раздѣленіи властей. Учредительное собраніе не преминуло включить ее въ свою декларацію въ той же общей формѣ, въ какой она вышла изъ рукъ ея ближайшаго творца. Статья 16-я гласитъ, между прочимъ, что общество, въ которомъ не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи. Эта теоретическая сентенція въ гораздо меньшей степени призвана гарантировать неприкосновенность публичныхъ правъ, нежели менѣе общая по своему содержанію формула: «законъ не имѣетъ обратной силы». Истина этого послѣдняго положенія такъ велика, услуга, оказываемая имъ свободѣ, такъ существенна, что оно проникло въ обществен-

ное сознаніе всѣхъ почти образованныхъ народовъ. Судебные уставы Императора Александра II дали ему открытое признаніе и у насъ.

Личная свобода, какъ понимаютъ ее составители деклараціи, такъ далека отъ крайностей и излишествъ, что Бентаму она кажется даже недостаточной. Критикуя 7-ю статью деклараціи, онъ замѣчаетъ: Статья эта въ той редакціи, какая дана ей собраніемъ, могла бы съ удобствомъ фигурировать и въ кодексѣ Марокской имперіи. Слѣдуя ей, надо признать, что нѣтъ ничего беззаконнаго въ исполненіи малѣйшихъ предписаній марокскаго султана. Вѣдь воля его законъ, все, что дѣлается согласно ей, имѣетъ законную силу [1]). Этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, если бы собраніе въ самой деклараціи не высказало ясно, что именно оно считаетъ закономъ: «законъ, значится въ ней, есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ равное право участвовать въ его составленіи лично или чрезъ представителей». Подъ такое опредѣленіе закона воля марокскаго султана, очевидно, не можетъ быть подведена.

Гораздо справедливѣе было бы, на мой взглядъ, обвинить составителей деклараціи въ слишкомъ робкомъ и далеко недостаточномъ обезпеченіи религіозной свободы. Разбираемый нами памятникъ довольствуется заявленіемъ, что «никто не долженъ быть преслѣдуемъ за убѣжденія, хотя бы и религіозныя, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы ихъ внѣшнее выраженіе не нарушало закономъ установленнаго общественнаго порядка». Бентамъ правъ, утверждая, что въ виду подобной оговорки, Людовикъ XIV охотно бы подписался подъ этой статьей. Вѣдь и въ его царствованіе протестанты подвергались преслѣдованію за нарушеніе закона, не признававшаго другой вѣры, кромѣ католической, а кто нарушаетъ законъ, очевидно подрываетъ и охраняемый имъ общественный порядокъ. При той формулировкѣ, какую свобода совѣсти получила со стороны учредительнаго собранія, еще вопросъ, имѣютъ ли члены другихъ церквей, кромѣ господствующей, свободу проповѣди и свободу культовъ. Та и другая вѣдь необходимо ведутъ къ дѣйствіямъ, легко подводи-

---

1) Sophismes Anarchiques, т. I, Oeuvres de Jérémie Bentham, стр. 518.

мымъ подъ квалификацію «нарушающихъ общественный порядокъ».

Только читая наказы 1789 года, начинаешь понимать дѣйствительный источникъ той сдержанности, чтобы не сказать— робости, съ которой собраніе выражаетъ новое для Франціи начало религіозной свободы. Въ самомъ Парижѣ среднее сословіе настаиваетъ еще на признаніи одной господствующей вѣры (une religion dominante), и къ этому пожеланію жители Ренна въ Бретани прибавляютъ требованіе, чтобы католической вѣрѣ одной было дозволено публичное отправленіе богослуженія. Вѣротерпимость, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она признаваема была за протестантами до отмѣны нантскаго эдикта, вотъ къ чему сводится программа большинства избирателей средняго сословія Ниверне, Провинъ, Труа и другихъ бальяжей Франціи. Этотъ идеалъ почти уже былъ достигнутъ въ эпоху составленія деклараціи. Людовикъ XVI эдиктомъ 1787 возстановилъ для протестантовъ свободу, дарованную имъ при Генрихѣ IV. Онъ допустилъ ихъ снова къ пользованію гражданскими и политическими правами. Болѣе этого въ концѣ XVIII вѣка не требовали и сами протестанты. Что же касается до католиковъ, то имъ нельзя поставить въ вину, что ихъ заботливость о «схизматикахъ» «ограничивалась, по выраженію дворянства Нижняго Лимузена, однимъ устройствомъ ихъ гражданскаго состоянія». Высказываясь въ пользу отмѣны уголовныхъ законовъ противъ протестантовъ, католическое духовенство въ то же время вооружалось противъ «универсальнаго толерантизма ретивыхъ декламаторовъ вѣка» [1]).

При такихъ условіяхъ, удивительно ли, если предложеніе депутата Кастеллана, включить въ текстъ деклараціи слова: «никто не долженъ подлежать преслѣдованію за свои религіозныя убѣжденія или встрѣчать препятствіе въ отправленіи своего культа», несмотря на горячую защиту его Мирабо, не встрѣтило дружной поддержки въ стѣнахъ собранія, и если большинство депутатовъ дало предпочтеніе редакціи епископа Лиддскаго, ставящей свободу вѣроисповѣданія въ зависимость отъ такого разнорѣчиваго въ своей интерпретаціи требованія, какъ нена-

---

[1]) Poncis. Les cahiers de 89, стр. 139—145.

рушеніе отдѣльными церквами существующаго общественнаго порядка. Тщетно доказывалъ Мирабо, что одной терпимости со стороны господствующей церкви недостаточно [1]) для обезпеченія религіозной свободы, тщетно ратовалъ онъ противъ самаго термина «господствующій» въ примѣненіи къ культу большинства, тщетно доказывалъ необходимость безусловнаго невмѣшательства государственной власти въ отправленіе отдѣльными церквами ихъ религіозныхъ требъ; большинство предпочло остановиться на формулѣ, оставлявшей ему свободу сохранить за католической церковью принадлежащія ей преимущества [2]).

Недостаточность той формулировки, какую религіозная свобода получила въ текстѣ декларации, не замедлила сказаться. Если бы вмѣсто того, чтобы ограничиться неопредѣленнымъ выраженіемъ, вызывающимъ скорѣе идею терпимости, нежели равноправія, декларація открыто признала равную свободу культа и проповѣди за всѣми исповѣданіями, предложеніе епископа Нанси и монаха донъ Жерля объявить католическую церковь государственной сдѣлалось бы немыслимымъ. Собранію не пришлось бы прибѣгать къ разнымъ недостойнымъ его уловкамъ съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ обсужденіе этого законопроекта. Ламету нечего бы было объявлять его обидою для собранія подъ предлогомъ, что онъ возбуждаетъ сомнѣніе въ преданности къ католицизму, а Мирабо обошелся бы безъ напоминанія объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи, призванныхъ обезпечить торжество «господствующей церкви». Собраніе избѣжало бы также справедливаго упрека аббата Мори: «вы ссылаетесь на ваше уваженіе къ католицизму, чтобы не давать ему оффиціальнаго признанія (pour nous refuser à lui rendre hommage); а Д'Эпремениль не въ правѣ былъ бы уподобить поведеніе Палаты тому, какому слѣдовали евреи, распинавшіе Христа, и въ то же время говорившіе ему: «радуйся царь Іудейскій!» [3]). Гораздо

---

[1]) Безграничная свобода вѣры, говоритъ онъ, въ моихъ глазахъ столь священна, что терминъ „терпимость", какимъ хотятъ обозначить ее, самъ по себѣ мнѣ кажется тираническимъ (Arch. Parl. Томъ VIII, стр. 473).

[2]) Buchez et Roux, т. II, стр. 324—335.

[3]) См. Laurent. La révolution française. Часть II, стр. 381 и слѣд.

вѣрнѣе понималъ Мирабо характеръ новыхъ отношеній, какія должны были становиться между церковью и государствомъ, не только тогда, когда протестовалъ противъ предложенія Мори—назвать католическую церковь господствующей (dominate), но и тогда, когда, принимая, какъ президентъ собранія, депутацію квакеровъ, онъ объявлялъ имъ, что между Богомъ и сердцемъ человѣческимъ правительство не можетъ быть судьею; отъ государства зависитъ только дать или отказать въ признаніи связаннымъ съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ соціальнымъ и юридическимъ принципомъ, оно въ правѣ поэтому требовать и отъ квакеровъ вѣрности знамени и общественнаго засвидѣтельствованія ихъ браковъ и рожденій, хотя бы ученія этой секты и отрицали законность войны или религіозный характеръ брака [1]). Но если собраніе недостаточно формулировало требованія религіозной свободы, то его во всякомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ узкомъ ея пониманіи или нежеланіи распространить благодѣтельное вліяніе этой свободы даже на тѣхъ общественныхъ паріевъ, какими во Франціи, какъ и повсюду, оставались еще въ это время не только евреи, но и актеры. Ни софистикѣ Мори [2]), доказывавшаго, что евреи не религіозная секта, а нація, имѣющая свои особые законы, ни предубѣжденіямъ Реубеля, повторявшаго противъ евреевъ обычное обвиненіе въ исключительной алчности и готовности эксплоатировать своихъ согражданъ, не удалось поколебать рѣшимости собранія сохранить неприкосновеннымъ принципъ равенства всѣхъ предъ закономъ. Въ сентябрѣ 91 года въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій учредительное собраніе, по предложенію Дюпона де Немура, дало евреямъ вслѣдъ за актерами право активнаго гражданства. Когда Реубель вздумалъ было высказаться противъ подобнаго рѣшенія, Ренье при всеобщемъ сочувствіи заявилъ, что надо призвать къ порядку всякаго, кто позволитъ себѣ нападки на принципъ «равенства въ правахъ», ибо оно лежитъ въ основѣ самой конституціи [3]).

---

[1]) Ibid. T. II, стр. 399 (Moniteur 12 февр. 91 г.).
[2]) Moniteur 14-го октября, 24 и 25 дек. 89 года.
[3]) Moniteur 29 сент. 91 г. Смотри также письмо Реубеля къ Камиллу Демулену (Correspondance inédite de Camille Desmoulins), стр. 51 и

Какъ ни несовершенна была избранная учредительнымъ собраніемъ редакція, какой произволъ не предоставляетъ она вмѣшательству властей въ дѣла культа и проповѣди, все же справедливость заставляетъ признать, что въ декларацiи правъ религiозная свобода дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ окончательному признанію. Надо вспомнить только, что нигдѣ въ Европѣ, не исключая даже короткаго періода республиканскаго режима въ Англiи, свобода вѣры не шла далѣе терпимости по отношенію къ однимъ христіанскимъ сектамъ. Англійскіе радикалы XVII вѣка, не говоря уже о Кромвелѣ, не считали возможнымъ распространить эту терпимость, по крайней мѣрѣ путемъ закона, на магометанство и іудейство, а тѣмъ болѣе на язычество и невѣріе. Пуританская Англія принимала мѣры противъ перевода Корана на англійскій языкъ, настаивала на запрещенiи евреямъ свободнаго поселенія, открыто враждовала со всѣмъ, что въ ея понятіяхъ не отвѣчало вѣрѣ въ Христа и началамъ христіанской нравственности. Для атеистовъ одинаково, по воззрѣніямъ Бена, Кромвеля и Локка, не можетъ быть терпимости. Никакихъ подобныхъ различій не устанавливаетъ декларація. Для нея нѣтъ болѣе «христіанъ и нехристей, эллиновъ и іудеевъ». Учредительное собраніе озабочено только тѣмъ, чтобы равно допускаемыя имъ религіозныя секты не нарушали мира государства, но каковъ будетъ источникъ самихъ этихъ сектъ, и будутъ ли лежать въ основанiи ихъ христіанскіе догматы или проповѣдь невѣрія и свободнаго мышленія—для него безразлично. Въ этомъ отношенiи оно идетъ несравненно дальше не только Англiи XVII и XVIII в., но и Америки, которая по примѣру своей бывшей метрополiи признаетъ христіанство, «однимъ изъ элементовъ своей конституцiи», хотя и болѣе широко подводитъ подъ понятіе его раздѣляющія ея гражданъ вѣроученія, въ томъ числѣ гонимыя Кромвелемъ квакерство и социніанство. Справедливость заставляетъ сказать также, что къ протестантизму революціонная Франція отнеслась гораздо тер-

---

письмо 5 января 90 года, гдѣ онъ говоритъ о многочисленномъ рабочемъ людѣ Эльзаса, угнетаемомъ и терпящемъ всякія вымогательства отъ этой «жестокой орды африканцевъ, кишащей въ Эльзасѣ и Лотарингіи».

пимѣе, чѣмъ сдѣлала это два столѣтія раньше революціонная Англія по отношенію къ католицизму. Подъ предлогомъ, что главою послѣдняго является иноземный государь, съ которымъ не только позволительно, но и благоразумно никогда не прекращать борьбы, Англія временъ Кромвеля поставила «папизмъ» въ число непризнаваемыхъ ею сектъ. До 1892 года католики не пользовались въ Англіи той полнотою гражданскихъ преимуществъ, какая обезпечена была во Франціи протестантамъ декларацией правъ и даже ранѣе этого эдиктомъ 1787 года. Въ Ирландіи они всю первую половину вѣка продолжали оставаться въ «осадномъ положеніи».—И такъ, хотя не полной, но въ то же время далеко превосходящей все предшествующее, надо признать ту гарантію, какую религіозная свобода получила въ деклараціи правъ 89 года.

Еще строже былъ формулированъ собраніемъ другой видъ свободы духовныхъ проявленій личности—свобода слова, письма и печати. Свободное сообщеніе мыслей и взглядовъ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, гласитъ 11-ая статья деклараціи. Каждый гражданинъ въ правѣ поэтому говорить, писать и печатать свободно; онъ отвѣчаетъ только за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Смыслъ этой статьи вполнѣ станетъ яснымъ, если сопоставить ее съ другими, встрѣчающимися въ той же деклараціи, четвертой статьей, опредѣляющей свободу, какъ право дѣлать все то, что не вредитъ другому, и пятой, постановляющей, что все незапрещенное закономъ должно считаться дозволеннымъ. Изъ сопоставленія этихъ статей легко вывести то заключеніе, что учредительное собраніе, отрицая въ корнѣ всякую систему предупрежденія, въ то же время не закрывало глазъ на возможность нарушенія словомъ и печатью правъ частныхъ лицъ и общества; что, вопреки несправедливо взводимому на него обвиненію въ полнѣйшемъ разнузданіи прессы, оно озабочено было мыслью о подчиненіи ея закону и суду. Провозглашая свободу отъ предварительной цензуры, дѣятели 89 года въ то же время высказывались въ пользу установленія карательныхъ мѣръ противъ всякихъ злоупотребленій свободою слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго.

Въ этомъ отношенiи, какъ и при регулированiи порядковъ личнаго задержанiя, они руководствовались не только теоретическими положенiями, но и вѣковымъ опытомъ свободныхъ странъ и, во главѣ ихъ, Англiи. Раздѣляя положенiе Мильтона о невозможности задержать свободное проявленiе мысли, они въ то же время не расходились съ нимъ въ оцѣнкѣ результатовъ, достигаемыхъ печатнымъ словомъ. И для нихъ, какъ и для англiйскаго мыслителя, было ясно, что печать то же, что «зубы Дракона», что она можетъ сдѣлаться угрозой и общественному порядку и мирному существованiю частныхъ лицъ, если не дать одинаково правительственнымъ властямъ и подданнымъ исковую охрану ихъ добраго имени и чести. Эта охрана дана была въ Англiи такъ называемымъ lybel-act, которымъ предоставлялось право преслѣдовать предъ судомъ всѣ случаи клеветы и диффамацiи и подвергать виновныхъ какъ уголовной карѣ, такъ и имущественному взысканiю. Составители декларацiи, очевидно, прониклись вполнѣ тѣми мыслями, которыя лежатъ въ основанiи англiйскаго законодательства о печати. И это въ то время, когда общественное мнѣнiе Францiи, насколько можно судить по наказамъ, далеко не было единодушно въ требованiи отмѣнить цензуру. Духовенство настаивало даже на усиленiи ея, видя въ ней защиту противъ невѣрiя и свободнаго мышленiя. Правительство призываемо было уничтожить въ корнѣ возможность изданiя книгъ, брошюръ и журналовъ, враждебныхъ вѣрѣ, добрымъ нравамъ и репутацiи частныхъ лицъ. Установленiе духовной цензуры, на ряду съ свѣтской, входило въ число желанiй довольно либерально настроенныхъ въ другихъ вопросахъ привилегированныхъ сословiй [1]). Одно среднее сословiе открыто признавало право каждаго говорить, писать и печатать, что угодно, подлежа отвѣтственности только въ случаѣ нарушенiя этимъ путемъ чужихъ признанныхъ закономъ правъ. Оно прибавляло къ этому требованiе, чтобы редакторы и типографщики выставляли свои имена на дѣлаемыхъ ими изданiяхъ и совмѣстно съ авторами отвѣчали за ихъ содержанiе [2]).

---

[1]) Résumé des Cahiers, t. II, p. 65.
[2]) Ibid.

Нашъ взглядъ на крайнюю умѣренность, съ какой декларація правъ провозглашаетъ публичныя права гражданъ, находитъ новое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что свобода сходокъ и петицій, давно признаваемая уже,—правда, съ извѣстными ограниченіями,—въ Англіи и Америкѣ, не упомянута ею ни единымъ словомъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы учредительное собраніе отказывало французамъ въ этой свободѣ. Признаніе ея прямо слѣдуетъ изъ факта отнесенія декларацiей къ числу дозволенныхъ дѣйствій всѣхъ тѣхъ, которыя прямо не запрещаются закономъ. Но умолчаніе, о которомъ идетъ рѣчь, все же знаменательно, такъ какъ оно указываетъ въ составителяхъ деклараціи отсутствіе яснаго пониманія того громаднаго значенія, какое въ представительныхъ демократіяхъ призвано играть право сходокъ [1]). Они далеки были отъ мысли видѣть въ митингахъ необходимое звено въ общемъ механизмѣ свободныхъ учрежденій, существенное восполненіе неизбѣжныхъ въ конституціяхъ недостатковъ и несовершенствъ. То, что говорятъ о митингахъ и возможности уровновѣсить ими ходъ парламентской машины и конституціонной борьбы партій современные публицисты и во главѣ ихъ Брайсъ, по всей вѣроятности, не было бы понято ни

[1]) Въ этомъ отношеніи на нихъ отразилось вліяніе политической доктрины XVIII вѣка и въ частности Мабли. Меня поражаетъ то обстоятельство, что біографы знаменитаго аббата не отмѣтили того любопытнаго факта, что этотъ смѣлый провозвѣстникъ идей современной демократіи не говоритъ ни слова въ пользу одного изъ тѣхъ правъ, въ которомъ при отсутствіи прямого участія въ дѣлахъ страны, благодаря господству представительной системы, народъ находитъ лучшее, чтобы не сказать единственное, средство такъ или иначе вліять на ходъ законодательства и управленія, на внутреннюю и внѣшнюю политику. Въ своихъ замѣткахъ на счетъ правительства и законовъ Соединенныхъ Штатовъ Мабли высказываетъ даже открыто осужденіе тому праву сходокъ и петицій, какому англичане и, по ихъ примѣру, американцы обязаны пріобрѣтеніемъ большинства своихъ политическихъ вольностей.—Я спрашиваю себя, пишетъ онъ, имѣетъ ли народъ право сходиться каждый разъ, когда ему вздумается, не подчиняясь въ то же время никакому правилу, никакой постоянной полиціи, не оставаясь подъ бдительнымъ взоромъ чиновника? Если таковъ смыслъ пенсильванскаго закона, надо сознаться, что изъ желанія быть народнымъ законъ этотъ сдѣлался анархическимъ. Постановленіе, которое Мабли подвергалъ такой строгой критикѣ, гласило бук-

Лафайетомъ, ни Мирабо.—А между тѣмъ, справедливая оцѣнка этой свободы, по всей вѣроятности, избавила бы дѣятелей 89 года отъ необходимости включать въ число заявляемыхъ ими правъ «право сопротивленія». Это право, столь же громко провозглашенное въ Англіи Великой Хартіей Вольностей, нашло практическое признаніе не раньше, какъ послѣ того, какъ за народомъ была признана свобода выражать это сопротивленіе въ формѣ митинговъ и петицій, открывающихъ, одинаково верховной власти и народнымъ представителямъ, глаза на дѣйствительныя нужды націи, побуждающихъ нерѣдко короля распустить сдѣлавшійся непопулярнымъ парламентъ или парламентъ прекратить свою оппозицію популярной правительственной программѣ.

Людямъ 89 года недоставало опыта представительныхъ демократій и ни по какой иной причинѣ, какъ по той, что самихъ этихъ демократій еще не было: Англія оставалась прежней аристократіей, да и Американскіе Штаты, съ ихъ ограниченной си-

---

вально слѣдующее:—„народъ въ правѣ собираться и держать совѣщанія по вопросамъ общаго блага; онъ въ правѣ давать инструкціи своимъ представителямъ и требовать отъ законодательнаго собранія путемъ адресовъ, петицій и демонстрацій устраненія того вреда, на какой онъ считаетъ себя въ правѣ жаловаться“. Что же, спрашивается, побуждаетъ Мабли вооружаться такъ открыто противъ права сходокъ и петицій? Желая объяснить причину такой несообразности въ своихъ взглядахъ, онъ говоритъ: «Необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы окружить законодательную власть уваженіемъ; пенсильванскій же законъ ставитъ ее въ зависимость отъ любаго сборища, какое всякій интриганъ, всякій недовольный краснобай легко можетъ соединить вокругъ себя» *). (Observations sur le gouvernement et les lois des états unis d'Amerique, томъ VIII полнаго собранія сочиненій изд. 1794—1795 г., стр. 368). Въ этомъ отношеніи Мабли уклонился отъ воззрѣній своего учителя Руссо, который, какъ мы видѣли, въ правѣ представительства (droit de représentation) видитъ одну изъ существеннѣйшихъ гарантій политической свободы. Онъ сдѣлалъ это, думая служить интересамъ представительнаго образа правленія, но послѣдній, какъ доказываетъ вѣковой примѣръ Англіи и Америки, не требуетъ такихъ жертвъ. Распространеніе въ представительныхъ демократіяхъ системы—referendum—и прямаго законодательнаго почина народа, начало которому положено республиками Швейцаріи, служитъ новымъ доказательствомъ тому, что самое широкое примѣненіе права сходокъ и петицій мирится какъ нельзя лучше съ сохраненіемъ системы народнаго представительства.

стемой представительства, мало отвѣчали понятію о демократіи. Если бы составители деклараціи призваны были дѣйствовать столѣтіемъ позже, они, вѣроятно, съ выгодою для свободы замѣнили бы туманное по своему смыслу и анархическое по содержанію право «сопротивленія» вполнѣ закономѣрнымъ и не грозящимъ порядку правомъ мирно сходиться для обсужденія своихъ нуждъ и мирно заявлять правительству и палатамъ о желательныхъ въ ближайшемъ будущемъ мѣропріятіяхъ.

Декларація занята не однимъ лишь изложеніемъ публичныхъ правъ гражданъ. Ея заботливость въ равной мѣрѣ вызываютъ и ихъ политическія права. Надо отдать ту справедливость собранію, что оно какъ нельзя вѣрнѣе поняло, въ чемъ именно лежитъ дѣйствительная гарантія системы самоуправленія общества. И говоря это, я разумѣю не провозглашеніе голаго принципа, что нѣтъ власти, которая бы не исходила отъ народа, такъ какъ принципъ этотъ, наравнѣ съ противоположнымъ ему началомъ: «нѣтъ власти иже не отъ Бога», можетъ быть одинаково источникомъ и народовластія и деспотіи. Римскіе императоры, какъ извѣстно, не производили своей власти ни отъ кого иного, какъ отъ народа; на суверенитетѣ народа въ его естественномъ состояніи строилъ Гоббсъ свою теорію неограниченнаго правителя, свѣтскаго и духовнаго, а Кромвель свою систему военной диктатуры. Римскіе юристы, съ ихъ lex regia, какъ и авторъ Левіаѳана, ни мало не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, могли бы подписаться подъ третьей статьею деклараціи, гласящей: никакое собраніе и никакое частное лицо не можетъ осуществлять власти, которая бы не исходила отъ народа. И въ столѣтіе, слѣдовавшее за революціей, ученіе о народѣ, какъ источникѣ всякаго верховенства, ни мало не мѣшало полнѣйшему подавленію политической свободы Бонапартами. Оба Наполеона открыто производили свою власть отъ народа. Объявляя себя единственнымъ представителемъ націи, Наполеонъ I въ своемъ обращеніи къ палатѣ указывалъ на народъ, какъ на виновника его власти. Приверженцы демократическаго цезаризма всегда были и доселѣ остаются партіей непосредственнаго воззванія къ народу (appel au peuple). Тяжелымъ опытомъ Франція дошла до сознанія, что разномысліе по вопросу о первичномъ

источникѣ власти въ дѣйствительности мало затрогиваетъ существенный для народа вопросъ о политической свободѣ. Самоуправленіе общества, къ чему сводится на самомъ дѣлѣ эта свобода, отнесемъ ли мы ее, по примѣру англичанъ и американцевъ, къ предначертаніямъ Божескаго Промысла, или, по примѣру французовъ, къ народному выбору, возможно только подъ условіемъ участія народа чрезъ его представителей въ налоговомъ обложеніи, законодательствѣ и контролѣ за управленіемъ. Средствомъ къ послѣднему является отвѣтственность тѣхъ органовъ, которымъ народное представительство ввѣряетъ осуществленіе правительственныхъ функцій.

Эти далеко не сложныя истины были выработаны многовѣковымъ опытомъ средневѣковыхъ сословныхъ монархій. Въ серединѣ XIV в. онѣ сознаваемы были во Франціи не хуже, чѣмъ въ Англіи или Аррагоніи. Заслугу людей 1789 года составляетъ то, что, увлекаясь новѣйшими теоріями народнаго суверенитета и раздѣленія властей, платя имъ дань въ отдѣльныхъ положеніяхъ своей декларацiи, они въ то же время оцѣнивали по достоинству все значеніе этихъ старыхъ истинъ и соотвѣтственно старались дать имъ полное признаніе. «Всѣ граждане, объявляетъ декларація, участвуютъ чрезъ представителей въ изготовленіи законовъ (ст. 6), имѣютъ право лично или через нихъ удостовѣриться въ необходимости налога, дать на него согласіе или отказать въ немъ, опредѣлить его размѣръ, способъ обложенія, срокъ и порядокъ взиманія (ст. 14). Общество въ правѣ требовать отъ всякаго чиновника отчета въ его административной дѣятельности» (ст. 15).

Такое ясное пониманіе дѣйствительныхъ требованій всякаго свободнаго правительства указываетъ на знакомство членовъ учредительнаго собранія съ механизмомъ какъ англійской, такъ и американской конституціи. О Лафайетѣ Марія Антуанета говорила, что его взгляды и поступки опредѣляются тѣмъ, что дѣлается въ Филадельфіи. Бриссо обязанъ былъ отчасти своимъ вліяніемъ продолжительному пребыванію въ Англіи. Сочиненія Мирабо рисуютъ его намъ человѣкомъ, которому одинаково были доступны всѣ тонкости государственнаго механизма Англіи.

Голландіи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ [1]). Члены собранія: Малуэ, Лалли-Толендаль, Мунье и Вирье, принадлежатъ къ числу немногихъ политическихъ дѣятелей, сужденія которыхъ объ англійскихъ порядкахъ могутъ быть приводимы въ образецъ чуткости и прозорливости французскихъ публицистовъ. Но, можетъ быть, никто изъ французовъ XVIII-го вѣка, болѣе Малле-Дюпанъ не заслуживаетъ названія истолкователя началъ англійской конституціи, главное достоинство которой онъ видитъ въ томъ, что «она въ своихъ предначертаніяхъ постоянно имѣетъ предъ глазами неизбѣжное столкновеніе человѣческихъ страстей и одна умѣетъ пользоваться имъ для цѣлей свободы» [2]).

Отъ такихъ руководителей можно было ожидать конституціи, болѣе отвѣчающей жизненному опыту и потому болѣе почвенной и живучей, чѣмъ та, которою надѣлило Францію учредительное собраніе. И дѣйствительно, если бы голосъ ихъ не былъ заглушенъ тѣми, которыхъ тотъ же Малле-Дюпанъ изображаетъ поборниками начала неограниченнаго народнаго суверенитета, конституція 1791 г. не оказалось бы попыткой примирить непримиримое: монархическую форму и республиканское содержаніе, независимость исполнительной власти и требованіе, чтобы король приводилъ въ дѣйствіе нежелательные ему законы, свободу короля въ выборѣ министровъ и отвѣтственность ихъ передъ собраніемъ за направленіе ихъ политики, государственное верховенство монарха и запрещеніе ему входить въ стѣны палаты. Разумѣется, главная вина лежала въ событіяхъ, въ грозившей иноземной войнѣ, поднятой противъ Франціи эмиграціей, въ непрекращавшемся заговорѣ королевской партіи противъ новыхъ порядковъ, въ возрастающемъ, вслѣдствіе голода, раздраженіи народныхъ массъ... но все это не мѣшаетъ потомству произнести надъ людьми 89 года то справедливое осужденіе, что

---

[1]) Buchez et Roux, т. I, стр. 337. Extrait des cahiers du tiers-état de Paris

[2]) «La foule ne voit, ni ne verra de longtemps, que nous n'estimons pas les lois britanniques, uniquement parcequ'elles sont britanniques, mais parcequ'elles reposent sur l'action inévitable des passions humaines et sur les seuls moyens de les rendre utiles à la liberté (lettre à Mounier. Paris le 14 mars 1790). См. Le Comte d'Hérisson. Autour d'une révolution, стр. 94.

ихъ важнѣйшій законодательный памятникъ, конституція 91 года, стоитъ несравненно ниже тѣхъ ожиданій, какія могла вызвать составленная ими полтора года ранѣе декларація. Конституція 91 года не болѣе, какъ послѣдовательное развитіе и доведеніе до абсурда теоріи раздѣленія властей. Политическія статьи декларации—признаніе завѣщанныхъ опытомъ вѣковъ началъ правоваго государства.

Заключая въ себѣ гарантію публичныхъ правъ человѣка и политичскихъ правъ народа, принципы 89 года, по замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, совершенно упускаютъ изъ виду тѣ посредствующіе органы, какіе существуютъ въ обществѣ между государствомъ и индивидомъ: самоуправляемую сельскую и городскую общину и національность, какъ нѣчто отличное отъ народа, входящее въ его составъ, какъ часть въ цѣлое, подъ условіемъ сохраненія извѣстныхъ отличій, извѣстной доли автономіи, принимающей форму провинціальныхъ вольностей.

Первый упрекъ справедливъ развѣ въ примѣненіи къ тексту декларации, который дѣйствительно ни словомъ не упоминаетъ о системѣ мѣстнаго самоуправленія. Его нельзя направить противъ всей учредительной дѣятельности собранія. Мѣстные наказы рекомендовали депутатамъ созданіе системы свободныхъ общинъ и они свято исполнили эту миссію, надѣливъ Францію избирательными мэрами и муниципальными совѣтами.

Второй упрекъ не только несправедливъ, но не имѣетъ подъ собою почвы. Нельзя обвинять людей въ непризнаніи того, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было, или что потеряло уже всякій смыслъ и значеніе; а провинціальныя вольности Франціи—этотъ слабый остатокъ той ограниченной автономіи, какая признаваема была нѣкогда французскими монархами за присоединявшимися къ ихъ коронѣ землями,—въ 1789 г. находились именно въ сказанныхъ условіяхъ. Рука Ришелье и Людовика XIV прошлась по нимъ гораздо ранѣе того, когда депутаты національнаго собранія, приравнивая вольности городовъ и провинцій къ потерявшимъ смыслъ и значеніе сословнымъ привилегіямъ, сочли нужнымъ принести ихъ въ жертву на «алтарь отчизны». Поступая такимъ образомъ, они, по собственному сознанію, руководились тѣмъ соображеніемъ, что ожидаемая конституція обез-

печитъ ихъ довѣрителямъ гораздо бóльшія права, чѣмъ тѣ, какія гарантированы были имъ провинціальными вольностями. Полнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова депутатовъ отъ Прованса: «мы отказываемся отъ нашей (провинціальной) конституціи, надѣясь, что та, которую вы дадите всей Франціи, будетъ лучше (nous vous abandonnons notre constitution de Provence parce que nous espérons que vous nous en donnerez une meilleure [1]). Слова эти лишній разъ доказываютъ ту неоспоримую истину, что ревнивое охраненіе провинціальной автономіи мыслимо лишь до тѣхъ поръ, пока эта автономія существуетъ бокъ-о-бокъ съ безправіемъ остальныхъ частей государства. Но стоитъ только государству вступить на путь политической свободы, и всякій мѣстный сепаратизмъ теряетъ свой raison d'être. Разсчетъ въ данномъ случаѣ очень простъ. Неравенство въ правахъ, разумѣется, лучше равенства въ безправіи, но какая надобность держаться за неравенство, когда всѣмъ обезпечена одинаковая свобода? Если отдѣльные города и провинціи, если Парижъ, Монпелье, Эксъ, спѣшили добровольнымъ отказомъ отъ своихъ спеціальныхъ учрежденій и судовъ, если воззваніе муниципалитета столицы къ департаментамъ по случаю предстоящаго праздника федераціи: «мы болѣе не бретонцы, не провансальцы, не овернцы и не парижане, мы французы» всюду встрѣчаемо было съ несомнѣнными признаками энтузіазма, то источникъ всего этого лежитъ въ томъ, что съ 1789 года свобода, по выраженію Малуэ, сдѣлалась «свѣтиломъ, одинаково озаряющимъ всѣхъ гражданъ государства» [2]).

Мы кончили съ разборомъ отдѣльныхъ статей деклараціи и

[1]) Buchez et Roux, H. Parlementaire, т. II, стр. 316.

[2]) La liberté doit étre comme l'astre du jour qui luit pour tout le monde (Buchez et Roux, H. parl., т. II, стр. 200). Учредительное собраніе не омрачило своей дѣятельности никакими мѣропріятіями къ искусственному воцаренію въ школахъ и церквахъ одного французскаго языка. Законъ 20 іюля 1794 г., запрещающій употребленіе нѣмецкаго языка въ судахъ, школахъ и церквахъ, подъ страхомъ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія, дѣло якобинцевъ, и первымъ его исполнителемъ былъ Сенъ-Жюстъ, засадившій до двухъ тысячъ страсбургскихъ нѣмцевъ въ тюрьму за неисполненіе этого приказа. См. Richter. Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution, т. I, стр. 43.

намъ остается высказать нашъ взглядъ, частью на счетъ ея цѣлесообразности, частью на счетъ значенія, какое въ наше время могутъ имѣть провозглашаемыя ею начала. Какъ въ средѣ современниковъ, такъ и въ средѣ потомства нерѣдко слышатся голоса, что декларація правъ была совершенно излишней. Малуэ и Мирабо одинаково настаивали на необходимости или вовсе не издавать ея, или слить ее воедино съ текстомъ новой конституціи. Бентамъ и его женевскій сотрудникъ Дюмонъ думаютъ, что, издавая свою декларацію, учредительное собраніе спѣшило обѣщать народу права, которыя оно само же принуждено было вскорѣ отобрать. Все это совершенно вѣрно, но вѣрно также и то, что обязательные для депутатовъ наказы требовали наискорѣйшаго изданія торжественнаго объявленія правъ человѣка [1]). Столь же несомнѣнно, что сами депутаты сознавали необходимость въ будущемъ регуллировать, т. е. ввести въ извѣстныя рамки, обѣщанныя ими вольности. Обнародовать тѣ начала, на которыхъ должна опираться конституція всѣхъ свободныхъ народовъ, думали многіе изъ нихъ,—дѣло деклараціи. Она не устраняетъ необходимости органическаго закона, которымъ общія права человѣка были бы согласованы съ особенностями французскаго національнаго характера. «Задача деклараціи, говорилъ Дюпоръ, — выразить истины для всѣхъ временъ и народовъ. Что въ томъ, если бы онѣ и противорѣчили отчасти той конституціи, какая будетъ принята нами? Деклараціи достаточно установить ихъ. Дѣло конституціи внести въ нихъ видоизмѣненія и ограниченія» [2]). Нѣкоторые депутаты стояли за то, чтобы восполнить декларацію правъ одновременнымъ заявленіемъ объ обязанностяхъ человѣка, но это заявленіе по своей практичности мало чѣмъ превышаетъ то, какое Карлайль, заднимъ числомъ, дѣлаетъ по адресу учредительнаго собранія, предлагая ему составить инвентарь того, что лежитъ въ предѣлахъ человѣческой возможности (a declaration of hu-

---

[1]) Нѣкоторые депутаты прямо начинали свою рѣчь заявленіемъ: Je suis chargé par mon bailliage de réclamer une déclaration des droits de l'homme (Buchez et Roux, т. II, стр. 192).

[2]) La déclaration est pour les établir, la constitution est pour les modifier et les circonscrire (Buchez et Roux, т. II).

man mights). Если въ деклараціи правъ многія положенія являются простыми абстракціями, мѣсто которымъ скорѣе въ «Метафизическихъ началахъ правовѣдѣнія» Канта, нежели въ актѣ, исходящемъ отъ законодательной власти, то что сказать о тѣхъ, какія заключаетъ въ себѣ предложенный собранію проектъ перечисленія обязанностей гражданина? «Каждый французъ обязанъ уважать Бога, значится въ немъ, религію и ея служителей, а также оказывать почтеніе королю, какъ особѣ священной и неприкосновенной. Повиновеніе законамъ есть высшая добродѣтель. Французъ долженъ признавать права ближняго» [1]. Какія юридическія начала заключаютъ въ себѣ эти не снабженныя санкціей нравственныя и религіозныя сентенціи и какое право имѣютъ они на включеніе во что бы то ни было, кромѣ текста даваемыхъ дѣтямъ прописей?

Подтвержденныя опытомъ опасенія Мирабо, что декларація не будетъ понята тѣми, для кого она назначена, объясняются не самой природой этого акта, еще менѣе отсутствіемъ въ немъ параллельнаго правамъ перечня обязанностей, а исключительно несовершенствомъ редакціи, дающей право ожидать отъ сдѣланныхъ собраніемъ обѣщаній болѣе, чѣмъ въ силахъ даровать самое либеральное въ мірѣ правительство. «Люди рождаются и пребываютъ свободными и равными въ правахъ»—фраза, которой начинается первая статья деклараціи безъ сопоставленія съ другими статьями и въ связи съ §§ о сопротивленіи, какъ о естественномъ правѣ, очевидно, можетъ возбудить въ умахъ надежды на безграничное равенство и вѣру въ священное право революціи. Нечего и говорить, что ни то, ни другое не входило въ разсчеты дѣятелей 89 года.

Но отсюда до признанія безцѣльности или даже вреда деклараціи еще далеко. «Люди потеряли свои права и нуждаются въ напоминаніи о нихъ», говорилъ депутатъ Дюпоръ. Такое напоминаніе входило въ разсчеты партіи, все будущее которой опиралось на сознаніи народомъ необходимости утерянныхъ имъ вольностей. Чтобы обезпечить себѣ побѣду, дѣятелямъ 1789 года

[1] Проэктъ редактированъ былъ депутатомъ d'Avaray (H. parlem., т. II, стр. 223).

приходилось прежде всего революціонировать умы народныхъ массъ, а для этого не было иного пути, кромѣ повсемѣстно обнародуемыхъ манифестовъ. Такимъ манифестомъ и была для людей 89 года декларація правъ человѣка. Изданіе ея еще потому должно быть признано мѣрою, вполнѣ политичной, что связывало руки санкціонировавшему ее правительству. Всѣ пути отступленія были отрѣзаны ему съ того времени, когда Людовикъ XVI скрѣпилъ декларацію своею подписью. Поворотъ къ стариннымъ порядкамъ не могъ съ этого момента произойти иначе, какъ путемъ всегда опасной для правительства контрреволюціи.

И такъ, декларація правъ человѣка и гражданина была несомнѣнно мѣрою цѣлесообразною. Остается рѣшить еще, какое значеніе имѣетъ она для нашего времени; слѣдуетъ ли видѣть въ ней Великую Хартію народныхъ вольностей, общую для всѣхъ временъ и народовъ, или одностороннее выраженіе политическихъ требованій средняго сословія? И то и другое воззрѣніе кажется намъ одностороннимъ. Народныя вольности, признанія которыхъ подданные въ правѣ ожидать отъ правительства, заботливаго объ обезпеченіи всеобщаго благоденствія, не исчерпываются гарантируемыми деклараціею правами. Уже Малуэ считалъ нужнымъ восполнить ее обѣщаніемъ общественной помощи неимущимъ [1]).

Право на трудъ, признанное еще въ XVI вѣкѣ въ Англіи законодательствомъ Елизаветы, предписавшимъ устройство рабочихъ домовъ для нищихъ и снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ для производства работъ, необходимо должно найти себѣ мѣсто въ числѣ тѣхъ правъ, гарантія которыхъ падаетъ на обязанность современнаго государства [2]). И пусть не возражаютъ мнѣ, что

---

1) „Lui direz-vous (au citoyen) que dans l'indigence il a droit au secours de tous, tandis qu'il invoque peut-être en vain la pitié des passants, tandis qu'à la honte de nos lois et de nos moeurs aucune précaution législative n'attache à la société les infortunés que la misère en sépare“ (Buchez et Roux, т. II, стр. 203).

2) Въ средѣ якобинскаго клуба Польверель, протестуя противъ равнаго распредѣленія земель, которое, по его мнѣнію, не помѣшаетъ рано или поздно установленію неравенства, въ то же время открыто призна-

включеніе этого права въ декларацію противорѣчило бы тѣмъ представленіямъ, какія ея составители имѣли о задачахъ государства. Декларація 89 года потому и не можетъ быть названа хартіей однѣхъ буржуазныхъ вольностей, что она ни единымъ словомъ не даетъ права утверждать, будто для ея составителей задача государства исчерпывалась обезпеченіемъ безопасности и правосудія. Принципы 89 года шире, чѣмъ думаютъ, и нѣтъ основанія полагать, что на почвѣ свободы нельзя достигнуть рѣшенія соціальнаго вопроса.

валъ обязанности государства по отношенію къ неимущимъ. Эти обязанности, по его мнѣнію, сводились, во 1-хъ, къ предоставленію работы всѣмъ тѣмъ, которые могутъ и хотятъ трудиться, чему соотвѣтствуетъ право принуждать къ труду всѣхъ способныхъ къ нему; во вторыхъ, къ установленію и поддержанію правильной пропорціи между заработной платой и издержками на существованіе, такимъ образомъ однако, чтобы принудительный трудъ оплачиваемъ былъ менѣе добровольнаго; наконецъ, къ обезпеченію помощи всѣмъ тѣмъ, кто не можетъ трудиться.

Для достиженія этой послѣдней цѣли, Польверель на средства, полученныя отъ продажи національныхъ имуществъ, предлагалъ устройство каждымъ департаментомъ, округомъ и муниципалитетомъ благотворительныхъ учрежденій для инвалидовъ и національныхъ мастерскихъ или, вѣрнѣе, рабочихъ домовъ для всѣхъ возрастовъ и половъ. Въ этихъ мастерскихъ заработная плата должна быть установлена сообразно времени года, но всегда въ размѣрѣ, достаточномъ для прокормленія семьи. Своей конкурренціей рабочіе дома должны были побудить всѣхъ земельныхъ собственниковъ и всѣхъ начальниковъ промышленныхъ заведеній къ предоставленію служащимъ по меньшей мѣрѣ равнаго заработка. (Aulard. Société des Jacobins. Томъ I, стр. 160 и 161). Въ этомъ видѣ предложеніе Пальвереля не шло далѣе попытки широкаго примѣненія во Франціи того права на трудъ, признаніе которому всего ранѣе было дано законодательствомъ Елизаветы. Высказывая свое сочувствіе его проекту, клубъ якобинцевъ открыто возставалъ противъ тѣхъ, кто, подобно Фоше, Банвилю и большинству членовъ „Cercle social", пытались сдѣлать изъ декларація правъ выводъ благопріятный коммунизму или новому аграрному закону; кто, выражаясь словами Фоше, думалъ, что люди, будучи равными въ правахъ, должны быть равны во владѣніи. (Que les hommes, étant egaux en droits, ils doivent l'être en possessions). (См. Révolutions de France

ГЛАВА III.

Ликвидація средневѣковаго сословнаго и имущественнаго строя. Паденіе сеньеріальнаго права и мѣстныхъ привилегій. Переворотъ въ собственности и секуляризація церковныхъ земель.

Съ декларацiей правъ неразрывно связаны и тѣ декреты, которыми національное собраніе ниспровергло весь существующій порядокъ сеньеріальныхъ отношеній и цеховое устройство. Обѣщанныя ею равенство и свобода потребовали отмѣны личной зависимости, крѣпости къ землѣ, іерархической организаціи промышленнаго производства, регламентаціи труда и присвоеннаго ему вознагражденія. Всѣ эти упраздненія произведены были сразу, потребовали одного ночнаго засѣданія.

Ночь 4-го августа представляетъ собою небывалое въ мірѣ явленіе: въ нѣсколько часовъ, среди всеобщаго энтузіазма, представители владѣтельныхъ классовъ сами занесли руку на то, на чемъ опиралось ихъ имущественное, соціальное и политическое господство. Мало того: города и провинціи въ лицѣ своихъ

---

et de Brabant, № 54, а также Aulard, Société des Jacobins, томъ I, стр. 392, гдѣ, по Демулену, переданы дебаты якобинцевъ касательно „Cercle social". Отрицательное отношеніе самого Демулена къ аграрному закону указано было нами выше; вотъ какими словами онъ рисуетъ одинокое положеніе, занятое по отношенію къ аграрному закону аббатомъ Фоше «Отъ аргумента къ аргументу аббатъ Фоше дошелъ до аграрнаго закона, но онъ дошелъ до него одинъ; ему не удалось увлечь за собой аудиторіи, которая, напротивъ того, освистала и осмѣяла его". Провозглашая право на трудъ, люди 89 года и въ этомъ отношеніи являлись послѣдователями соціальной доктрины XVIII вѣка, представленной Руссо, Монтескье и Тюрго.

ихъ уполномоченныхъ великодушно отказались отъ своихъ вѣковыхъ вольностей и привилегій, отъ того, на чемъ опиралась ихъ наслѣдственная конституція, изъ-за чего имъ и предкамъ ихъ нерѣдко приходилось вести борьбу съ поборниками политическаго и административнаго единства, съ Ришелье и Мазарини, съ Людовикомъ XIV и Тюрго. Феодальное право и цеховое устройство, автономія парламентовъ и покупаемая цѣной денегъ независимость судей, пали въ одинъ мигъ, и привилегированныя сословія, еще въ іюнѣ такъ упорно стоявшія за свое обособленное существованіе, за свои иммунитеты и почетныя преимущества, поспѣшили, повидимому, добровольно, принесть ихъ въ жертву на алтарь отечества.

Ночь 4-го августа есть, разумѣется, грандіознѣйшая изъ всѣхъ революцій,—революція, коснувшаяся одновременно и сферы землевладѣнія и сферы сословныхъ отношеній, затронувшая прямо или косвенно и гражданское и каноническое право, наложившая свою печать и на мѣстную, и на центральную администрацію, задѣвшая собою интересы не одной Франціи, но и сосѣднихъ съ нею германскихъ державъ, создавшая причины столкновенія и съ имперіей и съ папствомъ. Это разрывъ со всѣмъ прошлымъ Франціи и не одной только Франціи, но всего стараго порядка, съ его іерархическимъ расчлененіемъ общества на сеньеровъ и вассаловъ, съ его корпоративнымъ устройствомъ ремеслъ и торговли, съ его системой совладѣнія крестьянъ съ помѣщиками и раздѣломъ заработковъ между предпринимателями и рабочими, съ его отрицаніемъ свободной конкурренціи и регламентаціей землевладѣнія и труда. Это также разрывъ со всей прежней системой отношеній государства и церкви, народа и духовенства; это обращеніе служителей храма, вознаграждаемыхъ дотолѣ частью валового дохода земельныхъ собственниковъ, въ чиновниковъ на жалованіи. Это паденіе, наконецъ, вѣками установившагося представленія, что суверенитетъ неразрывенъ съ собственностью, земля со службой; что сеньеръ не только помѣщикъ, но и вотчинный судья и патронъ, а верховная власть составляетъ предметъ совладѣнія короля, церковныхъ, свѣтскихъ вассаловъ и организованныхъ въ корпораціи городовъ; что простонародіе связано обязательствомъ службы и подати по отношенію

не къ одному государю, верховному представителю націи, но и къ своимъ сеньерамъ, свѣтскимъ и духовнымъ; что оно несетъ тягло не только государственное, но феодальное и церковное, платя королю прямые и косвенные налоги, помѣщику натуральные и денежные сборы, а духовенству десятину. Какъ всякій поворотный моментъ въ исторіи, ночь 4-го августа знаменуетъ собою не только переворотъ въ учрежденіяхъ, но и въ нравахъ и привычкахъ. Живя въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, какія существовали вѣкъ назадъ на протяженіи всей Европы, намъ трудно представить себѣ то глубокое потрясеніе, какое должно было вызвать въ повседневномъ обиходѣ торжество индивидуализма и внезапное прекращеніе тѣхъ отношеній патроната и кліентства, на которыхъ держался весь строй средневѣковой жизни.

Говоря о замѣнѣ традиціи и обычая свободнымъ соглашеніемъ, мы весьма несовершенно передаемъ то значеніе, какое должно было имѣть для судебъ какъ владѣтельныхъ, такъ и невладѣтельныхъ классовъ, паденіе такихъ, напримѣръ, порядковъ, какъ вѣчно наслѣдственной аренды, съ ея неизмѣнной и низкой рентой, открывавшей, какъ мы видѣли, крестьянамъ доступъ къ землѣ и при отсутствіи нужнаго для ея покупки капитала. Намъ трудно также постигнуть вполнѣ глубину того переворота, какой былъ связанъ съ замѣной прежней регламентаціи труда обычаемъ и цеховымъ статутомъ, той экономической анархіей, какую представляетъ исключительная зависимость его отъ отношеній спроса и предложенія [1]. Какъ сроднившіеся съ порядками по-

[1]) Событія въ Ліонѣ вскорѣ удостовѣрили тотъ фактъ, что пресловутая свобода труда далеко не является всегда серьезнымъ препятствіемъ къ голоду и нищетѣ. Мы имѣли случай указать въ 1 томѣ этого сочиненія, что послѣдствіемъ неурожая шелка въ Италіи и Піемонтѣ явилась въ 89 году частичная забастовка на Ліонскихъ фабрикахъ. Сокращеніе спроса на трудъ повело къ паденію заработной платы, даже ниже того уровня, какой необходимъ, для покрытія неотложныхъ издержекъ существованія. Частная и общественная благотворительность призвана была пополнить эту недостачу, и, разумѣется, содѣйствовала тѣмъ самымъ, какъ и всегда, поддержанію низкаго уровня рабочей платы. Какими же средствами, спрашивается, надѣются вожаки ліонскаго рабочаго движенія положить конецъ той экономической нуждѣ, въ какой оказался тру-

литическаго и административнаго единства, мы съ трудомъ представляемъ себѣ также, что означало для людей, выросшихъ въ иныхъ условіяхъ, отказъ отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ вольностей, отъ болѣе или менѣе автономныхъ штатовъ и парламентовъ. Еще менѣе доступна намъ та точка зрѣнія, съ какой высшіе чины церковной іерархіи, эти аристократы по рожденію, должны были смотрѣть на внезапное прекращеніе церковныхъ бенефицій, другими словами—того связаннаго съ должностію владѣнія обширными помѣстьями, которое въ глазахъ современниковъ считалось своего рода вознагражденіемъ дворянству за отказъ отъ промышленной и торговой дѣятельности. Правда, переворотъ, произведенный революціей 4-го августа, подготовляемъ былъ издавна. Правда [1], общественныя и политическія теоріи въ теченіе всего осьмнадцатаго столѣтія пріучили смотрѣть на него, какъ на неотложное требованіе естественнаго права, какъ на своего рода категорическій императивъ разума. Правда, что и независимимо отъ этихъ теорій, постепенное разложеніе имущественнаго, общественнаго и политическаго строя старой Франціи, уже успѣло выдвинуть на сцену многія стороны того новаго индивидуально-буржуазнаго строя, торжество котораго было упрочено революціей 4-го августа. Успѣхи, сдѣланные въ теченіе вѣка фермерскимъ хозяйствомъ и помѣщичьими округленіями въ ущербъ вѣчно наслѣдственной аренды, стѣсненіе раіона общинныхъ пользованій, огораживанія, массовыя переселенія крестьянства въ города, все это вмѣстѣ взятое нарушило во многихъ мѣстностяхъ тѣ порядки совладѣнія и имущественной солидарности земледѣльцевъ съ землевладѣльцами, какіе связаны были съ господствомъ феодальной системы.

Въ свою очередь замкнутость цеховъ, затрудненіе доступа къ мастерству, благодаря цеховымъ стѣсненіямъ и фискальнымъ

дящійся людъ города? Ничѣмъ инымъ, какъ оживленіемъ старинной регламентаціи, установленіемъ легальнаго размѣра того вознагражденія, какое предприниматели должны давать рабочимъ.

[1]) Вся перемѣна, вносимая ими, въ эти, можно сказать, средневѣковые порядки, сводится къ періодическому пересмотру того тарифа на трудъ, какой городскія власти призваны установить съ обоюднаго согласія фабрикантовъ и рабочихъ.

требованіямъ, организація рабочихъ въ независимыя отъ цеховъ товарищества, упадокъ средневѣковыхъ регламентовъ касательно числа рабочихъ часовъ и размѣра платы, прекращеніе прежняго сожительства учениковъ и подмастерій съ хозяевами и стариннаго порядка ихъ вознагражденія частью общей выручки, наконецъ открытая борьба рабочихъ ассоціацій съ цехами, съ цѣлью поставить трудъ въ болѣе выгодныя для него условія, и временныя забастовки производства, какъ результатъ стачекъ, во многомъ парализовали ту экономическую солидарность, на которой построены были отношенія предпринимателей производства и простыхъ его исполнителей въ эпоху полнаго расцвѣта цеховыхъ порядковъ. Не менѣе радикальныя перемѣны произошли одновременно и въ судьбѣ церковныхъ имуществъ и въ порядкахъ государственнаго управленія. Церковная десятина перестала быть вознагражденіемъ паствы пастырю. Ее присвоили себѣ высшіе іерархи,—епископы, аббаты и пріоры, установившіе въ замѣнъ ея постоянное жалованіе священникамъ. И церковныя имущества измѣнили своему первоначальному характеру. Они только по имени могли считаться еще достояніемъ бѣдныхъ и въ слабой степени служили также задачамъ народнаго образованія. Ихъ присвоеніе незначительнымъ меньшинствомъ епископовъ и аббатовъ, въ связи съ порядкомъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей однимъ родовитымъ дворянствомъ, постепенно изгладили въ народѣ представленіе о томъ, что земельныя богатства церкви имѣютъ другое назначеніе, чѣмъ свѣтскія помѣстья феодальныхъ сеньеровъ. Успѣхи административной централизаціи, восходящіе еще къ эпохѣ Ришелье и связанные съ быстрымъ ростомъ созданнаго имъ института интендантовъ, отмѣна сословнаго представительства во многихъ провинціяхъ, подчиненіе его въ другихъ контролю агентовъ центральной администраціи, частый переносъ дѣлъ изъ рукъ мѣстныхъ верховныхъ палатъ въ руки государственнаго совѣта, и не менѣе частыя и удачныя попытки сломать ихъ оппозицію новымъ эдиктамъ; эти и рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію городской автономіи, къ замѣнѣ выборныхъ чиновниковъ сдаваемыми на откупъ должностями, ослабили въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій автономію провинцій и го-

родовъ и подготовили французское общество къ новымъ порядкамъ административнаго единства и централизаціи.

Перерывъ въ созывѣ генеральныхъ штатовъ, длившійся почти цѣлыхъ два столѣтія, искоренилъ также представленіе о томъ, что свѣтскіе и церковные сеньеры не только землевладѣльцы, но и наслѣдственные правители страны, участники высшей государственной власти. Совершившаяся еще при Ришелье побѣда самодержавія надъ политическими притязаніями феодаловъ оставила въ ихъ рукахъ только мѣстную юстицію; а вѣковая привычка жить при дворѣ заставила дворянъ ввѣрить отправленіе судебныхъ функцій второстепеннымъ и не всегда удачно выбираемымъ агентамъ, вознаграждаемымъ жалованіемъ или занимающими должность съ откупа. Такимъ образомъ, и въ сферѣ политическихъ отношеній разложеніе средневѣковаго строя дѣлало менѣе рѣзкой ту перемѣну, какою являлось провозглашенное въ ночь 4-го августа упраздненіе феодализма, сеньоріальныхъ правъ и вотчинной юстиціи.

Говоря о постепенномъ упадкѣ тѣхъ порядковъ, конецъ которымъ былъ положенъ революціей 4-го августа, мы отнимаемъ у нея тѣмъ самымъ характеръ чего-то произвольнаго и случайнаго. Она—естественное завершеніе вѣковаго процесса разложенія и упадка сословно-феодальнаго строя, законодательное признаніе давно обнаружившейся тенденціи къ индивидуализму и гражданскому равенству. Быстрота, съ которой произведена была ликвидація сеньоріальнаго права и цеховыхъ порядковъ, церковной собственности и сословной автономіи, объясняется тѣмъ, что всѣ принятыя по отношенію къ нимъ рѣшенія давно намѣчены были ходячими въ XVIII вѣкѣ общественными и политическими доктринами. Они только регистрировали то, что гораздо раньше провозглашено было физіократами и энциклопедистами и на разныя лады повторено предшествовавшей революціи памфлетной литературой. Нельзя также сказать, чтобы ихъ мѣропріятія стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ данными имъ избирателями наказами. Большинство высказалось въ пользу отмѣны личной зависимости, уже проведеной королемъ въ предѣлахъ доманіальныхъ владѣній въ формѣ выкупа крестьянами ихъ надѣловъ. Только меньшинство сочло возможнымъ сказать

слово въ пользу сохраненія цехового устройства и то лишь подъ условіемъ его реформы. Множество наказовъ, наоборотъ, высказывались за упраздненіе цеховъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ оно проведено было еще недавно Тюрго. Свобода личности, собственности и труда въ такой же мѣрѣ является требованіемъ большинства избирателей, въ какой она можетъ считаться идеаломъ общественныхъ реформаторовъ XVIII вѣка.

Всесословность, достигнутая уже отчасти отмѣной податныхъ иммунитетовъ и сословныхъ палатъ, нуждалась въ томъ необходимомъ завершеніи, какое представляло упраздненіе вотчинной юстиціи и дворянскихъ преимуществъ въ занятіи церковныхъ и судебныхъ должностей. Тюрго и Мабли не могли бы найти ничего новаго въ принятыхъ на этотъ счетъ 4-го августа рѣшеніяхъ. Отмѣна продажности должностей, противъ которой возставали также эти писатели, включена была большинствомъ наказовъ въ число неотложныхъ реформъ; эти же наказы высказались весьма враждебно и по отношенію къ церковной десятинѣ, требуя ея выкупа. Меньшинство избирателей ставитъ даже на очередь вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, о признаніи ихъ принадлежностью націи. Менѣе отвѣчаетъ наказамъ упраздненіе провинціальныхъ привилегій и автономныхъ правъ—обстоятельство, благодаря которому многіе депутаты сочли нужнымъ присоединиться къ этой мѣрѣ, только подъ условіемъ ратификаціи ея довѣрителями. Если ночь 4-го августа явилась, по мѣткому выраженію Ривароля, новой Варѳоломеевской ночью по отношенію къ феодально-цеховымъ порядкамъ и сословному строю, то только потому, что тотъ и другой давно осуждены были на погибель, что судьба ихъ была предрѣшена проповѣдью философовъ и экономистовъ и проникнутыми ихъ взглядами инструкціями избирателей.

Необъясненнымъ остается пока только тотъ фактъ, что иниціативу въ дѣлѣ разрушенія приняли на себя представители тѣхъ самыхъ владѣтельныхъ классовъ, интересы которыхъ, повидимому, всего болѣе были направлены къ сохраненію отмѣняемаго порядка. Но и къ этому могутъ быть найдены достаточныя основанія. Современники передаютъ ихъ намъ отчасти въ своихъ мемуарахъ. На вопросъ Монлозье о причинахъ, заставившихъ чле-

новъ правой принять на себя предложеніе декретовъ четвертаго августа, Ноаль, Вирье и другіе отвѣчали: когда народъ, въ припадкѣ бѣшенства, имѣется только два пути къ его умиротворенію—уступчивость и сила. Силы не было въ нашихъ рукахъ; мы рѣшили по этому обезоружить его добротою [1]).

Такое объясненіе вполнѣ отвѣчаетъ характеру тѣхъ событій, какія предшествуютъ ночи 4 августа. Броженіе, вызванное въ провинціяхъ взятіемъ Бастиліи, и возростаніемъ цѣнъ на хлѣбъ, приписываемымъ не столько недороду, сколько тайнымъ махинаціямъ враговъ революціи, сдѣлалось источникомъ открытаго нападенія крестьянъ на помѣщиковъ, сперва съ цѣлію овладѣть хранящимися въ замкахъ запасами зерна и муки, а затѣмъ и въ видахъ истребленія юридическихъ актовъ, удостовѣряющихъ характеръ и размѣръ феодальныхъ повинностей и платежей. Герцогинѣ Клермонъ-Топеръ пришлось искать убѣжища подъ стогомъ сѣна, а маркизу Дорменасъ, разбитому параличемъ, удалиться изъ преданнаго сожженію замка, ночью на рукахъ своихъ дочерей [2]). Слухъ объ этихъ насиліяхъ дошелъ до Версаля въ кружкѣ герцога Эгвильона, одного изъ вожаковъ того меньшинства дворянской камеры, которая своимъ отпаденіемъ обезпечила торжество средняго сословія, рѣшено было, по словамъ Дроза, принять мѣры къ пресѣченію дальнѣйшей жакеріи, отнятіемъ у нея ближайшаго мотива—желанія положить конецъ вымогательству сеньорами феодальныхъ платежей и службъ [3]). Эти опасенія проглядываютъ и въ рѣчи, произнесенной герцогомъ Эгвиліономъ въ собраніи 4-го августа: «Не одни работники, говорилъ онъ, являются причиной переживаемыхъ нами бѣдствій. Во многихъ

---

1) См. Mémoires de Montlosier, т. I, стр. 239.

2) Новѣйшая монографическая литература вполнѣ выяснила связь, въ какой предложенія Ноаля и Эгвильона стоятъ съ начавшимися въ іюлѣ мѣсяцѣ крестьянскими волненіями Отдѣльные эпизоды этой жакеріи нашли картинное изображеніе въ сочиненіяхъ мѣстныхъ изслѣдователей. Укажемъ для примѣра на монографію Роберта Триже о разгромленіи феодальныхъ замковъ въ Мэнѣ. Результаты этихъ работъ сведены Маріусомъ Cené въ уже упомянутой нами монографіи «La Chute de l'ancienne France», Paris, 1893 г., стр. 201 и слѣд.

3) См. Histoire du règne de Louis XVI par Joseph Droz. Bruxelles, 1839, livre X, стр. 326.

провинціяхъ весь народъ вступилъ въ своего рода заговоръ (une espèce de ligue) для разрушенія замковъ, опустошенія помѣстій и захвата тѣхъ сборниковъ грамотъ (chartriers), въ которыхъ хранятся титулы феодальной собственности. Онъ задался, наконецъ, мыслью, свергнуть съ себя иго, тяготѣвшее надъ нимъ въ теченіе столькихъ столѣтій, и надо сознаться, что его возстаніе, при всей своей преступности, находитъ нѣкоторое оправданіе въ тѣхъ притѣсненіяхъ, которыхъ онъ сдѣлался жертвой [1]) со стороны не столько помѣщиковъ, сколько ихъ управителей».

Всѣ свидѣтели революціи сходятся въ утвержденіи, что боязнь дальнѣйшихъ насилій была ближайшимъ мотивомъ великодушнаго отказа дворянства отъ его вѣковыхъ правъ и преимуществъ. Венеціанскій посолъ, Антоніо Капелло, категорически высказывается въ этомъ смыслѣ: жертвы, принесенныя духовенствомъ и дворянствомъ въ ночь 4-го августа, пишетъ онъ, были вызваны по преимуществу страхомъ [2]). Австрійскій посолъ Мерси въ своихъ донесеніяхъ Кауницу также говоритъ «объ ужасѣ, овладѣвшемъ всѣми умами и не имѣющемъ другаго источника, кромѣ насилій, причиняемыхъ простонародьемъ въ деревняхъ и направленныхъ по преимуществу противъ дворянъ [3])».

Надо сказать, что въ тѣхъ условіяхъ, какія созданы были дворянству торжествомъ парижской черни, скоро сопровождавшимися подобными же побѣдами простонародья въ другихъ городахъ, непослушаніемъ войскъ и передачей заботы о поддержаніи порядка въ руки выбранной изъ народа гвардіи, принятое меньшинствомъ дворянства рѣшеніе не только было наиболѣе благоразумнымъ, но и всего лучше обезпечивало выгоды сословія, какъ землевладѣльческаго класса. Мы старались показать въ одной изъ предшествующихъ главъ, что крѣпостное право, благодаря неизмѣнности платимой крестьянами ренты, въ виду также невозможности расширенія при немъ болѣе интензивнаго фер-

---

1) Archives parlementaires т. VIII, стр. 344.

2) J sacrifizidel Clero e della Nobilta furono in massima parte estorti dalla paura. См. мое изд. депешъ венец. пословъ во время революціи, депеша за № 194.

3) См. corresp. secrète du comte Mercy Argenteau, т. II, стр. 262, депеша отъ 12-го августа 89-го года.

мернаго хозяйства и необходимости мириться со всѣми неудобствами чрезполосицы, выпаса и другихъ общественныхъ сервитутовъ, наконецъ, благодаря малой производительности несвободнаго труда, еще усилившейся за послѣднее время, съ упадкомъ крестьянскаго хозяйства и уменьшеніемъ количества рабочаго скота, было на самомъ дѣлѣ невыгодно для помѣщика. Ликвидація обязательныхъ отношеній крестьянъ съ ними путемъ выкупа не только обезпечивала собственникамъ имущественное вознагражденіе за отходящіе крестьянамъ участки, но и дѣлало возможной передачу ихъ собственныхъ земель въ руки фермеровъ-капиталистовъ на короткіе сроки съ постепеннымъ увеличеніемъ ренты, а также непосредственную ихъ эксплуатацію владѣльцемъ съ затратою основнаго капитала. Корчеваніе пустоши, дотолѣ обложенной общественными сервитутами въ пользу крестьянъ, защита лѣса отъ того систематическаго истребленія, какому подвергало его право въѣзда и выпаса крестьянъ-общинниковъ и т. п., также служило немалымъ эквивалентомъ понесенныхъ помѣщикомъ утратъ. Родоначальники физіократіи давно проповѣдовали необходимость перехода къ этимъ болѣе интензивнымъ порядкамъ земледѣлія, а ихъ адепты, въ родѣ Бонсерфа и Клико-Блерваша, выяснили всѣ тѣ препятствія, какія ставятъ ему сеньеральное право и крѣпостныя отношенія.

Въ виду сказаннаго не мѣшаетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ своей рѣчи передъ національнымъ собраніемъ герцогъ Д'Эгвильонъ говоритъ между прочимъ и о вредѣ, причиняемомъ феодальными правами земледѣлію. Онъ и его союзники, очевидно, проникнуты были мыслью о томъ, что прогрессъ послѣдняго тѣсно связанъ, выражаясь языкомъ экономистовъ прошлаго вѣка, съ свободой собственности и свободой воздѣлывателей» [1]).

Предложеніе Д'Эгвильона клонилось къ тому, чтобы потребовать отъ крестьянъ взамѣнъ уступаемыхъ имъ надѣловъ суммы въ тридцать разъ больше той, какую представлялъ ежегодный размѣръ ихъ ренты. При этомъ не дѣлалось никакихъ различій

[1]) Еще Монтескье сказалъ, что земли производятъ не столько въ силу своего плодородія, сколько благодаря свободѣ ихъ обитателей. Тюрго, Кондильякъ и Клико-Блервашъ повторяютъ ту же мысль.

въ источникѣ тѣхъ или другихъ сеньеріальныхъ правъ и повинностей. Всѣ равно признавались подлежащими выкупу.

Произведенная на такихъ началахъ реформа отвѣчала въ сущности тѣмъ предложеніямъ, какія ранѣе сдѣланы были экономистами. Историки недостаточно отмѣчаютъ тотъ фактъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ отмѣна сеньеріальнаго права предложена Д'Эгвильономъ, она несравненно менѣе задѣвала интересы помѣщиковъ, чѣмъ въ той, за которую стоялъ маркизъ де-Ноаль. Дрозъ, дѣлающій свои показанія со словъ современниковъ, утверждаетъ, что Ноаль, не присутствовавшій на предварительномъ совѣщаніи у д'Эгвильона, но увѣдомленный заблаговременно о принятыхъ рѣшеніяхъ, поспѣшилъ со своимъ запросомъ, желая присвоить себѣ пальму первенства и тѣмъ добиться популярности, равной съ тою, какою пользовался его зять—Лафайетъ. Тѣ же соображенія могли побудить его къ болѣе радикальной постановкѣ вопроса объ эманципаціи. Въ самомъ дѣлѣ, мы впервые у него находимъ мысль о противоположеніи личныхъ правъ реальнымъ, о безвозмездномъ упраздненіи первыхъ и выкупѣ однихъ только послѣднихъ. «Барщина, крѣпостная и всякаго рода личная зависимость, значится въ его предложеніи, отмѣняются безъ выкупа; всѣ же прочія феодальныя права подлежатъ ему, при чемъ платежъ производится всѣми жителями селенія по справедливой оцѣнкѣ, въ основу которой кладется средній доходъ десяти лѣтъ". Нѣтъ необходимости настаивать на томъ, что такое предложеніе было несравненно радикальнѣе праведннаго и открывало крестьянству возможность достигнуть свободы личности и собственности съ меньшими пожертвованіями.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что физіократы, которыхъ мы видѣли во главѣ движенія, благопріятнаго эманципаціи, изъ среды которыхъ вышли первые проекты освобожденія, въ настоящее время не только не спѣшатъ высказаться въ его пользу, но даже, повидимому, относятся къ нему отрицательно, настаивая на необходимости не склонять оружія передъ начавшейся аграрной революціей и требовать прежде всего строгаго соблюденія законовъ. Авторитетнымъ представителемъ физіократіи въ средѣ собранія можно было считать одного Дюпона де-Немуръ, друга и помощника Тюрго, редактора физіократическаго журнала. Въ от-

вѣтъ Ноалю и д'Эгвильону онъ не находитъ сказать ничего, кромѣ того, что законы, даже несовершенные, разъ на нихъ опирается общественный порядокъ, должны быть соблюдаемы въ строгости. Никакое политическое общество не можетъ обойтись ни минуты безъ законовъ, охраняющихъ личность и собственность. Представители націи не въ правѣ приступить къ реформѣ существующаго законодательства, не установивши предварительно въ текстѣ конституціи порядка, въ какомъ законы подлежатъ предложенію, принятію и исполненію. Въ передачѣ его рѣчи газетами не такъ рѣзко выступаетъ характеръ враждебности, съ какимъ извѣстный экономистъ отнесся къ мысли о немедленной отмѣнѣ феодальныхъ порядковъ [1]). Но стоитъ прочесть редактированные Дюпономъ наказы прихода Шеванъ и Немурскаго бальяжа, и неизбѣжно вынесешь то впечатлѣніе, что немедленная ликвидація феодальныхъ отношеній не входила въ его намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, въ наказѣ общины Шеванъ, назначившей его членомъ избирательнаго собранія Немурскаго бальяжа, нѣтъ прямаго требованія на этотъ счетъ; въ немъ высказывается только желаніе, чтобы никто не терпѣлъ стѣсненій или пріостановки въ своей работѣ, чтобы никто не былъ поставленъ въ необходимость трудиться безъ вознагражденія или съ вознагражденіемъ, которое онъ считаетъ недостаточнымъ. Есть также статья, говорящая о сохраненіи за крестьянами того, чѣмъ они владѣютъ и что пріобрѣтено ими законнымъ порядкомъ. Все это, разумѣется, заключало въ себѣ косвенную критику существующихъ личныхъ и земельныхъ отношеній, далеко однако не требованіе ихъ немедленнаго ниспроверженія [2]).

Въ наказѣ Немурскаго бальяжа, написанномъ всецѣло самимъ Дюпономъ [3]), нѣтъ также прямаго призыва къ отмѣнѣ феодаль-

---

[1]) Нѣкоторыя газеты, какъ напр., «Courrier de Provence», вовсе не упоминаютъ о рѣчи Дюпона; другія, и въ томъ числѣ Moniteur, не придаютъ ей характера возраженія Ноалю и Эгвильону. Это обстоятельство можетъ быть и заставило Дроза сказать о положеніи, занятомъ Дюпономъ въ ночь 4-го августа: «Dupont de Némours s'unit aux sentiments des deux nobles orateurs»... См. книга X, стр. 387.

[2]) Archives Parlem., т. IV, стр. 216.

[3]) См. Dupont de Némours et l'école phisiocratique par Schelle, стр. 279.

наго порядка, хотя во многихъ своихъ частяхъ этотъ порядокъ подвергается авторомъ строгой критикѣ въ виду «его несоотвѣтствія со свободой личности и интересами земледѣлія». Но при этомъ Дюпонъ ни разу не отступаетъ отъ дорогаго физіократіи принципа неприкосновенности собственности и, говоря даже о шампарѣ, этомъ ненавистномъ ему натуральномъ платежѣ, которымъ обложенъ не чистый, а валовой доходъ собственника, который неразрывно связанъ съ половничествомъ и тормозитъ успѣхи фермерскаго хозяйства, Дюпонъ спѣшитъ прибавить: «тамъ, гдѣ шампаръ имѣетъ своимъ источникомъ арендный договоръ, онъ долженъ быть сохраненъ въ цѣлости, ибо всякая собственность заслуживаетъ признанія.» Самое большее, чего онъ рѣшается требовать отъ помѣщиковъ, это удостовѣренія законности титуловъ, на которыхъ они опираютъ свои денежныя и натуральныя требованія съ крестьянъ. На основаніи этихъ титуловъ можно было бы установить, думаетъ онъ, и легальный масштабъ для производства выкупа, въ которомъ сеньеры не въ правѣ будутъ отказать крестьянамъ [1]). Этотъ выкупъ Дюпонъ де-Немуръ желалъ бы распространить на всякаго рода сеньеріальныя права, не исключая и баналитетовъ; но опять таки подъ условіемъ, чтобы ихъ существованіе засвидѣтельствовано было законными титулами [2]). Выкупъ въ его глазахъ долженъ быть факультативнымъ, по крайней мѣрѣ для крестьянства.

Не одинъ Дюпонъ де-Немуръ относится съ нѣкоторой боязнью къ поспѣшнымъ рѣшеніямъ такого сложнаго вопроса, какъ упраздненіе сеньеріальнаго права. Его взгляды на этотъ счетъ раздѣляетъ и Мирабо, на которомъ прошла не безслѣдно полувѣковая проповѣдь принциповъ физіократіи его отцомъ, знаменитымъ авторомъ «Друга людей». Мирабо не присутствовалъ на засѣданіи 4-го августа, но, по словамъ Дюпона, онъ слѣдующимъ образомъ передавалъ впечатлѣніе, какое произвели на него декреты собранія: «вотъ они, наши французы, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; цѣлый мѣсяцъ тратятъ на споры о слогахъ

---

[1]) «Déclarer la possibilité de leur rachat (des droits seigneuriaux) est une des fonctions les plus dignes de la sagesse des Etats Généraux».

[2]) Ibid., стр. 198.

(намекъ на долгія пренія, поводъ къ которымъ дала декларація правъ), и въ одну ночь внезапно ниспровергаютъ весь старинный порядокъ монархіи». Комментаріемъ къ этимъ словамъ можетъ служить слѣдующее письмо его къ своему дядѣ бальифу [1]): ваше сужденіе о поспѣшности, съ какой вотированы были постановленія 4-го августа, совершенно отвѣчаетъ моимъ принципамъ; «я бы также предпочелъ, чтобы всѣ вопросы, связанные съ феодами и привилегіями, все что относится къ обремененію собственности тѣми или другими повинностями и платежами, подвергнуто было зрѣлому обсужденію. Меньше было бы отмѣнъ и упраздненій, но меньше вызвано было бы также предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ избѣгнута была бы опасность похоронить возникающую свободу подъ массой развалинъ [2])».

Я остановился на характеристикѣ тѣхъ взглядовъ, какихъ уцѣлѣвшіе представители физіократіи держались на счетъ немедленнаго упраздненія феодальной системы, съ цѣлью показать, что экономическія доктрины XVIII вѣка не несутъ отвѣтственности за тотъ порядокъ, какой принятъ былъ учредительнымъ собраніемъ въ дѣлѣ эманципаціи. Князь Голицынъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей физіократіи, имѣлъ поэтому полное право сказать, что физіократія неповинна въ революціи. Она неповинна въ ней не только потому, что съ самаго начала высказалась противъ системы раздѣленія властей и политическаго равновѣсія, но и потому, что въ дѣлѣ общественнаго возрожденія Франціи она стояла на сторонѣ медленныхъ и строго обдуманныхъ реформъ. Во всѣхъ предшествовавшихъ революціи проектахъ предлагается путь взаимныхъ уступокъ и разсрочивается на болѣе или менѣе долгій періодъ самая ликвидація зависимыхъ отношеній. Принципъ неприкосновенности собственности и незыблимости договоровъ приводитъ физіократовъ къ убѣжденію о необходимости имущественнаго эквивалента за утрачиваемыя сеньерами права. Отсюда распространеніе выкупа на

---

1) Письмо отъ 25 октября 1789 г., отпечатанное въ VI томѣ мемуаровъ, изд. Lucas de Montigny.

2) Сравни: Les Mirabeaux par Louis de Loménie, т. IV, стр. 402.

всѣ виды повинностей и платежей, опирающихся на законные титулы. Такая система не совпадаетъ съ тѣмъ противоположеніемъ личныхъ и реальныхъ правъ, на которой въ ночь 4-го августа съ такой поспѣшностью остановилось учредительное собраніе. Большинство крестьянскихъ службъ и платежей носило, какъ мы видѣли, смѣшанный характеръ, и ни объ одномъ изъ видовъ личныхъ повинностей нельзя было сказать, что онъ не имѣетъ своимъ эквивалентомъ какую-нибудь вещественную услугу со стороны сеньера. Приводимыя физіократами различія клонились только къ тому, чтобы освободить крестьянъ отъ необходимости выкупать права, имѣющія своимъ источникомъ узурпацію помѣщиковъ; принятая же собраніемъ система отправлялась отъ чисто метафизическаго представленія о прирожденной свободѣ человѣка, противъ которой безсильны всякіе договоры и соглашенія. Исходя отъ этого положенія, собраніе должно было принять послѣдовательно цѣлый рядъ рѣшеній, едва ли направленныхъ къ пользѣ того самаго крестьянства, интересы котораго оно желало сохранить; такъ какъ свобода личности, понимаемая въ абсолютномъ смыслѣ, не согласна съ вѣчностью обязательствъ, то немудрено, если съ отмѣной феодальныхъ порядковъ учредительное собраніе соединило и запрещенія всякаго рода вѣчныхъ рентъ, другими словами, наслѣдственной аренды. «Всѣ вѣчные земельные платежи натурою или деньгами, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ и въ чью бы пользу не производимо было ихъ взиманіе, подлежатъ выкупу, говоритъ статья 6-я августовскихъ декретовъ. И на будущее время запрещается созданіе всякихъ не подлежащихъ выкупу рентъ». Противъ этой статьи съ полнымъ правомъ могло быть направлено то возраженіе, какое дѣлаетъ одинъ изъ депутатовъ Канскаго бальяжа въ Нормандіи [1]), говоря: «чѣмъ дальше восходитъ эпоха такихъ вѣчно наслѣдственныхъ арендъ, тѣмъ выгоднѣе онѣ для современныхъ владѣльцевъ, доходъ которыхъ возрасталъ съ каждымъ вѣкомъ. Запрещая ихъ возобновленіе въ будущемъ, національное собраніе наноситъ суще-

[1]) Reflexions sur les articles 1 et 6, décrétés par l'assemblée Nationales les 4, 6, 7, 8 et 11 août 1789 par un député du baillage de Caen. Paris, 1789.

ственный вредъ, какъ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ и безземельному классу сельскихъ батраковъ, такъ, наконецъ, и земледѣлію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ почва отличается большимъ плодородіемъ, такіе договоры неизвѣстны; наоборотъ, они представляютъ обычное явленіе тамъ, гдѣ земля даетъ мало, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ округахъ нижней Нормандіи: Фалэзъ, Домфронъ, Мортэнъ, Виръ, Авраншъ, Кутансъ, Сэнъ-Ло, Канъ, которые, въ общей сложности составляютъ собою три четверти этой провинціи. Здѣсь наемная плата съ арпана не свыше четырехъ, шести ливровъ; почва покрыта обыкновенно папоротникомъ и тростникомъ; ея обработка связана съ большими трудностями, такъ какъ требуетъ предварительнаго корчеванія. На разстояніи трехъ лѣтъ, прошедши чрезъ посѣвъ гречихи, ржи и овса, она нуждается нерѣдко въ четырехъ, шести годичномъ отдыхѣ; въ теченіе этого времени она снова покрывается такимъ же бурьяномъ и приходится снова прибѣгнуть къ корчеванію. Это обстоятельство вызываетъ необходимость большихъ предварительныхъ затратъ. Чтобы побудить къ нимъ арендатора, собственникъ соглашается на пониженіе ренты. Если такимъ образомъ вѣчно—наслѣдственная аренда даетъ крупному землевладѣльцу возможность утилизировать всѣ свои земли, то съ другой стороны она представляетъ не меньшую выгоду и для того, кто ничего не имѣетъ. Безъ нея онъ не получилъ бы доступа къ землѣ, такъ какъ ему невозможно было бы собрать нужнаго для того капитала. Она не менѣе выгодна и для земледѣлія, такъ какъ расширяетъ раіонъ обработки и дѣлаетъ возможнымъ размноженіе населенія. Ея отмѣна отразится поэтому равно тягостно на судьбѣ собственниковъ и безземельныхъ и принесетъ существенный ущербъ народному благосостоянію».

Другой логическій выводъ, сдѣланный собраніемъ изъ принципа безвозмездной отмѣны всякаго рода феодальныхъ правъ, падающихъ на личность крестьянина, было упраздненіе баналитетовъ [1]). Но въ ихъ пользу не трудно было привесть то соображеніе, что источникомъ помѣщичьихъ монополій являлось не присвоеніе себѣ правъ на чужую личность, а затрата капи-

---

[1]) Décret du 15/18 mars 1790, titre II.

тала на постройку и содержаніе мельницъ, прессовъ и пекаренъ. Уже цитированный нами авторъ приводитъ въ пользу такого мнѣнія тотъ фактъ, что въ нижней Нормандіи помѣщичьи пекарни встрѣчаются только въ мѣстностяхъ бѣдныхъ лѣсомъ, гдѣ слѣдовательно ихъ содержаніе требуетъ извѣстныхъ затратъ, на которыя способенъ только владѣющій топливомъ помѣщикъ.

Нельзя сказать, чтобы феодальное право не встрѣтило въ стѣнахъ собранія ни слова защиты. Если въ ночь 4 августа не слышно было ничего, кромѣ осужденій, если одѣтый въ крестьянское платье бретонецъ Легенъ де Керанжель рѣшился обвинять помѣщиковъ въ оскорбленіи женской стыдливости и человѣческаго достоинства и, злоупотребляя археологіей, отнесъ къ числу привилегій сеньера практивовавшееся только экоршерами XV-го вѣка потрошеніе вассаловъ съ цѣлью грѣть ноги въ ихъ внутренностяхъ, то въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій [1]) маркизъ Тибуто взялъ на себя смѣлость выступить апологетомъ осужденныхъ на погибель порядковъ. «Вамъ предложили, сказалъ онъ между прочимъ, отмѣну барщины безъ всякаго вознагражденія; но развѣ она, пободно прочимъ сеньеріальнымъ правамъ, не является эквивалентомъ земельныхъ уступокъ, сдѣланныхъ собственниками въ пользу тѣхъ, кто ничего не имѣлъ. И развѣ такія вѣчно-наслѣдственныя соглашенія не заслуживаютъ по справедливости того же признанія, что эмфитевтическіе контракты или семи и девяти-лѣтнія аренды? Если въ послѣднихъ дозволено выговаривать тѣ или другія личныя службы, то какое основаніе отказывать въ этомъ первымъ? Нѣтъ ни одного феодальнаго права, которое не являлось бы эквивалентомъ тѣхъ или другихъ преимуществъ, уступленныхъ собственникомъ. Нѣтъ поэтому ни одного, которое не заслуживало бы выкупа въ томъ случаѣ, если общественная польза потребуетъ его экспропріаціи». Противъ проекта, положить въ основу выкупа 30-лѣтнюю ренту, маркизъ Тибуто возражаетъ, что, благодаря обезцѣненію серебра, эта рента не представляетъ и девяностошестой части дѣйствительной наемной

---

[1]) Archives Parl, t. VIII. Засѣданіе 10 августа 1789, стр. 379.

цѣны. Безвозмездная отмѣна тѣхъ или другихъ феодальныхъ правъ, по мнѣнію оратора, противорѣчила бы одному изъ основныхъ принциповъ только что вотированной собраніемъ деклараціи, а именно тому, что никакая собственность не можетъ подвергнуться экспропріаціи безъ вознагражденія. Эти заявленія, говоритъ Монитеръ, не разъ прерываемы были ропотомъ собранія, которое вслѣдъ затѣмъ рѣшилось перейти къ очереднымъ дѣламъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ преній [1]. Не одинъ Тибуто выражалъ сомнѣніе въ справедливости безвозмездной и немедленной отмѣны личной феодальной зависимости. Въ этомъ же смыслѣ высказался не только членъ дворянства Сентъ-Омера, но и депутатъ средняго сословія Дофинэ, знаменитый Мунье. Онъ думаетъ, что крѣпостная зависимость была источникомъ многихъ договоровъ и соглашеній, которые заслуживаютъ признанія, какъ всякаго рода контракты. Но противъ такого ученія вооружается теорія прирожденной человѣку свободы, ратуетъ естественное право. Дюпоръ является его истолкователемъ, говоря: все, что имѣетъ своимъ источникомъ несправедливость, не заслуживаетъ признанія. Крѣпостная зависимость несправедлива,—несправедлива поэтому и всякая ея замѣна. Нечего и думать о вынужденіи тѣхъ обязательствъ, которыя вытекли изъ нея. Собраніе встрѣчаетъ такое заявленіе дружными аплодисментами [2].

Это не мѣшаетъ тому, что и два мѣсяца спустя послѣ знаменитаго засѣданія 4 августа рѣшеніе покончить съ феодальными порядками сразу и на половину безвозмездно находило еще въ лицѣ отдѣльныхъ депутатовъ и въ частности страсбургскаго уполномоченнаго Туркгейма слѣдующую суровую критику: «Ваши наказы, пишетъ онъ своимъ довѣрителямъ, предписывали мнѣ содѣйствовать всячески упроченію неприкосновенности собственности. Что такое государство, какъ не естественный защитникъ гражданскихъ правъ, и какое изъ нихъ является болѣе необходимымъ для общественнаго спокойствія, чѣмъ собственность. Но это право, охраняемое во всѣхъ свободныхъ государствахъ, подверглось

---

[1] Archives. Parlem., т. VIII, стр. 379 и 380.
[2] Arch. Parlem., т. VIII, стр. 355 и 356.

самому грубому нарушенію въ ночь 4 августа. Во всей исторіи нельзя найти ничего ей равнаго, и не только въ виду обнаруженнаго депутатами патріотизма и великодушія, но и проявленной ими неразумной поспѣшности. Капиталисты и парижскіе банкиры, продолжаетъ Туркгеймъ, къ сожалѣнію, съумѣли привлечь на свою сторону, громадную толпу засѣдавшихъ въ собраніи адвокатовъ, за одно съ ними они образовали большинство, готовое жертвовать интересами земельныхъ собственниковъ интересамъ спекулянтовъ, владѣльцевъ движимыхъ имуществъ и денежныхъ бумагъ. Къ чему должно было повесть упраздненіе всѣхъ соціальныхъ различій? Быть можетъ къ общему благу;— ни мало! Оно открывало только возможность установленія той абсолютной демократіи, того химерическаго равенства всѣхъ членовъ человѣческаго рода, о которой мечтали поэты. И это въ то время, когда легко было предвидѣть, что прирожденное неравенство способностей неминуемо поведетъ къ созданію новыхъ и болѣе тяжкихъ цѣпей рабства, что на смѣну дворянской и духовной аристократіи выступитъ аристократія капиталистовъ и богатыхъ» [1]).

Подобныя опасенія, повидимому, ни мало не раздѣлялись тѣми, отъ кого вышло предложеніе отмѣнить феодальное право. Имъ рисовался, напротивъ того, идеалъ общества, въ которомъ всѣ равно собственники, общества, подобнаго тому, говорилъ Керангаль, какимъ является англійская Америка [2]). Такъ сказалось вліяніе идей, которыя во Франціи провозглашены были Руссо и Мабли, хотя и нашли себѣ осуществленіе на почвѣ Новаго Свѣта.

И въ средѣ духовенства можно отмѣтить присутствіе тѣхъ же великодушныхъ стремленій, той же заботливости о благѣ

---

[1]) См. Rapport fait à la commune de Strasbourg sur la situation de l'Assemblée Nationalle, en Octobre, au moment où je la quittai, par Jean de Turcheim, ex-député de Strasbourg aux Etats - généraux de France. 1789. См. L'Alsace pendant la Rév. française par Rodolphe Reuss, стр. 259 и 260.

[2]) Suivrons nous l'exemple de l'Amérique anglaise, uniquement composée de propriétaires qui ne connaissent aucune trace de la féodalité. Archiv. Parlem., т. VIII, стр. 345.

массы сельскаго населенія. Епископъ Нанси, Лафаръ, желаетъ видѣть прекращеніе народныхъ бѣдствій; чтобы содѣйствовать этому, онъ отъ имени духовенства предлагаетъ выкупъ феодальныхъ правъ на протяженіи церковныхъ бенефицій. «Этого, говоритъ онъ, требуетъ справедивость, религія, человѣчность». Но этимъ не ограничивается еще великодушный порывъ церковныхъ магнатовъ. Они согласны отказаться отъ обращенія въ свою пользу суммы выкупа и затратить ее на цѣли общественнаго призрѣнія [1]).

Съ отмѣной феодальнаго права связано также упраздненіе тѣхъ исключительныхъ привилегій, какія сеньеры съ королемъ во главѣ присвоили себѣ по отношенію къ охотѣ и рыбной ловлѣ. Учредительное собраніе не высказывается въ духѣ римскихъ юристовъ, не относитъ обитателей лѣсовъ и водъ къ числу предметовъ, подлежащихъ общему присвоенію. Оно возвращается къ старинному принципу германскаго и всѣхъ вообще средневѣковыхъ правъ, по которому охота и рыболовство считались принадлежностью собственности [2]).

Съ такимъ разрѣшеніемъ охоты всѣмъ собственникамъ неразлучно связанъ былъ вопросъ о ношеніи оружія. Безграничная свобода въ этомъ отношеніи, по справедливости, могла казаться опасной, особенно въ виду переживаемой французскимъ обществомъ тревожной эпохи внутреннихъ смутъ и аграрныхъ преступленій. Нѣкоторые депутаты желали поэтому ограничить право охоты однимъ разрѣшеніемъ ставить тенета и дѣлать облавы, нѣкоторые говорили даже о допущеніи однихъ «armes innocentes» [3]). Такъ какъ, очевидно, трудно было установить точную границу, за которой оружіе перестаетъ быть невиннымъ, и такъ какъ, съ другой стороны, мысль ограничить право его

---

[1]) Je demande le rachat pour les fonds ecclésiastiques, говоритъ епископъ Нанси, et je demande que le rachat ne tourne pas au profit du seigneur ecclésiastique, mais qu'il en soit fait des placements utiles pour l'indigence. Archives Parlem., т. VIII, стр. 346.

[2]) Дарственныя и купчія Меровингскихъ, Карловингскихъ и Капетинскихъ монарховъ однообразно говорятъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ „cum appendiciis: avibus, piscis“ и т. д.

[3]) Ibid., стр. 358.

ношенія тѣми, чья собственность не падала ниже извѣстнаго минимума [1]), противорѣчила чувству равенства и не мирилась съ декларацiей правъ человѣка, то пришлось по неволѣ предоставить его всѣмъ желающимъ, а ими оказалось громадное большинство французовъ. Артуръ Юнгъ, путешествуя въ концѣ августа по восточнымъ департаментамъ Франціи вносилъ въ свой дневникъ. «Вотъ уже нѣсколько дней, какъ меня преслѣдуетъ шумъ выстрѣловъ. Національное собраніе признало за всѣми и каждымъ право стрѣлять дичь въ предѣлахъ собственныхъ земель... И тѣмъ самымъ покрыло, какъ я слышу, всѣ поля и рощи стрѣлками» [2]).

Съ распространеніемъ права охоты на всѣхъ собственниковъ связана была, разумѣется, отмѣна такъ называемыхъ capitaineries. Собраніе хотѣло было сдѣлать исключеніе въ пользу королевскихъ охотъ, но Мирабо [3]) возсталъ противъ этого, доказывая, что дѣло идетъ не о дорогой ему въ интересахъ самой свободы прерогативы, а только о принесеніи въ жертву «королевскимъ развлеченіямъ», спокойствія и свободы жителей на растояніи двадцати лье въ окружности! Самъ Людовикъ XVI понялъ неудобство такихъ изъятій и поспѣшилъ отказаться отъ нихъ.

Интересами земледѣлія обусловлено было также рѣшеніе покончить съ droit de garenne et droit decolombier [4]). Примѣняя къ послѣднему тотъ же принципъ, какой принятъ былъ собра-

---

1) Депутатъ d'Ambly предлагалъ подобное ограниченіе, ссылаясь на примѣръ Англіи (ibid).

2) Young. Travels in France, 30 August 1789 (стр. 256, изд. 1889 г.).

3) «Когда дѣло пойдетъ о защитѣ королевской прерогативы, сказалъ онъ по этому случаю, никто больше меня не будетъ настаивать на необходимости сохранить ее въ полной силѣ. Но пока дѣло идетъ только о королевскихъ удовольствіяхъ (plaisirs du roi); ихъ сохраненіе равнозначительно было бы удержанію всего того произвола и той тираніи какіе связаны были съ правомъ охоты (tous les raffinements de la tyrannie des chasses) и при томъ на протяженіи цѣлыхъ двадцати льё въ окружности (Arch. Parl., т. VIII, стр. 359). Засѣданіе 7-го августа 1789 года. Бальи подтверждаетъ эти показанія, замѣчая въ то же время, что лѣса принцевъ-патріотовъ и въ частности герцога Орлеанскаго избѣжали опустошеній охотниковъ (Bailly. Mémoires, т. II, стр. 244).

4) См. Extrait du procès - verbal de l'Assemblée nationale. Articles arrêtés et décrétés dans les séances des 4, 6, 7, 8 et 11 Aout 1789.

ніемъ по отношенію къ праву охоты, аббатъ Сіейсъ предложилъ признать за собственниками право истреблять на своихъ земляхъ кроликовъ и голубей. Но такая постановка дѣла не обезопасила бы поля отъ этихъ хищниковъ. Собраніе остановилось поэтому въ концѣ концовъ на той редакціи, какая предложена была Рабо изъ Сентъ-Этьена. Она гласила: «Исключительное право держать голубятни отмѣняется. Лѣтомъ они не должны оставаться открытыми въ теченіе всего положеннаго селеніями срока. Каждому дозволено будетъ въ это время стрѣлять ихъ какъ дичь. Сверхъ того, каждый имѣетъ право убивать голубей въ предѣлахъ своей собственности» [1]). Этотъ декретъ едва-ли не долженъ быть включенъ въ число тѣхъ, которые всего болѣе содѣйствовали популярности собранія. Гриммъ говоритъ въ своей перепискѣ, что на вопросъ помѣщика Куаньи одному изъ оброчныхъ крестьянъ, выбранному депутатомъ отъ бальяжа, «что намѣрены вы предложить штатамъ?» послышался отвѣтъ: упраздненіе голубей, кроликовъ и монаховъ [2]). Первый, потребовавшій этой мѣры, былъ депутатъ отъ дворянства, графъ Вирье. Подобно Катуллу, воскликнулъ онъ въ засѣданіи 4-го августа, я приношу моего воробья на алтарь отчизны, предлагая отмѣну голубятенъ. Въ отвѣтъ раздался голосъ: найдется не одна Лесбія, готовая принять ваше пожертвованіе. Въ собраніи слышатся апплодисменты, и Вирье въ эту минуту раздѣляетъ популярность Ноаля и Эгвильона [3]).

Больше разногласія вызываетъ проектъ отмѣны вотчинной юстиціи. Нашлись въ средѣ дворянства люди, готовые видѣть въ ея упраздненіи «насильственный разрывъ той связи, какая соединяетъ сеньера съ тѣми, кто держитъ его землю» (on romprait les liens qui rattachent le seigneur avec les tenanciers).

Такъ какъ причина недовольства лежала въ поборахъ тѣхъ второстепенныхъ агентовъ, которымъ дворяне-помѣщики пору-

[1]) Ibid., стр. 357.

[2]) Les premiers (les pigeons) nous mangent en grain, les autres (lapins) en herbe, les troisièmes (moines) en gerbe (Correspondence de Grimm, V, стр. 94 и 95).

[3]) См. Costa de Beauregard. Le roman d'un royaliste sous la révolution. Souvenirs du comte de Virieu. Paris, 1892, стр. 154 и 185.

чали отправленіе своихъ судебныхъ функцій, то естественно было объявить вотчинную юстицію даровой и признать отправленіе ея обязательнымъ для дворянства. Въ этомъ смыслѣ и высказались нѣкоторые изъ его депутатовъ. Ихъ предложеніе внушено было примѣромъ Англіи, той безвозмездной юстиціей, какую въ теченіе столѣтій отправляли ея земельные собственники (сквайры) на правахъ членовъ мироваго института. Но даровая служба дворянства—черта аристократическая, и долгій опытъ научилъ уже въ это время самихъ англичанъ, что жертвуя своимъ временемъ, высшее сословіе съ избыткомъ вознаграждаетъ себя тѣмъ вліяніемъ, какое даетъ ему доступъ къ суду и къ толкованію дѣйствующаго права въ узко-сословныхъ и классовыхъ интересахъ. Дѣятели 89-го года искали не упроченія аристократіи, а, наоборотъ, торжества народовластія. Неудивительно, если мнимое самопожертвованіе дворянства на этотъ разъ не встрѣтило благодарнаго признанія. Деменье поспѣшилъ возразить, что мѣстную полицію слѣдуетъ поручить общиннымъ властямъ. Другіе заговорили о третейскомъ или мировомъ разбирательствѣ. Не далѣе какъ 17 августа собранію пришлось выслушать докладъ Бергасса объ основахъ судебной реформы, въ которомъ общимъ положеніемъ признавалась необходимость не выпускать правосудія изъ рукъ государства, не дѣлать изъ него частной прерогативы тѣхъ или другихъ гражданъ. Всѣ послѣдующіе проекты прониклись тою же мыслью, которая, впрочемъ, гораздо ранѣе была высказана уже, какъ мы видѣли, публицистикой и нашла отголосокъ въ наказахъ 1789 года [1]). Эти наказы не разъ жаловались и на размноженіе патримоніальныхъ судовъ, благодаря захватамъ сеньеровъ, и на невѣжество тѣхъ, кому ввѣряется осуществленіе мѣстной юстиціи. «Сеньеры, поставленные въ необходимость замѣстить множество свободныхъ постовъ, говорили они, не разборчивы въ выборѣ. Большинство назначенныхъ ими лицъ жадные неучи, ищущіе только наживы. Слѣдствіе производится небрежно; съ безконечными проволоч-

---

[1]) См., напримѣръ, Cahier de Moufely (baillage d'Auxerre); онъ отпечатанъ въ Bulletin de la société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne, a 1885, V. 39, стр. 7.

ками. Судебныя пренія ведутся какъ попало. Надо, прибавляли составители кайе, соединить нѣсколько вотчинныхъ округовъ подъ юрисдикціей одного королевскаго агента, назначить на каждые пять льё въ окружности особаго судью, который бы не раньше былъ допущенъ къ отправленію своей должности, какъ послѣ предварительнаго экзамена».

Это, можетъ быть, первый по времени проектъ созданія кантоновъ и назначенія въ нихъ правительствомъ особыхъ мировыхъ судей (juges de paix) на подобіе тѣхъ, какіе существуютъ доселѣ во Франціи и заимствованы у нея Россіей.—Съ феодализмомъ пали также всѣ особенности дворянскихъ имѣній, какъ-то ихъ майоратное наслѣдованіе, право феодальнаго выкупа (retrait féodal), принципъ nulle terre sans seigneur и вытекавшее изъ него право на присвоеніе себѣ чрезполосныхъ участковъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ землями лэна (droit d'enclave), наконецъ, право наслѣдовать въ имуществѣ иностранцевъ, умершихъ въ предѣлахъ феодальнаго помѣстья, такъ называемое droit d'aubaine. Всѣ эти права были отмѣнены, подобно личной зависимости крестьянъ, безъ всякаго вознагражденія въ пользу сеньеровъ.—Уравненіемъ дворянскихъ земель съ недворянскими дано было удовлетвореніе и заявленному наказами требованію объ отмѣнѣ francfief или налога на покупщиковъ феодальной собственности. Всѣ земли Франціи становились отнынѣ «универсальнымъ аллодомъ», какимъ желали видѣть ихъ избиратели одинаково дворянства и средняго сословія.

Уже въ ночь 4-го августа поставленъ былъ вопросъ и о томъ, на сколько необходимо сохраненіе почетныхъ правъ дворянства, его титуловъ и гербовъ. Готовое пожертвовать своими доходными статьями въ надеждѣ потушить пламя, уже обхватившее его замки, дворянство изъ чувства особой сословной чести не желало разстаться со своими «droits honorifiques». Монитеръ передаетъ, что по прочтеніи президентомъ статьи, отмѣнявшей феодальные порядки и вытекающія изъ нихъ права, одни безвозмездно, другія съ вознагражденіемъ, послышались на скамьяхъ дворянъ нѣкоторые голоса въ пользу сохраненія почетныхъ правъ сословія. Когда президентъ спросилъ собраніе, желаетъ ли оно приступить къ обсужденію и этого во-

проса, герцогъ Ліанкуръ поднялся со своего мѣста и объявилъ: «Никто не нападаетъ на эти права. Дѣлать ихъ предметомъ дебатовъ это косвенно высказываться противъ нихъ (c'est les infirmer)». Другой кровный аристократъ поспѣшилъ присоединиться къ этому мнѣнію и попросилъ собраніе признать, что нѣтъ повода къ преніямъ. Въ отвѣтъ послышался голосъ, требовавшій обратнаго заявленія. Большинство высказывается въ этомъ смыслѣ. Можно было ожидать, что собраніе не замедлитъ приступить къ отмѣнѣ дворянскихъ различій, но Мирабо на время отклонилъ это рѣшеніе, говоря: «Вы признали, что есть поводъ къ преніямъ; но это не значитъ, что они необходимо должны слѣдовать за поставленными вами декретами. Вѣдь они не имѣютъ съ ними ничего общаго. Не думаю также, чтобы въ три часа ночи можно было открывать дебаты по такому серьезному вопросу и чтобы утвержденный собраніемъ порядокъ дебатовъ допускалъ его обсужденіе. Къ чему отсрочивать обнародованіе рѣшеній, принятыхъ въ ночь 4-го августа. Вся Франція ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Отъ него зависитъ ея дальнѣйшее спокойствіе».— Эти соображенія показались убѣдительными, и президентъ объявилъ собраніе закрытымъ [1]).

Такимъ образомъ, благодаря находчивости Мирабо, вопросъ, которому суждено было вызвать столько раздоровъ и обратить столькихъ друзей революціи въ ея непримиримыхъ враговъ, временно былъ отложенъ; онъ возникъ снова 19-го іюня 1790 г. И на этотъ разъ, какъ и въ ночь 4-го августа, принятыя собраніемъ рѣшенія были не столько выполненіемъ напередъ установленнаго плана, сколько выраженіемъ минутнаго настроенія всѣми овладѣвшаго энтузіазма.

Франція и Парижъ готовились чествовать благополучное завершеніе грандіознѣйшаго въ мірѣ переворота не бывалымъ праздникомъ. Со всѣхъ сторонъ королевства должны были сойтись делегаціи національныхъ гвардій, и король, окруженный дворомъ и министрами, обѣщалъ выразить открыто, въ присутствіи представителей Франціи и иностранныхъ пословъ, свою солидарность съ новымъ порядкомъ. Предваряя этотъ съ не-

---

[1]) Séance du 6 Aout 1789. Arch. Parl, v. VIII, стр. 356.

терпѣніемъ ожидаемый исходъ, самозванные делегаты всѣхъ націй въ торжественной депутаціи предстали предъ лицомъ собранія, привѣтствуя его отъ имени народовъ Европы, Азіи и Африки, провозглашая его дѣло — дѣломъ всего человѣчества. Эта сцена, въ которой много было дѣланнаго и фальшиваго, произвела тѣмъ не менѣе глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ. Идея народнаго братства, быть можетъ, никогда еще не овладѣвала умами въ равной степени. Присущій французамъ шовинизмъ, пристрастіе къ военной славѣ, культъ величія, заставлявшій даже Вольтера преклоняться передъ Людовикомъ XIV, все это на минуту какъ бы исчезло, и національное собраніе— воплощая въ себѣ столь чуждую французамъ идею космополитизма, въ великодушномъ увлеченіи собиралось предписать уничтоженіе всѣхъ эмблемъ завоеваній и побѣдъ надъ сосѣдями, когда депутатъ Руэрга Ламбаль внезапно перенесъ пренія на новую почву. «Сегодняшній день сказалъ онъ, призванъ быть могилою для всякаго высокомѣрія. Я предлагаю поэтому запретить ношеніе кѣмъ бы то ни было титуловъ графа, барона, маркиза и т. п.» — «Я поддерживаю это предложеніе, воскликнулъ Шарль Ламетъ. Титулы, которые вамъ предлагаютъ уничтожить, оскорбляютъ равенство, положенное въ основу нашей конституціи; они имѣютъ источникомъ отмѣненное вами феодальное право... Они не могутъ быть сохранены долѣе безъ вопіющей непослѣдовательности,—непослѣдовательности нелѣпой». «Сдѣланное предложеніе столь необходимо, поспѣшилъ прибавить Лафайетъ, что едва ли нуждается въ поддержкѣ. Но на случай, если бы кто былъ противнаго мнѣнія, я скажу, что отъ всего сердца готовъ присоединиться къ этой отмѣнѣ дворянскихъ титуловъ».

Ноаль и Пеллетье де Сенъ-Фаржо высказались въ томъ же смыслѣ. Уничтожимъ поскорѣе, сказалъ первый, эти пустыя прозвища—порожденіе гордости и тщеславія. Откажемъ признавать другія различія, кромѣ тѣхъ, какія устанавливаютъ добродѣтель и доблесть. Не говорятъ вѣдь графъ Вашингтонъ, баронъ Фоксъ? Я предлагаю также запретить впредь фамильныя ливреи. Пусть каждый носитъ отнынѣ имя своей семьи, а не того помѣстья, какимъ онъ владѣетъ, прибавилъ отъ себя Пел-

летье. Траси потребовалъ было измѣнить постановку вопроса, предлагая запретить на будущее время одно присвоеніе чужихъ титуловъ. Но собраніе уже считало вопросъ достаточно выясненнымъ и требовало конца преній. Немногимъ защитникамъ аристократическихъ отличій едва удалось добиться слова. Первымъ изъ нихъ выступилъ маркизъ Фуко. По его словамъ, собраніе въ ночь 4-го августа выразило готовность сохранить за дворянствомъ, въ благодарность за сдѣланныя имъ пожертвованія, почетные титулы, существованіе которыхъ никому не мѣмѣшаетъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, найти замѣну той наградѣ, какую представляетъ собою простое заявленіе: «такой-то или такой-то дѣлается дворяниномъ или графомъ, такъ какъ такого то числа спасъ государство?»—Нѣтъ ничего легче, возражаетъ Лафайетъ; вмѣсто того, чтобы говорить: «сдѣланъ дворяниномъ за спасеніе государства, скажутъ просто: онъ спасъ государство». Но уничтоживъ дворянскіе титулы, вы не помѣшаете тому, что банкиръ и ростовщикъ съ двухсотъ-тысячнымъ доходомъ, будетъ сохранять привилегированное положеніе, восклицаетъ графъ Фосиньи, вы только сдѣлаете богатство единственнымъ отличіемъ въ обществѣ. Осужденія заслуживаютъ не дворянскія прозвища, а тѣ, кто украшается ими безъ права, говоритъ аббатъ Мори. Удержаніе титуловъ не вредитъ нашимъ вольностямъ. Римляне имѣли своихъ рыцарей, что не мѣшало имъ знать цѣну свободы. Во Франціи дворянство необходимо для самаго существованія королевства; не станетъ его, не будетъ больше и монархіи. Монморанси не можетъ согласиться съ такой мыслью и требуетъ отмѣны всѣхъ дворянскихъ отличій, въ частности гербовъ, какъ несогласныхъ съ декларацией правъ и обѣщаннымъ ею равенствомъ. Нѣсколько ораторовъ, въ числѣ ихъ Монлозье, тщетно стараются овладѣть вниманіемъ присутствующихъ. Шумъ прекращается только тогда, когда приступлено къ голосованію. Всѣ измѣненія отклонены и президентъ Шапелье читаетъ проектъ закона, клонящагося къ отмѣнѣ наслѣдственнаго дворянства. Въ немъ говорится, что послѣднее порождено феодализмомъ. Мори пользуется этимъ для слѣдующей выходки противъ большинства: «какое невѣжество! восклицаетъ онъ. Дворянство существовало уже за двѣсти лѣтъ до феодализма». Прочтите Мабли, кричатъ

ему въ отвѣтъ. Загляните въ комментаріи Цезаря, возражаетъ ораторъ. Вы найдете въ нихъ упоминаніе о кавалеріи галловъ, всецѣло составленной изъ дворянъ. Но франки возстановили равенство въ занятой ими Галліи, утверждаетъ Бушонъ. Депутатъ Эльзаса графъ Ланденбергъ-Вагенбургъ даетъ пререканіямъ палаты новое направленіе, объявляя, что въ данныхъ ему избирателями наказахъ сдѣлана оговорка въ пользу сохраненія почестей и преимуществъ, какими пользовалось эльзасское дворянство. «Я принужденъ поэтому покинуть собраніе, унося въ душѣ горестное сознаніе, что при всемъ своемъ подчиненіи законамъ, мои довѣрители «не согласятся жить и умереть иначе, какъ дворянами (rien se saurait les empecher de vivre et de mourir gentilshommes)». Тщетно нѣкоторые ораторы пытаются, одни ослабить, другіе поддержать аргументацію графа Ланденбергъ. Большинство настойчиво требуетъ перехода къ голосованію и декретъ, отмѣняющій дворянство, утвержденъ большинствомъ въ слѣдующемъ видѣ: «Національное собраніе постановляетъ, что наслѣдственное дворянство навсегда перестаетъ существовать во Франціи, что согласно этому никто не въ правѣ украшать себя титулами князя, герцога, графа, маркиза и т. д. Ни одинъ французскій гражданинъ не долженъ носить другаго имени, кромѣ того, какой принадлежитъ его семьѣ. Никто не можетъ ни самъ одѣваться въ ливрею, ни требовать этого отъ другихъ; запрещено также пользоваться дворянскимъ гербомъ. Отмѣняются одновременно всякаго рода почетныя обозначенія: ваше превосходительство, сіятельство, свѣтлость, éminence, grandeur. Самый титулъ monseigneur долженъ выйти изъ употребленія» [1]).

По словамъ венеціанскаго посла Антоніо Капелло, подтверждаемымъ единогласными показаніями другихъ современниковъ, рѣдкій декретъ породилъ большій антагонизмъ, вызвалъ противъ себя болѣе горячіе протесты. Передавая его содержаніе, Капелло пишетъ въ своей депешѣ: дворянство уничтожено и овладѣвшее собраніемъ безуміе не пощадило даже французскихъ мануфактуръ. Тысячи человѣкъ жили однимъ изготовленіемъ дворянскихъ галуновъ. Они остаются безъ работы и средствъ къ

¹) См. Archives parlementaires, т. XVI, стр. 374—378.

жизни. Большинство дворянскихъ депутатовъ опротестовало это рѣшеніе, но противиться силѣ безплодно, подчасъ и опасно [1]).

Я не думаю, пишетъ тотъ же Капелло семь дней спустя, что собраніе рѣшится отмѣнить свой декретъ, такъ какъ стойкость въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ необходима для самаго успѣха конституціи; но дворяне, въ особенности провинціальные, живущіе однимъ чванствомъ (che non vivono che del fumo della loro nobilta) не откажутся отъ мысли вызвать повсемѣстную агитацію противъ новаго закона, и долгое время намъ придется слышать о возгласахъ и протестахъ, раздирающихъ на части и безъ того пошатнувшуюся монархію. Тѣ, кто въ Парижѣ занятъ былъ шитьемъ ливрей, уже послали съ протестомъ особую депутацію въ собраніе; но послѣднее отказалось ихъ выслушать. Это не значитъ, чтобы само оно не сознавало сдѣланной ошибки; оно только не хочетъ въ ней покаяться открыто. Рѣшено поэтому прибѣгнуть къ слѣдующему пріему. Такъ какъ безъ королевскаго утвержденія, декреты собраніи не имѣютъ силы, то частнымъ образомъ внушать королю мысль, чтобы онъ отказалъ новому закону въ своей санкціи. Прибѣгая къ такому пріему, собраніе руководствуется еще слѣдующимъ соображеніемъ. Утверждаютъ, что всѣ принятыя имъ мѣры, незаконны, такъ какъ король лишенъ свободы. Но разъ онъ откажетъ въ утвержденіи одной изъ нихъ, онъ тѣмъ самымъ заявитъ о своей свободѣ, онъ убѣдитъ всѣхъ, что его одобреніе прочимъ законамъ искренно.

Эта военная хитрость не удалась однако. Король, упорствуя въ принятой имъ системѣ, давать всему свою санкцію, не отказалъ въ ней и новому закону. Тщетно Некеръ старался настроить короля въ духѣ, отвѣчающемъ тайнымъ цѣлямъ собранія. Всѣ прочіе министры, пишетъ Капелло, всѣ кто имѣетъ доступъ ко двору, убѣдили, короля не поддаваться долѣе ни какимъ уловкамъ, не быть игрушкою ни въ чьихъ рукахъ. А между тѣмъ недовольство декретомъ растетъ съ каждымъ днемъ, что не мѣшаетъ городской черни останавливать экипажи на улицахъ, крича: «долой гербы и ливреи» [2]).

---

[1]) Депеша отъ 21 іюня 1790 г. за № 238.

[2]) Депеша отъ 28 іюня 1790 г., за № 239. Англійскій посолъ графъ

Событія, о которыхъ говорятъ приведенныя нами депеши, находятъ, приблизительно, ту же оцѣнку и со стороны анонимнаго корреспондента польскаго двора. «На отмѣну дворянскихъ титуловъ, пишетъ онъ 3 іюля 1790 года, продолжаютъ смотрѣть какъ на ошибку и даже какъ на своего рода маневръ со стороны аристократовъ. Некеръ рѣшительно возставалъ противъ утвержденія декрета; того же мнѣнія были многіе изъ депутатовъ, пользующихся особою популярностью. Наоборотъ, оппозиція открыто заявляла, что чѣмъ больше собраніе сдѣлаетъ ошибокъ и глупостей, тѣмъ легче будетъ разрушить созданное имъ зданіе, подымая противъ него общественное мнѣніе. Аристократы уже хвастаются, говоря, что декретъ создалъ противъ собранія конфедерацію 60000 насчитываемыхъ во Франціи дворянъ [1]).

Въ критикѣ проведеннаго собраніемъ декрета Неккеръ отправлялся отъ той вѣрной мысли, что отмѣны заслуживаютъ только тѣ привилегіи, которыя вредны народу. Но этого нельзя сказать о титулахъ и гербахъ. Трудящемуся люду безразлично работать на тѣхъ, кто снабженъ ими, или на тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Можно сказать болѣе—многіе не только не страдаютъ отъ блеска своихъ господъ, но находятъ удовлетвореніе въ немъ, думая, что онъ отражается и на нихъ самихъ. Справедливо ли, съ другой стороны, отымать эти почетныя преимущества у сотенъ и тысячъ гражданъ, которые часто видятъ въ нихъ самую драгоцѣнную часть своего наслѣдія, для которыхъ подобная потеря чувствительнѣе той, какую они понесли съ отмѣною доходныхъ для нихъ правъ сеньера. Законами нельзя уничтожить вѣками установленныхъ привычекъ и убѣжденій, можно только вызвать въ заинтересованныхъ желаніе продолжить пользованіе своими почетными преимуществами вдали отъ отмѣнившей ихъ родины, а это отразится самымъ невыгоднымъ обра-

---

Гауеръ въ депешѣ отъ 25 іюня также сообщаетъ, что декретъ, отмѣнявшій дворянство, не встрѣтилъ ожидаемаго сочувствія, но что король тѣмъ не менѣе утвердилъ его своимъ согласіемъ. (The decree has not met with the expected popularity. The King however has given his sanction to it). (См Despatches of Lord Gower, стр. 7

[1]) Correspondance secrète, publiée par de Lescure, t. II, стр. 455.

зомъ на сокращеніи потребленія, а слѣдовательно, и заработковъ рабочихъ классовъ.

Неккеръ предлагалъ поэтому королю не утверждать сразу декрета и предложить депутатамъ, чтобы они обсудили спокойно тѣ возраженія, какія могутъ быть сдѣланы и которыя самъ онъ представитъ противъ новаго закона [1]).

Если король, по указаннымъ выше причинамъ, воздержался отъ всякой оппозиціи въ интересахъ осужденнаго на погибель дворянства, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно само не сочло своимъ долгомъ опротестовать актъ своего упраздненія. Графъ Алансонскій отъ имени дворянства Туля, заявляя снова объ отказѣ своихъ довѣрителей отъ податныхъ вольностей и привилегій, вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на ихъ желаніи сохранить почетныя права. То же сдѣлалъ отъ собственнаго имени депутатъ отъ дворянства Шалона, говоря: «нѣтъ конституціи тамъ, гдѣ не охраняется собственность, но изъ всѣхъ видовъ собственности самымъ драгоцѣннымъ является наслѣдственность званія, нѣтъ эквивалента для чести, а поэтому невозможенъ ни выкупъ, ни простое упраздненіе титуловъ и гербовъ». Президентъ отказался даже прочесть въ собраніи этотъ протестъ; но эта неудача ни мало не помѣшала дальнѣйшему наплыву подобныхъ же заявленій [2]). Становясь на защиту провинціальныхъ вольностей и правъ, доказывая невозможность существованія монархіи безъ дворянства, представители мѣстной аристократіи Шателлеро, Оверни, Лорены и Бара, присылали протесты, которые возвращались къ нимъ съ припиской президента, графа де Сенъ-Фаржо, что докладъ собранію не можетъ и не будетъ имъ допущенъ [3]). Такимъ образомъ, декретъ, отмѣняющій почетныя преимущества, нашелъ въ дворянствѣ отпоръ, какого не встрѣтило упраздненіе его податныхъ иммунитетовъ и сеньеріальныхъ правъ.

§ 2.

Особое мѣсто въ ряду накопленныхъ въ ночь 4-го августа развалинъ, занимаютъ провинціальности вольности привилегіи.

---

[1]) Archives parlementaires, т. XVI, стр. 387 и 388.
[2]) Ibid., стр. 379.
[3]) Ibid., стр. 380 и слѣд.

Ихъ упраздненіе означало нѣчто совершенно отличное отъ той ликвидаціи сеньеріальныхъ порядковъ, какой открылось знаменитое засѣданіе; или вѣрнѣе, оно имѣло съ нимъ общаго только желаніе покончить съ особенностями средневѣкового строя, продолжить дѣло Ришельё, занося руку на всѣ мѣстныя особенности, на всякую автономію, разрывая съ историческимъ правомъ, нарушая торжественно принятыя обязательства и соглашенія, и все это съ цѣлью добиться политическаго и административнаго единства, этого завѣтнаго идеала французскаго абсолютизма XVII и XVIII столѣтія.

Ночь 4-го августа навсегда сдѣлала во Франціи немыслимой всякую попытку федераціи, она осудила напередъ децентрализаціонныя стремленія жирондистовъ, упрочила политическое преобладаніе столицы, сосредоточивъ въ ея стѣнахъ всѣ высшія учрежденія государства, принося въ жертву парижскому парламенту и парижскимъ верховнымъ судамъ равныя имъ по власти и вліянію учрежденія. Она подготовила также дѣленіе государства на административныя единицы, не имѣющія никакихъ корней въ традиціяхъ и привычкахъ, носящія характеръ какихъ-то геометрическихъ фигуръ, въ начертаніи которыхъ не приняты въ разсчетъ ни историческое прошлое, ни единство этнографическаго состава, ни даже топографическія условія, естественное распредѣленіе горъ и рѣкъ, а единственно равенство въ пространствѣ. Замѣчательно при этомъ, что всѣ эти ликвидаціи носили характеръ добровольнаго пожертвованія и что дѣлавшіе ихъ думали, что поступаютъ въ интересахъ общаго благополучія и общей свободы, точно положеніе Руссо о непримиримости общаго интереса государства съ интересами отдѣльныхъ частей въ немъ, interêt général съ interêt particulier, означало собою не одну необходимость упраздненія сословій, но и всякаго исторически сложившагося и поддерживаемаго учрежденіями провинціальнаго духа. Развиваемое на разные лады Мабли, Сіейсомъ и всей почти памфлетной литературой 1788 и 1789 года, это чисто отвлеченное метафизическое начало породило въ умахъ какое-то практическое предубѣжденіе противъ всего, что такъ или иначе поддерживало обособленность политической жизни въ той или другой провинціи, той или другой муниципіи.

Но высказывая наше недоумѣніе по случаю той легковѣрности, съ какой французы прошлаго вѣка соединяли съ интересами общей всѣмъ свободы требованіе не только единства, но и однообразія, не будемъ терять изъ виду, что мѣстныя вольности къ эпохѣ революціи приняли по преимуществу, если не исключительно, характеръ финансовыхъ привилегій. Онѣ дѣлали невозможнымъ равномѣрное распредѣленіе налоговыхъ тягостей, стояли на пути къ замѣнѣ правительственныхъ монополій, въ родѣ соляной, легкимъ, но для всѣхъ обязательнымъ налогомъ. Многія имѣли источникомъ недавнія изъятія и льготы, пріобрѣтенныя на счетъ народа услужливостью правительству. Начало имъ положили такъ называемые abonnements, или выкупы общихъ всѣмъ тягостей единовременными платежами, выгодными для тѣхъ, кто ихъ дѣлалъ, и тяжкими для большинства.

Нерасположеніе къ провинціальнымъ привилегіямъ питаемо было также сознаніемъ, что всякая реформа въ судопроизводствѣ, всякое упрощеніе въ ходѣ юстиціи, всякое сокращеніе связанныхъ съ нею издержекъ, встрѣтитъ неизбѣжный отпоръ во множествѣ верховныхъ палатъ, разсѣянныхъ по всему королевству и ревниво охраняющихъ существующій порядокъ, подъ эгидою котораго стоятъ и получаемые ихъ членами доходы. Многимъ было памятно то противодѣйствіе, какое еще недавно встрѣтили въ нихъ эдикты канцлера Ламуаньона, а между тѣмъ эти эдикты стремились облагодѣтельствовать народъ отмѣной пытки и уменьшеніемъ жестокости въ наказаніяхъ.

Запросъ на общій гражданскій кодексъ предъявленъ былъ, съ другой стороны, многими наказами, но удовлетвореніе этому желанію было немыслимо при ревнивомъ охраненіи мѣстными судами всѣхъ особенностей мѣстнаго права, тѣхъ coutumes et usages, въ темнотѣ и противорѣчіи которыхъ адвокаты и прокуроры при провинціальныхъ парламентахъ и палатахъ находили неизсякаемый источникъ для процессовъ и благодарную почву для гонораровъ.

Принимая все это во вниманіе, а также ожидаемое всѣми наступленіе общей свободы и воцаренія конституціи, болѣе широкой въ своихъ основахъ, чѣмъ тѣ вольности, какими пользовались отдѣльныя провинціи, понимаешь причину, побуждавшую,

напр., правансальскихъ депутатовъ жертвовать мѣстными преимуществами въ надеждѣ получить въ замѣнъ нѣчто лучшее. Политическій сепаратизмъ оказался такимъ образомъ союзникомъ порядковъ, при которыхъ одна привилегія является оплотомъ противъ всеобщаго рабства. Полусамостоятельныя народности Франціи, забывая о своей нерѣдко унаслѣдованной отъ Испаніи или имперіи автономіи, обнаружили стремленіе слиться въ общемъ морѣ свободы и упразднить всякія различія.

Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было впервые депутатами отъ провинцій, сохранившихъ сословное представительство. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что въ ночь 4-го августа дѣло шло объ упраздненіи преимуществъ дворянства и духовенства и что нигдѣ эти преимущества не выступали съ большей рѣзкостью, какъ въ личномъ составѣ провинціальныхъ штатовъ и провинціальныхъ палатъ. Отмѣна ихъ казалась депутатамъ своего рода побѣдой равенства надъ монополіей, побѣдой подобной той, какая достигнута была только что совершившимся упраздненіемъ сеньеріальнаго права.

Начало дебатамъ положили депутаты Дофине, т. е. той провинціи, представительство которой уже высказалось на чрезвычайномъ собраніи въ Романъ противъ дальнѣйшаго сохраненія средневѣковой сословности. Къ нимъ поспѣшили присоединиться уполномоченные отъ общинъ Бретани, которые въ виду отказа дворянства послать своихъ представителей, одни защищали интересы провинціи въ собраніи. Такимъ образомъ, инціатива вышла отъ тѣхъ, кто всего болѣе могъ выиграть отъ дѣлаемыхъ пожертвованій. Духовенство Бретани, связанное своими наказами, далеко не спѣшитъ послѣдовать этому примѣру. Оно обѣщаетъ только снестись со своими довѣрителями, потребовать отъ нихъ новыхъ полномочій. Но депутаты Прованса, въ которомъ, какъ мы видѣли, выборы въ генеральные штаты сопровождались почти общимъ возстаніемъ средняго сословія противъ мѣстной знати, спѣшатъ на подмогу бретонскимъ союзникамъ. И они подобно бретонцамъ думаютъ прочесть въ данныхъ имъ наказахъ совѣтъ отстаивать мѣстныя вольности только до момента торжества общей свободы.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими заявленіями одинъ изъ депутатовъ, говоря отъ имени Грасса, отказывается отъ принадлежащихъ городу, какъ феоду, податныхъ преимуществъ. Представитель Арля заявляетъ, что вступилъ уже со своими довѣрителями въ переговоры на счетъ того, какъ бы слить ихъ вольности съ общими правами французовъ. Уполномоченный отъ княжества Оранжскаго позволяетъ себѣ сказать слово въ пользу сохраненія особенностей провинціальной администраціи. Депутаты Бургундіи подымаются съ мѣстъ, чтобы выразить свое сочувствіе, но одинъ изъ членовъ провансальскаго духовенства, перебивая ихъ, спѣшитъ заявить, что никакіе повелительные мандаты не въ силахъ связать рѣшеній депутатовъ во всемъ, что касается провозглашеннаго уже собраніемъ равенства въ обложеніи. Присоединяясь къ такому рѣшенію, уполномоченный отъ Дижона отказывается отъ финансовыхъ привилегій города. Его примѣру слѣдуютъ всѣ тѣ, кто не связанъ требованіями наказовъ или считаетъ себя въ правѣ отступить отъ нихъ, въ томъ числѣ депутаты бальяжей Оженъ, Шалонъ на Сонѣ, Шароле, Божоле, Оксеруа, Баръ на Сенѣ. Депутатъ отъ общинъ Оксуа высказывается въ томъ же смыслѣ, но делегаты отъ дворянства провинціи признаютъ себя не компетентными до новыхъ полномочій. Депутаты Маконскаго округа, заявляя отказъ отъ всѣхъ прочихъ его преимуществъ, желали бы сохраненія обособленности провинціальнаго представительства. Еще податливѣе уполномоченные отъ Бресса, Бюже, Домбса. Они во всемъ согласны раздѣлить судьбу Бургундіи. Привилегіи Сенъ-Жанъ-де-Лопъ, уже принесенныя въ жертву отечеству въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій, снова объявляются упраздненными. Но вотъ на трибуну всходитъ депутатъ Лангедока, баронъ Маргеритъ. Онъ высказывается противъ существующей системы провинціальныхъ штатовъ и требуетъ для нихъ новаго устройства, болѣе свободнаго, основаннаго на началахъ избранія и представительства интересовъ. Герцогъ Кастри и епископъ Узеса говорятъ въ томъ же смыслѣ и, чтобы сдѣлать возможной предложенную реформу, отказываются отъ своего наслѣдственнаго права засѣдать на штатахъ, помимо выбора. Депутаты Фуа, общинъ Беарна, Лангрской сенешоссеи и Суля жалѣютъ, что ихъ полномочія не позволяютъ

имъ отказаться отъ привилегій иначе, какъ отъ собственнаго имени.

Тронше всходитъ на трибуну и отъ имени депутатовъ парижской коммуны жертвуетъ родинѣ налоговые иммунитеты столицы; онъ отказывается также отъ того исключительнаго вида подсудности, какую представляетъ трибуналъ парижскаго превота, и отъ привилегіи скрѣплять акты печатью Шателле, но все это подъ условіемъ упраздненія однохарактерныхъ преимуществъ въ другихъ частяхъ королевства. Депутаты Ліона дѣлаютъ подобныя же заявленія. Депутаты Ажена и Бордо, отказываясь отъ налоговыхъ преимуществъ, требуютъ сохраненія остальныхъ. Также поступаютъ и депутаты Марселя. Представительство Лоренны, свидѣтельствуя о своей привязанности къ «обожаемымъ монархамъ» отцамъ народа, говоритъ, что не жалѣетъ о присоединеніи ихъ провинціи къ Франціи и готово слить ея вольности съ тѣми, какими пользуются всѣ прочіе члены «этой великой и славной семьи». Депутаты Страсбурга менѣе уступчивы. Они согласны на упраздненіе однихъ податныхъ преимуществъ города. То же надо сказать о депутатахъ Нормандіи, Пуату, Оверни, Клермонтскаго округа, дворянства Шалона на Марнѣ, Дурданна и Седана,—депутатахъ многихъ городовъ, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ Аміенъ, Аббевиль, Перонну, Суассонъ, Реймсъ, Верденъ, Сарлуи, Баръ-ле-Дюкъ, Шато-Тьери и др. Депутатъ Амона позволяетъ себѣ даже открытый протестъ, при чемъ ссылается на волю избирателей. Такимъ образомъ, отреченіе отъ привилегій далеко не общее и безусловное.

Больше единодушія въ отказѣ депутатовъ Артуа отъ особенностей ихъ сословнаго представительства. Они спѣшатъ прибавить, что эти особенности запечатлѣны аристократическимъ характеромъ и что, благодаря имъ, званіе депутата доступно исключительно членамъ немногихъ дворянскихъ семей. Депутаты Булонне, Калле и Арда желаютъ подобнаго же рѣшенія. Приморская Фландрія, въ лицѣ своихъ представителей, требуетъ реформы штатовъ въ духѣ всесословности. Лилль и Дуэ, высказываясь въ томъ же смыслѣ, ходатайствуютъ о сохраненіи за ними права имѣть отдѣльные штаты.

Всѣ привилегіи исчерпаны: провинціямъ и городамъ нечѣмъ

поступиться болѣе въ интересахъ государственнаго единства и гражданскаго равенства, если не говорить о правахъ мѣстныхъ палатъ и парламентовъ. Но ими могутъ жертвовать только члены магистратуры. Нѣкоторые депутаты Прованса и Франшъ-Конте уже поставили вопросъ объ упраздненіи дальнѣйшей продажи судебныхъ должностей, когда на трибуну всходитъ членъ парижскаго парламента Фрето. Чтобы уподобиться королю, отказавшемуся отъ столькихъ привилегій, онъ готовъ отъ своего имени и имени своихъ товарищей поступиться «пустыми преимуществами, связанными съ его должностью, какъ-то спеціальной подсудностью, наслѣдственностью дворянскаго титула, нѣкоторыми податными изъятіями.

Привилегіи мастерства вслѣдъ за судебными находятъ человѣка, готоваго пожертвовать ими благу родины. Депутатъ отъ Божоле говоритъ о необходимости реформировать цехи въ духѣ свободы и общей пользы.

Сдѣланныя такимъ образомъ пожертвованія и отреченія резюмируются затѣмъ въ слѣдующемъ видѣ: «отказъ отъ преимуществъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ провинціямъ, отказъ отъ привилегій, присвоенныхъ Парижу, Ліону, Бордо и другимъ городамъ, реформа цеховъ» [1]).

О томъ, сколько поспѣшности и увлеченія заключали въ себѣ эти мѣропріятія, можно судить по запоздалымъ протестамъ, какими депутаты отдѣльныхъ провинцій тщетно пытались затормозить только что произведенный собраніемъ переворотъ. Уже въ ближайшемъ засѣданіи представители Турэны кладутъ на бюро президента именную декларацію, въ которой выговариваютъ за своими довѣрителями свободу утверждать или не утверждать постановленныя рѣшенія своимъ согласіемъ. То же дѣлаютъ депутаты Прованса [2]). Въ засѣданіи 8-го августа страсбургскій уполномоченный Туркгеймъ, отправляясь отъ той мысли, что наказы ввѣрили ему защиту правъ и преимуществъ провинціи, считаетъ возможнымъ сказать слово въ пользу отмѣненныхъ собраніемъ сеньеріальныхъ повинностей и платежей. Многими изъ

---

[1]) Archives parlementaires, т. VIII, стр. 347—350.

[2]) Ibid., стр. 52.

нихъ, говоритъ онъ, владѣютъ неподчиненные Франціи имперскіе князья, права и преимущества которыхъ установлены путемъ соглашенія и не могутъ быть упразднены одностороннимъ рѣшеніемъ [1]). Это-то самое возраженіе, какое сдѣлано будетъ противъ декретовъ 4-го августа Людовикомъ XVI. Потребуется движеніе парижской черни на Версаль въ ночь съ 5-го на 6-ое октября, чтобы заставить короля утвердить эти декреты своей санкціей. Но тѣ же мотивы воспроизведены будутъ снова въ протестѣ нѣкоторыхъ эльзасскихъ депутатовъ и послужатъ имперскому правительству и прирейнскимъ князьямъ законнымъ поводомъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Франціи. Вотъ что скажетъ въ защиту провинціальныхъ вольностей и городскихъ привилегій Эльзаса уже упомянутый нами депутатъ Туркгеймъ: «Ваши наказы, пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ Страсбургскому муниципалитету, объясняя причины, побудившія его покинуть постъ депутата, ввѣрили намъ охрану всѣхъ мѣстныхъ вольностей и свободъ, всѣхъ преимуществъ, таможенныхъ и налоговыхъ, и въ частности той свободы торговли, какой пользовался Страсбургъ. Но въ стѣнахъ собранія намъ сдѣланъ былъ настойчивый призывъ, отказаться отъ всѣхъ провинціальныхъ и городскихъ привилегій. Мы устояли отъ общаго увлеченія, мы сохранили полное спокойствіе и хладнокровіе; но сколько разъ впослѣдствіи мы ни пытались поднять голосъ въ защиту вольностей города и провинціи, выяснить спеціальныя условія, которыми вызвано было ихъ существованіе, доказать, что они опираются на формально заключенные трактататы, насъ не хотѣли слушать. Когда, наконецъ, мнѣ удалось овладѣть словомъ, пріемъ, сдѣланный моимъ заявленіямъ, былъ такъ грубъ, что я не рѣшился больше говорить въ собраніи столь шумномъ и столь нетерпимомъ» [2]).

§ 3.

Отмѣняя провинціальныя вольности и привилегіи, дѣятели 89-го года не высказывались еще тѣмъ самымъ противъ дальнѣйшаго

[1]) Ibid., стр. 365.

[2]) См. Rodolphe Reuss. L'Alsace pendant la Révolution française, стр. 260 и 261.

существованія мѣстнаго обычая, но задуманная ими перемѣна въ самыхъ основахъ французскаго общества, преслѣдуемая ими задача опереть вызванную къ жизни демократію на мелкой собственности и дробности владѣнія, неизбѣжно вела къ пересмотру и измѣненію провинціальныхъ кутюмовъ въ той части ихъ постановленій, которая всего болѣе уклонялась отъ провозглашеннаго революціей гражданскаго равенства, я разумѣю право наслѣдованія,

Съ паденіемъ феодализма связана была, какъ мы видѣли, и отмѣна маіоратовъ. Она проведена была 15 марта 1790 г., но разумѣется только въ предѣлахъ бывшихъ сеньерій. Общій вопросъ объ упраздненіи неравенства въ наслѣдованіи какъ движимыми, такъ и недвижимыми имуществами, независимо отъ ихъ феодальнаго или буржуазнаго источника, поставленъ былъ впервые въ засѣданіи 12 марта 1791 года. Докладчикъ соединенныхъ комитетовъ, конституціоннаго и земельнаго, Мерлинъ, предложилъ принять въ основу законодательства о наслѣдованіи, принципы абсолютнаго равенства долей, тождество движимыхъ имуществъ съ недвижимыми и родовыхъ съ благопріобрѣтенными, наконецъ, право представительства какъ въ прямой, такъ и въ боковыхъ линіяхъ до племянника включительно [1]). Это предложеніе вызвало жаркія пренія. Въ нихъ раскрылись тѣ соціальные принципы, какими руководствовалось большинство дѣятелей 1789 года. Дюпонъ де Немуръ высказалъ общую всѣмъ имъ точку зрѣнія, говоря: собраніе установило личное равенство и равенство въ правахъ; оно не можетъ сохранить неравенства раздѣловъ [2]). Но неравенство раздѣловъ находило признаніе въ кутюмахъ отдѣльныхъ провинцій. Депутаты этихъ провинцій сочли своимъ долгомъ сказать слово въ его защиту. Почву для аргументаціи они нашли въ тѣхъ преимуществахъ крупной собственности и крупнаго хозяйства, за которыя еще недавно ратовали родоначальники физіократіи, съ Кенэ во главѣ. Чтобы поколебать ихъ доводы, защитникамъ равенства пришлось воспроизвесть тѣ самыя доктрины о большей произво-

---

1) Archives Parlementaires, т. XXIV, стр. 45.
2) Ibid., стр. 47.

дительности мелкой собственности, которыя составили нѣкогда репутацію «Друга людей» и нашли талантливыхъ представителей не только въ демократическихъ публицистахъ, какъ Руссо и Мабли, но и въ такихъ экономистахъ, какъ Клико-Блервашъ [1]).

Защиту обычнаго права и поддерживаемаго имъ неравенства въ наслѣдованіи, принялъ на себя Ашаръ де Бонвулуаръ, депутатъ Ламанша. Ссылаясь на ходячую теорію Руссо о неотчуждаемости суверенитета и о невозможности передать его въ руки представителей, онъ отказывалъ собранію въ правѣ измѣнить постановленіе дѣйствовавшаго въ департаментѣ норманскаго кутюма, неблагопріятнаго равенству раздѣловъ. Большинство жителей провинціи, объявилъ онъ, враждебно такой перемѣнѣ. Два депутата отъ того же департамента поспѣшили, однако, заявить, что ихъ довѣрители съ нетерпѣніемъ ждутъ закона о равномъ наслѣдованіи, а депутатъ Туре, ссылаясь на то, что уполномочившій его департаментъ слѣдуетъ постановленіямъ норманскаго кутюма и въ то же время горячо желаетъ отмѣны тѣхъ его нормъ, которыя обездоливаютъ младшихъ сыновей въ пользу старшихъ, приглашалъ собраніе не придавать большаго значенія одностороннимъ протестамъ Ламанша, сдѣлавшагося, сказалъ онъ, орудіемъ въ рукахъ реакціи.

Кутюмы и привилегіи не одно и то же, возразилъ Ламбертъ де Фрондевиль; отмѣняя преимущества провинціи, собраніе не имѣло въ виду произнесть сужденія надъ ихъ кутюмами. Историческій опытъ одинъ призванъ сказать, въ какой мѣрѣ абсолютное равенство практически осуществимо въ средѣ націи, состарившейся подъ властію наслѣдственной монархіи. Все будущее королевства можетъ быть принесено въ жертву благодаря такой ошибкѣ. Для провинцій нѣтъ ничего дороже ихъ кутюмовъ. Имъ всего труднѣе отказаться отъ нихъ, такъ какъ они являются выразителемъ духа отдѣльныхъ народностей. Депутатъ Дарнода, соглашаясь съ этой мыслью, тѣмъ не менѣе стоитъ за отмѣну неравныхъ раздѣловъ. Разъ уничтожены привилегіи провинцій, разсуждаетъ онъ, не должно существовать долѣе и кутюмовъ.

---

[1]) См. томъ I главу „Крестьянскій и рабочій вопросы въ прошломъ столѣтіи“.

Нормандія и нормандцы болѣе неизвѣстны. «Декларація правъ, восклицаетъ Дюбуа де Крансе, въ настоящее время нашъ единственный кутюмъ. Ламбертъ Фрондевиль переноситъ защиту неравныхъ раздѣловъ на экономическую почву. Въ интересахъ земледѣлія, говоритъ онъ, обычай Нормандіи предписалъ исключеніе дочерей отъ наслѣдованія въ недвижимости. Кутюмы признаютъ за каждымъ тотъ видъ собственности, который всего болѣе соотвѣтствуетъ его занятіямъ. Земли принадлежатъ сыновьямъ, такъ какъ за-одно съ отцомъ они воздѣлали ихъ своими руками. Или вы думаете, что преувеличеніе принципа равенства не поведетъ васъ рано или поздно къ безконечному дробленію собственности?» «Да, въ этомъ состоитъ тайная цѣль конституціи», восклицаетъ одинъ изъ присутствующихъ. Но полеводство противится такимъ раздѣламъ, говоритъ Ашаръ де Бонвулуаръ. Какъ же объяснить послѣ этого, что во Фландріи, Босѣ и Бри, гдѣ держатся порядки равнаго раздѣла, спрашиваетъ Дюпонъ, сельское хозяйство стоитъ весьма высоко? Я думаю, говоритъ Ламберъ де Фрондевиль, что дробленіе собственности рано или поздо поведетъ къ упадку земледѣлія и общественнаго благосостоянія. Скажите, къ паденію аристократіи и аристократовъ, поправляетъ оратора депутатъ изъ Кутанса, Аню. Ламберъ де Фрондевиль настаиваетъ на своей мысли. Я утверждаю, говоритъ онъ, что если принято будетъ равенство раздѣловъ и каждый получитъ свою долю...—Да, да, это именно и есть то, чего мы желаемъ, слышатся голоса на скамьяхъ лѣвой. Ораторъ продолжаетъ: мнѣ кажется очевиднымъ, что послѣдствіемъ раздѣловъ будетъ созданіе загородей, а это вызоветъ безконечные раздоры между людьми. Тѣмъ, кто живетъ въ мѣстностяхъ съ мелкой собственностью, извѣстно, что ихъ населеніе склонно къ сутяжничеству: изъ за фута земли, изъ за подстрижки дерева они готовы вести процессы и обнаруживать жестокую мстительность. Но для этого существуютъ мировые судьи, слышится отвѣтъ. Ламберъ де Фрондевиль продолжаетъ настаивать на преимуществахъ крупной собственности. Въ Бельгійскихъ провинціяхъ и въ Нормандіи, гдѣ существуетъ множество церковныхъ латифундій, земледѣліе достигло, говоритъ онъ, высшей культуры; безконечное дробленіе собственности, которое предлагаютъ намъ за идеалъ,—достояніе гумани-

тарнаго романа, оно немыслимо въ обширныхъ имперіяхъ. Но, возражаетъ Шапельэ, какъ возможно примирить неравенство раздѣловъ съ равенствомъ гражданскихъ правъ? И это соображеніе беретъ верхъ надъ всѣми остальными. Собраніе высказывается въ пользу раздѣла наслѣдствъ на равныя доли [1]).

Пока существуетъ свобода завѣщаній, такое постановленіе всегда можетъ быть обойдено. И вотъ почему собраніе задалось въ дальнѣйшихъ своихъ сессіяхъ мыслью, подчинить свободу посмертныхъ распоряженій общей задачи—сохраненія равенства.

Рѣшающее вліяніе на исходъ дебатовъ имѣла прочитанная Талейраномъ рѣчь Мирабо. Великій трибунъ только что умеръ въ полномъ апогеѣ своей славы. Талейранъ счелъ удобнымъ, бросить на вѣсы его популярность и склонить тѣмъ собраніе къ принятію собственныхъ его взглядовъ на необходимость ограничить свободу завѣщаній. Рѣчь Мирабо, почти цѣликомъ написанная его женевскимъ сотрудникомъ Рейбацомъ [2]), отражаетъ на себѣ вліяніе не только идей Руссо, но и свойственныхъ Швейцаріи юридическихъ порядковъ съ характеризующимъ ихъ началомъ нераздѣльности семейнаго имущества и совмѣстнаго владѣнія дѣтей съ отцами. Этотъ семейный коммунизмъ, составляющій, какъ я старался доказать, общую черту гражданственностей, не порвавшихъ еще вполнѣ съ традиціями родоваго быта и не подчинившихъ своихъ личныхъ и имущественныхъ отношеній требованіемъ индустріально-капиталистическаго строя, не были безъизвѣстны и Франціи. Цѣлый рядъ кутюмовъ, и въ томъ числѣ нивернэйскій, узаконили эти порядки семейной нераздѣльности. Нѣкоторыя черты ея удержаны были еще въ текущемъ столѣтіи такъ называемыми parçonеries, всего ближе напоминающими по типу сербскія задруги и великорусскія большія семьи [3]).

Такимъ образомъ Рейбацъ имѣлъ нѣкоторое основаніе распространить на Францію тѣ порядки, не знающей свободы завѣща-

---

1) Ibid., стр. 47—50.

2) См. Aulard. Les orateurs de la constituante. Mirabeau, la part de collaboration de Dumont, Duvernoy, Reybaz etc.

3) См. мой Tableau de l'évolution de la famille et de la propriété, гл. VIII и Первобытное Право, т. I, гл. о родовомъ бытѣ германскихъ народностей.

ній семейной общины, съ какими онъ свыкся въ собственной родинѣ. Но онъ впадалъ въ грубый анахронизмъ, надѣляя ими въ равной мѣрѣ всѣ провинціи, даже тѣ, которыя подъ наименованіемъ «pays de droit écrit», отправлялись отъ постановленій реципированнаго ими римскаго права. Вообще, вся рѣчь Рейбаца, съ которой неразрывно связано имя Мирабо, проникнута антагонизмомъ къ римской юриспруденціи и носитъ характеръ какой-то соціально-политической защиты тѣхъ юридическихъ основъ, на которыхъ построено обычное право германскихъ народностей. Эта сторона вопроса почему-то доселѣ не обращала на себя вниманія историковъ и юристовъ; а между тѣмъ она далеко не безъ интереса для тѣхъ, кто желалъ-бы возстановить филіацію идей, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось законодательство Конституанты о наслѣдованіи. Въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы въ этой надѣлавшей въ свое время столько шума диссертаціи. Рядомъ съ утвержденіемъ, что общество создано не для отмѣны, а для признанія естественныхъ правъ, положеніи, напоминающемъ текстъ декларацiи, мы встрѣчаемъ противорѣчащее ей признаніе, что собственность неизвѣстна въ естественномъ состояніи и впервые создается закономъ. Но если послѣдній составляетъ ея дѣйствительный источникъ, то ему же должно быть предоставлено право ея регулированія и ограниченія. Къ этой мысли, цѣликомъ заимствованной у Руссо, присоединяется разсужденіе, внушенное Рейбацу и Мирабо, знаменитой статьей Тюрго о правахъ корпорацій. Между правомъ человѣка располагать своимъ имуществомъ при жизни и правомъ завѣщать его на случай смерти, говоритъ Рейбацъ—Мирабо, совершенно въ духѣ своего учителя, существуетъ та же бездна, что между жизнью и смертью. Могила поглащаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и его права. Отсюда дѣлается въ духѣ Тюрго тотъ выводъ, что признаваемая за человѣкомъ свобода располагать своимъ имуществомъ должна быть ограничена въ примѣненіи къ завѣщанію. Общество въ своихъ интересахъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенно отнять это право. Римская юриспруденція высказывается правда, въ противномъ смыслѣ. Но не пора ли положить конецъ ея господству, подчинивши ея авторитетъ авторитету разума? Разъ мы признаемъ, что собственность обязана своимъ происхожденіемъ обществен-

нымъ соглашеніямъ, ничто не препятствуетъ допущенію, что со смертью частныя имущества становятся общимъ достояніемъ, и что только общая воля присвоиваетъ ихъ снова законнымъ наслѣдникамъ. Общая воля останавливаетъ на послѣднихъ свой выборъ, признавая ихъ своего рода совладѣльцами въ оставленномъ покойникомъ имуществѣ. Она видитъ въ наслѣдованіи не столько новый входъ во владѣнія, сколько непрерывное пользованіе правами, источникъ которыхъ лежитъ въ фактѣ совладѣнія наслѣдниковъ съ умершимъ [1]).

Такимъ образомъ, Рейбацъ-Мирабо восполняетъ ученіе Тюрго положеніемъ германскаго обычнаго права о собственности, какъ о нераздѣльномъ достояніи цѣлой семьи, какъ о предметѣ ея совладѣнія. Гдѣ существуетъ семейная община, тамъ не мыслимъ фактъ открытія наслѣдства, не мыслимъ вводъ во владѣніе. Рѣчь можетъ идти только о новомъ распредѣленіи долей между оставшимися въ живыхъ совладѣльцами. Эти порядки германскаго права отмѣнены были феодализмомъ, допустившимъ произволъ родителей создавать съ помощью завѣщаній противоположность бѣдности и богатства въ средѣ собственныхъ родственниковъ. Но неужели, восклицаетъ Рейбацъ, опять въ духѣ Тюрго, мы станемъ подчиняться долѣе капризамъ и страстямъ покойниковъ; не довольно-ли съ насъ и тѣхъ, какіе исходятъ отъ живущихъ. Если законъ признаетъ недѣйствительными завѣщанія, сдѣланныя въ гнѣвѣ, «ab irato», то почему не признать ему таковыми же и завѣщанія à decepto, à moroso, ab imbecilli, т. е. написанныя подъ вліяніямъ обмана, дурнаго расположенія духа, бреда, тупости, и высокомѣрія. Возможное при свободѣ завѣщаній неравенство въ наслѣдованіи не примиримо съ французской конституціей, высказавшейся въ пользу равенства. Можетъ ли эта конституція допустить, чтобы надменный сребролюбецъ выбиралъ изъ среды своихъ дѣтей одного, кому-бы пе-

---

[1]) La société a senti que c'est moins ici une nouvelle prise de possession par voie d'héritage qu'une continuité des mêmes jouissances et des mêmes droits résultant de l'etat de communauté... Les successeurs ne pouvaient être pris que dans la famille même qui était en quelque sorte coproprietaire de ces mêmes biens. См. Discours et Opinions de Mirabeau, t. III, Avril 1820, стр. 488. и Archives parl. tome XXIV, стр., 512.

решла цѣликомъ вся его собственность. Пора положить конецъ такому порядку, при которомъ младшимъ дѣтямъ приходилось насиловать свое призваніе и принимать священническій санъ, чтобы жить доходами отъ бенефицій. Равенство раздѣловъ тѣсно связано съ учащеніемъ браковъ, съ размноженіемъ населенія, съ увеличеніемъ числа земельныхъ собственниковъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Мирабо предлагалъ оставить въ распоряженіе завѣщателей не болѣе десятой части ихъ имущества и подчинить остальное равному раздѣлу. Замѣчательно, что во враждебности къ завѣщаніямъ Мирабо сошелся съ представителями крайней лѣвой, Петіономъ и Робеспьеромъ, и что послѣдній черпалъ, подобно ему, свои возраженія изъ разсужденій Тюрго о томъ, что покойники не могутъ связывать своею волею живущихъ [1]).

Противоположную точку зрѣнія защищалъ Казалесъ. Онъ хотѣлъ распространить на всю Францію тотъ ппринципъ свободы завѣщаній, какимъ пользовались дотолѣ одни «pays de droit écrit. Тронше существенно не расходится съ Мирабо, когда говоритъ, что собственность—результатъ общественныхъ соглашеній, что тѣ же соглашенія одни опредѣляютъ размѣръ права завѣщательнаго распоряженія. Подобно ему, онъ слѣдуетъ Тюрго, когда различаетъ эти распоряженія отъ тѣхъ, какія дѣлаются при жизни и свобода которыхъ неразрывно связана въ его глазахъ съ естественнымъ правомъ. Но онъ совершенно расходится съ тѣмъ и другимъ, когда говоритъ: у отца могутъ существовать достаточныя причины къ измѣненію законнаго порядка раздѣла. Можно-ли отказать ему въ правѣ вознаградить того или другаго потомка, за его сыновнюю нѣжность и уваженіе. Дать большую часть тому, кто содержалъ его въ старости или содѣйствовалъ своимъ трудомъ накопленію капитала? Законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ этихъ случайностей и не въ правѣ лишать поэтому родителя права завѣщательнаго распоряженія [2]). Собраніе отсрочиваетъ на время дальнѣйшія пренія въ виду необходимости скорѣйшаго завершенія конституціи.

---

[1]) L'homme peut-il disposer de ses terres qu'il a cultivées, говорилъ Робеспьеръ lorsqu'il est lui même reduit en poussière», см. Laferrière L'histoire des principes de la Révolution Française, стр, 230.

[2]) См. Archives parlementaires, т. XXIV, стр. 564 и слѣд.

Оно успѣваетъ только постановить декретомъ 5-го сентября 1791 г., что всякія завѣщательныя распоряженія, противныя законамъ и добрымъ нравамъ и ограничивающія свободу наслѣдника или лица, получающаго легатъ, по природѣ своей ничтожны [1]).

Такимъ образомъ начатая въ ночь 4-го августа реформа личныхъ и имущественныхъ правъ сопровождалась не однимъ упадкомъ аристократическаго характера собственности и тѣхъ привилегій старшинства, какими обставляли ее обычаи нѣкоторыхъ провинцій; она имѣла еще своимъ послѣдствіемъ установленіе общей для всей Франціи и демократической по природѣ системы равнаго раздѣла наслѣдствъ. Эта система, долженствовавшая въ глазахъ ея сторонниковъ, содѣйствовать насажденію мелкой собственности, ограждена была отъ той опасности, какой грозила ей неограниченная свобода завѣщаній. Демократизація общества путемъ политическихъ учрежденій должна была завершиться радикальнымъ переворотомъ въ сферѣ имущественной. Мы укажемъ въ ближайшей главѣ, въ какой мѣрѣ суждено было осуществиться этимъ надеждамъ и что явилось препятствіемъ къ выполненію намѣченной такимъ образомъ программы.

§ 4.

Отмѣна феодализма едва ли призвана была совершить большій переворотъ въ общественномъ строѣ французскаго общества, чѣмъ секуляризація церковной собственности. Вопросъ о ней поставленъ былъ впервые еще въ ночь 4-го августа. Герцогъ

---

1) Laferrière, стр. 238.

Къ числу законовъ, радикально измѣнившихъ прежнее семейное и имущественное право, надо отнести также отмѣну родоваго выкупа (т. наз. rachat lignager). Мерленъ предложилъ его, ссылаясь на то, что этотъ выкупъ тѣсно связанъ съ несуществующей болѣе системой родоваго возмездія; съ исчезновеніемъ причины, падаетъ и послѣдствіе. Онъ вѣрнѣе указывалъ если не источникъ, то условія, благопріятныя сохраненію родоваго выкупа, говоря: теперь, когда дворянство и маіораты отмѣнены, нѣтъ больше основаній къ его удержанію. См. Rapport du 17 Juillet 1790. Laferrière, стр. 240 и 241.

Шатлэ предложилъ замѣну десятины денежной таксою и заговорилъ о необходимости выкупа ея «на ряду съ прочими сеньеріальными правами». Послѣднія слова заслуживаютъ быть отмѣченными; они заключаютъ въ себѣ самое грубое смѣшеніе понятій: десятина отнюдь не была феодальнымъ поборомъ, какъ не была она также церковною собственностью, и намъ приходится только изумляться при видѣ, какъ вопросъ о порядкѣ содержанія причта могъ сдѣлаться исходной точкой отправленія для грандіознѣйшаго переворота, когда либо имѣвшаго мѣсто въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Судьба церковной десятины рѣшена была окончательно не раньше, какъ въ засѣданіяхъ шестаго и восьмаго августа. На заявленіе одного изъ членовъ духовенства, что постановленія, сдѣланныя 4-го августа, обязательны лишь настолько, насколько въ нихъ выраженъ отказъ провинцій и городовъ отъ ихъ привилегій и иммунитетовъ, Кюстинъ, а за нимъ Бюзо, высказались «категорически противъ всякаго проявленія запоздалыхъ соболѣзнованій», всякой попытки отсрочить осуществленіе «обѣщаній, данныхъ подъ вліяніемъ благороднаго чувства самопожертвованія». Послѣдній ораторъ заявилъ при этомъ, что церковныя имущества, въ его глазахъ, составляютъ принадлежность націи [1]). Подобная мысль не могла считаться новинкой. Она не разъ провозглашаема была памфлетной литературой и нашла защитника въ лицѣ Тюрго. Десятки лѣтъ прошли со времени появленія въ энциклопедіи Дидеро его знаменитой статьи о собственности корпорацій, и общество снова могло найти выраженіе тѣхъ же взглядовъ въ текстѣ нѣкоторыхъ наказовъ и въ только что вышедшихъ изъ подъ печати брошюрахъ. И все же слова Бюзо вызвали въ собраніи небывалое волненіе: съ одной стороны послышались аплодисменты, съ другой явные знаки неодобренія. И тѣ, и другіе усилились, когда оратору вздумалось прибѣгнуть для защиты своихъ взглядовъ къ самому тексту данныхъ избирателями полномочій. Если бы, разсуждалъ онъ, французы не считали церковныхъ земель достояніемъ націи, они бы не обрати-

---

[1]) Je soutiens que les biens ecclésiastiques appartiennent à la nation. Arch. Parl., т. VIII, стр. 354.

лись къ ней съ ходатайствомъ увеличить платимый изъ ихъ дохода окладъ приходскаго священства. Какъ могли бы люди, не имѣющіе никакого права на собственность церкви, измѣнять распоряженіе ея доходомъ? Ораторъ закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ, которое духовенство справедливо сочло для себя обидой: «Вамъ нѣтъ другаго исхода, какъ сдѣлать видъ, что вы добровольно соглашаетесь на пожертвованія, какихъ требуютъ отъ васъ обстоятельства; поступая такимъ образомъ, вы соблюдете по крайней мѣрѣ приличія». Дальнѣйшія пренія были отложены. Они возобновились въ засѣданіи 8-го августа. Маркизъ Лакостъ, ссылаясь на общее благо, потребовалъ въ замѣнъ десятины постояннаго жалованія священникамъ. Александръ Ламетъ, поддерживая это предложеніе, сослался на отличіе собственности корпорацій отъ частной. Развивая мысль Тюрго, онъ доказывалъ, что дѣлавшій то или другое пожертвованіе съ религіозной или благотворительной цѣлью на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду надѣлить имуществомъ всю націю. Послѣдняя всегда стоитъ между дарителемъ и тѣмъ юридическимъ лицомъ, которое принимаетъ дареніе. «Никто, прибавлялъ онъ, не рѣшится отказать націи въ дальнѣйшемъ пользованіи правомъ упразднять тѣ политическія тѣла, какія она считаетъ безполезными, и пріурочивать ихъ имущества къ выгоднымъ для общества цѣлямъ» [1]). Ламетъ заканчивалъ предложеніемъ передать въ руки кредиторовъ государства церковныя имущества въ обезпеченіе сдѣланнаго правительствомъ долга. Духовенство принимаетъ весьма неодобрительно только что приведенныя слова и членъ магистратуры, депутатъ д'Андре, высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы принадлежность церковныхъ имуществъ націи могла быть доказана [2]).

Десятаго августа духовенство, въ лицѣ священника Гутъ, само возбуждаетъ вопросъ о десятинѣ. Высказывая тотъ взглядъ, что чрезмѣрныя имущества церкви повели къ упадку католицизма въ Швеціи и Англіи и сдѣлались причиной того, что

---

[1]) Lorsqu'on a fait une fondation, c'est la nation qu'on a dotée etc. Arch. Parl., т. VIII, стр. 370.

[2]) Arch Parl., т. VIII, стр. 370.

церковныя должности перешли къ людямъ, которые гонятся за богатыми бенефиціями, какъ за добычей; ораторъ въ то же время не думаетъ, чтобы интересъ государства лежалъ въ обезземеленіи духовенства. «Не лучше-ли, говоритъ онъ, оставить въ рукахъ священниковъ участки, достаточные для покрытія ихъ потребностей и содержанія нищихъ. Взамѣнъ ученія о принадлежности церковныхъ имуществъ націи Гутъ развиваетъ тотъ взглядъ, что эти имущества принадлежатъ духовенству, какъ цѣлому. «Мы-же, прибавляетъ онъ, не болѣе, какъ временные пользователи и въ правѣ удержать поэтому за собою только то, что необходимо для нашего безбѣднаго существованія; весь-же излишекъ долженъ быть пріуроченъ къ цѣлямъ благотворительности. Изъ этого положенія дѣлается тотъ выводъ, что націи принадлежитъ право располагать церковнымъ доходомъ къ пользѣ религіи и общества, упразднять тѣ или другія бенефиціи, соединять во едино нѣсколько монастырскихъ обителей и препятствовать излишнему обогащенію церкви. «Во всѣ времена, прибавляетъ Гутъ, государство присвоивало себѣ часть ея имуществъ для покрытія своихъ неотложныхъ потребностей. Все, что выходитъ за предѣлы необходимаго на покрытіе издержекъ культа и общественной благотворительности, можетъ сдѣлаться предметомъ такого присвоенія. Но это не мѣшаетъ Гуту стоять за имущественное обезпеченіе служителей церкви, за надѣленіе ихъ земельною собственностью. Оно кажется ему выгоднымъ даже въ интересахъ земледѣлія, такъ какъ во многихъ приходахъ кюре одни имѣютъ нѣкоторое образованіе; это позволитъ имъ повести хозяйство раціональнымъ порядкомъ и тѣмъ подать добрый примѣръ прихожанамъ. Гутъ протестуетъ противъ мысли объ отмѣнѣ церковной десятины безъ выкупа, такъ какъ это было бы равносильно подарку собственникамъ. Государство должно уполномочить приходы къ пріобрѣтенію на занятыя суммы недвижимыхъ имуществъ, доходъ съ которыхъ предоставленъ былъ бы пресвитерамъ взамѣнъ десятины. Не обращаясь къ конфискаціи церковной собственности, государство можетъ найти выходъ изъ своихъ финансовыхъ затрудненій, обративъ въ свою пользу и ту часть церковныхъ бенефицій, которая превышаетъ издержки по содержанію причта, соединивъ нѣсколько монастырскихъ оби-

телей въ одну и т. под. Гутъ врагъ секуляризаціи, но ничего не имѣетъ противъ того, чтобы національное собраніе послѣдовало примѣру французскихъ монарховъ, которые, начиная съ Карла Великаго и кончая Карломъ IX, пріурочивали не разъ излишекъ церковныхъ имуществъ къ государственнымъ цѣлямъ.

Депутатъ Безансона, Лапуль, не входя въ обсужденіе вопроса о правѣ собственности церкви, останавливается исключительно на вредѣ десятины. Она отымаетъ, по его мнѣнію, треть чистаго дохода землевладѣльца и не идетъ даже на содержаніе причта, такъ какъ одна лишь восьмая часть ея сосредоточивается въ рукахъ дѣйствительныхъ служителей храма [1]). Ланжюинэ признаетъ за десятиной священный характеръ и, допуская ея выкупъ, требуетъ затраты полученныхъ суммъ на содержаніе пастыря и общественное призрѣніе. Нѣсколько священниковъ доказываютъ преимущества натуральнаго сбора, какимъ является десятина, надъ всякимъ другимъ, и думаютъ, что сохраненіе ея желательно въ интересахъ какъ крестьянъ, такъ и молодыхъ пастырей церкви, которыхъ она приманиваетъ къ занятію святительскихъ мѣстъ, такъ, наконецъ, и бѣдныхъ, получающихъ отъ нея призрѣніе. Аббатъ Грегуаръ стоитъ за замѣну ея земельными пожалованіями. Обезпеченіе приходскихъ кюре церковными надѣлами кажется ему желательнымъ, между прочимъ въ интересахъ земледѣлія. Епископъ Ланжскій де-ла-Люцернъ высказывается въ томъ же смыслѣ и настаиваетъ на противорѣчіи, въ какомъ стояла бы безвозмездная отмѣна десятины съ постановленіями 4-го августа, провозгласившими необходимость выкупа. Мирабо говоритъ о невозможности точной пропорціи между суммою выкупа и тѣмъ размѣромъ, въ какомъ взимается десятина. По его мнѣнію, онъ такъ великъ, что изъ трехъ споповъ поглащаетъ по меньшей мѣрѣ одинъ. Мирабо останавливается на тѣхъ неудобствахъ, какія связаны съ дальнѣйшимъ сохраненіемъ побора, падающаго на всѣ виды сельско-хозяйственнаго производства и отнимающаго у крестьянина часть необходимой ему соломы. Напрасно духовенство говоритъ о десятинѣ, какъ о собственности: «это не болѣе, какъ налогъ, пріуроченный къ издержкамъ культа,

1) Ibid., стр. 384.

это заработокъ (salaire), платимый націей чиновникамъ, призваннымъ къ пропагандѣ нравственности и образованія». При этихъ словахъ раздается громкое неодобреніе на скамьяхъ духовенства. Невѣжествомъ объясняетъ Мирабо то презрѣніе, съ какимъ принято его упоминаніе о заработкѣ: «Я знаю, говоритъ онъ, только три способа существованія: милостыней, воровствомъ и заработкомъ. Самъ собственникъ не болѣе какъ первый изъ лицъ, живущихъ заработкомъ; общество ассигновало ему этотъ заработокъ въ вознагражденіе за тѣ распредѣленія, какія онъ производитъ въ формѣ потребленія и личныхъ затратъ. Собственники—агенты, экономы общества». Мирабо, какъ видно изъ сказаннаго, вѣренъ первоначальнымъ идеямъ физіократіи; ученіе Тюрго о рентѣ, какъ о неоплачиваемомъ дарѣ природы, не задѣло его нимало.

Церковная десятина была упразднена безъ вознагражденія, и Сіейсу, тщетно доказывавшему, что такое распоряженіе ею равносильно ничѣмъ не оправдываему подарку земельнымъ собственникамъ, осталось только обнародовать свою рѣчь на память потомству. Читая ее, выносишь убѣжденіе, что семьдесять милліоновъ дохода отъ выкупа десятины, которые легко могли бы покрыть добрую часть государственнаго долга, пропали совершенно даромъ для казны. Понятно раздраженіе, какое долженъ былъ испытать авторъ, уже вошедшій, повидимому, въ переговоры съ правительствомъ на счетъ порядка утилизаціи этого выкупа для фискальныхъ цѣлей. Современники говорятъ, что исходъ, какой приняло дѣло упраздненія десятины, вызвалъ въ Сіейсѣ такое разочарованіе, что съ этого времени и до бѣгства короля въ Вареннъ онъ добровольно уклонялся отъ всякаго дѣятельнаго участія въ преніяхъ и работахъ учредительнаго собранія. Его недовольство приписывали пристрастію къ интересамъ собственнаго сословія, въ доказательство чего приводили сказанныя имъ въ собраніи слова: они хотятъ быть свободными и не умѣютъ соблюсти справедливости [1]); но, и помимо всякихъ классовыхъ интересовъ, трудно было отнестись иначе, какъ вполнѣ отрицательно къ постановленію, которое, ведя къ неиз-

---

1) Ils veulent être libres et ne savent pas être justes.

бѣжному увеличенію государственныхъ расходовъ, возлагая на націю неизвѣстныя ей дотолѣ издержки на содержаніе культа, обогощало однихъ земельныхъ собственниковъ, т. е. тотъ самый классъ общества, которыхъ надлежало привлечь къ усиленному участію въ покрытіи государственныхъ тягостей. Сіейсу не трудно было, разумѣется, доказать, что всякій разъ, когда происходили продажи или покупки земли при установленіи цѣнъ, принимаемъ былъ въ разсчетъ и тотъ вычетъ изъ валоваго дохода, какого ежегодно требовала церковная десятина; а если такъ, то очевидно, что прекращеніе этого сбора, безъ всякаго эквивалента со стороны собственниковъ, должно было соотвѣтственно увеличить и стоимость ихъ имуществъ. Сіейсъ въ правѣ былъ поэтому говорить о безвозмездной отмѣнѣ десятины, какъ о подаркѣ, полученномъ собственниками въ ущербъ и духовенству, и народу [1]).

Вопросъ о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, поставленный еще въ августѣ 89-го года при первыхъ дебатахъ о судьбѣ церковной десятины, возникъ снова въ серединѣ октября совершенно случайно по поводу обсужденія финансовыхъ мѣръ правительства. Извѣстный Талейранъ, епископъ Отенскій, остановился на мысли, что обезпеченіе государственнаго долга церковными имуществами можетъ служить лучшимъ средствомъ къ установленію кредита. Но для этого необходимо было объявить ихъ первоначально собственностью націи. Мы видѣли, что Бюзо уже высказался въ этомъ смыслѣ. Талейранъ взялся развить то же положеніе, приводя въ основаніе доводы, всецѣло заимствованные у Тюрго. Вліяніе послѣдняго сказывается въ буквальномъ воспроизведеніи не только той аргументаціи, какой Тюрго обосновываетъ право государства на имущество корпорацій, но и отдѣльныхъ выраженій извѣстной статьи энциклопедіи о юридическихъ лицахъ (fondations). Подобно Тюрго, Талейранъ объявлялъ, что духовенство владѣетъ землями не такъ, какъ другіе. Онѣ даны были не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, а въ цѣляхъ общественнаго служенія. Вслѣдъ за Тюрго, Талейранъ настаиваетъ также на широкой власти, какой

---

[1]) См. Arch. Parl., т. VIII, стр. 387 и 388.

пользуется правительство по отношенію ко всѣмъ общественнымъ тѣламъ, существующимъ въ предѣлахъ государства. Однимъ изъ такихъ тѣлъ, говоритъ онъ, надо считать и духовенство. Если правительство лишено возможности уничтожить это тѣло, какъ необходимое въ интересахъ религіи, то оно, несомнѣнно, въ правѣ упразднить отдѣльныя агрегаціи, входящія въ составъ этого тѣла. Для этого достаточно, чтобы оно признало ихъ безполезными. Но право располагать дальнѣйшимъ существованіемъ такихъ агрегацій необходимо сопровождается широкой свободой въ распоряженіи ихъ имуществомъ. Къ этой заимствованной у Тюрго мотивировкѣ Талейранъ присоединялъ еще собственную. Отправляясь отъ признаваемаго самою церковью положенія, что принадлежащія ей имущества—достояніе бѣдныхъ, онъ дѣлаетъ изъ него тотъ выводъ, что правительство обязано обезпечить членамъ духовнаго сословія только необходимое для безбѣднаго существованія (subsistance honnête). Всѣмъ же излишкомъ государство можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію, заступая мѣсто церковныхъ бенефиціаріевъ въ администраціи тѣмъ, что по праву составляетъ достояніе бѣдныхъ. Для этого ему нужно только принять на себя тѣ самыя задачи, какія преслѣдовались прежде владѣльцами церковныхъ бенефицій, какъ-то: содержаніе госпиталей и общественныхъ мастерскихъ, поправку церквей и оплату народнаго образованія. Талейранъ предлагалъ въ виду сказаннаго обезпечить духовенству всего двѣ трети получаемаго имъ дохода и передать въ распоряженіе государства всѣ церковныя земли съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ихъ публичной продажѣ.

Все, что высказано было впослѣдствіи защитниками секуляризаціи, является не болѣе какъ варіантомъ къ только что приведеннымъ соображеніямъ. Учредительное собраніе добровольно обратилось не то въ школу политической метафизики, не то въ юридическое общество, въ которомъ пространно разсуждалось о происхожденіи собственности, о вліяніи, какое законъ имѣетъ на ея созданіе, о существованіи или несуществованіи ея въ періодъ до-государственный, о необходимыхъ ея атрибутахъ, о присутствіи или отсутствіи этихъ атрибутовъ въ собственности юридическихъ лицъ и т. п. Вліяніе, какое секуляризація можетъ оказать на экономическій строй государства, на размноженіе

мелкой собственности или крупнаго землевладѣнія, на широкое обращеніе земель на рынкѣ и большую ихъ доступность покупателямъ, играло второстепенную роль въ дебатахъ; а между тѣмъ въ этихъ ожидаемыхъ перемѣнахъ, да еще въ желаніи успокоить государственныхъ кредиторовъ земельнымъ обезпеченіемъ и лежалъ дѣйствительный источникъ всей агитаціи въ пользу пріуроченія церковной собственности къ свѣтскимъ цѣлямъ. Одни, въ числѣ ихъ Барнавъ, настаивали на томъ, что церковныя имущества, подобно свѣтскимъ бенефиціямъ, пріурочены къ службѣ и имѣютъ назначеніемъ доставлять въ формѣ дохода постоянное жалованіе (salaire) служителямъ церкви, что они поэтому, за-одно съ домэнами составляютъ собственность націи, которая во всякое время можетъ вступить снова въ ихъ обладаніе [1], Другіе, съ Трельяромъ во главѣ, утверждали, что необходимымъ признакомъ собственности является право не только пользованія, но и злоупотребленія, котораго однако недостаетъ церковнымъ имуществамъ, какъ не отчуждаемымъ, почему и слѣдутъ признать ихъ владѣльцевъ не собственниками, а простыми администраторами [2]. Третьи, какъ Туре, объявляли, что собственность неприкосновенна только въ рукахъ частныхъ лицъ, такъ какъ ихъ создаетъ не законъ, а природа и такъ какъ ихъ права — права естественныя, которыхъ никакая власть не можетъ нарушить. Юридическія же лица существуютъ только въ силу закона, почему послѣдній и имѣетъ право какъ создать ихъ, такъ и упразднить. По своей природѣ они не имѣютъ реальныхъ правъ уже потому, что являются не болѣе какъ юридической фикціей, абстрактной концепціей закона. Законъ, лишившій церковныя и монастырскія корпораціи права распоряженія ихъ имуществомъ, можетъ сдѣлать то же и по отношенію къ праву владѣнія, т. е. онъ можетъ отнять это право. Та самая причина, благодаря которой упраздненіе юридическаго лица не есть убійство, ведетъ къ тому, что и лишеніе его владѣнія не можетъ считаться насильственнымъ отнятіемъ (spoliation) [3].

---

1) Arch. Parlem., т. IX, стр. 424.
2) Ibid., стр. 490 и 491.
3) Ibid., стр. 483.

Той же юридической метафизикой отличаются и разсужденія Мирабо. Подобно другимъ ораторамъ, онъ обѣщаетъ разсмотрѣть вопросъ о секуляризаціи исключительно съ точки зрѣнія права и справедливости [1]). Не имѣя собственной теоріи, онъ цѣликомъ заимствуетъ свои мысли у Тюрго, «одного, говоритъ онъ, изъ величайшихъ государственныхъ людей новаго времени». Правда, Мирабо оговаривается, что не можетъ вполнѣ принять его ученія о корпораціяхъ; но этому противорѣчитъ весь дальнѣйшій ходъ его аргументаціи. Она на столько приближается къ той, которой слѣдовалъ Тюрго, что незамѣтно въ рѣчь оратора вкрадываются цѣлые предложенія и періоды, ранѣе этого появившіеся въ энциклопедіи; такъ, напр., доказывая, что общественная польза одна рѣшаетъ вопросъ о существованіи или упраздненіи корпорацій, Мирабо, вслѣдъ за Тюрго, говоритъ: ни одному созданію человѣка не суждено быть вѣчнымъ. Постоянно умножаемыя человѣческимъ чванствомъ корпораціи въ концѣ концовъ захватили бы въ свои руки всякую собственность; неизбѣжно поэтому право государства на ихъ упраздненіе. «Если бы всѣ и каждый, кто жилъ на землѣ, имѣлъ свой надгробный памятникъ, пришлось бы поднять руку на эти никому ненужные монументы, дотронуться до пепла мертвецовъ, чтобы завоевать землю подъ обработку и прокормить ея доходомъ живущихъ» [2]). Это мѣсто цѣликомъ взято у Тюрго. Не больше оригинальности представляютъ и другія части рѣчи, какъ-то, разсужденія о томъ, что одинъ законъ создаетъ корпораціи и надѣляетъ ихъ имуществами, что никакой эдиктъ или ордонансъ не признавалъ французскаго духовенства юридическимъ лицомъ, что члены его не болѣе какъ чиновники государства, и должны состоять поэтому на его иждивеніи и т. п.

Противъ всѣхъ подобнаго рода доводовъ побѣдоносно можно было возразить за-одно съ Камюсомъ, что церковныя имущества не были присвоены ни духовенству, какъ цѣлому, ни націи, а отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ: епископіямъ, пріоратамъ, монастырямъ и т. д.; что ограниченіе права распоряже-

---

1) Ibid., стр. 607.
2) Ibid., стр. 607.

нія такъ же мало лишаетъ характера собственности церковныя имущества, какъ земли малолѣтнихъ или замужнихъ женщинъ; что существеннымъ признакомъ собственности является право исключать третье лицо отъ распоряженія ею и что этотъ признакъ присущъ и церковнымъ имуществамъ; что законъ одинаково даетъ существованіе собственности частныхъ лицъ и корпорацій, такъ какъ безъ него рѣчь можетъ идти только о присвоеніи [1]). Не менѣе убѣдительной являлась и та историческая справка, какую приводили въ защиту церковнаго имущества аббатъ Мори, архіепископъ Экса, Буажеленъ, епископъ Узеса, Бетіе и другіе. Они говорили, ссылаясь на самые тексты старинныхъ грамотъ, о пожалованіяхъ частныхъ лицъ, туземныхъ и иностранныхъ правителей, и спрашивали, почему такой источникъ происхожденія уступаетъ по достоинству и юридической силѣ пріобрѣтенію собственности покупкой. Они останавливались также на развитіи той мысли, которая со временемъ такъ блистательно будетъ развита Монталамберомъ, а именно, что монастырскія обители, сами въ большинствѣ случаевъ являются творцами принадлежащей имъ собственности, такъ какъ своими очистками, своимъ трудомъ и потомъ они обратили въ плодоносныя поля и нивы до того безлюдныя, никому не принадлежащія пространства [2]). Они доказывали еще, что многія имущества завѣщаны епископіямъ и аббатствамъ ихъ временными настоятелями, охотно затрачивавшими свои сбереженія на пріобрѣтеніе новыхъ земель, этого постояннаго фонда для содержанія храмовъ и призрѣнія нуждающихся [3]). Церковная собственность по своему источнику не представляетъ поэтому ничего отличнаго отъ собственности свѣтской. Если монархи дѣлали пожертвованія въ пользу служителей алтаря, то они же не отказывали въ земельныхъ пожалованіяхъ и членамъ служилаго сословія [4]).

Духовенство и церковная собственность древнѣе самой монархіи, которая не столько ихъ создала, сколько инкорпорировала.

---

[1]) Ibid., стр. 415 до 417.
[2]) Ibid., стр. 425 и 487.
[3]) Ibid., стр. 428.
[4]) Ibid., стр. 429.

Общераспространенный титулъ собственности—давность, необходимо должна быть признана за имуществами, имѣющими нерѣдко четырнадцати-вѣковое существованіе [1]).

Не трудно было также доказать, что, при отрицаніи давности, какъ титула собственности, законность всякаго присвоенія можетъ быть подвергнута сомнѣнію, и даже обосновывать это мнѣніе ссылками на Ж. Ж. Руссо, пророчествуя въ то же время, что за присвоеніемъ церковной собственности государствомъ, неизбѣжно возникаетъ въ ближайшемъ будущемъ аграрный вопросъ [2]).

Въ ряду другихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія Малуэ и Кюстина. Благодаря имъ, расширенъ былъ предметъ спора и изъ за препирательствъ о томъ, кто, государство или церковь, должны считаться собственникомъ трети земель королевства, впервые выглянулъ наружу волнующій современныя общества соціальный вопросъ. По словамъ Малуэ, само духовенство смотритъ на принадлежащій ему земельный фондъ, какъ на достояніе нищихъ. И дѣйствительно: дѣлавшіе пожалованія производили ихъ не только въ пользу того или другаго храма или монастырской обители, но и на содержаніе имѣющихся при нихъ бѣдныхъ. Нельзя игнорировать воли дарителей; отымая у духовенства собственность, необходимо признать ее за тѣми, кто на ряду съ нимъ должны считаться одаренными. «Пока во Франціи окажутся люди нуждающіеся въ пищѣ и питьѣ, имущества церкви не могутъ сдѣлаться предметомъ государственной экспропріаціи, а должны перейти къ нимъ по праву. Даже упразднивши духовенство, нація не раньше и не иначе могла бы сдѣлаться обладательницей церковныхъ имуществъ, какъ обезпечивши ими какъ гипотекой существованіе нуждающихся». Первый признакъ разложенія націи—нищета; она величайшій врагъ свободы и добрыхъ нравовъ. Для человѣка свободнаго, послѣ преступленія, нѣтъ большаго униженія, какъ нищенство; искоренимъ же эту язву, и пусть послѣдствіемъ нашихъ споровъ о правахъ человѣка будетъ изданіе закона, обезпечивающаго помощь тому, кто

[1]) Ibid., стр. 489 и 615.
[2]) Ibid., стр. 610.

нуждается. Но пока нѣтъ подобнаго закона, какъ можемъ мы поднять руки на имущества, призванныя быть фондомъ для бѣдныхъ; можемъ-ли мы, не вполнѣ увѣренные въ томъ, что этого желаетъ вся нація, упразднить монастыри, даже тѣ, которые служатъ для воспитанія юношества и ухода за больными [1]). Кюстинъ приблизительно высказываетъ ту же мысль, говоря: «при упраздненіи церковной собственности, законными наслѣдниками являются бѣдные. Заявленіе, что она — достояніе націи, было бы равносильно отнятію ея у законнаго владѣльца и надѣленію ею собственника воображаемаго [2]).

Весьма немногіе ораторы имѣютъ смѣлость оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ секуляризація церковныхъ земель отвѣчаетъ требованіямъ справедливости, защищать или осуждать ее по соображеніямъ общественной пользы. Такъ поступаетъ, напримѣръ, Шассе, объявляя интересъ націи выше интереса той или другой корпораціи. Но и онъ спѣшитъ замаскировать ученіе о томъ, что «благо народа— высшій законъ» (salus populi suprema lex) соображеніями о пользѣ, какую принесло бы духовенству возвращеніе его къ условіямъ жизни первыхъ христіанъ. Другой депутатъ, Бюро де Пюзи, болѣе откровененъ и можно сказать циниченъ; для него все сводится къ вопросу, полезно ли для націи захватить въ свои руки церковныя имущества. Разъ будетъ доказано, что за погашеніемъ долговъ духовенства и покрытіемъ издержекъ культа, земельный фондъ церкви въ состояніи доставить излишекъ дохода, принесеніе въ жертву духовенства является государственной необходимостью (je regarderai comme nécessaire le sacrifice des victimes) [3]).

Братъ великаго трибуна, Мирабо-Боченокъ (Mirabeau Tonneau) также считаетъ нужнымъ при обсужденіи вопроса о секуляризаціи пренебречь принципами и имѣть въ виду только возможныя послѣдствія. Онъ высказывается противъ нея только потому, что не видитъ ея пользы, а, наоборотъ, считаетъ ее опасной и вредной для государства. Она, по его словамъ, нанесетъ

1) Ibid., стр. 434—437.
2) Ibid., стр. 494.
3) Ibid., стр. 495.

уронъ земледѣлію и сосредоточитъ земли въ рукахъ капиталистовъ, часть которыхъ не живетъ во Франціи и не можетъ считаться французами (разумѣются иностранные кредиторы государства). Она лишитъ правительство постояннаго источника, изъ котораго оно можетъ средство черпать на непредвидѣнныя издержки. Ораторъ иллюстрируетъ свою мысль, цитируя слова Франциска I о Генрихѣ VIII и упраздненіи имъ монастырей. «Мой братъ уморилъ курицу, которая не разъ несла ему золотыя яйца». Секуляризація, продолжаетъ братъ Мирабо, принесетъ интересы провинцій въ жертву интересамъ столицы. Имущества церкви сосредоточатся въ рукахъ финансистовъ, парижанъ, голландцевъ, женевцевъ, нѣмцевъ, т. е. лицъ, чуждыхъ той мѣстности, въ которой онѣ расположены. Но горе тѣмъ странамъ, въ которыхъ собственникъ не является вмѣстѣ съ тѣмъ потребителемъ. Гдѣ не дѣлается затратъ, тамъ необходимо прекращается и производство, говоритъ «сынъ Друга людей», повторяя любимую мысль физіократовъ. Съ упраздненіемъ церковныхъ имуществъ провинціи лишатся, пророчитъ онъ, щедрой милостыни низкихъ рентъ, выгодъ, проистекающихъ для земледѣльцевъ, отъ того, что духовныя обители не сами эксплоатируютъ свои земли, а сдаютъ ихъ въ пользованіе крестьянству; рабочіе потеряютъ прежніе заработки, а родовитыя и обезпеченныя семьи — возможность выгодно пристроить своихъ дѣтей. Не пройдетъ года, и страшная бѣдность замѣнитъ общее довольство [1]). Подобно Мирабо-Боченку, благопріятные секуляризаціи ораторы пускаются не разъ въ обсужденіе ближайшихъ ея послѣдствій по отношенію ко всему государству. Турэ высказываетъ общую съ наказами мысль, говоря: имѣя громадное населеніе, Франція заинтересована въ размноженіи частной собственности. Ей надо уменьшить число тѣхъ, кто ничего не имѣетъ, такъ какъ послѣдніе меньше заботятся объ общемъ благѣ и представляютъ серьезную опасность въ эпохи броженій. Признаніе за корпораціями права владѣть недвижимостью мѣшаетъ возрастанію числа собственниковъ, такъ какъ имущества корпорацій не подлежатъ обращенію на рынкѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 605.

Мори вѣрно указываетъ дѣйствительный источникъ всей агитаціи, говоря, что она направлена къ выгодѣ капиталистовъ. Собраніе отвергло банкротство, поставило государственный долгъ подъ охрану національной чести только для того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ конфисковать еще болѣе безспорную собственность—собственность церковную. Дѣло клонится къ тому, чтобы поставить духовенство въ то положеніе, въ какомъ были еще недавно кредиторы государства, а кредиторовъ государства въ то положеніе, въ какомъ стояли владѣльцы бенефицій, другими словами, о томъ, чтобы перенесть собственность изъ рукъ ея теперешнихъ обладателей въ руки лицъ, готовыхъ обмѣнять свои не легко реализируемыя долговыя требованія на землю, представляющую всѣ удобства прочнаго обезпеченія [1]).

Раскрывая безнравственность подобной сдѣлки, Мори и другіе ораторы духовенства, сомнѣваются въ томъ, чтобы она была выгодна для государства. И безъ того на рынкѣ обращается значительное количество свободныхъ земель. Теперь онъ неминуемо запруженъ будетъ секуляризированными имуществами. Послѣдуетъ неизбѣжное паденіе цѣнъ на землю и правительство не реализируетъ ожидаемыхъ отъ продажи суммъ. Къ тому же церковныя имущества обременены долгами, величина которыхъ далеко неизвѣстна въ ея настоящемъ видѣ. Содержаніе причта, заботы о народномъ образованіи и общественномъ призрѣніи обременятъ бюджетъ и потребуютъ увеличенія налоговъ.

Всѣ эти доводы оказались тщетными. 2-го ноября собраніе большинствомъ 568 голосовъ противъ 316 объявило церковныя земли собственностью государства и возложило на него обязанность обезпечить священникамъ содержаніе по меньшей мѣрѣ въ 1200 ливровъ ежегодно [2]).

Практическое значеніе это рѣшеніе получило не раньше осени того же года, когда по предложенію Талейрана, рѣшено было наложить печати на архивы, хранившіе титулы церковной собственности, а Трельяру удалось добиться одновременно утверж-

---

[1]) Ibid., стр. 425.
[2]) Ibid., стр. 649.

денія большинствомъ особаго адреса, которымъ король приглашался пріостановить раздачу бенефицій [1]).

4-го декабря найдено и назначеніе для конфискованной у церкви собственности, Талейранъ предложилъ пріурочить ее, заодно съ доменами, къ оплатѣ государственнаго долга. Трельяръ высказался въ томъ же смыслѣ, настаивая на немедленномъ отчужденіи церковныхъ имуществъ на сумму 400 милліоновъ ливровъ, которые и должны были пойти въ обезпеченіе выпускаемыхъ правительствомъ ассигнацій. 20-го декабря, несмотря на энергическій протестъ Мори и выходъ многихъ депутатовъ правой изъ собранія, проектъ Трельяра утвержденъ былъ большинствомъ, а 16-го марта 1790 г. принято съ благодарностью предложеніе парижской коммуны, купить на 200 милліоновъ отчуждаемыхъ имуществъ. Послѣдовавшая затѣмъ отмѣна пожизненности монастырскихъ обѣтовъ и дарованная монахамъ и монахинямъ свобода, вернуться къ свѣтской жизни, вмѣстѣ съ «гражданскимъ устройствомъ духовенства», т. е. обращеніемъ его въ классъ избираемыхъ правительственныхъ чиновниковъ, на жалованьи, закрѣпили безповоротно конфискованныя у церкви имущества за ихъ пріобрѣтателями и положили конецъ всякой заповѣдности и неотчуждаемости.

Такимъ образомъ, секуляризація имуществъ церкви содѣйствовала поступленію массы земель на рынокъ и могла бы существенно повліять на демократизацію собственности и владѣнія, если бы причины, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обратимся въ ближайшей главѣ не вызвали сосредоточенія ея въ рукахъ незначительнаго большинства капиталистовъ и фермеровъ.

---

1) См. отчетъ о преніяхъ 7, 9 и 19 ноября въ сочиненіи Эдмонда Пресансе. L'église et la Rév. Française, стр. 83.

ГЛАВА IV.

Соціальное законодательство конституанты. — Народные запросы и правительственныя рѣшенія.

Общественныя теоріи XVIII-го вѣка во многомъ опредѣлили собою характеръ тѣхъ требованій, какія французскіе избиратели поставили генеральнымъ штатамъ 1789 года. Но это не значитъ, чтобы въ наказахъ не отразились и запросы, предъявленные государству различными сословіями и классами, на какіе въ концѣ прошлаго столѣтія дѣлилось французское общество. Только выяснивши то противорѣчіе, въ какомъ стояли между собою эти запросы, мы получимъ возможность судить о тѣхъ трудностяхъ, какія представляла задача общественнаго обновленія Франціи. Только сопоставивши тѣ рѣшенія, какія учредительное собраніе дало вопросамъ землевладѣнія и земельнаго пользованія, организаціи труда и налога, съ частью явными, частью подразумѣваемыми желаніями отдѣльныхъ классовъ, будемъ мы въ состояніи судить о томъ, въ какой мѣрѣ пережитая Франціей соціальная революція отвѣчала дѣйствительнымъ стремленіямъ большинства націи и въ какой мѣрѣ отразилось на ней одностороннее вліяніе главной виновницы переворота— буржуазіи.

Если мы спросимъ себя, чего хотѣло дворянство и высшее духовенство въ сферѣ не политическихъ, а общественныхъ реформъ, то трудно будетъ сказать, чтобы оно не желало прежде всего сохраненія возможно большаго числа своихъ привилегій. Протоколы дворянскихъ избирательныхъ собраній заодно съ наказами свидѣтельствуютъ о томъ, что изъ всѣхъ своихъ преимуществъ

дворянство готово было поступиться одними податными изъятіями [1]). Откроемъ, напримѣръ, протоколы дворянскаго собранія Бургундіи, засѣдавшаго съ 20 декабря 1788 г. по 7 января 1789 года. Что находимъ мы въ немъ по занимающему насъ предмету?

Признавая основательнымъ требованіе равномѣрнаго участія всѣхъ гражданъ въ несеніи государственныхъ тягостей, бургундское дворянство не скрываетъ своего намѣренія стоять на стражѣ существующей общественной организаціи. Оно заявляетъ себя сторонникомъ дѣленія націи на три сословія, протестуетъ противъ мысли о поголовномъ голосованіи, пророча, что послѣдствіемъ его могутъ быть только «безпорядки демократіи», на смѣну которымъ не замедлитъ явиться деспотизмъ. Ему дороги «основные законы провинцій и монархіи», не знающіе ни соединеннаго засѣданія сословій, ни голосованія иначе, какъ по сословіямъ [2]). То же, что и дворянство, думаетъ о существующей сословной организаціи духовенство, по крайней мѣрѣ высшее: и оно желаетъ прежде всего, чтобы каждому изъ трехъ сословій дана была возможность налагать свое вето на рѣшенія остальныхъ двухъ; другими словами, оно хочетъ и продолженія прежнихъ сословныхъ дѣленій, и прежней независимости сословій, или, что то же, сохраненія въ политически обновленномъ государственномъ тѣлѣ средне-вѣковыхъ общественныхъ основъ [3]).

Я не безъ цѣли остановился на примѣрѣ привилегированныхъ сословій Бургундіи, такъ какъ они далеко не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя, подобно бретонскому дворянству, отказывались отъ всякаго компромисса съ новыми демократическими вѣяніями. Я могъ бы также привести постановленія дворянскаго

---

[1]) См. Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la révolution, т. I, стр. 125 и слѣд.

[2]) Extrait du procès verbal de la noblesse de Bourgogne, assemblée à Dijon du 20 décembre 1788 au janvier 1789 (Protestation du 6 janvier 1789), стр. 72 и слѣд.

[3]) Extrait des Registres des délibérations capitulaires du Chapitre de la Sainte Chapelle (du 30 décembre 1788), ibid., стр. 88 и 89. Lettre du Chapitre de la Cathedrale de Dijon a l'Assemblée de la Noblesse (30 déc. 1788). Ibid., стр. 83 и слѣд.

собранія Франшконтэ, члены котораго связали себя торжественной присягой «не допускать другаго представительства, кромѣ того, какое существовало издревле въ формѣ раздѣленныхъ по сословіямъ штатовъ» [1]). Я могъ бы сослаться еще на притязанія лангедокскихъ дворянъ, которые настаиваютъ не только на сохраненіи сословныхъ дѣленій, но и на выборѣ депутатовъ въ генеральные штаты исключительно собранными для провинціальнаго представительства сословіями; мало этого, на удержаніи своихъ податныхъ изъятій, какъ «основнаго закона монархіи» [2]).

Дипломатическія донесенія анонимнаго корреспондента польскаго двора, а также венеціанскаго посла Антонія Капелло бросаютъ яркій свѣтъ на тѣ опасенія, какія вызывало въ патріотахъ упорство высшихъ сословій въ отстаиваніи всѣхъ средневѣковыхъ особенностей французскаго общества. 2-го января 1789 года первый, сообщая о рѣшеніи штатовъ Дофинэ—не посылать депутатовъ, пока не признано будетъ въ принципѣ двойное представительство средняго сословія, прибавляетъ, что въ Бретани, наоборотъ, дворянство поклялось отстоять свою старинную провинціальную конституцію съ голосованіемъ по сословіямъ. Совѣщаться совмѣстно о дѣлахъ кажется имъ равносильнымъ потери дворянской чести [3]). Сословная солидарность начинала сказываться даже между дворянами разныхъ провинцій и въ окрестностяхъ Кана въ Нормандіи происходили сборища добровольцевъ, готовыхъ поспѣшить на помощь бретонскимъ собратьямъ, замкамъ которыхъ начинали грозить возставшіе крестьяне [4]). Парламенты, эти представители чиновнаго дворянства (noblesse de robe), высказывали готовность поддержать аристократическія требованія, и негодованіе патріотовъ сказывалось въ равной мѣрѣ въ нападкахъ на дворянскія собранія и верховные суды Ренна и Безансона [5]). Будущій ре-

---

[1]) Aimé Cherest (La chute de l'ancien régime), т. II, стр. 296.

[2]) Ibid., томъ II, стр. 329.

[3]) Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette etc. Lescure, томъ II, стр. 322.

[4]) Письма отъ 23 января и 13 февраля 1789 года, 324 и 328, ibid.

[5]) Письмо 31 января, стр. 325, ibid.

дакторъ знаменитаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, дворянинъ Лимонъ выставлялъ Неккера главою цѣлаго заговора противъ привилегированныхъ сословій и монарха съ цѣлью упрочить преобладаніе средняго сословія [1]). Въ Реннѣ, Эксѣ и Бордо далеко не рѣдки были случаи кровавыхъ схватокъ между простонародьемъ и привилегированными. Корреспондентъ польскаго двора, передавая общее настроеніе, писалъ 1-го марта, «всѣ добрые граждане съ горестью ожидаютъ повторенія на ближайшихъ генеральныхъ штатахъ тѣхъ самыхъ скандальныхъ столкновеній между сословіями, какія омрачали собою собраніе 1614 года» [2]), собраніе, памятное рѣзкимъ отказомъ дворянскихъ депутатовъ признать даже меньшими братьями представителей буржуазіи.

Мѣсяцъ спустя тотъ же корреспондентъ говоритъ о союзѣ между высшимъ духовенствомъ, дворянствомъ и парламентами. «Всѣ увѣрены, пишетъ онъ, въ его существованіи, но многіе сомнѣваются, чтобы этой коалиціи удалось одержать верхъ надъ неотчуждаемыми правами общинъ, т. е. всей націи [3]). Съ каждымъ днемъ все больше и больше сказывался разрывъ массы населенія съ дворянствомъ. Стòило только одному изъ членовъ семьи Ламетъ въ Сенлисѣ высказаться въ пользу признанія среднимъ сословіемъ привилегій и иммунитетовъ двухъ высшихъ, и собравшіеся спѣшили прервать оратора свистками, не давая ему кончить своей рѣчи. Стоявшіе за дворянство члены парламентовъ терпѣли пораженіе на выборахъ или считали нужнымъ измѣнить фронтъ и перейти на сторону средняго сословія [4]).

Не менѣе рѣзко высказывалось общественное мнѣніе противъ притязаній высшаго духовенства: во время безпорядковъ въ Марселѣ толпа, не имѣя возможности наложить рукъ на епископа, вымѣщала свою злобу на его экипажѣ, бросая его въ море. Этотъ фактъ вызывалъ въ анонимномъ корреспондентѣ слѣдующія размышленія: «вздумай только наши князья-епископы противоположить естественнымъ правамъ какія-то вымышленныя,

---

[1]) Ibid., стр. 332, письмо отъ 23 февраля.
[2]) Ibid., стр. 334.
[3]) Ibid., письмо 27 марта 1789 года, стр. 339.
[4]) Ibid., письмо 2 апрѣля 1879 года, стр. 342.

прикрывая ихъ именемъ религіи, давно осудившей всякое чванство, честолюбіе и алчность, грозный кличъ; «не надо больше епископовъ во Франціи», не замедлитъ раздаться» [1]).

Въ концѣ апрѣля бретонское дворянство и духовенство представили новое доказательство своей неспособности подчиниться духу времени, отказываясь послать депутатовъ на генеральные штаты въ виду того, что ихъ избраніе не передано въ руки сословныхъ палатъ провинціи [2]). Это обстоятельство еще болѣе укоренило въ народѣ увѣренность, что высшія сословія не согласны ни на какія жертвы. «Нигдѣ, пишетъ корреспондентъ, не вѣритъ народъ великодушнымъ заявленіямъ, на которыя щедро дворянство нѣкоторыхъ провинцій. Онъ думаетъ, что втайнѣ дворяне принимаютъ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію собственныхъ обѣщаній [3]). «Когда въ началѣ мая слѣдуетъ открытіе генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ», изъ-подъ пера того же очевидца выливаются слѣдующія горькія предсказанія: «рознь сословій воспрепятствуетъ осуществленію тѣхъ благъ, какія ожидаются отъ собранія. Дворянство и духовенство совершенно обособлены отъ буржуазіи, и въ самомъ духовенствѣ замѣтна рознь, доходящая до того, что епископы готовы отослать приходское священство на скамьи средняго сословія» [4]).

Не безъинтересно сопоставить эти личныя оцѣнки человѣка, не скрывающаго своихъ симпатій къ «патріотамъ», съ одновременными сужденіями венеціанскаго патриція, съ ужасомъ слѣдящаго за быстрымъ ростомъ французской демократіи. Написанныя въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ только что приведенныя депеши, донесенія Антонія Капелло указываютъ на тотъ же духъ исключительности и сословной замкнутости въ высшихъ слояхъ французскаго общества и на ту же неспособность его поступиться своими интересами ради блага родины. Сообщая 15 декабря 1787 года о томъ, что большинство нотаблей высказалось

---

[1]) Ibid., письмо 15 апрѣля 1789 года, стр. 346.
[2]) Ibid., стр. 349, письмо отъ 26 апрѣля 1789 г.
[3]) Ibid., стр. 350, письмо отъ 30 апрѣля 1789 года.
[4]) Письмо 9 мая 1789 года, стр. 353.

въ пользу созыва генеральныхъ штатовъ въ томъ порядкѣ, какому слѣдовали въ 1614 году, Капелло прибавляетъ: «упорство дворянъ вызываетъ сильное броженіе во всемъ королевствѣ; среднее сословіе, несравненно болѣе многочисленное, чѣмъ оба высшія, повсемѣстно требуетъ признанія за нимъ тѣхъ правъ, какія отняты были господствовавшимъ въ прошломъ столѣтіи феодализмомъ. Ростъ населенія, промышленности и торговли— причина тому, что масса лицъ, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ засѣдать въ національномъ собраніи, хотятъ играть дѣятельную роль при его созывѣ, имѣть своими представителями избранныхъ собственнаго сословія и всѣми силами воспротивятся повторенію того, что было въ 1614 году, когда изъ 184 человѣкъ, посланныхъ отъ средняго сословія, 132 принадлежали къ дворянству. Среди столкновенія не столько различныхъ мнѣній, сколько различныхъ интересовъ, прибавляетъ Капелло, всѣхъ занимаетъ вопросъ, на чью сторону станетъ король. Если онъ примкнетъ къ дворянству, можно, пророчествуетъ посолъ, предвидѣть народное возстаніе почти во всѣхъ провинціяхъ. Въ ближайшей депешѣ отъ 22 декабря 1788 года тотъ же венеціанскій патрицій говоритъ объ усиливающейся враждѣ дворянства и средняго сословія, раздѣляемыхъ вопросомъ о числѣ представителей, какое каждая сторона будетъ имѣть на штатахъ. Настоящее опредѣленіе tiers-ètat, говоритъ онъ по этому случаю, то, что оно есть вся нація, за исключеніемъ дворянства и духовенства. Дѣйствительный источникъ всего разногласія,—разногласія, которое съ каждымъ днемъ становится болѣе угрожающимъ и опаснымъ, лежитъ въ нежеланіи дворянства платить налоги. Въ защиту своихъ изъятій оно ссылается на старинныя привилегіи или, вѣрнѣе, злоупотребленія. Повсюду ходитъ отвѣтъ, данный человѣкомъ средняго сословія дворянину, хваставшемуся тѣмъ, что его предки платили кровью:—развѣ вы думаете, что въ нашихъ жилахъ течетъ вода? Дѣло не идетъ пока объ отнятіи у дворянъ ихъ личныхъ и служебныхъ преимуществъ, а исключительно о подчиненіи ихъ налогу наравнѣ съ прочими классами общества. Въ интересахъ равенства обложенія необходимо такимъ образомъ среднему сословію двойное представительство на штатахъ; безъ него оно не добьется признанія

двумя высшими обязанности не-сти заодно съ нимъ государственныя тягости. Отстаиваемыя дворянствомъ преимущества теряются во мракѣ вѣковъ; одни называютъ ихъ привилегіями, другіе предразсудкомъ, всѣ ждутъ рѣшенія отъ короля, и многіе надѣются, что онъ не примкнетъ къ дворянству; вѣдь торжество этого сословія знаменовало бы, пишетъ Капелло, возстановленіе феодальныхъ порядковъ, отмѣна которыхъ стоила кардиналу Ришелье столькихъ усилій. Предвидя возможность признанія требованій средняго сословія касательно двойнаго представительства, Капелло справедливо думаетъ, что этимъ не будетъ еще обезпечено его первенство въ собраніи. Въ этомъ, прибавляетъ онъ, легко убѣдиться, если только имѣть въ виду, что могущественнымъ и богатымъ гораздо легче пріобрѣтать голоса подкупомъ, нежели бѣднымъ и зависимымъ [1]). По словамъ Капелло, за-одно съ привилегированными высказываются и парламенты. Это распаденіе націи на два враждебные лагеря пророчитъ, по его словамъ, рядъ бѣдствій, продолжительность и величину которыхъ нельзя опредѣлить напередъ. «Не хорошо, пишетъ онъ, когда народъ лишенъ правъ, но не менѣе худо, когда онъ постигнетъ ихъ вполнѣ» [2]).

Отмѣтивши такимъ образомъ первоначальное пожеланіе дворянства подчиниться требованію равенства всѣхъ предъ налогомъ, Капелло, въ депешѣ отъ 9 февраля говоритъ уже о радикальной перемѣнѣ фронта. Привилегированныя сословія готовы отказаться отъ податныхъ изъятій, чтобы тѣмъ настойчивѣе охранять прочія свои права и преимущества. Депеша 27 апрѣля особенно настаиваетъ на этой сторонѣ дѣла. «Хотя дворянство и отказалось отъ своихъ язъятій, пишетъ Капелло, но оппозиція его среднему сословію отъ этого не уменьшилась. Парижскіе округа не допустили въ свои собранія дворянъ. Съ другой стороны, Бретань отказалась послать депутатовъ отъ дворянства и духовенства; правительству предстоитъ или вовсе не имѣть отъ нихъ депутатовъ, или замѣнить родовитое дворянство провин-

---

[1]) См. депешу отъ 22 дек. 1788 года, № 159 неизданныхъ депешъ Капелло, хранящихся въ Венеціанскомъ архивѣ

[2]) Депеша 19 янв. и 2 февр. 1789 года.

ціи недавно облагороженными, а высшее духовенству низшимъ» [1]). Хотя парламенты въ рѣшительную минуту и измѣнили первоначальному союзу съ дворянствомъ, но это обстоятельство не заставило среднее сословіе забыть о прежнихъ ихъ связяхъ. Недовѣріемъ къ нимъ объясняетъ Капелло незначительность числа выбранныхъ буржуазіей членовъ высшихъ судовъ, слабое представительство магистратуры въ личномъ составѣ штатовъ [2]).

Дворянскіе и церковные наказы раскрываютъ передъ нами тѣ самыя притязанія, о какихъ идетъ рѣчь въ только что приведенныхъ источникахъ. Сплошь и рядомъ мы находимъ въ нихъ. наравнѣ съ отказомъ отъ податныхъ изъятій, категорическое заявленіе, что высшія сословія не намѣрены поступиться другими своими правами и преимуществами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ герцогствѣ д'Альбрэ дворянство рѣшается сказать слово даже въ защиту налоговыхъ иммунитетовъ, замѣчая, что свобода отъ податей распространяется только на участки, находящіеся въ личномъ завѣдываніи бѣдныхъ членовъ сословія, съ трудомъ борющихся съ нищетою и не владѣющихъ каждый болѣе, какъ землею четырехъ плуговъ [3]).

Наиболѣе обычную форму дворянскихъ притязаній представляетъ наказъ Нижней Нормандіи. Отказываясь отъ налоговыхъ иммунитетовъ, составители дворянскаго кайе говорятъ о рѣшимости охранять прочія права, вольности и изъятія, какими ихъ сословіе пользовалось во всѣ времена. Дворяне объявляютъ себя готовыми бороться со всякими посягательствами какъ на доставляющія имъ доходъ права, такъ и на чисто почетныя преимущества. Они на столько дорожать своей обособленностью отъ прочихъ сословій, что требуютъ даже установленія для себя особаго знака отличія; его должны носить всѣ лица благороднаго происхожденія, не исключая женъ и дочерей [4]).

Не меньшую исключительность обнаруживаетъ и высшее духовенство. Его притязанія даже въ бо́льшей степени расходятся

[1]) Депеша 27 апр. 1789 г., № 178.
[2]) См. Депеша 15 декабря 1788 года.
[3]) Arch. Parl. Томъ I, стр. 699
[4]) Arch. Parl. Томъ I, стр. 713.

съ требованіями средняго сословія, чѣмъ заявленныя дворянами желанія. Каждый разъ, когда дѣло касается политическихъ реформъ, свободы личности и собственности, религіозной терпимости, права народнаго представительства участвовать въ законодательствѣ и вотированіи бюджета, дворяне высказываютъ мысли, по своему либерализму не уступающія тѣмъ, какихъ придерживается среднее сословіе. Но того же отнюдь нельзя сказать о духовенствѣ. Правда, и оно, за-одно съ дворянствомъ, готово принести на алтарь отечества свои податныя изъятія, но церковныя латифундіи остаются въ глазахъ «епископовъ и аббатовъ священнымъ видомъ собственности» (domaine sacré), до котораго не должна касаться святотатственная рука свѣтской власти. Мало этого, высшее духовенство не только дорожитъ неотчуждаемостью своего доманіальнаго фонда, по меньшей мѣрѣ въ той же степени, въ какой дворянство сохраненіемъ своихъ сеньеріальныхъ правъ,—оно желаетъ еще удержанія за нимъ роли служителей, если не государственной, то господствующей церкви (religion dominante). Устами архіепископа Тулузскаго, будущаго министра Ломэни де-Бріенъ, оно при коронаціи Людовика XVI умоляетъ государя «разсѣять обманчивыя надежды тѣхъ, кто, не принадлежа къ лону католической церкви, желаетъ имѣть храмы и алтари». Юный монархъ призывается имъ къ продолженію дѣла Людовика XIV. Ему предстоитъ высказаться открыто противъ преступной терпимости (tolérance coupable), нанести послѣдній ударъ кальвинизму, разсѣять схизматическія собранія его адептовъ, лишить ихъ всѣхъ должностей и почестей въ государствѣ [1]). Эдиктъ о вѣротерпимости 1787 года изданъ Людовикомъ XVI вопреки желанію духовенства, и его общее собраніе не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году, еще ставитъ королю требованіе взять обратно дарованныя имъ вольности [2]). Даже въ эпоху составленія наказовъ католическое духовенство еще во многихъ приходахъ, какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, ходатайствуетъ о недопущеніи всякаго инаго христіанскаго культа, кромѣ католическаго и объ устраненіи не-католиковъ отъ занятія муници-

---

[1]) L'Eglise et la Révolution française par Pressensé, стр. 23.

[2]) Histoire de l'Eglise de France par l'abbé Guettée. Liv. XII, ch. I.

пальныхъ и судебныхъ должностей [1]). Нѣкоторые изъ его членовъ не отступали предъ заявленіемъ, что одна католическая церковь должна быть удержана во Франціи (seule conservée en France), что она одна въ правѣ имѣть публичный культъ и что ея сохраненіе составляетъ основной законъ государства. Если не говорить о наказахъ, вышедшихъ изъ рукъ янсенистовъ, церковныя кайе не только не допускаютъ возможности секуляризаціи имуществъ духовенства, но еще заводятъ рѣчь о возсоединеніи съ его земельнымъ фондомъ владѣній упраздненныхъ монашескихъ орденовъ [2]). Противясь секуляризаціи, духовенство готово поступиться частью своихъ земель въ пользу школъ и госпиталей. Въ этомъ смыслѣ высказываются церковные наказы. Шалона на Сонѣ, Шато Салинъ, Кондома, Лонгви, Манта, Вандома, Тіонвиля [3]).

Такимъ образомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи 4 августа высшіе чины церковной іерархіи еще настаиваютъ на признаніи за духовенствомъ господствующей роли въ государствѣ и требуютъ не только сохраненія, но и пріумноженія своихъ имущественныхъ правъ и выгодъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, въ какой мѣрѣ эти ходатайства находили поддержку въ рядахъ низшаго духовенства. Пока для насъ достаточно признанія, что епископы, пріоры и аббаты за-одно съ дворянами стояли на стражѣ своихъ привилегій и не соглашались на другія пожертвованія, кромѣ тѣхъ, какихъ требовало равенство обложенія.

Намъ предстоитъ въ настоящее время противоставить сословнымъ интересамъ привилегированныхъ желанія и запросы французскаго простонародья. Одна трудность, повидимому, непреодолимая, представляется намъ съ перваго шага. Гдѣ искать выраженія чисто народныхъ требованій,—требованій, на кото-

---

[1]) Chassin. Les élections et cahiers de Paris. Томъ II, стр. 51. Cahiers de la paroisse de saint Paul.

[2]) Ibid., стр. 62. Voeux de l'abbé de Vonval. Статья VIII, „qu'on rende au clergé les biens de plusieurs ordres religieux suprimés". Въ пользу секуляризаціи церковной собственности высказываются только „les cahiers des jansénistes" (Ibid., стр. 114).

[3]) См. Edme Champion. Les biens du clergé et la révolution française (Révolution française, revue, publiée par Aulard, a. 1893, стр. 491.

рыхъ не лежала бы печать прямаго или косвеннаго воздѣйствія буржуазіи, когда не только общіе, но и мѣстные наказы не разъ составлены были по присланнымъ образцамъ и редактированы не безграмотными въ большинствѣ случаевъ крестьянами и рабочими, а фискальными агентами сеньёровъ, управителями и адвокатами, журналистами и врачами, мѣстными священниками и прибывшими изъ города избирательными агентами, т.-е. лицами, далеко не принадлежавшими къ простонародью и приписывавшими ему не разъ мысли и желанія собственнаго класса или сословія. Конечно, это обстоятельство не могло помѣшать передачѣ мѣстными наказами цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ экономическихъ данныхъ, какъ нельзя лучше иллюстрирующихъ матеріальное положеніе крестьянства и занесенныхъ въ нихъ непосредственно со словъ избирателей. Но когда дѣло идетъ о передачѣ того, что можно назвать соціальными и политическими программами крестьянства и рабочаго сословія, когда приходится выразить его точку зрѣнія на характеръ необходимыхъ реформъ и предстоящихъ измѣненій въ законодательствѣ, невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, считать ли народными требованіями заявленія, напоминающія скорѣе по своему содержанію редактированные Кенэ «Принципы земледѣльческаго государства?» Читая въ разсылаемыхъ всюду образцахъ для составленія наказовъ разсужденія о необходимости упразднить церковныя обители, разъ число живущихъ въ нихъ не достигаетъ положенной закономъ цифры, или возсоединить ихъ съ другими, обращая принадлежащія имъ земли въ пользу государства и затрачивая ихъ доходъ на погашеніе правительственныхъ долговъ [1]), невольно спрашиваешь себя, исходятъ ли встрѣчаемыя въ приходскихъ наказахъ ходатайства о полной и частичной секуляризаціи на самомъ дѣлѣ изъ устъ тѣхъ, кому они приписываются. Сказанное примѣнимо въ равной, если не въ большей мѣрѣ, къ такимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, установленіе единаго земельнаго налога, упраздненіе феодальныхъ правъ подъ условіемъ выкупа ихъ крестьянами и т. п.

[1]) См. Edme Champion. Les biens du clergé et la révolution стр. 491. Секуляризаціи настойчиво требуютъ между прочимъ наказы Бреста на Сѣверѣ и Прованса на Югѣ.

Въ виду трудности выдѣлить не только въ общихъ, но и въ мѣстныхъ наказахъ, запросы простонародья изъ суммы требованій, заявленныхъ высшими слоями средняго сословія, является на нашъ взглядъ необходимость обратиться къ слѣдующему косвенному пріему, несравненно болѣе сложному, разумѣется, чѣмъ простая передача содержанія тѣхъ или другихъ кайе. Съ самаго начала революціи народъ селъ и городовъ не разъ подымалъ знамя возстанія. Народные мятежи въ теченіе одного 1789 года сдѣлались на столько частымъ явленіемъ, что корреспондентъ венеціанскаго сената даже отказывается писать о нихъ, говоря, что «во Франціи они вошли въ обычное теченіе жизни и распространяться о нихъ то же, что говорить о смѣнѣ тепла и холода». Не возможно ли будетъ найти въ этихъ массовыхъ движеніяхъ, повторяющихся безъ опредѣленнаго плана и при случайномъ руководительствѣ, какихъ-нибудь общихъ чертъ, по которымъ позволено было бы судить, къ чему именно стремился французскій поселянинъ, городской ремесленникъ и рабочій? Я полагаю, что подобная задача далеко не можетъ считаться невыполнимой, и постараюсь, избѣгая подробностей, всего того, что составляетъ предметъ анекдотической исторіи, передать на немногихъ страницахъ то впечатлѣніе, какое производитъ на меня длинный рядъ повсемѣстныхъ и болѣе или менѣе однообразно повторяющихся «жакерій» и частныхъ самоуправствъ. Онѣ частью предшествуютъ революціи 14-го іюля, частью слѣдуютъ за взятіемъ Бастиліи и даже за знаменитой ночью 4-го августа, принципіально рѣшившей вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостныхъ платежей и выкупѣ сеньеріальныхъ правъ. Не прекращаются онѣ и съ провозглашеніемъ республики, созывомъ Конвента, владычествомъ Горы, диктатурой Робеспьера и, если съ 1794-го года они становятся менѣе частыми, то причина тому лежитъ въ окончательной ликвидаціи сеньеріальныхъ порядковъ и отчужденіи конфискованныхъ латифундій духовенства, королевской семьи и эмигрировавшаго дворянства.

Едва ли кто изъ писателей французской революціи сообщилъ болѣе подробностей объ этихъ массовыхъ движеніяхъ, чѣмъ Тэнъ, черпавшій свои свѣдѣнія изъ неизданныхъ еще документовъ центральнаго архива и данныхъ, впервые обнародованныхъ провинціальными историками.

Къ сожалѣнію, при выполненіи своей задачи, авторъ всего менѣе ставилъ себѣ интересующій насъ вопросъ. Въ мѣстныхъ возстаніяхъ онъ не постарался раскрыть другихъ чертъ, кромѣ вліянія, оказаннаго дороговизною съѣстныхъ припасовъ, преувеличенными ожиданіями, вызванными въ массахъ самимъ правительствомъ, вмѣшательствомъ въ дѣло бродягъ и разбойниковъ, наконецъ сперва скрытой, а потомъ явной агитаціей якобинцевъ [1]). Въ его изображеніи жакерія 1789 и слѣдующихъ годовъ является дѣйствительно сперва «самопроизвольной», затѣмъ «регулируемой вожаками анархіей»; въ ней не только нельзя открыть единства плана и послѣдовательности, но даже опредѣленности и общности стремленій. Это—протестъ голоднаго желудка, зависти бѣднаго къ богатому, явное грабительство безнаказаннаго преступника, разрушеніе ради разрушенія или съ цѣлью терроризировать собственниковъ и тѣмъ вызвать ихъ подчиненіе революціонному правительству. Если бы Тэну удалось сохранить всегда характеръ объективнаго изслѣдователя и не подчиниться вполнѣ понятной антипатіи къ якобинизму; если бы, поражая вожаковъ французской революціи, онъ не думалъ сразиться съ представителями доселѣ держащихся въ обществѣ политическихъ теченій,—его изложеніе лишено было бы, по всей вѣроятности, того интереса современности и той яркости красокъ, какую придаютъ ему природная горячность автора и не всегда безпристрастный выборъ свидѣтельствъ, но оно выиграло бы въ прочности выводовъ, оно обогатило бы историческую науку недостающимъ ей доселѣ критеріемъ при оцѣнкѣ результатовъ революціи, критеріемъ, который можетъ дать только сопоставленіе ихъ съ дѣйствительными запросами народныхъ массъ.

Мы видѣли, что наказы не вполнѣ раскрываютъ намъ характеръ этихъ запросовъ. Голосъ простонародья сказался лишь въ слабой степени при ихъ редакціи. Выработанные буржуазіей общественные идеалы отразились въ нихъ въ равной, если не въ большей степени, чѣмъ исходящія изъ среды народа требованія.

---

[1]) Les Origines de la France contemporaine, par H. Taine (томъ I, книга I, глава I).

Необходимо поэтому восполнить тѣ указанія, какія содержатъ въ себѣ эти источники. Необходимо задаться вопросомъ, какой свѣтъ бросаютъ народныя движенія на характеръ общественныхъ нуждъ и желаній. Мы далеки, конечно, отъ мысли видѣть одну самопроизвольность въ тѣхъ мѣстныхъ возстаніяхъ, которыя Тэнъ обнимаетъ понятіемъ «сперва» неорганизованной, а затѣмъ «организованной анархіи». Вожаки, несомнѣнно, участвовали въ этихъ взрывахъ народнаго негодованія и попыткахъ рѣшить по своему назрѣвшіе общественные вопросы. Но совпаденіе данныхъ народомъ рѣшеній съ тѣми нуждами, какія въ сельскомъ и городскомъ пролетаріатѣ раскрываетъ картина экономическаго положенія Франціи стараго порядка, само по себѣ доказываетъ, что случайное руководительство стоящихъ подчасъ внѣ крестьянства пропагандистовъ не вызвало самого движенія и не опредѣлило его характера.

Какія же общія черты представляютъ начавшіеся еще въ 1788 году крестьянскіе мятежи? Тѣ ли самыя, какими отличается всякаго рода жакерія и которыя передаются феодальнымъ лѣтописцемъ Фруассаромъ словами: «roboient et ardoient tout et tuaient et eforçoient et violoient toutes dames et pucelles sans pitié et sans mercy, ainsi comme chiens enragés» [1]).

Замѣтимъ прежде всего, что общія черты всякой жакеріи существуютъ только для того, кто никогда не занимался исторіей крестьянскихъ возстаній. Въ дѣйствительности эти массовыя движенія столь же разнообразны по своему характеру, какъ и вызвавшія ихъ къ жизни причины. Если возставшіе въ серединѣ XIV вѣка „Жаки» къ обыкновеннымъ актамъ насилія присоединяютъ сожженіе феодальныхъ архивовъ, то это потому, что въ этихъ архивахъ хранятся оффиціальныя записи ихъ личной несвободы и крѣпости къ землѣ. Если одинохарактерныя явленія повторяются при Ричардѣ II въ Англіи въ знаменитомъ походѣ на Лондонъ руководимыхъ Уатомъ Тейлоромъ крестьянскихъ ополченій, то это потому, что движеніе было вызвано главнымъ образомъ стремленіемъ помѣщиковъ возстановить натуральныя службы и платежи крѣпостного люда, опираясь на

---

1) Chroniques, livre I, ch. LXV.

старинныя помѣстныя описи и «рентали». Но когда съ XVI вѣка окончился періодъ личной несвободы и англійское крестьянство начало страдать отъ новаго зла—искусственнаго обезземеленія его, благодаря торжеству фермерскаго хозяйства надъ вѣчно-наслѣдственной арендой и огораживанію общинныхъ полей и угодій, мятежъ, связанный съ именемъ Кэта, ознаменовался, главнымъ образомъ, разрушеніемъ загородей и возстановленіемъ прежнихъ крестьянскихъ надѣловъ. Можно было бы иллюстрировать нашъ взглядъ на измѣнчивость характера и цѣлей народныхъ движеній параллельно росту народныхъ нуждъ и желаній и примѣромъ флорентинскихъ «чіомпи» и ихъ сіенскихъ собратій, ратующихъ за свободу рабочихъ стачекъ и союзовъ, и примѣромъ каталонскихъ и майоркскихъ «forenses», подымающихъ въ XV вѣкѣ знамя возстанія не противъ однихъ остатковъ крѣпостнаго права, но и эксплоатаціи сельскаго люда городской буржуазіей. Мы предпочтемъ однако оставить эту задачу другимъ изслѣдователямъ и перейдемъ непосредственно къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса: какія общія черты носятъ мѣстные бунты французскаго крестьянства въ 1789 и слѣдующихъ годахъ и чѣмъ отличаются они существенно отъ средневѣковыхъ жакерій и на половину религіозныхъ, на половину соціальныхъ возстаній XVI столѣтія. Характеръ преслѣдуемой нами задачи—выяснить не столько ходъ развитія французской революціи, сколько вызвавшія ее къ жизни вліянія, общій смыслъ и значеніе данныхъ ею рѣшеній, не позволяетъ намъ представить картину возникающихъ одинъ за другимъ крестьянскихъ бунтовъ со всей ея конкретной обстановкой, съ передачей подробностей единичныхъ дѣйствій и характера ближайшихъ участниковъ. Мы постараемся выдѣлить въ этихъ движеніяхъ только тѣ бытовыя черты, которыя, по нашему мнѣнію, даютъ имъ особый отпечатокъ и позволяютъ смотрѣть на эти, лишенныя плана и единства, вспышки народной ярости и протеста, какъ на части общаго цѣлаго.

Къ числу самыхъ раннихъ проявленій недовольства въ массахъ приходится отнести возстанія въ Провансѣ и Беарнѣ, Бретани и Дофинэ. Постараемся, пользуясь работами Тэна, Шереста, Борда и нѣкоторыхъ провинціальныхъ историковъ, а также не-

давними монографіями виконта де-Брока и Маріуса Сепе, охарактеризовать положеніе, занятое съ самаго начала крестьянскимъ и городскимъ простонародьемъ по отношенію къ тѣмъ, противъ кого были направлены соціальныя реформы учредительнаго собранія.

За исключеніемъ того, что̀ происходитъ въ Провансѣ, ни одно изъ мѣстныхъ возстаній конца 1788-го и начала 1789-го г. не носитъ характера соціальнаго потрясенія. Дѣло идетъ о защитѣ провинціальныхъ вольностей, автономіи мѣстныхъ штатовъ, самое большее—о протестѣ противъ налоговаго гнета и неравномѣрности податей. Правда, кое-гдѣ сказывается нежеланіе платить церковную десятину, какъ, напримѣръ, въ Бретани и Эльзасѣ въ мартѣ 1789 года, при чемъ народъ ссылается на то, что въ наказахъ заявлено требованіе объ ихъ отмѣнѣ [1]). Въ Ліонѣ и въ департаментѣ Изеры крестьяне перестаютъ вносить сеньеріальные сборы и городскіе octrois. Народъ бросается на таможенные посты, жжетъ хранимые въ нихъ реестры, разрушаетъ заставы, давая тѣмъ самымъ возможность сосѣднимъ поселянамъ сразу ввезти въ городъ массу съѣстныхъ продуктовъ, въ частности вина и мяса, и продавать ихъ по удешевленной цѣнѣ. На югѣ Франціи проявляется тотъ же протестъ противъ налоговъ на потребленіе. Въ Агдѣ требуютъ пониженія цѣны на съѣстные припасы и грозятъ погромомъ, если поборы съ вина, рыбы и мяса не будутъ сложены немедленно. Здѣсь же заставляютъ епископа подписать актъ отреченія отъ мельничной монополіи, благодаря чему его доходы съ арендаторовъ падаютъ на половину. Въ Лиму сожженію подвергаются реестры откупщиковъ косвенныхъ сборовъ. Но во всѣхъ этихъ единичныхъ актахъ насилія, какъ и въ увеличившейся контрабандѣ солью и попыткахъ остановить отправлявшіеся обозы зерна и муки, потребовать отъ собственниковъ и фермеровъ поставки ихъ на мучной рынокъ, въ принужденіи булочниковъ къ печенію хлѣба въ увеличенномъ количествѣ и т. п. не видно еще систематическаго протеста противъ осужденныхъ наказами экономическихъ и финансовыхъ порядковъ, хотя и можно уже отмѣтить желаніе положить ко-

[1]) Taine, La révolution, томъ I, стр. 21.

нецъ сеньеріальному праву, десятинѣ, производительнымъ монополіямъ помѣщиковъ (баналитетамъ) и откупной системѣ съ ея падающими на потребленіе поборами. Въ Провансѣ впервые крестьянское движеніе пріобрѣтаетъ характеръ и размѣры революціи, направленной противъ всего общественнаго уклада. Говоря о начавшихся здѣсь волненіяхъ, корреспондентъ польскаго двора уже употребляетъ терминъ «guerre aux chateaux» (война замкамъ). Другой, цитируемый Тэномъ, современникъ выражается о томъ же движеніи слѣдующимъ образомъ: «это—не одинокій мятежъ, но повсемѣстное возстаніе, объединяемое общностью принциповъ. Народу дано понять, что король желаетъ всеобщаго равенства, что онъ не намѣренъ долѣе терпѣть ни сеньёровъ, ни епископовъ, ни какихъ бы то ни было общественныхъ различій, ни десятины, ни сеньеріальныхъ правъ» [1]. По словамъ того же очевидца «движеніе направлено противъ дворянства и церкви, грозитъ собственности и собственникамъ. Народъ, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ ничего не хочетъ платить—ни налоговъ, ни сеньеріальныхъ поборовъ, ни долговъ». Такое сужденіе заключаетъ въ себѣ скорѣе личную оцѣнку, нежели точное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ Эксѣ, Марсели, Тулонѣ и сорока другихъ городахъ и мѣстечкахъ мятежъ направленъ на откупщиковъ косвенныхъ сборовъ. Народъ протестуетъ противъ налога на помолъ, на мясо, на кожи, противъ городскихъ поборовъ на предметы потребленія. Дѣло обходится, конечно, не безъ единичныхъ актовъ насилія, не безъ грабежа домовъ нѣкоторыхъ богатыхъ нотаблей, не безъ угрозъ и циническихъ заявленій въ родѣ слѣдующаго, сдѣланнаго по адресу епископа Систерона: «вы богаты, мы бѣдны, намъ нужны ваши имущества». Но смыслъ движенія лежитъ не въ этихъ заявленіяхъ, а въ томъ, что повсюду преслѣдуются однѣ цѣли. Первой изъ нихъ является удешевленіе средствъ къ жизни, для чего требуется отмѣна тѣхъ фискальныхъ причинъ, которыя ведутъ къ ихъ вздорожанію. Эта цѣль имѣется въ виду, главнымъ образомъ, въ городахъ, гдѣ и происходятъ

[1] См. приводимое Тэномъ донесеніе начальника мѣстныхъ войскъ. Ibid., стр. 2, 3.

всѣ акты насилія, жертвой которыхъ становятся дѣйствительные или мнимые скупщики и булочники, обвиняемые въ непомѣрныхъ барышахъ и приготовленіи хлѣба дурнаго качества. Въ селахъ происходитъ нѣчто другое: осаждая замокъ, крестьяне Пенье приводятъ съ собою консула и нотаріуса и заставляютъ помѣщика подписать актъ отреченія отъ всѣхъ своихъ сеньеріальныхъ правъ. Въ Ріецѣ они требуютъ отъ епископа сожженія его архива; въ Солье ихъ погрома, наравнѣ съ владѣльцемъ замка, не избѣгаетъ и фискальный агентъ, завѣдующій сборомъ сеньеріальныхъ платежей. Сожженію подлежатъ всѣ находимыя бумаги. Сборщики крестьянскихъ рентъ, мѣстные консулы, виновные въ штрафованіи за неисправность, поставлены въ необходимость вернуть суммы, взысканныя ими за послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Многіе насильственно отстраняются отъ должности, и на мѣсто ихъ выбираются лица, преданныя мятежникамъ. Тэнъ не даетъ этимъ фактамъ другаго объясненія, кромѣ того, что мыслями всѣхъ овладѣла теорія общественнаго договора [1]). Но дѣйствительный ключъ къ пониманію ихъ лежитъ въ той попыткѣ оживить и усилить систему сеньеріальныхъ повинностей и платежей, которая, какъ мы видѣли, знаменуетъ собою предшествовавшее революціи десятилѣтіе и не разъ вызываетъ протестъ со стороны редакторовъ приходскихъ наказовъ. «Съ 1780 по 1789 годъ, справедливо говоритъ Шерестъ, происходитъ въ феодальномъ мірѣ небывалое дотолѣ движеніе. Съ одного конца Франціи до другаго сеньёры стараются добитьси укрѣпленія своихъ титуловъ, возобновленія «террье», или инвентарей, слѣдуемыхъ имъ крестьянскихъ службъ и платежей. Они извлекаютъ изъ архивовъ старинныя обязательства, отъ вынужденія которыхъ благоразумно отказались ихъ предки. Они придумываютъ новые поводы къ поборамъ, вступаютъ со своими подданными въ нескончаемые процессы, въ незнающую пощады борьбу. На помощь имъ спѣшатъ знакомые съ феодальнымъ правомъ фискальные агенты. Они обращаютъ редакцію новыхъ террье въ доходную для себя статью, берутъ составленіе

---

[1]) Ibid., стр. 26 .Aussi bien à les voir agir, on dirait que la théorie du Contrat social leur est infuse.

ихъ на откупъ у помѣщиковъ. Пуская въ ходъ, наравнѣ съ грубымъ вымогательствомъ, и силу убѣжденія, они склоняютъ крестьянъ подписывать новые акты признанія (aveux), въ которыхъ размѣръ службъ и платежей значительно увеличенъ и къ прежнимъ видамъ поборовъ присоединены новые». Само вознагражденіе за редакцію террье повышено закономъ 20 авг. 1786 года [1]). Понятно, такимъ образомъ, почему въ приходскихъ наказахъ къ числу величайшихъ бѣдствій крестьянства не разъ относится и дороговизна террье, и вымогательства составляющихъ ихъ коммиссаровъ [2]).

И такъ, желаніе уничтожить недавнія «признанія» и отомстить тѣмъ, кто виновенъ былъ въ увеличеніи натуральныхъ и денежныхъ тягостей крестьянства, наконецъ, принудить помѣщиковъ и ихъ фискальныхъ агентовъ къ оффиціальному заявленію, что ненавистные поборы впредь не будутъ взимаемы, вполнѣ объясняютъ намъ характеръ тѣхъ наступательныхъ дѣйствій, предметомъ которыхъ сдѣлались съ конца 1788 года сеньеріальные замки.

Профессоръ Карѣевъ, поиски котораго въ центральномъ архивѣ отчасти дополнили тѣ данныя, какія собраны были Тэномъ, приводитъ между прочимъ одно интересное свидѣтельство, доказывающее, что и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, какъ, напримѣръ, въ Бретани, той самой Бретани, которая сдѣлается въ будущемъ центромъ дворянской и католической реакціи, задолго до ночи 4 августа и нѣсколькими недѣлями ранѣе взятія Бастиліи, уже чувствовалось приближеніе крестьянскихъ мятежей, во всемъ однохарактерныхъ съ тѣми, какіе происходили въ Провансѣ. «Донесенія изъ провинціи о безпоряд-

---

1) Cherest, томъ I, стр. 49.

2) См., напр., cahiers du tiers de la sénéchaussée de Chatellérault. (Arch. Parl., томъ II, стр. 69, томъ V, стр. 760). Depuis quelques années les terriers sont devenus les plus terribles fléaux des agriculteurs. См. однохарактерныя заявленія въ приходскихъ наказахъ Нормандіи: Le gouvernement de Normandie du 17 et 18 siècles, Hippeau, томъ VII, стр. 406. См. также Cahiers des paroisses du baillage d'Auxerre par Demay (Bulletin de la societé des sciences histor. et naturelles de l'Yonne, томъ 38, 1889).

кахъ въ 1788 и 1789 гг.,—пишетъ цитируемый нами авторъ,—тѣ донесенія именно, которыми мнѣ пришлось пользоваться въ національныхъ архивахъ, заключаютъ въ себѣ часто опасеніе деревенскихъ бунтовъ и желаніе ихъ предупредить; въ нихъ прямо говорится, что крестьяне вышли изъ повиновенія и не хотятъ платить феодальныхъ повинностей и церковныхъ сборовъ»[1]).

Мы не имѣемъ возможности слѣдить подробно за ходомъ народныхъ движеній въ періодъ времени, слѣдующій за революціей 14 іюля. Мы постараемся только на нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ показать ту связь, въ какой мѣстныя возстанія стоятъ съ происшедшимъ въ Парижѣ переворотомъ,—обстоятельство, нимало не измѣнившее, однако, характера ближайшихъ цѣлей мятежниковъ и средствъ къ ихъ достиженію. Остановимся для примѣра на событіяхъ въ Эльзасѣ, являющихся отраженіемъ парижской революціи. Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о томъ, что̀ происходило въ Страсбургѣ и его окрестностяхъ въ концѣ лѣта 1789 года: я разумѣю письма, посланныя городскими властями пребывающимъ въ Версалѣ депутатамъ отъ провинціи. «19 іюля,—пишутъ представители страсбургской буржуазіи,—когда дошло извѣстіе о взятіи Бастиліи, послѣдовала иллюминація города. Яркое освѣщеніе дозволило простонародью разграбить ночью домъ городскаго головы или аммейстера (ammeister) Лемпа, заслужившаго нерасположеніе нѣкоторыхъ классовъ нашего гражданства». Въ ближайшіе дни вожаки возстанія стараются, по словамъ мѣстныхъ властей, убѣдить народъ въ необходимости положить конецъ городскимъ поборамъ (octrois) и послѣдовать примѣру Парижа, разрушая бюро откупщиковъ косвенныхъ сборовъ. Въ воззваніи значилось:—граждане! мы хотимъ ѣсть мясо по дешевой цѣнѣ! Вооруженные молотками и топорами, рабочіе бросаются на городскую ратушу съ цѣлью разорвать и уничтожить акты и документы, имѣвшіе восьмисотлѣнее существованіе и обезпечивавшіе гражданству его сословное поло-

---

[1]) Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, стр. 399.

женіе и привилегіи». Варварская ярость обнаружена была мятежниками по отношенію къ ни въ чемъ не повиннымъ бумагамъ. Ихъ швыряли изъ оконъ, тащили ко рвамъ и топили въ рѣкѣ. Нѣкоторое время всѣ улицы покрыты были оффиціальными актами, инвентарями раздѣловъ и наслѣдствъ, опекунскими отчетами и т. п. Двери были взломаны, несмотря на двойные запоры, и золотыя буллы императоровъ, грамоты и письма королей брошены въ грязь. Одной участи съ бумагами городской ратуши подверглись и судебныя, а также частные контракты, хранимые въ особомъ архивѣ (greffe de la chambre des contrats). Такъ называемый Umgeld, или бюро косвенныхъ сборовъ, взято было штурмомъ и разграблено. Гражданской гвардіи удалось отразить нападеніе, направленное на присутственное мѣсто, въ которомъ хранились счеты по взиманію прямаго налога (taille). Первыя мѣры, принятыя къ успокоенію умовъ, состояли въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ и мясо. Магистратъ принялъ на себя доплату булочникамъ и мясникамъ изъ общественной кассы [1]).

Происходящее въ Стразбургѣ повторяется въ меньшихъ размѣрахъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ провинціи. Духъ мятежа, — жалуется стразбурскій магистратъ, — овладѣлъ всѣми сельскими бальяжами. Недовольство сказывается въ насильственной смѣнѣ приходскихъ властей и въ открытыхъ притязаніяхъ на «лѣса и угодья, издревле состоящіе въ законномъ пользованіи теперешнихъ собственниковъ». Каждый, — пишутъ жалобщики, — считаетъ себя призваннымъ добиться возстановленія какихъ-то мнимыхъ правъ и отрицаетъ тѣ, которыя признаны были судами въ теченіе многихъ столѣтій [2]). Въ другихъ частяхъ Франціи повторяются приблизительно тѣ же движенія. Въ Анже извѣстіе о взятіи Бастиліи вызываетъ открытое нападеніе на цитадель (chateau d'Angers), сопровождаемое на слѣдую-

---

[1]) Lettre des représentants de la bourgeoisie aux députés de Strasbourg, à Versailles (28 juillet 1789). L'Alsace pendant la Révolution française par Rodolphe Reuss, стр. 127—133. См. также письмо отъ 6 и 7 авг. 89 г. Ibid., стр. 139—147. См. также стр. 155—157.

[2]) Lettre du Magistrat de Strasbourg aux députés de la ville à Versailles (Strasbourg ce 5 Aoust 1889). Ibid., 136 и 137.

щій день осадой замка Бриссакъ. Въ Нантѣ пришлось принять мѣры къ предупрежденію тѣхъ же послѣдствій. Въ Ансени отряды гражданской гвардіи посланы были въ зàмки сеньёровъ отобрать оружіе и обезпечить снабженіе города хлѣбомъ, предупреждая тѣмъ возможность искусственныхъ забастовокъ въ отпускѣ припасовъ [1]. Въ Реннѣ, гдѣ войско дѣйствовало за одно съ народомъ, дѣло ограничилось разгромомъ оружейныхъ запасовъ. Но въ окрестностяхъ Динана крестьяне пошли войною на зàмки съ цѣлью отобрать оружіе и обезпечить подвозъ хлѣба на рынокъ. Зàмокъ Тушъ-Порэ былъ сожженъ. Въ Шателеро народъ овладѣлъ ратушей и смѣнилъ враждебныя ему городскія власти. Въ Орлеанѣ крестьяне грозятъ самимъ помѣщикамъ, которые толпами покидаютъ свои резиденціи и ищутъ убѣжища въ городахъ. Въ Труа сельскій людъ отказывается платить ввозныя пошлины, а городская чернь овладѣваетъ ратушей, распредѣляя между собою найденное оружіе. Въ Дофинэ и Бургундіи крестьяне нападаютъ на зàмки, жгутъ ихъ архивы и принуждаютъ помѣщиковъ къ бѣгству. Въ Провансѣ со дня на день ждутъ наступленія тѣхъ же фактовъ [2].

Виконтъ де Брокъ замѣчаетъ, что жакерія, сопровождавшая собою взятіе Бастиліи, распространилась далеко неравномѣрно на всѣ части Франціи. Она появлялась спорадически въ центрѣ, на югѣ и на западѣ и приняла эпидемическій характеръ только на востокѣ [3]. Цитируемый авторъ считаетъ эту жакерію второй по времени (первая происходила, какъ мы видѣли, въ Провансѣ ранѣе взятія Бастиліи); третья и четвертая жакерія воспослѣдовали въ 1790 и 1791 годахъ въ Бретани, Лимузенѣ,

---

[1]) La France pendant la révolution par le vicomte de Broc, томъ II, стр. 29.

[2]) Въ одномъ частномъ письмѣ отъ 30 августа 89 года, приводимомъ Густавомъ Бордъ (La prise de la Bastille, et les conséquences de cet événement dans les provinces par Gustave Bord, 2 partie, p. 217) значится: On ne brûle pas encore les chateaux, comme en Dauphiné et en Bourgogne; mais tout le monde se croit à la veille d'assister au spectacle de ces dévastations sauvages.

[3]) La France pendant la Révolution par le vicomte de Broc, томъ II 1891 года, стр. 166.

Кверси, Перигорѣ и сосѣднихъ съ ними провинціяхъ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ крестьяне систематически жгли всякаго рода феодальные документы, грамоты и признанія, съ очевидной цѣлью положить конецъ повинностямъ и платежамъ, не различая личныхъ отъ имущественныхъ, свободныхъ отъ выкупа и подлежащихъ ему. Въ Бургундіи и Ліоннэ послѣдовала пятая по счету жакерія въ 1791 году, когда повторились также крестьянскія возстанія и въ центрѣ, и на югѣ, и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ сѣверо-востока и запада. На этотъ разъ жертвою являются не феодальные сеньёры, а не принесшее гражданской присяги духовенство. Тэнъ думаетъ, что въ массовыхъ движеніяхъ, послѣдствіемъ которыхъ было гдѣ изгнаніе, а гдѣ и избіеніе прежнихъ епископовъ, пресвитеровъ и монаховъ, роль подстрекателей играли покупщики секуляризованной церковной собственности. Они желали имѣть дѣло съ духовенствомъ, простившимъ ихъ узурпацію. «Чтобы склонить священника къ присягѣ новому порядку, крестьянинъ беретъ его за шиворотъ» [1]). Но дѣло обстояло не совсѣмъ такъ. Въ «аграрныхъ» преступленіяхъ, происходившихъ на земляхъ бывшихъ аббатствъ и монастырей, всего чаще участвовали тѣ, кому не удалось купить земли съ публичныхъ торговъ: неимущее крестьянство, вытѣсненное побѣдоносными фермерами, не разъ скупавшими участки при денежной помощи секуляризованныхъ. Разсчетъ монаховъ былъ простой: уступая фермерамъ собственность, они сохраняли по отношенію къ нимъ положеніе кредиторовъ. При наступленіи ежечасно ожидаемой реакціи, земли легко могли вернуться къ прежнимъ владѣльцамъ въ возмѣщеніе займа [2]).

Мы указали общій характеръ городскихъ и сельскихъ волненій. Остановимся теперь на иллюстраціи его нѣкоторыми примѣрами. Слѣдующій фактъ изъ числа многихъ наглядно показываетъ, какое значеніе крестьяне связывали съ истребленіемъ мѣстныхъ архивовъ.

26-го іюля 1789 года владѣльцы замка Кулонжъ въ Нормандіи, господинъ и госпожа Монтрель, въ бумагѣ, прочитанной

---

[1]) Тэнъ, стр. 446 и слѣдующія.

[2]) См. Boris Minzes. (Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution (Iena 1892).

съ церковной паперти, заявляютъ о своемъ отказѣ отъ сеньеріальныхъ правъ. Но народъ не довольствуется этимъ обѣщаніемъ. Въ сопровожденіи синдика онъ отправляется въ замокъ Вожэ, гдѣ хранился архивъ помѣщика, и требуетъ сдачи бумагъ въ руки приходскаго священника и нотаріуса. Но и этой гарантіи ему кажется мало. На слѣдующій день въ сопровожденіи мѣстнаго духовенства и нотаріуса толпа, созванная набатомъ, отправляется къ помѣщику и принуждаетъ его къ немедленному составленію обѣщаннаго имъ отреченія. Въ сосѣднемъ замкѣ, принадлежащемъ графу Фротэ, возставшимъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы добиться подобнаго же отказа [1]. Нечего и говорить, что во многихъ мѣстностяхъ дѣло ограничивается не однѣми угрозами; но замѣчательно то, что факты насилія всегда направлены къ одной и той же цѣли—упраздненію сеньеріальныхъ поборовъ не на время, а навсегда. Вотъ почему крестьяне не довольствуются простымъ перерывомъ въ ихъ взиманіи, вотъ почему передъ замкомъ маркиза де Лапортъ-де-Лисакъ въ Лимузенѣ, воздвигается висѣлица со слѣдующей надписью: «здѣсь будетъ повѣшенъ всякій, кто вздумаетъ платить ренту помѣщику, а также самъ помѣщикъ, разъ онъ рѣшится предъявить такое требованіе» [2]. Вотъ почему крестьяне нерѣдко грабятъ не одни архивы, но и погреба, мебель и все, что находятъ въ замкѣ; вотъ почему они не разъ подымаютъ руку на владѣльца и его семью. Въ возстаніи участвуютъ не только подданные сеньера, но и жители сосѣднихъ селеній. Ими руководятъ нерѣдко оффиціально признанныя муниципальныя власти [3]. Мѣстные клубы и самозванные патріоты въ свою очередь непосредственно участвуютъ въ движеніи, разсылая анонимныя воззванія въ родѣ слѣдующаго: «врагъ вашъ живетъ въ замкѣ; сожгите его,—повелѣваетъ король» [4]. Жакерія сохраняетъ этотъ характеръ

---

[1] Ephémérides de la moyenne, de la basse Normandie et du Perche en 1789, par Louis Duval, p. 118 et suiv.

[2] Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin, par le comte de Seilhac, p. 112.

[3] Vicomte de Broc, стр. 171, 178.

[4] Ibid., стр. 171. Fleury слѣдующимъ образомъ описываетъ обычный

народнаго самоуправства и въ позднѣйшіе годы. Въ апрѣлѣ 1792 года прокуроръ — синдикъ дистрикта Сомміеръ въ департаментѣ Гаръ доноситъ начальству: «поджоги замковъ продолжаются. Никто ничего не крадетъ, но все подвергается разрушенію (personne ne vole, mais on detruit tout). Въ Patron, Sorignac, Combas, пламя пожираетъ притоны феодальнаго чудовища» [1]). Въ сосѣдствѣ съ Нимомъ возстаніе, какъ значится въ донесеніи департаментской директоріи къ министру внутреннихъ дѣлъ Ролану, грозитъ главнымъ образомъ замкамъ сеньеровъ. Во многихъ селахъ потребовали отъ помѣщиковъ титуловъ, удостовѣряющихъ ихъ феодальную собственность. У нѣкоторыхъ они отняты силою и истреблены на мѣстѣ [2]).

Во главѣ движенія стоитъ часто національная гвардія и избранныя муниципальныя власти, въ томъ числѣ мировые судьи. Въ серединѣ апрѣля 1792 года сеньеріальныя бумаги замка Баньоль складываются въ кучу высотою въ пять футовъ, которая зажигается затѣмъ со всѣхъ сторонъ. То же происходитъ въ St. Michel, Laudon, Venéjean, St. Gervais, гдѣ мятежниками предводительствуетъ начальникъ національной гвардіи [3]). Подчасъ, чтобы добраться до бумагъ, берутъ замокъ штурмомъ; такъ, напримѣръ, въ дистрикѣ Uzès рядъ помѣщиковъ поставленъ въ необходимость согласиться на истребленіе архивовъ послѣ предварительнаго грабежа ихъ резиденцій. Подъ ножомъ или дуломъ ружья отказываются они отъ всѣхъ своихъ правъ на личность и собственность крѣпостныхъ. «Мы потеряли вся-

---

ходъ мятежа въ департаментѣ Энъ: народъ переходилъ изъ селенія въ селеніе, сопровождаемый не разъ королевскимъ нотаріусомъ. По разгромленіи замка, толпа собиралась въ кругъ. Въ середину его ставили столъ, за которымъ устраивался нотаріусъ. Сеньера или его управляющаго принуждали къ немедленной явкѣ. Наскоро изготовлялся актъ, въ которомъ сеньеръ головою своею клялся, что никогда впредь не будетъ осуществлять своихъ владѣльческихъ правъ съ крестьянъ, (См. La noblesse du département de l'Aisne de pendant la révolution (Bulletin de la société académique de Laon, XVIII, стр. 176).

[1]) Henri Mazel. La Révolution dans le Midi, l'incendie des châteaux du Bas Languedoc. Nantes, 1886.

[2]) Ibid., стр. 28.

[3]) Ibid., стр. 41.

кую надежду остановить ходъ мятежа,—пишетъ мѣстный прокуроръ-синдикъ.—Онъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, пріобрѣтая характеръ общаго заговора противъ бумагъ и титуловъ феодальной собственности» [1]).

Въ дистриктѣ Алэ происходитъ приблизительно то же. Неизвѣстно откуда являются вымышленные тайные приказы національнаго собранія и какіе-то списки аристократовъ и священниковъ, составившихъ якобы заговоръ противъ новыхъ порядковъ [2]).

Но сожженіемъ феодальныхъ архивовъ не ограничиваются возставшіе. Сплошь и рядомъ они дѣлаютъ попытку присвоенія пустопорожнихъ земель, состоявшихъ нѣкогда въ совмѣстномъ пользованіи сеньёровъ и ихъ сервовъ. Подобные въ этомъ отношеніи англійскимъ «диггерамъ» середины XVII вѣка, бунтовщики не заносятъ рукъ на снабженную оградами собственность и признаютъ свободными для занятія только общинныя земли. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, повторяется не разъ на протяженіи всей Франціи. Во многихъ мѣстностяхъ лица, занявшія «коммунальныя поля» (les communes), обращаются къ собранію съ ходатайствами, въ которыхъ выступаетъ та особая точка зрѣнія, съ какой они смотрятъ на свою узурпацію. Они говорятъ о томъ, что долгое время ждали надѣленія ихъ самимъ правительствомъ непроданными въ частныя руки пустошами изъ національныхъ земель. Они не отказываются отъ платежа ренты государству. Имъ дорогъ не титулъ собственности, а возможность найти заработокъ въ воздѣлываніи почвы. Борисъ Минцесъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, приводитъ рядъ подобныхъ ходатайствъ, открытыхъ имъ въ Версальскомъ архивѣ.

Онѣ принадлежатъ по времени къ началу 1793 года, когда, по словамъ администратора національныхъ имуществъ въ дистриктѣ, сельскіе обыватели, долгое время надѣявшіеся на полученіе участковъ пустопорожней земли, потеряли всякое терпѣніе. Они хотятъ взяться за сельское хозяйство и готовы

---

[1]) Ibid., стр. 45.
[2]) Ibid., стр. 51 и 53.

платить за землю, пишетъ цитируемый нами администраторъ. Не получая ничего отъ правительства, они рѣшили сами раздѣлить между собою состоящія въ общемъ владѣніи поля. Число участвующихъ въ такомъ насильственномъ вводѣ во владѣніе рѣдко когда достигаетъ ста дворовъ. Обыкновенно рѣчь идетъ о восьмидесяти, восьмидесяти-четырехъ и т. д. заимщикахъ, что не мѣшаетъ, однако, мѣстной директоріи съ справедливымъ опасеніемъ смотрѣть на эти попытки «раздѣла земель безъ всякаго къ тому законнаго титула [1]).

Факты, подобные только что приведеннымъ, происходятъ во многихъ мѣстностяхъ Франціи еще въ 1790 и слѣдующихъ двухъ годахъ. «Въ департаментѣ Гаръ пишетъ Генрихъ Мазель, многіе приступили къ захвату общинныхъ земель въ ожиданіи того момента, когда можно будетъ раздѣлить между собою частную собственность [2]).

Подлежащей раздѣлу крестьяне признаютъ нерѣдко и находящуюся въ рукахъ помѣщика лѣсную площадь. Такъ, въ дистриктѣ Бокэра, въ апрѣлѣ 1792 года, 80 человѣкъ, изъ селенія Компсъ, предлагаютъ сосѣдямъ срубить за-одно съ ними расположенныя по теченію Роны рощи, составлявшія собственность ихъ бывшаго сеньёра. Не нашедши поддержки, онѣ рѣшаются тѣмъ не менѣе произвести рубку на свой страхъ. «Что можетъ сдѣлать намъ дистриктная директорія? говорятъ они, развѣ она не допустила подобныхъ же раздѣловъ въ сосѣднемъ селеніи Монфренъ? Не воспользуемся мы сами представившейся возможностью,—сосѣдніе поселяне заступятъ наше мѣсто» [3]).

Тэнъ, въ свою очередь, нашелъ въ архивахъ не мало данныхъ, показывающихъ, что жакерія не разъ принимала характеръ аграрнаго движенія, вызываемаго желаніемъ участвовать въ раздѣлѣ пустошей и конфискованной у духовенства

---

[1]) Lettre du district de Versailles. 20 fevrier 1793. Le directoire ne vous cachera point qu'il est douleuresement affecté de l'insurrection qui se manifeste dans ces différentes communes et sur l'acharnement qu'elles mettent à vouloir se partager des terreins dont elles n'ont aucunement la propriété... (Boris Minzes, стр. 75). См. также стр. 72 и 77.

[2]) Henri Mazel. La révolution dans le Midi, стр. 7. См. также стр. 30.

[3]) Ibid., стр. 30, 33.

собственности. Въ Феаншъ-Конте, по словамъ оффиціальныхъ отчетовъ, крестьяне самовольно дѣлятъ между собою еще въ 1789 году сеньеріальные луга и лѣса [1]).

Въ департаментѣ Крёзы, въ особенности въ гористыхъ округахъ, они, «признавая себя націей, а имущества церкви національными, требуютъ, чтобы мѣсто продажи занялъ раздѣлъ». Пятьдесятъ приходовъ въ окрестностяхъ Сутеренъ получили воззванія, приглашающія ихъ съ оружіемъ въ рукахъ явиться въ городъ и потребовать подъ страхомъ смерти выдачи имъ всѣхъ титуловъ на землю. Съ восьми льё въ окружности сходятся поселяне подъ звуки набата; ихъ можно насчитать до четырехъ тысячъ. Въ концѣ шествія тянется телѣга, наполненная оружіемъ. Въ Дордонѣ къ требованію выдачи феодальныхъ титуловъ присоединяется ходатайство и о раздѣлѣ земель. Въ Риберакѣ народные ораторы также возбуждаютъ въ своихъ рѣчахъ аграрный вопросъ, ссылаясь на то, что имущества церкви признаны достояніемъ націи [2]). Если присоединить къ сказанному частую пріостановку въ платежѣ податей, усиленную контрабанду солью, совершенное прекращеніе всякихъ взносовъ въ пользу церкви и помѣщика, одиночныя попытки установить низкій максимумъ цѣнъ на съѣстные припасы и обезпечить продовольствіе суровыми мѣрами противъ скупщиковъ, получится въ общемъ картина крайне энергической, правда, но въ то же время вполнѣ сознательной политики, цѣлью которой является переходъ безземельнаго батрака въ ряды собственниковъ, сложеніе налоговъ съ малоземельныхъ или безземельныхъ и обезпеченіе имъ дешеваго продовольствія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ—въ Ніорѣ, дворяне принуждены подписать не только отказъ отъ привилегій, но и обѣщаніе равенства въ обложеніи [3]). Въ окрестностяхъ Бельфора и Везуля ходитъ слухъ о томъ, что король освободилъ крестьянство отъ налоговъ [4])

Въ городахъ причина волненій лежитъ обыкновенно въ дороговизнѣ хлѣба и въ нежеланіи платить налоги, падающіе на по-

---

[1]) Тэнъ, стр. 105.
[2]) Тэнъ, томъ I, стр. 379, 382, 383.
[3]) Тэнъ, стр. 96.
[4]) Ibid., стр. 98.

требленіе. Съ особенной силой сказываются эти факторы народнаго недовольства въ столицѣ, гдѣ въ 1786 году насчитывалось 200,000 человѣкъ, собственность которыхъ не достигала и 50 экю, а въ годъ революціи 120,000 человѣкъ нуждались въ работѣ и не находили ея [1]).

Венеціанскій посолъ Капело уже 20 апрѣля 1789 года говоритъ о волненіяхъ, происшедшихъ въ Марселѣ, Эксѣ и Тулонѣ и вызванныхъ желаніемъ уменьшить до четырехъ су цѣну фунта мяса и до двухъ цѣну хлѣба [2]). Одинъ изъ первыхъ парижскихъ мятяжей, кончившійся убійствомъ ни въ чемъ неповиннаго булочника, также не имѣлъ въ основаніи другой причины, кромѣ дороговизны припасовъ и дурнаго качества хлѣба. Но какъ ни интересна сама по себѣ эта сторона народныхъ движеній, мы не въ правѣ остановиться на ней, такъ какъ въ характерѣ тѣхъ мѣропріятій, какими народъ пытался парализовать страшныя послѣдствія неурожая, не выступаютъ его воззрѣнія на задачи соціальной реформы, если не считать ими протеста противъ скупщиковъ, желанія задержать вывозъ не только за-границу, но и изъ провинціы въ провинцію, добиться регламентаціи заработка мельниковъ и булочниковъ, отмѣнить отражающіеся на цѣнѣ припасовъ налоги на помолъ и городскія пошлины (octrois) [3]).

Но въ движеніяхъ городскаго простонародья можно отмѣтить и другую черту, тѣсно связанную съ тѣмъ безъисходнымъ положеніемъ, въ какомъ оно очутилось благодаря дороговизнѣ. Моненъ дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ приходо-расхода парижскаго рабочаго въ августѣ 1789 года: главѣ семейства, состоящаго изъ родителей и трехъ дѣтей, приходится платить въ годъ 40 су поголовной подати и затрачивать ежедневно шесть фун-

1) Мемуары Безенваля, Мармонтеля и Ферьера, цитированные Тэномъ, стр. 33.

2) См. Депешу за № 177.

3) Подробности о той роли, какую дороговизна хлѣба играла въ подготовленіи народныхъ мятежей, можно найти въ сочиненіи Шмидта, переведенномъ на французскій языкъ Віоле (Paris pendant la Révolution въ 3 томахъ); въ сочиненіи Драмара (Dramard) La Disette de 1789—à 1792—jusqu'à la loi du Maximum), у Аѳанасьева (Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ), наконецъ, у Тэна въ I томѣ его Révolution.

товъ хлѣба, на сумму $22^1/_2$ су. Его заработокъ не свыше 36 су. $13^1/_2$ су въ день должно хватить поэтому на покрытіе всѣхъ прочихъ издержекъ; четверть года отходитъ подъ праздники и воскресные дни, проводимые безъ работы. Жена могла бы увеличить бюджетъ на пять—шесть су въ день, но ей приходится проводить цѣлое утро у входа въ булочную, ожидая очереди [1]).

Революція застала уже, какъ мы видѣли, рабочихъ въ крайне затруднительномъ положеніи, и памфлетная литература выразила ихъ недовольство, говоря о заработкахъ, опредѣляемыхъ «неутолимой алчностью и смертоносными принципами необузданной роскоши» [2]). Многіе изъ тѣхъ вопросовъ, какіе ежедневно ставитъ на очередь необезпеченность заработка и возможность забастовокъ волновали уже французское общество конца прошлаго столѣтія. Въ Ліонѣ, Шателеро, Нимѣ, а тѣмъ болѣе въ Парижѣ рабочій вынужденъ былъ довольствоваться самымъ скуднымъ пропитаніемъ, отказывать себѣ въ винѣ и довольствоваться хлѣбомъ и похлебкой [3]). Въ Ліонѣ, 17-ти и даже 18-ти часовая работа не всегда ставила въ возможность обойтись безъ чужой помощи. Наказъ ліонской сенешоссеи не даромъ говоритъ о крайней бѣдности трудящагося люда и то же повторяютъ наказы д'Обюссонъ (d'Aubusson) и другихъ промышленныхъ центровъ, верхней Маршъ [4]). Въ Нормандіи 40 тысячъ рабочихъ остаются безъ занятій [5]). Эта обездоленная масса настоящихъ пролетеріевъ всего болѣе терпѣла, разумѣется, отъ сокращенія района французской промышленности, вызваннаго, какъ мы видѣли, только отчасти торговымъ договоромъ съ Англіей 1786 года. Вздорожаніе цѣнъ на припасы въ связи съ тѣми необходимыми сокращеніями въ издержкахъ, на которыя должны были рѣшиться зажиточные классы среди разгара революціонныхъ страстей, въ то время, когда всѣ заботы исключительно были направлены на самосо-

---

[1]) Monin (Journal d'un bourgeois de Paris), стр. 231.

[2]) Cahier des pauvres.

[3]) См. Valin, Le passé et la révolution, стр. 19.

[4]) Levasseur, Histoire de la classe ouvrière, томъ III, стр. 18 и 76.

[5]) Floquet, Histoire du parlement de Normandie VII, 505, 518. (Représentations du parlement de Normandie, 3 mai 1788; lettre du Parlement au roi, 15 juillet 1789).

храненіе, наконецъ, начавшаяся вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи эмиграція столповъ феодальной знати, все это вмѣстѣ взятое необходимо ставило рабочій классъ въ самыя тяжкія матеріальныя условія. Уже въ началѣ сентября 1789 года Люше въ редактируемомъ имъ журнялѣ жаловался на то, что мануфактуристы не держатъ и половины прежняго числа рабочихъ [1]). Если въ наказахъ мало отражается это безъисходное положеніе трудящагося люда, то причина тому лежитъ главнымъ образомъ въ томъ, что рабочіе почти не участвовали въ ихъ составленіи. Еще задолго до изданія Тюрго эдикта 1776 года, отмѣнявшаго цеховое устройство въ предместьѣ Св. Антонія, можно было встрѣтить массы рабочихъ, отказывавшихся отъ оплаты правъ мастера и подчиненія регламентировавшимъ трудъ статутамъ. Здѣсь сосредоточивался главный контингентъ поденщиковъ и простыхъ ремесленниковъ [2]).

Эти рабочія предмѣстья и лишены были въ 1788 г. права голоса. Всего 25 тысячъ человѣкъ приняли въ Парижѣ участіе въ выборахъ средняго сословія. 150 тысячъ обречены были на молчаніе въ силу закона. По словамъ Монжуа (Montjoie), котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ демократіи [3]) одни высшіе слои буржуазіи приняли участіе въ первичныхъ собраніяхъ: члены академій, адвокатуры, нотаріусы, богатые негоціанты, артисты, мастера [4]). Одна изъ появившихся въ это время брошюръ заявляетъ протестъ противъ почти поголовнаго устраненія трудящагося люда отъ выборовъ [5]). Другія ставятъ себѣ задачей выразить требованія тѣхъ, кому отказано было въ правѣ голоса.

Вотъ краткій перечень тѣхъ заявленій, какія, несмотря на отсутствіе рабочихъ на парижскихъ выборахъ, попали тѣмъ не

---

[1]) Journal de la Ville, № 42 9 сент. 89 года, par Jean Pierre Louis de Luchet.

[2]) Chassin, Le génie de la Révolution, т. I, стр. 284.

[3]) Онъ редактировалъ газету „l'Ami du roi".

[4]) См. La Municipalité parisienne et la révolution (par Paul Robiquet), Revue historique, Juillet-Août 1791, стр. 314.

[5]) Petition de 150,000 ouvriers et artisans de Paris (Chassin, т. II, стр. 592).

менѣе въ составъ нѣкоторыхъ окружныхъ наказовъ столицы; памфлетная литература и частные кайе только рѣзче выразили тѣ же запросы. Наказъ дистрикта Св. Маркелла: «въ каждой общинѣ и въ каждомъ кварталѣ должны быть основаны мастерскія для призрѣнія не находящихъ занятія рабочихъ (ateliers de charité). Въ нихъ всякій нуждающійся въ правѣ разсчитывать на работу, каково бы ни было его ремесло. Плата не должна быть меньше двухъ третей той, какую получаютъ рабочіе у частныхъ предпринимателей». Дистрикъ Св. Іосифа: «поденщики и всѣ тѣ, чье существованіе не обезпечено получаемымъ ими заработкомъ, должны быть свободны отъ всякаго налога, не исключая и поголовнаго». Дистриктъ Сентъ-Этьена дю Монъ, повторяя то же требованіе, говоритъ: «избиратели желали бы уменьшить пропорціонально доли небогатыхъ отцовъ семействъ, обремененныхъ множествомъ дѣтей». Дистриктъ Св. Андрея (Saint-André des Arts): «провинціальные штаты на протяженіи всей Франціи и въ частности въ Парижѣ должны установить максимумъ цѣнъ на хлѣбъ, мясо, вино, уголь, дрова и всѣ предметы первой необходимости». Дистриктъ Св. Елизаветы: цѣна хлѣба должна быть понижена такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ четыре фунта не обходились дороже полуливра». Въ округѣ Св. Лаврентія избиратели требуютъ сосредоточенія въ рукахъ назначенныхъ народомъ лицъ заботъ о продовольствіи и между прочимъ установленіе цѣнъ на зерно и муку. Въ дистриктѣ Маглуаръ предъявляется запросъ на дешевый кредитъ для народа. «Mont-de-piété, значится въ cahier этого округа, долженъ быть поставленъ на такую ногу, чтобы бѣдные могли найти въ немъ помощь, а не средство къ разоренію». И то же повторяетъ наказъ улицы Шароннъ, требуя, чтобы неимущимъ былъ открытъ даровой кредитъ въ теченіе года [1]).

Къ этимъ запросамъ частные наказы, подобные тому, какой представленъ былъ бюро дистрикта Saint-Etienne du Mont подъ названіемъ «Кайе бѣдныхъ», присоединяютъ требованіе, чтобы

---

1) Chassin, Elections et cahiers de Paris, томъ II, стр. 409, 416, 420, 423, 435, 477, 479. Его же, le Génie de la révolution, томъ I, стр. 293 и 294.

всякій, кто готовъ работать, обезпеченъ былъ въ средствахъ къ существованію. «Надо поспѣшить открытіемъ національныхъ мастерскихъ,—прибавляетъ отъ себя авторъ памфлета: «Четыре призыва патріота», установить плату рабочимъ, заставить богатыхъ находить занятія для несостоятельныхъ, раздать свободнымъ рукамъ земли для корчеванья. Только этими средствами можно предупредить возстаніе двадцати милліоновъ человѣкъ, не имѣющихъ собственности [1]).

«Ваше Величество!—пишетъ въ свою очередь авторъ «Аргументовъ бѣдныхъ на генеральныхъ штатахъ»,—необходимо основать на церковныхъ земляхъ приказы общественнаго призрѣнія и оказывать помощь всѣмъ, кто нуждается и жилъ сообразно правиламъ чести и честности. Почему бы не предоставить имъ дохода отъ монастырскихъ имуществъ? почему также не поселить калѣкъ и недужныхъ въ монастыряхъ?» [2]). Такъ называемый наказъ четвертаго сословія требуетъ полной свободы отъ податей для неимущихъ. Нѣсколько брошюръ передаютъ недовѣріе рабочихъ къ выставляемымъ причинамъ дороговизны, говоря, что Франція страдаетъ отъ голода, не зная въ то же время неурожая [3]).

«Вся бѣда лежитъ въ томъ, что аристократы преднамѣренно задерживаютъ поступленіе хлѣба на рынокъ»,—читаемъ мы въ другой брошюрѣ, самое уже заглавіе которой—«Травля монополистовъ хлѣба»—заключаетъ въ себѣ призывъ къ мятежу [4]).

При первыхъ же движеніяхъ въ столицѣ оказывается рознь рабочихъ и предпринимателей,—рознь, начало которой положено было цѣлыми столѣтіями раньше. Не даромъ же еще въ 1694 году правительство считало нужнымъ преслѣдовать стачки, запрещать рабочимъ всякія коллективныя ходатайства объ увеличеніи заработной платы. Въ оффиціальной корреспонденціи за 1782 и ближайшіе годы,—корреспонденціи, хранимой въ архивѣ департамента Aube, Бабо нашелъ доказательство тому, что ра-

---

[1]) Chassin, Le Génie de la révolution, томъ I, стр. 287 и слѣдующія.

[2]) Chassin, Elections et cahiers de Paris, томъ II, стр. 589.

[3]) Famine sans disette tel est le cri populaire (Essai d'un citoyen sur les causes de la famine). Ibid., томъ II, стр 574.

[4]) Ibid., стр. 571.

бочія товарищества или такъ называемыя compagnonnages, оказывали сильное давленіе на предпринимателей. Въ бумажномъ производствѣ, напримѣръ, не рѣдки случаи, въ которыхъ товарищества налагали, по собственному ихъ выраженію, интердиктъ на того или другаго хозяина, т. е. запрещали всѣмъ своимъ членамъ брать у него работу. Въ свою очередь хозяева не разъ требовали отъ полиціи личнаго задержанія тѣхъ изъ рабочихъ, которые покидали ихъ, не выполнивъ условія [1]). Въ Парижѣ въ 1788 году повторяются подобныя же столкновенія. По словамъ Мерсье, отовсюду слышатся жалобы мастеровъ на лицъ, состоящихъ у нихъ на службѣ. Всѣ точно сговорились добиться увеличенія жалованья, грозя въ противномъ случаѣ оставленіемъ работы [2]).

Въ наказахъ средняго сословія Монпелье и Нима повторяются тѣ же сѣтованія на рабочія товарищества и производимыя ими стачки [3]).

Такимъ образомъ еще до созыва генеральныхъ штатовъ и въ провинціяхъ, и въ столицѣ нерѣдки были случаи столкновеній между патронами и служащими, и неудивительно, если одинъ изъ первыхъ мятежей вспыхнулъ на фабрикѣ обоевъ нѣкоего Ревельона, разбогатѣвшаго рабочаго, которому несправедливо приписывалось слѣдующее заявленіе. «Рабочій, сказалъ якобы въ собраніи средняго сословія округа Св. Маргариты оклеветанный фабрикантъ, можетъ легко просуществовать на пятнадцать су въ день, и не только одинъ, но съ женою и дѣтьми». На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ письма маркиза Силльери къ де-Савиньи, въ своей рѣчи Ревельонъ только указывалъ на тотъ фактъ, что съ платимыми имъ въ день 40 су рабочіе живутъ теперь хуже, чѣмъ прежде на 15 су [4]). По отобраннымъ показаніямъ, одного слуха о томъ, что низкій уровень заработной платы находитъ открытую защиту въ избирательныхъ собраніяхъ, достаточно было, чтобы поднять тысячи рабочихъ: фабрика разграблена и въ про-

---

[1]) См. Babeau (Artisans et domestiques, стр. 34, 51).

[2]) Mercier, Tableau de Paris, VIII, 323, 324.

[3]) Arch. Parl., томъ IV, стр. 51 и 243.

[4]) Tuetey, Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la révolution, 1890, т. I, стр. XXI, XXII.

исшедшей затѣмъ свалкѣ между толпою и войскомъ пятьдесятъ человѣкъ ранено или убито [1]).

По мѣрѣ приближенія къ 14 іюля, дню взятія Бастиліи, матерьяльныя условія рабочаго люда съ каждымъ днемъ становятся хуже и хуже. Чтобы дать занятіе нуждающимся, муниципальныя власти Парижа при содѣйствіи государственной казны призываютъ 12 тысячъ человѣкъ къ землянымъ работамъ на Монмартрскомъ холмѣ и платятъ каждому ежедневно 20 су. Но эта мѣра только привлекаетъ въ Парижъ массы голодныхъ крестьянъ, и набережная покрывается тысячами людей, праздныхъ и поставленныхъ въ необходимость просить милостыню [2]). Этимъ пролетаріямъ прежде всего недостаетъ хлѣба. Неудивительно, если въ первомъ по времени мятежѣ, 25 апрѣля, жертвою котораго была фабрика Ревельона, мы уже встрѣчаемъ нападеніе на булочника въ Rue de Bretagne [3]). Съ 12 по 13 іюля общимъ крикомъ является «оружія и хлѣба». Возстаніе, во время котораго венеціанскій посолъ Капелло съ часу на часъ ждалъ гибели для себя и всѣхъ членовъ миссіи, ознаменовывается между прочимъ разграбленіемъ хлѣбныхъ магазиновъ аббатства Сенъ-Жерменъ и разрушеніемъ всѣхъ заставъ, начиная съ предмѣстья св. Антонія и оканчивая предмѣстьемъ Сенъ-Онорэ [4]). Но хлѣбъ, временно упавшій въ цѣнѣ, послѣ насильственнаго вскрытія запасныхъ амбаровъ и свободнаго подвоза его въ столицу, въ виду насильственной отмѣны octrois, быстро начинаетъ дорожать. Правда, попытка возстановить таможенныя заставы оканчивается полнымъ неуспѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ дистриктахъ высказывается намѣреніе воспротивиться этому силой, пуская въ ходъ даже пушки [5]); 5-го октября дурное качество хлѣба и его дороговизна являются ближайшимъ поводомъ къ движенію парижской черни въ Версаль. Въ томъ же мѣсяцѣ отдѣльные округа столицы предлагаютъ принятіе слѣдующихъ мѣръ къ уменьшенію народной нужды: установить

1) Ibid., стр. XXIX.
2) Сравни Taine, la Révolution, томъ I, стр. 33.
3) Ibid., стр. 40.
4) Marmontel, Mémoires, IV, стр. 310.
5) Taine, стр. 109.

надзоръ надъ булочниками, продавать имъ на рынкѣ количество муки, не превосходящее ихъ ежедневнаго расхода, заставить мельниковъ заняться помоломъ дешевыхъ сортовъ хлѣба—ржи и ячменя, сдѣлать опись всѣмъ запасамъ, имѣющимся у собственниковъ и фермеровъ; принудить ихъ къ молотьбѣ и, въ случаѣ недостачи рабочихъ, поставить имъ молотильщиковъ, подчиняя ихъ въ то же время обязательству немедленной посылки зерна на рынокъ; выписать хлѣбъ изъ-за границы и установить во всемъ королевствѣ общую цѣну на зерно и муку. Это, полагаютъ, помѣшало бы спекуляціямъ крупныхъ и богатыхъ арендаторовъ, закупающихъ хлѣбъ и хранящихъ его въ своихъ магазинахъ. Равная цѣна поддержала бы во всѣхъ производителяхъ одинаковое рвеніе, положила бы конецъ спекуляціямъ. Рекомендуется заточеніе виновныхъ и обращеніе конфискованнаго въ пользу доносчиковъ. Предвидя то возраженіе, что подобныя мѣры противорѣчатъ принципу собственности, предлагающіе ихъ говорятъ: «кому, какъ не націи принадлежитъ наша свобода и достояніе? можемъ ли мы требовать для себя чего въ особенности, когда наши сограждане страдаютъ, и гибель государства можетъ быть предупреждена только пожертвованіемъ. Все принадлежитъ родинѣ—свобода, имущество, сама жизнь; мы всѣмъ должны пожертвовать для ея спасенія [1]).

Я привелъ сполна постановленіе одного изъ рабочихъ округовъ Парижа, дистрикта св. Маркела, такъ какъ оно, какъ нельзя лучше, отражаетъ на себѣ ту точку зрѣнія, съ какой низшіе классы парижскаго населенія смотрѣли на обязанности правительства въ борьбѣ съ наступающимъ голодомъ. Это та самая, какой не разъ придерживались городскія демократіи Италіи [2]) и которая не далѣе, какъ въ 1793 году, поведетъ къ установленію легальнаго максимума. Въ первые годы революціи

---

1) District de St.-Marcel. Extrait des registres de ses délibérations du 7 Nov. 1789. Subsistances, taxe du prix du blé et seigle, seule manière d'amener l'abondance. Британскій музей. Bibliotêque de la Révolution française. №№ 476, 7, 8.

2) См. статью, напечатанную мною въ Московскомъ сборникѣ для голодающихъ: „Хлѣбная политика итальянскихъ республикъ въ XIII и XIV вѣкахъ".

голосъ пролетаріевъ не былъ услышанъ, и недостаточность мѣръ, принятыхъ къ обезпеченію продовольствія, вызвала въ Парижѣ рядъ новыхъ мятежей и потребовала новыхъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, въ родѣ булочника Франциса, убитаго толпой на глазахъ у беременной жены по одному подозрѣнію, что онъ не расходуетъ на печенье всѣхъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ. Но чего не рѣшалась сдѣлать муниципальная администрація Парижа, то не разъ приводимо было въ исполненіе городскими властями въ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Такъ, въ Нанжисѣ запрещено было покупать за-разъ болѣе двухъ буассо хлѣба. Въ Медонѣ никто не смѣлъ купить пшеницы, не взявъ равнаго количества ячменя. Въ Бургѣ и Маконѣ нельзя было покупать хлѣбъ внѣ рынка. Рядъ городовъ въ Бретани, Нормандіи, Провансѣ, Бри и Пуату, Суасоннэ и Брессѣ, вопреки новому декрету, отъ 29 августа, подтверждавшему свободный провозъ хлѣба изъ провинціи въ провинцію, останавливали обозы. [1]). Эти мѣропріятія падали всѣмъ своимъ бременемъ на города со значительнымъ населеніемъ, въ родѣ Нанта, Гавра и Руана. По Луарѣ и Сенѣ должны были крейсировать люгера съ цѣлью препятствовать захвату хлѣбныхъ грузовъ [2]).

Не останавливаясь долѣе на исторіи городскихъ мятежей, вызванныхъ дороговизной хлѣба, я обращу вниманіе на тѣ столкновенія, поводъ къ которымъ въ 1790 и 1791 годахъ подало рѣшеніе національнаго собранія и парижскаго муниципалитета съ одной стороны отмѣнить государственную помощь безработнымъ, а съ другой воспрепятствовать свободѣ ассоціацій и стачекъ. Первое вызвано было пріостановкою той помощи, какую дотолѣ правительство оказывало столицѣ съ цѣлью доставленія работы нуждающимся. Ремесленники спѣшили воспользоваться этой возможностью, золотыхъ дѣлъ мастера, наравнѣ съ мелочными торговцами, добивались вступленія въ національныя мастерскія, довольствуясь заработкомъ въ 20 су ежедневно [3]). Недостатокъ работы не мѣшаетъ однако нѣкото-

---

[1]) См. Аѳанасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ, стр. 461 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 465. См. также Taine, томъ I, стр. 112, 330 и слѣдующія.

[3]) Mercier, Tableau de Paris, v. X, стр. 151.

рымъ цеховымъ, въ частности портнымъ и сапожникамъ, настаивать на увеличеніи ихъ заработковъ. Первые желаютъ поденной платы въ 40 су и устраненія всякой конкурренціи со стороны старьевщиковъ; вторые запрещаютъ изготовленіе обуви по удешевленной цѣнѣ, ниже положенной. Виновные должны подвергнуться изгнанію изъ королевства. Одновременно прислуга, доходъ который исчезаетъ съ развитіемъ эмиграціи и прекращеніемъ пріемовъ, требуетъ устраненія конкурренціи савояровъ и изгнанія ихъ изъ Парижа [1]). Число рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ, быстро возрастаетъ съ 12 до 17 тысячъ. Въ 1790 году правительство, все съ тою же цѣлью доставить занятіе нуждающимся, не только продолжаетъ начатыя на Монмартрѣ земляныя работы, но и доставляетъ женамъ рабочихъ подмогу, раздавая имъ матеріалъ для пряжи и опредѣляя поденную плату. Весною 1791 года число всѣхъ получавшихъ правительственную помощь возрасло до 31 тысячи и ежедневная затрата на ихъ содержаніе была не меньше 60,000 ливровъ. Такія пожертвованія оказались не подъ силу, особенно съ тѣхъ поръ, когда давно уже не поступавшіе городскіе сборы отмѣнены были окончательно закономъ 1 мая 1791 года. Національное собраніе рѣшило поэтому закрыть мастерскія къ началу іюня и сдѣлало постановленіе о высылкѣ на родину находившихъ въ нихъ занятіе рабочихъ [2]). Вотъ къ чему свелось провозглашенное еще Тюрго и съ успѣхомъ примѣненное имъ во время голода въ Лимузенѣ право на трудъ и необходимость государственнаго содѣйствія. Рабочимъ ничего не оставалось болѣе какъ разсчитывать на самихъ себя, на ту помощь, какую во всѣ критическіе моменты своего существованія, начиная съ эпохи «черной смерти» XIV в. и правительственнаго регулированія заработковъ къ ихъ невыгодѣ, они всегда находили въ принципѣ свободной ассоціаціи. Неудивительно, если взамѣнъ упраздненныхъ національнымъ собраніемъ цеховъ и товариществъ возникаютъ въ теченіе 1790 г. рабочіе союзы, изъ которыхъ едва ли не первымъ былъ союзъ французскихъ плотниковъ, принявшій наименованіе «общества обя-

---

1) Taine, стр. 115 тома I.

2) Adolphe Schmidt, Paris pendant la révolution, томъ II, стр. 125).

занностей». Задачей, какую поставило себѣ это общество, было принужденіе предпринимателей къ увеличенію поденной платы путемъ стачекъ. Примѣру плотниковъ послѣдовали типографщики. Возникли переговоры съ патронами и городскому совѣту удалось даже почти склонить ихъ къ согласію на увеличеніе жалованья. Число членовъ рабочихъ ассоціацій и самихъ этихъ союзовъ начало замѣтно возрастать. Сдѣланы были попытки установить между ними постоянную корреспонденцію, а также вызвать къ жизни однохарактерные союзы въ департаментахъ и подчинить ихъ совѣту и руководительству столицы. Повсюду дѣятельность этихъ обществъ приняла то же направленіе, какому слѣдуютъ въ настоящее время англійскіе trade-unions. Въ ходъ пущены были мѣры нравственнаго принужденія даже по отношенію къ тѣмъ, кто не желалъ примкнуть къ стачкѣ. Всюду требовали отъ патроновъ высшей платы туземнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ рабочее сословіе обнаружило стремленіе внести въ свою внутреннюю организацію начало солидарности. Оно хотѣло сплотиться въ видахъ болѣе успѣшнаго отстаиванія своихъ интересовъ противъ интересовъ предпринимателей [1]). Мы увидимъ вскорѣ, какъ отнеслось учредительное собраніе къ этому новому запросу народныхъ массъ или, вѣрнѣе сказать, къ этой попыткѣ сохранить отъ осужденной революціей цеховой организаціи нѣкогда вызвавшее ее къ жизни начало экономической солидарности.

При всей своей краткости, представленный нами очеркъ позволяетъ отвѣтить на вопросъ, какихъ именно реформъ требовалъ не представленный на штатахъ классъ городскихъ рабочихъ. Если для крестьянъ главнымъ дѣломъ была отмѣна сеньеріальнаго права и надѣленіе ихъ землею, все равно—въ собственность или аренду, для рабочихъ удешевленіе средствъ къ жизни и обезпеченіе достаточнаго заработка стояло на первомъ планѣ. И тѣ, и другіе сходились въ желаніи пріурочить конфискованныя государствомъ имущества вполнѣ или отчасти къ цѣлямъ общественнаго призрѣнія, обращая прежнія мона-

---

[1]) Du Cellier, Histoire des classes laborieuses. Стр. 460; и Sybel, французское изданіе (Histoire de l'Europe pendant la révolution), томъ I, стр. 241.

стырскія обители въ общественныя мастерскія, отдѣляя на благотворительность часть поступающаго съ церковныхъ земель дохода или вырѣзывая надѣлы для безземельныхъ изъ монастырскихъ пустырей, общинныхъ выгоновъ и лѣсовъ. И въ другомъ отношеніи требованія простаго народа въ селахъ и городахъ были тождественны. Не только равенство налога, но и свобода отъ него для всѣхъ, кто жилъ исключительно заработкомъ, была равно желательна и сельскимъ батракамъ, и городскимъ пролетаріямъ. Отсюда ихъ общая ненависть къ косвеннымъ податямъ, налогамъ на потребленіе, ведущимъ за собою вздорожаніе припасовъ, къ частнымъ и правительственнымъ монополіямъ, увеличивающимъ цѣну помола, печенаго хлѣба, необходимой для пропитанія и скотоводства соли. Не разъ старались представить противорѣчіе интересовъ рабочихъ съ интересами крестьянъ въ вопросѣ о регламентаціи хлѣбной торговли, указывая на случаи прекращенія подвоза хлѣба на рынокъ въ отвѣтъ на попытки регламентировать его продажу. Если такіе факты на самомъ дѣлѣ имѣли мѣсто, а въ ихъ существованіи нѣтъ основанія сомнѣваться, то они еще не доказываютъ, чтобы малоземельный крестьянинъ, едва покрывавшій свои потребности, особенно могъ испытывать неудобство порядковъ, тормозящихъ оптовую торговлю припасами. Подобныя мѣры были опасны только для земельныхъ собственниковъ и фермеровъ, т. е. задѣвали собою интересы средняго сословія. Отсюда возможность ихъ установленія даже сельскими общинами и борьба съ ними представленной въ національномъ собраніи и муниципальномъ совѣтѣ столицы буржуазіи. Мы можемъ сказать поэтому, что въ общемъ запросы малоземельнаго и безземельнаго крестьянства сходились съ запросами рабочихъ классовъ, и что низшіе слои французскаго населенія образовывали изъ себя въ полномъ смыслѣ слова то четвертое сословіе (quatrième ordre), о которомъ говорятъ авторы появившихся въ 1789 году радикальныхъ брошюръ.

Къ рядамъ этого сословія примыкала и низшая часть духовенства, наиболѣе численная, совершенно обезземеленная и представлявшая въ глазахъ своего начальства ту же roture, какой для дворянъ являлись сервы и рабочіе. Немаловажную роль въ исходѣ событій, которыми ознаменовался созывъ генеральныхъ

штатовъ, играла та внутренняя борьба, какая существовала между епископами, канониками и монастырскими настоятелями, этими владѣльцами богатыхъ бенефицій, сосредоточивавшими въ своихъ рукахъ не только доходы съ церковныхъ земель, но и большую часть платимой крестьянами десятины, откуда самое ихъ прозвище gros décimateurs, и приходскимъ священствомъ, получавшимъ одну menue dîme съ искусственныхъ луговъ, огородовъ, съ овецъ и рогатаго скота, кое-гдѣ съ поступившихъ въ корчеваніе земель, всего же чаще принужденнымъ довольствоваться скромнымъ жалованіемъ (portion congrue) и скудными поборами за требы. Не одно богатство, но и принадлежность къ дворянскому сословію отдѣляли высшее духовенство отъ низшаго, заставляя епископовъ отсылать духовныхъ пастырей въ часъ обѣда въ людскую и по возвращеніи изъ церковныхъ разъѣздовъ извиняться въ обществѣ за дурной запахъ вслѣдствіе общенія съ подчиненными [1]). За нѣсколько лѣтъ до революціи приходское духовенство перестало относиться съ прежнимъ спокойствіемъ къ своей незавидной участи. Нѣкоторые изъ его членовъ не боялись сказать въ лицо своему гордому начальству, что къ числу семи смертныхъ грѣховъ епископы прибавили восьмой—презрѣніе къ священникамъ [2]).

Въ сознаніе ихъ проникла та истина, которую Мирабо-отецъ выражалъ въ «эфемеридахъ гражданина», говоря: «высшее духовенство, выходящее изъ дворянства и зажиточной буржуазіи, не имѣетъ никакихъ обязанностей, а одни только притязанія; низшее, вербуемое изъ послѣднихъ общественныхъ слоевъ, знаетъ только обязанности и почти остается безъ средствъ». Располагая приблизительно тѣмъ же доходомъ, что и средней зажиточности крестьянинъ, неся, подобно ему, все бремя налоговъ, тѣхъ décimes, какими на своихъ общихъ собраніяхъ обкладывало себя духовенство для выполненія добровольныхъ только по имени обязательствъ предъ казною [3]), сельскіе пастыри мало

[1]) „Madame, je pue le curé“ (L'abbé Laurent, Essai sur la réforme du clergé).

[2]) Chassin. Les cahiers des curés, стр. 75.

[3]) Епископамъ обыкновенно подносились въ торжественномъ случаѣ квитанціи, удостовѣрявшія фактъ ихъ расплаты.

чѣмъ отличались и по своему воспитанію, и по своему образу жизни отъ деревенской черни и раздѣляли ея ненависть и надежды. Современники не разъ говорятъ о томъ, что ряды приходскаго священства пополняются отбросомъ школъ (la balayure des écoles), что они едва умѣютъ читать и не вполнѣ понимаютъ произносимыя ими латинскія молитвы [1]). Тотъ фактъ, что множество сельскихъ наказовъ, особенно богатыхъ изображеніемъ сеньеріальныхъ вымогательствъ и произвола, составлено было приходскимъ священствомъ, и что тѣ же кюрэ нерѣдко сопровождаютъ разгромляющихъ замки и сожигающихъ архивы крестьянъ, самъ уже говоритъ о тѣсной связи, какую общность бѣдствій породила между пастыремъ и его паствой, связи, которой не въ силахъ были нарушить даже частыя вымогательства и споры о размѣрѣ десятины и вознагражденія за требы. Разумѣется, не всѣ сельскіе священники приближались къ тому высокому типу савойскаго викарія, какой начертанъ былъ Руссо, но многіе за-одно съ нимъ могли сказать: «мы не обогатимъ, правда, нашей паствы, за то раздѣлимъ ея бѣдность; мы породимъ въ ней согласіе и ту любовь къ равенству, которая помогаетъ переносить нищету». Несмотря на вѣковую привычку безусловнаго повиновенія и тотъ также воспитанный столѣтіями предразсудокъ, который заставлялъ крестьянина и въ священнической рясѣ видѣть «старшаго по крови» въ дворянинѣ-епископѣ, сельскіе кюрэ едва ли не первые подали примѣръ протеста; такъ тяжко было ихъ матеріальное положеніе и такъ отчетливо сознаніе, что дѣло не можетъ обойтись безъ радикальной реформы. Еще въ 1776 году священники на жалованьѣ заявляютъ королю о недостаточности ихъ обезпеченія. Гренобльскій парламентъ оказываетъ имъ поддержку, дозволяя сходиться для составленія своихъ петицій. Не проходитъ шести лѣтъ, и содержаніе священниковъ увеличено, но это увеличеніе не повышаетъ ихъ дохода болѣе, какъ на 150 франковъ. Настоятель сельской церкви вплоть до законодательства конституанты, принужденъ довольствоваться 175 рублями золотомъ въ годъ, а его викарный — половиной. Неудивительно, если

---

[1]) Chassin, стр. 77 и 78.

въ брошюрахъ того времени, вышедшихъ изъ среды мѣстнаго священства, не разъ заявляется о поразительномъ противорѣчіи, какое роскошь епископовъ, канониковъ и аббатовъ, часто проводящихъ мѣсяцы и годы въ Парижѣ и Версалѣ, далеко отъ паствы и на глазахъ у двора, представляетъ съ этой, ничѣмъ не прикрытой бѣдностью дѣйствительныхъ служителей слова Божія. Неудивительно, если изъ устъ приходскаго священства слышатся совѣты и заявленія въ родѣ слѣдующаго: «необходимо точно опредѣлить доходъ съ церковныхъ имуществъ, сосредочить управленіе ими въ рукахъ смѣшанныхъ бюро, составленныхъ въ каждомъ діоцезѣ наполовину изъ духовныхъ, наполовину изъ судей и адвокатовъ, предоставить этимъ бюро разверстку церковныхъ налоговъ, допустить продажу части церковныхъ помѣстій, сократить число монастырей, наконецъ, признать, что свѣтскія имущества принадлежатъ церкви въ силу и въ предѣлахъ королевскаго разрѣшенія» [1]). Это первое прошеніе сельскихъ кюрэ королю поступило къ созваннымъ въ 1787 году нотаблямъ и, разумѣется, задушено было участвовавшими въ этомъ собраніи епископами. Но и этотъ фактъ принесъ свою пользу, убѣждая священниковъ въ невозможности поручить кому другому, кромѣ собственныхъ избранныхъ, защиту своихъ матеріальныхъ интересовъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ эпохѣ созыва генеральныхъ штатовъ, тѣмъ чаще и чаще проявляется сознаніе, что интересы высшаго и низшаго духовенства противорѣчивы, и что священство солидарно только съ народомъ. «Неужели 40000 пастырей не имѣютъ въ глазахъ націи большаго значенія, чѣмъ 120 епископовъ, если когда и проживающихъ въ мѣстѣ ихъ служенія, то лишь съ цѣлью пополнить брешь, оказавшуюся въ ихъ бюджетѣ, благодаря расточительности придворной жизни». Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаютъ церковныя брошюры 1788 года, брошюры, редактированныя кюрэ и выражающія ихъ требованія, ту рознь, какую неравенство внесло въ отношенія высшихъ и низшихъ членовъ церковной іерархіи. «Интересъ народа тождественъ съ интере-

---

[1]) См. Le veu de la raison pour les paroisses, les curés et les pauvres à Louis XVI dans l'Assemblée des notables de son royaume.

сами кюрэ», продолжаетъ тотъ же писатель, предсказывая тѣмъ самымъ, на чьей сторонѣ окажется въ рѣшительную минуту приходское священство, «разъ народъ выйдетъ изъ угнетенія, и кюрэ перестанутъ жить въ уничиженіи, въ какомъ держитъ ихъ высшее духовенство. Борясь за себя, народъ борется и за нихъ» [1]).

Въ февралѣ 1789 года въ той же памфлетной литературѣ открыто дѣлается призывъ къ затратѣ части дохода отъ монастырскихъ имуществъ на устройство даровыхъ школъ для народа, стипендій для бѣдныхъ семинаристовъ, помощи больнымъ и неспособнымъ къ работѣ, содержаніе престарѣлыхъ священниковъ и увеличеніе до 2000 франковъ жалованья приходскимъ настоятелямъ [2]).

Когда наступаетъ эпоха редактированія наказовъ, сельское духовенство обращается къ правительству съ требованіемъ дать ему особое представительство [3]). Такое требованіе, разумѣется, встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны главъ церковной іерархіи. Избирательный регламентъ 24 января 1789 года удовлетворилъ его далеко не вполнѣ, надѣляя кюрэ правомъ участвовать въ выборахъ не лично, а черезъ уполномоченныхъ, по крайней мѣрѣ каждый разъ, когда въ приходѣ не имѣется викарія. Это обстоятельство не мѣшаетъ однако нисшему духовенству воспользоваться своей численностью и оказать рѣшительный перевѣсъ на выборахъ: изъ 300 депутатовъ отъ духовенства двѣ трети кюрэ; если наказы, какими снабжены представители духовнаго сословія, не всегда носятъ на себѣ печать этого торжества низшихъ органовъ церковной іерархіи надъ высшими, то потому лишь, что епископы наложили на многія требованія свое veto и добились исключенія изъ общихъ наказовъ того, что заявлено было въ частныхъ. Далеко не всѣ эти частные наказы исчезли безслѣдно; многіе уцѣлѣли въ приложеніи къ общимъ и обнародованы въ наши дни частью Прустомъ, въ «Архивахъ западныхъ

---

[1]) Les curés du Dauphiné à leurs confréres les recteurs de Bretagne 1788 года. Содержаніе этой и другихъ цитированныхъ мною брошюръ передано подробно Chassin.

[2]) Instruction des curés du diocése d'Angers.

[3]) Chassin, стр. 122, 125.

провинцій», частью Лораномъ и Мовидалемъ въ общемъ сборникѣ кайе, частью наконецъ Шассеномъ въ «Наказахъ парижскаго округа». Заявленія приходскаго духовенства не всегда включаемы были въ эти оффиціальныя записи жалобъ и пожеланій перваго сословія королевства. Многіе принуждены были избрать окольную дорогу. Какъ нерѣдкіе составители сельскихъ наказовъ, приходскіе кюрэ внесли въ число крестьянскихъ запросовъ требованія мѣстнаго священства. Пользуясь этими разнообразными источниками, можно возстановить довольно полно общую картину нуждъ и запросовъ этой, такъ сказать, церковной черни. Шассену удалось показать, что почти во всѣхъ провинціяхъ Франціи церковные наказы носятъ на себѣ печать борьбы высшаго и низшаго духовенства и въ окончательной редакціи являются какъ бы компромиссомъ между тѣмъ и другимъ. Этимъ объясняется не разъ характеризующее ихъ внутреннее противорѣчіе. Понятно послѣ этого, съ какой осторожностью приходится пользоваться ими при опредѣленіи тѣхъ общественныхъ задачъ, съ какими приходское духовенство выступило на штатахъ. Подобно мѣстнымъ наказамъ средняго сословія, кайе кюрэ не разъ редактируемы были по готовымъ образцамъ, вышедшимъ изъ ихъ собственной среды и обыкновенно шире и полнѣе передающимъ ихъ требованія и запросы, чѣмъ прошедшіе чрезъ епископскую цензуру общіе наказы. Вотъ что значится въ нѣкоторыхъ изъ этихъ образцовъ: «преступленіемъ противъ націи слѣдуетъ признать захватъ церковной десятины не отправляющими службы владѣльцами бенефицій. Къ чему сохранять за монастырями излишнія богатства, только развращающія церковь? Не лучше-ли продать ихъ на пользу государства? Къ чему также замѣщать высшія церковныя должности только лицами, принадлежащими къ дворянству, а не предоставить занятіе ихъ заслуженнымъ кюрэ? Дѣйствительное назначеніе церковной собственности — доставлять средства на содержаніе храмовъ, причта и бѣдныхъ. Только узурпаціей можно объяснить неравномѣрное распредѣленіе и обездоленіе дѣйствительныхъ настоятелей церкви. Надо опредѣлить послѣднимъ достаточное жалованье и передать въ ихъ руки выборъ викарныхъ. Церковныя имущества, поглащающія треть королевства, могутъ быть отобраны государствомъ, подъ условіемъ, чтобы содержаніе культа,

заботы о народномъ образованіи и общественная благотворительность приняты были имъ на себя». Вспоминая слова апостола Павла: «кто не хочетъ трудиться, пусть не ѣстъ», составители этихъ предлагаемыхъ въ образецъ кайе говорятъ, что ближайшая задача штатовъ измѣнить современное распредѣленіе церковныхъ доходовъ и заставить неслужащее духовенство поступиться своими выгодами въ пользу служащаго [1]).

Отголоскомъ этихъ составленныхъ для руководства наказовъ являются такія требованія, какъ, напримѣръ, сокращеніе доходовъ капитуловъ и титулованныхъ канониковъ, обращеніе части ихъ на увеличеніе жалованья кюре, возвращеніе церковной десятины изъ рукъ захватившихъ ее монастырей въ руки пресвитеровъ, поднятіе матеріальнаго благосостоянія церковныхъ плебеевъ и устраненіе тѣмъ возможности скандальныхъ процессовъ между пастыремъ и паствой изъ-за требъ и поборовъ, удаленіе епископовъ отъ двора, и т. п. Церковные наказы Прованса не разъ содержатъ въ себѣ такія пожеланія [2]). Ихъ воспроизводятъ и кайе Лангедока. Въ одномъ изъ нихъ значится, напримѣръ: «епископовъ обвиняютъ въ нерадѣніи и все духовенство въ неравномъ распредѣленіи доходовъ, всѣ эти обвиненія справедливы» [3]). Наказы Гаскони желали бы сліянія чернаго духовенства съ бѣлымъ, возвращеніи церковной десятины въ руки приходскихъ священниковъ, уравненія канониковъ съ обыкновенными пресвитерами и тому подобное [4]). «Улучшеніе участи кюрэ и викарныхъ должно составить одну изъ главныхъ задачъ генеральныхъ штатовъ», значится въ кайе духовенства Гвіенны. Необходимо устранить возможность передачи служебныхъ обязанностей замѣстителямъ, а также прекратить всякіе платежи, дѣлаемые епископами въ пользу римской куріи и поглащающіе годовой доходъ ихъ должности» [5]). Духовенство Ангумуа охотно вспоминаетъ о временахъ апостольской церкви, когда священники существовали на приношенія вѣрующихъ. Оно желало бы

[1]) Chassin, стр. 173—192.
[2]) Chassin, стр. 203—209.
[3]) Ibid., стр. 211.
[4]) Ibid., стр. 216 и слѣдующія.
[5]) Стр. 220, 223, 224,

соединенія всѣхъ церковныхъ имуществъ подъ однимъ управленіемъ и всѣхъ ихъ доходовъ въ одной кассѣ. Это открыло бы государству и провинціямъ возможность извлекать изъ нихъ средства для покрытія собственныхъ нуждъ. Это позволило бы погасить долги духовенства, а также вернуть къ земледѣлію на половину пустующія церковныя имущества, занимающія въ общемъ цѣлую треть королевства [1]). Приходское духовенство Лимузена думаетъ, что имуществъ епископовъ и аббатовъ хватило бы на покрытіе государственнаго дефицита и высказываетъ надежду, что за-одно со среднимъ сословіемъ ему удастся добиться, какъ равенства обложенія, такъ и поголовнаго счета голосовъ [2]). Въ кайе Ліоннэ значится: «духовенство не можетъ отдѣлить себя отъ націи,—ей обязано оно своимъ положеніемъ, своими имуществами; его интересы должны смѣшаться съ интересами народа [3])». Латифундіи и чрезмѣрныя богатства епископовъ и аббатовъ признаются Шарльскимъ духовенствомъ скандаломъ для церкви и предметомъ справедливыхъ жалобъ для ничего не имѣющихъ кюрэ [4]). Въ Пуату слышатся голоса противъ роскоши взятыхъ изъ дворянства высшихъ іерарховъ и противъ преслѣдованія ими интересовъ, противныхъ интересамъ церкви [5]). Въ Нормандіи дѣлается предложеніе пріурочить церковныя имущества къ задачамъ благотворительности и содержанію служащаго причта. «Любой изъ насъ, восклицаютъ пресвитеры Байе, стоитъ больше прелата, озабоченнаго только тѣмъ, чтобы найти себѣ замѣстителя [6])». Въ Пикардіи изъ устъ священства исходитъ предложеніе затратить не нужную церковную утварь на покрытіе государственныхъ долговъ [7]). Въ Лореннѣ раздается протестъ противъ соединенія въ однѣхъ рукахъ нѣскольких церковныхъ бенефицій, противъ «скандальнаго жира монаховъ», эксплоатаціи ими народнаго страха и народнаго невѣжества для

1) Ibid., стр. 225 и 226.
2) Ibid., стр. 228.
3) Ibid., стр. 235.
4) Ibid., стр. 241.
5) Ibid., стр. 249, 251.
6) Ibid., стр. 255, 257.
7) Ibid., стр. 260.

собственнаго обогащенія [1]). Въ Эльзасѣ говорится о пользѣ сократить число монастырей и конфисковать часть ихъ имуществъ, оставляя неприкосновенными тѣ обители, которыя созданы для средняго сословія [2]). Въ Шампани низшее духовенство своей заботливостью о передачѣ общинныхъ земель въ руки крестьянства и о выкупѣ личныхъ и имущественныхъ правъ сеньеровъ, согласно доставляемому ими дѣйствительному доходу, вызываетъ со стороны высшаго обвиненіе въ посягательствѣ на священныя и нерушимыя права собственности [3]). Въ Ильде-Франсѣ приходскіе священники говорятъ о необходимости возстановить выборъ пресвитеровъ согласно обычаямъ апостольской церкви [4]). Въ Бретани они высказываются противъ притязаній дворянства и парламента, а среднее сословіе признаетъ въ своемъ наказѣ, что «никто лучше кюрэ не знаетъ бѣдствій и опасеній, въ которыхъ живетъ крестьянство» [5]). Если прибавить, что къ числу прочихъ требованій приходское священство на протяженіи всей Франціи присоединяетъ заботливость объ отмѣнѣ сеньеріальныхъ правъ и монополій, объ уменьшеніи налоговыхъ тягостей низшихъ классовъ, объ обезпеченіи нуждающимся общественной помощи и т. п., то нельзя будетъ не признать тѣсной связи, въ какой нужды и запросы сельскихъ пастырей стояли съ требованіями малоземельнаго или безземельнаго крестьянства.

Если гдѣ существовалъ антагонизмъ, то отнюдь не въ отношеніяхъ обдѣленныхъ кюрэ и неимущихъ членовъ средняго сословія, а въ самомъ этомъ сословіи между высшими и низшими его слоями. Онъ сказывался каждый разъ, когда интересы послѣднихъ сталкивались съ интересами сельской и городской буржуазіи, которая, какъ видно изъ мемуаровъ Монлозье, уже противоставляла себя, какъ особый классъ, крестьянству и рабочимъ [6]). Сосредоточивая въ своихъ рукахъ чет-

---

1) Ibid., стр. 271—275.
2) Ibid., стр. 277 и 288.
3) Ibid., стр. 287 и 288.
4) Ibid., стр. 293.
5) Ibid., стр. 299.
6) En retranchant de la liste du tiers état tout le peuple des campag-

вертую часть земельной собственности Франціи, этотъ классъ своими экономическими интересами связанъ былъ съ высшими сословіями; ему дорого было наравнѣ съ дворянствомъ охраненіе исторически возникшихъ общественныхъ устоевъ. Онъ только заботился объ устраненіи той примѣси «вѣковыхъ злоупотребленій и готическихъ предразсудковъ», какую этимъ устоямъ придавала ихъ феодальная окраска. Его наказы весьма опредѣленно выразили желаніе повсемѣстной замѣны феодальной собственности аллодіальной (le franc alleu général). А что значило это, какъ не усиленіе самаго принципа собственности освобожденіемъ ея отъ тѣхъ общественныхъ обязательствъ, какія нѣкогда тяготѣли надъ землею, пріуроченной къ государевой службѣ, къ защитѣ цѣлости и независимости королевства? Что значило это также, какъ не насильственное прекращеніе того вѣчнонаслѣдственнаго совладѣнія помѣщиковъ и крестьянъ, какимъ являлась ленная собственность съ ея даровыми надѣлами и общественными сервитутами, съ ея неизмѣнной рентою и столь же неизмѣннымъ оброкомъ? Чего хотѣло среднее сословіе,—это неограниченной свободы владѣнія, пользованія и распоряженія, свободы, не стѣсняемой ни майоротами, ни субституціями, ни заповѣдностью владѣнія. Всякая неотчуждаемость, всякое препятствіе къ свободному обращенію земель на рынкѣ должны были исчезнуть, такъ какъ въ нихъ справедливо видѣли преграду къ расширенію района принадлежащихъ буржуазіи земель, къ удовлетворенію ея давнишнихъ запросовъ на недвижимую собственность. Отсюда заявленное наказами требованіе о распродажѣ доменовъ, о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Недостаточно открыть фермерамъ возможность замѣнить свое арендное владѣніе собственностью, необходимо еще создать тотъ земельный фондъ, который дозволилъ бы имъ связать неразрывно свое экономическое будущее съ устойчивостью созданнаго революціей порядка. Провозглашенное физіократами ученіе о свободѣ собственности и преиму-

---

nes, du comme on le disait anciennement plat pays et tous les ouvriers et artisans des villes sans profession établie, le véritable tiers-état était encore assez nombreux (Mémoires de Montlosier, т. I, стр. 190).

ществѣ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ отразило на себѣ эти исконныя стремленія средняго сословія, а ученіе о возможности обезпечить народное благосостояніе только затратою значительныхъ капиталовъ въ землю дало общественное оправданіе переходу собственности и владѣнія изъ рукъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки капиталистовъ. Средневѣковая практика, еще остававшаяся въ силѣ во всей южной половинѣ Франціи, выработала два типа земельныхъ владѣльцевъ: сеньёра, въ рукахъ котораго находилось dominium eminens, голый титулъ собственности, дававшій ему право на ренту безъ всякихъ ежегодно возобновляемыхъ затратъ, и наслѣдственнаго половника, въ руки котораго переходило вмѣстѣ съ фактическимъ владѣніемъ помѣстной землею и пользованіе хозяйственнымъ инвентаремъ. Этому долженъ былъ отнынѣ наступить конецъ. Среднее сословіе и выражающая его взгляды экономическая доктрина выставляла новые типы земельныхъ порядковъ — эксплуатирующаго лично свою землю собственника или снимающаго ее на срокъ капиталиста, на котораго падаютъ какъ постоянныя, такъ и ежегодно возобновляемыя затраты, въ замѣнъ чего онъ одинъ признанъ, опять-таки въ предѣлахъ выговореннаго срока, къ утилизаціи увеличившейся производительности почвы. Если съ экономической точки зрѣнія оба порядка:—ничѣмъ неограниченной собственности и свободнаго фермерства, представляли несомнѣнный прогрессъ, то съ общественной они создавали плотину въ демократизаціи какъ собственности, такъ и владѣнія.

Проникновеніе буржуазіи въ села и экспропріація ею одинаково помѣщиковъ и крестьянъ начались задолго до революціи. Она сказалась съ одной стороны въ переходѣ многихъ дворянскихъ усадьбъ въ окрестностяхъ Парижа и Версаля въ руки такъ называемыхъ financiers, т.-е. разбогатѣвшихъ на откупу капиталистовъ, а съ другой—въ развитіи взамѣнъ наслѣдственнаго оброчнаго держанія срочнаго фермерства на всемъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Франціи. Учредительное собраніе только содѣйствовало своими мѣропріятіями усиленію этого прогресса, пуская на рынокъ церковныя, монастырскія и государственныя имущества и объявляя запретными всякаго рода наслѣдственныя ренты. Такъ какъ въ то же время не было принято никакихъ

мѣръ къ установленію дешеваго земельнаго кредита для крестьянства, такъ какъ всѣ предложенія, клонившіяся къ даровому надѣленію безземельныхъ батраковъ секуляризованною собственностью и даже къ отчужденію послѣдней небольшими участками кончились болѣе или менѣе неудачно [1]): то не трудно понять, въ чьихъ интересахъ произведенъ былъ тотъ переворотъ въ сферѣ собственности и владѣнія, начало которому положило присвоеніе государствомъ церковныхъ земель, а конецъ составила конфискація имуществъ эмигрировавшаго дворянства. Отъ вниманія современниковъ не ускользала эта связь между земельными интересами средняго сословія и рѣшеніями, какіе вопросъ о собственности и владѣніи получилъ со стороны учредительнаго собранія. Не разъ интересы мелкой крестьянской собственности, за которую ратовалъ еще Мирабо отецъ и экономистъ Клико-Блервашъ, находили талантливыхъ защитниковъ и въ средѣ дѣятелей французской революціи. Въ пользу его высказывался тотъ комитетъ учредительнаго собранія, которому поручено было устройство общественной благотворительности или точнѣе упраздненіе нищенства (comité pour l'extinction de la mendicité): «Національное собраніе, значилось въ одномъ изъ его отчетовъ, можетъ сильно повліять на уменьшеніе числа бѣдныхъ, увели-

1) Только въ примѣненіи къ землямъ, конфискованнымъ у эмигрантовъ, допущена была, какъ общее правило, продажа небольшими участками. Такой порядокъ предписанъ былъ конвентомъ. Изученіе относящихся къ этимъ продажамъ актовъ привело Marc de Haut къ убѣжденію, что только съ 1793 года, эпохи начавшейся распродажи эмигрантскихъ имуществъ, собственность стала отчуждаться мелкими участками, доступными и небогато набитымъ кошелькамъ. Наоборотъ, церковныя земли, какъ уже замѣчено было Леонсомъ де Лавернь, поступали на рынокъ, не подвергаясь предварительному дробленію. „Происходила перемѣна въ лицѣ собственниковъ, а не въ размѣрѣ самой собственности". Въ статьѣ, посвященной имъ вопросу о „division de la propriété" до и послѣ революціи, Marc de Haut сводитъ результаты продолжительныхъ работъ надъ оффиціальными документами, хранящимися въ департаментскихъ архивахъ и, въ частности, надъ тѣми relevés или инвентарями отчужденныхъ эмигрантскихъ имѣній, которые произведены были въ 1824 году при распредѣленіи милліарда вознагражденія лицамъ, потерпѣвшимъ отъ конфискацій. (Смотри, Bulletin du comité des sciences économiques et sociales, a. 1884, impr. nat., 1885).

чивая число собственниковъ. Современныя обстоятельства открываютъ къ тому счастливую возможность; ея не слѣдуетъ упустить, такъ какъ она едва ли повторится когда-либо. 15—20 милліоновъ арпановъ, принадлежащихъ къ государственнымъ доменамъ, лежатъ безъ всякой пользы подъ пустошами, подъ болотами или приносятся въ жертву «тираніи обычая» (разумѣются общественные сервитуты). Можно было бы вернуть ихъ къ обработкѣ, утилизируя руки неимущихъ и вознаграждая ихъ за трудъ частью воздѣланной ими почвы. Такой вопросъ не долженъ быть рѣшенъ иначе, какъ въ интересахъ возможно бо́льшаго числа гражданъ. Одного экономическаго разсчета недостаточно въ данномъ случаѣ. Мы рѣшаемся даже утверждать, что его слѣдуетъ игнорировать»[1]).

Но этимъ благимъ пожеланіямъ не суждено было осуществиться уже потому, что интересъ собственниковъ требуетъ прежде всего свободныхъ рукъ, а эти свободныя руки всего менѣе могутъ доставить крестьяне-землевладѣльцы. Выражая этотъ запросъ буржуазіи на дешевизну рабочихъ, никто иной, какъ Тюрго, высказывалъ еще въ 1766 году ту мысль, что если бы земля была распредѣлена въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія личныхъ потребностей, исчезъ бы источникъ всякаго общественнаго прогресса[2]).

Наказы 1789 года не разъ выставляютъ общественнымъ бѣдствіемъ недостатокъ въ селахъ свободныхъ рукъ и приглашаютъ законодательство прійти на помощь хозяевамъ, обезпечить имъ возможность находить дешевыхъ слугъ и поденщиковъ. Тотъ же фактъ принимается въ разсчетъ и членами учредительнаго собранія. Упомянутый уже нами комитетъ открыто утверждаетъ, что политика, благопріятная умноженію числа мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣла бы то неудобство, что собственники и мануфактуристы очутились бы въ невозможности достать рабочихъ каждый разъ, когда ихъ предпріятіе требовало бы большаго числа свободныхъ рукъ. Какъ допустить, — прибавляютъ члены

---

1) Quatrième rapport du comité de mendicité. 1790. Отпечатано въ приложеніи къ сочиненію Бориса Минцеса (die Nationalgüteveraüsserung, Jena, 1892, стр. 146).

2) Réflexions sur la formation et la distribution des richesses.

комитета, — что люди, способные найти заработокъ на дому, склонны будутъ перемѣщаться на значительное разстояніе и искать пропитанія въ фабричномъ и заводскомъ производствѣ. Такимъ образомъ, полагаютъ члены комитета, та помощь, какую могло бы оказать надѣленіе бѣдныхъ землею, повредила бы промышленности и хозяйственной эксплуатаціи земель, а слѣдовательно въ концѣ концовъ и истинному благосостоянію націи»[1]). Къ этому основному требованію не разъ присоединяется и другое, цѣликомъ воспроизводящее извѣстное положеніе Кенэ о преимуществахъ крупной собственности и хозяйства надъ мелкимъ.

Правда, въ стѣнахъ якобинскаго клуба, какъ и въ засѣданіяхъ національнаго собранія, не разъ дѣлаются заявленія о желательности увеличить въ средѣ сельскихъ обывателей число собственниковъ [2]). Но когда дѣло доходитъ до исполненія, слышатся возраженія въ родѣ слѣдующаго: «далеко не рѣшенъ вопросъ, что̀ выгоднѣе для націи, дробить ли землю на мелкіе участки, воздѣлываемые ихъ собственниками, или имѣть большія фермы, эксплуатируемыя богатыми землевладѣльцами; знаменитѣйшіе экономисты высказались въ послѣднемъ смыслѣ, доказывая, что при большихъ фермахъ возможно сбереженіе излишнихъ затратъ на постройки и бо̀льшая обезпеченность выручки [3]).

---

1) Quatrième rapport (Minzes, стр. 147). Тѣ же мысли высказываются въ редактируемомъ Редерероиъ „Журналѣ политической экономіи, нравственности и политики", томъ I, стр. 33: C'est à la grande concurrence des bras que la culture anglaise laisse libres pour les arts, qu'il faut attribuer la prosperité des fabriques anglaises.

2) Такъ, напримѣръ, при обсужденіи закона о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ одинъ изъ ораторовъ якобинскаго клуба въ мартѣ 1791 года высказываетъ слѣдующее положеніе, цѣликомъ воспроизводящее взгляды Клико-Блерваша: Plus les propriétés sont divisées, mieux elles sont cultivées (Aulard, томъ II, стр. 199). Съ другой стороны въ законахъ 14—17 мая 1790 года и 12 августа того же года говорится объ „accroissement heureux, surtout parmi les habitans des campagnes, du nombre des propriétaires и о необходимости faciliter les petites acquisitions (Duvergier, Recueil des lois, томъ I, стр. 234, 300).

3) Смотри, напримѣръ, Avis du Directeur de la régie nationale de

Когда поставленъ былъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и распродажѣ доменовъ, этотъ послѣдній взглядъ нашелъ авторитетныхъ истолкователей какъ въ Камюсѣ, такъ и въ Талейранѣ. На заявленіе, что продажа принадлежащихъ аббатствамъ земель послужитъ къ увеличенію числа собственниковъ, изъ устъ Камюса послышался вопросъ: «неужели въ государствѣ должны существовать только собственники? Не нужны ли ему также лица, берущія землю въ арендное держаніе? Неужели для него не выгоднѣе имѣть крупныхъ владѣльцевъ, способныхъ оказать земледѣльцу помощь своими капиталами и предварительными затратами» [1]? «Что нужно для земледѣлія, сказалъ десять мѣсяцевъ спустя Талейранъ, обсуждая вопросъ о продажѣ государственныхъ имуществъ,—это населить деревни богатыми собственниками, богатыми какъ имуществомъ, такъ и агрономическими свѣдѣніями, способными дать занятіе и примѣръ бѣднымъ жителямъ» [2]).

Требованіе утилизировать оказавшійся въ распоряженіи правительства богатый доманіальный фондъ для созданія мелкихъ надѣловъ нашло выраженіе въ приходскихъ наказахъ и въ тѣхъ изъ церковныхъ, въ редакціи которыхъ главную роль играли мѣстные кюрэ. Оно нашло талантливаго истолкователя и въ лицѣ Ларошъ - Фуко, предложившаго проектъ раздѣла требуемой съ покупщиковъ суммы на рядъ послѣдовательныхъ платежей. При такомъ порядкѣ, думалъ народолюбивый графъ, бѣдному легко будетъ найти путемъ кредита тѣ незначительныя суммы, какихъ потребуетъ первая по времени расплата. Дальнѣйшіе взносы обезпечены будутъ выручкою купленныхъ имуществъ. Но никому изъ дѣятелей 1789 года не приходитъ на мысль содѣйствовать такому перемѣщенію земель въ руки мелкихъ собственниковъ путемъ поддерживаемыхъ правительствомъ крестьянскихъ банковъ, выдающихъ ссуды подъ залогъ пріобрѣтае-

l'enregistrement. Versailles 23 fevrier. 1793. (Boris Minzes; приложеніе VII, стр. 149).

1) Resumé de l'opinion de M. Camus dans la séance du 13 octobre 1789, у Минцеса, стр. 37.

2) Opinion de M. l'évêque d'Autin sur la vente des Biens domaniaux du 13 juin 1790. Ibid., стр. 38.

мыхъ имуществъ. Оправданіемъ этого упущенія является та крайняя финансовая нужда, въ которой очутилось само правительство въ виду грозящаго ему банкротства и необходимости новыхъ затратъ для отраженія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ революціи. Но къ чему было въ такомъ случаѣ не допустить общественнаго кредита и той помощи, какую въ дѣлѣ пріобрѣтенія земель крестьянами могло оказать начало ассоціаціи. Запрещеніе жителямъ селъ слагаться между собою съ цѣлью покупки сообща отчуждаемыхъ имуществъ защищаемо было желаніемъ предупредить спекуляціи; но, не говоря уже о томъ, что оно нимало не парализовало возможности ажіотажа и въ частности закупки многими фермерами участковъ, превышавшихъ ихъ дѣйствительную нужду и средства къ ея покрытію, очевидно съ цѣлью перепродажи, есть полное основаніе полагать, что дѣйствительный источникъ такихъ запретовъ лежалъ въ томъ недовѣріи къ началу ассоціаціи и такъ называемому корпоративному духу, которымъ отличалась французская буржуазія, которое отразилось въ ученіи физіократовъ и наложило свою печать, какъ мы увидимъ вскорѣ, и на рабочее законодательство 1790 и 1791 года [1]). При такихъ условіяхъ неудивительно, если не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція, революція, сопровождавшаяся перемѣщеніемъ добрыхъ двухъ третей [2]) недвижимой собственности, пошла на

---

[1]) Законъ 24 апрѣля 2 мая 1793 года заключаетъ въ себѣ слѣдующее постановленіе противъ тѣхъ, кто желалъ бы пріобрѣсть собственность на общій счетъ: „Seront réputées conventions frauduleuses, et punies comme telles, les associations de tous „ou de partie considerable des habitans d'une commune pour acheter les biens mis en vente, et en faire ensuite la repartition ou division entre les dits habitants“ (Duvergier, томъ V, стр. 258).

[2]) Я считаю двѣ трети, такъ какъ государственные домэны, по принятому разсчету, составляли приблизительно $^1/_5$, а церковные $^2/_5$ земельной площади. Если прибавить къ этому собственность эмигрировавшаго дворянства, то окажется, что только четверть земель, находившихся уже до 1789-го года въ рукахъ средняго сословія да еще земли меньшинства дворянъ, — молчаливыхъ свидѣтелей революціи или примкнувшихъ къ числу ея защитниковъ, сохранили своихъ прежнихъ собственниковъ. А это вмѣстѣ взятое едва ли представитъ больше трети.

пользу почти исключительно среднему сословію, въ лицѣ не однихъ только капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, главнымъ же образомъ фермеровъ [1]).

Всѣ свидѣтельства сходятся въ признаніи, что большинство проданныхъ съ публичныхъ торговъ земель церкви сосредоточилось въ рукахъ прежнихъ арендаторовъ. Относительно Пикардіи, напримѣръ, мы имѣемъ оффиціальное свидѣтельство въ отчетѣ, представленномъ министру внутреннихъ дѣлъ Ролану, депутатомъ этого департамента Саладиномъ: Фермеры, пишетъ онъ 23 января 1793 года, смотрятъ на себя здѣсь, какъ на законныхъ обладателей земель, снимаемыхъ ими прежде въ наемъ. Это заставило ихъ организовать коалицію съ цѣлью пріобрѣтенія отчуждаемой государствомъ собственности [2]). по дешевой цѣнѣ.

---

[1]) Профессоръ Лучицкій, сознавая невозможность рѣшенія вопроса о томъ, къ кому перешли отчужденныя казною имущества иначе, какъ съ помощью статистическаго метода, въ то же время справедливо замѣчаетъ, что для этого недостаточно частной иниціативы, и необходимо правительственное вмѣшательство. Но такъ какъ послѣдняго ждать трудно, то самъ трудолюбивый изслѣдователь пустился въ поиски въ трехъ, четырехъ департаментскихъ архивахъ. Здѣсь найдены имъ примѣры перехода отчуждаемыхъ имуществъ и въ руки крестьянъ. Никто, разумѣется, не отрицалъ возможности такихъ фактовъ, но никто также, подъ страхомъ смѣшенія статистическаго метода съ анекдотическимъ, не позволитъ себѣ дѣлать изъ этого никакихъ общихъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что, по вѣрному замѣчанію тѣхъ, кто изучалъ этотъ вопросъ въ болѣе широкихъ рамкахъ, дѣйствительные покупщики нерѣдко скрывали свои имена, выставляя подставныхъ пріобрѣтателей (plusieurs lôts, говоритъ Marc de Haut, членъ земледѣльческаго общества Франціи, avaient été acquis par des prête-nom). Тотъ же писатель замѣчаетъ, что не мало было случаевъ выкупа обратно отчужденныхъ имуществъ и даже дароваго возвращенія ихъ прежнимъ собственникамъ, особенно, когда дѣло шло объ имуществахъ эмигрантовъ. Въ перепискѣ Бенжамена Констана, одного изъ пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, встрѣчается заявленіе, что самой выгодной спекуляціей является помѣщеніе денегъ въ эти выкупы (Les rachats des biens nationaux sont ridiculement avantageux. См. письмо 30-го декабря 1796 года, Journal intime et lettres de Benjamin Constant à sa famille, publiés par Melegari, стр. 260).

Такимъ образомъ вопросъ, поднятый профессоромъ Лучицкимъ, далеко не можетъ быть рѣшенъ ссылкой хотя бы на сотни случаевъ продажъ, которыхъ пріобрѣтателями являются крестьяне.

[2]) Минцесъ, примѣч. 197.

Въ дневникѣ одной англичанки, проведшей лѣто 1792 года въ окрестностяхъ Арраса, мы читаемъ: «въ противность тому, что дѣлали нѣкогда крестоносцы, продававшіе выпасъ для покупки лошади, фермеры продаютъ лошадь, чтобы купить выпасъ». Ихъ всячески поощряютъ къ пріобрѣтенію національныхъ имуществъ, и они такъ отдались этому стремленію, что во многихъ мѣстахъ они жертвуютъ даже нужнымъ имъ для земледѣлія. Можно разсчитывать, что многія крупныя фермы сдѣлаются собственностью лицъ, неспособныхъ ихъ обработать. Какая громадная перемѣна произошла за одинъ годъ въ землевладѣніи, и сколько фермеровъ перешло въ ряды собственниковъ! Овладѣвшая дворянствомъ страсть къ эмиграціи заставила многихъ пустить свои земли въ продажу, а это вмѣстѣ съ отчуждаемыми правительствомъ церковными и государственными имуществами причина тому, что масса участковъ свободно обращается въ настоящее время на рынкѣ [1]). Тотъ же свидѣтель указываетъ намъ и на то, къ кому перешли прежнія монастырскія обители, и какое вліяніе это перемѣщеніе оказало на характеръ повседневныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ: «прежнія аббатства сдѣлались загородными дачами (maisons de plaisance) богатыхъ купцовъ и заступаютъ теперь мѣсто разрушенныхъ феодальныхъ замковъ. Вліяніе богатства сказывается въ пріобрѣтеніи обширныхъ національныхъ имуществъ». Но это обстоятельство не вноситъ большаго равенства въ личныя отношенія членовъ отдѣльныхъ классовъ. «Контора шерстянаго фабриканта столь же недоступна, какъ и будуаръ маркиза. Новый владѣлецъ только менѣе любезенъ. Покрой его платья и завитыя букли придаютъ ему внѣшность, представляющую еще болѣе рѣзкій контрастъ съ наружнымъ видомъ крестьянина, чѣмъ ситцевый халатъ и распущенные волосы дворянина» [2]).

Что перемѣщеніе собственности пошло на пользу по преимуществу среднихъ и высшихъ слоевъ буржуазіи, въ этомъ убѣждаетъ насъ и простой инвентарь произведенныхъ отчужденій въ департаментѣ Сарты. Мы обязаны имъ мѣстному излѣ-

---

[1]) Un Séjour en France de 1792 à 1795. Paris 1883, стр. 8.
[2]) Ibid., стр. 50.

дователю A. Legeay. Въ массѣ приведенныхъ имъ купчихъ фигурируютъ въ роли пріобрѣтателей члены окружныхъ судовъ и мировыхъ, дистриктные и департаментскіе чиновники, мэры и муниципальные совѣтники, прежніе фермеры церковныхъ имуществъ и наконецъ компаніи скупщиковъ, извѣстныя подъ названіемъ bandes noires, въ которыхъ даже члены аристократіи, въ томъ числѣ знаменитый Сенъ-Симонъ, не отказывались принять участіе. Уже одно то обстоятельство, что большинство отчужденій сопровождается платежемъ десятковъ и сотенъ тысячъ ливровъ, устраняетъ мысль о томъ, чтобы пріобрѣтателями могли быть крестьяне, въ сколько нибудь значительномъ числѣ. Даже скромные платежи, напр., въ 220 ливровъ, производятся стряпчими и адвокатами, иногда также разбогатѣвшими ремесленниками, напримѣръ, плотниками. Къ сожалѣнію, далеко не всегда указано общественное положеніе пріобрѣтателя; но въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ такое указаніе, мы каждый разъ встрѣчаемся съ членомъ высшей или мелкой буржуазіи; къ числу послѣднихъ я отношу и фермеровъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается большая часть отчуждаемыхъ земель [1]).

Весьма интересныя также свѣдѣнія о томъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточились конфискованныя у дворянства земли, даетъ намъ одна частная переписка, отпечатанная въ бюллетенѣ «Общества наукъ и литературы въ департаментѣ Дромы». «Всѣ ваши фермеры, пишетъ 24 іюня 1792 года удалившемуся за границу члену гренобльскаго парламента его корреспондентъ, разжирѣли на вашъ счетъ; многіе покупаютъ также земли нашихъ сосѣдей; границы между тѣми и другими исчезаютъ; и фермеры стараются смѣшать воедино то, чѣмъ владѣютъ въ аренду, съ тѣмъ, что составляетъ ихъ недавнюю собственность» [1]). Двѣ недѣли спустя по случаю принятаго правительствомъ рѣшенія сдать въ аренду до момента публичныхъ торговъ земли не спѣшившаго вернуться на родину эмигранта, корресподентъ высказываетъ негодованіе на то, что облагодѣтельствованные помѣ-

---

[1]) Legeay. Documents sur la vente des biens nationaux dans le département de la Sarthe, томъ I, стр. IX, стр. 108, 117, 122, 174, 175, 176, 179, 181, 183, 189, 192, 195, 198, 199, 200, 205, 210, 211, 216, 222, 233.

щикомъ лица предлагаютъ свои услуги правительству, готовы взять у него захваченныя имущества.

«Обѣщаютъ, пишетъ онъ, платежи, въ два раза превышающіе цѣнность отчуждаемаго. Такъ какъ допущена разсрочка, то неудивительно, если многіе поступаютъ при этомъ подобно тому гасконцу, который, взявши приданое, забылъ о женѣ. Новый фермеръ соберетъ въ свою пользу урожай и забудетъ объ уплатѣ аренды».

Въ своихъ интересныхъ замѣткахъ о ходѣ французской революціи Конрадъ Энгельбертъ Эльснеръ, письма котораго недавно вторично были обнародованы Штерномъ, даетъ слѣдующее описаніе тѣхъ порядковъ, какими сопровождалось грандіозное перемѣщеніе собственности, предшествовавшее прибытію его во Францію въ 1794 году. «Мнѣ извѣстны нѣкоторые торговые дома, пишетъ онъ, уплатившіе только часть слѣдуемой за землю суммы не столько изъ страха реставраціи, сколько изъ желанія воспользоваться быстрымъ паденіемъ курса ассигнацій. Разсрочка въ платежѣ привлекаетъ къ покупкѣ многихъ, которымъ нечѣмъ платить, и такимъ образомъ является залогомъ въ будущемъ безчисленныхъ процессовъ и потерь для казны» [2]).

Послѣ сказаннаго легко судить, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ признанія слѣдующее утвержденіе сына мадамъ Сталь, что продажа церковныхъ имуществъ и обусловленное ею дробленіе собственности вывела изъ нищеты множество людей [3]) и кого слѣдуетъ разумѣть подъ тѣми мелкими собственниками, положеніе которыхъ Артуръ Юнгъ признаетъ въ 1792 году значительно улучшеннымъ революціей [4]). Перемѣщеніе землевладѣнія пошло

---

[1]) Bulletin de la société de la Drôme, année 1889. Correspondance d'Achard Germaine avec M. de la Coste, стр. 141, 148, 185, 189, 193.

[2]) См. Alfred Stern: Konrad Gugelbert Oelsners Briefe und Tagebücher. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Freiburg in Breisgau. 1890, стр. 220.

[3]) Oeuvres complètes de Stael-Holstein, томъ III, ст. 119.

[4]) Small proprieters who farm their own lands are in a very improved and easy situation (a 1792 Arthur Young Travels in France, изд. 1889 г., стр. 303). Единственную попытку дать статистическую провѣрку положенію, что секуляризованная церковная собственность сосредоточилась въ рукахъ буржуазіи, даетъ Минцесъ на основаніи архива департамента

на пользу средняго сословія и обратило фермеровъ въ собственниковъ.

Но революція достигла не одного этого результата. Если отмѣна сеньеріальныхъ повинностей и платежей и осуществленіе на практикѣ заявленнаго наказами требованія о «franc alleu général» обратило зависимыхъ владѣльцевъ въ полныхъ собственниковъ, то съ другой стороны, запрещая вѣчно наслѣдственныя ренты, революція 4-го августа упразднила одинъ изъ доходнѣйшихъ для сельскихъ жителей видовъ земельнаго держанія. Все, что носило въ глазахъ учредительнаго собранія характеръ «феодальной узурпаціи и готическаго предразсудка», одинаково осуждено было имъ на гибель, и этимъ объясняется его систематическая враждебность не только къ цензивѣ или чиншевому владѣнію и постояннымъ рентамъ (rentes perpétuelles), но и къ такъ называемому domaine congéable, въ которомъ бретонское крестьянство находило

Сены и Уазы. Изъ сдѣланныхъ имъ выкладокъ оказывается, что пространство земли, пріобрѣтенное лицами, не принадлежащими къ земледѣльческому классу, представляетъ въ Версальскомъ дистриктѣ 15,748 арпановъ, всего 4,600 арпановъ сосредоточивается въ рукахъ земледѣльческаго населенія. Та же громадная разница существуетъ въ количествѣ пріобрѣтенныхъ обоими классами земель въ дистриктахъ Дурдана и Манта. Въ первомъ неземледѣльческое населеніе сосредоточило въ своихъ рукахъ 13,662 арпана, а земледѣльческое 2353. Во второмъ первые 5898 арпановъ, а вторые 1803 арпана. Нельзя, разумѣется, не пожелать, чтобы такія же точныя статистическія вычисленія были произведены и въ другихъ департаментахъ Франціи. Они, по всей вѣроятности, докажутъ односторонность тѣхъ выводовъ, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи только-что приведенныхъ цифръ. Окрестности Версаля, очевидно, должны были привлечь къ себѣ парижскихъ капиталистовъ. Частое упоминаніе о парижанахъ, какъ о покупщикахъ отчужденныхъ имуществъ, сосредоточеніе въ ихъ рукахъ 7,786 арпановъ въ Версальскомъ округѣ, 4,600 въ Дурданскомъ и 2924 въ Мантскомъ какъ нельзя лучше доказываетъ исключительность условій, въ которыхъ находились земли, расположенныя вблизи столицы и резиденціи. Не надо забывать, что парижскій муниципалитетъ одинъ выразилъ желаніе пріобрѣсть церковныхъ имуществъ на двѣсти милліоновъ ливровъ. Большая часть ихъ и была куплена по сосѣдству. Нѣтъ основанія поэтому, обобщая исключительныя явленія, говорить о переходѣ большей массы церковныхъ имуществъ въ руки лицъ, не имѣвшихъ дотолѣ никакого отношенія къ земледѣлію. Вѣрнѣе полагать, что они сосредоточились по преимуществу въ рукахъ фермеровъ.

возможность удержать земли въ своихъ рукахъ. Этотъ видъ владѣнія представлялъ собою порядки болѣе старинные, чѣмъ сама феодальная система, порядки, переносящіе насъ въ эпоху кланового устройства, однохарактернаго съ тѣмъ, какимъ жили нѣкогда горцы Шотландіи [1]).

Отличіе этого вида вѣчно-наслѣдственной аренды лежало въ томъ, что съемщикъ являлся собственникомъ всей движимости, всего вложеннаго въ землю капитала. Въ XVI вѣкѣ сталъ теряться тотъ характеръ вѣчности, какой носили отношенія собственника и владѣльца, и который съ такой наглядностью выступаетъ въ уцѣлѣвшей въ немногихъ мѣстностяхъ «quevaise», но обязательство собственника вознаградить арендатора за сдѣланныя имъ улучшенія, выкупить у него движимость фермы уцѣлѣло, какъ остатокъ этихъ болѣе старинныхъ порядковъ. Она въ такой же степени обезпечивала права арендатора и возможность затраты имъ капитала, въ какой ульстерскій обычай въ Ирландіи съ его «fixity of tenure» является залогомъ относительнаго благосостоянія фермеровъ и прогресса сельско-хозяйственной культуры. Въ собраніи раздались голоса въ пользу сохраненія этихъ порядковъ. Депутатъ Бодуэнъ требовалъ изъятія для нихъ изъ постановленія 4-го августа, отмѣнявшаго постоянныя ренты. Національное собраніе долго медлило, но въ концѣ-концовъ подвело этотъ видъ долгосрочной аренды подъ общій характеръ чиншеваго владѣнія. «Результатомъ декрета 30 мая—7 іюня 1791 года, справедливо говоритъ профессоръ Карѣевъ, было ухудшеніе судьбы крестьянъ, такъ какъ исчезала прежняя обезпеченность колоновъ [2]).

Съ изумительной непослѣдовательностью учредительное собраніе оставило въ то же время въ силѣ тотъ особый видъ долгосрочной аренды, какой представляетъ собою въ теперешнемъ департаментѣ Соммы, части прежней Пикардіи, такъ называемое droit de marché, на томъ только основаніи, что

---

[1]) Baudrillard. Les populations agricoles de la France. Bretagne, стр. 587.

[2]) Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, стр. 429.

признавало его видомъ свободнаго фермерства, а не крѣпостнаго держанія [1]).

Чтобы понять то значеніе, какое для французскаго крестьянства должна была имѣть эта систематическая отмѣна всего, что съ большимъ или меньшимъ правомъ признаваемо было продуктомъ феодальной узурпаціи, надо имѣть въ виду, что, при отсутствіи кредита и необходимости затрачивать часть дохода на выкупъ сеньеріальныхъ правъ, крестьянинъ не имѣлъ другой возможности расширить сферу своего фактическаго владѣнія, какъ прибѣгая къ тѣмъ формамъ зависимаго держанія, которыя, перенося въ его руки хозяйственную эксплуатацію земли изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ то же время избавляли его отъ издержекъ на пріобрѣтеніе титула собственности. Но если сохраненіе долгосрочныхъ и наслѣдственныхъ арендъ лежало въ интересахъ крестьянства, то оно, несомнѣнно, противорѣчило выгодамъ того класса собственниковъ, съ которымъ со временъ революціи среднее сословіе окончательно связало свою судьбу.

Долгосрочная аренда лишаетъ возможности участвовать въ тѣхъ выгодахъ, какія, помимо всякаго увеличенія въ производительности почвы, обезпечиваетъ собственнику естественный ростъ населенія, увеличивающій спросъ на землю, а потому и размѣръ арендной платы. Если прибавить къ этому и возможность ея повышенія въ виду той увеличившейся доходности, источникъ которой лежитъ въ сдѣланныхъ прежнимъ фермеромъ затратахъ, то понятна будетъ та матеріальная подкладка, на которой построена теорія собственности, не знающей безсрочнаго отчужденія владѣльческихъ правъ. Допустить такое отчужденіе все равно, что лишить собственника выгодъ, какія обезпечиваетъ ему, съ одной стороны, возрастающій спросъ на землю, а съ другой—затраченные въ нее временнымъ владѣльцемъ капиталы. Это положеніе ясно сознаваемо было уже экономистами прошлаго столѣтія. Доказывая необходимость отмѣны сеньеріальныхъ порядковъ, Бонсерфъ и Клико-Блервашъ столько же настаивали на неудобствѣ вѣчно-наслѣдственныхъ отношеній для собственника,

[1]) См. о природѣ этого контракта Lefort. La condition de la propriété dans le nord de la France.

сколько и на невыгодахъ личной и имущественной зависимости для крестьянина. Учредительное собраніе прониклось этимъ ученіемъ физіократіи, столь отвѣчавшимъ интересамъ средняго сословія. Но отмѣняя вѣковые порядки эмфитевтическаго владѣнія, предшествовавшіе феодализму и совершенно произвольно отождествляемые съ нимъ, оно справедливо вызвало со стороны нѣкоторыхъ современниковъ слѣдующій упрекъ: «постановляя, что впредь не можетъ быть создаваемо постоянныхъ рентъ и что прежнія не должны оставаться въ силѣ, собраніе наноситъ существенный вредъ какъ собственникамъ мало плодородныхъ земель, такъ и бѣднѣйшему классу сельскаго населенія. Этотъ видъ отчужденія владѣльческихъ правъ крайне распространенъ повсюду, гдѣ почва мало производительна. Его можно встрѣтить, напримѣръ, въ трехъ четвертяхъ нижней Нормандіи, гдѣ арпанъ сдается за 4—6 ливровъ въ годъ. Заросшая кустарникомъ земля представляетъ величайшія трудности для того, кто вздумалъ бы корчевать ее. Ея утилизація потребовала бы отъ собственниковъ превышающихъ ихъ средства затратъ. Предпочитаютъ поэтому сдавать ее за ничтожную ренту на долгіе сроки. Выгоды собственниковъ совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ интересами бѣднѣйшихъ жителей. Не имѣя надежды пріобрѣсти землю въ собственность за недостаткомъ капиталовъ, они охотно бросаются на возможность эксплуатировать ее, не дѣлая затратъ на покупку. Воздѣлывая съ крайнимъ рвеніемъ поступившіе въ ихъ руки мелкіе участки, они обращаютъ пустыню въ плодоносную ниву и создаютъ для себя источникъ существованія. Само государство выигрываетъ отъ большей густоты населенія, причина которой лежитъ въ этихъ раздачахъ». Авторъ цитируемой нами брошюры тщетно требуетъ возстановленія вѣчно-наслѣдственныхъ контрактовъ [1]). Его призывъ остается безъ отвѣта, и собраніе санкціонируетъ торжество интересовъ буржуазіи въ ущербъ интересамъ крестьянства, отмѣняя тысячелѣтніе порядки пользованія и провозглашая срочность всякаго владѣнія, за

---

[1]) Réflexions sur les articles 1 et 6 décrêtés par l'Assemblée Nationale les 4, 5, 7, 8 et 11 Août 1789 par un député du baillage de Caen. Paris. 1789. (Brit. Mus. Révolution française, v. 74).

исключеніемъ того, источникъ котораго лежитъ въ собственности.

Только имѣя въ виду тѣсную связь интересовъ средняго сословія съ интересами земельныхъ собственниковъ и давно проявившійся въ его рядахъ запросъ на землю, запросъ, удовлетвореніе которому дано было революціей, можно понять и источникъ того рѣшенія, какое дано было вопросу о содержаніи духовенства. Церковная десятина была, какъ извѣстно, отмѣнена и народный бюджетъ обремененъ новыми десятками милліоновъ на содержаніе причта. Чтобы дать правильную оцѣнку подобной мѣрѣ, не слѣдуетъ терять изъ виду, что тяжесть церковной десятины падала исключительно на собственниковъ; правда, ее несли фермеры и половники, но при установленіи размѣра ихъ аренды издревле дѣлался вычетъ того, что слѣдовало церкви. Сіейсъ правъ былъ поэтому, говоря, что съ отмѣной десятины собственники получили ничѣмъ не оправдываемый подарокъ въ 120,000,000; и это въ то время, когда, избѣгая банкротства, французская казна для покрытія дефицита готова была прибѣгнуть къ внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ, ввести въ обращеніе бумажныя деньги, наложить руку на собственность церкви, принимать даровыя приношенія золотыми и серебряными вещами, не исключая и пряжекъ съ башмаковъ депутатовъ [1]). Въ замѣнъ дохода, получаемаго духовенствомъ отъ собственности и церковной десятины, пришлось создать для него жалованье отъ правительства, а для этого необходимо было увеличить налоги. Національное собраніе, какъ мы вскорѣ увидимъ, послѣдовало совѣтамъ физіократовъ лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы избѣжать не только прогрессивнаго, но и подоходнаго обложенія капитала. Но оно рѣшительно отказалось раздѣлить ихъ антагонизмъ къ косвеннымъ налогамъ и обложить податью одну земельную собственность.

---

[1]) Антоніо Капелло въ своихъ донесеніяхъ венеціанскому сенату отмѣчаетъ то впечатлѣніе, какое эти патріотическія пожертвованія производили въ мірѣ финансистовъ. Патріотизмъ, говоритъ онъ, обходится депутатамъ довольно дешево, заставляя ихъ разстаться только со своими пряжками. Никто не думаетъ о томъ вредѣ, какой французскому кредиту приноситъ эта необходимость принимать самыя ничтожныя пожертвованія.

Система косвенныхъ сборовъ, падающихъ на потребителей и распредѣляемыхъ не столько соразмѣрно ихъ состоянію, сколько сообразно ихъ нуждѣ, была удержана и призвана къ оплатѣ въ значительной мѣрѣ тѣхъ новыхъ статей расхода, какія приняты были государствомъ съ момента секуляризаціи и отмѣны церковной десятины. Такимъ образомъ, во Франціи XVIII вѣка повторилось нѣчто подобное тому, что пережила Англія при возстановленіи Стюартовъ, когда въ замѣнъ отпущенныхъ земельнымъ собственникамъ феодальныхъ платежей созданъ былъ падающій на всѣхъ потребителей акцизъ [1]).

Благожелательство интересамъ собственниковъ сказалось также въ тѣхъ мѣрахъ, какія приняты были національнымъ собраніемъ для прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ съ помѣщиками. Мы имѣли случай указать, что экономисты прошлаго столѣтія въ лицѣ Клико Блерваша предлагали произвесть ликвидацію сеньеріальныхъ порядковъ по образцу той, какая имѣла мѣсто въ Савойѣ. Частное соглашеніе сеньёровъ съ крестьянскими общинами призвано было рѣшить здѣсь вопросъ о размѣрѣ выкупа, при чемъ дозволялось крестьянамъ произвесть отчужденіе своихъ общинныхъ земель для реализаціи нужныхъ имъ средствъ къ расплатѣ. Мѣсто индивидуальнаго выкупа занималъ выкупъ солидарный, и двухъ третей голосовъ признавалось достаточнымъ, чтобы принудить меньшинство той или другой общины къ участію въ этой операціи [2]).

Но рядомъ съ такой системой выкупа нѣкоторые французскіе публицисты рекомендовали и другой, простѣйшій и связанный съ меньшими денежными пожертвованіями для крестьянства. Сущность его долженъ былъ составить даровой отказъ со стороны короля, какъ верховнаго сюзерена, отъ слѣдуемыхъ ему приношеній съ прямыхъ вассаловъ, отказъ, дѣлаемый подъ условіемъ, что и они, въ свою очередь, предоставятъ такую же свободу второстепеннымъ владѣльцамъ ихъ земель, и такъ далѣе до низшихъ ступеней феодальной лѣстницы [3]). Националь-

---

[1]) См. Янжулъ. Исторія акциза въ Англіи, глава I.

[2]) См. Эдиктъ 10 декабря 1773 года и 2 января 1778 года у Доніоля. (La révolution et la féodalité) стр. 189—200.

[3]) Boncerf. Moyens de supprimer les droits féodaux. 1789.

ное собраніе не послѣдовало ни одной изъ этихъ системъ и предпочло избрать такой путь къ упраздненію сеньеріальныхъ отношеній, который всего болѣе отвѣчалъ провозглашенному имъ принципу святости и неприкосновенности собственности. Стоитъ отмѣтить то внутреннее противорѣчіе, въ какое впадали французскіе законодатели, захватывая одновременно въ казну церковныя имущества и объявляя, что всѣ такъ называемыя «реальныя права» помѣщиковъ подлежатъ выкупу, какъ представляющія собою дѣйствительную собственность.

Кто знакомъ съ природой феодальнаго права, тому не трудно будетъ допустить за-одно съ нами, что личныя и имущественныя права и обязательства переплетены въ немъ такъ тѣсно, что всякая попытка ихъ разграничить необходимо должна носить на себѣ въ большей или меньшей мѣрѣ печать произвола. Неудивительно поэтому, если членамъ феодальнаго комитета пришлось выдѣлить скоро въ особую группу накъ называемыя смѣшанныя права, въ которыхъ присутствуетъ одновременно и личный, и имущественный характеръ. Свободными отъ выкупа объявлены были тѣ, въ которыхъ сказывается присвоеніе однимъ человѣкомъ правъ собственности на личность другаго. Всѣ же остальные отнесены къ категоріи незапамятно возникшихъ контрактовъ между помѣщикомъ - собственникомъ и крестьянами-владѣльцами. Какъ мало подобныя различія отвѣчали дѣйствительнымъ историческимъ фактамъ, доказываютъ уцѣлѣвшіе акты «коммендацій», въ которыхъ сами собственники уступали феодалу право на ихъ имущество и личность въ обмѣнъ на защиту и покровительство. Повторяемъ, природа феодальныхъ отношеній не допускаетъ возможности отнести происхожденіе однихъ правъ и обязательствъ къ узурпаціи, а другихъ къ контракту. Крестьянинъ, очевидно, платилъ за предоставленный ему земельный надѣлъ тѣмъ, въ чемъ состояло все его имущество, т. е. личнымъ трудомъ, и если при ликвидаціи сеньеріальныхъ отношеній держаться исторической точки зрѣнія, то нѣтъ большаго основанія отказывать барщинѣ въ договорномъ источникѣ происхожденія, чѣмъ, напримѣръ, производительнымъ монополіямъ помѣщика, его исключительнымъ правамъ на помолъ и хлѣбопеченіе, варку пива или прессованіе винограда. Весьма

правдоподобно то объясненіе, какое сторонники дворянства давали происхожденію этихъ монополій, говоря объ услугѣ, какую помѣщикъ оказалъ своимъ крѣпостнымъ, затративши на устройство мельницъ и содержаніе печей и прессовъ имѣвшійся только въ его распоряженіи капиталъ; но также несомнѣнно и то, что съ цѣлью поддержать эту монополію сеньёры запрещали употребленіе ручныхъ мельницъ, т. е. дѣлали посягательство на личную свободу, и что во многихъ мѣстностяхъ, какъ показалъ это Біолэ, можно открыть существованіе общественныхъ баналитетовъ, предшествовавшихъ баналитетамъ сеньеріальнымъ, и слѣдовательно доказывающихъ скорѣе узурпацію помѣщика, нежели признанную его контрагентами услугу. Какое же, спрашивается, основаніе требовать, съ одной стороны, безвозмездной отмѣны барщины, а съ другой—выкупа у помѣщика его производительныхъ монополій, разъ существованіе послѣднихъ признано письменными актами. Чѣмъ можно также защитить, съ юридической точки зрѣнія, проведенную національнымъ собраніемъ теорію какихъ-то молчаливыхъ контрактовъ между помѣщиками и крестьянами,—контрактовъ, существованіе которыхъ помѣщикъ не долженъ доказывать, такъ какъ все бремя доказательствъ падаетъ на неимѣющихъ архивовъ, а потому и письменныхъ записей крестьянъ. Если оправдывать такое положеніе давностью, то вѣдь подъ ту же давность подойдутъ и тѣ права на личность крестьянина, которыя одни признаны были собраніемъ за продуктъ узурпаціи. На практикѣ требованіе, чтобы крестьяне, желавшіе избѣжать выкупа того или другаго изъ реальныхъ правъ, доказали свою свободу отъ него, означало ни больше, ни меньше, какъ освященіе собраніемъ всѣхъ имущественныхъ обязательствъ крестьянства безъ всякаго отношенія къ законности или незаконности ихъ источника. Надо помнить, что часть феодальныхъ помѣстій уже сосредоточивалась въ рукахъ средняго сословія. Новыя имущества должны были достаться ему благодаря секуляризаціи церковной собственности и отчужденію доменовъ. Депутаты отъ общинъ защищали поэтому интересы своихъ довѣрителей, другими словами—буржуазіи, когда заботились о возможномъ сохраненіи за собственниками всѣхъ выгодъ, источникомъ которыхъ являлась

уступленная якобы сервамъ земля. Санкціонируя съ другой стороны ту вопіющую несправедливость, какую представляла ходячая доктрина, что земля, окруженная феодальными владѣніями, потому самому есть земля феодальная (droit d'enclave), національное собраніе, очевидно, старалось сохранить возможно большія преимущества за владѣтельнымъ классомъ общества.

Во всѣхъ мѣропріятіяхъ закона 15—18 марта 1790 года видно одностороннее торжество той далеко не признаваемой во всей Франціи феодальной максимы, по которой всякая недвижимость считается принадлежащей сеньёру, пока не будетъ доказано обратное. Но цѣлая половина Франціи еще признавала не только въ эпоху редакціи кутюмовъ, но и наканунѣ революціи силу обратнаго правила: «никакая земля не должна считаться принадлежашей сеньёру, пока это не будетъ установлено актами («nulle terre sans titre»). Сельскіе наказы не разъ высказываютъ желаніе, чтобы этому послѣднему положенію обезпечено было торжество въ судахъ, другими словами—чтобы при рѣшеніи споровъ, считать ли ту или другую площадь свободной или обложенной платежами въ пользу сеньёра, бремя доказательствъ падало на послѣдняго. Смѣнившее конституанту законодательное собраніе явилось истолкователемъ этихъ взглядовъ, когда устами депутата Кутона оно предложило допустить въ пользу крестьянъ правило, что собственность свободна, пока не установлено будетъ противное. «Какъ требовать отъ народа, чтобы онъ вѣрилъ въ наступленіе царства правды, говорилъ Кутонъ, когда равенство сторонъ въ вопросѣ о выкупѣ нарушается въ пользу сеньёра». И то же на всѣ лады повторяютъ посылаемыя депутатамъ крестьянскія петиціи. «Неужели же вы не знали, значится въ той, которая поступила отъ имени крестьянъ Аверона, что сеньёръ на самомъ дѣлѣ былъ не болѣе, какъ безнаказаннымъ узурпаторомъ». «Если вы освободили сеньёровъ отъ представленія титуловъ, читаемъ мы въ другомъ одно характерномъ ходатайствѣ, то только потому, что вамъ извѣстно было отсутствіе у нихъ подобныхъ документовъ». Въ законодательномъ собраніи депутатъ Кретенъ за-одно съ петиціонерами заявляетъ, что реальныя права далеко не всегда имѣютъ источникомъ своимъ договоръ и что такъ называемая main-morte

réelle, или обусловленная надѣломъ крѣпость къ землѣ, въ такой же мѣрѣ, какъ и всѣ личныя права, имѣетъ источникомъ посягательство на свободу [1]). Депутатъ д'Орліакъ справедливо доказывалъ, что въ рукахъ крестьянъ не сохранилось никакихъ титуловъ, такъ какъ ихъ архивы слились съ архивами феодальными и находятся въ настоящее время въ рукахъ сеньёровъ. «Не станутъ же они сами представлять титуловъ, подрывающихъ ихъ притязанія, а слѣдовательно, пока не потребуютъ отъ сеньёровъ, чтобы они установили свои права предъ судомъ, крестьяне останутся безъ возможности защиты».

Благопріятенъ также интересамъ собственниковъ положенный конституантой порядокъ выкупа: солидарность крестьянъ одного помѣстья при его производствѣ, обязательство выкупать одновременно періодическіе платежи и платежи случайные, поводъ, къ которымъ давали акты отчужденія между крестьянами [2]). Замѣчательно, что никто въ собраніи не поднялъ голоса въ пользу производства самимъ правительствомъ выкупной операціи. Запросъ объ этомъ впервые сдѣланъ былъ въ частныхъ петиціяхъ двухъ муниципалитетовъ департамента Ло и Гароны и повторенъ былъ въ стѣнахъ законодательнаго собранія депутатомъ д'Орліакомъ [3]). Денежныя затрудненія и быстрый ходъ событій, уносившій въ ряды эмиграціи тѣхъ, въ чью пользу долженъ былъ произойти выкупъ, упразднили возможность такого рѣшенія. 18 іюня 1791 года законодательное собраніе допустило отмѣну безъ выкупа всѣхъ «случайныхъ» платежей, взимаемыхъ сеньёрами съ крестьянъ (droits casuels). Этотъ законъ является первымъ въ ряду тѣхъ, которыми допущено было безвозмездное прекращеніе сеньеріальныхъ правъ. 17 іюля 1793 г. Конвентъ издаетъ декретъ, которымъ всякаго рода сеньеріальные платежи — цензуальные, постоянные и случайные — объявляются упраздненными безъ вознагражденія и предписано сожженіе удостовѣряющихъ ихъ документовъ. Въ эпоху первой имперіи государственный совѣтъ вполнѣ сан-

---

[1]) См. Doniol, стр. 102, 103, 95, 98.
[2]) Ibid, стр., 81.
[3]) Ibid., стр. 114 и 115.

кціонировалъ своими декретами такой сиособъ рѣшенія крестьянскаго вопроса. Ликвидація феодальнаго строя свелась, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ къ простому разсѣченію Гордіева узла. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы дѣло приняло этотъ оборотъ, если бы эмиграція и легкость пріобрѣтенія земель, благодаря распродажѣ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, не дозволила буржуазіи обезпечить себѣ львиную часть въ новой земельной добычѣ и помимо строгаго настаиванія на крестьянскомъ выкупѣ.

Если крестьянинъ по единогласному свидѣтельству современниковъ и облагодѣтельствованъ былъ революціей, то только въ томъ смыслѣ, что получилъ даромъ или почти даромъ землю своего надѣла. Я говорю почти, такъ какъ происшедшія до осени 93 года крестьянскія расплаты произведены были обезцѣненными ассигнаціями. И такъ, въ причинахъ, ничего не имѣющихъ общаго съ земельной политикой учредительнаго собранія и съ законодательнымъ рѣшеніемъ имъ крестьянскаго вопроса, лежитъ источникъ того относительнаго благосостоянія, въ которомъ Артуръ Юнгъ и слѣдующіе за нимъ путешественники застаютъ французское крестьянство. То, что Юнгъ говоритъ намъ о его судьбахъ въ 1791 и 1792 годахъ, вполнѣ подтверждаетъ подобную точку зрѣнія. «По приблизительному разсчету, пишетъ онъ, въ рукахъ земледѣльческаго класса, за два года 1789 и 1790, благодаря отмѣнѣ дорожной повинности и неисправному платежу налоговъ, осталось около 300 милліоновъ ливровъ или франковъ. Прибавимъ къ этому 300 милліоновъ ливровъ, представляемыхъ неуплаченной за два года десятиной, и сто милліоновъ, въ какіе обходились прекратившіяся нынѣ феодальныя ренты, и мы получимъ сумму въ 700,000,000 пошедшую прямо на пользу крестьянъ. Но это далеко не большая половина реализованныхъ ими выгодъ, источникъ которыхъ лежитъ, главнымъ образомъ, въ возможности продавать хлѣбъ по дорогой цѣнѣ. Правда, надо сдѣлать нѣкоторый вычетъ въ виду уменьшившагося потребленія, но и за всѣмъ тѣмъ балансъ несомнѣнно клонится въ пользу мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ». Въ 1792 году тотъ же Юнгъ признаетъ, что всѣ мелкіе собственники, воздѣлывающіе свои земли, пользуются

большимъ, чѣмъ прежде, матеріальнымъ благосостояніемъ и живутъ «въ полномъ довольствѣ». Это довольство еще увеличивается отъ того, что къ югу отъ Луары (замѣтимъ мимоходомъ — въ странѣ, въ которой господствовало правило «nulle seigneur sans titre»), платежъ ренты совершенно прекратился и многіе сеньёры не получили съ крестьянъ ни одного сантима [1]). Нѣсколько лѣтъ спустя проѣзжающій по сѣверу Франціи графъ Мальмсбери въ депешѣ къ лорду Гренвилю отъ 23 октября 1796 года пишетъ, что на всемъ протяженіи отъ Калэ до Парижа ему пришлось наблюдать «высокую земледѣльческую культуру». Несмотря на то, что мужское населеніе въ селахъ значительно сократилось (благодаря иноземной войнѣ), оранка производится повсемѣстно женщинами, стариками и малолѣтними съ помошью гдѣ лошадей, а гдѣ и ословъ. Меня увѣряютъ, прибавляетъ корреспондентъ лорда Гренвиля, что сказанное примѣнимо къ любой изъ провинцій французской республики; и это должно быть справедливо. Крестьяне и всѣ вообще мелкіе собственники, несмотря на частыя реквизиціи и другія революціонныя вымогательства, повидимому, болѣе другихъ выиграли отъ новаго порядка, главнымъ образомъ потому, что съ самаго начала они отказались получать въ платежъ за сельскіе продукты предлагаемыя имъ ассигнаціи. Такъ какъ необходимость заставляла каждаго покупать эти продукты, то неудивительно, если въ рукахъ крестьянства сосредоточилась добрая часть находящейся въ обращеніи звонкой монеты. Этой монетой, которую они съумѣли удержать за собой, несмотря на всѣ акты насилія революціоннаго правительства, крестьяне и мелкіе собственники, пользуясь увеличивающимся паденіемъ ассигнацій, пріобрѣли по неслыханно дешевой цѣнѣ поступившіе на рынокъ земельные участки [2]). Хотя это послѣднее свидѣтельство и примѣнимо, главнымъ образомъ, къ фермерамъ, но нѣтъ основанія думать, чтобы и крестьяне, освобожденные отъ выкупа, не воспользовались по крайней мѣрѣ отчасти сдѣланными ими сбе-

---

1) См. Артуръ Юнгъ Travels, Англ. изданіе 1889 года, стр. 329 и слѣдующія.

2) Diaries of Malmesbury, т. III, стр. 271 и 290.

реженіями для покупки тѣхъ или другихъ мелкихъ участковъ и округленія своихъ владѣній. Нѣмецкій путешественникъ Рейхартъ даетъ понять, что крестьянство довольно ясно сознавало ту связь, въ какой его недавнее благосостояніе стояло къ эмиграціи массы дворянъ. По его словамъ, крестьяне почти повсемѣстно выражаютъ готовность жечь за̀мки, чтобы предупредить возвращеніе на родину этихъ, какъ они выражаются, «палачей» [1]).

Мы видѣли, какое рѣшеніе дано было учредительнымъ собраніемъ вопросу о собственности, и въ какой мѣрѣ отразились на немъ его симпатіи къ землевладѣльческимъ интересамъ средняго сословія. Посмотримъ теперь, какъ сказалось торжество буржуазіи въ другомъ поставленномъ на очередь вопросѣ,—вопросѣ, который публицистика XVIII вѣка и, въ частности физіократы, съ Тюрго во главѣ, обнимали понятіемъ «правъ труда». Какихъ мѣръ ожидало отъ собранія нарождавшееся во Франціи четвертое сословіе, показываютъ упомянутыя нами выше массовыя движенія, тѣ спорадическія возстанія рабочаго люда, задачей которыхъ является удешевленіе средствъ жизни и увеличеніе заработной платы,—тѣ самопроизвольныя движенія въ пользу организаціи ассоціацій, которыя въ старой Франціи сказывались въ такъ называемыхъ «compagnonnages», а въ новой въ первыхъ попыткахъ создать общественныя кассы для лицъ одного ремесла и проявить чувство солидарности въ стачкахъ.

Спрашивается, въ какой мѣрѣ эти запросы приняты были во вниманіе членами учредительнаго собранія.

Дѣятельность конституанты и на этотъ разъ проявилась больше въ разрушеніи, нежели въ созиданіи. Торжественно заявленная ею свобода труда означала только благополучное завершеніе начатой еще Тюрго ликвидаціи цеховыхъ порядковъ. Нельзя, разумѣется, не признать, за-одно съ экономистами прошлаго вѣка,

---

[1]) Saint-Pierre le Moutier., 2-го марта 1792. Notre hôtesse me dit: Les paysans se sont engagès solennellement à détruire les châteaux, au premier coup de fusil tiré sur la frontiére, afin d'ôter à ces bourreaux-là — ce sont ses expressions — toute envie de revenir dans leurs terres (Lettres intimes de Reichardt. См. Un prussien en France en 1794, стр. 196.

что цеховое устройство фактически выродилось въ монополію, въ поддерживаемую правительствомъ и нерѣдко покупаемую у него привилегію ремесленнаго производства.

Но взглядъ на прошлое цеховъ раскрываетъ намъ присущія имъ нѣкогда черты дѣйствительной организаціи труда на началахъ солидарности между предпринимателями и простыми исполнителями работъ. Общественныя кассы, поддержка въ болѣзни, оплата похоронъ, призрѣніе вдовъ и сиротъ, представляютъ только отдѣльныя стороны порядковъ, въ которыхъ патронъ за помощь въ работѣ принималъ на себя обязанность содержанія и выучки, открывая такимъ образомъ подмастерьи перспективу перехода въ ряды предпринимателей и устраняя тѣмъ самымъ ту экономическую рознь, какую вызываетъ пріуроченіе однихъ къ едва обезпечивающей существованіе платѣ и сосредоточеніе въ рукахъ другихъ всѣхъ выгодъ производства. Эта положительная сторона средневѣковой организаціи труда нашла заслуженную оцѣнку въ современной исторической школѣ, въ особенности въ Германіи [1]).

Правда, въ той картинѣ цеховыхъ порядковъ, какая рисуется, напримѣръ, Шенбергомъ или Брентано, не мало идеализаціи, не мало также не оправдываемыхъ источниками утвержденій, что духъ монополіи, проявляющійся въ ограниченіи числа учениковъ и затрудненіи доступа къ мастерству, есть продуктъ позднѣйшей эпохи, результатъ вырожденія цехового принципа. Болѣе близкое знакомство съ ранними гильдейскими статутами Италіи и Франціи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ болѣе слабой степени духъ исключительности и привелегіи присущъ былъ цеховому устройству еще въ XIII столѣтіи. Но и въ позднѣйшую эпоху полнаго торжества замкнутости, когда мастерство сдѣлалось своего рода наслѣдственнымъ преимуществомъ, духъ солидарности, стремленіе къ взаимной поддержкѣ, и къ дѣятельности сообща сказывается въ средѣ подмастерій,

---

[1]) Zur wirthschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter. Schönberg. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistic (Bruno Hildebrand) томъ II, тетради I, II и III. Та же точка зрѣнія проведена профессоромъ Чупровымъ въ его лекціяхъ по исторіи политической экономіи.

въ тѣхъ нерѣдко ненавистныхъ цехамъ союзахъ, которые съ XIV-го вѣка извѣстны Франціи и Германіи подъ наименованіемъ «товарищескихъ или братскихъ» (Gesellenverbände, compagnonnages). Такимъ образомъ, зародыши рабочей ассоціаціи, тѣхъ trades-unions, какія Брентано тщетно думаетъ открыть въ «ремесленныхъ гильдіяхъ» средневѣковой Англіи, дѣйствительно существовали въ не разъ организовывавшихъ стачки и обхватывавшихъ собою цѣлыя страны, на половину тайныхъ, на половину явныхъ сообществахъ между рабочими одного или нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу ремеслъ, сообществахъ, доселѣ живущихъ въ нашей средѣ въ формѣ такъ далеко уклонившихся отъ первоначальнаго образца массонскихъ ложъ. Когда парижскіе рабочіе останавливались, какъ мы видѣли выше, на мысли создать общія кассы и установить болѣе тѣсное общеніе между исполнителями одного промысла, они примыкали къ исторически сложившейся и вѣковой традиціи; они только пріурочивали къ новымъ задачамъ, къ цѣлямъ борьбы съ индивидуальными предпринимателями, тѣ рабочія товарищества, которыя прежде стояли лицомъ къ лицу съ организованнымъ въ монопольные цехи мастерствомъ. Дало ли національное собраніе какое-нибудь удовлетвореніе этому самопроизвольному запросу или вся его программа въ данномъ случаѣ исчерпывается провозглашеніемъ формальной свободы труда? Законъ 2—17 марта 1791 года и возобновившіеся по его поводу дебаты въ серединѣ іюня того же года позволяютъ намъ сказать, что законодатели Франціи не пошли далѣе отмѣны цеховъ и не обезпечили даже вполнѣ свободы труда, обложивъ его налогомъ въ формѣ патентнаго сбора и установивъ легальныя препятствія къ устройству стачекъ и рабочихъ союзовъ. Во всемъ отношеніи конституанты къ рабочему вопросу наглядно отражается та точка зрѣнія, какой придерживались экономисты прошлаго столѣтія, и не одни только физіократы, проповѣдывавшіе гармонію интересовъ и рѣшеніе всѣхъ возможныхъ столкновеній на почвѣ экономической свободы и конкурренціи, но и Адамъ Смитъ [1]), если не запрещавшій,

---

[1]) Turgot et ses doctrines, par Alfred Neymark, т. I, стр. 451.— Wealth of Nations, кн. I, гл. 10-ая.

то во всякомъ случаѣ враждебно относившійся къ мысли о коллективной оппозиціи со стороны рабочихъ. Вліяніе Тюрго въ частности сказывается даже въ самой редакціи того отчета, какимъ сопровождался внесенный въ собраніе законъ объ отмѣнѣ цеховъ. «Возможность работать, значится въ немъ, одно изъ первыхъ правъ человѣка. Это право составляетъ его собственность,— собственность, наиболѣе священную и неотчуждаемую». Всѣ эти выраженія цѣликомъ заимствованы изъ знаменитаго эдикта Тюрго отъ 1776 г. Тѣ нападки, какія учредительное собраніе направляетъ противъ цеховъ, опять таки не новы и находятъ выраженіе себѣ въ томъ же эдиктѣ. Законодатели Франціи ставятъ на видъ чрезмѣрную продолжительность ученичества, рабскую зависимость подмастерій, высоту издержекъ, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ мастерства и поглащавшихъ большую часть сдѣланныхъ сбереженій. Одна трапеза, устраиваемая новымъ мастеромъ въ честь своихъ будущихъ товарищей, оплачивалась, говорится въ законѣ, годовымъ заработкомъ. Монополизація правъ мастера въ рукахъ однихъ наслѣдниковъ, недопущеніе иностранцевъ и даже уроженцевъ чужаго города, возможность повышенія цѣнъ на товары благодаря стачкѣ между мастерами, недостатокъ въ качествѣ мануфактуратовъ, объясняемый невозможностью выбора и отсутствіемъ конкурренціи—все это вмѣстѣ взятое обращало цехи въ тормазъ промышленности и требовало ничѣмъ не оправданныхъ пожертвованій какъ отъ потребителей, такъ и отъ рабочихъ. Отмѣняя ихъ на будущее время, собраніе объявляло, что свобода есть душа промышленности, и что поэтому каждому гражданину должна быть предоставлена возможность заняться по выбору тѣмъ или другимъ искусствомъ, ремесломъ или профессіей. Эта свобода терпѣла однако существенныя ограниченія, а именно: взамѣнъ покупаемыхъ нерѣдко у правительства правъ мастера собраніе создавало патентный сборъ. Отъ этого сбора освобождены только тѣ, кто платитъ личный налогъ всего на-всего въ размѣрѣ трехдневной заработной платы. Налогъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ прогрессивнымъ, такъ какъ возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ квартирной платы, начиная съ 2 су съ ливра до $2^1/_2$ и 3 су, сообразно платежу до 400, отъ 400 до 800 и свыше 800 ливровъ за помѣще

ніе [1]). Обложеніе промышленности и торговли патентнымъ сборомъ дало поводъ врагамъ революціи доказывать неисполненіе ею данныхъ народу обѣщаній. Въ своемъ «Мотивированномъ анализѣ французской конституціи» Клермонъ Тоннеръ скажетъ, повторяя болѣе рѣзкія заявленія реакціонной партіи, что отмѣна монополій только видимая, такъ какъ правительство сохранило за собою возможность поворота къ прежнимъ порядкамъ, установивъ патентный сборъ [2]). Но не этому налогу слѣдуетъ приписать рѣшительное недовольство рабочихъ мѣропріятіями конституанты,—недовольство, которое взялось эксплоатировать въ свою пользу зарождавшаяся въ это время республиканская партія Дѣйствительная причина лежитъ въ томъ положеніи, какое конституанта приняла по отношенію къ запросу рабочихъ на свободу ассоціацій.

Мы видѣли, что этотъ запросъ сказался въ организаціи общихъ кассъ и постепенно принялъ форму открытаго покровительства стачкамъ. Уже въ концѣ 1790 года, еще до отмѣны цеховъ, парижскіе парикмахеры въ петиціи къ собранію жаловались на то, что рабочіе помощники отбиваютъ у нихъ заработокъ, принимая заказы у кліентовъ [3]). Полтора мѣсяца спустя ліонскіе ремесленники въ письменномъ обращеніи къ собранію, съ своей стороны, высказываютъ недовольство патронами. Собраніе думало положить конецъ дальнѣйшимъ столкновеніямъ между предпринимателями и рабочими простымъ воспроизведеніемъ проведенной еще Тюрго реформы; но обстоятельства вскорѣ показали, что источникъ вражды лежалъ не въ одномъ отсутствіи свободной конкурренціи, что рабочіе добивались прежде всего увеличенія платы въ виду возрастающихъ издержекъ существованія. Эта сторона соціальныхъ затрудненій проявилась уже съ самаго начала революціи, когда собравшіеся въ садахъ Лувра портняжные подмастерья направили депутацію къ городскимъ властямъ съ ходатайствомъ объ обезпеченіи имъ во вся-

---

[1]) Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la révolution. Томъ I, стр. 278.

[2]) Analyse raisonnée de la constitution française dècrétée par l'assemblée Nationale des années 1789, 1790, 1791 (par Clermont Tonnerre) 1791.

[3]) Histoire Parl., томъ VIII. Засѣданіе 2 декабря 1790 года.

кое время года двухъ франковъ жалованья въ день. Этому примѣру не замедлили послѣдовать рабочіе другихъ ремеслъ: плотники и каменщики, занятые постройкой моста Людовика XVI; послѣдніе требовали повышенія платы съ 30 до 36 су въ день. Въ обществѣ земледѣлія раздавались голоса въ защиту правительственнаго вмѣшательства и опредѣленія легальнаго уровня заработной платы. Одинъ изъ членовъ предложилъ соразмѣрить ее съ издержками существованія, принимая въ разсчетъ, что человѣку на денное пропитаніе нужно по меньшей мѣрѣ три фунта хлѣба и два фунта мяса. Добавочные два су должны были покрыть всѣ прочія затраты. Этотъ призывъ, какъ и тѣ, какіе сдѣланы были упомянутыми выше рабочими, не нашелъ отголоска въ средѣ собранія. Рабочіе рѣшились прибѣгнуть къ самопомощи. Примѣръ поданъ былъ подмастерьями башмачниковъ и сапожниковъ, которые создали кассу для выдачи пособій тѣмъ изъ собственной среды, кто окажется безъ заказовъ. Въ то же время они объявили подлежащими исключенію изъ сообщества всѣхъ и каждаго, кто согласится приготовить для мастера пару обуви за меньшую плату противъ той, которая установлена будетъ товариществомъ. За сапожными подмастерьями послѣдовали плотники и типографщики, также образовавшіе въ своей средѣ сообщества съ цѣлью добиться увеличенія поденной платы и принужденія стоящихъ внѣ товарищества рабочихъ иримкнуть къ ихъ стачкѣ. Мастера не замедлили обратиться со своими жалобами къ національному собранію, которое открыто приняло ихъ сторону и поручило двумъ своимъ членамъ редактировать текстъ прокламаціи, обнародованной имъ 29 апрѣля 1791 года. Въ этой прокламаціи говорилось о томъ, что свобода должна существовать для всѣхъ, а слѣдовательно, и для мастеровъ, что одинаково и невозможно, и несправедливо требовать отъ нихъ платежа всѣмъ рабочимъ одного и того же заработка[1]). Вскорѣ затѣмъ принято было постановленіе, объявлявшее «не конституціонными «и потому необязательными всякаго рода запреты получать плату больше или меньше той, какая установлена будетъ рабочими товариществами». Заработная плата, значится въ

---

[1]) Levasseur, Histoire des classes ouvrières, томъ III, стр. 137 и 138.

текстѣ закона, «должна быть опредѣляема уговоромъ предпринимателей съ исполнителями. Силы и способности по природѣ различны. Не можетъ существовать поэтому общаго для всѣхъ вознагражденія; нельзя принуждать ни рабочихъ, ни предпринимателей, нельзя устанавливать общеобязательной таксы». О томъ, какое впечатлѣніе должно было произвести въ средѣ рабочихъ рѣшительное нежеланіе, хотя на время, парализовать вредное дѣйствіе свободной конкурренціи, можно судить, сопоставляя уровень заработной платы съ уровнемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Леонъ Біолэ своими точными изслѣдованіями о цѣнахъ въ 1790 году даетъ возможность подобнаго сравненія. Вотъ какія данныя сообщаетъ его интересная монографія. На сѣверо-западѣ Франціи городскіе чернорабочіе получали въ день, начиная съ 50 сантимовъ до $1^1/_2$ франковъ. Приблизительно тѣ же цѣны существовали и въ сѣверной полосѣ Франціи. Онѣ были немногимъ выше въ центрѣ и падали нѣсколько ниже на югѣ и юго-западѣ, гдѣ нерѣдко встрѣчается плата въ 15 и 18 су въ день Средній заработокъ, по сообщаемымъ Біолэ цифрамъ, для всей Франціи не превышаетъ одного франка трехъ су въ день. Этотъ выводъ находитъ прямое подтвержденіе и въ свидѣтельствѣ Артура Юнга, по вычисленіямъ котораго заработная плата равнялась 19 су въ день, т.-е. была немногимъ меньше одного франка. Само собраніе даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія по этому вопросу. 15 января 1790 года Барнавъ заявилъ о томъ, что желаніе сократить число избирателей заставляетъ муниципалитеты нѣкоторыхъ городовъ злоупотреблять своими полномочіями. Законъ требовалъ отъ участниковъ на выборахъ платежа трехдневной заработной платы и предоставлялъ городскимъ управленіямъ высказаться на счетъ средняго ея размѣра. Барнавъ утверждалъ, что муниципалитеты умышленно увеличиваютъ этотъ размѣръ, и требовалъ, чтобы всѣ оцѣнки свыше 15 су въ день подверглись кассаціи. Собраніе, слѣдуя указаніямъ Таржэ и Шапелье, согласилось съ мнѣніемъ Барнава, но повысило предположенный имъ максимумъ до 20 су [1]). Если

---

[1]) Etudes économiques sur le XVIII cièclе (les Prix en 1790, par Léon Biollay, стр. 4—14).

мы сопоставимъ съ этимъ размѣромъ заработной платы затраты на пропитаніе, считая 4 фунта хлѣба въ день, то намъ придется высказать удивленіе, какъ могъ французскій рабочій покрыть своимъ скромнымъ вознагражденіемъ затраты сколько-нибудь численной семьи. Мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія о средней цѣнѣ хлѣбнаго зерна въ отдѣльныхъ областяхъ Франціи, такъ какъ она приводится назначенной въ 1793 году коммиссіей для предварительнаго разсмотрѣнія закона о максимумѣ.

Изъ ея показаній слѣдуетъ, что сетье ржи, вѣсившее 240 фунтовъ, стоило среднимъ числомъ[1]) 31½ ливровъ. Другія оцѣнки отъ 2-го и 3-го года республики понижаютъ этотъ средній уровень на одинъ ливръ, такъ что въ современной монетѣ 30 франковъ 11 су выражаютъ собою цѣнность сетье. Это даетъ 2½ су за фунтъ. Если не считать заработковъ мельниковъ и булочниковъ съ одной стороны, припека съ другой, четыре фунта хлѣба—минимумъ того, что при отсутствіи мяса необходимо на пропитаніе — обходились бы въ день въ 10 су, т. е. поглащали бы половину дневнаго заработка рабочаго. Другая едва удовлетворяла бы нуждѣ жены и ребенка. Но даже послѣ установленія парижскимъ муниципалитетомъ таксы на печеный хлѣбъ, въ іюлѣ и въ августѣ, въ 13 су четыре фунта, позднѣе въ 12, а въ іюнѣ 1790 года въ 11 су, затрата на пропитаніе все-таки превышала сдѣланный нами разсчетъ. Правда, въ отчетѣ 4 ноября 1790 года говорится о паденіи цѣнъ на хлѣбъ ниже опредѣленной таксы, но изъ сообщаемыхъ въ журналѣ «Révolutions de Paris» цѣнъ, все же слѣдуетъ, что даже въ это время фунтъ хлѣба рѣдко обходился дешевле двухъ су трехъ сантимовъ.

Да и въ провинціяхъ, какъ видно изъ первой таксы на хлѣбъ, установленной въ округѣ Фауэ, черный хлѣбъ, вѣсомъ въ три ливра, стоилъ въ 1790 году 7 су 6 сантимовъ, т. е. опять-таки 2 су 4 сантима за фунтъ [2]).

Послѣ сказаннаго неудивительно, если въ отвѣтъ на запреты устраивать стачки и требовать надбавки жалованья каменщики

---

1) Ibid., стр. 83.

2) Ibid., стр. 101—104.

и плотники толпами стали являться къ мэру и настаивать на вмѣшательствѣ муниципалитета. Очевидецъ этихъ событій, госпожа Миллесъ, говоритъ о партіяхъ въ 800 рабочихъ, съ шумомъ проходящихъ по улицамъ Парижа, направляющихся въ городскую ратушу, и требующихъ отъ мэра, чтобы къ ихъ обычному заработку въ 30 су прибавлено было еще 10. Въ отвѣтъ имъ приходилось слышать повтореніе тѣхъ заявленій, какія сдѣланы были уже національнымъ собраніемъ. «Никакая власть въ мірѣ не въ силахъ увеличить ихъ заработковъ или принудить хозяевъ къ высшей платѣ» [1]. Но плотники, недавно организованные въ братства, продолжали настаивать, требуя отъ патроновъ установленія порядковъ, которые бы обезпечивали обѣимъ сторонамъ пропорціональный заработокъ. Не получая и съ этой стороны никакого удовлетворенія, они самовольно установили нормальную плату въ 50 су ($2^1/_2$ франка въ день) и продолжали настаивать на посредничествѣ муниципалитета. На этотъ разъ городское управленіе Парижа не только отказало въ своемъ содѣйствіи, но еще обратилось за-одно съ департаментской директоріей къ національному собранію, прося его надѣлить власти правомъ легальной репрессіи. Хотя рабочіе, занятые постройкой храма св. Женевьевы, будущаго Пантеона, и направили контръ-петицію къ Марату, этому какъ они выражались, защитнику неимущихъ, но національное собраніе рѣшилось удовлетворить сдѣланному ему запросу [2]. 14 іюня 1791 года единогласно вотированъ былъ законъ, проектъ котораго составленъ Шапелье и который подъ предлогомъ воспрепятствовать оживленію отмѣненныхъ корпорацій, налагаетъ руку на свободу частныхъ союзовъ и сообществъ.

Въ Монитёрѣ отъ 15 іюня 1791 года подробно приведено содержаніе доклада Шапелье, излагавшаго мотивы закона. «Нельзя, значится въ немъ, дозволять гражданамъ извѣстныхъ профессій обсуждать на сходкахъ ихъ воображаемые общіе интересы (de s'assembler pour leurs prétendus intérêts communs). Нѣтъ больше корпорацій въ государствѣ, — существуетъ только два инте-

---

1) The Correspondence of William Augustus Milles (1789 — 1817) томъ I, стр. 291—292.

2) Levasseur, томъ III, стр. 139 и 140

реса — частный, каждаго отдѣльнаго индивида, и общій. Восходя къ принципамъ, необходимо предоставить свободному соглашенію установленіе поденной платы. Отказываясь регулировать отношенія предпринимателей къ рабочимъ, Шапелье не скрываетъ однако, что существующій размѣръ вознагражденія недостаточенъ, Трудящійся долженъ быть свободенъ отъ той зависимости, источникъ которой лежитъ въ невозможности удовлетворить сполна потребностямъ первой необходимости,—зависимости, прибавляетъ онъ, воспроизводя мысль, высказанную уже Линге [1]), которая ничѣмъ существенно не отличается отъ «рабства». Эти заявленія вызываютъ знаки неодобренія, но они прекращаются при переходѣ оратора къ критикѣ недавно возникшихъ ассоціацій. Эти сообщества, говоритъ онъ, признаютъ своимъ назначеніемъ доставлять помощь рабочимъ одной профессіи въ болѣзняхъ и при недостаткѣ занятій. На первый взглядъ учреждаемыя ими кассы могли показаться полезными, но замѣчаетъ Шапелье, не частнымъ лицамъ, а націи, государственнымъ чиновникамъ, должно принадлежать право и обязанность спѣшить на помощь нуждающимся, призрѣвая недужныхъ и доставляя работу тому, кто можетъ трудиться. Система частныхъ пособій представляетъ собою значительную опасность, такъ какъ въ ихъ распредѣленіе могутъ вкрасться ошибки и неправильности. Въ самыхъ благопріятныхъ даже условіяхъ она имѣетъ то неудобство, что ведетъ къ оживленію корпорацій [2]). Высказывая это положеніе, Шапелье давалъ только новое признаніе теоріи Тюрго и всѣхъ вообще физіократовъ о необходимости не допускать никакихъ посредниковъ между частнымъ лицомъ и государствомъ, ученіе, къ которому присоединялся и Жанъ-Жакъ Руссо своими нападками на esprit particulier, и которое не далѣе, какъ въ 1789 году заставляло авторовъ отдѣльныхъ брошюръ, задавшихся мыслью о возрожденіи Франціи, рекомендовать запрещеніе ассоціацій и собратствъ одинаково между предпринимателями и рабочими [3]).

---

[1]) Théorie des lois civiles.

[2]) La révolution française et la question ouvriére par Charles Chabot (Révolution française, томъ V, Juillet - Dec. 1883, стр. 493).

[3]) La Régénération de la France par M. Pelletier 1789, стр. 200.—On

Декретъ 14 іюня 1791 года постановляетъ: такъ какъ всякаго рода союзы гражданъ одного общественнаго состоянія и ремесла отмѣнены французской конституціей, то запрещается возстановлять ихъ въ будущемъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Ни лавочники, ни рабочіе, ни ремесленники не въ правѣ выбирать отъ общихъ собраній президентовъ и секретарей, вести протоколы, обсуждать совмѣстно и постановлять рѣшенія, наконецъ, сочинять регламенты, касающіеся «якобы общихъ имъ интересовъ».

Понятно недовольство, вызванное такой мѣрой, понятны броженія и безпорядки, порожденные ею въ средѣ еще недавнихъ членовъ рабочихъ союзовъ. На писчебумажныхъ фабрикахъ продолжались вопреки закону прежнія стачки, и рабочіе толпами оставляли предпринимателей, пока новымъ декретомъ отъ 26 іюля 1791 года собраніе не отняло право оставленія службы иначе, какъ подъ условіемъ предупрежденія мастера за шесть недѣль въ присутствіи свидѣтелей [1]). И въ этомъ отношеніи законодательство конституанты явилось одностороннимъ удовлетвореніемъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ. Во многихъ дворянскихъ наказахъ и нѣкоторыхъ средняго сословія заявлялось о необходимости предотвратить возможность частаго оставленія хозяевъ служащими установленіемъ подобія рабочихъ книжекъ.

Иностранцы, посѣтившіе Францію въ 1791 и 1792 годахъ, въ одно слово говорятъ о бѣдственномъ положеніи городскаго простонародья. Артуръ Юнгъ настаиваетъ на противоположности, какую съ благосостояніемъ земледѣльческихъ классовъ представляетъ бѣдственное положеніе всѣхъ занятыхъ обрабатывающей промышленностью. Указывая на ея упадокъ благодаря конкурренціи англійскихъ товаровъ, прекращенію дохода феодальныхъ собственниковъ и высшаго духовенства, а также бѣгству многихъ изъ государства, онъ говоритъ о сокращеніи на три четверти туземнаго производства. Даже тѣ, чьи доходы не были затро-

---

peut dire qu'il faut cependant une police parmi les commerçants et parmi les ouvriers. Oui, sans doute; la prèmiere loi de police est d'empécher, autant qu'il est possible, qu'il ne se fasse aucune association, qu'il n'y ait aucune confraternité parmi les commerçants et parmi les ouvriers.

[1]) Levasseur, стр. 142, томъ III.

нуты революціей, сократили потребленіе въ виду необезпеченности общаго положенія страны, открывающейся перспективы междоусобной войны и убѣжденія, что только денежные запасы могутъ гарантировать насущный хлѣбъ въ ближайшемъ будущемъ. Необходимымъ послѣдствіемъ такихъ забастовокъ было удаленіе изъ фабрикъ огромнаго числа рабочихъ. «Я имѣлъ возможность, прибавляетъ Юнгъ, убѣдиться лично, до какой нищеты доведены они въ Ліонѣ, Абевилѣ, Амьенѣ. Мнѣ говорятъ, что ихъ положеніе еще хуже въ Руанѣ» [1]). Правда, въ 1792 году тотъ же Юнгъ говоритъ о нѣкоторомъ подъемѣ французской промышленности; но другой очевидецъ, пруссакъ Рейхартъ, констатируетъ въ своихъ письмахъ изъ Ліона, что это оживленіе производства не обѣщало лучшаго будущаго рабочимъ классамъ. «То, что ожидаетъ фабричныхъ въ ближайшіе годы, пишетъ онъ 20 февраля 1702 года, справедливо вызываетъ опасенія; тѣмъ болѣе, что они составляютъ здѣсь массу населенія, и теперь уже страдаютъ не мало отъ расплаты съ ними обезцѣненными ассигнаціями и невозможности добыть хлѣбъ по прежней цѣнѣ. Оживленіе производства нѣсколько успокаиваетъ ихъ въ данную минуту. Чтобы воспользоваться тою выгодою, какую доставляетъ упадокъ бумажныхъ денегъ, фабриканты, производящіе ими всѣ свои платежи, сберегающіе, такимъ образомъ, 30 и 40% общей суммы, спѣшатъ заготовить массу товара для вывоза. Они разсчитываютъ обмѣнять его на золото и серебро; но негоціанты Франкфурта, Гамбурга и Берлина спекулируютъ, въ свою очередь, на французскихъ ассигнаціяхъ, и ліонцы начинаютъ высказывать опасенія, что разсчетъ за товары произведенъ будетъ съ ними бумагой. Если это осуществится и всѣ выгоды останутся на сторонѣ иностранныхъ купцовъ, придется снова сократить производство, и положеніе рабочихъ сдѣлается еще болѣе безотраднымъ» [2]).

Только-что приведенныя данныя давали возможность предвидѣть, въ какомъ направленіи рѣшенъ будетъ ближайшимъ об-

---

[1]) Travels en France, изд. 1889 года, стр. 328.

[2]) Un Prussien en France en 1792. (Lettres intimes de Reichardt, стр. 165).

разомъ вопросъ объ отношеніи предпринимателей и рабочихъ. Безграничное дѣйствіе свободной конкурренціи неизбѣжно повело бы къ вымиранію значительной массы населенія и обратило бы рабочіе классы въ открытыхъ враговъ новаго порядка. На очередь выступалъ вопросъ о правительственной помощи. Мы видѣли, что и учредительное собраніе устами Шапелье признавало необходимость обезпечить право на трудъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Тюрго; я разумѣю—доставленіе работы нуждающимся. Но средствъ не хватило на содержаніе общественныхъ мастерскихъ, и они, какъ мы видѣли, были закрыты послѣ затраты сотенъ тысячъ ливровъ. Но отказываясь отъ практическаго рѣшенія вопроса объ общественномъ призрѣніи, національное собраніе продолжало заниматься имъ въ теоріи. Начертанный имъ планъ въ руководство комитету объ упраздненіи нищенства отправляется отъ мысли Тюрго. Всякій человѣкъ, значится въ нихъ, имѣетъ право на существованіе; обязанность общества доставлять работу нуждающемуся, принуждать тѣхъ, кто уклоняется отъ нея, призрѣвать всякаго, кого возрастъ или болѣзнь лишаетъ возможности трудиться. Докладчикъ комитета, Ларошфуко Ліанкуръ высказывается противъ установляемаго приходами налога на нищихъ, т. е. противъ системы мѣстной помощи. Онъ требуетъ централизаціи въ дѣлѣ призрѣнія и сосредоточенія въ рукахъ государства 50 милліоновъ, суммы, приблизительно, равной той, которая до революціи затрачиваема была благотворительными учрежденіями. Каждое новое собраніе завѣдуетъ распредѣленіемъ ея, отчисляя пять милліоновъ въ запасъ на чрезвычайныя потребности. Муниципалитеты призваны доставить четвертую часть суммы, идущей на устройство общественныхъ мастерскихъ. Частныя приношенія затрачиваются согласно волѣ дарителей, но—только при ихъ жизни и отнюдь не дольше 50 лѣтъ. Послѣ этого капиталъ присоединяется къ общему фонду государственной благотворительности. Учредительное собраніе не имѣло времени подвергнуть обсужденію этотъ и другіе подобные ему проекты. Оно ограничилось вотированіемъ общаго принципа. «Создано будетъ особое учрежденіе для пріюта покинутыхъ родителями дѣтей и неспособныхъ къ работѣ нищихъ, а также для доставленія труда ли-

цамъ, не находящимъ занятія и способнымъ къ нему». Вотъ что гласитъ единственный проведенный собраніемъ законъ объ общественной благотворительности [1]). Конвенту принадлежитъ честь осуществленія поставленной такимъ образомъ задачи.

Законъ 19 марта 1793 г., заключаетъ въ себѣ слѣдующія постановленія. Повторивши общее положеніе о правѣ труда и обязанностяхъ государства, онъ предписываетъ устройство въ каждомъ кантонѣ, подъ надзоромъ мѣстныхъ административныхъ собраній и исполнительныхъ властей, особаго агенства, задачей котораго было бы распредѣленіе работы и денежной помощи всѣмъ, кто внесетъ свое имя въ кантональные реестры. Работа дается тому, кто способенъ къ ней, помощъ оказывается всѣмъ остальнымъ. Вотируемые государствомъ фонды затрачиваются различнымъ способомъ: богадѣльни учреждаются для стариковъ, недужныхъ, не имѣющихъ постояннаго жилища и покинутыхъ родителями дѣтей. Временная помощь раздается въ случаѣ непредвидѣнныхъ несчастій. Въ госпитали поступаютъ больные, не имѣющіе ухода на дому. Остальное идетъ на помощь трудомъ и деньгами. Особые медики, подъ именемъ officiers de santé, назначаются въ отдѣльныя мѣстности для дароваго лѣченія бѣдныхъ; наконецъ, и это составляетъ наиболѣе оригинальную сторону новаго декрета, обѣщается созданіе національной кассы, въ которую граждане, желающіе отложить деньги про черный день, вносятъ свои сбереженія (Caisse nationale de prévoyance). Нищенство приравнивается затѣмъ къ преступленію, виновные въ немъ объявляются подлежащими лишенію свободы въ особыхъ рабочихъ домахъ, съ обязательнымъ трудомъ [2]).

Но эти мѣры, осуществленіе которыхъ далеко не послѣдовало сразу, могли воспрепятствовать только голодной смерти того меньшинства рабочаго люда, который оставался безъ всякихъ заработковъ. Въ интересахъ массы трудящихся конвентъ рѣшился порвать съ традиціей свободной конкурренціи и оживить тѣ мѣры, къ какимъ въ средніе вѣка, въ эпохи наступленія общественныхъ бѣдствій, голодовъ и усиленной смертности, прибѣ-

---

[1]). Levasseur, стр. 151, 153, 157, томъ III

[2]) Moniteur отъ 23 марта 1793 года.

гали какъ монархическія правительства, такъ и городскія республики. Подобну Эдуарду III въ Англіи и Карлу V во Франціи, подобно аррагонскимъ и кастильскимъ кортесамъ, большимъ совѣтамъ нѣмецкихъ городовъ и итальянскихъ муниципій, конвентъ прибѣгъ къ закону о максимумѣ, еще извѣстному въ эпоху Діоклетіана. Въ сентябрѣ 1793 года установлена была обязательная цѣна, сперва на хлѣбъ, а затѣмъ и на другіе предметы первой необходимости. Эта мѣра сопровождалась и другою — нормированіемъ заработка, установленіемъ минимума получаемой поденщиками платы [1]). Мы коснулись всего этого только для того, чтобы ярче оттѣнить положеніе, занятое въ рабочемъ вопросѣ учредительнымъ собраніемъ. Своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ проведенной дѣятелями 1789 года системой индивидуализма и своимъ сходствомъ съ тѣми запросами, какіе еще въ 1790 и 1791 годахъ сдѣланы были городскимъ простонародьемъ, эти мѣры какъ нельзя лучше оттѣняютъ тотъ характеръ покровительства интересамъ буржуазіи, какимъ проникнуты были постановленія и декреты противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ 1791 года. Но это противорѣчіе политики конвента съ законами учредительнаго собранія не мѣшаетъ признанію за тѣмъ и другимъ одинаковой враждебности къ началу ассоціаціи и ту же увѣренность, что помощь въ нуждѣ можетъ прійти только со стороны государства. Въ этомъ отношеніи дѣятели 1789 года въ такой же мѣрѣ, какъ и дѣятели 1793 г., вполнѣ являются людьми своего вѣка, вполнѣ раздѣляютъ свойственное ему предубѣжденіе противъ такъ-называемаго esprit particulier или esprit de corps, другими словами, противъ той солидарности, какую общность судьбы и единство занятій порождаютъ между лицами одного промысла и одного ремесла. Общественныя тенденціи учредительнаго собранія проникнуты идеалами прошедшаго, идеалами классической древности и всемогущаго государства. Онѣ на столько приближаются къ современнымъ постановкамъ рабочаго вопроса, насколько эти послѣднія носятъ на себѣ печать традиціи и переживанія. Люди 1789 и въ равной мѣрѣ 1793 мо-

---

[1]) La révolution française et la question ovrière par Charles Chobet (Rev. fr. V, Juillet-Déc. 1883, стр. 496.

гутъ считаться предвѣстниками государственнаго соціализма, отнюдь не новѣйшихъ формъ коллективизма или прудоновской теоріи взаимности. Предложенныя ими рѣшенія не носятъ въ себѣ, такимъ образомъ, элементовъ для будущаго и интересны только для исторіи общественныхъ идей, какъ посредствующая ступень между индивидуалистическими теоріями прошлаго вѣка и теоріями общественной солидарности нашего времени.

Чтобы зокончить параллель между народными требованіями и правительственными рѣшеніями, остановимся еще на вопросѣ о податной реформѣ. Въ какой мѣрѣ, спрашивается, реформы учредительнаго собранія въ этой области отразили на себѣ взгляды средняго сословія и въ какой мѣрѣ удовлетворены были ими желанія бѣднѣйшихъ классовъ, сказавшіяся столько же въ редакціи приходскихъ наказовъ, сколько и въ массовыхъ движеніяхъ городскаго и сельскаго простонародья? Французскіе историки и экономисты, Бланки, Клеманъ, Лаферьеръ, Дювержье - де - Горанъ, Штурмъ, разно оцѣнваютъ тѣ вліянія, подъ которыми сложилось законодательство конституанты о налогахъ. Большинство держится того воззрѣнія, что физіократическія ученія опредѣлили собою характеръ тѣхъ реформъ, какія внесены были въ систему какъ прямаго, такъ и косвеннаго обложенія. Заявленія, сдѣланныя частью въ средѣ комитетовъ, мотивировка отдѣльныхъ законовъ, самый фактъ редакціи многихъ изъ нихъ такими ортодоксальными представителями школы, какъ Дю - Понъ - де - Немуръ, все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ думать, что экономическія воззрѣнія XVIII столѣтія имѣли дѣйствительно преобладающее значеніе при рѣшеніи вопроса о распредѣленіи государственныхъ тягостей. Но было бы преувеличеніемъ утверждать, что все финансовое законодательство конституанты вытекло изъ тѣхъ воззрѣній, какихъ физіократія держалась касательно природы податнаго обложенія. Стоитъ только напомнить извѣстное положеніе Кенэ о томъ, что налогу подлежитъ одинъ лишь чистый доходъ земель; стоитъ лишь привести тѣ афоризмы, въ которыхъ Летронъ почти наканунѣ революціи передавалъ сущность физіократическаго ученія о податяхъ и сопоставить ихъ съ законами конституанты, чтобы вынести впечатлѣніе о далеко не полномъ проведеніи ею теорій физіократіи. «Такъ какъ, писалъ

Летронъ въ 1788 году, чистый продуктъ сельско-хозяйственной культуры, который одинъ подлежитъ обложенію, по праву принадлежитъ собственникамъ, то съ нихъ однихъ государь и можетъ требовать все необходимое для покрытія правительственныхъ издержекъ. Правильной формой обложенія можетъ быть только налогъ, падающій на чистый доходъ собственниковъ. Всякій другой лишенъ естественной основы»[1]).

Очевидно, съ такимъ ученіемъ не мирится существованіе ни налога на движимость, размѣръ котораго опредѣляется величиною квартирной платы, ни сохраненіе системы ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ на товары, ни установленіе штемпельнаго сбора и налога на юридическія сдѣлки, ни личная подать съ минимальнымъ размѣромъ тройной заработной платы, а между тѣмъ всѣ эти мѣры проведены были законами конституанты въ 1790 и 1791 годахъ. Мало этого, ею сдѣланы были даже попытки сохранить нѣкоторыя формы тѣхъ налоговъ на потребленіе, противъ которыхъ направлена была критика выдающихся представителей школы, начиная съ ея основателей, Кенэ и Гурнэ, и оканчивая тѣмъ самымъ Дюпономъ, которы йнынѣ высказывался въ пользу сохраненія налога на питья. Сами даже правительственныя монополіи, осужденныя экономической доктриной прошлаго столѣтія, находили въ стѣнахъ собранія защиту или скорѣе оправданіе въ виду денежныхъ затрудненій казны, и никто иной, какъ тотъ же Дюпонъ, высказывался за сохраненіе исключительныхъ правъ государства на разведеніе и продажу табаку. Нужно ли доказывать также, что удержаніе и даже повышеніе таможеннаго тарифа и запрещеніе, которымъ обложенъ былъ вывозъ нѣкоторыхъ видовъ сырья, напримѣръ, необработаннаго шелка, ни мало не вяжется съ провозглашенной физіократіей свободой торговыхъ сдѣлокъ и неограниченностью конкурренціи.

Необходимо поэтому допустить, что наряду съ требованіями теоріи, члены учредительнаго собранія испытывали давленіе интересовъ, интересовъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, не допускавшихъ одновременнаго удовлетворенія, принуждавшихъ къ выбору, къ принесенію въ жертву однихъ классовъ другимъ.

---

[1]) L'administration provinciale et la reforme de l'impôt, à 1788.

Каковы же спрашивается были эти интересы и на чьей сторонѣ осталась побѣда?

Недовольство тѣми экономическими послѣдствіями, какія повлекъ за собою торговый договоръ съ Англіей 1786 года, недовольство, засвидѣтельствованное всѣми современниками, Артуромъ Юнгомъ въ томъ числѣ, и отразившееся на редакціи городскихъ наказовъ, создало въ средѣ мануфактуристовъ рѣшительную оппозицію недавно восторжествовавшей теоріи свободной торговли. Учредительное собраніе подчинилось ихъ вліянію при пересмотрѣ таможеннаго тарифа. Далеко не случайностью надо признать тотъ фактъ, что проектъ новаго закона касательно регулированія ввоза и вывоза внесенъ былъ отъ имени налоговаго комитета однимъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ шелка въ Ліонѣ, и что отвергнутый собраніемъ въ виду чрезмѣрности высказаннаго въ немъ протекціонизма, онъ вторично, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, внесенъ былъ тѣмъ же лицомъ на обсужденіе народныхъ представителей и сдѣлался закономъ 15 марта 1791 г. Въ первоначальной своей редакціи предложеніе Гудара клонилось ни болѣе ни менѣе, какъ къ установленію запретительнаго тарифа. «La prohibition seule peut nous préserver», значилось въ его рапортѣ, и соотвѣтственно этому депутатъ требовалъ, чтобы запрещенъ былъ ввозъ 30 различныхъ предметовъ, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, выдѣланное желѣзо и дешевыя хлопчатобумажныя ткани, отнюдь не могли быть отнесены къ предметамъ роскоши [1]). Даже въ томъ видѣ, въ какомъ предложеніе Гудара вошло въ текстъ закона 15 марта, оно не отказывается отъ мысли покровительствовать мѣстнымъ мануфактурамъ, запрещая ввозъ выдѣланныхъ тканей, льняныхъ и пеньковыхъ нитей, спиртныхъ напитковъ, разъ они приготовлены не изъ вина, старыхъ и новыхъ судовъ. Тарифъ, предложенный нотаблямъ 1787 г., значительно ниже того, какой былъ принятъ учредительнымъ собраніемъ, заимствовавшимъ у него лишь общую систему обложенія иностранныхъ товаровъ въ возрастающей прогрессіи по мѣрѣ лег-

---

[1]) Stourm, les Finances de l'ancien régime et de la révolution. Томъ II, стр. 66.

кости ихъ контрабанднаго ввоза [1]). Наконецъ, въ духѣ протекціонизма редактированы были статьи закона, которыми 34 предмета изъяты были изъ общей свободы ввоза, въ числѣ ихъ тѣ, которые служатъ матеріаломъ для шелковыхъ мануфактуръ [2]). Штурмъ правъ поэтому, говоря, что собраніе оказалось неспособнымъ воспротивиться вліянію фабрикантовъ. Не менѣе вѣрно замѣчаніе Молинари, что въ тарифѣ 1791 года отразилось вліяніе не физіократической школы, а школы меркантильной [3]). Необходимо прибавить, однако, заодно съ Мишелемъ Шевалье, что размѣръ самихъ пошлинъ опредѣленъ былъ довольно низко, гораздо ниже, чѣмъ въ послѣдующія эпохи вплоть до торговаго договора съ Англіей въ 1860 года. Пьеръ Клеманъ въ правѣ былъ поэтому сказать, что тарифъ 1791 года былъ либеральнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ Франціи тарифовъ [4]). Но это не помѣшало справедливымъ протестамъ со стороны тѣхъ, на кого тяжкимъ гнетомъ ложился запретъ нѣкоторыхъ статей ввоза; такъ напримѣръ, Марсель и другіе порты не скрывали своего недовольства по случаю недопущенія сдѣланныхъ заграницею судовъ, указывая, что подобная мѣра необходимо отразится неблагопріятно на размѣрахъ ихъ торговли.

Въ вопросѣ о налогѣ съ питей, городскихъ сборахъ, соляной и табачной монополіи всего рѣзче столкнулись интересы французскаго простонародья съ интересами владѣтельныхъ классовъ общества и въ томъ числѣ буржуазіи. Мы видѣли, что народъ рядомъ мѣстныхъ возстаній высказалъ желаніе положить конецъ увеличивавшимъ цѣну на припасы городскимъ поборамъ и питейнымъ налогамъ, такъ называемымъ aides. Разрушеніе городскихъ заставъ, сожженіе архивовъ и самихъ бюро чиновниковъ откупа выражали въ доступной народу формѣ то самое, что Тюрго, Кондильякъ и другіе экономисты говорили о вредѣ налоговъ на потребленіе, налоговъ, особенно тягостныхъ, по ихъ словамъ, для бѣднаго люда. Это не помѣшало тому, что въ стѣнахъ собранія нашлись защитники для этихъ осужденныхъ оди-

1) Ibid., стр. 68 и 69.
2) Ibid., стр. 70
3) Histoire du Tarif de G. de Molinari. 1847 года.
4) Clément. Histoire du système protecteur, стр. 99.

наково наукою и общественнымъ мнѣніемъ поборовъ. Казалесъ и Малуэ высказались въ пользу сохраненія косвенныхъ поборовъ, видя въ нихъ средство задержать ростъ городскаго населенія и вернуть селамъ недостающія имъ рабочія руки [1]. Декретъ 28—31 января 1790 года обнаруживаетъ въ учредительномъ собраніи намѣреніе сохранить какъ octrois, такъ и налоги съ питей. Шапелье объяснилъ эту измѣну физіократическимъ ученіямъ, говоря: «національное собраніе желало избѣжать всякаго доктринерства (esprit de système) и примирить принципы съ необходимостью. Принципы требуютъ установленія прямаго обложенія, необходимость высказывается за косвенное [2]. Новыми декретами и прокламаціями отъ 11 апрѣля и 22 сентября 1790 года національное собраніе высказывало ту же рѣшимость продолжить существованіе налога съ питей, но Парижъ, Бовэ, Ліонъ, Лонгви, Нойонъ, Гамъ, Шони и окружающіе ихъ приходы шумными манифестаціями и открытыми мятежами заявляютъ о своемъ отказѣ подчиниться такому требованію, и 2 марта 1791 года собраніе отмѣняетъ этотъ видъ налоговъ на потребленіе, не принимая въ то же время никакихъ мѣръ къ покрытію происшедшей отъ того недостачи въ государственныхъ доходахъ [3]. Рабочіе столицы привѣтствуютъ такое рѣшеніе, какъ собственную побѣду и, по словамъ очевидца, англичанки Миллесъ, прославляютъ Мирабо, какъ виновника удешевленія цѣнъ на вино [4].

Но отмѣняя налогъ съ питей, учредительное собраніе не рѣшается сдѣлать того же по отношенію къ городскимъ поборамъ или octrois, и изъ устъ лучшаго друга Тюрго—физіократа Дюпона раздаются слова въ защиту этого вида ввозныхъ пошлинъ на томъ основаніи, что города служатъ мѣстопребываніемъ капиталистовъ, нерѣдко даже иностранныхъ, состоянія которыхъ

---

[1]) Засѣданіе 13 февраля и 16 марта 1790 года, въ Arch. Parl.

[2]) Camus. Notice des principaux décrêts rendus par l'assemblée constituante sur les matiéres les plus importantes, № 7, стр. 24. См. Laferrière. Histoire des principes et des lois de la révolution française, стр. 37.

[3]) Stourm, томъ I, стр. 338 и 339.

[4]) The Correspondence of Wiliam Augustus Milles (1789—1817), т. I, стр. 291 и 292.

иначе избѣгли бы обложенія [1]). Городское простонародье спѣшитъ, однако, опровергнуть эти соображенія и разрушеніемъ заставъ, нерѣдкими актами насилія надъ сборщиками рѣшительно доказываетъ, что въ его глазахъ octrois непосредственно задѣваютъ его интересы. Дюпонъ не рѣшается при новомъ голосованіи встать въ защиту собственнаго проекта, а депутатъ Буаландри мотивируетъ необходимость отмѣнить octrois тѣмъ соображеніемъ, что они заставляютъ ремесленниковъ и рабочихъ сокращать размѣры своего потребленія. Собраніе постановляетъ, что впредь перестанутъ взиматься всѣ сборы съ продуктовъ, ввозимыхъ въ города, бурги и селенія. Одинъ изъ депутатовъ предлагаетъ даже ускорить срокъ ихъ прекращенія изъ страха новыхъ насилій и новыхъ пожаровъ. Жители предмѣстья Сентъ-Антуанъ мятежемъ 28 февраля спѣшатъ оправдать эти опасенія и городскіе поборы исчезаютъ въ виду того, что народъ не хочетъ платить ихъ долѣе [2]).

Противорѣчія принципамъ потребовала также попытка сохранить табачную монополію. И на этотъ разъ Дюпонъ въ надеждѣ удержать для казны доставляемые ею 32 милліона рѣшился выступить въ защиту положенія, являвшагося антиподомъ той свободы сельско-хозяйственнаго производства, о которой самъ онъ не разъ говорилъ въ своемъ экономическомъ журналѣ. Правда, онъ не скрылъ отъ товарищей, что всякая исключительная привилегія по природѣ своей ненавистна, и не сталъ искать другаго оправданія занятой имъ новой позиціи, кромѣ того, что изъ девяти человѣкъ только одинъ можетъ считаться потребителемъ табаку. Редереру и Мирабо не трудно было, оставаясь на почвѣ физіократическихъ доктринъ, доказать необходимость покончить съ порядками, связывающими личную предпріимчивость. 20 марта 1791 года табачная монополія перестала существовать, чтобы воскреснуть снова въ 1810 году. Законъ ограничился запрещеніемъ ввозить выдѣланный табакъ и обложилъ высокой пошлиной табакъ въ листьяхъ. Эти мѣры какъ нельзя

---

1) Rapport fait au nom du comité de l'imposition, par Du-Pont-de-Nemours, 10 février, 1791.

2) Stourm, стр. 342 и 343.

лучше показываютъ, что при отмѣнѣ монополій имѣлись въ виду не столько интересы потребителей, сколько интересы собственниковъ-производителей и фабрикантовъ, въ защиту которыхъ и были установлены запреты и покровительственныя пошлины [1]).

Въ большемъ соотвѣтствіи съ теоріей и къ невыгодѣ владѣльцевъ рѣшенъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ соляной монополіи. Національное собраніе уже 3 ноября 1789 года приняло торжественное обязательство упразднить gabelle, но оно медлило съ его выполненіемъ; потребовались народные мятежи, чтобы напомнить ему о его обѣщаніи. «Съ одного конца государства до другаго, читаемъ мы въ докладѣ, сдѣланномъ отъ имени финансоваго комитета аббатомъ Монтескье, чиновники солянаго вѣдомства подверглись обидамъ и оскорбеніямъ. Ихъ выгоняютъ изъ присутствій; соляные склады подвергаются разграбленію; повсюду проникаетъ доставляемая контрабандою соль. Подъ вліяніемъ этихъ актовъ насилія собраніе декретомъ отъ 21 марта положило конецъ существованію gabelle. Дюпонъ-де-Немуръ прямо объявляетъ въ своемъ докладѣ, что народныя волненія вызвали потерю государствомъ дохода отъ соли задолго до отмѣны gabelle [2]). Для покрытія дефицита онъ предложилъ добавочный сборъ къ прямому налогу, что и было утверждено собраніемъ въ засѣданіи 16 марта. Но собственники вскорѣ обнаружили рѣшительное нежеланіе подчиниться этой новой тягости; и въ 1793 году министръ финансовъ Клавьеръ принужденъ былъ признать, что взамѣнъ $50^1/_2$ милліоновъ ожидаемой выручки въ казну поступило изъ этого источника всего-на-всего $2^1/_4$ милліона. Такимъ образомъ, фактически новый налогъ пересталъ существовать раньше его законодательной отмѣны 13 іюня 1794 г. [3]).

Уже эта неудача показываетъ, какъ отнеслись бы владѣтельные классы къ проекту единой земельной подати, если бы комулибо пришло на умъ предложить ее національному собранію.

---

[1]) Stourm, томъ I, стр. 373 - 379.

[2]) Rapport du comité des finances, lu par Du-Pont-de-Nemours, séance du 4 octobre 1790.

[3]) Stourm, томъ I, стр. 314.

Объясняя причину, по которой наказы средняго сословія, какъ общее правило, противились установленію защищаемаго физіократами «impôt unique et territorial», Дюбуа-де-Крансэ справедливо говоритъ: «въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ сами эти наказы редактированы были зажиточнѣйшими земледѣльцами общинъ» [1]).

Понятно послѣ этого, если національное собраніе въ установленной имъ закономъ 1 декабря 1790 года земельной подати (impôt foncier) создало не единственный, а только одинъ изъ видовъ обложенія. Провозглашенное среднимъ сословіемъ начало равноправности всѣхъ предъ налогомъ, на что дворянство и духовенство высказали уже свое согласіе на собраніи нотаблей 1787 года, не дозволило установленія даже тѣхъ изъятій въ пользу малоземельныхъ, на которыхъ одинаково настаивали и дворянскіе наказы, и кайе сельскихъ приходовъ. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ формальное равенство взяло верхъ надъ матеріальнымъ къ невыгодѣ многочисленнаго класса сельскихъ батраковъ, все имущество которыхъ сводилось, по свидѣтельству Артура Юнга, къ усадьбѣ и прилегающему къ ней огороду. Въ установленіи земельной подати собраніе послѣдовало ученію физіократіи въ томъ смыслѣ, что признало подлежащимъ обложенію одинъ чистый доходъ (produit net). Предложивши весьма сложную, отвѣчавшую указаніямъ Кенэ, систему его вычисленія, оно за-одно съ родоначальникомъ физіократіи признало возможнымъ отождествить этотъ доходъ съ наемной платой (valeur locative). Въ интересахъ поощренія земледѣлія и бóльшаго равенства допущены были изъятія въ пользу новыхъ очистокъ и новыхъ посадокъ лѣса, фруктовыхъ деревьевъ и виноградной лозы, а также скидки съ такихъ хозяйственныхъ построекъ, которыя пришли въ замѣтный упадокъ. Собраніе думаетъ оказать покровительство промышленнымъ интересамъ и обложить налогомъ дворянскую роскошь, требуя низшей оцѣнки для копей, фруктовыхъ садовъ и облагая парки наравнѣ съ пахотной землею высшаго качества [2]). Инте-

---

[1]) Vues patriotiques d'un laboureur, par Dubois de Crancé de Balham. député à l'Assemblée Nationale. Paris, 1790. (Brit. Mus. Tracts B. 722).

[2]) Stourm, т. I, стр. 137—154.

ресы бѣдныхъ земледѣльцевъ приняты въ разсчетъ въ той же мѣрѣ, какъ и въ эдиктѣ 8 апрѣля 1694 года касательно обложенія taille,—я разумѣю въ томъ смыслѣ, что отъ конфискаціи за недоимку изъяты не только постели, двери, окна, но и ремесленныя орудія и рабочій скотъ [1]).

Многіе наказы за-одно съ публицистами, авторами тѣхъ многочисленныхъ брошюръ, которыя наводнили Францію наканунѣ выборовъ, требовали обложенія капиталовъ и роскоши. Одни ограничивались заявленіемъ, что само собраніе должно открыть возможные пути къ тому, чтобы привлечь ихъ къ несенію государственныхъ тягостей, другіе рекомендовали налогъ на богатыя жилища, на упряжь и сборъ съ хозяевъ сообразно числу ихъ прислуги. Національное собраніе рѣшилось удовлетворить этому желанію и даже избрало тотъ самый пріемъ къ вычисленію дохода съ движимости, на который указано было ему избирателями. Законъ 13 января 1791 года отправляется отъ той мысли, что размѣръ квартирной платы можетъ быть надежнымъ показателемъ годоваго дохода, особенно если допустить нѣкоторую прогрессію, предполагая, что низшій размѣръ наемной платы—сто ливровъ—свидѣтельствуетъ о доходѣ въ два раза большемъ, а затрата съ этою же цѣлью отъ 100 до 500 ливровъ говоритъ о тройномъ доходѣ и т. д., вплоть до квартирной платы въ двѣнадцать тысячъ, составляющей, по соображеніямъ собранія, всего двѣнадцатую съ половиною часть дохода обложеннаго. Согласно этому разсчету предложено взыскивать сверхъ 5% налога съ квартиры еще пятипроцентный сборъ съ суммы въ два, три и четыре раза превышающей ея размѣръ и при томъ въ упомянутой прогрессіи. Историки-финансисты справедливо указываютъ на ту положительную черту новаго налога, что въ немъ доходность опредѣляется сообразно ея внѣшнимъ признакамъ. Въ глазахъ современниковъ эта система обложенія движимости имѣла еще то преимущество, что не расходилась рѣзко съ физіократической доктриной, не облагала нужныхъ въ

---

[1]) Статья XVI закона 2 окт. 91 года. Ibid., стр. 162. Постановленія подобнаго рода встрѣчаются въ Англіи еще въ XIII вѣкѣ. Великая хартія допускаетъ конфискацію имуществъ недоимщика только salvo contenemento suo, т. е. съ сохраненіемъ хозяйственнаго инвентаря.

индустріи капиталовъ и въ то же время продолжала старинную традицію. Поголовный сборъ старой Франціи также подлежалъ прогрессивному увеличенію сообразно платѣ за квартиру (на что указываетъ и само собраніе въ своей инструкціи касательно налога на движимость отъ 13 января 1791 года). Но отъ тѣхъ же современниковъ не ускользала произвольность принятой прогрессіи, и Рамель-Ногаретъ справедливо заявлялъ, что сплошь и рядомъ человѣкъ богатый живетъ въ скромной квартирѣ и наоборотъ. Жалобы не замедлили явиться, и конвентъ сперва уменьшилъ на половину величину обложенія, а затѣмъ допустилъ совершенную пріостановку въ платежѣ. Отмѣтимъ то обстоятельство, что въ представленныхъ конвенту докладахъ единогласно признается произволъ и неравномѣрность этого налога и дѣлается заявленіе, что недостаточные граждане всего болѣе терпѣли отъ его несовершенства (elle grevait les citoyens peu fortunés) [1]).

Этихъ недостаточныхъ гражданъ національное собраніе не пощадило и при установленіи 18 февраля 1791 года личной подати въ размѣрѣ трехдневной заработной платы, и при созданіи уже упомянутаго нами выше патентнаго сбора (законъ 17 марта 91 года). Трудъ не избѣжалъ обложенія, и свободными отъ него остались только лежащіе въ процентныхъ бумагахъ капиталы [2]).

Такимъ образомъ, и на податныхъ реформахъ учредительнаго собранія лежитъ та же печать покровительства владѣтельнымъ классамъ, и въ частности буржуазіи, какимъ отличается его законодательство о собственности и трудѣ.

---

1) Stourm, т. I, стр. 254.
2) Ibid., стр. 253, 277.

ГЛАВА V.

Что помѣшало французамъ прошлаго вѣка заимствовать англійскую систему двухъ палатъ.

Знакомство съ тѣми препирательствами, поводъ къ которымъ дала замѣна сословнаго представительства народнымъ и ликвидація средневѣковыхъ основъ французскаго общества, раскрыло предъ нами тотъ глубокій антагонизмъ, какой къ концу XVIII вѣка вкрался въ отношенія не только дворянства и средняго сословія, но и различныхъ категорій привилегированныхъ, придворнаго и провинціальнаго дворянства, высшихъ церковныхъ іерарховъ и приходскаго священства.

Антогонизмъ высшихъ сословій и націи не прекратился и послѣ того, какъ между всѣми депутатами установилось повидимому соглашеніе по вопросу о правахъ, какія должны быть положены въ основу будущаго государственнаго строя. Отмѣна церковной десятины увеличила недовольство членовъ католической іерархіи, а провозглашеніе «декларацией правъ» гражданскаго равенства и суверенитета націи, по свидѣтельству г-жи Сталь, не оставило въ большинствѣ дворянъ сомнѣнія въ томъ, что цѣль собранія упразднить всякаго рода сословныя преимущества и различія. Они рѣшились поэтому измѣнить тактику и въ надеждѣ сдѣлать невозможнымъ практическое осуществленіе проводимыхъ буржуазій реформъ положили между собой подавать голосъ въ пользу самыхъ крайнихъ предложеній, хотя бы послѣднія и были направлены противъ ихъ собственныхъ интересовъ.

Впервые дворянство испытало свою новую тактику въ вопросѣ

объ устройствѣ законодательной власти. Будетъ ли эта власть сосредоточена въ рукахъ единой, нераздѣльной камеры или къ осуществленію ея, наравнѣ съ депутатами отъ народа, будутъ призваны и представители отъ высшихъ сословій, и какъ должно быть устроено это представительство—вотъ тѣ вопросы, обсужденіемъ которыхъ занялось собраніе тотчасъ же послѣ вотированія имъ деклараціи о правахъ.

Мнѣнія, высказанныя на ихъ счетъ депутатами, были весьма различны. Большинство членовъ высшаго духовенства продолжало настаивать на необходимости удержать старинный порядокъ сословнаго представительства въ формѣ трехъ раздѣльныхъ камеръ, по примѣру старинныхъ сессій Генеральныхъ Штатовъ. Свою програму они не безъ основанія защищали ссылками на данныя имъ избирателями полномочія. Въ наказахъ вопросъ о будущемъ устройствѣ законодательныхъ палатъ или вовсе не подымался, или рѣшался въ смыслѣ удержанія существующей системы [1]. Немногіе стояли за созданіе четвертой крестьянской камеры, подобной той, какую изъ всѣхъ европейскихъ конституцій знала одна шведская. Еще меньшее число наказовъ рекомендовало соединеніе въ одной камерѣ депутатовъ отъ обоихъ привилегированныхъ сословій. Въ этомъ смыслѣ высказывались нѣкоторыя приходы Немурскаго бальяжа, какъ видно изъ наказа средняго сословія этого округа, редактированнаго извѣстнымъ физіократомъ Дюпономъ [2].

Объ установленіи камеры пожизненныхъ или наслѣдственныхъ перовъ, получающихъ это званіе въ силу личнаго выбора и призыва короля, камеры, подобной той, какую представляетъ англійская палата лордовъ, въ наказахъ не было и помину [3].

---

[1]) Наказъ дворянства Турены высказываетъ въ этомъ отношеніи общую всему сословію точку зрѣнія, говоря: убѣжденные въ томъ, что не можетъ существовать монархіи безъ дворянства, мы уполномочиваемъ нашихъ депутатовъ на Генеральныхъ Штатовъ и объявляемъ долгомъ ихъ совѣсти—требовать сохраненія дворянства въ томъ видѣ, въ какомъ оно всегда существовало, съ тѣмъ представительствомъ, какое оно всегда имѣло на Генеральныхъ Штатахъ, и со всѣми его личными и почетными преимуществами. (Archiv. Parl. томъ VI, стр. 43).

[2]) Archiv. Parl. т. IV, стр. 175.

[3]) Вѣрнѣе сказать—наказы многихъ дворянскихъ бальяжей, предвидя

Большинство средняго сословія не могло поэтому отстаивать своихъ притязаній на всесословность представительства, на соединеніе всѣхъ депутатовъ въ одной камерѣ [1]) и поголовный счетъ голосовъ [2]) иначе, какъ заявляя, что кайе не имѣютъ обязательной силы. Отвѣчая этому желанію, епископъ перигорскій Талейранъ въ одной изъ первыхъ сессій національнаго собранія внесъ предложеніе, которымъ у наказовъ отымалась сила связывающихъ волю депутатовъ инструкцій [3]). Разъ собраніе рѣшило порвать съ системой mandat impératif, само собою падало то основаніе, на которомъ большинство привилегированныхъ сословій поддерживало свое рѣшеніе стоять за сохраненіе старинной системы сословнаго представительства. Освобожденное отъ какихъ бы то ни было стороннихъ стѣсненій, собраніе считало себя отнынѣ призваннымъ устроить будущее представительство на началахъ, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ той доктрины, какой проникнуты были его члены. Но эта доктрина, какъ мы видѣли,

---

возможность такого предложенія, напередъ протестовали противъ него. Такъ поступало, напримѣръ, дворянство бальяжей Блуа и Манта, говоря, что проэктъ образованія особой палаты изъ небольшого числа наслѣдственныхъ вельможъ государства имѣетъ своей тенденціей упраздненіе дворянства, какъ сословія, оно уполномочивало своихъ депутатовъ высказаться противъ всякой палаты наслѣдственныхъ или пожизненныхъ членовъ. (Смотри La chute de l'ancien régime par Aimé Chérest, томъ II, стр. 482 и 483). Одинъ Мунье высказывался уже въ это время въ пользу устройства верхней палаты по образцу англійской. (См. Nouvelles observations sur les Etats géneraux, p. 846).

[1]) Требованіе единства представительства было заявлено уже нѣкоторыми наказами средняго сословія, такъ напримѣръ, наказомъ Реннской сенешоссеи. „Генеральные штаты, значилось въ нихъ, должны быть составлены изъ депутатовъ отъ всей націи, вполнѣ и единообразно представленной на всемъ протяженіи королевства безъ различія сословій. (Arch. Parl., т. V, стр. 539).

[2]) Требованіе поголовнаго счета голосовъ на штатахъ предъявлено было многими наказами средняго сословія, какъ-то отъ Этампа, Форкалькье Дофинэ, Парижа (La Chute de l'ancien régime par Aimé Chérest, томъ II, стр. 449 и слѣд.)

[3]) Сами избиратели, какъ доказываетъ Шерестъ, не придавали своимъ наказамъ другого значенія, кромѣ руководства для депутатовъ. Имъ совершенно была чужда мысль придавать этимъ наказамъ значеніе обязательныхъ инструкцій. (См. стр. 397 и 464, томъ II).

энергически вооружалась противъ мысли дать самостоятельное представительство отдѣльнымъ сословнымъ группамъ. Такіе corps intermédiaies, по выраженію Монтескье, отмѣнены были въ Англіи въ интересахъ расширенія политической свободы [1]). Въ составъ англійской палаты лордовъ входили однѣ главы аристократическихъ родовъ; рядомъ съ ними засѣдали только высшіе церковные чины и возведенные въ перію комонеры, обыкновенно выдающіеся государственные дѣятели, которыхъ король пожелалъ призвать въ свой совѣтъ. Оставаясь въ большинствѣ своихъ членовъ представительницей крупныхъ аристократическихъ фамилій, англійская перія въ то же время не можетъ считаться делегаціей отъ дворянства. Это не выборная дворянская камера, подобная той, какую мы встрѣчаемъ на генеральныхъ штатахъ старой Франціи; это также не замкнутое поголовное представительство всего дворянства, какимъ былъ венеціанскій сенатъ или польскій сеймъ; созданіемъ новыхъ перовъ король во всякое время можетъ обновить личный составъ палаты лордовъ и привлечь къ ней руководящія силы націи. Сторонники англійской конституціи, Неккеръ, Мунье, Малуэ, Лалли, Толандаль, Клермонъ Тоннеръ, высказываясь въ пользу періи, тѣмъ самымъ становились въ ряды противниковъ дворянской камеры, къ удержанію которой стремилось большинство привелегированныхъ. Не имѣя достаточной численности, они не могли обезпечить успѣха своему предложенію иначе, какъ заручившись союзомъ, по крайней мѣрѣ, меньшинства дворянъ. Это меньшинство было составлено изъ представителей наиболѣе выдающихся родовъ, предки которыхъ давно были призваны ко двору и изъ поколѣнія въ поколѣніе отправляли важнѣйшія должности въ государствѣ. Стоя въ то же время во главѣ крупнаго землевладѣнія, эти лица, очевидно, могли быть увѣрены въ томъ, что въ числѣ первыхъ будутъ призваны къ засѣданію въ рядахъ высшей законодательной камеры. Другія основанія разсчитывать на подобный же выборъ имѣли члены того отдѣлившагося отъ дворянской камеры меньшинства, отступничество котораго упрочило существованіе національнаго собранія. Оказанная ими услуга

1) Кн. II, глава 4 Духа Законовъ.

и пріобрѣтенная тѣмъ популярность—служили залогомъ ближайшаго поступленія ихъ въ ряды проэктируемой періи. Этихъ надеждъ придворной, заигрывавшей съ среднимъ сословіемъ аристократіи, было достаточно для того, чтобы отбросить въ среду противниковъ всѣхъ депутатовъ провинціальнаго дворянства и, на ряду съ ними, многихъ изъ представителей высшаго, желавшихъ отомстить либеральничающимъ членамъ своего сословія за ихъ предполагаемую измѣну.

Надо прочесть адресъ, составленный въ это время графомъ д'Антрегомъ, будущимъ совѣтникомъ Людовика XVIII въ эпоху его пребыванія въ Веронѣ, чтобы войти во всѣ перипетіи той внутренней борьбы, которая раздѣлила дворянство на два враждебныхъ лагеря. Еще въ министерство Ломени де Бріена сказалась въ средѣ дворянъ та рознь, какую крупное землевладѣніе и придворная служба, съ одной стороны, захудалость рода и удаленіе отъ дѣлъ—съ другой, необходимо вызываютъ во всякомъ сословіи, одни высшіе ряды котораго призваны къ политической жизни. Рѣчь шла о составѣ верховной палаты (Cour pleniére), задачею которой было бы объединить всѣ парламенты и другіе верховные суды королевства. Бріенъ имѣлъ въ виду присоединить къ ея судебному персоналу членовъ одного придворнаго дворянства. Это обстоятельство внесло рѣшительный разладъ въ ряды сословія. Все провинціальное дворянство перешло въ оппозицію и Бріену удалось такимъ образомъ породить рознь между самыми опасными изъ своихъ противниковъ. Съ не меньшей силой сказалась зависть провинціальнаго дворянства къ придворному и большинства къ либеральному меньшинству въ настоящее время, когда передъ глазами всѣхъ возникъ вопросъ, кто будутъ члены задуманной періи. Самое установленіе этой періи, говоритъ д'Антрегъ, грозило повергнуть въ ничтожество всѣхъ прочихъ членовъ дворянства. Ожидали, что назначеніе будетъ зависѣть отъ выбора національнаго собранія и отъ благоусмотрѣнія министровъ. Внезапная демагогія, овладѣвшая, нѣкоторыми членами придворной аристократіи, должна была привлечь къ нимъ симпатіи средняго сословія, а министры поспѣшили внушить королю мысль, что, не смотря на ихъ недавнія выходки, направленныя къ пріобрѣтенью популярности, эти аристократы продолжа-

ютъ оставаться наиболѣе прочными опорами престола. Съ другой стороны, говоритъ, д'Антрегъ, самимъ этимъ дворянгмъ поставлено было на видъ, что выходомъ изъ дворянской камеры они отрѣзали себѣ всякій путь къ соглашенію съ прочими членами сословія, что прибавляетъ онъ, было, впрочемъ, весьма близко къ истинѣ. Но какъ въ такихъ условіяхъ сохранить имъ преобладающее вліяніе на дѣла иначе, какъ создавъ новую перію на развалинахъ стараго дворянства. Эта мысль, по словамъ д'Антрега на столько проникла въ ихъ сознаніе, что многіе открыто говорили о необходимости стереть съ лица земли старинную сословную организацію и на освобожденной отъ развалинъ почвѣ соорудить палату перовъ («faire table rase et sur cette aire, nétoyeé de ses décombres, s'élevera, sans obstacle, la chambre des Pairs)» [1]).

Одного извѣстія, что затѣваемая реформа имѣетъ въ виду исключить ихъ отъ дальнѣйшей роли въ законодательномъ собраніи и въ то же время возвысить ихъ враговъ, было достаточно для того, чтобы въ засѣданіи 10 сентября 1789 года, несмотря на всѣ происки сторонниковъ англійской конституціи, большинство дворянскихъ депутатовъ высказалось противъ проекта раздѣла представительства. Показанія д'Антрега подтверждаются свидѣтельствами другихъ современниковъ: Неккера, Александра Ламета, Малуэ, Г-жи Сталь. Тогда, какъ говоритъ послѣдняя, мой отецъ охотно жертвовалъ своею популярностью, высказываясь въ пользу установленія періи, аристократы въ громадномъ большинствѣ смотрѣли на нее, какъ на средство лишить ихъ занимаемаго ими поста (les aristocrates se croyaient dépouillés par cette institution) [2]). Правая, т. е. аристократы, могла бы поддержать предложеніе Лалли объ устройствѣ пожизненнаго сената, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своихъ разсужденій о революціи, но они предпочли подать голосъ въ пользу единства представительства, въ надеждѣ, что самый избытокъ зла необходимо поведетъ къ добру [3]).

---

[1]) Adresse à l'erdre de la noblesse de France par Emannel-Louis-Henri-Alevandre de Launai, comte d'Antraigues, второе изд. 1792 (10 генв).

[2]) Considérations sur la Révolution française, изд. Charpentier 1881, т. I, стр. 116.

[3]) Ibid., стр. 168.

Даже люди, которые, подобно Мирабо, далеко не были принципіальными противниками англійской конституціи, въ то же время вполнѣ сознавали невозможность превращенія французскихъ сословныхъ камеръ въ англійскую палату лордовъ путемъ простаго слiянiя дворянства съ высшими церковными іерархами. Въ письмахъ къ Мовильону Мирабо совершенно вѣрно указываетъ на причину, помѣшавшую естественному переходу французскаго сословнаго представительства въ англійскую систему перовъ и общинъ. «Сохрани мы наши штаты, пишетъ онъ, по примѣру сосѣдней намъ націи, которая отъ общихъ съ нами порядковъ возвысилась до своей теперешней конституціи, наше сословное представительство развилось бы въ томъ же направленіи подъ вліяніемъ тѣхъ же потребностей» [1]).

Но въ концѣ XVIII вѣка, провозгласивши предварительно начало равенства всѣхъ гражданъ, создать затѣмъ въ лицѣ высшей дворянской камеры тормазъ для затѣваемой демократической реформы, было бы, очевидно, со стороны національнаго собранія верхомъ безумія. Можно было, правда, какъ это дѣлалъ изъ Англіи Калоннъ, ссылаться на авторитетъ Монтескье въ доказательство той мысли, что аристократія необходима для монархіи; но только подъ условіемъ рѣшительнаго непониманія того, что «Духъ законовъ» говоритъ о высшей палатѣ; можно было надѣяться на привитіе Франціи англійскихъ порядковъ путемъ простого соединенія въ одной камерѣ избранныхъ отъ дворянства и высшаго духовенства. Этого именно требовали тѣ немногіе наказы, въ томъ числѣ наказы отъ Меца и Монтаржиса, въ которыхъ затронутъ былъ вопросъ о представительствѣ высшихъ сословій; за это же стояли не только епископъ лангрской и такіе сторонники аристократіи, какъ графъ д'Антрегъ или Калоннъ [2]), но и немногіе члены умѣренной партіи, въ числѣ ихъ Малуэ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ Монтескье, рекомендуя систему англійской періи, и о чемъ мечтали члены высшихъ сословій во

---

[1]) Les Mirabeau (томъ IV, стр. 284).

[2]) de Calonne. De l'état de la France présent et à venir. Octobre 1790, 1-ère partice, стр. 194.

[3]) Mémoires: „Le plan de Mr-de Langres, пишетъ Малуэ, n'eut peut-être que moi pour approbateur.

Франціи 1789 года? Монтескье хотѣлъ, «чтобы лица, выдающіяся по рожденію, богатству и почестямъ, образуя изъ себя отдѣльную палату, имѣли возможность останавливать рѣшенія народа точно также, какъ народъ имѣлъ бы право останавливать ихъ рѣшенія [1]). Эти выдающіеся граждане не исключительно члены наслѣдственной сословной группы; это также владѣльцы крупныхъ состояній и, рядомъ съ ними, лица, все значеніе которыхъ сводится къ заслугѣ, которыхъ англійскій король въ правѣ ежечасно призвать въ ряды палаты лордовъ въ произвольномъ числѣ, хотя бы столько, сколько нужно для составленія цѣлаго батальона, по картинному выраженію Вильгельма IV. Эта возможность постояннаго обновленія палаты перовъ—существенное препятствіе къ вырожденію ея въ узкосословную камеру, какой неизбѣжно должна бытъ выбираемая дворянствомъ и духовенствомъ палата. Даже при широкомъ пользованіи со стороны короля правомъ «раздачи» дворянскаго звонія, отъ избирателей всегда зависитъ обойти при выборахъ этихъ недавно облагороженныхъ буржуа. Но французское дворянство и солидарные съ нимъ архіепископы и епископы имѣли въ виду именно устройство избирательной дворянской камеры и когда поставленъ былъ въ національномъ собраніи вопросъ объ устройствѣ нѣкоего подобія англійской періи, въ числѣ отвергшаго ее большинства насчитывалось болѣе ста голосовъ дворянъ.

И такъ, выставляемая аристократами программа устрийства національнаго представительства была отвергнута потому, что принятіе ея было бы равнозначительно отказу со стороны національнаго собранія отъ затѣяннаго имъ политическаго и общественнаго обновленія. Но какія, спрашивается, причины помѣшали образованію во Франціи верхней палаты по образцу англійской. И что именно разумѣли подъ нею сторонники системы двухъ палатъ? Два существенно-различныхъ проэкта разновременно были представлены приверженцами англійскихъ и американскихъ порядковъ. Одинъ имѣлъ въ виду устройство наслѣдственной періи, другой—пожизненнаго сената. Иниціаторомъ перваго былъ Мунье.

1) L'esprit des lois (книга XI, глава VI).

Еще въ бытность свою въ числѣ членовъ провинціальныхъ штатовъ Дофинэ Мунье пріобрѣлъ извѣстность глубокаго знатока англійскихъ учрежденій, извѣстность, которую онъ старался заслужить внимательнымъ отношеніемъ къ британской политической литературѣ и переводомъ на французскій языкъ и коментированніемъ такихъ сочиненій, какъ Разысканія Кревекера объ англійскомъ государственномъ строѣ [1]. Несомнѣнно, что во Франціи имѣлись одновременно и болѣе глубокіе знатоки британской конституціи, хотя бы превозносимый Мирабо маркизъ Казо, дѣйствительный авторъ знаменитой рѣчи народнаго трибуна о королевскомъ «veto». Но тогда какъ люди, въ родѣ Казо, путемъ личныхъ наблюденій, благодаря долгому пребыванію въ странѣ, вынесли то справедливое убѣжденіе, что первенство палаты лордовъ въ связи съ высокимъ избирательнымъ цензомъ и тѣми косвенными воздѣйствіями, какія неправильное распредѣленіе голосовъ между городами и мѣстечками оставляло въ рукахъ аристократіи, является угрозой для политической свободы Англіи Мунье, знакомый съ нею только по сочиненіямъ Блекстона и Делольма, всецѣло останавливался на мысли о превосходствѣ ея системы представительства, какъ дающей возможность взаимнаго уравновѣшенія «общинъ» «лордами» и любаго изъ нихъ королемъ. Этому именно взгляду онъ и даетъ выраженіе какъ въ своихъ политическихъ рѣчахъ и проэктахъ, такъ и въ тѣхъ многочисленныхъ памфлетахъ, въ которыхъ онъ оплакиваетъ будущую судьбу Франціи, не пожелавшей обезпечить себѣ свободы усвоеніемъ англійскихъ порядковъ. Всего систематичнѣе его взгляды на счетъ устройства французской періи изложены въ томъ письменномъ обращеніи, какое онъ дѣлаетъ Императору Леопольду почти наканунѣ Пильницкаго свиданья, когда монархами Европы рѣшенъ былъ въ принципѣ вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ во французскія дѣла. Мунье желаетъ предостеречь

---

[1]) Постояннымъ корреспондентомъ Мунье въ Англіи былъ депутатъ Бингъ; его продолжительному пребыванію въ Дофинэ Мунье обязанъ въ значительной степени и знакомствомъ съ англійскимъ языкомъ и интересомъ къ англійскимъ конституціоннымъ вопросамъ. Смотри этюдъ о Мунье графа D'Herisson подъ заглавіемъ Un constituent (первая часть его Girouettes politiques).

императора отъ опасности, какую можетъ представить оживленіе превозносимаго эмигрантами порядка сословнаго представительства, и рекомендуетъ собственную систему, какъ панацею «разумной» свободы. Все доказываетъ, пишетъ онъ, въ своемъ мемуарѣ отъ 13 октября 1791 года, необходимость сохранить начало представительства и невозможность возвращенія къ старому порядку. Въ интересѣ державъ воспротивиться подобной реставраціи, такъ какъ ея послѣдствіемъ были бы новыя государственныя потрясенія и революціи....

Большинство эмигрантовъ, руководствуясь болѣе собственными желаніями, нежели соображеніями объ удобствѣ и примѣнимости своихъ проэктовъ, предлагаютъ вернуться къ тѣмъ порядкамъ внутренняго устройства, какіе генеральные штаты представляли въ 1614 году (годъ послѣдняго ихъ созыва до революціи), когда каждое изъ трехъ сословій засѣдало отдѣльно. Есть также предложеніе соединить въ одну палату духовенство и дворянство, сосредоточивъ въ другой среднее сословіе. Легко доказать, продолжаетъ Мунье, что ни одинъ изъ этихъ проэктовъ не обезпечиваетъ ни общественнаго спокойствія, ни авторитета короля. Можно даже предсказать, что они будутъ имѣть совершенно обратное послѣдствіе: если справедливо, что дворянство необходимо въ монархіи, другими словами, если желательно, чтобы между престоломъ и народомъ стояли лица близкія къ королю по благородству рожденія, если пожалованье наслѣдственныхъ почестей можетъ служить для монарха средствомъ къ усиленію его власти, то далеко не выясненнымъ еще вопросомъ надо считать вопросъ о томъ, какія именно преимущества слѣдуетъ оставить за дворянствомъ, чтобы сдѣлать его полезнымъ для престола. Если оно будетъ слишкомъ могущественно, ничто не помѣшаетъ ему выступить противъ монарха и поставить себя выше законовъ. Всѣ современные государи Европы царствуютъ на развалинахъ дворянскаго всемогущества, которое они ослабили, содѣйствуя образованію городскихъ общинъ. Въ абсолютныхъ монархіяхъ просвѣщенному правителю легко самому рѣшить вопросъ, какія именно преимущества удержать за дворянствомъ, не устанавливая въ то же время обидныхъ для остальныхъ гражданъ различій... Но когда въ монархіи существуетъ

представительство, правила, которыхъ слѣдуетъ держаться при опредѣленіи дворянскихъ привилегій, представляются далеко не столь ясными. Одного благородства происхожденія не достаточно, чтобы привязать человѣка къ королю.

Опытъ доказываетъ, что дворянство примиримо и съ республиканскимъ образомъ правленія... Любимая химера дворянъ,—возводить свой родъ къ эпохѣ основанія самой монархіи, видѣть въ короляхъ не болѣе какъ первыхъ дворянъ государства и указывать на самостоятельный источникъ своихъ правъ. Я не заключаю изъ этого, говоритъ Мунье, чтобы дворянство не могло быть полезно для престола, а только то, что оно должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы сдѣлать возможнымъ достиженіе этой цѣли... Обособленное представительство каждаго сословія непримиримо съ порядкомъ и спокойствіемъ. Классы, между которыми рожденіе установило рознь, склонны ненавидѣть другъ друга. Имѣя свое отдѣльное представительство, члены сословія привыкли сосредоточивать свои привязанности на собственныхъ сословныхъ интересахъ и смотрѣть на интересы другихъ общественныхъ группъ, какъ на враждебные имъ. Они представляютъ подобіе армій, выстроившихся въ рядъ въ день битвы. Между ними нѣтъ никакой связи; по вѣрному выраженію одного англійскаго писателя при такомъ положеніи крайности не соприкасаются другъ съ другомъ, а взаимно отталкиваютъ одна другую...

Немыслимо было бы во Франціи сохранить гармонію между дворянскою палатою и палатою средняго сословія даже въ томъ случаѣ, если бы дворяне изъ своихъ привилегій не удержали ничего, кромѣ голыхъ титуловъ и отдѣльнаго представительства. Каждая бы палата приписывала противодѣйствіе другой себялюбивымъ цѣлямъ.

Сближеніе между ними было бы не возможно. Онѣ бы смотрѣли другъ на друга съ недовѣріемъ и при малѣйшей неосторожности, каждый разъ, когда самолюбіе той или другой палаты было бы задѣто, ими овладѣвала бы зависть и ненависть, неспособныя удовлетвориться ничѣмъ, помимо полнаго уничтоженія противника. Дворянство и народъ, имѣя самостоятельное представительство, пожелали бы сохранить равновѣсіе между своими силами,

а это помѣшало бы народу выбирать дворянъ въ число представителей. Крупные собственники, болѣе другихъ заинтересованные въ сохраненіи общественнаго спокойствія, были бы поэтому исключены изъ палаты средняго сословія.

Качество, особенно желательное въ народномъ представителѣ, это обладаніе извѣстнымъ размѣромъ собственности, благодаря чему онъ можетъ скорѣе потерять, нежели выиграть отъ революціи. Желательно также, чтобы онъ имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія по общественной экономіи, а пріобрѣтеніе ихъ едва-ли доступно большинству лицъ, занятыхъ промыслами. Въ рядахъ средняго сословія Франціи только незначительное число располагаетъ этими качествами. Большинство богатыхъ воспользовалось легкостью пріобрѣтенія дворянскихъ титуловъ, такъ что въ рядахъ буржуазіи осталось мало лицъ, способныхъ жить рентою. Народную палату составили бы поэтому, какъ и нынѣ главнымъ образомъ лица юридической профессіи. Нельзя утверждать, чтобы между ними не было людей добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ, но нельзя также отрицать того, чтобы въ общемъ они не представляли крайне опаснаго элемента въ представительныхъ собраніяхъ. А между тѣмъ составленная такимъ образомъ палата средняго сословія была бы наиболѣе могущественной, такъ какъ она была бы выразительницей воли большинства гражданъ; вѣдь дворянство и духовенство, вмѣстѣ взятыя, не составляютъ и двадцать пятой части всего населенія. Эта палата была бы также наиболѣе популярной и ей не трудно было бы привесть въ движеніе массы простонародья противъ дворянства. Дли этого достаточно было бы въ извѣстный моментъ польстить самолюбію низшихъ слоевъ населенія, обнародовать произнесенныя въ палатѣ рѣчи и журналъ засѣданій...

Отъ короля зависѣло бы, разумѣется, уравновѣсить вліяніе обѣихъ палатъ. Если бы онъ отказался отъ раздачи дворянскихъ правъ, дворянство возрасло бы въ значеніи, а среднее сословіе сдѣлалось бы еще болѣе завистливымъ. Наоборотъ, займись онъ облагораживаньемъ выдающихся членовъ средняго сословія, онъ тѣмъ самымъ отдѣлилъ бы отъ народа возвеличенныхъ имъ лицъ и уменьшилъ бы число собственниковъ въ нижней палатѣ, что въ концѣ концовъ отразилось бы весьма

вредно для него самого. Это состоянiе вражды могло бы, пожалуй, служить интересамъ монарха, если бы согласiе между палатами не было необходимо для вотированiя субсидiй. Чтобы достигнуть этого согласiя, королю пришлось бы постоянно вмѣшиваться въ дебаты и играть роль примирителя. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ его попытки были бы тщетны, то ему пришлось бы высказаться въ концѣ концовъ въ пользу одной изъ двухъ сторонъ, связать свою судьбу съ ея интересами, побѣдить или погибнуть вмѣстѣ съ нею... Какое же, спрашивается, послѣ этого средство устроить представительство такимъ образомъ, чтобы оно было опорой престолу и общественному спокойствiю? Англiя, отвѣчаетъ Мунье, даетъ намъ этотъ совершенный образецъ. Рѣшаюсь утверждать, говоритъ онъ, что при существованiи народнаго представительства никакой монархъ не можетъ имѣть больше власти, чѣмъ въ Англiи...

Англiйскую перiю нельзя смѣшивать съ дворянствомъ континента: она постоянно заинтересована въ сохраненiе какъ монархiи, такъ и политической свободы. Принадлежащiя ей высокiя функцiи позволяютъ ей сохранить равновѣсiе между королемъ и народомъ; онѣ не могли бы быть удержаны при народовластiи (gouveruement populaire). Перiя не есть спецiальное представительство одного какого-нибудь класса, но наслѣдственная магистратура, назначенiе которой подавать совѣты королю, защищать его прерогативы, охранять конституцiю. Она принадлежитъ по праву только старшимъ членамъ аристократическихъ родовъ. Сыновья и братья пера стоятъ въ рядахъ коммонеровъ; они допускаются къ праву представлять ихъ въ парламентѣ, они служатъ ко взаимному сближенiю обѣихъ палатъ. Перъ не могъ бы пренебречь правами народа, не измѣняя интересамъ собственной семьи. Вотъ почему народъ и не смотритъ на палату перовъ, какъ на нѣчто ему чуждое и враждебное. Онъ знаетъ, что по закону ни одинъ англичанинъ не лишенъ возможности попасть въ ея ряды, онъ не отказываетъ ей въ довѣрiи, онъ считаетъ ее защитницей своей свободы. Польза, доставляемая ея прерогативами и незначительность числа лицъ, надѣленныхъ ими, препятствуютъ развитiю ненависти и зависти. Гордость и сорѣвнованье менѣе допустимы между палатами, разъ въ нихъ

одинаково засѣдаютъ члены первыхъ фамилій королевства. Перъ, извѣстность котораго не превышаетъ той, какой можетъ добиться любой изъ граждапъ государства естественно становитъся противникомъ всякаго постановленія, умаляющяго честь и достоинства коммонеровъ. Въ свою очередь правительство, увѣренное въ поддержкѣ палаты лордовъ, свободно можетъ направить всѣ средства вліянія на нижнюю палату, членами которой въ большинствѣ случаевъ являются богатые собственннки, люди просвѣщенные, изъ которыхъ многіе отличаются даже родовитостью. Вотъ тотъ образецъ, заканчиваетъ Мунье, къ которому надо по возможности приблизиться во Франціи при устройствѣ въ ней двухъ палатъ. Если бы король былъ свободенъ въ выборѣ, онъ могъ бы даже вполнѣ послѣдовать этому примѣру.

Съ отмѣною дворянскихъ привилегій и удержаніемъ однихъ только титуловъ, исчезло бы прежнее обособленіе дворянъ отъ народа. Отмѣна жаловананья депутатамъ и требованье значительнаго дохода отъ представителей поставило бы въ необходимость избирать большинство ихъ изъ среды дворянства. Ни одинъ гражданинъ не могъ бы считать себя оскорбленнымъ такими порядками, такъ какъ, чтобы добиться избранія дворянину пришлось бы заслужить сперва общее довѣріе. Къ тому же дворянство лишено было бы права препятствовать назначенію королемъ новыхъ перовъ, выбираемыхъ имъ изъ среды народа. Предвидя возможность созданія взамѣнъ наслѣдственной періи пожизненнаго сената, члены котораго назначаемы были бы королемъ, Мунье спѣшитъ заявить, что подобное учрежденіе далеко не представляетъ тѣхъ же выгодъ. Оно внушило бы меньше довѣрія, оно не имѣло бы той независимости какъ по отношенію къ правительству, такъ и къ народу. Не имѣя возможности передать своихъ функцій по наслѣдству, пожизненные сенаторы были бы склонны пользоваться властью для того, чтобы привлечь на себя милости двора или пріобрѣсть расположеніе толпы. При всѣхъ его недостаткахъ, заканчиваетъ Мунье, пожизненный сенатъ все-же лучше представительства по сословіямъ, такъ какъ такому порядку все предпочитательно (tout est préférable) [1]).

[1]) Mémoire sur les moyens de retablir l'ordre en France. (Louis XVI et Marie Antoinette par F. Feuillet de Conches томъ IV, стр. 184 и слѣдующія).

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ, какія причины воспрепятствовали принятію собраніемъ проэкта Мунье, то мы едвали ошибемся, сказавши, что онѣ лежатъ прежде всего въ самомъ проэктѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ на обсужденіе національнаго собранія. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, упускать изъ виду, что устройство періи во Франціи было предложено въ то время, когда нація была раздѣлена стѣною сословныхъ привилегій на два враждебныхъ лагеря, и что самъ проэктъ не заключалъ въ себѣ никакихъ предложеній насчетъ упраздненія этихъ привилегій. Если бы плану Мунье суждено было найти осуществленіе въ дѣйствительности, при сохраненіи за дворянствомъ всѣхъ признаваемыхъ за нимъ преимуществъ, среднее сословіе стало бы слѣпымъ орудіамъ упроченья во Франціи аристократіи и сдѣлало бы напередъ невозможной затѣваемую ею реформу. Говоря словами Сіейса, обращенная въ перію высшая аристократія, отбросила бы охотно въ ряды нижней палаты все провинціальное дворянство, и эта камера, призванная служить интересамъ народа, наполнилась бы людьми, не имѣющими ничего общаго съ этими интересами. Нельзя не отдать полной справедливости той прониціальности, съ которой Сіейсъ указывалъ на невозможность установленія во Франціи англійской палаты лордовъ въ виду того глубокаго различія, какое существуетъ въ общественной организаціи обѣихъ націй. Указывая на то, что въ Англіи дворянство, какъ таковое, не отдѣлено отъ народа сословными привилегіями и податными изъятіями и что перы пользуются извѣстными преимуществами не въ силу рожденія только, а въ силу возложенныхъ на нихъ государственныхъ функцій, авторъ памфлета «Что такое среднее сословіе» справедливо говорилъ: прежде, чѣмъ разсуждать о пересажденіи періи, необходимо отмѣнить сословія. «Безъ этого, пишетъ онъ, тщетно будете вы соединять воедино три столь отличныхъ другъ отъ друга общественныхъ элемента, каковы дворянство, духовенство и буржуззія. Подъ общимъ названіемъ они не перестанутъ тянуть каждый въ свою сторону и никогда не въ состояніи будутъ амальгамироваться. Есть бѣдствіе, которое я ставлю даже выше дробленія націи на сословія, это попытка соединить ихъ номинально, оставляя между

ними реальныя различія. Это не могло бы имѣть другого послѣдствія, кромѣ торжества привилегированныхъ надъ націей. Необходимо, чтобы интересы послѣдней имѣли гдѣ-либо представителей и защитниковъ, которымъ были бы чужды другія цѣли. Поэтому палатѣ средняго сословія слѣдуетъ воспротивиться всякому проэкту включенія въ ея ряды членовъ прочихъ сословій. Поистинѣ дикой надо признать мысль соединить въ палатѣ общинъ людей, сословно раздѣленныхъ между собою: Немного времени потребовалось бы провинціальному дворянству для того, чтобы наполнить собою палату общинъ. Среднее сословіе потеряло бы своихъ представителей, и мы снова вернулись бы къ старому порядку, при которомъ дворянство было все, а народъ ничего. Не лучше будетъ и въ томъ случаѣ, если вторая камера присвоена будетъ исключительно членамъ средняго сословія. Въ такомъ случаѣ все останется попрежнему, нѣтъ, даже хуже прежняго. Соединивъ въ одной камерѣ оба высшихъ сословія вы увеличите ихъ силу сопротивленія общинамъ и ослабите то противодѣйствіе, какое каждая изъ палатъ можетъ оказать министерству. Оно не преминитъ извлечь пользу для себя изъ противоположенія двухъ враждебныхъ другъ другу націй (дворянства и духовенства, съ одной стороны, общинъ, съ другой), оно воспользуется ихъ розныю для того, чтобы ежечасно предписывать имъ свою волю, какъ законъ.... Къ тому же, какую гарантію имѣемъ мы, что правительство не сочтетъ возможнымъ обойтись постепенно безъ созыва общинъ. Тысяча причинъ, на которыхъ не стоитъ настаивать, убѣждаетъ меня въ томъ, что оно сперва будетъ отсрочивать ихъ собранія съ года на годъ, затѣмъ, подъ давленіемъ необходимости, побудитъ верхнюю палату дать ему напередъ согласіе на производство займа или на изданіе новыхъ законовъ. Предоставляю самому читателю, прибавляетъ аббатъ, дополнить картину того, что ждетъ насъ впереди. Что, какъ созданіемъ періи мы въ концѣ концовъ не добьемся ничего, кромѣ возстановленія той «cour plénière» той верховной судебной камеры, которая такъ плохо была принята общественнымъ мнѣніемъ въ министерство Ломени» [1]).

---

[1]) Смотри брошюру Сіейса, озаглавленнуы Qu'est ce que le tiers état

Возвышаясь до болѣе общихъ соображеній, другой изъ выдающихся депутатовъ средняго сословія, руководитель французскихъ протестантовъ и членъ конституціоннаго комитета палаты, Рабо Сентъ-Этьенъ вооружается противъ самой теоріи, на которой построено ученіе о раздѣленіи національнаго представительства на двѣ камеры. Доказывая въ своихъ «Размышеніяхъ объ интересахъ средняго сословія», появившихся почти наканунѣ выборовъ въ генеральные штаты, что дворянство не имѣетъ иного источника, кромѣ надѣленія привилегіями нѣкоторыхъ семей буржуазіи, Рабо Сентъ-Этьенъ утверждаетъ, что первоначально, «по самой природѣ вещей», не могло существовать и не существовало во французской монархіи ничего, кромѣ противоположенія націи и короля. Всѣ посредствующія власти установлены были только со временемъ и ихъ необходимость была вызвана вкравшимися въ государство злоупотребленіями (присвоеніемъ со стороны правительства чрезмѣрнаго авторитета). Но если эти промежуточныя власти могутъ содѣйствовать умаленію зла, то какая въ нихъ нужда въ конституціи мощной и здравой [1]), какой должна быть будущая конституція Франціи. Средствомъ противъ деспотизма не можетъ быть возвеличеніе королемъ немногихъ подданныхъ; если не предоставить самой націи образованіе этой промежуточной инстанціи, то одно изъ двухъ—члены ея или будутъ представлять собой націю или проводить чуждые ей интересы. Въ первомъ случаѣ они не могутъ служить къ установленію политическаго равновѣсія; во второмъ же они сдѣлаются врагами общественнаго блага, такъ какъ вся-

---

и появившуюся въ первыхъ числахъ января 1789 года (изд. аббата Мореле, Парижъ, 1822 года, стр. 137 и слѣдующ. параграфъ, озаглавленный: On propose d'imiter la constituation anglaise).

[1]) Un pouvoir intermédiaire n'est pas dans l'ordre des choses; on n'a nul besoin d'intermédiaire parccque le peuple est bien gouverné. Il est donc dans l'abus des choses et dans le désordre, aussi ne le propose-t-on que comme un remède. Il suppose donc un mal puisqu'il s'offre pour le diminuer, mais s'il s'engendre et devient nécessaire au milieu des abus; il n'entre pas dans une constitution saine et vigoureuse: mais dans une coustitutiou dégradée et c'est en faire un bien triste usage (Considérations sur les interêts du tiers état. Oeuvres de Rabaut saint-Etienne. nouvelle édition. 1822 г., стр. 39).

кій частный интересъ по необходимости обреченъ быть такимъ врагомъ [1]).

Въ другомъ почти одновременномъ памфлетѣ, озаглавленномъ «Вопросъ публичнаго права, слѣдуетъ ли собирать голоса по сословіямъ, или счетъ ихъ долженъ быть поголовнымъ». Рабо Сентъ-Этьенъ, возвращаясь къ критикѣ системы противовѣсовъ, старается провести тотъ взглядъ, что послѣдствіемъ ея можетъ быть только принесеніе въ жертву общаго блага частнымъ интересамъ. Она не только сохраняетъ, но и усиливаетъ эти частные интересы, открываетъ для человѣческихъ страстей цѣли, чуждыя общественному благу, дробитъ націю на столько частей, сколько въ ней имѣется интересовъ, отличныхъ отъ общаго...

Раздѣленіе представительства на отдѣльныя камеры придумано, по мнѣнію Рабо, въ цѣляхъ сохраненія этихъ частныхъ интересовъ: каждая камера неизбѣжно сдѣлается направляющимъ центромъ, очагомъ подобнаго интереса, а потому и препятствіемъ къ народному благу... Берегитесь, французы, конституціи, которая бы создала такія промежуточныя власти; онѣ не должны существовать, такъ какъ власть едина. Сословія слѣдуетъ не уровновѣсить, а одинаково подчинить націи..... Но для этого необходимо, чтобы національное собраніе было едино, какъ едино представляемое имъ государство... Я предвижу, что намъ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ создать образъ правленія не только болѣе другихъ отвѣчающій нашимъ условіямъ, но и наиболѣе совершенный изъ всѣхъ, какіе доселѣ существовали между людьми; но для этого необходимо положить въ основу его единство. Собраніе будетъ издавать общіе для всѣхъ законы,— общіе потому, что они будутъ выраженіемъ общей воли всѣхъ. Прежде, чѣмъ заимствовать англійскую систему, мы должны рѣшить, не въ состояніи ли мы придумать новую комбинацію, которая бы прямѣе вела насъ къ цѣли обезпеченія политической свободы. Подобно Сіейсу, Рабо думаетъ, что французская перія имѣла бы только формальное сходство съ англійской.

---

[1]) Toutes les fois que l'on crée un corps avec des prérogatives d'exception on crée un ennemi du bien publique; car un interêt particulier n'est autre chose que cela: (ibid., стр. 43).

«У англичанъ, говоритъ онъ, дворянство и духовенство не замкнутыя въ себя сословія, а служебныя положенія. Какъ сословія, они не имѣютъ прероготивъ, но они пользуются ими въ силу службы. Если наше дворянство и духовенство захотятъ принять англійскую конституцію, они должны, подобно англійскимъ, слиться съ націей и отказаться отъ своихъ привилегій. Но это не то, что намъ предлагаютъ. Чего хотятъ сторонники англійскихъ порядковъ, это созданія у насъ камеры привилегированныхъ на ряду съ камерой непривилегированныхъ. Соединеніе при такихъ условіяхъ обоихъ сословій въ одной палатѣ только усилитъ ихъ вліяніе, устраняя между ними возможность той розни, которой не разъ могло пользоваться къ своей выгодѣ среднее сословіе. Будемъ надѣяться, что народъ откроетъ глаза на дѣйствительныя послѣдствія, какія будетъ имѣть для него это искусственное уподобленіе англичанамъ. Ему обѣщаютъ установленіе свободы на развалинахъ министерскаго деспотизма. Да, онъ получитъ ее, но свобода эта будетъ та самая, какая существовала въ Польшѣ, въ которой вся власть и значеніе находились нераздѣльно въ рукахъ дворянства» [1]).

Если мы пожелаемъ найти источникъ, изъ котораго Сіейсъ и Рабо одинаково заимствовали свою теорію нераздѣльнаго представительства, то намъ придется заглянуть въ трактаты Мабли, вліяніе которыхъ на составленную учредительнымъ собраніемъ конституцію было признано уже современниками [2]). Вотъ что находимъ мы въ одномъ изъ этихъ трактатовъ: «для того, чтобы между исполнительной властью и законодательной могла быть

---

[1]) Question de droit public: doit-on recueillir les voix dans les états généraux, par ordres, ou par têtes de délibéraus. (Oeuvres de Rabeau, стр. 347, 356, 361, 375, 402, 404, 405, 406).

[2]) Мабли, говоритъ въ собраніи якобинскаго клуба отъ 25 декабря 1790 года Лемонье, первый изъ публицистовъ Европы писавшихъ и указывавшихъ, что намъ должно дѣлать. Вамъ хорошо извѣстна та польза, какую извлекли изъ него наши законодатели; правда, въ большинствѣ случаевъ они не считали нужнымъ упоминать его имени, но чтобы доказать его вліяніе, достаточно сослаться на его трактатъ о законодательствѣ, въ которомъ всякому государству, желающему упрочить свободу, рекомендуется отмѣна сословій. (Aulard, La société des jacobins, томъ I, стр. 440).

установлена гармонія, необходимо, чтобы власть законодательная въ государствѣ была едина. Создайте двѣ палаты, и онѣ неминуемо обратятся во враждебныя другъ другу партіи».

«Чиновники, не будучи въ состояніи угодить обѣимъ, всегда будутъ казаться одной изъ нихъ виновными въ измѣнѣ, и это сдѣлается причиной тому, что въ глазахъ народа они прослывутъ за угнетателей и тиранновъ» [1]).

Но не у одного только Мабли научились дѣятели учредительнаго собранія отрицательному отношенію къ теоріи политическаго равновѣсія. Оно, какъ извѣстно, составляло общую черту физіократовъ и нашло систематическое выраженіе въ томъ самомъ сочиненіи Мерсье де Ларивьеръ «О естественномъ порядкѣ политическихъ сообществъ», противъ котораго такъ энергично вооружился Мабли [2]). Неудивительно поэтому, если воспитанный въ идеяхъ физіократовъ, Мирабо, при всемъ своемъ уваженіи къ англійской конституціи, не былъ сторонникомъ принятой ею системы представительства. Въ памфлетѣ, посвященномъ имъ свободѣ печати и появившемся съ 1788 году, будущій трибунъ воспроизводитъ слова уже упомянутаго нами маркиза де Казо: «благосостояніе Англіи независимо отъ обособленія власти въ рукахъ общинъ, перовъ и короля и необходимости ихъ взаимнаго согласія для установленія законовъ». Мирабо полагаетъ, что всѣ удобства послѣдовательнаго обсужденія законопроектовъ нѣсколькими отличными другъ отъ друга собраніями, могутъ быть достигнуты путемъ простаго раздѣленія единой народной камеры на комитеты, изъ которыхъ каждый бы подвергалъ вторичному разсмотрѣнію то, что было постановлено его предшественникомъ. Какое же преимущество, спрашиваетъ онъ, имѣетъ передъ этой какъ нельзя болѣе простой организаціей преслову-

[1]) Томъ XI, стр. 195, Pour qu'elles (la puissance législative et la puissance éxicutive), agissent de concert il est indispensable qu'il n'y ait qu'une autorité législative dans l'état etc.

[2]) Ceux qui ont imaginé le système des contre-forces, ont pensé que le pouvoir du souverain pouvait être modifié par un autre pouvoir opposé tel que celui d'une puissance établie pour en être le contre-poids et le balencier. Si dans l'éxécution de cette idée bizarre on pouvait parvenir à instituer deux puissances parfaitement égales, séparement elles seraient toutes deux nulles. (L'ordre naturel des sociétés politiques).

тая смѣшанная система Англіи, къ которой Америка напрасно постаралась приблизиться [1]). Эта мысль Мирабо, какъ и большинство его теоретическихъ построеній, принадлежитъ, впрочемъ, не ему, а аббату Сіейсу, развившему ее послѣдовательно въ двухъ политическихъ памфлетахъ, написанныхъ въ теченіе 1788 года. Одинъ изъ нихъ, уже упомянутая нами брошюра. «О среднемъ сословіи», содержитъ въ себѣ слѣдующее характерное мѣсто: «я первый готовъ заявить требованіе объ образованіи трехъ равныхъ между собою камеръ, изъ которыхъ каждая заключала бы треть національнаго представительства». За указаніями на счетъ способа осуществленія этой схемы Сіейсъ отсылаетъ къ другой своей брошюрѣ «О средствахъ, какими располагаютъ представители Франціи для осуществленія поставленныхъ себѣ цѣлей». Извѣстно, какое негодованіе вызвало въ стѣнахъ національнаго собранія предложеніе Мирабо, считать рѣшеннымъ вопросъ объ устройствѣ второй палаты, такъ какъ своимъ соединеніемъ съ среднимъ сословіемъ депутаты духовенства и дворянства уже высказались на его счетъ въ отрицательномъ смыслѣ. Дѣлая его, Мирабо предлагалъ только наипростѣйшій способъ избѣжать безконечныхъ преній по вопросу, по которому большинство, и онъ въ томъ числѣ, достигли уже твердаго рѣшенія. Депутатъ Сельери былъ совершенно солидаренъ съ нимъ, говоря въ засѣданіи 8 сентября: «Представители націи, вы только что высказались въ пользу соединенія всѣхъ депутатовъ въ одной камерѣ, а теперь, когда это единство достигнуто, вы снова ставите вопросъ о раздѣленіи. Одно только время сгладитъ въ насъ память о старинныхъ привилегіяхъ; всякій сенатъ, даже пожизненный, неизбѣжно вызоветъ оживленіе этихъ различій; въ свободномъ же государствѣ возможны только тѣ, какія устанавливаютъ таланты и заслуги».

Преимущества и недостатки періи съ этого времени сдѣлались излюбленной темой французской публицистики. Не проходитъ мѣсяца безъ того, чтобы въ Парижѣ или въ провинціяхъ, всего чаще, разумѣется, въ столицѣ, не появлялось сочиненія, такъ или иначе трактующаго этотъ вопросъ. Отправляясь отъ него, многіе писатели переходятъ къ систематической критикѣ всего

---

[1]) Loménie. Les Mirabeau. томъ IV, стр. 136.

англійскаго строя. Большинство этихъ брошюръ забыты въ настоящее время и съ трудомъ могутъ быть разысканы въ публичныхъ книгохранилищахъ [1]). Многія заслуживаютъ однако внимательнаго изученія, такъ какъ знакомятъ насъ съ тѣмъ ходомъ мыслей, который позволилъ французамъ прошлаго вѣка отрѣшиться отъ привитой имъ Монтескье англоманіи и установить тотъ критерій, съ котораго сторонники демократіи смотрятъ доселѣ на политическія учрежденія Великобританіи. Огульное обвиненіе въ невѣжествѣ, въ неспособности открыть за формою животворящій ее духъ, обвиненіе, такъ часто расточаемое по адресу французскихъ публицистовъ ихъ англійскими собратіями, въ данномъ случаѣ уже потому не можетъ быть признано заслуженнымъ, что многіе изъ тѣхъ писателей, о которыхъ мы поведемъ рѣчь, или лично посѣтили Англію, или изучили ея порядки въ трактатахъ англійскихъ же авторовъ, Болингброка, Прайса и другихъ. Чистосердечно сознаваясь въ томъ, что ихъ первоначальныя воззрѣнія на Англію составились исключительно подъ вліяніемъ Монтескье и его толкователя Делольма, нѣкоторые изъ упоминаемыхъ нами публицистовъ прибавляютъ, что послѣ личнаго посѣщенія острова сказанное этими писателями кажется имъ фантастическимъ романомъ. Казо, какъ они сознаются, далъ первый толчекъ къ такому критическому отношенію. Онъ породилъ въ умахъ французовъ сомнѣніе въ томъ, чтобы система политическихъ противовѣсовъ дѣйствительно была необходима для свободы и нашла въ Англіи полное признаніе. Депутатъ отъ Нанта, Блэнъ [2]), въ открытомъ письмѣ къ Мунье, повторяетъ, вслѣдъ за Казо, что подкупъ на выборахъ является дѣйствительнымъ коррективомъ того внутренняго разлада, какой вызываетъ раздѣлъ въ Англіи политическаго суверенитета между королемъ, лордами и общинами. Благодаря ему, одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ, а именно наслѣд-

---

1) Библіотека Британскаго музея особенно богата ими. Они вошли здѣсь въ составъ двухъ коллекцій, изъ которыхъ одна извѣстна подъ названіемъ „Bibliothèque historique de la Révolution, а другая прямо обозначается общимъ прозвищемъ „Французскихъ памфлетовъ".

2) Lettre à M. Mounnier, deputé du Dauphiné sur l'ouvrage intitulé: „Considérations sur les gouvernemens et principalement sur celui qui convient à la France, стр. 25 и слѣд. Britsh Museum. Rév. française LXXIV.

ственный монархъ, беретъ перевѣсъ надъ двумя остальными, возстановляя въ свою пользу то единство самодержавія, какое по справедливости должно было бы принадлежать одной только націи. Авторъ цитируетъ сужденія Болингброка объ англійскихъ порядкахъ. Для него, какъ и для знаменитаго друга и учителя Вольтера, Англія, сохраняя старинныя формы политическаго устройства, сдѣлалась новымъ чудовищемъ, не подлежащимъ даже опредѣленію. Она имѣетъ короля, лишеннаго монархическаго величія, дворянскій сенатъ, которому недостаетъ аристократической независимости, совѣтъ общинъ безъ демократической свободы [1].

Вслѣдъ за Казо и другіе публицисты обвиняютъ Англію въ томъ, что ея верхняя палата какъ бы создана для того, чтобы перенесть въ руки меньшинства власть, по праву принадлежащую одному большинству. Послѣдовать ея примѣру, создавая во Франціи палату перовъ, равносильно ниспроверженію того основнаго закона, которымъ національное собраніе, провозгласивъ народное верховенство, подчинило Францію воли большинства [2].

По мнѣнію Лавиль-Леру, депутата отъ Лоріана, собраніе даже не имѣетъ на это права, ибо его миссія, какъ понимаютъ ее избиратели, лежитъ прежде всего въ сліяніи сословій въ одно цѣлое [3]. Нація не можетъ считаться свободной, если лица, надѣленныя законодательной властью, не получаютъ своихъ полномочій отъ народа, а въ этомъ именно положеніи и находятся лорды Англіи. Франціи необходимо поэтому взять за образецъ не англійскую конституцію, а вѣчный кодексъ природы, разума и справедливости [4].

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Англіи, значится въ обнародованныхъ 19-го мая 90-го года наблюденіяхъ анонимнаго путешественника, уроженца западной Швейцаріи, мое уваженіе къ Де-

---

1) Bolingbroke .Sketch of the History and state of European litterature, стр. 300.

2) См. Observations du Marquis de Casaux sur la proposition d'un Corps législatif composé des Représentans de la Nation, d'un Sénat, d'un Roi.

3) Opinion de M. de la Ville le Roux, député de l'Orient sur le système de deux chambres. A. 1789.

4) См. Reflexions sur la Constitution Anglaise présentées à l'Assemblée Nat. 1789. ibid, т. LXXVII.

лольму замѣнилось глубочайшимъ презрѣніемъ: его книга сплетеніе ошибокъ и софизмовъ». Авторъ путешествія критикуетъ и составъ нижней палаты, въ которой Англія и Шотландія недостаточно представлены, а города насчитываютъ больше депутатовъ, чѣмъ села, и составъ верхней, который король ежечасно можетъ измѣнить созданіемъ новыхъ перовъ. Онъ возмущается неравномѣрностью избирательнаго права, тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ оно связано съ принадлежностью къ корпораціи, а въ другомъ съ простымъ мѣстожительствомъ, съ фактомъ «владѣнія собственнымъ очагомъ». Онъ не находитъ словъ, чтобы передать свое негодованіе при видѣ, какъ пьянство, соблазны, подкупъ, нарушеніе даннаго слова рѣшаютъ сплошь и рядомъ исходъ выборовъ. «Кто пьетъ больше другихъ и больше другихъ раздаетъ денегъ, утверждаетъ онъ, того и признаютъ наиболѣе достойнымъ». Авторъ не находитъ въ Англіи ни личной свободы, ни свободы совѣсти или печати. Возможно-ли первое тамъ, восклицаетъ онъ, гдѣ людей задерживаютъ подъ предлогомъ долга въ 10 фунтовъ, гдѣ существуетъ насильственная вербовка матросовъ. Вольтеръ—причина того преувеличеннаго значенія, какое мы придаемъ англійской вѣротерпимости. Позволено спросить себя, гдѣ она, эта вѣротерпимость, разъ закономъ предписывается принесеніе присяги въ вѣрности господствующей церкви; гдѣ также свобода печати, когда правительство затрачиваетъ въ немного лѣтъ 500 тысячъ фунтовъ на преслѣдованіе газетчиковъ. Сама свобода парламентскихъ преній, отъ которой зависятъ всѣ остальныя, соблюдается только въ примѣненіи къ лицамъ, принадлежащимъ къ одной изъ двухъ господствующихъ партій. Разъ депутатъ стоитъ особнякомъ и не имѣетъ поддержки въ парламентѣ, противъ него пускаютъ въ ходъ преслѣдованія, подобныя тѣмъ, какимъ подвергся Вильксъ. Англійская конституція, заключаетъ авторъ, не иное что, какъ капитуляція рабовъ съ ихъ тиранами. Королевская власть постоянно присваиваетъ себѣ функціи другихъ властей. Англійское правительство такъ же произвольно, какъ и другія, и отличается отъ самыхъ доспотическихъ только формою [1]).

[1]) Observations sur le gouvernement et la constitution de l'Angleterre avec des remarques sur l'ouvrage de M. Delolme, dans une suite de let-

Но если авторитетъ Англіи не можетъ быть приводимъ долѣе въ пользу устройства періи, такъ какъ ея хваленыя учрежденія при ближайшемъ разсмотрѣніи не являются достаточнымъ оплотомъ для свободы, то не слѣдуетъ ли уподобиться въ устройствѣ верхней палаты сенату свободной Америки? Многіе писатели раздѣляютъ это мнѣніе, поддерживаемое и другомъ Вашингтона, Лафайетомъ; Лалли-Толендаль вноситъ даже въ засѣданіи 31 августа 1789 г. составленный въ этомъ смыслѣ проектъ. Его сенатъ насчитываетъ не болѣе двухъ-сотъ членовъ, избираемыхъ изъ всѣхъ сословій за заслуги. Но чтобы быть кандидатомъ, надо имѣть 35-ти лѣтній возрастъ и собственность. Выборъ долженъ принадлежать совмѣстно королю и провинціальнымъ собраніямъ, или королю и народнымъ представителямъ [1]).

Много соображеній, говоритъ Лалли, можетъ быть приведено въ пользу такого устройства. Оно помѣшаетъ узурпаціи чужихъ властей единымъ національнымъ собраніемъ, положитъ конецъ поспѣшности въ изготовленіи законовъ, дастъ возможность создать политическое судилище для преступленій противъ націи, позволитъ наконецъ вознаграждать заслуги, оказанныя государству. Сенату не должна принадлежать инициатива, а только право тормозить тѣ предложенія, какія прошли уже въ національномъ собраніи. Отказъ каждый разъ долженъ быть мотивированъ и отсрочиваетъ приведеніе законовъ въ дѣйствіе только до окончанія сессіи [2]).

Мунье не отказывалъ въ своей поддержкѣ и этому проекту. Онъ готовъ былъ пойти на тѣ уступки, какихъ требовало уподобленіе второй палаты американскому сенату. Ему, какъ и Бергасу, дорогъ былъ прежде всего самый принципъ раздѣла законодательной власти между двумя, взаимно уравновѣшивающими другъ друга собраніями [3]).

---

tres écrites en 1787 par un voyageur citoyen de la Suisse occidentale. Paris, 19 mai 1790. ibid., т. LXXIX.

[1]) См. Archives Parlementaires, т. VIII, стр. 519.

[2]) Ibid., т. VIII, стр. 514 — 522. См. также. Aux députés de la Nation Française aux états généraux. 1789, стр. 23. Du partage de la puissance législative. Br. Museum. Rév. Fr., т. LXXX.

[3]) Что нужно, говорилъ въ своей рѣчи Бергасъ, для того, чтобы удер-

Въ отличіе отъ Лалли-Толендаля, Мунье хотѣлъ предоставить назначеніе членовъ сената провинціальнымъ собраніямъ, увеличеннымъ въ составѣ присоединеніемъ къ нимъ равнаго числа избирателей. Клермонъ Тоннеръ, въ видахъ проведенія проекта верхней палаты, готовъ былъ признать за нею только право останавливать на время рѣшенія нижней. Малуэ и Дюпонъ де-Немуръ съ тою же цѣлью соглашались даже ограничить взаимное вето палатъ требованіемъ совмѣстнаго обсужденія вызвавшихъ разнорѣчіе вопросовъ. Въ этомъ послѣднемъ проектѣ трудно не видѣть подражанія англійскому порядку «конференцій между лордами и общинами», въ случаѣ, если верхняя палата отвергнетъ билль, уже проведенный въ нижней. Ни одному изъ этихъ предложеній не удалось однако поколебать предубѣжденія большинства противъ всякой комбинаціи, въ которой оно видѣло возстановленіе старинной политической роли дворянства. Въ своихъ мемуарахъ Лафайетъ замѣчаетъ, что легче было бы провести въ національномъ собраніи принципъ избранія перваго сановника государства, нежели принципъ раздѣла законодательства между общинами и лордами. Мирабо готовъ былъ искать союза съ графомъ д'Антрегомъ и послушнымъ ему провинціальнымъ дворянствомъ, лишь бы помѣшать установленію второй камеры. Само это дворянство, по словамъ защищавшаго его интересы органа (Actes des Apotres), не видѣло въ созданіи сената ничего, кромѣ угрозы дальнѣйшему существованію его служебныхъ преимуществъ. Неудивительно послѣ этого, если оно присоединилось при голосованіи къ радикаламъ и если въ большинствѣ, отвергшемъ проектъ второй камеры, треть голосовъ оказалась принадлежащей дворянству.

Нечего и говорить, что сторонники англійскихъ порядковъ,

жать каждую изъ властей въ ея естественныхъ границахъ? Для этого нужно, чтобы исполнительная власть была сдержана постояннымъ законодательнымъ корпусомъ, а законодательная раздѣлена между двумя камерами, и королю предоставлено право veto по отношенію къ ихъ рѣшеніямъ. Единая палата всегда имѣетъ возможность избавить себя отъ подчиненія ею же изданнымъ законамъ. (См. Discours de m-r Bergasse sur la manière, dont il convient de limiter le pouvoir législatif et le pouvoir éxecutif dans une monarchie, 1789).

какъ Неккеръ и Мунье, продолжали приписывать неуспѣхъ конституціи 91-го года факту принятія системы нераздѣльнаго національнаго представительства. «Единая камера, пишетъ первый въ своемъ сочиненіи «Объ исполнительной власти», служитъ мишенью для всѣхъ страстей. Всякій знаетъ, что большинство одного голоса подчасъ достаточно для рѣшенія наиважнѣйшихъ вопросовъ. Частныя сообщества и политическіе клубы стараются подготовить побѣду тѣмъ или другимъ предложеніямъ. Безъ труда научаются они управлять собраніемъ; съ помощью интригъ, распространеніемъ фальшивыхъ слуховъ и обнародованіемъ запугивающихъ кого слѣдуетъ ложныхъ извѣстій. имъ удается навязать собранію то или другое рѣшеніе. Всѣ эти маневры оказались бы неудачными, если бы для изданія законовъ необходимо было согласіе двухъ камеръ... При существованіи двухъ палатъ высшая отправляетъ по отношенію къ низшей обязанности цензора, и это обстоятельство побуждаетъ представителей слѣдовать въ своихъ постановленіяхъ требованіямъ умѣренности и мудрости. Нѣтъ этой удержи, и каждый ищетъ популярности самыми крайними предложеніями, въ увѣренности, что они одни могутъ обратить на него вниманіе толпы. Единая нераздѣльная камера не любитъ долгихъ обсужденій. Тщетно конституція предписываетъ троекратное чтеніе новыхъ законовъ. Собраніе всегда имѣетъ возможность обойти этотъ приказъ, постановивъ, что стоящій на очереди вопросъ требуетъ немедленнаго обсужденія (est un cas d'urgence) [1].

Еще настойчивѣе отстаиваетъ мысль о необходимости верхней палаты Мунье. По словамъ сочувствующаго его планамъ шведскаго посла [2]), Мунье готовъ былъ «вызвать пожаръ» во всемъ королевствѣ, лишь бы добиться системы двухъ палатъ. И дѣйствительно, отклоненіе собраніемъ его проекта не только заставляетъ его выйти изъ среды конституціоннаго комитета, но удалиться изъ собранія и даже сдѣлать попытку возстановить противъ него провинціальные штаты Дофинэ. Лалли Толандаль слѣдуетъ за Мунье въ его добровольное изгнаніе.

---

[1]) Du pouvoir executif dans les grands états (томъ I, стр. 61 и слѣдующія).

[2]) Correspondance diplomatique du Baron de Stael-Holstein, стр. 141.

Тщетно королева протестуетъ въ письмахъ къ Мерси противъ тѣхъ, кто, желая служить дѣлу примиренія, только поддерживаютъ своей агитаціей раздоры и несогласія. Мунье остается вѣренъ свой политикѣ непосредственной апелляціи къ избирателямъ. И его примѣръ вскорѣ находитъ подражателей въ числѣ вѣрныхъ наказамъ депутатовъ [1]). Даже послѣ того, какъ неуспѣхъ всей этой агитаціи, и открытыя національнымъ собраніемъ преслѣдованія противъ ея виновниковъ, заставили Мунье выселиться изъ Франціи, онъ продолжалъ доказывать необходимость пересмотра конституціи въ цѣляхъ приближенія ея къ англійскому образцу. Въ лицѣ Мале-дю-Панъ, талантливѣйшаго редактора «Французскаго Меркурія» (Mercure de France), Мунье нашелъ защитника и пропагандиста своихъ идей. Въ письмѣ отъ 14 марта 90 года послѣдній въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свою солидарность со взглядами Мунье. «Ваши принципы, пишетъ онъ, и до открытія генеральныхъ штатовъ, казались мнѣ единственной разумной срединой, внѣ которой лежатъ только пропасти. Тѣ, кто года три назадъ доносили на меня министру, какъ на опаснаго англомана, за послѣдніе три мѣсяца доносятъ на меня народу, утверждая, что порицаніе мною конституціи вызвано всецѣло несходствомъ ея съ англійской. Толпа не понимаетъ, да и едва ли когда пойметъ, что мы преклоняемся предъ англійскими порядками не потому только, что они англійскіе, но потому, что они построены на мысли о необходимости считаться съ человѣческими страстями и дѣлать ихъ служителями свободы» [2]).

Преданность идеалу уравновѣшенной монархіи побуждаетъ Мунье не только защищать свой проектъ въ рядѣ политическихъ брошюръ, въ числѣ которыхъ наиболѣе извѣстной является его «Разсмотрѣніе причинъ, помѣшавшихъ французамъ достигнуть свободы», но и искать сближенія со дворомъ графа Прованскаго, будущаго короля Людовика XVIII. Только убѣдившись изъ письма

---

[1]) Объясняя причины, по которымъ онъ сложилъ съ себя депутатскія полномочія, Туркгеймъ изъ Страсбурга ссылается между прочимъ на отклоненіе собраніемъ проекта двухъ палатъ. L'Alsace pendant la révolution, стр. 253.

[2]) Autour de la révolution par Hérisson, стр. 95.

Калонна, что «принцы крови расходятся съ нимъ, признавая необходимость возстановленія сословій»[1]), Мунье рѣшается искать новаго союзника своимъ планамъ въ лицѣ императора Леопольда. Онъ пишетъ ему письмо, предупреждая его противъ козней эмиграціи, и прилагаетъ къ этому письму тотъ проектъ устройства верхней палаты, содержаніе котораго изложено было нами выше.

Одно время можно было думать, что вопросъ о двухъ камерахъ рѣшенъ будетъ въ утвердительномъ смыслѣ. При пересмотрѣ конституціи Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ, ища союза противъ усиливающихся якобинцевъ, предложили умѣреннымъ проектъ соглашенія. Въ числѣ обѣщаній, сдѣланныхъ ихъ главѣ Малуэ, мы находимъ обязательство установить верхнюю палату. Мале-дю-Панъ пишетъ объ этомъ проектѣ къ Мунье 26 іюня 1791 года и сообщаетъ, что ему удалось склонить въ пользу общихъ имъ взглядовъ нѣкоторыхъ вожаковъ аристократической партіи, въ числѣ ихъ Казалеса и Мори.

Мы увидимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ причины, помѣшавшія осуществленію этого соглашенія. Его неуспѣхъ повлекъ за собою и окончательное паденіе проекта второй камеры. Мунье, правда, не разъ возвращался къ своей излюбленной темѣ въ брошюрахъ и частной корреспонденціи, но его надежды казались даже сторонникамъ его мнѣнія такъ мало отвѣчающими дѣйствительности, что никто иной, какъ Малуэ, убѣждалъ его оставить мысль о періи и заняться преслѣдованіемъ болѣе близкихъ къ осуществленію цѣлей[2]).

Если сторонники системы двухъ палатъ обнаруживали большое упорство въ защитѣ конституціи, которая, по словамъ одного изъ нихъ, «одинаково была бы способна избавить ихъ отъ цѣпей деспотизма и отъ разгула свободы, недопускающаго никакой прочной организаціи»[3]), то, съ другой стороны, поборники единства народнаго представительства обнаруживали не меньшую стойкость.

Лафайетъ, по словамъ Мале-дю-Панъ, продолжалъ еще въ

[1]) Ibid., стр. 170, письмо отъ 23 декабря 1790 года.
[2]) D'Hérisson. Autour d'une révolution, стр. 176.
[3]) Слова Лезе Марнезія, попадающіяся въ письмѣ, написанномъ имъ изъ Филадельфіи 30 марта 1792 года. Ibid., стр. 213.

іюлѣ 1791 года пенять на него за ту агитацію, какую онъ велъ въ пользу установленія верхней палаты [1]). Передавая содержаніе своей послѣдней бесѣды съ Лафайетомъ не задолго до оставленія послѣднимъ арміи и перехода черезъ бельгійскую границу, Говерноръ Моррисъ разсказываетъ, что всѣ попытки склонить друга Вашингтона къ принятію системы наслѣдственной камеры оказывались тщетными и что довольно уступчивый по другимъ вопросамъ, онъ упорно продолжалъ держаться за свою «химеру демократической монархіи» [2]).

Нераздѣльность народнаго представительства, доселѣ продолжающая оставаться политическимъ «credo» народныхъ массъ, потеряла въ настоящее время то значеніе, какое связывали съ нимъ друзья демокраіи въ 1789 г. Причина этому лежитъ, разумѣется, въ доказанной опытомъ возможности установить систему двухъ палатъ независимо отъ сохраненія сословныхъ различій. Въ 1795 году противникъ періи и пожизненнаго сената, Сіейсъ не отступилъ передъ мыслью создать путемъ выборовъ верхнюю палату въ лицѣ «совѣта трехсотъ» и четырехлѣтнее существованіе этого учрежденія ни разу не дало повода къ тѣмъ столкновеніямъ, которыхъ серьезно, повидимому, опасались въ 1789 г. всѣ сторонники народовластія. Нерѣдко приходится слышать даже отъ выдающихся вожаковъ радикальной партіи сочувственные отзывы о тѣхъ преимуществахъ, какія представляетъ послѣдовательное обсужденіе двумя одинаково избирательными камерами однихъ и тѣхъ же законопроектовъ. Едва ли впрочемъ можно прибавить много новаго къ тому, что на этотъ счетъ сказано было Миллемъ въ его «Разсужденіяхъ о представительномъ образѣ правленія», тѣмъ болѣе, что вся аргументація въ пользу двухъ палатъ не выходитъ за предѣлы развитія одной и той же мысли,

---

1) Ibid. Письмо Мале-дю-Панъ къ Мунье (11 іюля 81 года, стр. 193).

2) Это не значитъ однако, чтобы Лафайетъ былъ противникомъ двухкамерной системы. Его письма къ Мобуру доказываютъ, наоборотъ, готовность устроить во Франціи подобіе американскаго сената, составленнаго изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній, назначаемыхъ на срокъ и даже пожизненно. Письма Лафайета отъ августа и сентября 89 года къ Латуръ-Мобуру напечатаны въ приложеніяхъ къ первому тому исторіи террора Мортимера Терно.

такъ наглядно передаваемой русской пословицей: «умъ хорошо, а два лучше». Столѣтній опытъ Америки доказываетъ жизненность двухпалатной системы и на почвѣ широкой демократіи. Нападки, которымъ отъ поры до времени продолжаетъ подвергаться сенатъ во Франціи, всего чаще не имѣютъ другаго источника, кромѣ желанія дать скорѣйшее осуществленіе нѣкоторымъ мѣропріятіямъ, въ пользу которыхъ высказывается общественное мнѣніе массъ. Его существованіе, во всякомъ случаѣ не является угрозой для демократіи или фундаментомъ для того «министерскаго деспотизма», какой пророчилъ Франціи Сіейсъ. Если и въ Англіи по временамъ раздаются голоса въ пользу отмѣны верхней палаты, то не потому, чтобы существованіе всякаго контроля за дѣятельностью общинъ признаваемо было нежелательнымъ и вреднымъ, а потому, что основы, на которыхъ построена верхняя палата, не отвѣчаютъ проявившемуся за послѣднее время демократическому теченію. Противники палаты лордовъ въ то же время въ большинствѣ случаевъ сторонники значительнаго расширенія функцій королевскаго совѣта, того «privy council», въ который короли издавна назначали лучшихъ представителей ума и таланта. Расширеніе парламентскихъ полномочій сдѣлало болѣе или менѣе не нужными услуги этого нѣкогда весьма жизненнаго учрежденія; но отмѣна верхней палаты необходимо вызоветъ передачу ему тѣхъ контролирующихъ функцій, которыя въ настоящее время осуществляются лордами. Одно несомнѣнно доказано опытомъ представительныхъ учрежденій— это та польза, какую демократія можетъ извлечь изъ существованія рядомъ съ палатой народныхъ представителей менѣе подвижнаго въ своемъ составѣ и потому болѣе стойкаго въ своей политической программѣ сената или совѣта. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать вполнѣ справедливыми тѣхъ нападокъ, какія сдѣланы были Бёркомъ на конституцію 91 года. Англійскій писатель съ полнымъ основаніемъ указывалъ на то, что, при нежеланіи принять систему двухъ палатъ, дѣятелямъ 89 года необходимо было установить во Франціи по меньшей мѣрѣ нѣчто подобное тому государственному совѣту, какой извѣстенъ былъ старинной французской конституціи. Онъ справедливо замѣчалъ, что при отсутствіи всякихъ задерживающихъ центровъ, всемогуществу

національнаго собранія не будетъ границъ и абсолютизмъ въ его рукахъ можетъ сдѣлаться не менѣе опаснымъ для политической свободы, чѣмъ въ рукахъ неограниченныхъ королей и имъ однимъ подчиненныхъ министровъ [1]).

---

[1]) Réflexions sur la révolution de France (четвертое изданіе 1791 г., стр. 437).

ГЛАВА VI.

Королевское вето.

Нашему поколѣнію довольно трудно представить себѣ, какія страсти вызывало во Франціи 1789 года обсужденіе вопроса о степени участія короля въ законодательной дѣятельности. Если принять во вниманіе, что Англія, пережившая въ одномъ XVIII вѣкѣ двѣ революціи и завершившая въ теченіе текущаго столѣтія свой естественный переходъ отъ аристократіи къ демократіи, въ то же время ни разу не сочла нужнымъ ограничить королевскаго «вето», намъ покажется еще болѣе непонятнымъ, какъ могли французы конца прошлаго столѣтія ставить все будущее революціи въ зависимость отъ того или иного рѣшенія этого вопроса. И нельзя сказать, чтобы безразличное отношеніе англичанъ вызывалось слѣпотою къ несовершенствамъ собственной конституціи. Многіе недостатки ея, тѣ самые, на которые указывали члены учредительнаго собранія, устранены были шагъ за шагомъ путемъ законовъ и парламентской практики. Избирательная система была радикально измѣнена и постепенно приблизилась къ всеобщему голосованію, возможность подкуповъ уничтожена отнятіемъ выборнаго права у гнилыхъ мѣстечекъ и строгимъ контролемъ за выборами, свобода короля въ назначеніи совѣтниковъ ограничена требованіемъ, чтобы эти совѣтники избираемы были изъ членовъ парламентскаго большинства. Всѣ эти мѣры, прямо или косвенно повліявшія на сокращеніе королевской прерогативы, тѣмъ не менѣе ни мало не повлекли за собой отмѣны или стѣснѣнія вето монарха. Очевидно, что ни одна политическая партія не видѣла въ немъ серьезной опасности для того

начала самодержавія общества, окончательное упроченіе котораго составляетъ результатъ мирнаго развитія конституціи. Очевидно, что всѣ, кому пришлось принять дѣятельное участіе въ направленіи парламентской жизни, видѣли возможность оградить это самодержавіе общества помимо посягательства на вето короля; очевидно, что отвѣтственность министровъ и ежегодное утвержденіе бюджета въ концѣ сессіи позволили парламенту отстоять свою законодательную автономію и при сохраненіи за монархомъ его прерогативы.

Только имѣя въ виду тѣ исключительныя условія, въ которыхъ стояли дѣятели 89 года, опасеніе ежечасныхъ заговоровъ со стороны придворной партіи и почти открытый союзъ короля съ аристократіей, можно понять, почему большинство конституанты считало дѣло революціи погибшимъ, разъ за королемъ будетъ признано право отказать въ утвержденіи ея декретамъ. Это опасеніе сказывается уже въ первыхъ по времени собраніяхъ народныхъ представителей. Задолго до соединенія сословій, въ первой же сессіи дворянской камеры, 6 мая 89 года, депутатъ отъ Бовэ, графъ Де-Крильонъ, высказалъ его, говоря: «мы созваны не для сохраненія существующей конституціи, а для созданія новой. И такъ какъ королевское вето кажется мнѣ противорѣчащимъ той свободѣ, какая нужна нація для отмѣны существующихъ злоупотребленій и установленія новаго порядка, обезпечивающаго народное благополучіе, то прошу занести въ протоколъ, что я противлюсь, насколько это въ моихъ силахъ, признанію за королемъ вето по отношенію къ тѣмъ мѣрамъ, какія угодно будетъ постановить штатамъ въ теченіе настоящей сессіи [1]).

Замѣчательно, что первое заявленіе въ пользу признанія за королемъ права отказывать въ утвержденіи законовъ вышло изъ рядовъ средняго сословія. Оно принадлежитъ никому другому, какъ Мирабо. Вотъ буквальная передача словъ народнаго трибуна: «неужели вы откажете королю въ этомъ правѣ? Неужели

---

[1]) Archives parlementaires de 1787 à 1860. (Première série 1789 — 1799; томъ VIII, стр. 28) Смотри также засѣданіе 28 мая 1789 года (стр. 55).

вы думаете, что можете обойтись безъ его санкціи? Что касается до меня, господа, я считаю королевское вето столь необходимымъ, что, не существуй его, я бы предпочелъ жить въ Константинополѣ. Да, я смѣло заявляю, ничто не кажется мнѣ ужаснѣе самодержавія аристократіи въ шестьсотъ человѣкъ (разумѣются засѣдающіе на штатахъ члены средняго сословія), которые завтра могутъ объявить себя несмѣняемыми, послѣ завтра наслѣдственными и кончатъ тѣмъ, чѣмъ всегда кончали аристократіи, захватомъ всей власти въ свои руки [1]).

Эти слова произнесены были Мирабо по случаю обсужденія вопроса, нуждается ли камера средняго сословія въ санкціи короля, чтобы сдѣлаться національнымъ собраніемъ, или собственной властью можетъ объявить себя законнымъ представительствомъ всего французскаго народа. Такъ какъ трудно было ждать отъ короля, уже высказавшагося въ пользу сословнаго начала въ представительствѣ, что онъ поспѣшитъ утвердить рѣшеніе средняго сословія, то неудивительно, если заявленіе Мирабо встрѣтило дружный отпоръ со стороны депутатовъ. Камюсъ высказалъ свой протестъ словами: «къ чему говорить намъ о королевской санкціи, о вето; можетъ ли оно помѣшать тому, чтобы заявленный нами фактъ, обнародованная нами истина не были вѣчны и незыблемы? Можетъ ли оно воспрепятствовать намъ быть тѣмъ, чѣмъ мы должны быть? Королевская санкція не въ силахъ измѣнить порядка вещей, изуродовать ихъ природу. Мы—полномочные представители націи; король не можетъ сдѣлать того, чтобы мы не были ими; онъ можетъ пріостановить пользованіе правами, какія даетъ намъ наше званіе, но самаго этого званія отнять у насъ онъ не въ правѣ» [2]).

Вопросъ о королевскомъ вето не былъ однако рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ томъ знаменитомъ засѣданіи, которымъ достигнуто было ниспроверженіе мирнымъ путемъ средневѣковаго сословнаго представительства. Когда Мартинъ д'Аухъ, объясняя причины своего протеста, сослался на то, что онъ не

---

[1]) Ibid., засѣданіе палаты средняго сословія отъ 15 іюня 89 года (стр. 118); смотри также въ засѣданіи 16 іюня 80 года рѣчь того же Мирабо, 124 стр.

[2]) Ibid., засѣданіе 16 іюня 89 года, стр. 121.

можетъ присягнуть въ исполненіи постановленій, не санкціонированныхъ королемъ, предсѣдатель Бальи заявилъ, что члены собранія признаютъ необходимость королевской санкціи, одинаково по отношенію къ конституціи и къ законамъ [1]).

Въ декларація 23 іюня Людовикъ XVI включаетъ вето въ числѣ неотъемлемыхъ правъ короля. «Не забывайте, господа, читаемъ мы въ его рѣчи, что ни одно изъ вашихъ распоряженій не имѣетъ силы закона, помимо моего спеціальнаго одобренія» [2]). Король одновременно кассировалъ рѣшенія, принятыя среднимъ сословіемъ, и въ числѣ ихъ то, которымъ собраніе объявляло налоги не подлежащими взиманію иначе, какъ съ согласія народныхъ представителей. При обсужденіи декларація 23 іюня Барнавъ коснулся между прочимъ и этой части королевскаго заявленія. «Ваши рѣшенія, сказалъ онъ въ обращеніи къ членамъ средняго сословія, зависятъ исключительно отъ васъ самихъ. Вы заявили, кто вы, и не нуждаетесь въ санкціи. Дарованіе налоговыхъ средствъ зависитъ отъ васъ однихъ» [3]).

Такимъ образомъ, задолго до того, когда собраніе приступило къ обсужденію проекта конституціи, вопросъ о вето сдѣлался для него однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Обвиняя не безъ основанія придворную партію въ желаніи обратить Людовика XVI въ передоваго бойца аристократіи [4]), среднее сословіе видѣло въ признаніи королевской санкціи своего рода смертный приговоръ надъ собственной дѣятельностью, сведеніе на ничто своихъ усилій покончить со старинными злоупотребленіями и создать во Франціи новый демократическій порядокъ. Затруднительность положенія, въ которомъ очутилось собраніе при обсужденіи характера вето, усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство наказовъ рѣшительно высказывалось въ пользу королевской санкціи [5]), т. е. требовало отъ депутатовъ какъ

---

1) Ibid., засѣданіе 20 іюня 1789 года, стр. 139 и 140.

2) Ibid., стр. 146.

3) Ibid., стр. 146.

4) Въ засѣданіи 22 іюня 1789 г. Шапелье обличаетъ тѣхъ, „qui tendent à placer le monarque à la tête d'un parti“ (Ibid., стр. 140).

5) Положеніе, происхожденіе котораго ошибочно относимо было къ первымъ временамъ французской монархіи, lex couseusu populi fit et

разъ противнаго тому, что подсказывали имъ обстоятельства и интересы минуты. Предложеніе Талейрана [1]) признать ничтожными всякаго рода повелительные мандаты (mandats impératifs) на томъ основаніи, что они выражаютъ собою въ крайнемъ случаѣ лишь волю отдѣльныхъ бальяжей и что часть должна подчиниться цѣлому, несомнѣнно, было направлено къ тому, чтобы облегчить выходъ изъ представившагося затрудненія; но, дѣлая возможнымъ рѣшеніе большинствомъ вопроса о санкціи въ смыслѣ противномъ наказамъ, оно въ то же время было не въ силахъ «облегчить совѣсть» отдѣльныхъ депутатовъ и побудить ихъ къ отказу отъ согласованія своихъ дѣйствій съ данными имъ полномочіями. Какъ и по вопросу о совмѣстной или раздѣльной повѣркѣ выборовъ, дворянство рѣшилось стоять на почвѣ наказовъ. Въ послѣднемъ засѣданіи обособленной дворянской камеры въ число неоспоримыхъ конституціонныхъ принциповъ включается поэтому и необходимость королевской санкціи «для законовъ» [2]).

Въ свою очередь и въ рядахъ средняго сословія «вето» короля по отношенію, если не къ конституціи, то къ обыкновеннымъ законамъ, не возбуждаетъ до поры до времени никакого

---

constitione regis—не разъ упоминается наказами, какъ вполнѣ выражающее желаніе избирателей упрочить взаимодѣйствіе короля и народнаго представительства въ созданіи законовъ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, наказъ Алансонскаго дворянства. И то же желаніе передаютъ наказы дворянства Артуа, Блуа и другихъ провинцій. Въ томъ резюме наказовъ, какое сдѣлано было для собранія Клермонъ-Ферраномъ, абсолютность королевскаго вето признается общимъ требованіемъ всѣхъ бальяжей; но это положеніе едва ли вѣрно. Въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ наказѣ Ренна, среднее сословіе высказывается открыто въ пользу относительнаго вето. Если, значится въ немъ, король не одобритъ принятаго штатами рѣшенія, онъ долженъ отослать его обратно въ собраніе, объясняя въ то же время мотивы своего отказа. Если тѣмъ не менѣе двѣ трети членовъ снова выскажутся въ пользу отвергнутой мѣры, она пріобрѣтетъ силу закона. Всякое рѣшеніе, не отосланное собранію въ теченіе мѣсяца послѣ его принятія, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ обязательную силу (Arch. Parl., т. V, стр. 539). (См. Cherest, la Chute del'Ancien régime, томъ II, стр. 470 и 471).

[1]) Archives Parl, t. VIII. Засѣданіе 7 іюля, стр. 203.

[2]) Ibid. Засѣданіе 7 іюля 1789 г., стр. 206.

разногласія. Въ проектѣ новаго органическаго закона, внесенномъ Мунье, право короля формально выговорено и включено въ число принциповъ французскаго правительства [1]). И, что всего замѣчательнѣе, этотъ фактъ не вызываетъ въ собраніи никакого протеста. Та же королевская санкція упоминается и въ тѣхъ соображеніяхъ о порядкѣ признанія правъ человѣка и основъ конституціи, какія представлены были Турэ въ засѣданіи 1 августа 89 года. Королевское вето понимается въ смыслѣ участія въ законодательной дѣятельности. Слѣдуя пріему англійскихъ юристовъ, объявляющихъ, что парламентъ состоитъ изъ трехъ частей и что одной изъ нихъ является монархъ, Турэ говоритъ: «король составная часть законодательнаго корпуса; его санкція необходима для законовъ. Законы должны быть скрѣплены его печатью и обнародованы его именемъ» [2]).

Обсужденіе первыхъ статей конституціоннаго проекта началось только съ середины августа 1789 года; но гораздо ранѣе между защитниками и противниками абсолютнаго права короля останавливать дѣйствіе новыхъ законовъ произошелъ обмѣнъ мыслей на засѣданіяхъ конституціоннаго комитета. Данныя въ защиту или въ опроверженіе необходимости признать эту власть, съ ограниченіями или безъ ограниченій, приведены были въ частныхъ проектахъ деклараціи правъ. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они введутъ насъ въ тотъ кругъ идей, въ которомъ вращался этотъ потерявшій въ наши дни всякое значеніе вопросъ, и укажутъ намъ на тѣ страсти, какія онъ въ свое время вызывалъ одинаково въ сторонникахъ и противникахъ революціи, въ умѣренныхъ и крайнихъ. Свое мнѣніе о необходимости абсолютнаго вето Мунье развилъ весьма подробно въ трактатѣ «Объ образѣ правленія, наиболѣе соотвѣтствующемъ условіямъ Франціи». Трактатъ содержитъ въ себѣ не болѣе, какъ печатное воспроизведеніе того мемуара, какой внесенъ былъ депутатомъ отъ Дофинэ въ конституціонный комитетъ собранія [3]). «Народные представители, значится въ немъ, не должны издавать законовъ безъ согласія короля, санкція ко-

[1]) Засѣданіе 27 іюля 89 года, стр. 286.
[2]) Ibid., стр. 329.
[3]) Ibid., стр. 407.

тораго безусловно необходима. Въ этомъ смыслѣ высказались уже наказы, большинство которыхъ прямо говоритъ, что законы должны быть издаваемы при обоюдномъ участіи короля и штатовъ; но, не будь даже этого, не свяжи избиратели воли своихъ уполномоченныхъ, все же слѣдовало бы признать абсолютность королевскаго вето по слѣдующимъ причинамъ: всякое политическое тѣло, каковъ бы ни былъ его составъ, стремится къ увеличенію своей прерогативы; всякая власть—къ расширенію своихъ функцій. Отсюда необходимость создать преграды для честолюбія. Народные представители могли бы сдѣлаться абсолютными повелителями надъ государствомъ, если бы въ принятіи тѣхъ или другихъ рѣшеній они не встрѣчали препятствій. Трудно думать, что они всегда будутъ согласны съ мнѣніемъ правителя и его министровъ. Во многихъ случаяхъ они неизбѣжно вступятъ съ ними въ борьбу. Осторожность и мудрость требуютъ, чтобы ни одному изъ двухъ противниковъ не было предоставлено оружія, съ помощью котораго онъ могъ бы подвергнуть угнетенію и захватить себѣ права другаго. Но признать за представителями націи исключительное право изданія законовъ равносильно предоставленію имъ такого оружія и можетъ имѣть послѣдствіемъ принесеніе въ жертву прерогативъ короны. Напрасно думаютъ, что выгоды, представляемыя королевской санкціей, могутъ быть достигнуты и другимъ путемъ, что можетъ быть придумана и другая удержь для властолюбія народнаго представительства, что для этого достаточно строгаго опредѣленія границъ авторитета, признаваемаго за депутатами. Нельзя, думаетъ Мунье, вручить самимъ избирателямъ контроля за тѣмъ, чтобы эти границы не были нарушены собраніемъ; нельзя признать такого вето за избирателями, такъ какъ это неизбѣжно сдѣлалось бы источникомъ самыхъ страшныхъ безпорядковъ. Сторонникъ англійской конституціи, Мунье, далекъ отъ мысли о всякомъ прямомъ обращеніи къ народу въ формѣ ли поголовнаго голосованія общинами уже прошедшаго въ собраніи законопроекта, или въ формѣ того «referendum», практика котораго такъ сильно измѣнитъ въ будущемъ основы современнаго парламентскаго строя. Комбинаціи въ родѣ тѣхъ, какія въ настоящее время предлагаются королевскимъ прави-

тельствомъ Бельгіи — право короля апеллировать къ народу, при недовольствѣ новымъ закономъ, не входятъ въ представленія человѣка, привыкшаго видѣть въ принципѣ равновѣсія властей альфу и омегу политической мудрости.

Мунье не видитъ другаго исхода, кромѣ абсолютизма собранія, разъ королю не будетъ предоставлено «прямаго воздѣйствія» на издаваемые депутатами законы. Лишенный вето, король перестаетъ быть королемъ. Онъ становится простымъ чиновникомъ, подчиненнымъ собранію, простымъ «армейскимъ генераломъ». Образъ правленія болѣе не монархическій, а республиканскій. Король не можетъ впредь разсчитывать на уваженіе народа, такъ какъ не въ состояніи болѣе участвовать въ надѣленіи его добрыми законами. Мунье предвидитъ то возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано противъ его проекта врагами королевской санкціи: какъ делегатъ націи, разсуждаютъ они, король не можетъ препятствовать ея волѣ. Мунье ставитъ на видъ, что, какъ представители отдѣльныхъ округовъ, депутаты, каждый въ отдѣльности, не выражаютъ собою воли цѣлой націи. Они не могутъ поэтому имѣть той полноты власти, какая принадлежитъ ей. Ихъ права исчерпываются полномочіями. Ихъ функціи ограниченнѣе функцій короля, такъ какъ данный послѣднему мандатъ дѣлаетъ его верховнымъ главой націи, составною частью законодательнаго корпуса, повелителемъ надъ военными силами и исполнителемъ законовъ [1]).

Эта аргументація Мунье воспринята Малуэ, которому удается придать ей большую логическую связность и систематичность. «Спокойствіе и счастіе великой націи, говоритъ онъ, требуетъ существованія въ ея средѣ власти, отрѣшенной отъ тѣхъ разнообразныхъ видовъ честолюбія, которыми могутъ быть одержимы отдѣльные граждане въ государствѣ, — власти, которая бы не обособляла собственнаго блага отъ блага общественнаго. Желаніе создать ее и вызвало установленіе въ нашей средѣ власти королевской. Нація не имѣла въ виду передать ей отправленія иныхъ функцій помимо тѣхъ, которыхъ сама она не можетъ ни осуществлять лично, ни ввѣрить попеченію избранныхъ ею

---

[1]) Ibid., стр. 414.

представителей. Послѣднимъ, какъ извѣстно, вручена забота о законодательствѣ. Но эти представители, терзаемые всѣми тѣми страстями, которыя вообще свойственны людямъ, не разъ попадаютъ въ условія, въ которыхъ общественное благо непримиримо съ ихъ личнымъ. А это заставляетъ вручить контроль за ихъ дѣйствіями тому, кто одинъ стоитъ выше всѣхъ частныхъ интересовъ» [1]). Сдѣланная нами выписка даетъ право утверждать, что теорія нѣмецкихъ публицистовъ о королѣ-спасителѣ общества отъ классовой борьбы,—борьбы, порожденной разгуломъ страстей, противорѣчащихъ общимъ государственнымъ интересамъ, далеко не отличается приписываемой ей самобытностью и новизною. Гораздо ранѣе Шталя и Гнейста это ученіе было высказано французскими публицистами съ Бенжаменомъ Констаномъ во главѣ, который въ свою очередь, строя теорію отличной отъ законодательства, суда и исполненія, королевской власти (pouvoir royal), въ сущности повторялъ только то, что высказано было сторонниками абсолютнаго вето короля въ дебатахъ учредительнаго собранія. Едва ли въ какой другой области метафизики встрѣчается меньше творчества и больше воспроизведенія или модификаціи стараго, какъ въ той, которую величаютъ названіемъ политической философіи. Только въ той мѣрѣ, въ какой эта философія отражаетъ на себѣ вліяніе новыхъ жизненныхъ теченій, она оригинальна и самобытна.

Справедливость этого общаго замѣчанія наглядно выступаетъ и при чтеніи той знаменитой рѣчи, которой Мирабо старался поддержать требованіе абсолютнаго вето. Профессору Олару недавно удалось вполнѣ установить тотъ фактъ, что эта рѣчь—сплошной плагіатъ. Дѣйствительнымъ авторомъ ея надо признать маркиза Казо, того самаго Казо, мнѣніе котораго, какъ «глубочайшаго знатока англійскихъ порядковъ», такъ охотно приводимо было въ противовѣсъ мнѣнію Мунье.

Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ Мирабо, женевецъ Дюмонъ, разсказываетъ въ своихъ интересныхъ мемуарахъ, что, не успѣвши ознакомиться ранѣе съ содержаніемъ рукописи Казо и пораженный ея сухостью и догматизмомъ, Мирабо не разъ пре-

---

[1]) Ibid., засѣданіе 1 сентября 89 года, стр. 535.

рывалъ свое чтеніе и перевертывалъ подъ-рядъ цѣлыя страницы. Это не мѣшаетъ однако тому, что сдѣланный въ такихъ условіяхъ докладъ принадлежитъ къ числу самыхъ глубокихъ и самыхъ точныхъ анализовъ англійской конституціи, когда либо представленнныхъ въ стѣнахъ законодательной камеры. По своей сжатости, опредѣленности и силѣ доводовъ, онъ далеко оставляетъ за собою всѣ разглагольствованія Мунье и рисуетъ намъ Казо въ свѣтѣ, совершенно отвѣчающемъ тому представленію, какое имѣли о немъ современники.

Вотъ къ чему сводится вкратцѣ его аргументація. Повторяя установленное Руссо различіе между законодательствомъ и исполненіемъ, отвѣчающими каждое двумъ функціямъ политическаго тѣла: «хотѣнію и дѣйствію», Казо говоритъ, что въ большой націи эти функціи необходимо должны быть предоставлены, одна— народнымъ представителямъ, другая — королю. И чѣмъ значительнѣе нація, тѣмъ важнѣе, чтобы власть, отвѣчающая функціи исполнительной, отличалась силой и энергіей. Отсюда, заключаетъ онъ, необходимость монархическаго режима въ большихъ государствахъ, подверженныхъ опасности разложенія каждый разъ, когда отсутствуетъ въ нихъ сдерживающая сила, направляющая всѣ ихъ стремленія къ одному общему центру. Обѣ власти, и законодательная и исполнительная, одинаково дороги для націи. Но изъ нихъ та, которая осуществляется королемъ, благодаря своему ежечасному дѣйствію, стоитъ въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ народомъ. Имѣя своимъ назначеніемъ противиться тѣмъ разлагающимъ вліяніямъ, какія создаетъ стремленіе меньшинства къ обезпеченію собственныхъ своихъ интересовъ, она ради общаго блага должна быть надѣлена обширной властью. Въ этомъ и лежитъ источникъ предоставленнаго главѣ націи права подвергать своему обсужденію мѣры законодательной власти и, смотря по выбору, обращать ихъ въ законы или отказывать имъ въ этомъ характерѣ. Призванный быть одновременно исполнителемъ законовъ и защитникомъ народа, монархъ не разъ былъ бы поставленъ въ необходимость попирать силою его права, если бы ему не было предоставлено вмѣшательства въ законодательную дѣятельность въ формѣ открытаго заявленія, что изданныя постановленія не

выражаютъ собою общей воли. Это вмѣшательство тѣмъ болѣе необходимо, что далеко не всегда личное достоинство опредѣляетъ собою выборъ представителей; принимается также въ расчетъ ихъ общественное положеніе, имущественная состоятельность и всякаго рода побочныя обстоятельста.

Народные представители, такимъ образомъ, всегда образуютъ изъ себя родъ аристократіи, которая не прочь потягаться и съ монархомъ, желая уподобиться ему въ значеніи и власти, и съ народомъ, приниженное состояніе котораго нерѣдко будетъ отвѣчать ея желаніямъ. Отсюда естественный союзъ народа и короля противъ аристократіи національныхъ представителей, союзъ, вызванный общностью интересовъ и общностью опасеній.

Если величіе монарха зависитъ отъ благополучія народа, то и благополучіе народа обусловливается тою контролирующею властью (puissance tutélaire), которая принадлежитъ монарху. Не въ собственныхъ интересахъ поэтому, а въ интересахъ народа, монархъ долженъ имѣть доступъ къ законодательству; и въ этомъ смыслѣ о королевской санкціи можно говорить не какъ о прерогативѣ правителя, а какъ о достояніи и благѣ націи... Предположимъ на минуту, что благодаря дурному выбору представителей, національное собраніе предпишетъ то самое, примѣръ чему представляетъ намъ Англія: устраненіе публики изъ залы засѣданія и запрещеніе обнародовать въ газетахъ содержаніе дебатовъ. Достигши этого, ему не трудно будетъ добиться исключенія изъ своей среды всякаго нескромнаго сочлена, и паника, порождаемая повсюду деспотизмомъ, распространится и упрочится на столько, что въ правленіе слабаго государя, съ помощію нѣкоторой ловкости, нетрудно будетъ установить легальнымъ путемъ владычество 1200 аристократовъ, обратить королевскую власть въ пассивное орудіе ихъ воли и повергнуть народъ въ то состояніе уничиженія (avilissement), которое встрѣчается всюду, гдѣ власть короля принижена. Монархъ — постоянный представитель народа, какъ депутаты—его временные представители. Права и тѣхъ и другаго одинаково имѣютъ источникомъ общую пользу. Никому не придетъ въ голову возставать противъ вето собранія; къ чему же противиться вето короля, которое, въ сущности, не болѣе, какъ право на-

рода, врученное монарху съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ возстановленіе аристократіи. «Но, скажутъ мнѣ, депутаты имѣютъ только временныя полномочія, тогда какъ права монарха постоянны». На это возможенъ слѣдующій отвѣтъ: если у короля не будетъ вето, ничто не помѣшаетъ народнымъ представителямъ продлить на время, а затѣмъ и увѣковѣчить свои полномочія. Этимъ именно путемъ, а не уничтоженіемъ палаты перовъ, какъ хотятъ увѣрить васъ, долгій парламентъ ниспровергъ политическую свободу въ Англіи... Предположимъ, что предоставленіе вето королю сдѣлается препятствіемъ къ установленію истинно мудраго и благодѣтельнаго закона. Если одновременно народъ сохранилъ за собою преимущество годичныхъ парламентовъ, ежегоднаго вотированія налоговъ и военнаго бюджета, ничто не помѣшаетъ собранію отказать королю въ средствахъ и въ войскѣ. Предвидя, что всякая власть въ его рукахъ будетъ парализована благодаря такому рѣшенію, королю не останется другаго исхода, какъ распустить собраніе и произвесть новые выборы. Если народъ въ силу этихъ выборовъ вернетъ прежнихъ депутатовъ въ собраніе, то монарху необходимо будетъ подчиниться его волѣ. Предположимъ, съ другой стороны, что вето отнято у короля и что онъ обязанъ дать свою санкцію дурному закону. Въ этомъ случаѣ нѣтъ иного средства спасенія, кромѣ открытаго возстанія, исходъ котораго, разумѣется, будетъ гораздо тяжеле для недостойныхъ представителей націи, нежели простое ихъ распущеніе пользующимся вето королемъ. Но однимъ ли только депутатамъ грозитъ подобное возстаніе? Далеко нѣтъ! Оно можетъ сдѣлаться источникомъ упроченія министерскаго деспотизма, особенно въ странѣ, въ которой быстрое торжество революціи создало столько условій для внутреннихъ раздоровъ и взаимной ненависти. «Какъ могутъ защитники относительнаго «вето» допустить на минуту, что повелитель двадцатипяти милліоновъ гражданъ можетъ быть принужденъ приводить въ исполненіе законы, которые онъ завѣдомо считаетъ вредными? Какіе страшные безпорядки, какія кровавыя внутреннія потрясенія готовятъ для насъ тѣ, кто помышляетъ о сопротивленіи его волѣ! Напрасно сравниваютъ короля съ генераломъ, поставленнымъ надъ арміей, но приводящимъ въ исполненіе чужія

предначертанія. Генералы не наслѣдственны, и объ ихъ личности нельзя сказать, какъ о королевской, что она священна и неприкосновенна. Къ тому же плохой предводитель-генералъ, приводящій въ исполненіе не одобренный имъ самимъ планъ кампаніи. Одинъ изъ недостатковъ относительнаго вето лежитъ въ томъ, что, заставляя въ концѣ-концовъ короля приводить въ исполненіе то, что онъ считаетъ зломъ для націи, оно невольно набрасываетъ на него тѣнь и дѣлаетъ его предметомъ презрѣнія. Но человѣкъ, располагающій всѣми силами французской имперіи, не можетъ быть презираемъ безнаказанно. Неуваженіе къ нему неизбѣжно вызываетъ самыя страшныя опасности. По всѣмъ этимъ причинамъ абсолютное «вето» необходимо, какъ легальное и мирное средство установить единомысліе между королемъ и представителями по вопросу о новыхъ законахъ. Разномысліе между ними можетъ быть вызвано или подкупностью представителей, или неясностью желаній, высказываемыхъ общественнымъ мнѣніемъ въ лицѣ депутатовъ; въ обоихъ случаяхъ одинаково желательно распущеніе палаты и производство новыхъ выборовъ, а къ этому и сводится въ концѣ-концовъ, какъ указано было выше, пользованіе королемъ его «вето» [1]).

Такова въ общихъ чертахъ точка зрѣнія Казо на значеніе королевской санкціи. Мирабо усвоилъ себѣ вполнѣ его основной взглядъ, но счастливыми отступленіями отъ текста онъ придалъ характеръ живой и блестящей импровизаціи тому, что на самомъ дѣлѣ было сухо и тяжело написанной диссертаціей. Въ основаніи всей системы положено несомнѣнно чисто англійское воззрѣніе о всемогуществѣ парламента, не связаннаго, какъ американскій конгрессъ, невозможностью измѣнить конституцію, не подчиненнаго контролю судебныхъ палатъ, подобныхъ парламентамъ старой Франціи, или тому «депо законовъ» (depôt de lois), о которомъ мечталъ Сіейсъ, вводя въ консульскую конституцію новую политическую пружину въ лицѣ такъ называемаго «сената-консерватора» (sénat conservateur).

Всемогущество англійскаго парламента, при господствѣ поряд-

---

[1]) Ibid., стр. 537 и слѣдующія.

ковъ, въ которыхъ всѣ вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ, только потому не грозитъ ежечаснымъ ниспроверженіемъ существующаго законодательства, что для изданія новаго статута требуется единеніе тѣхъ трехъ составныхъ элементовъ, совокупность которыхъ въ устахъ англійскихъ юристовъ и носитъ названіе парламента. Я разумѣю короля, лордовъ и общины. Но одинъ изъ этихъ элементовъ—верхняя палата—исключался Мирабо изъ его политической схемы. Послѣ этого единственнымъ тормазомъ оставалось «вето» короля. Безъ этого «вето» самодержавіе національнаго собранія не знало бы границъ; но это самодержавіе народнаго представительства на практикѣ значитъ не болѣе, какъ неограниченное господство большинства. Большинство палаты не всегда является вѣрнымъ указателемъ общественнаго настроенія, не всегда отвѣчаетъ фактическому преобладанію той или другой партіи внѣ предѣловъ собранія. Не говоря уже о томъ, что результатъ выборовъ нерѣдко бываетъ случайнымъ и обусловливается временной коалиціей враждующихъ сторонъ, соединеніемъ двухъ или болѣе оставшихся въ меньшинствѣ партій противъ партіи, располагающей относительнымъ большинствомъ,—одно уже то обстоятельство, что собранія длятся долго, и принятыя къ концу ихъ рѣшенія могутъ идти въ разрѣзъ со сложившимся со времени выборовъ общественнымъ мнѣніемъ, даетъ право высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы большинство представительства было всегда выразителемъ большинства населенія. Прибавимъ къ этому, что и въ стѣнахъ собранія большинство всего чаще достигается путемъ взаимныхъ уступокъ и взаимныхъ компромиссовъ, и что союзники быстро переходятъ въ открытыхъ противниковъ, и намъ поневолѣ придется согласиться съ защитниками правъ меньшинства, которые, какъ, напримѣръ, Геръ или Милль, съ полнымъ основаніемъ доказываютъ, что большинство парламента нерѣдко меньшинство страны. А если такъ, то не слѣдуетъ ли считать серьезной опасностью для свободы ту безконтрольность, съ какой единая народная камера, не сдерживаемая «королевскимъ вето», такъ или иначе рѣшаетъ существеннѣйшіе вопросы законодательства и политики? Не является ли желательнымъ, столько же въ интересахъ свободы, сколько и порядка, установить извѣстныя препятствія, извѣстныя задерживающіе центры по отношенію къ ея самодержавію.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы абсолютизмъ собранія не могъ быть ограниченъ иначе, какъ установленіемъ королевскаго «вето». Теорія политическаго равновѣсія, со временъ Монтескье перенесенная изъ сферы международныхъ сношеній въ сферу внутренней политики, почему-то не допускала возможности другихъ противовѣсовъ, кромѣ тѣхъ, которые выдвинуты были на сцену своеобразнымъ строемъ англійской жизни. Но представительной буржуазіей, наслѣдственной монархіей и періей, далеко не исчерпываются тѣ соціальные элементы, между которыми въ интересахъ равновѣсія можетъ быть произведенъ раздѣлъ суверенитета. Такимъ же противовѣсомъ, какъ и король, можетъ быть посылающій представителей народъ, тотъ классъ избирателей, который французскими публицистами обнимается терминомъ «pays légal», и который по мѣрѣ торжества демократіи все болѣе и болѣе сливается съ понятіемъ совершеннолѣтняго гражданства.

Только указаніемъ на этотъ новый источникъ политическаго противовѣса, только выставленіемъ ученія о непосредственной аппеляціи къ народу на рѣшенія парламентскаго большинства, можно было опровергнуть то, на первый взглядъ неотразимое возраженіе, какое выставляемо было Мирабо и всѣми вообще сторонниками абсолютнаго вето противъ безконтрольнаго всемогущества національнаго представительства. На почвѣ прямаго народнаго голосованія прошедшихъ черезъ палату, но не утвержденныхъ королемъ законовъ, можно было отстаивать если не преимущество, то достаточность относительнаго «вето». Это сознаніе не было чуждо, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ членамъ учредительнаго собранія. При изложеніи доводовъ сторонниковъ относительнаго вето мы въ состояніи указать на первое зарожденіе въ стѣнахъ конституанты идеи непосредственной аппеляціи къ народу, идеи торжествомъ которой вызвана будетъ къ жизни новая конституція 1793 года. Подобная аргументація далеко не составляетъ, впрочемъ, обычнаго пріема защиты относительнаго вето. Многіе изъ его приверженцевъ продолжаютъ настаивать на безполезности всякаго контроля по отношенію къ народному представительству. Вотъ какъ разсуждаетъ, напримѣръ, депутатъ Лотарингіи Салль: «Всеобщая воля, не можетъ заблу-

ждаться» говоритъ онъ, повторяя извѣстное положеніе Руссо, но смѣшивая въ то же время народъ съ его представителями. А если такъ, то безсмысленно предполагать, чтобы народъ (читай народные представители) издалъ сводъ законовъ нелѣпыхъ или зловредныхъ; это такъ же невозможно, какъ то, чтобы въ собственныхъ интересахъ кто-нибудь вырвалъ у себя глазъ. Чтобы избѣжать возможности узурпаціи со стороны народнаго представительства, думаетъ Салль, достаточно частаго повторенія выборовъ. Полезно также выдѣлить изъ суммы законовъ всѣ тѣ, которые опредѣляютъ взаимодѣйствіе властей и права гражданства, другими словами—законы основные или конституціонные, и отнять у народнаго представительства право ихъ измѣненія или отмѣны. Напрасно, говоритъ Салль, ссылаются на примѣръ Англія, доказывая необходимость абсолютнаго «вето»; Англія не пользуется политической свободой; одна лишь гражданская обезпечена въ ней, благодаря суду присяжныхъ и превосходному уголовному законодательству [1])».

Другой сторонникъ относительнаго «вето», Рабо Сентъ-Этьеннъ далеко не такъ слѣпъ къ тѣмъ недостаткамъ, какіе представляетъ безконтрольность единой народной камеры. «Деспотизмъ, соглашается онъ, одинаково можетъ имѣть своимъ источникомъ и національное собраніе, и короля» [2]). Но онъ протестуетъ противъ возможности ввѣрить этотъ контроль монарху въ формѣ абсолютнаго «вето» и съ этою цѣлью старается опровергнуть теорію Мунье, Малуэ и Мирабо о королѣ, какъ наслѣдственномъ представителѣ націи, авторитетъ котораго не ниже, если не выше, авторитета народной камеры. «Допущеніе постояннаго представителя, говоритъ онъ, противорѣчитъ тому понятію, какое мы связываемъ съ лицомъ, дѣйствующимъ въ силу опредѣленной довѣренности со стороны націи—довѣренности, уполномочивающей его только на извѣстныя дѣйствія. Внутреннее противорѣчіе существуетъ также между понятіемъ о представительствѣ и требованіемъ его постоянства. Всякій представитель необходимо временный и ежечасно подлежитъ отозванію. Къ тому же изъ

---

[1]) Ibid , стр. 529 и слѣдующая.
[2]) Ibid., стр. 535.

всѣхъ производныхъ правъ представительство всего менѣе можетъ быть передаваемо по наслѣдству. Наконецъ, соединяя въ лицѣ короля различные противорѣчащіе другъ другу титулы власти, тѣмъ самымъ рискуешь ослабить ихъ силу и повредить его законному авторитету. Король не можетъ быть одновременно представителемъ, главою, законодателемъ и исполнителемъ. Такимъ образомъ, Рабо указываетъ на видимое противорѣчіе, въ какомъ надѣленіе короля правомъ «вето» стоитъ съ принципомъ раздѣленія властей [1]).

На это же противорѣчіе жалуется и Деландинъ, пытающійся въ то же время доказать несоотвѣтствіе королевскаго «вето» съ утвержденіемъ «деклараціи правъ», что «суверенитетъ принадлежитъ націи». Примѣру Англіи съ ея абсолютнымъ «вето» онъ противоставляетъ примѣръ Виргинской конституціи 1776 года, отказавшей въ этомъ правѣ королю» [2]).

«Зачѣмъ оказывать большее довѣріе случайному делегату, какимъ является наслѣдственный монархъ, нежели представителямъ, избраннымъ ихъ согражданами!» восклицаетъ въ свою очередь де-Боветцъ, доказывая также невозможность абсолютнаго «вето» и предлагая, чтобы отказъ короля имѣлъ силу только до конца сессіи и былъ мотивированъ. Король долженъ указать причину своего недовольства, долженъ сказать, отвергаетъ ли онъ новый законъ въ виду его несовершенства, или какъ противорѣчащій его авторитету. Въ первомъ случаѣ достаточно вторичнаго представленія проекта въ новую парламентскую сессію для обращенія его въ законъ; во второмъ необходимо испрошеніе депутатами дополнительныхъ полномочій для вторичнаго ходатайства о санкціи. Этихъ полномочій достаточно для признанія народной воли, противорѣчащей волѣ короля, а отсюда то послѣдствіе, что король долженъ отказаться отъ дальнѣйшаго противодѣйствія.

Въ проектѣ Боветца уже проглядываетъ мысль объ апелляціи къ народу или точнѣе къ избирателямъ. Онъ не требуетъ новыхъ выборовъ, а только восполненія данныхъ прежде полно-

---

[1]) Смотри засѣданіе 4 сентября 89 года, стр. 567 и слѣдующія.

[2]) Ibid., стр. 548 (засѣд. 2 сент. 89 года).

мочій [1]). Но большинство сторонниковъ относительнаго «вето» идутъ далѣе и полагаютъ, что послѣдствіемъ королевскаго отказа должно быть созваніе новаго представительства, т. е. «аппеляція къ народу». Если народъ своимъ выборомъ утвердитъ рѣшеніе прежняго большинства, королю остается подчиниться. Въ этомъ смыслѣ высказывается герцогъ Ларошъ Фуко [2]) и Александръ Ламетъ, утверждающій, что верховнымъ судьею спора короля съ народнымъ представительствомъ можетъ быть только народъ. Тѣмъ, кто ссылается на примѣръ Англіи, Ламетъ отвѣчаетъ, что надо руководствоваться не примѣрами, а принципами. «Аппеляція къ народу, говоритъ онъ въ заключеніе, выражаетъ собою всеобщее желаніе, и конституція должна признать поэтому за королемъ «вето» относительное» [3]).

Священникъ Грегуаръ переноситъ споръ о королевской санкціи на новую почву и указываетъ опасность тѣхъ средствъ, какими защитники абсолютнаго «вето» считали возможнымъ обойти препятствія, создаваемыя имъ для народнаго самодержавія. «Отказъ въ платежѣ налоговъ, неутвержденіе военнаго бюджета, разсуждаетъ онъ, только предверіе мятежа. Ограничивъ вето короля во времени, можно избѣжать опасности открытаго столкновенія [4]).

Депутатъ Гармонъ думаетъ, что предоставленіе абсолютнаго «вето» королю повергнетъ въ ничтожество народную камеру, и то же приблизительно высказываетъ и Турэ, говоря, что абсолютное «вето» создастъ во Франціи двоевластіе въ сферѣ законодательства и подготовитъ неизбѣжное столкновеніе между королемъ и палатой.

Этой опасности можно избѣгнуть, думаетъ онъ, признавъ за королемъ право отказа въ теченіе двухъ парламентскихъ сессій. Повтореніе того же требованія третьимъ по счету собраніемъ служитъ въ его глазахъ ручательствомъ тому, что народъ дѣйствительно желаетъ предложеннаго депутатами закона [5]).

---

1) Ibid., стр. 547.
2) Засѣд. 2 сент. 89 года, стр. 548.
3) Ibid., стр. 552 (засѣд. 3 сент. 89 года).
4) Ibid., стр. 266 (засѣд. 4 сент. 89 года).
5) Ibid., стр. 580 (засѣдан. 5 сент. 89 года).

Весьма оригинален способъ защиты относительнаго «вето» Ланжюинэ. Этотъ депутатъ старался убѣдить своихъ собратій въ томъ, что при короляхъ первыхъ двухъ династій французскій монархъ не имѣлъ другаго «вето», кромѣ относительнаго. Не безъ изумленія узнаемъ мы изъ его рѣчи, что на Мартовскихъ и Майскихъ поляхъ дѣйствительнымъ законодателемъ былъ народъ и что эти собранія, назначеніе которыхъ было служить средствомъ къ обнародованію законовъ, являлись своего рода народными вѣчами, на подобіе новгородскаго или псковскаго.

Наиболѣе оригинальными и систематическими защитами относительнаго вето надо признать рѣчи Петіона и Сіейса. Первая знакомитъ насъ съ зародышемъ того ученія, послѣднимъ приложеніемъ котораго является швейцарскій referendum. Вторая вводитъ насъ въ кругъ политическихъ идей того изъ дѣятелей 89 года, вліяніе котораго отразилось всего сильнѣе на созданной національнымъ собраніемъ конституціи. И раньше Петіона сдѣлано было предложеніе замѣнить вето короля прямымъ обращеніемъ къ націи. Депутатъ Креньеръ, доказывая невозможность королевскаго «вето», какъ создающаго двоевластіе, въ то же время предлагалъ устроить постоянный контроль за дѣятельностью національнаго собранія. «Для этого, говорилъ онъ, достаточно собрать голоса гражданъ. Это гораздо цѣлесообразнѣе всякаго обращенія къ какой бы то ни было верхней палатѣ или къ праву короля отказывать въ санкціи законовъ». Но Креньеръ не выяснилъ точнѣе своей мысли и ограничился заявленіемъ, что «вету» короля онъ противоставляетъ индивидуальное «вето» каждаго французскаго гражданина [1]). Гораздо систематичнѣе и полнѣе развилъ ту же мысль Петіонъ.

Восходя до положенія Руссо о недѣлимости и неотчуждаемости народнаго суверенитета, онъ послѣдовательно и за-одно съ Мабли приходитъ къ заключенію, что передача законодательныхъ функцій въ руки народнаго представительства—неизбѣжное зло, вызываемое обширностью территоріи и физической невозможностью собрать воедино весь народъ, этотъ дѣйствительный субъектъ

[1]) Ibid., засѣд. 3 сент. 89 года, стр. 550.

суверенитета. Но фактъ установленія народнаго представительства, очевидно, не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ потерю народомъ его верховенства въ вопросахъ законодательныхъ. Поэтому каждый разъ, когда тотъ или другой законопроектъ вызываетъ разнорѣчіе въ средѣ собранія, необходимо обращеніе къ первоисточнику его власти—къ народу. Это обращеніе можетъ быть сдѣлано въ наипростѣйшей формѣ запроса къ избирателямъ, хотятъ ли они, да или нѣтъ, принять новый законъ. Тѣмъ, кто рѣшается утверждать, что такое вмѣшательство избирателей въ дѣло законодательства практически неосуществимо, такъ какъ они не пожелаютъ ограничиться простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ и захотятъ представить каждый свои измѣненія и дополненія, Петіонъ возражаетъ, что отъ конституціи зависитъ поставить тѣ или другіе предѣлы этому народному участію и ограничить его въ частности правомъ простаго утвержденія, или отрицанія. Петіонъ считается и съ другимъ возраженіемъ. Частыя собранія народа въ его избирательныхъ комиціяхъ могутъ вызвать опасность для внутренняго мира и произвесть потрясенія въ государствѣ. Петіонъ полагаетъ, что случаи непосредственнаго обращенія къ народу будутъ сравнительно рѣдки, такъ какъ желаніе избѣжать ихъ побудитъ и собраніе и короля испробовать всѣ средства соглашенія. Съ другой стороны, онъ думаетъ, что опасности для спокойствія и мира гражданъ далеко не меньше при системѣ относительнаго «вето», требующей немедленнаго распущенія собранія при отказѣ короля санкціонировать тотъ или другой законъ. Раздраженные непредвидѣннымъ прекращеніемъ своей дѣятельности, члены распущеннаго королемъ собранія поспѣшатъ устроить агитацію, которая легко можетъ принять угрожающій характеръ для внутренняго мира и порядка.

И въ этомъ случаѣ народъ призванъ косвенно высказаться на счетъ отвергаемой королемъ мѣры. Стоитъ ему только назначить прежнихъ депутатовъ, и не останется сомнѣнія въ его желаніи новаго закона. Но какое ручательство тому, что при такомъ порядкѣ избиратели не станутъ руководствоваться чисто личными соображеніями и не назначатъ депутатомъ человѣка имъ близкаго и дружественнаго только изъ опасенія оскорбить его

отказомъ въ довѣріи. Другое дѣло при прямомъ голосованіи самаго закона. Трудно предположить, что въ этомъ случаѣ воля избирателей будетъ руководима другими мотивами, помимо желанія добиться изданія спорнаго закона или окончательнаго его отверженія [1]).

Еще опредѣленнѣе мысль о народномъ вето выражена Бареромъ, не успѣвшимъ произнесть своей рѣчи въ собраніи, но обнародовавшемъ ее путемъ печати. Можно смѣло утверждать, что въ его проектѣ заключаются всѣ существенныя стороны современнаго referendum. «Предлагаемое мною вето есть то, въ силу котораго законы, декретированные національнымъ собраніемъ, имѣли бы окончательную силу только при утвержденіи ихъ первичными собраніями, одновременно съ выборомъ ими новыхъ депутатовъ. Это вернуло бы народу непосредственное пользованіе законодательной властью, которую обширность имперіи заставила его поручить представителямъ [2]). Такимъ образомъ, уже въ 89 году Бареръ высказывалъ мысли, осуществленіе которымъ дано будетъ отчасти конституціей 93 года. Уже въ это время онъ являлся тѣмъ не допускающимъ компромиссовъ народолюбцемъ, какимъ рисуетъ его намъ его трактатъ о республиканскомъ образѣ правленія [3]).

Собраніе осталось равнодушнымъ къ предложеніямъ Петіона и Барера. Оно не задалось мыслью установить начало непосредственнаго вмѣшательства народа въ законодательство, примирить чистую демократію съ представительной и создать такимъ образомъ, помимо обращенія къ федераціи, тотъ идеалъ народнаго правленія, о какомъ мечталъ Руссо и осуществленія котораго онъ ждалъ исключительно отъ крестьянскихъ и городскихъ демократій, подобныхъ лѣснымъ кантонамъ Швейцаріи и женевской муниципіи, или отъ объединенныхъ въ одно союзное государство мелкихъ политическихъ тѣлъ. Рѣшающее вліяніе на выборъ собранія, на предпочтеніе, оказанное имъ относительному «вето» одинаково надъ аппеляціей къ народу и неограниченностью королевскаго протеста, оказала рѣчь Сіейса. Эта рѣчь заключала

---

[1]) Засѣданіе 5 сент. 89 года, стр. 581 и слѣдующія.

[2]) Arch. Parl., т. IX, стр. 57.

[3]) Barère, de la Pensée du gouvernement républicain, pag. 83.

въ себѣ довольно стройную и послѣдовательную попытку опредѣлить нормальный въ его глазахъ порядокъ отношеній между исполнительной и законодательной властью.

При передачѣ ея содержанія патріотическіе листки и памфлеты въ одно слово превозносили глубину и широту взглядовъ ея автора; въ то же время они отказывались резюмировать ее, говоря, что она не допускаетъ ни сокращеній, ни извлеченій. Дѣйствительно, мысли автора выражены съ поразительною краткостью; онѣ приведены въ искусственное соотношеніе другъ съ другомъ, благодаря чему практическія предложенія являются какъ бы необходимымъ выводомъ изъ первоначальныхъ философскихъ посылокъ. Рѣчь Сіейса въ несравненно большей степени, нежели его политическіе памфлеты, рисуетъ намъ его человѣкомъ системы, доктринеромъ въ полномъ значеніи этого слова, для котораго историческое прошлое и практическій опытъ другихъ народовъ не имѣютъ никакой обязательной силы, разъ они не соотвѣтствуютъ строгости принциповъ. Всего изумительнѣе при этомъ то обстоятельство, что это преклоненіе передъ апріорными посылками и ихъ логическимъ развитіемъ высказывается Сіейсомъ по отношенію къ системѣ, авторомъ которой отнюдь нельзя признать его самого. Сіейсъ не болѣе, какъ послѣдователь Мабли, который въ свою очередь, какъ мы знаемъ, сдѣлалъ попытку примиренія теоріи Руссо, возникшей на почвѣ чистой демократіи, съ тѣми требованіями, какія еще д'Аржансонъ предъявилъ къ демократической монархіи. Нигдѣ этотъ эклектизмъ, это отсутствіе оригинальности, это педантическое сведеніе воедино чисто метафизическихъ, не провѣренныхъ опытомъ и весьма спорныхъ положеній, которое отличаетъ собою всю политическую программу Сіейса, не выступаетъ съ такой очевидностью, какъ въ рѣчи его о характерѣ королевскаго вето. Онъ начинаетъ съ того, что объявляетъ категорическимъ императивомъ разума то ученіе о раздѣленіи властей, которому самъ Монтескье придавалъ значеніе одного приблизительнаго обобщенія, сдѣланнаго изъ вѣковой практики свободныхъ учрежденій. Авторъ «Духа Законовъ» подтверждалъ собственнымъ примѣромъ невозможность строгаго и безусловнаго проведенія выставленной имъ теоріи и признавалъ за королемъ прямое

участіе въ законодательствѣ въ формѣ абсолютнаго вето, а за парламентомъ право верховнаго суда въ формѣ приговоровъ, постановляемыхъ надъ министрами верхней палатой. Въ проведеніи своей мысли онъ не шелъ далѣе англійской практики, а эта практика давно высказалась въ пользу отступленій отъ строгости принциповъ въ интересахъ удобства. Она желала прежде всего предотвратить всякія столкновенія между властями, стремилась къ ихъ соглашенію и противилась поэтому тому полному обособленію, при которомъ власти становятся враждебными лагерями и не только тормозятъ, но и парализуютъ дѣятельность другъ друга. «Національное собраніе, говоритъ Сіейсъ, должно отказаться отъ мысли дать королевской власти долю участія въ образованіи законовъ. Оно постигло ту истину, что такое участіе имѣло бы послѣдствіемъ извращеніе самой сущности закона, этого выраженія общей воли. Оно устраняетъ поэтому всякое участіе въ его созиданіи какихъ-либо личныхъ хотѣній. Законъ есть передача воли управляемыхъ. Управители не могутъ овладѣть имъ вполнѣ или отчасти безъ того, чтобы послѣдствіемъ такого присвоенія не сдѣлался деспотизмъ. Нельзя допустить столь опасной «лигатуры» въ пользу главы націи или перваго гражданина государства, какимъ вы считаете короля. Монархъ можетъ составлять только одно съ націей; отдѣлите его отъ нея, признайте за нимъ частный интересъ въ законодательствѣ, вы уроните его достоинство... Если вы допустите, съ другой стороны, что король глава всѣхъ видовъ исполнительной власти, вы принуждены будете согласиться, что въ его авторитетѣ нѣтъ ничего, допускающаго вмѣшательство въ законодательную дѣятельность. Исполненіе слѣдуетъ за закономъ, исполнительная власть и все, что входитъ въ ея атрибуты, мыслимы только послѣ того, когда законъ возникъ... Право противиться, по моему, равнозначительно праву создавать». Сіейсъ старается доказать это положеніе тѣмъ, что король всегда имѣетъ возможность черезъ посредство министровъ и преданной ему въ собраніи партіи предлагать желательные для него законы. Приняты его предложенія, и все совершается такъ, какъ онъ хочетъ. Но если такого принятія не послѣдуетъ, король въ свою очередь отвергаетъ все, что будетъ предложено ему собраніемъ. Достаточно

указать на это, прибавляетъ Сіейсъ, чтобы обратить вниманіе на ту безграничность власти, какую предполагаетъ абсолютное «вето»: оно сдѣлало бы короля владыкою надъ всѣмъ»... Сводя къ наипростѣйшему выраженію эту полемику Сіейса съ защитниками абсолютнаго вето, мы очевидно должны признать, что она однообразно вращается въ области вопроса о раздѣленіи властей. Власть короля исполнительная, но исполнительная власть отдѣлена отъ законодательной. Поэтому король не можетъ имѣть вето по отношенію къ ея рѣшеніямъ. Внѣ своей правительственной роли, внѣ исполненія король не болѣе, какъ простой гражданинъ, мнѣнія котораго по обязательной силѣ не превосходятъ мнѣній любого изъ подданныхъ. Это—ученіе Монтескье въ томъ крайнемъ выраженіи, какое придано ему Мабли; это—не только раздѣленіе, но и полное обособленіе властей.

Развивая свой взглядъ, Сіейсъ сталкивается съ тѣмъ мнѣніемъ, что воля народнаго представительства не всегда совпадаетъ съ волею націи и что законъ, прошедшій большинствомъ одного голоса въ собраніи, можетъ быть въ прямомъ противорѣчіи съ господствующимъ мнѣніемъ. Такъ какъ этотъ фактъ, дѣйствительность котораго доказывается вѣковою практикою, подкашиваетъ въ корнѣ его теорію, то Сіейсъ считаетъ нужнымъ отвергнуть его существованіе. «Тѣмъ хуже для фактовъ», говорила, какъ извѣстно, г-жа Дюдефанъ лицамъ, указывавшимъ на несоотвѣтствіе теоріи съ дѣйствительностью. Эти слова французскаго bel esprit съ удобствомъ могли бы быть вложены въ уста Сіейса, отрицавшаго возможность несоотвѣтствія народной воли съ волею народнаго представительства.

«Я знаю, читаемъ мы въ его рѣчи, что, благодаря произвольному установленію различій и смѣшенію понятій, многіе стараются провесть тотъ взглядъ, что воля народа отлична отъ воли его представителей; но развѣ народъ можетъ говорить иначе, какъ устами своихъ представителей? Въ такомъ вопросѣ, какъ этотъ, прибавляетъ Сіейсъ, невѣрные принципы въ высшей степени опасны. Въ конечномъ результатѣ они направлены къ раздробленію и расчлененію Франціи на множество мелкихъ демократій, между которыми не существовало бы другой федеративной связи, кромѣ той, какая установлена недавно между

тринадцатью штатами Сѣверной Америки. Но Франція не есть совокупность мелкихъ націй, управляющихся независимо на демократическихъ началахъ. Она представляетъ собою единое цѣлое, составленное изъ интегральныхъ частей. Эти части не могутъ имѣть самостоятельнаго существованія, такъ какъ каждая изъ нихъ не есть цѣлое, вошедшее въ союзъ съ другими подобными ему цѣлыми. Все погибло, разъ мы признаемъ, что отдѣльныя муниципіи, округа и провинціи — самостоятельныя республики, объединенныя только въ интересахъ общей защиты. Въ результатѣ вмѣсто политическаго единства получился бы хаосъ обычаевъ, регламентовъ, запретовъ, носящихъ чисто мѣстный характеръ. Наше прекрасное отечество сдѣлалось бы одинаково ненавистно и иностранцамъ и подданнымъ... Но не такова ваша задача, говоритъ Сіейсъ въ обращеніи къ членамъ собранія. Я хочу указать только, что принципы, которыхъ мы, повидимому, рѣшились держаться подъ вліяніемъ обстоятельствъ въ состояніи создать для насъ политическое положеніе далеко не желательное, изъ котораго намъ мудрено будетъ выйти впослѣдствіи».

Такимъ образомъ, всякое сомнѣніе въ томъ, чтобы голосъ націи всегда вѣрно передаваемъ былъ ея представителями, толкуется Сіейсомъ въ смыслѣ явнаго протеста противъ политическаго единства Франціи. Предложеніе аппеляціи къ народу, голосованія избирательными собраніями округовъ и муниципій спорныхъ законопроектовъ, сознательно или безсознательно направлено къ тому, чтобы лишить Францію ея политическаго единства. Если за Сіейсомъ нельзя не признать большой прозорливости по отношенію къ подготовлявшимся во Франціи движеніямъ, если въ только что приведенныхъ словахъ можно видѣть предсказаніе будущей федералистической программы, то, съ другой стороны, какъ не сказать, что страхъ сепаратизма высказывается имъ по поводу предложеній, направленныхъ совершенно къ другой цѣли, имѣющихъ въ виду дать практическое признаніе и защитить отъ деспотизма собраній тотъ самый принципъ народовластія, въ упроченіи котораго заинтересованъ самъ Сіейсъ. Какъ! Изъ того обстоятельства, что тотъ или другой раздѣляющій представителей проектъ поступитъ на прямое го-

лосованіе избирателей, можетъ возникнуть опасность дробленія Франціи! Какъ! Достаточно будетъ отдѣльнымъ округамъ или муниципіямъ высказаться отрицательно по поводу голосованнаго собраніемъ закона, чтобы сдѣлаться сознательно или безсознательно виновниками федерализма! Желаніе сохранить единство не должно же необходимо совпадать съ требованіемъ единогласія. И какъ непрочно было бы то единство, при которомъ всякое разнорѣчіе дѣлалось бы сигналомъ къ распаденію. Едва ли кто изъ французскихъ публицистовъ довелъ до большаго абсурда вѣрный самъ по себѣ принципъ подчиненія меньшинства большинству. Правда, помимо его признанія немыслимо существованіе представительнаго образа правленія. Но не менѣе вѣрно также, что всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы констатировать, по крайней мѣрѣ, фактъ самого существованія большинства. Къ этому именно и направлена та система непосредственной аппеляціи къ народу, цѣль которой опредѣлить, въ какой мѣрѣ видимое и случайное большинство собранія отвѣчаетъ дѣйствительному большинству всей страны. Но такому порядку прямо противорѣчитъ доктрина о сосредоточеніи всей полноты законодательной власти въ рукахъ представителей; а въ этомъ и состоитъ ученіе Сіейса, утверждающаго, что избирательныя собранія призваны только къ избранію и что по окончаніи выборовъ между избирателями и депутатами не должно существовать никакихъ обязательныхъ отношеній. Самое большее, если за первыми можетъ быть оставлено право посылать мемуары и давать совѣты своимъ представителямъ. Избранный отъ округа депутатъ — представитель всей Франціи; онъ долженъ быть глухъ поэтому къ голосу жителей одного какого-либо бальяжа или муниципіи, разъ этотъ голосъ расходится съ голосомъ націи. Не только обязательный мандатъ, но и выраженіе желаній по одному какому-нибудь опредѣленному вопросу не могутъ быть допущены; отступленіе отъ избирательныхъ программъ не только извинительно, но и желательно въ случаѣ противорѣчія ихъ съ волей націи. Депутаты національнаго собранія призваны дать выраженіе не голосу своихъ довѣрителей, а собственному мнѣнію, составившемуся подъ вліяніемъ того разносторонняго обсужденія, какому законы подвергаются въ стѣнахъ собранія. Но если мнѣнія

депутатовъ свободны, то какъ допустить постановленіе какихъ-либо рѣшеній отдѣльными округами и муниципіями. Нація не можетъ имѣть другаго голоса, кромѣ голоса его законодательнаго собранія; а отсюда тотъ выводъ, что подъ аппеляціей къ народу слѣдуетъ разумѣть аппеляцію отъ одного представительнаго собранія къ другому, отнюдь не отъ представителей къ избирателямъ. Но этого достигаетъ относительное вето, обращеніе къ которому со стороны короля всегда сопровождается распущеніемъ собранія и созывомъ новаго представительства. «О немъ только и можетъ быть рѣчь, говоритъ въ заключеніи Сіейсъ. Всякое другое не заслуживаетъ даже серьезнаго опроверженія». Только одну уступку дѣлаетъ онъ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ деспотизмъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всемогущей единой представительной камеры. Онъ допускаетъ установленіе различія между основными или органическими законами, иначе говоря, конституціей, и простыми. Будущимъ собраніямъ запрещено подвергать измѣненію или отмѣнѣ дѣйствующую конституцію. Это право будетъ принадлежать только особому народному конвенту, созываемому исключительно для пересмотра органическихъ законовъ. Этого одного, думаетъ Сіейсъ, достаточно, чтобы доказать безполезность абсолютнаго вето. Въ Англіи, гдѣ не признано такихъ различій, гдѣ парламентъ въ правѣ отмѣнить старый или издать новый органическій законъ, можетъ еще чувствоваться необходимость въ немъ. Но во Франціи, въ которой конституціонные законы будутъ изъяты изъ вѣдѣнія законодательныхъ собраній, королю не придется прибѣгать къ нему для защиты своей прерогативы, такъ какъ самое посягательство на нее немыслимо [1]).

Что поражаетъ насъ всего болѣе въ аргументаціи какъ защитниковъ, такъ и противниковъ абсолютнаго вето, это ея чисто метафизическій характеръ, это также то обстоятельство, что первоначальныя посылки защитниковъ и противниковъ однѣ и тѣ же, такъ что нельзя отказаться отъ изумленія при видѣ разногласія въ выводахъ. Читая, напримѣръ, рѣчь графа д'Антрега, этого личнаго друга и почитателя Руссо, находя въ ней

1) Ibid., 7 сент. 89 г., стр. 592 и 593.

основныя черты ученія о раздѣленіи властей и народномъ суверенитетѣ, невольно ждешь, что она, подобно рѣчи Сіейса, закончится предложеніемъ относительнаго вето, а между тѣмъ д'Антрегъ стоитъ такъ же упорно за абсолютность этого «отрицательнаго права» короля, какъ Сіейсъ за его относительность. Невольно возникаетъ сомнѣніе, чтобы рекомендуемая мѣра являлась необходимымъ выводомъ изъ теоріи, а не была подсказана болѣе простымъ мотивомъ, желаніемъ усилить или, наоборотъ, ослабить власть короля, подчинить его волю рѣшенію большинства собранія или обезпечить ей возможность окончательнаго торжества. Многіе, въ числѣ ихъ Лафайетъ [1]) и Неккеръ, полагаютъ, что интересъ монархіи лежитъ не столько въ принятіи собраніемъ абсолютнаго вето, сколько въ свободѣ короля дѣлать частое обращеніе къ этому средству задержки. Неккеръ не безъ основанія замѣчалъ, что въ виду неограниченности его права король рѣдко прибѣгаетъ къ отказу въ санкціи, и дѣлалъ изъ этого обстоятельства, неизвѣстно почему, тотъ выводъ, что установленіе одного относительнаго вето обусловитъ возможность частаго обращенія къ нему. Мнѣніе Неккера взяло верхъ въ совѣтѣ министровъ надъ мнѣніемъ противниковъ, и національному собранію посланъ былъ отъ имени короля мемуаръ, выражавшій готовность Людовика XVI удовольствоваться относительнымъ вето. Этотъ адресъ не былъ допущенъ къ чтенію, пренія были окончены и личное вмѣшательство короля въ назрѣвшій къ рѣшенію вопросъ было признано неотвѣчающимъ достоинству собранія и принципу раздѣленія властей. Не зная содержанія адреса, но, повидимому, предвидя его, Мирабо открыто высказалъ ту мысль, что даже при нежеланіи короля имѣть абсолютное вето собраніе должно признать его за нимъ, такъ какъ дѣло идетъ о выборѣ учрежденій для обезпеченія народной свободы, а надежнѣйшемъ средствомъ къ тому является неограниченность «вето» [2]).

Такъ какъ собраніе высказалось противъ чтенія, Неккеръ обнародовалъ мемуаръ путемъ печати и тѣмъ значительно уве-

---

1) См. письмо его къ Латуръ-Мобуру (Martimer Ternaux. Hist. de la Terreur, т. II, прибавленія).

2) Засѣд. 11 сент. 89 года, стр. 609.

личилъ число сторонниковъ относительнаго вето. Нація должна была признать, что за него стоитъ и непосредственно заинтересованное въ вопросѣ правительство. Въ то же время народныя страсти сказались открыто въ смыслѣ ограниченія королевскаго вмѣшательства въ законодательные вопросы. Народъ, правда, весьма смутно понималъ то, что разумѣлось подъ вето, какъ абсолютнымъ, такъ и относительнымъ. Нѣкоторые крестьяне прямо толковали его въ смыслѣ особаго, крайне обременительнаго для нихъ налога. Но это не мѣшало, а только содѣйствовало тому ожесточенію, съ какимъ парижское простонародье осаждало популярнѣйшихъ депутатовъ своими «мольбами» защитить его отъ грозящаго ему удара [1]).

Всѣ эти прямыя и косвенныя вліянія: дѣйствительное опасеніе министерскаго деспотизма, скрытое желаніе польстить вкусамъ толпы, преданность принципамъ, увлеченіе теоріей, желаніе приблизиться по возможности къ демократіи Руссо и не отстать отъ Мабли, во главѣ же всего опасеніе, чтобы въ союзѣ съ дворянствомъ и, опираясь на свое абсолютное вето, король не наложилъ запрета на декреты національнаго собранія и не затормозилъ революціи, сдѣлались причиною того, что въ засѣданіи 11 сентября 89 года большинство, состоящее изъ 673 человѣкъ, при меньшинствѣ въ 325, высказалось въ пользу относительнаго вето.

Оставалось еще опредѣлить срокъ, въ теченіе котораго король можетъ отказывать въ утвержденіи законовъ. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ слѣдующемъ смыслѣ: «Постановленія законодательнаго корпуса въ случаѣ отказа короля не приводятся въ исполненіе; но если въ двухъ собраніяхъ, слѣдующихъ за тѣмъ, которое постановило декретъ, послѣдній будетъ возобновленъ и при томъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и прежде, король признается давшимъ свою санкцію (le Roi sera ceusé avoir donné la sanction), другими словами, законъ вступаетъ въ силу и безъ королевскаго согласія [2]).

Одобреніе короля должно быть выражено на каждомъ декретѣ слѣдующей формулой: «король согласенъ и предпишетъ къ ис-

---

[1]) См. Histoire de l'Assemblée constituante par. Alex. Lameth, томъ I, стр. 123—137. Louis de Loménie, les Mirabeau, томъ IV, стр. 405—438.

[2]) Конституція 3 сент. 91 года, глава III, секція 3, статья 1 и 2.

полненію»; отказъ передается словами: «король обсудитъ». Срокъ, въ теченіе котораго король долженъ дать утвердительный или отрицательный отвѣтъ, двухмѣсячный. Одно и то же собраніе не можетъ представлять королю дважды одного и того же декрета. Не нуждаются въ королевскомъ утвержденіи и подлежатъ немедленному исполненію законы, имѣющіе отношеніе къ устройству законодательнаго корпуса, его внутренней полиціи, декреты, изданные по случаю повѣрки полномочій депутатовъ, касающіеся созыва первичныхъ собраній, избирательнаго права, и всѣ вообще акты, имѣющіе отношеніе къ министерской отвѣтственности. Въ одинъ рядъ съ основными законами, не нуждающимися въ королевской санкціи, конституція 91 года ставитъ всѣ декреты, которыми установляются новые налоги и предписывается взиманіе прежнихъ. Только въ случаѣ внесенія въ нихъ дополнительныхъ статей, опредѣляющихъ наказаніе для неплательщиковъ, они входятъ въ силу не раньше, какъ по утвержденіи короля [1]).

---

[1]) Констит. 91 г., глава III, секція III, §§ 3—8.

ГЛАВА VII.

Функціи національнаго собранія.

Когда читаешь дебаты учредительнаго собранія, невольно поражаешься тѣмъ фактомъ, что вопросы, по важности ничѣмъ не уступающіе вопросу о вето, рѣшены были окончательно послѣ короткаго обмѣна мыслей въ одномъ или двухъ засѣданіяхъ. Какова будетъ продолжительность собранія, будетъ ли оно вѣчнымъ или временнымъ, возобновляемымъ по частямъ или сразу, какія лица могутъ быть избраны его членами, какія права должны быть признаны за ними въ дѣлѣ обложенія, въ созданіи новыхъ и упраздненіи старыхъ должностей, въ монетномъ дѣлѣ и выпускѣ бумажныхъ денегъ, будетъ ли король пользоваться законодательнымъ почином и правомъ изданія административныхъ регламентовъ или оба права будутъ составлять неотъемлемую принадлежность одного народнаго представительства, наконецъ, каково положеніе, занимаемое министрами короля по отношенію къ собранію, все это, очевидно, такого рода задачи, которыя требуютъ зрѣлаго и внимательнаго обсужденія. То или другое ихъ рѣшеніе, несомнѣнно, въ гораздо большей степени опредѣляетъ порядокъ политическаго устройства страны, нежели признаніе абсолютнаго или относительнаго вето. А между тѣмъ ихъ разсмотрѣніе потребовало лишь незначительной части того времени, какое потрачено было собраніемъ при обсужденіи вопроса о королевской санкціи. Словно всѣ доводы были исчерпаны сразу, словно защитникамъ и противникамъ королевской прерогативы ничего не оставалось прибавить къ прежней

аргументаціи, а только выводить дальнѣйшія заключенія изъ вотированнаго собраніемъ принципа раздѣленія властей.

Соображенія, ничего не имѣвшія общаго съ теоріей, послужили тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ побудительнымъ мотивомъ рѣшеній. Отказывая королю въ абсолютномъ вето, прикрываясь принципомъ невмѣшательства исполнительной власти въ дѣло законодательства, депутаты на самомъ дѣлѣ побуждаемы были страхомъ произнесть собственный приговоръ, вручивъ королю выполненіе затѣянной реформы. Точно также, провозглашая вѣчность собранія, они выставляли, какъ мотивъ, необходимость уравновѣсить вѣчность королевской власти, и въ ея лицѣ исполненія, вѣчностью законодательнаго органа; на самомъ же дѣлѣ они желали только воспрепятствовать повторенію въ будущемъ того перерыва въ созывѣ національнаго представительства, который испытала Франція, начиная съ первой четверти семнадцатаго столѣтія, такъ какъ справедливо видѣли въ немъ дѣйствительный источникъ абсолютизма. Эта мысль прямо была высказана нѣкоторыми членами собранія, и единогласіе, съ которымъ всѣ они стояли за возможно частое везобновленіе народнаго представительства, само служитъ ручательствомъ тому, что дѣло шло не о торжествѣ отвлеченнаго принципа, а объ удовлетвореніи практической необходимости [1]).

Постояннаго собранія (assemblée permanente) требуетъ и защитникъ абсолютнаго вето, Мирабо, и противникъ такого вето

---

[1]) То же требованіе высказано было и наказами. „Слабость и краткосрочность штатовъ, пишетъ Токвиль, тревожатъ всѣхъ избирателей. Они боятся, чтобы король не наложилъ снова на штаты своей руки. (l'Ancien Régime et la Révolution, стр. 22). Въ отчетѣ конституціоннаго комитета, представляющемъ собою резюме наказовъ и доложенномъ Клермонъ Тоннеръ 17 іюля 89 года, къ числу вопросовъ, по которымъ не всѣ наказы высказываются единогласно, отнесены слѣдующіе три. 1) Въ случаѣ распущенія генеральныхъ штатовъ не обязанъ ли король предписать немедленно новый созывъ ихъ? 2) Будутъ ли генеральные штаты постоянными или періодическими? Если періодическими, то не слѣдуетъ ли имѣть въ промежутокъ между сессіями временную коммиссію отъ штатовъ. Этотъ отчетъ конституціоннаго комитета напечатанъ между прочимъ въ приложеніяхъ къ исторіи французской революціи Тьера. (Т. I, пятнадц. изд., in. 4. 1876 году). Примѣчанія и дополненія (прим. 5, стр. 481).

Сіейсъ; первый считаетъ долгомъ предупредить собраніе противъ всякихъ попытокъ установить промежуточныя коммиссіи, долженствующія замѣнить собраніе по окончаніи сессіи. «Эти коммиссіи, составъ которыхъ поставляемъ былъ бы собраніемъ, замѣчаетъ Сіейсъ, доставили бы контингентъ для будущихъ министерствъ, и одной надежды попасть въ ряды правительства было бы достаточно для того, чтобы обратить большинство ихъ членовъ въ послушное орудіе двора» [1]). Другой сторонникъ абсолютнаго вето, Мунье, говоря отъ имени конституціоннаго комитета, заявляетъ, что постоянное присутствіе законодательнаго корпуса необходимо для свободы. «Комитетъ, сказалъ онъ, разумѣетъ подъ постояннымъ собраніе, всегда готовое къ сбору, и сессію, повторяющуюся ежегодно, помимо всякаго призыва со стороны короля. Это не значитъ, чтобы собраніе могло засѣдать долѣе положеннаго срока, такъ какъ это повело бы къ безграничному увеличенію числа законовъ и регламентовъ». Четырехъ-мѣсячная сессія казалась Мунье достаточной, но отъ короля зависѣло бы, продолжить этотъ срокъ или созвать новую дополнительную» [2]).

«Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ депутатъ Демёнье, что національное собраніе должно засѣдать ежегодно. Если вы не примите мѣръ къ обезпеченію его возврата въ разъ установленные сроки, старый порядокъ неминуемо будетъ возстановленъ; проклятія потомства ожидаютъ васъ въ такомъ случаѣ. Одно постоянство національнаго собранія позволитъ на столькихъ развалинахъ создать рядъ новыхъ политическихъ порядковъ, а для этого во времени никогда не будетъ чувствоваться излишка». Демёнье противится установленію законнаго срока даже для сессіи и считаетъ нужнымъ предоставить опредѣленіе его самому собранію [3]).

Рабо Сентъ-Этьеннъ видитъ въ постоянствѣ собранія «надежду народа и оплотъ свободы», но онъ въ то же время не считаетъ нужнымъ останавливаться на развитіи этого положенія, такъ какъ собраніе обнаружило уже, говоритъ онъ, свое единомы-

---

[1]) Ibid., засѣданіе 1 сент., стр. 540.
[2]) Ibid., засѣд. 4 сент. 89 года.
[3]) Ibid., стр. 565.

сліе. «Всѣ высказываются одинаково въ пользу ежегодно повторяющихся сессій» [1]). «Постоянство собранія, утверждаетъ въ свою очередь юристъ Турэ, необходимо для прочности конституціи. Безъ этого политическое тѣло было бы лишено жизни. Исполнительная власть не можетъ замѣнять законодательной, а это снова доказываетъ необходимость постоянства собранія, разумѣя подъ нимъ не безостановочность его сессій, а возможность ихъ возобновленія». «Постоянство необходимо, какъ средство защиты конституціи. Великіе перевороты, подобные тому, какой мы переживаемъ нынѣ, не совершаются въ одинъ день. И послѣ ихъ окончанія остается не мало частныхъ интересовъ, противъ которыхъ приходится защищать дѣло революціи. Наконецъ, постоянство собранія вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что законы всегда нуждаются въ интерпретаціи и дополненіи. Предоставить же то и другое государственному совѣту было бы крайне опасно» [2]).

Защищая принципъ постоянства собранія, который одинъ, по его мнѣнію, будетъ содѣйствовать поднятію національнаго кредита, маркизъ Сильери въ то же время утверждаетъ, что этотъ вопросъ не вызываетъ серьезныхъ разногласій и «это потому, что свобода есть общее желаніе всѣхъ французовъ» [3]). Неудивительно послѣ сказаннаго, если, несмотря на неопредѣленность, съ какой слово «постоянство» передаетъ необходимость ежегоднаго собранія народнаго представительства, предложеніе депутата Камюса вотировать, что національное собраніе будетъ постояннымъ, встрѣтило единодушную поддержку [4]).

Единство національнаго представительства, въ связи съ его постоянствомъ и, рядомъ съ этимъ, строгое обособленіе законодательства отъ исполненія, благодаря допущенію одного относительнаго вето, сами собою предрѣшали вопросъ о томъ, будетъ ли признано за королемъ право созыва и распущенія палаты. Еще въ засѣданіи 2 сентября 89 года раздались голоса противъ надѣленія короля обоими правами. Сосредоточивая въ рукахъ

---

[1]) Ibid., стр. 567.

[2]) Засѣданіе 5 сентября 89 года, стр. 580.

[3]) Засѣданіе 7 сент. 89 года, стр. 590.

[4]) Засѣданіе 9 сент. 89 года, стр. 603 и 604.

его, утверждали депутаты, право распускать собраніе, конституція предоставитъ ему возможность сломать оппозицію всякаго представительства. Созывъ собранія королемъ въ свою очередь стоитъ въ противорѣчіи съ народнымъ желаніемъ, чтобы представители сходились въ силу закона [1]). Но установленіе относительнаго вето съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — аппеляціей короля къ новому собранію на рѣшеніе прежняго, само вызвало необходимость признать за Монархомъ право распущенія. Того же нельзя сказать относительно созыва. Ежегодное повтореніе сессій рѣшало вопросъ въ смыслѣ ихъ независимости отъ воли короля, что не устраняло однако возможности дополнительныхъ собраній, по отношенію къ которымъ король могъ сдѣлаться инициаторомъ.

Постоянство народнаго представительства предрѣшало также другой вопросъ о регламентирующей власти короля. Эта власть, выраженіемъ которой въ Англіи служатъ «королевскія прокламаціи», и которая въ современныхъ конституціонныхъ монархіяхъ является источникомъ административныхъ распоряженій, распространяющихъ дѣйствіе существующихъ законовъ на непредвидѣнные случаи и не устраняющихъ, слѣдовательно, возможности ихъ расширительнаго толкованія, защищается, какъ извѣстно, тѣмъ соображеніемъ, что народное представительство не всегда бываетъ въ сборѣ и что обращеніе къ нему въ видахъ толкованія законовъ и примѣненія ихъ къ выдвигаемымъ жизнью случаямъ является по временамъ практически неосуществимымъ. Причина этому лежитъ въ томъ, что законодатель не въ силахъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ комбинацій, въ которыхъ могутъ представиться рѣшаемые имъ вопросы; безусловное примѣненіе къ этимъ новымъ и непредусмотрѣннымъ комбинаціямъ данныхъ закономъ рѣшеній можетъ сдѣлаться источникомъ несправедливости. Отсюда необходимость королевской прерогативы и, въ частности, регламентирующей власти короля. Отъ нея зависитъ установить соотвѣтствіе между требованіями закона и административной практики путемъ временныхъ распоряженій или декретовъ. Эти мѣропріятія могутъ превратиться со време-

[1]) Засѣданіе 2 сент. 89 г., стр. 547.

немъ въ постоянные законы, благодаря согласію на нихъ народнаго представительства. Они могутъ также потерять всякую дальнѣйшую силу и значеніе, разъ не послѣдуетъ такого согласія. Но какъ только является возможность ежечаснаго обращенія къ народному представительству за толкованіемъ имъ же изданныхъ законовъ, сама собой падаетъ необходимость въ регламентирующей власти короля. И въ этомъ именно смыслѣ высказываются члены національнаго собранія, въ числѣ ихъ Бергассъ, говоря: «Что нужно для того, чтобы исполнительная власть никогда не преступала своихъ естественныхъ границъ, какъ не то, чтобы она всегда руководствовалась закономъ? Этому противорѣчило бы признаніе за королемъ права издавать временныя мѣры (административные регламенты). Такъ какъ въ обширной администраціи всегда можно предвидѣть случайности, не предусмотрѣнныя въ законѣ, то въ промежутокъ между двумя національными собраніями легко можетъ явиться необходимость принять тѣ или другія мѣры безъ его согласія. Такимъ образомъ, при періодичности собраній неизбѣжно изданіе время отъ времени королемъ личныхъ законовъ, что рано или поздно поведетъ къ деспотизму; но того же не можетъ быть при постоянствѣ собранія, допускающемъ возможность непосредственнаго обращенія къ нему за рѣшеніемъ всякаго затрудненія въ пониманіи и примѣненіи существующихъ законовъ» [1]). Въ засѣданіи 29 сентября 1789 года Тарже отъ имени конституціоннаго комитета предлагаетъ поэтому сдѣлать постановленіе, что король не въ правѣ издавать даже временныхъ законовъ, а только согласныя съ законами прокламаціи [2]).

30 сентября вопросъ о предоставленіи или непредоставленіи королю регламентирующей власти становится предметомъ публичнаго обсужденія. Умѣренные подаютъ голосъ въ пользу признанія этого права. Малуэ открыто высказывается въ этомъ смыслѣ, требуя, чтобы королевскіе регламенты имѣли, по крайней мѣрѣ, временную силу. Братъ Мирабо, извѣстный подъ проз-

[1]) Archives parlementaires, première serie томъ IX, стр. 111 (Discours de M. Bergasse sur la manière dont il convient de limiter le pouvoir législatif et le pouvoir éxécutif dans une monarchie).

[2]) Ibid., стр. 211.

звищемъ «бочка» (Mirabeau tonneau), видитъ въ такомъ признаніи средство къ усиленію исполнительной власти, столь поколебленной за послѣднее время, «съ тѣхъ поръ, какъ Франція пріобрѣла свободу, граничащую съ анархіей». Обращаясь къ собранію, онъ спрашиваетъ его: «Неужели вы на столько убѣждены, что ваши законы могутъ обойтись безъ интерпретаціи, что не считаете даже нужнымъ предвидѣть необходимости толкующихъ ихъ регламентовъ? Не забывайте, что ваше дѣло—дѣло рукъ человѣческихъ,—дѣло, которому присущи поэтому ошибки и неясности. Чтобы избѣжать невыгодныхъ послѣдствій, связанныхъ съ несовершенствомъ вашихъ законовъ, необходимо признать за королемъ право изданія административныхъ распоряженій». Но большинство ораторовъ возражаетъ на эти доводы ссылкой на принципъ раздѣленія властей, требующій невмѣшательства короля въ дѣло законодательства.

«Вы только что установили различіе между властями и уже собираетесь поколебать силу этого принципа», говоритъ собранію Петіонъ. Вы точно забыли, что интерпретація законовъ королемъ всегда была источникомъ деспотизма. Одна законодательная власть имѣетъ право подобной интерпретаціи. «Признать даже временную силу за королевскими регламентами, спѣшитъ замѣтить Гупиль де Префельнъ, это добровольно открыть дверь всякимъ злоупотребленіямъ». И это мнѣніе на столько раздѣляется большинствомъ наличныхъ членовъ, что предложеніе объявить исполнительную власть неспособной издавать даже временные законы, а однѣ только прокламаціи, принято собраніемъ въ томъ же засѣданіи громаднымъ числомъ голосовъ [1].

Изъ того же принципа раздѣленія властей выведено было депутатами то послѣдствіе, что за королемъ не должно быть признано право законодательнаго почина [2]. И на этотъ разъ требованія теоріи совпадали съ личными опасеніями депутатовъ. Не далѣе, какъ 23 іюня 1789 года Людовикъ XVI сдѣлалъ попытку

[1]) Ibid., стр. 219 и 220.

[2]) Въ этомъ же смыслѣ высказались и наказы. Каждый можетъ убѣдиться, пишетъ Шерестъ, что большая часть ихъ, не исключая и тѣхъ, какіе были даны дворянствомъ, отказываютъ королю въ законодательномъ починѣ (томъ II, стр. 470 и 471).

предупредить дѣло революціи единоличнымъ рѣшеніемъ назрѣвшихъ вопросовъ. Мы видѣли, что одной изъ причинъ провала министерской политики въ данномъ случаѣ было нежеланіе собранія упустить изъ своихъ рукъ ввѣренную ему задачу «возрожденія Франціи». Память объ этомъ столь встревожившемъ умы событіи продолжала преслѣдовать депутатовъ, и изъ рядовъ даже умѣренныхъ раздались голоса въ защиту исключительной инціативы собранія въ дѣлѣ законодательства. «Король, сказалъ Мунье въ засѣданіи 5 сент., не долженъ имѣть права предлагать законы. Есть основаніе опасаться, что, пріобрѣтши путемъ административнаго опыта знакомство съ народными нуждами и могущими удовлетворить ихъ мѣрами, онъ поспѣшитъ предупредить желаніе представителей и, присвоивъ себѣ на практикѣ исключительное право почина, воспользуется благопріятными условіями для косвенныхъ нападокъ на свободу» [1]). Въ этомъ же смыслѣ высказываются и члены новаго конституціоннаго комитета, образовавшагося вслѣдъ за добровольнымъ выходомъ Мунье и Лалли Толандаля. Докладчикъ комитета, Таржэ, предлагаетъ принять слѣдующее рѣшеніе: «Король можетъ поставить на видъ собранію, что ему слѣдуетъ заняться обсужденіемъ извѣстнаго вопроса; но инціатива законовъ принадлежитъ исключительно законодательному корпусу» [2]).

Можно думать однако, что и болѣе серьезные мотивы руководили въ данномъ случаѣ дѣятелями 89 года. Практика старинныхъ генеральныхъ штатовъ, ограничивавшихъ свою задачу заявленіемъ о нуждахъ и желаніяхъ націи и предоставлявшихъ королю удовлетвореніе этихъ нуждъ въ формѣ ордонансовъ, имѣла, какъ извѣстно, послѣдствіемъ обнародованіе законовъ, которые, подъ предлогомъ выполненія народныхъ желаній, не разъ заключали въ себѣ рѣшенія, несогласныя съ ходатайствами сословій. Англійская практика непосредственнаго внесенія биллей, т. е. готовыхъ законопроектовъ членами парламента, самымъ невыгоднымъ образомъ оттѣняла эти французскіе порядки и, очевидно, должна была вызвать въ умѣ сторонниковъ бри-

---

[1]) Смотри Jean - Joseph Mounier par F. de Lanzac de Laborie. Paris 1887 года, sa vie politique et ses écrits.

[2]) Ibid., стр. 211.

танской конституціи представленіе о нежелательности всякаго вмѣшательства короля въ дѣло законодательнаго почина. Вышеприведенными мотивами легко объясняется единогласіе, проявившееся въ дебатахъ національнаго собранія при обсужденіи занимающаго насъ вопроса. Ни одного голоса не раздается въ пользу королевской инициативы и недовѣріе къ исполнительной власти сказывается въ желаніи ограничить самое право ея обращать вниманіе депутатовъ на извѣстные вопросы. Легранъ думаетъ, что это право можетъ быть признано за правительствомъ только тогда, когда дѣло идетъ о старинномъ законѣ; распространить же его и на случаи, требующіе новаго законодательства, равносильно, въ его глазахъ, допущенію королевской инициативы. «Министры, спѣшитъ прибавить другой депутатъ Мартино, неминуемо воспользуются этой возможностью, чтобы захватить въ свои руки дѣло законодательства». Большинство депутатовъ остается тѣмъ не менѣе на сторонѣ предложенной редакціи, и собраніе въ концѣ концовъ утверждаетъ ее своимъ единогласнымъ рѣшеніемъ [1]).

Строгость принциповъ, соблюденіемъ которой такъ озабочены были дѣятели 89 года, побуждаетъ ихъ высказаться въ смыслѣ, враждебномъ интересамъ исполнительной власти, и по вопросу о правѣ министровъ располагать по меньшей мѣрѣ совѣщательнымъ голосомъ при обсужденіи народнымъ представительствомъ новыхъ законовъ. Современные представительные порядки были бы немыслимы, при полной разобщенности администраціи и законодательства, какую предполагаетъ запрещеніе министрамъ высказывать сужденія по вопросамъ, въ которыхъ имъ со временемъ придется играть роль исполнителей. Не только парламентаризмъ, но и конституціонная монархія, всецѣло построены на положеніи, что новые законы служатъ выполненіемъ министерской программы, что они отвѣчаютъ желаніямъ министровъ, а не являются для нихъ чѣмъ-то навязаннымъ со стороны, какимъ-то бременемъ, которому они должны подчиняться нехотя и нерѣдко съ убѣжденіемъ причинить тѣмъ вредъ управляемой странѣ. Очевидно, что вмѣшательство министровъ, согласное съ

---

[1]) Ibid., стр. 219.

требованіями жизни, не согласно съ доктриной абсолютнаго раздѣленія властей; но эта доктрина одна имѣла обязательную силу въ глазахъ депутатовъ.

Удивительно ли, если заявленіе Мирабо, что министры могутъ принесть пользу собранію своими совѣтами и своею административной опытностью, и что ихъ вліяніе опасно только тогда, когда «созидается въ темнотѣ» [1]), не находило поддержки въ стѣнахъ собранія. Предложеніе дать министрамъ совѣщательный голосъ подвергнуто было публичному обсужденію 7-го ноября 1789 года. Въ собраніи ходили слухи о томъ, что Мирабо подготовляетъ собственную кандидатуру, что, измѣняя интересамъ народа, онъ вошелъ въ тайное соглашеніе со дворомъ и ждетъ только благопріятнаго рѣшенія, чтобы вступить въ ряды министерства и стать открыто во главѣ контръ-революціи. Этихъ слуховъ, справедливость которыхъ подтверждена была найденными послѣ смерти Мирабо документами, достаточно было для того, чтобы придать дебатамъ ту страстность, какая обыкновенно проявляется каждый разъ, когда вопросъ о принципѣ въ то же время является и личнымъ вопросомъ. Изъ среды умѣренныхъ послѣдовали заявленія, какъ нельзя лучше доказывающія, что знаніе дѣйствительныхъ основъ англійской парламентской жизни такъ же чуждо было «сторонникамъ британскихъ учрежденій», какъ и безусловнымъ почитателямъ теоріи «общественнаго договора». Одни приводили отрывки изъ писемъ Юніуса съ цѣлью доказать, что присутствіе министровъ въ стѣнахъ собранія имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ продажность депутатовъ, другіе (Монлозье) утверждали, что одного выбора въ министры достаточно въ Англіи, чтобы лишить человѣка дальнѣйшаго права быть депутатомъ. Послѣднее замѣчаніе было фактически вѣрно, такъ какъ всякое назначеніе на министерскій постъ ставитъ депутата въ необходимость подвергнуться переизбранію. Но, указывая на этотъ фактъ, Монлозье въ то же время обходилъ молчаніемъ то обстоятельство, что это переизбираніе—явленіе самое обычное уже потому, что попавшій въ ряды министерства обыкновенно членъ господствующей партіи

---

[1]) Засѣд. 29 сент. 89 года, стр. 212.

и, слѣдовательно, напередъ можетъ быть увѣренъ въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. «Я изумляюсь, прибавлялъ Монлозье, какъ могутъ дѣйствительные сторонники свободы давать поддержку мѣрѣ, столь опасной и столь пагубной,—мѣрѣ, которая бы въ такой степени грѣшила противъ всѣхъ принятыхъ нами принциповъ. Какъ можемъ мы дать голосъ людямъ, которые не получили его по выбору народа. Это было бы открытымъ посягательствомъ на святость конституціи. Это было бы спреступленіемъ противъ отечества. Признать совѣщательный голосъ за министрами равнозначительно предоставленію имъ права овладѣть ходомъ преній, внести открыто въ наши дебаты ихъ ложную доктрину и отуманить наши умы тѣмъ невѣрнымъ освѣщеніемъ, какое имъ угодно будетъ придать фактамъ. Надѣлить голосомъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые не могутъ считаться даже вполнѣ французскими гражданами (намекъ на швейцарца Неккера), не значитъ ли предоставить правительству ту иниціативу, опасность которой была признана нами самими, а также Англіей (?) и всѣми нашими сосѣдями».

«Мои полномочія, говорилъ въ свою очередь Ланжюинэ, запрещаютъ мнѣ высказывать мое мнѣніе въ присутствіи министровъ. Этому же препятствуютъ и наши принципы. Мы захотѣли раздѣлить власти; но давая голосъ министрамъ, мы бы соединили въ ихъ лицѣ законодательство и исполненіе». Мирабо, протестуя противъ такого privilegium odiosum высшихъ совѣтниковъ націи, тщетно пытался доказать нелѣпость положенія, будто довѣріе, оказанное народомъ лицу, избранному въ депутаты—основаніе къ исключенію его изъ общаго права на занятіе должности. «Присутствіе министровъ въ средѣ собранія, говорилъ онъ, есть одно изъ средствъ, которыми англичане обезпечили народное благоденствіе (salut publique); оно открываетъ возможность ежечаснаго увѣдомленія представительства о видахъ двора, обезпечиваетъ дѣятельный контроль за агентами власти и надѣленіе ихъ нужными свѣдѣніями; имъ достигается то единодушіе администраціи и законодательства, при которомъ никакія препятствія не страшны». Тщетно также старался поставить на видъ собранію, что число государственныхъ людей, которыми въ каждый данный моментъ располагаетъ нація, далеко не такъ

значительно, чтобы дозволить исключеніе изъ нихъ 1200 человѣкъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Когда Ланжюинэ внесъ свой контръ-проектъ, исключавшій всѣхъ депутатовъ отъ занятія публичныхъ должностей, Мирабо, предполагая, не безъ основанія, что эта мѣра направлена лично противъ него, предложилъ замѣнить ее постановленіемъ что, одинъ депутатъ отъ общинъ Экса подвергнутъ будетъ подобному остракизму. Собранію не хватило рѣшимости высказаться открыто и предложеніе Ланжюинэ прошло большинствомъ голосовъ [1]).

Мы коснулись пока одной лишь стороны функцій народнаго представительства—его законодательной власти. Намъ предстоитъ теперь охарактеризовать его роль по отношенію къ налоговому обложенію. Установленіе налога, очевидно, не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ законодательной дѣятельности, но это не мѣшаетъ тому, что ранѣе всѣхъ остальныхъ онъ сдѣлался предметомъ непосредственнаго присвоенія со стороны тѣхъ сословныхъ делегацій, которыя въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ ограничивали собою королевскую власть. Генеральные штаты Франціи въ этомъ отношеніи пользовались тѣми же правами, что и парламентъ, сеймы и кортесы. Историческое преемство, недостававшее другимъ декретамъ національнаго собранія, далеко не отсутствовало въ данномъ случаѣ. Предлагая надѣлить депутатовъ правомъ вотированія налоговъ, дѣятели 89 года руководствовались уже не одними требованіями теоріи и примѣромъ иностранныхъ государствъ; они оживляли исконную практику, пріостановленную въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій торжествомъ абсолютизма и перерывомъ въ созывѣ генеральныхъ штатовъ. Но давая, такимъ образомъ, признаніе историческому праву, члены учредительнаго собранія сочли нужнымъ обставить его болѣе серьезными гарантіями, чѣмъ тѣ, какими оно пользовалось въ старину, и эти гарантіи однѣ были заимствованы изъ Англіи. Онѣ заключались въ требованіи, чтобы согласіе на налоги не было даваемо на срокъ свыше одного года.

Въ проектѣ конституціоннаго комитета утвержденіе всякаго рода правительственныхъ издержекъ предоставлялось собранію.

---

[1]) Засѣд. 7 ноября 1889 года, стр. 715—718.

Докладчикъ Таржэ не дѣлалъ различія между тѣми, назначеніе которыхъ служить къ погашенію государственнаго долга, и тѣми, которыя идутъ на покрытіе издержекъ администраціи. Точно также такъ называемый «civil list» или совокупность средствъ, даруемыхъ ежегодно королю, не выдѣляемъ былъ изъ общей массы расходовъ. Это должно было означать на практикѣ, что отказъ въ вотированіи налоговъ каждый разъ необходимо будетъ сопровождаться не только пріостановкой всей правительственной машины, но и публичной несостоятельностью, какъ всего правительства по отношенію къ частнымъ кредиторамъ, такъ и короля—по отношенію къ лицамъ, получающимъ средства изъ цивиль-листа.

Неудобства такого порядка издавна были сознаны въ Англіи и, если не путемъ закона, то парламентской практики, установилось въ этой странѣ правило утверждать изъ года въ годъ безъ дальнѣйшаго обсужденія ту часть бюджета, которая обнимается понятіемъ консолидированнаго фонда и включаетъ въ себя цивиль-листъ и проценты государственнаго долга.

Герцогъ Мортемаръ и депутатъ Фрето первые обратили вниманіе національнаго собранія на тотъ фактъ, что огульное подведеніе всѣхъ видовъ государственныхъ расходовъ подъ одну категорію, ежегодно утверждаемыхъ, опасно для кредита и достоинства націи. Еще обстоятельнѣе развита была эта мысль Мирабо: «Государственный долгъ, сказалъ онъ, признанъ былъ торжественно національнымъ собраніемъ (намекъ на рѣшеніе, постановленное 17 іюня, въ jeu de paume). Фонды, назначенные на платежъ процентовъ и погашеніе долга, не могутъ подлежать измѣненіямъ по произволу депутатовъ. Ограничить годовымъ срокомъ ту часть налоговыхъ сборовъ, назначеніе которой служить вышеуказанной цѣли, то же, что признать за собраніемъ право ежегоднаго провозглашенія банкротства. Исключительный характеръ представляютъ также, по мнѣнію Мирабо, тѣ средства, которыя идутъ на составленіе цивиль-листа. «Можно ли представить себѣ короля, поставленнымъ въ необходимость ежегодно вымаливать у націи все нужное на его содержаніе. Если исполнительная власть необходима для прочности конституціи, для поддержки порядка и защиты гражданъ, то намъ не слѣдуетъ ослаб-

лять ея предосторожностями, болѣе свидѣтельствующими о нашей мелочности, нежели о нашей предусмотрительности. Этими соображеніями Мирабо поддерживалъ предложеніе исключить изъ числа ежегодно вотируемыхъ налоговъ цивиль-листъ наравнѣ съ издержками по погашенію государственнаго долга. Казалесъ, присоединяясь къ этому предложенію, считалъ возможнымъ измѣнить редакцію комитета въ слѣдующемъ смыслѣ: «одни прямые налоги вотируются ежегодно, косвенные же продолжаютъ взиматься изъ года въ годъ, служа обезпеченіемъ государственнаго долга и платежа цивиль-листа».

Робеспьеръ, Глезенъ и Фрето сочли нужнымъ выступить противъ этихъ попытокъ ограничить начало ежегодности бюджета. Они настаивали на той мысли, что народное представительство должно быть свободно въ выборѣ средствъ для удовлетворенія принятыхъ государствомъ обязательствъ. Постоянство того или другаго налога не позволило бы замѣны его новыми видами обложенія, преимущество которыхъ можетъ быть обнаружено ближайшими успѣхами финансовой науки. Тщетно Мирабо и Барнавъ настаивали на томъ, что предложенная комитетомъ редакція заключаетъ въ себѣ косвенную опасность для свободы, такъ какъ открываетъ возможность всеобщаго недовольства пріостановкой платежей по государственному долгу. Собраніе остановилось на полумѣрѣ: оно вотировало ежегодность налога, объявляя, что крайнимъ срокомъ его взиманія должно быть прекращеніе ближайшей сессіи. Но въ то же время оно высказало въ весьма общей и неопредѣленной формулѣ обязательство всякаго будущаго собранія обезпечить, какъ оно сочтетъ удобнымъ, платежъ процентовъ по государственному долгу и цивиль-листу [1]).

Оставалось рѣшить вопросъ о самомъ порядкѣ составленія и обнародованія законовъ. Это сдѣлано было въ одно засѣданіе.

Разнорѣчіе вызвано было неимѣющими большаго значенія частностями касательно формулы королевской санкціи. Будетъ ли Людовикъ XVI именовать себя попрежнему царствующимъ по волѣ Божіей, или же станетъ производить свой титулъ впредь

---

[1]) Засѣд. 7 окт. 1889 г. (стр. 380—382).

исключительно отъ выбора націи? Петіонъ думалъ, что опасно оставить въ силѣ первую формулу, несмотря на ея вѣковую практику. «Короли, говорилъ онъ, правятъ только по волѣ народовъ. Обычная формула заключаетъ въ себѣ клевету на верховное существо и освященіе дѣятельности тирановъ, подобныхъ Карлу IX».

И на этотъ разъ Мирабо выступилъ защитникомъ установившейся практики. Онъ справедливо замѣтилъ, что выраженіе «Милостью Божіей» не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ признанія раздѣляемаго всѣми народами убѣжденія, что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога.

Несогласія возникали также по вопросу, будетъ ли Людовикъ XVI называть себя, какъ прежде, королемъ Франціи или королемъ французовъ и слѣдуетъ ли включить въ текстъ королевской санкціи «поклонъ короля» теперешнимъ и будущимъ подданнымъ (à tous présents et à venir salut). Замѣчаніе Мирабо, что привычка дѣлать поклонъ можетъ пройти со временемъ, заставляетъ Таржэ взять обратно свое предложеніе.

Не такъ легко было условиться въ титулѣ. Выраженіе «король французовъ» представляло то неудобство, что открывало возможность притязаній со стороны Испаніи на отошедшую отъ нея часть Навары. Этимъ объясняется, почему венеціанскій дипломатъ Капелло придавалъ весьма серьезное значеніе принятому въ концѣ концовъ рѣшенію именовать Людовика XVI королемъ французовъ. «Высказавшись въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, послѣ дебатовъ, длившихся не болѣе часа, депутаты дали новое доказательство тому, что французы велики въ обсужденіи пустяковъ и ничтожны, когда дѣло идетъ о вещахъ серьезныхъ» [1]).

---

[1]) Депеши Капелло къ венеціанскому Сенату въ моемъ изданіи.

ГЛАВА VIII.

Избирательное право.

§ 1.

Ни въ одномъ вопросѣ собраніе не проявило такого внутренняго противорѣчія, не обнаружило такъ наглядно своей готовности отказаться отъ принциповъ, разъ эти принципы задѣваютъ интересы представляемой имъ буржуазіи, какъ въ законодательствѣ о выборахъ. Ни разу также не подчинилось оно въ большей степени вліянію англійскихъ политическихъ идей и не доказало нагляднѣе своей неспособности помириться съ требованіями народнаго правленія, теоретическія основы котораго формулированы были имъ самимъ въ декларація правъ. Кто говоритъ о демократіи, все равно—прямой или представительной, необходимо разумѣетъ подъ нею такой порядокъ вещей, при которомъ народъ прямо или черезъ посредниковъ является источникомъ законодательной власти. Всеобщее голосованіе и система прямыхъ выборовъ—необходимыя ея основы, но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, никогда не могла помириться буржуазія. Въ эпоху свободныхъ коммунъ, въ то время, когда избранные эшевены и городскіе совѣты сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ атрибуты власти, постояннымъ и вполнѣ сознательнымъ стремленіемъ патриціанскихъ родовъ было сокращеніе правъ народнаго собранія, той аринги или parliamentum, того общаго совѣта или malum, который въ городахъ западной Европы, одинаково въ Англіи и во Франціи, въ Италіи и Германіи, игралъ роль, нѣкогда принадлежавшую вѣчу Новгорода

и Пскова. Фландрскій епископъ, уподоблявшій народъ «стаду хрюкающихъ свиней», являлся выразителемъ того ходячаго представленія о неспособности простонародья къ самоуправленію, послѣднимъ проявленіемъ котораго можно считать заботу національнаго собранія обезопасить народъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыми грозитъ ему его же собственное невѣжество и продажность. Въ презрительно покровительственномъ тонѣ, какой буржуазія 89 года приняла къ массѣ рабочаго люда, можно найти отголосокъ того недовѣрія и нерасположенія къ народовластію, отъ котораго не были свободны даже англійскіе республиканцы XVII вѣка, Мильтонъ и Сидней. Оно воспиталось въ значительной степени подъ прямымъ впечатлѣніемъ, какое оставили въ умахъ частые случаи поддержки абсолютизма народной толпой не только въ Италіи, гдѣ тиранія упрочилась при содѣйствіи городскаго демоса, но и во Франціи, Англіи и Испаніи, въ которыхъ народныя возстанія XIV и XV в. сопровождались одновременно пораженіемъ аристократіи и усиленіемъ королевской власти. Подъ вліяніемъ этихъ примѣровъ сложился въ литературѣ образъ невѣжественнаго народнаго трибуна, готоваго нивелировать сословія и состоянія и предпочесть равенство въ ничтожествѣ естественному преобладанію ума и таланта. Художественный типъ его созданъ былъ Шекспиромъ въ болѣе вымышленномъ, нежели историческомъ лицѣ крестьянскаго вождя Кеда. «Республика святыхъ», установленная въ Мюнстерѣ выходцемъ изъ народа, Іоанномъ Лейденскимъ, на ряду съ преувеличеннымъ представленіемъ о жестокостяхъ, какими сопровождалось временное торжество крестьянскаго возстанія въ Англіи подъ предводительствомъ Уота Тейлора, создали, говоря языкомъ англійскихъ юристовъ, прецеденты крайне неблагопріятные для народовластія. Непрочность демократическаго строя, съ его обычной основой, всеобщимъ голосованіемъ и часто повторяющимися выборами, строя подобнаго тому, къ какому въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка повело временное господство «popūlo minuto» во Флоренціи и городахъ Гвельфской Лиги, способна была только укоренить представленіе о несовершенствѣ порядковъ, при которыхъ, по выраженію Данта, «сегодня расплетается то, что соткано вчера». Установленіе единовластія на почвѣ городскихъ

демократій средней и сѣверной Италіи и легкая побѣда, одержанная Карломъ V надъ ополченіями демократическихъ коммунъ Валенціи, въ связи съ вѣковымъ существованіемъ олигархическихъ республикъ, подобныхъ Генуѣ, Венеціи, Любеку и Гамбургу, не могли не создать въ Европѣ предубѣжденія въ пользу необходимости тѣснаго союза между политической властью и имущественной обезпеченностью; а примѣръ англійской аристократіи, свободно покупающей голоса на выборахъ, только укоренилъ подозрѣніе въ продажности народной толпы и невозможности въ интересахъ самой свободы допустить ее къ участію въ политической власти. Выше указанными причинами объясняется, почему избирательное право Европы съ XV вѣка не только не приблизилось къ началу народнаго голосованія, но, напротивъ того, замѣтно уклонилось отъ него. Чтобы установить этотъ фактъ, намъ достаточно напомнить, что не только въ Англіи, но и во Франціи въ такъ называемыхъ villes prévotales, городахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ, право выбора на первыхъ порахъ не было ограничено цензомъ, и что требованіе сорока шиллинговъ дохода съ фригольда, или свободной собственности, впервые установлено было въ XV столѣтіи. Образованіе богатой городской буржуазіи, вызванное въ теченіе слѣдующаго столѣтія быстрымъ расширеніемъ торговыхъ оборотовъ съ вновь открытыми странами Америки и Азіи, отразилось въ сферѣ политическихъ отношеній въ постепенномъ сосредоточеніи всей власти надъ городомъ въ рукахъ тѣсныхъ совѣтовъ, пополняемыхъ путемъ самоизбранія изъ среды небольшого числа зажиточнѣйшихъ фамилій. Грамоты, которыми англійскіе монархи изъ династіи Тюдоровъ и Стюартовъ надѣляли правами корпораціи отдѣльныя муниципіи королевства, только узаконили собою это торжество олигархіи, ограничивъ право выбора немногими семьями, члены которыхъ, какъ общее правило, призываемы были дотолѣ въ городской совѣтъ. Менѣе откровенно тотъ же процессъ политическаго обездоленія городского демоса въ интересахъ зажиточной буржуазіи, «молодшихъ людей» въ пользу «житьи-люди», совершился и на всемъ континентѣ Европы, начиная отъ фландрскихъ и нидерландскихъ коммунъ и оканчивая имперскими городами Германіи и «комму-

нидадесъ» Кастиліи и Аррагона. Но наибольшее вліяніе на ходъ развитія политической мысли оказалъ фактъ установленія, благодаря только что приведеннымъ причинамъ, высокаго избирательнаго ценза въ англійскихъ городахъ и мѣстечкахъ; и это потому, что въ Англіи, сдѣлавшейся съ конца XVII вѣка образцомъ для континента, ограниченное право голосованія нимало не препятствовало, повидимому, торжеству политической свободы. Неудивительно послѣ этого, если, при регулированіи избирательныхъ правъ французскаго гражданства, глаза сторонниковъ либеральной монархіи устремлены были исключительно на Англію. Но въ этой странѣ съ Кромвелемъ пала попытка расширить основы избирательнаго права и отнять голосъ у такъ называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ», своего рода захудалыхъ городовъ, невольныхъ жертвъ перемѣщенія торговли и мануфактуръ съ побережья Нѣмецкаго моря на берега Атлантики, вслѣдъ за сокращеніемъ Ганзейской торговли и расширеніемъ торговли колоніальной. Нигдѣ положеніе, утверждающее, что представители—голосъ если не всей націи, то во всякомъ случаѣ ея большинства, не отвѣчало въ меньшей мѣрѣ дѣйствительности, какъ въ Англіи послѣднихъ двухъ столѣтій, гдѣ отъ депутатовъ въ городахъ требовался годовой доходъ въ триста фунтовъ стерлинговъ, а въ графствахъ въ шестьсотъ фунтовъ; гдѣ такіе населенные центры, какъ Манчестеръ не принимали участія въ выборахъ, тогда какъ рядъ мѣстечекъ, въ родѣ Ольдсарума съ его десятью избирателями, посылали каждое по депутату въ парламентъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что многія изъ этихъ мѣстечекъ входили въ составъ феодальныхъ помѣстій, что землями ихъ владѣли крупные аристократическіе роды, требовавшіе отъ городского гражданства такой же преданности ихъ интересамъ и политикѣ, какой ландлорды ожидали отъ своихъ фермеровъ и оброчныхъ владѣльцевъ, то немудрено будетъ прійти къ заключенію, что народное представительство въ Англіи на самомъ дѣлѣ было не болѣе, какъ представительствомъ земельной аристократіи и идущихъ заодно съ нею высшихъ слоевъ городской буржуазіи. Эти владѣтельные классы распадались, правда, на два враждебныхъ лагеря, на виговъ и торіевъ, но въ интересы

какъ той, такъ и другой политической партіи нимало не входило расширеніе избирательнаго права, а только пріобрѣтеніе значительными денежными пожертвованіями возможно большаго числа голосовъ въ средѣ признанныхъ закономъ избирателей. Соперничая между собою въ проведеніи популярныхъ реформъ, парламентскіе вожаки обѣихъ партій въ то же время не рѣшались поднять вопроса о реформѣ народнаго представительства: такъ слаба была ихъ увѣренность создать себѣ новыхъ союзниковъ въ лицѣ впервые допущенныхъ къ представительству общественныхъ слоевъ, и такъ сильно опасеніе возстановить противъ себя наличное число избирателей посягательствомъ на ихъ доходную монополію. Несовершенство системы, при которой меньшинство признавалось законнымъ выразителемъ требованій большинства, было слишкомъ очевидно, чтобы не обратить на себя вниманія всѣхъ патріотовъ.

Никто иной, какъ Питтъ Младшій, открыто высказывался въ пользу реформы; одно лишь торжество революціи во Франціи воспрепятствовало осуществленію этого намѣренія. Тѣ два политическихъ клуба, въ которыхъ дѣло учредительнаго собранія впервые нашло дружескій откликъ и нравственную поддержку, также открыто провозглашали необходимость расширенія избирательнаго права. Такимъ образомъ, Англія одинаково служила примѣромъ и для защитниковъ и для противниковъ ограниченнаго голосованія; для первыхъ—существующей системой своего представительства, для вторыхъ—той критикой, какую эта система вызывала въ печати и дебатирующихъ собраніяхъ. Насъ не должно удивить поэтому то обстоятельство, что аргументація членовъ учредительнаго собранія при обсужденіи вопроса объ избирательномъ правѣ, пересыпана ссылками на Англію, съ цѣлью доказать то пользу, то, наоборотъ, вредъ сочетанія права голоса съ имущественной обезпеченностью.

Вопросъ объ устройствѣ народнаго представительства впервые сдѣлался предметомъ обсужденія національнаго собранія въ засѣданіи 29-го сентября 89 года.

Въ письмѣ графа Вирьё къ Мунье отъ 1 ноября того же года мы не безъ удивленія читаемъ слѣдующія слова: «упрямство одно даетъ побѣду въ сраженіяхъ; принципъ, что собственность

необходимое условіе для пользованія избирательнымъ правомъ, навсегда былъ бы потерянъ, если бы мнѣ не удалось провести его; даже тѣ, кто придерживался такого мнѣнія, не рѣшались высказать его открыто; смѣлость, съ какою я отстоялъ его въ этотъ день, спасла націю отъ послѣдняго посягательства противъ ея благополучія и свободы» [1]).

Приведенное мѣсто даетъ поводъ думать, что большинство національнаго собранія противилось установленію всякаго избирательнаго ценза, что члены его были сторонниками всеобщаго голосованія и поэтому могутъ вполнѣ заслужить передъ потомствомъ репутацію горячихъ приверженцевъ народовластія. Но, обращаясь къ тексту парламентскихъ дебатовъ, мы выносимъ какъ разъ обратное заключеніе. Сочетаніе представительства и собственности выставляется въ нихъ всего чаще, какъ недопускающій разнорѣчія труизмъ, и возраженія слышатся только со стороны немногихъ якобинцевъ въ родѣ Робеспьера.

Проектъ конституціоннаго комитета касательно устройства выборовъ въ національное собраніе отправлялся отъ признанія, что далеко не всѣ граждане должны быть допущены къ осуществленію этого верховнаго права націи. Впадая въ явное противорѣчіе съ провозглашеннымъ деклараціей началомъ народнаго суверенитета, комитетъ дѣлилъ всѣхъ французовъ на двѣ категоріи: гражданъ активныхъ и пассивныхъ. Первые одни были допущены къ пользованію избирательнымъ правомъ. Чтобы сдѣлаться ими, требовался платежъ прямаго налога, размѣръ котораго равнялся бы трехдневному заработку. Несоотвѣтствіе этого требованія съ принципомъ принадлежности суверенитета всей совокупности французскихъ гражданъ указано было Робеспьеромъ 22 октября 89 года. «Конституція, сказалъ онъ, объявляетъ, что суверенитетъ принадлежитъ народу, или, что то же, всѣмъ и каждому, кто входитъ въ его составъ; а отсюда слѣдуетъ, что всѣ имѣютъ равное право участвовать въ составленіи законовъ и въ публичной администраціи. Если не признать этого, не будетъ существовать ни равенства въ правахъ, ни принадлежности ихъ всѣмъ подданнымъ государства безразлично.

[1]) Autour d'une révolution (1788—1799) par le comte d'Herisson (Paris. 1888, стр. 20).

Если платящій налога на сумму не свыше деннаго заработка не будетъ имѣть тѣхъ правъ, какія признаны за плательщикомъ тройнаго или десятернаго заработка, то почему не продолжить той же прогрессіи, объявивши, что доходъ во сто тысячъ ливровъ даетъ во сто разъ больше правъ, чѣмъ доходъ въ одну тысячу. Это мнѣніе Робеспьера не нашло поддержки въ стѣнахъ собранія. Извѣстный физіократъ, Дюпонъ де Немуръ, слѣдующимъ образомъ изложилъ ученіе тѣхъ, которые считаютъ собственность необходимымъ условіемъ для пользованія избирательнымъ правомъ: «чтобы быть избирателемъ, сказалъ онъ, нужно имѣть помѣстье (manoir). Вопросы управленія непосредственно затрогиваютъ собственность, помощь, которую собственники призваны оказывать неимущимъ, и тому подобное. Никто не заинтересованъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, кромѣ собственниковъ, изъ чего и слѣдуетъ, что они одни должны быть избирателями. Не имѣющій собственности не составляетъ еще части государственнаго сообщества».

Напрасно Дефермонъ старался доказать, что «подчиненіе общества классу собственниковъ сдѣлается источникомъ упроченія аристократіи богатства». Деменье отъ имени комитета продолжалъ настаивать на необходимости исключенія всѣхъ тѣхъ, «кто, не имѣя имущества, тѣмъ самымъ поставленъ въ ежечасную возможность быть подкупленнымъ». Выставленное комитетомъ требованіе, по его мнѣнію, можетъ только породить между рабочими благородное соревнованіе, побуждая ихъ къ большей энергіи въ трудѣ [1]). И аббатъ Грегуаръ, и депутатъ Дюпоръ, одинаково возстаютъ противъ подчиненія избирательнаго права извѣстному минимуму налоговыхъ платежей, доказывая, что «собственность не играетъ никакой роли въ естественномъ порядкѣ, что отсутствіе имущества не мѣшаетъ быть добрымъ гражданиномъ, имѣть здравое разумѣнье и сердце патріота». Включеніе въ число активныхъ гражданъ однихъ плательщиковъ тройнаго заработка, утверждаетъ Грегуаръ, даетъ перевѣсъ богатымъ надъ бѣдными и упрочитъ господство капитала.

«И безъ этого, прибавляетъ Дюпоръ, народъ, слишкомъ заня-

---

[1]) Arch. Parl. première série, томъ IX, стр. 479. (засѣд.).

тый добываніемъ себѣ средствъ къ жизни, вручаетъ зажиточнымъ классамъ завѣдываніе государственными дѣлами. Къ чему еще искусственно поддерживать эту тенденцію? Не значитъ ли это сознательно стремиться къ замѣнѣ одной аристократіи другою?» [1]).

Предложеніе комитета принято, тѣмъ не менѣе, громаднымъ большинствомъ.

На практикѣ вскорѣ сказались всѣ неудобства порядка, при которомъ муниципальнымъ собраніямъ давался просторъ въ рѣшеніи вопроса, что надо считать нормальнымъ заработкомъ рабочаго. 15 января 90 года въ числѣ адресовъ, поступившихъ на имя собранія, мы находимъ петицію отъ города Труа, которой народное представительство приглашается разрѣшить споры, возникшіе при толкованіи его избирательнаго декрета, и опредѣлить болѣе точно размѣръ средней дневной платы рабочаго. Поддерживая это предложеніе, Барнавъ заявилъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ желаніе ограничить число избирателей заставило муниципалитетъ признать нормальнымъ заработкомъ пятьдесятъ су въ день, тогда какъ такое вознагражденіе получаютъ лишь ремесленники - спеціалисты. Колебаніе цѣнъ на трудъ, усиленное внезапной дороговизной золота и серебра, являлось серьезнымъ препятствіемъ къ рѣшенію вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Могло возникнуть также опасеніе, что числовое опредѣленіе заработковъ будетъ истолковано въ смыслѣ легальнаго максимума. Неудивительно поэтому, если одни предлагали выразить денную плату за трудъ не въ деньгахъ, а въ количествѣ хлѣба, а другіе совѣтовали воздержаться отъ всякаго опредѣленія, довольствуясь заявленіемъ, что въ основаніе разсчета долженъ быть положенъ средній размѣръ заработка въ данной мѣстности. Въ концѣ концовъ собраніе рѣшилось высказаться въ пользу принятія двадцати су за средній размѣръ дневной платы. Само оно объясняетъ это рѣшеніе тѣмъ соображеніемъ, что, говоря о поденномъ заработкѣ, его декретъ имѣлъ въ виду не опытныхъ мастеровъ, а обыкновенныхъ рабочихъ. Оно дѣлаетъ одновременно оговорку, что принятое имъ поста-

---

[1]) Ibid., стр. 481.

новленіе должно считаться временнымъ и отнюдь не имѣетъ въ виду регулировать размѣра заработной платы, предоставляя въ этомъ отношеніи полный просторъ частнымъ соглашеніямъ между предпринимателями и рабочими [1]).

Собраніе завершило свою задачу сосредоточенія политической власти въ рукахъ буржуазіи рѣшеніемъ, принятымъ имъ 29 октября 1789 г. Конституціонный комитетъ предложилъ ему установить систему двойныхъ выборовъ и потребовать отъ кандидатовъ добавочнаго ценза въ одну марку серебромъ прямаго обложенія. Противъ этого возстали даже многіе изъ защитниковъ избирательныхъ ограниченій и въ числѣ другихъ Дюпонъ-де-Немуръ, полагавшій, что довѣріе избирателей есть лучшій титулъ для должности депутата.

Графъ Вирье, съ другой стороны, высказывалъ сожалѣніе, что къ требованію увеличеннаго размѣра налоговыхъ платежей не присоединили еще одного — владѣть недвижимой собственностью. Деменье возставалъ противъ этой добавки, сознаваясь въ то же время, что опытъ Англіи далъ ей необходимую санкцію. Депутатъ правой Казалесъ, доказывая, что налоги въ конечномъ исходѣ падаютъ на землю, протестовалъ противъ мысли надѣлить правомъ установленія налога, а слѣдовательно правомъ народнаго представительства, кого-либо, помимо землевладѣльцевъ. «Купецъ, говорилъ онъ, гражданинъ міра и можетъ перенести свою собственность всюду, гдѣ онъ находитъ спокойствіе и счастіе. Собственникъ же связанъ съ землею. Онъ не можетъ жить иначе, какъ на ней. Необходимо поэтому надѣлить его всѣми средствами къ тому, чтобы сдѣлать его существованіе счастливымъ на этой землѣ». Казалесъ требуетъ соотвѣтственно годоваго дохода въ тысячу двѣсти ливровъ, какъ необходимаго условія для того, чтобы быть депутатомъ. Бареръ предупреждаетъ собраніе, что принятіе такого предложенія только докажетъ справедливость народной молвы, приписывавшей депутатамъ желаніе установить новую аристократію на развалинахъ прежней. Требованіе высокаго налоговаго платежа устраняетъ отъ избранія двѣ трети населенія. Какъ могутъ разсчи-

[1]) Томъ XI, стр. 187.

тывать при немъ на званіе депутата артисты, писатели, педагоги, и «тотъ необходимѣйшій классъ земледѣльцевъ, который никогда не слѣдуетъ терять изъ виду въ конституціи земледѣльческаго народа, каковы французы». Можно было бы ожидать, судя по этому вступленію, что Бареръ выскажется въ пользу устраненія всякаго ценза для кандидатовъ. Ничуть не бывало. Признавая, что отсутствіе ценза должно имѣть послѣдствіемъ передачу государства въ руки людей, слабо привязанныхъ къ родинѣ, Бареръ протестуетъ только противъ той формы ценза, какая избрана комитетомъ. Онъ желаетъ ограничить права выборщиковъ требованіемъ отъ кандидатовъ налоговаго платежа размѣромъ въ десять дневныхъ заработковъ.

Таржэ также протестуетъ противъ требованія собственности. «Девятнадцать двадцатыхъ всей націи, говоритъ онъ, не имѣютъ ея; вы исключили бы такимъ образомъ отъ выборовъ большинство націи. Другое дѣло въ Англіи, гдѣ большинство—собственники» (?). Откуда почерпнулъ Таржэ такое странное представленіе объ англійскихъ земельныхъ порядкахъ, мы рѣшить не беремся. Несомнѣнно только то, что дѣйствительность представляла какъ разъ обратное и что въ XVIII вѣкѣ помѣстья во Франціи была несравненно болѣе раздѣлены, чѣмъ въ Англіи. На это, впрочемъ, давно уже указано Токвилемъ и всѣми историками англійскихъ экономическихъ и общественныхъ порядковъ. Пизонъ-дю-Галанъ, въ надеждѣ примирить всѣ требованія, предлагаетъ къ тексту комитета слѣдующую прибавку: «желательно, чтобы депутатъ владѣлъ какой-либо собственностью». Мнѣніе противниковъ всякаго ограничительнаго ценза представляетъ депутатъ Пріеръ. «Замѣните вашу марку требованіемъ общественнаго довѣрія», говоритъ онъ, и Мирабо спѣшитъ присоединиться къ его мнѣнію, заявляя, что оно одно отвѣчаетъ принципамъ. Но собраніе заболотировываетъ предложеніе Пріера и большинствомъ голосовъ высказывается въ пользу подчиненія депутатовъ требованію не только налоговаго платежа размѣромъ «въ марку серебра, но и владѣнія какой-либо недвижимой собственностью». Это рѣшеніе вызываетъ цѣлую бурю. Петіонъ, Гара, Мирабо, Грегуаръ, смѣняютъ другъ друга на трибунѣ, протестуя противъ порядка баллотировки и оставленія президентомъ безъ вниманія

другихъ поправокъ къ проекту комитета. Но собраніе большинствомъ голосовъ объявляетъ пренія законченными и требуетъ перехода къ обсужденію дальнѣйшихъ статей конституціи. Оставшіеся въ меньшинствѣ депутаты не хотятъ, однако, признать себя побитыми и возбуждаютъ снова вопросъ о цензѣ подъ предлогомъ составленія добавочной статьи въ пользу сыновей собственниковъ, которые въ провинціяхъ, подчиненныхъ дѣйствію римскаго права, считаются по закону неимѣющими отдѣльнаго отъ отца недвижимаго имущества. Бареръ ставитъ на видъ собранію, что въ этомъ положеніи находится цѣлая половина королевства. «Римское право, говоритъ онъ, мудро рѣшило, что по отношенію къ общественнымъ должностямъ сынъ, находящійся во власти родительской, признается за отца» [1]. Французскій законодатель долженъ сдѣлать нѣчто подобное, иначе въ названныхъ провинціяхъ большинство будетъ лишено права быть представителями. Робеспьеръ протестуетъ противъ новой привилегіи, создаваемой въ пользу неотдѣленныхъ сыновей. Де-Буффлерсъ ставитъ на видъ, что если отецъ семейства платитъ налогъ, въ нѣсколько разъ большій противъ требуемаго отъ депутата, излишекъ можетъ сдѣлаться основаніемъ для сообщенія избирательнаго права неотдѣленнымъ сыновьямъ. Но шумъ въ залѣ засѣданія препятствуетъ дальнѣйшему обсужденію вопроса, и пренія прекращаются вслѣдъ за заявленіями Шарля Ламета и Гара старшаго, смыслъ которыхъ тотъ, что собраніе отступило отъ своихъ принциповъ и создало аристократію богатства.

Пренія, правда, были только отложены, но на дѣлѣ они не возобновились больше, по крайней мѣрѣ, ранѣе 25 января 1790 года, когда Робеспьеръ внесъ новое предложеніе касательно пользованія правомъ активнаго гражданства. Поводъ къ нему дало слѣдующее обстоятельство. Декреты собранія связали подачу голоса на выборахъ съ платежемъ прямаго налога; но въ нѣкоторыхъ сѣверо - восточныхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Артуа, размѣръ прямаго обложенія былъ весьма ничтоженъ, и мѣсто его занимали косвенные налоги. Благодаря этому, а равно и обилію монастырскихъ зе-

---

[1] Ibid., стр. 598.

мель, число активныхъ гражданъ, какъ доказывалъ Робеспьеръ, въ этихъ граничащихъ съ Бельгіей областяхъ было ничтожно. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, какой давала ему невыполнимость избирательнаго декрета въ данныхъ провинціяхъ, Робеспьеръ счелъ возможнымъ произнесть цѣлую филиппику противъ всей выборной системы, принятой національнымъ собраніемъ. «Политическое равенство разрушено ею», сказалъ онъ. «Какъ не упрекнуть насъ въ умаленіи правъ, ввѣренныхъ нашему попеченію? Вы говорите о свободѣ, скажутъ намъ, но ея нѣтъ больше между вами; сами вы опредѣлили свободу, какъ выраженіе общей воли, и, несмотря на это, вы не хотите принять во вниманіе нашего голоса; благодаря вамъ, онъ не войдетъ въ составъ общей воли». Робеспьеръ требовалъ постановки слѣдующаго рѣшенія.

«Въ виду отсутствія единства въ налоговомъ обложеніи провинцій, собраніе откладываетъ примѣненіе своего избирательнаго декрета до момента податной реформы, предоставляя временно права участія въ выборахъ всѣмъ безъ различія французамъ, природнымъ или натурализованнымъ» [1]).

Депутатъ Дюкенуа съ своей стороны старался убѣдить собраніе въ непримѣнимости его избирательнаго закона къ нѣкоторымъ большимъ городамъ, въ которыхъ при незначительности земельной собственности имѣется не мало фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ доселѣ прямымъ налогомъ, такъ какъ налоговые списки еще не изготовлены. Собраніе рѣшаетъ отослать оба предложенія въ комитетъ [2]).

Продолжая агитацію въ пользу пересмотра избирательнаго декрета, клубъ «Кордельровъ» издаетъ въ апрѣлѣ 1790 года полный текстъ рѣчи, произнесеной Робеспьеромъ въ засѣданіи 25 января; «Монитеромъ» приведено было изъ нея одно лишь короткое извлеченіе.

Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ первую по времени защиту всеобщаго голосованія и заслуживаетъ поэтому вниманія. Конституція 93 года и избирательный законъ 48 явились не болѣе

---

[1]) Ibid. (томъ XI, стр. 319).

[2]) Засѣданіе 25 янв. 90 года, стр. 318 и 319.

какъ удовлетвореніемъ тѣхъ требованій, какія впервые заявлены въ этомъ интересномъ документѣ. «Какая цѣль нашего собранія»? спрашиваетъ себя Робеспьеръ. «Несомнѣнно та, чтобы вернуть французской націи неотъемлемыя права всѣхъ людей. Эти права торжественно были заявлены самимъ собраніемъ. Люди рождаются и живутъ свободными и равными въ правахъ, постановило оно; суверенитетъ по существу своему принадлежитъ націи; законъ есть выраженіе общей воли или лично, или черезъ посредство свободно избранныхъ представителей. Всѣ граждане имѣютъ одинаковый доступъ къ публичнымъ должностямъ, и между ними въ этомъ отношеніи не существуетъ другихъ различій, кромѣ тѣхъ, какія создаютъ добродѣтель и способности. Таковы принципы, вами же освященные. Сопоставимъ съ ними теперь постановленія избирательнаго декрета. Спрашивается, можно ли считать законъ выраженіемъ общей воли, когда большинство не участвуетъ въ его образованіи? Очевидно,—нѣтъ. Но отнятіе голоса у лицъ, не платящихъ трехдневной заработной платы, ведетъ прямо къ устраненію отъ законодательства большинства французовъ. Далѣе, можно ли считать равными въ правахъ всѣхъ гражданъ, когда одни изъ нихъ допускаются къ званію депутатовъ, а другіе имѣютъ только право выбора, третьи же лишены и этого права? Опять таки, нѣтъ! А отсюда то необходимое послѣдствіе, что предлагаемый декретъ не только противенъ конституціи, но и можетъ быть названъ противообщественнымъ. Спросимъ себя также, не противорѣчитъ ли онъ принципу допущенія всѣхъ гражданъ къ должностямъ и самому началу суверенитета націи. Что остается при немъ отъ декларации правъ и отъ самой свободы, первое требованіе которой—повиновеніе законамъ, изданнымъ съ согласія и при участіи того, кто призванъ подчиняться имъ. Защитники избирательнаго декрета сами сознаютъ противорѣчіе его съ идеею равенства и, въ надеждѣ обмануть насъ словами, придумали различіе активныхъ и пассивныхъ гражданъ. Но неужели мы будемъ настолько безмозглы (stupides), чтобы не понять, что ихъ пассивные граждане—просто не граждане, такъ какъ не имѣютъ политическихъ правъ, принадлежащихъ гражданству? И какими основаніями защищается это обездоленіе

массы народа? Необходимостью оградить себя отъ черни, отъ людей, ничего не имѣющихъ, страхомъ, какой внушаетъ ея подкупность, примѣромъ Англіи и другихъ якобы свободныхъ народовъ. Вотъ какими аргументами стараются воспротивиться требованіямъ справедливости и разума. Но я возражу на нихъ слѣдующее: народъ, эта масса, интересы которой я защищаю, возводитъ свои права къ тому же источнику, что и вы. Кто надѣлилъ васъ полномочіемъ отрицать эти права? Англія?! Но какое значеніе имѣетъ она для насъ съ ея негодной конституціей, констутуціей, которая могла показаться вамъ гарантирующей свободу тогда, когда вы стояли на послѣднихъ ступеняхъ рабства, но которую въ настоящее время вы можете превозносить только изъ невѣжества или по привычкѣ...

«Но что же? спросите вы. Значитъ люди, которымъ нечего терять, могутъ, подобно намъ, пользоваться всѣми правами гражданъ. Люди, которымъ нечего терять? О какъ несправедливо и ложно это прозвище, порожденное безумной гордостью. Эти люди, о которыхъ вы говорите такъ пренебрежительно, очевидно, люди, живущіе, какъ и вы, въ обществѣ; люди, поддерживающіе свою жизнь и жизнь своихъ семей, имѣющіе, слѣдовательно, что терять, нѣчто, имъ столь же драгоцѣнное, какъ вамъ собственность. Жизнь, свобода, безопасность, возможность отразить насиліе, располагать по выбору всѣми способностями ума и сердца, все это блага — дорогія для нихъ, какъ и для васъ. Ихъ охраненіе ввѣрено попеченію законовъ. Какъ же вы можете утверждать, что простонародіе не заинтересовано въ этихъ законахъ? Какъ можете вы отнять у меня мое право участія въ общественныхъ дѣлахъ на томъ только основаніи, что вы богаче меня? Ужъ если равновѣсіе должно быть нарушено, то скорѣе въ интересахъ наименѣе состоятельныхъ. Вѣдь законы и общественная власть имѣютъ задачей защитить слабаго противъ несправедливости и угнетенія?... Но народъ подкупенъ! Перестаньте, перестаньте профанировать священное имя народа, связывая его съ идеей о подкупѣ! Смѣю увѣрить васъ, что вы найдете столько же продажности въ средѣ зажиточныхъ, какъ и у неимущихъ. Или вы воображаете, что жизнь суровая и трудовая порождаетъ больше пороковъ, чѣмъ

изнѣженность, роскошь и честолюбіе? Наши ремесленники и земледѣльцы, которые согласно вашему тарифу не попадутъ въ число активныхъ гражданъ, внушаютъ вамъ, повидимому, меньше довѣрія, чѣмъ откупщики, придворные и всѣ тѣ, которыхъ вы еще недавно называли вельможами (grands seigneurs). Но призваны ли вы имѣть вѣрное сужденіе о людяхъ, вы, привыкшіе смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія деспотизма и феодальной гордости; вы, не отказавшіеся доселѣ отъ страннаго жаргона, по которому простой народъ слыветъ чернью (populace), подлымъ людомъ (la canaille); вы, которые открыли міру, что есть на свѣтѣ люди безродные, «люди, ничего нестоющіе» (gens de rien), и рядомъ съ ними люди порядочные, «люди какъ слѣдуетъ» (gens honnêtes, gens comme il faut)... И какъ отнять права у народа въ тотъ самый моментъ, когда революція торжествуетъ, благодаря ему. Ужъ не богатымъ ли и знатнымъ обязаны вы тѣмъ славнымъ возстаніемъ, которое спасло Францію?

«И не для того ли ниспровергнута была аристократія феодаловъ, чтобы на ея мѣсто поставлена была новая аристократія богатства. Цѣлыхъ девять десятыхъ населенія устраняется вами отъ пользованія избирательными правами, а въ числѣ ихъ встрѣчаются люди, которыхъ сами предразсудки и гордость не мѣшали доселѣ признавать и отличать въ виду ихъ знаній, предпріимчивости и самой даже зажиточности. Вы связали голосованіе съ платежемъ прямыхъ налоговъ; но вѣдь плательщикъ косвенныхъ налоговъ можетъ располагать большимъ имуществомъ, чѣмъ плательщикъ небольшаго прямаго сбора. И какъ связать неотъемлемыя права гражданства съ такими подвижными и измѣнчивыми порядками, какъ тѣ, какіе представляетъ всякая податная система.

«Что сказать также о системѣ, при которой человѣкъ, призванный быть гражданиномъ въ одной провинціи, теряетъ это право съ переходомъ въ другую, при которой сыновья въ значительной части страны не могутъ пріобрѣсть избирательнаго права ранѣе кончины ихъ родителя? Какъ? Стоитъ только чиновнику, посланному для составленія описи моего имущества, обложить меня налогомъ на одинъ су меньше противъ слѣдуемаго, и я тѣмъ самымъ лишенъ буду своихъ политическихъ

правъ? Какой просторъ для интриги и подкупа, для козней деспотизма и аристократіи! И какъ произвольна сама эта мѣра дневнаго заработка!

«Вы сами признали, что норма его при разсчетѣ не должна быть выше двадцати су. Что сказали бы о васъ великіе люди, нѣкогда управлявшіе судьбами Греціи, люди, похороны которыхъ производились на счетъ казны, такъ какъ сами они не оставляли средствъ на погребеніе. Аристидъ, ты, котораго Греція называла справедливымъ, обновленная Франція признала бы въ тебѣ «ни чегоне стоющаго» человѣка, человѣка не платящаго марки серебромъ! Какой нравственный урокъ преподаете вы бѣдному, устраняя его отъ правъ гражданства!—Будь богатъ во что бы то ни стало, говорите вы ему. Иначе ты будешь «ничѣмъ». Льстите себя послѣ этого надеждой, что вы произвели подъемъ общественнаго духа, вы, которые сосредоточили помыслы и привязанности большинства народа на преслѣдованіи однихъ личныхъ интересовъ, искусственно удаливши ихъ отъ занятія дѣлами государства. Прочная конституція немыслима тамъ, гдѣ интересы общественные составляютъ привилегію одного только класса гражданъ, гдѣ большинство поставлено въ необходимость относиться къ нимъ равнодушно или съ завистью и уничиженіемъ. Самъ деспотизмъ не смѣлъ сдѣлать того, что вы дѣлаете, не смѣлъ ставить избирателямъ тѣхъ условій, какія вы имъ ставите (намекъ на широкое участіе гражданъ въ выборахъ въ генеральные штаты 89 года). Декреты, подобные изданному вами, не нуждаются даже въ отмѣнѣ. Они ничтожны по существу, такъ какъ нѣтъ человѣческой власти, которая была бы въ правѣ издать ихъ.

«Права народныхъ представителей зависятъ отъ природы ихъ полномочій. А въ чемъ состояли ваши полномочія, какъ не въ томъ, чтобы возстановить права вашихъ избирателей? Вы не въ силахъ поэтому ограбить ихъ, отнявъ эти права». Робеспьеръ въ заключеніе предлагаетъ національному собранію слѣдующій проектъ декрета. «Проникнутые религіознымъ уваженіемъ къ правамъ человѣка, сохраненіе которыхъ составляетъ задачу политическихъ учрежденій, мы объявляемъ, что всѣ французы должны пользоваться полнотою и равенствомъ гражданскихъ

правъ, а потому и допускаются безразлично къ занятію публичныхъ должностей, насколько это согласно съ ихъ достоинствомъ и нравственными качествами» [1]).

Горячая защита права всеобщаго голосованія нашла дружный откликъ въ рядахъ передовой прессы. Нападая на избирательный декретъ собранія, Камиллъ Демуленъ въ своихъ «Революціяхъ Франціи и Брабанта» возлагалъ отвѣтственность за принятыя мѣры къ ограниченію народнаго голосованія на депутатовъ отъ духовенства, присоединившихся въ громадномъ большинствѣ къ предложенію раздѣлить французовъ «на активныхъ и пассивныхъ».

«О нелѣпые попы! восклицалъ онъ, попы—плутяги, неужели вы не видите, что по вашему закону самъ Христосъ не подлежалъ бы избранію, такъ какъ и онъ очутился бы среди презрѣнной черни» (la canaille). «Новый порядокъ вещей», утверждалъ въ свою очередь Маратъ, всецѣло служитъ интересамъ богатыхъ. Patres conscripti! вы постоянно дѣлали видъ, что озабочены равнымъ участіемъ всѣхъ гражданъ въ выгодахъ, доставляемыхъ общежитіемъ; вы говорили о томъ, что должности открыты безразлично для всѣхъ талантовъ и добродѣтелей. Это было по истинѣ восхитительно, но вы поспѣшили разрушить собственное дѣло; подобно фокусникамъ, вы сдѣлали передержки, и отъ вашихъ благихъ обѣщаній не осталось ничего. Едва вы успѣли заявить, что люди, какъ равные по природѣ, имѣютъ равное право на должности, какъ тотчасъ же послѣдовала прибавка: «но безъ платежа одной марки они не могутъ исполнять должности представителя точно такъ же, какъ безъ платежа десяти ливровъ они не могутъ быть выборщиками, а трехъ ливровъ избирателями или активными гражданами».

Такимъ образомъ, съ помощью этихъ маленькихъ параграфиковъ вамъ удалось закрыть намъ доступъ въ составъ народнаго совѣта, судовъ, департаментскихъ директорій и муниципальныхъ собраній. Именемъ закона вы объявляете насъ неспособными къ занятію тѣхъ должностей, которыя по вашему же утвержденію признаются за нами естественнымъ правомъ.

---

[1]) См. т. XI, стр. 320—325.

Къ довершенію несправедливости вы объявляете насъ неспособными участвовать даже въ выборѣ лицъ, надѣляемыхъ этими полномочіями. Вы отнимаете у насъ наши права гражданъ. Итакъ ваша пресловутая декларація правъ оказывается не болѣе, какъ обманомъ; вы думаете забавлять ею глупцовъ, надѣясь тѣмъ самымъ избѣжать ихъ гнѣва. Что даетъ намъ она въ результатѣ, какъ не надѣленіе богатыхъ всякими преимуществами и почестями въ придуманномъ вами новомъ порядкѣ. Ужъ не для выгоды ли этихъ счастливцевъ и предпринята была великая революція!» [1]). Небезынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что эти нападки главы демагоговъ находятъ полную поддержку со стороны даже тѣхъ изъ современныхъ историковъ, которые, подобно Стифену, выросли въ условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ якобинствомъ.

Указывая на тѣ послѣдствія, къ какимъ неминуемо должно было привести установленіе только что приведенныхъ ограниченій избирательнаго права, англійскій историкъ говоритъ: «они отнимали право голоса у всякаго даже зажиточнаго рабочаго и искусственно сосредоточивали всѣ должности въ рукахъ буржуазіи. Нечего удивляться поэтому, если подобныя мѣропріятія произвели взрывъ негодованія въ рядахъ журналистовъ и если столичная печать увидѣла въ нихъ доказательство тому, что національное собраніе озабочено исключительно интересами буржуазіи, къ которой и принадлежало большинство его членовъ [2]).

Но если избирательные законы собранія не удовлетворили требованій демократовъ, то не большій успѣхъ имѣли они и у сторонниковъ англійской конституціи. Уступки, сдѣланныя собраніемъ въ пользу охраненія интересовъ собственниковъ, показались имъ недостаточными, и въ лицѣ Неккера, Мале-Дюпана, Малуэ, открыто высказано было ученіе о томъ, что представительство есть неотъемлемая принадлежность собственности. «Человѣкъ, не владѣющій собственностью, пишетъ Неккеръ въ своемъ сочиненіи объ Исполнительной власти (1792 года), не пол-

---

[1]) Lettre de l'ami du peuple (Marat) à l'auteur des Révolutions de France et de Brabant, le 24 juin 1789.

[2]) History of the french revolution by H. Morse. Stephens (1886 г., томъ I, стр. 283).

ный гражданинъ, такъ какъ онъ равнодушенъ къ большинству дѣлъ страны». «Я не постигаю, прибавляетъ онъ, какъ можно предоставить рѣшеніе сложнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни людямъ, которые, подобно членамъ національнаго собранія, богаты только словоизобиліемъ, лично не заинтересованы въ исходѣ и не имѣютъ къ обсуждаемымъ вопросамъ другаго касательства, кромѣ чисто философскаго пристрастія къ тѣмъ или другимъ отвлеченнымъ рѣшеніямъ... Наоборотъ, люди, связанные съ государствомъ узами собственности, люди, которымъ зажиточность позволила пріобрѣсть тѣ преимущества, которыя даетъ хорошее образованіе, призваны дать созидаемымъ ими законамъ характеръ чего-то величаваго и вынуждающаго повиновеніе. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что подчиненіе большинства велѣніямъ, исходящимъ отъ всегда численно ограниченнаго представительства, имѣетъ нравственное основаніе (сознаніе необходимости такого подчиненія). Опасно поэтому пренебрегать тѣми средствами, которыя способствуютъ укорененію такого сознанія. Въ числѣ этихъ средствъ Неккеръ ставитъ увѣренность, что законы, изданные собственниками, являются результатомъ зрѣлаго размышленія, такъ какъ затрогиваютъ непосредственно интересы ихъ издавшихъ. «На первый взглядъ, говоритъ онъ, можетъ показаться, что всего естественнѣе не связывать воли избирателей никакими ограниченіями; но если мы примемъ во вниманіе, что свободы выборовъ, въ смыслѣ отсутствія всякаго посторонняго воздѣйствія, на самомъ дѣлѣ не существуетъ и рѣшающую роль въ нихъ всегда имѣетъ руководящее меньшинство, то можно усомниться въ томъ, чтобы ограниченіе права голосованія было направлено противъ интересовъ того, кого касается это ограниченіе. Его интересы болѣе соблюдены въ томъ случаѣ, когда истолковываются законодателями, на мудрость которыхъ онъ вполнѣ можетъ положиться. Поэтому, если бы національное собраніе, подобно англичанамъ и американцамъ, подобно всѣмъ прочимъ націямъ, признало истиной, что собственность, и притомъ собственность значительная по своимъ размѣрамъ, одна служитъ гарантіей привязанности гражданъ къ общественному порядку и интересамъ государства, оно бы поистинѣ заслужило благодарность націи,

подчинивъ выборъ въ депутаты требованію значительнаго имущественнаго ценза» [1]).

Защищая программу сторонниковъ англійской конституціи Мале - Дюпанъ въ своемъ «Французскомъ Меркуріи» пытается провести тотъ взглядъ, что во Франціи, странѣ, по преимуществу, земледѣльческой, одни владѣльцы заинтересованы въ сохраненіи законовъ и порядка. На нихъ падаетъ, главнымъ образомъ, бремя налоговъ; они одни представляютъ гарантію той независимости, какая необходима для народныхъ делегатовъ. Поэтому Мунье, Лалли Толандаль, Малуэ и считали нужнымъ ввѣрить исключительно имъ право избранія и представительство націи въ палатѣ общинъ» [2]). «Изъ всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ, пишетъ въ свою очередь Малуэ въ своемъ Посланіи къ избирателямъ отъ 13 мая 1790 года, мы представляемъ собою единственный примѣръ надѣленія собственниковъ меньшимъ сравнительно вліяніемъ на законодательство и администрацію. Трудно повѣрить, чтобы въ столѣтіе, справедливо гордящееся своими знаніями и просвѣщеніемъ, законодатели совершенно упустили изъ виду великую мудрость, какую римляне проявили въ созданіи ценза. Общество обязано несомнѣнно призрѣвать неимущихъ, но справедливо ли предоставить имъ возможность располагать общественной собственностью (fortune publique). Я спрашиваю васъ, не ведетъ ли принципъ абсолютнаго равенства къ ниспроверженію всѣхъ основъ и не заинтересованы ли всѣ одинаково, начиная съ честнаго земледѣльца, воздѣлывающаго собственное поле, и оканчивая богатѣйшимъ землевладѣльцемъ, въ томъ, чтобы сохранить свою независимость отъ знаній, талантовъ и личныхъ интригъ тѣхъ, которые ничего не имѣютъ. Собственникъ прежде всего заботится о сохраненіи своей собственности. Онъ имѣетъ поэтому естественное влеченіе уважать права другихъ; человѣкъ же, лишенный собственности, направляетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы пріобрѣсть ее. Одна добродѣтель въ состояніи удержать

---

[1]) Du pouvoir exécutif dans Les grands états (томъ I, годъ изд. 1792 (стр. 73, 74, 75), par M. Necker.

[2]) Mémoires et correspondance de Mallet du Pan (Paris, 1851, стр. 188). Mercure, Octobre 1791, № 40.

отъ тѣхъ сѣтей, какія ежечасно ставитъ ему личный интересъ. Такимъ образомъ собственникъ имѣетъ естественное влеченіе къ общему благу (intérêt géneral); для него важно, чтобы земли не были обложены чрезмѣрно, чтобы промышленность и трудъ встрѣчали поощреніе, чтобы бѣднымъ оказываема была помощь; въ то же время заодно съ прочимъ гражданствомъ онъ заинтересованъ въ прекращеніи вымогательствъ, хищничества и злоупотребленій властью. Человѣкъ, лишенный собственности, можетъ поддаться, конечно, такому же влеченію къ общественному благу; но о немъ нельзя сказать, чтобы въ этомъ лежалъ его интересъ; такъ какъ его главная цѣль не сохранять, а пріобрѣтать, то есть полное основаніе опасаться измѣнчивости его принциповъ. Можно ли, спрашиваю я, говорить, что права народа нарушены, разъ приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы представительство перешло въ руки лицъ, интересы которыхъ противны интересу этого же народа. Лица, пострадавшія отъ декрета «о маркѣ серебромъ», не тѣ, которыя работаютъ въ мастерскихъ, и не поденьщики-земледѣльцы; ихъ можно найти между тѣми искателями состояній, которые образуютъ изъ себя непроизводительный классъ общества, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленный между нами. Эти люди, нетерпѣливо пробивающіе себѣ дорогу, негодуютъ на законъ, являющійся препятствіемъ къ ихъ честолюбію. Правда, знанія болѣе распространены въ ихъ средѣ, чѣмъ въ какой либо другой; но они пользуются ими для того, чтобы заставить всѣ прочіе классы общества служить имъ своимъ кошелькомъ. Не правы ли поэтому тѣ, кто прежде чѣмъ дать имъ представительство стараются выяснить, насколько интересы этого класса отвѣчаютъ общимъ интересамъ. На возраженіе, что ограниченіе представительства классомъ собственниковъ ведетъ къ созданію аристократіи богатства, Малуэ отвѣчаетъ: «развѣ богатые представляютъ изъ себя замкнутое и наслѣдственное сословіе? Подвижность состоянія, надежда достигнуть зажиточности разумомъ и трудомъ не открываютъ ли для всѣхъ перспективу одинаковой политической карьеры. Одинъ достигаетъ раньше намѣченной цѣли, другой позднѣе,—вотъ и вся разница. Закрытіе сразу доступа къ должностямъ лицамъ, не располагающимъ необходимымъ цензомъ,

предупредить возможность пользованія публичнымъ постомъ, какъ средствомъ къ наживѣ. Оно въ то же время направитъ энергію и предпріимчивость на промышленность и земледѣліе въ надеждѣ, что рано достигнутое благосостояніе откроетъ доступъ къ выборамъ и представительству. Изъ всѣхъ сторонниковъ англійской конституціи Малуэ одинъ готовъ сдѣлать отступленіе отъ строгости принциповъ въ интересахъ тѣхъ бѣдняковъ, которые съумѣли стяжать общее уваженіе своихъ согражданъ. Лица, въ пользу которыхъ на выборахъ будетъ подано четыре пятыхъ голосовъ, по его мнѣнію, должны бы быть освобождены отъ требованія ценза. Этимъ устранено было бы то возраженіе, какое дѣлаютъ противники избирательныхъ ограниченій, говоря, что при нихъ самъ Руссо не могъ бы сдѣлаться депутатомъ [1]).

§ 2.

Въ избирательномъ правѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ дѣятелей учредительнаго собранія, всего болѣе поражаетъ несоотвѣтствіе его интересамъ той самой буржуазіи, торжество которой имѣло въ виду обезпечить это собраніе. Движимая собственность, источникъ матеріальнаго могущества буржуазіи, промышленность и торговля, подлежащія исключительно косвенному обложенію совершенно не приняты въ разсчетъ избирательными декретами, въ которыхъ единственнымъ цензовымъ ограниченіемъ является платежъ извѣстнаго минимума прямого налога. Какъ объяснить это противорѣчіе? Какъ понять, что собраніе, заподозрѣнное въ стремленіи насадить во Франціи новую аристократію богатства, въ то же время регулируетъ право избранія такимъ образомъ, какъ будто бы во Франціи не существовало другихъ доходныхъ статей, кромѣ земли, и другого класса капиталистовъ, кромѣ недвижимыхъ собственниковъ?

Я думаю, что единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія должно служить то обстоятельство, что дѣятели 89 года руководствовались не столько ясно сознаваемымъ желаніемъ обезпечить политическое преобладаніе владѣтельныхъ классовъ,

[1]) Mémoires de Malouet (глава XIV тома II-го), стр. 85, 86, 87 и 88.

сколько господствующей политической доктриной и примѣромъ Англіи и Америки. Вѣковая практика Генеральныхъ Штатовъ не могла дать имъ никакихъ положительныхъ указаній на счетъ устройства законодательнаго собранія. Сословная монархія не знаетъ личнаго представительства. Исторически сложившіяся наслѣдственныя группы призываются ею къ надѣленію депутатскими полномочіями лицъ, взятыхъ изъ ихъ среды, призванныхъ защищать ихъ интересы и связанныхъ въ своей дѣятельности даннымъ имъ наказомъ. Депутатъ въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ, не болѣе какъ полномочный агентъ, человѣкъ, дѣйствующій въ силу данной ему довѣренности, являющійся выразителемъ не столько собственныхъ мнѣній, сколько интересовъ своихъ довѣрителей. Все, что выходитъ за предѣлы его полномочій, не можетъ сдѣлаться предметомъ его обсужденія и этимъ объясняется, почему сословныя представительныя палаты нерѣдко отказывались отъ подачи мнѣній по вновь возбужденнымъ правительствомъ вопросамъ безъ полученія дополнительныхъ полномочій отъ избирателей. Пока держится въ обществѣ система представительства исторически сложившихся сословныхъ группъ, не можетъ возникнуть вопроса о разнорѣчіи между голосомъ депутата и интересами его довѣрителей. Всякаго рода соображенія о томъ, что представитель можетъ руководствоваться интересами, отличными отъ общаго блага, что его дѣятельность можетъ быть направлена къ личной выгодѣ, а не къ благу уполномочившаго его сословія, необходимо отсутствуютъ тамъ, гдѣ депутатъ не имѣетъ другой задачи, какъ быть истолкователемъ данныхъ ему наказовъ. Только съ замѣною сословнаго представительства классовымъ выступаетъ впервые на очередь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ интересы того или другаго депутата отвѣчаютъ задачамъ общаго блага или выгодѣ экономически обособленной общественной группы. Но классоваго представительства во Франціи до революціи не существовало; оно извѣстно было только въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, феодальныя сословія постепенно преобразовались въ классовыя группы, или, какъ въ Америкѣ, не нашли благопріятныхъ условій къ развитію благодаря нивелирующей политикѣ общества. То обстоятельство, что въ Англіи младшіе члены аристократическихъ родовъ сливаются съ сред-

нимъ сословіемъ, повело къ образованію изъ обоихъ далеко незамкнутой, подвижной и измѣнчивой въ своемъ составѣ экономической группы земельныхъ собственниковъ, которая рано получила здѣсь не переводимое на другіе языки названіе «джентри». Передать этотъ терминъ словомъ низшее дворянство, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ нѣмецкіе публицисты, значитъ добровольно приписать этой группѣ ту сословную организацію, которой она не имѣла. «Джентри» не болѣе какъ классъ землевладѣльцевъ, образовавшійся одинаково, какъ сверху, такъ и снизу, присоединеніемъ къ нему вторыхъ сыновей лордовъ и переходомъ въ ряды собственниковъ разбогатѣвшихъ горожанъ, владѣльцевъ городскихъ участковъ (burgage tenures), нѣкогда зависимыхъ, нынѣ выкупленныхъ у феодальнаго собственника. Въ высшихъ рядахъ своихъ «джентри» сливается съ личными представителями англійской періи, въ нижнихъ—съ наслѣдственными съемщиками помѣщичьей земли или такъ называемыми Йоменами. За предѣлами «джентри», зерно которой образовали «рыцари графствъ», стоитъ англійское крестьянство съ его многочисленными развѣтвленіями мелкихъ и краткосрочныхъ фермеровъ, перешедшихъ въ оброчную зависимость крѣпостныхъ «потерявшихъ всякую связь съ землею лично свободныхъ хлѣбопашцевъ (labourers)». Съ паденіемъ средневѣковой сословной организаціи, съ исчезновеніемъ промежуточныхъ стадій между обезземеленнымъ крестьяниномъ и собственникомъ, съ замѣной наслѣдственной крестьянской аренды краткосрочными фермами, все болѣе и болѣе сталъ обрисовываться въ Англіи новый типъ общественной іерархіи, основу котораго составляетъ не наслѣдственная привилегія, а существованіе или отсутствіе постоянной связи съ землею. На смѣну «рыцарства», «городскаго гражданства» и наслѣдственнаго оброчнаго крестьянства явилось два экономическихъ класса: собственниковъ и несобственниковъ. Въ составъ второго вошло въ громадномъ большинствѣ, какъ крестьянство, такъ и городской рабочій людъ, тогда какъ первое включило въ свои ряды не только прежнее рыцарство графствъ, но и всѣхъ вообще «фригольдеровъ», или, что то же, свободныхъ владѣльцевъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Эта классовая организація сложилась постепенно во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, когда Англія

оставалась еще страною почти исключительно земледѣльческою, когда сельское хозяйство и овцеводство составляли еще главное занятіе ея жителей и обрабатывающая промышленность едва зачиналась въ формѣ выдѣлки суконъ, далеко уступавшихъ сукнамъ Италіи и Испаніи, а иностранная торговля производилась по преимуществу на ганзейскихъ и голландскихъ судахъ, другими словами, въ эпоху только что зарождающагося капитализма. Неудивительно поэтому, если легальное признаніе той естественной эволюціи, какую представляетъ собою переходъ сословной организаціи въ классовую, выразилось въ Англіи въ установленіи избирательнаго ценза, основу котораго составлялъ исключительно доходъ отъ собственности. Въ правленіе Генриха VI классъ землевладѣльцевъ былъ выдѣленъ изъ среды прочаго населенія требованьемъ, чтобы къ выборамъ допускаемы были впредь одни только «фригольдеры», съ годовымъ доходомъ не менѣе сорока шиллинговъ. Законодательство Генриха VIII и Елизаветы, проведши впервые въ жизнь принципъ содержанія на счетъ общественной благотворительности всѣхъ лицъ, не имѣющихъ постояннаго дохода и достаточнаго заработка, явилось новымъ основаніемъ къ упроченію системы, искусственно соединявшей пользованіе политическими правами съ земельною рентой. Несобственники признаны были въ ихъ цѣломъ неспособными къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, какъ лица экономически несостоятельныя; и все англійское общество по отношенію къ участію въ народномъ представительствѣ распалось на двѣ группы: земельныхъ собственниковъ и безземельныхъ. Эту исторически сложившуюся систему, несоотвѣтствіе которой измѣнившимся условіямъ народнаго хозяйства, быстрому росту обрабатывающей промышленности и торговлѣ, вполнѣ сознавали не только англійскіе демагоги, въ родѣ Вилькса, или секретаря «клуба друзей революціи» Прайса, но и государственные дѣятели съ Питомъ во главѣ, французкіе доктринеры вслѣдъ за Монтескье и Делольмомъ признали за выраженіе незыблемыхъ основъ всякаго свободнаго политическаго устройства. Поставленный въ необходимость объяснить причины своей приверженности къ англійскимъ порядкамъ, Малле дю-Панъ наивно сознается, что считаетъ ихъ

единственно возможными въ государствѣ съ обширной территоріей и монархическимъ строемъ, единственно способными примирить свободу и авторитетъ, народное участіе въ дѣлахъ и подчиненіе закону [1]). Мунье доводитъ еще далѣе свое преклоненіе передъ англійской избирательной системой: «все въ ней вызываетъ его сочувствіе и одобреніе, не исключая и системы подкупа депутатовъ».

По его мнѣнію, этотъ подкупъ необходимъ для установленія правильнаго равновѣсія между властями; только благодаря ему палата общинъ не въ состояніи осуществить на дѣлѣ того рѣшительнаго преобладанія надъ королемъ и лордами, какое обезпечено ей конституціей. Покупая голоса и непосредственно вліяя на исходъ выборовъ, король и лорды создаютъ себѣ союзниковъ въ рядахъ нижней палаты и тѣмъ вліяютъ непосредственно на ея рѣшенія. Такимъ образомъ возстановляется равновѣсіе между властями, которому грозило бы сосредоточенье въ рукахъ общинъ, въ виду принадлежащаго имъ однимъ права налоговаго обложенія. Избирательная реформа, о которой мечтаютъ англичане и которая, повидимому, отвѣчаетъ логикѣ, имѣла бы поэтому въ конечномъ исходѣ упадокъ королевской власти [2]).

Всего изумительнѣе то, что на разстояніи многихъ лѣтъ, въ то самое время, когда въ Англіи все сильнѣй и сильнѣй стали слышаться голоса въ пользу необходимости положить конецъ подкупу и измѣнить основы представительства, госпожа Сталь, проникаясь взглядами Мунье, продолжала еще отстаивать англійскіе порядки, говоря, что въ составъ королевской прерогативы въ Англіи входитъ право короны располагать милостями и мѣстами, какъ средствомъ проведенія своего вліянія. Это косвенное вліяніе короля служитъ однимъ изъ устоевъ того равновѣсія, которымъ держится англійская свобода [3]).

Не мало содѣйствовало упроченію въ умахъ дѣятелей 89 года англійской теріи сочетанія представительства съ землевладѣніемъ

---

[1]) Mercure de France, 12 января 1891 года, № 1.

[2]) Recherches sur les causes qui ont empêché les Français de devenir libres, (томъ II, стр. 272).

[3]) Considérations sur la révolution française (книга VI, глава IV).

то обстоятельство, что на материкѣ новаго міра, въ тѣхъ демократическихъ республикахъ, основа которымъ положена была англійскими религіозными и политическими радикалами, пользованіе политическими правами также связано было съ землевладѣніемъ. Поклонники американскихъ порядковъ такимъ образомъ сходились со сторонниками англійской конституціи въ убѣждніи, что завѣдываніе государственными дѣлами можетъ быть ввѣрено исключительно классу лицъ, живущихъ земельной рентой. Они не считали нужнымъ входить въ обсужденія вопроса о томъ, на сколько различна должна быть организація представительства въ двухъ странахъ, такъ мало похожихъ другъ на друга, какъ Франція и Соединенные Штаты. Они не обращали вниманія на тотъ фактъ, что въ Америкѣ, при обширности свободныхъ земель, легкости пріобрѣтать собственность, отсутствіи сословныхъ различій и едва зарождающейся промышленности, владѣніе землею на правахъ собственности было не только общимъ явленіемъ, но и единственной формой имущественной обезпеченности, что Франція съ ея вѣковой монополіей дворянства и духовенства въ обладаніи недвижимостью, съ ея искусственнымъ сосредоточеніемъ экономической дѣятельности средняго сословія на городскихъ промыслахъ и обмѣнѣ, представляла мало общаго, хотя бы съ тою же Пенсильваніей, учрежденія которой, по словамъ Морриса, постоянно были передъ глазами демагоговъ. Такимъ образомъ, обращая въ принципъ, въ общеобязательную доктрину то, что на самомъ дѣлѣ было продуктомъ исключительныхъ историческихъ и экономическихъ условій, члены національнаго собранія признали себя связанными какими-то «не измѣнными указаніями опыты». При установленіи избирательнаго права они отправлялись не отъ признанія той классовой организаціи, какая, подъ прикрытіемъ сословій, создана была во Франціи ея экономической эволюціей, ростомъ ея земледѣлія, промышленности и торговли, а отъ какихъ-то политическихъ максимъ, имѣвшихъ обязательную силу лишь подъ условіемъ совершеннаго игнорированія тѣхъ общественныхъ основъ, на которыхъ они возникли.

Несоотвѣтствіе ихъ дѣла съ поставленными ими же самими задачами тѣмъ не менѣе настолько бросалось въ глаза, противо-

рѣчіе имущественнаго ценза гражданскому равенству и народному суверенитету было такъ очевидно, что даже сторонники англійской конституціи, въ родѣ Малуэ, считали нужнымъ, какъ мы видѣли, дѣлать отступленіе отъ строгости принциповъ и допускать обходъ закона въ пользу популярнѣйшихъ представителей пролетаріата. Однохарактерныя соображенія вызвали неумѣлую попытку Тарже и прочихъ членовъ конституціоннаго комитета освободить отъ условій ценза всякаго гражданина, обнаружившаго свою привязанность къ общему благу добровольнымъ приношеніемъ въ пользу государства ежегодно втеченіе двухъ лѣтъ суммы, равной размѣру требуемой отъ него прямой подати. Депутатъ Муженъ изъ Рокфора поспѣшилъ указать на несоотвѣтствіе этого предложенія со всѣмъ предшествующимъ законодательствомъ собранія. «Вашимъ намѣреніемъ, сказалъ онъ, было призвать въ ряды народнаго представительства земельныхъ собственниковъ; всѣ ваши декреты доказываютъ эту тенденцію, но то, что предлагаютъ вамъ нынѣ идетъ въ разрѣзъ съ нею». Герцогъ Мортемаръ справедливо замѣтилъ, что богатые не преминутъ воспользоваться возможностью уплатить за другихъ требуемую контрибуцію и тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ голоса въ собраніи. Камюсъ поддерживалъ предложеніе, находя, что оно соотвѣтствуетъ общему духу законодательства. «Установляя цензъ въ марку серебромъ прямого обложенія, вы имѣли въ виду устранить отъ правительства людей, доступныхъ подкупу; но тотъ, кто не будучи собственникомъ, дѣлаетъ въ пользу государства равное пожертвованіе уже однимъ этимъ свидѣтельствуетъ о своемъ патріотизмѣ и неподкупности». Гораздо вѣрнѣе было замѣчаніе Рикье, что предлагаемая статья даетъ полный просторъ интриганамъ, удалить же ихъ отъ представительства было ближайшей задачей собранія при установленіи ценза. Большинство спѣшитъ заявить о своемъ несочувствіи проекту, прерывая ораторовъ и заставляя ихъ покинуть трибуну. Напрасно Шапелье и Петіонъ доказываютъ обязанность собранія спокойно обсудить вопросъ такой важности, вопросъ, утвердительное рѣшеніе котораго можетъ послужить къ исправленію сдѣланныхъ ошибокъ. Гара Младшій весьма правильно указываетъ на то, что активнымъ

гражданиномъ слѣдовало бы считать всякаго, кто участвуетъ въ издержкахъ государства, дѣлясь съ нимъ своимъ доходомъ, все равно, будетъ ли этотъ доходъ полученъ съ земли или промышленности. Но прямой налогъ, о которомъ исключительно говорится въ декретахъ, падаетъ по преимуществу на землю. Цѣлый классъ людей не принятъ такимъ образомъ во вниманіе законодателемъ. Если не исправить этого упущенія, три четверти французовъ, утверждаетъ Гара, останутся безъ представительства. Мирабо также подаетъ голосъ въ защиту новаго проекта, доказывая, что онъ не имѣетъ въ виду поощрить подкупъ, а только усилить патріотизмъ, и открыть доступъ къ депутатскому званію лицамъ, обойденнымъ закономъ, какъ то: сыновьямъ пребывающимъ въ нераздѣльности съ отцомъ, и священникамъ, не владѣющимъ собственностью. Но члены правой и во главѣ ихъ Казалесъ продолжаютъ настаивать на томъ, что принятіе закона равнозначительно отказу отъ принципа собственности; а маркизъ Біанкуръ ставитъ на видъ собранію, что оно даетъ иностранцамъ возможность косвеннаго воздѣйствія, и предсказываетъ повтореніе во Франціи тѣхъ же порядовъ, какіе недавно еще господствовали въ Швеціи, гдѣ народные представители распадались на двѣ враждебныя партіи, «шляпъ» и «колпаковъ», изъ которыхъ одна поддерживалась французскимъ, а другая русскимъ золотомъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ слышатся голоса «за» и «противъ» проекта, заодно доказывавшіе, что собраніе сознаетъ несовершенство созданной имъ избирательной системы и не знаетъ, какъ исправить свою ошибку.

Лучшій и простѣйшій исходъ представляло, разумѣется, предложеніе Мильсанъ (Milscent), отмѣнить всѣ ограниченія, стѣснявшія свободу выборщиковъ, но собраніе не дало оратору возможности развить своей мысли. Вставаніемъ и сидѣніемъ оно отвергло предложеніе Тарже. Большинство было однако такъ сомнительно, что Ламетъ, настаивая на важности вопроса, на его существенномъ значеніи для судебъ конституціи, потребовалъ поголовнаго счета голосовъ. Многіе депутаты успѣли между тѣмъ оставить залъ засѣданія; почти четверть наличнаго состава отсутствовала въ моментъ голосованія. Мнѣнія раздѣлились почти

поровну: 439—противъ проекта, 428—за. Большинствомъ одиннадцати голосовъ было рѣшено такимъ образомъ, что единственнымъ основаніемъ для представительства должна быть недвижимая собственность и платимый ею налогъ [1]).

§ 3.

Пріуроченіе представительства къ землевладѣнію далеко не является единственной ошибкой, допущенной національнымъ собраніемъ въ законодательствѣ о выборахъ. Границы такъ называемаго pays légal, терминъ, подъ которымъ французы разумѣютъ ту часть націи, которая призвана къ дѣятельному участію въ правахъ суверенитета, подверглись дальнѣйшему сокращенію, благодаря требованію отъ избирателей и кандидатовъ 25-лѣтняго возраста. Самое устройство выборовъ, какъ и распредѣленіе голосовъ между департаментами, и численность состава народнаго представительства, рѣшены были національнымъ собраніемъ далеко не удачно и нерѣдко въ полномъ противорѣчіи съ проводимой имъ же самимъ доктриной. Отмѣтимъ вскользь нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ и противорѣчій. Это дастъ намъ возможность сознательно отнестись къ мнѣнію тѣхъ, кто, подобно Моррису, съ самаго начала признавалъ конституцію нежизненной и осужденной на скорую гибель. Конституціонный комитетъ предложилъ сосредоточить въ кантонахъ производство первоначальныхъ выборовъ. Эти кантоны предстояло установить искусственно, положивъ въ основаніе не существующую систему селъ и деревень, а числовую единицу четырехъ квадратныхъ лье съ минимумомъ населенія въ 500 человѣкъ.

Сознавая неудобство исторически возникшихъ избирательныхъ монополій, подобныхъ тѣмъ, какія представляла англійская система «парламентскихъ бурговъ», дѣятели 89 года вдались въ другую крайность: ихъ нивелирующая политика сочла возможнымъ отрѣшиться отъ дѣйствительности и пренебречь тѣми административными узлами, какіе представляла исторически сло-

---

[1]) Arch. Parl., томъ X, засѣд. 3 дек. 89 года, стр. 359—361.

жившаяся система селъ, деревень и приходовъ. Ошибочно полагая, что община подобна округу или департаменту, не болѣе, какъ единица управленія, теряя изъ виду ея естественное образованіе подъ вліяніемъ общности нуждъ и до нѣкоторой степени общности владѣнія, не желая видѣть въ ней ни юридическаго лица, ни центра торговой дѣятельности, забывая, что объединяющимъ началомъ для ея обывателей является и общность лѣса и выгона, и единство рынка и погоста, члены національнаго собранія не нашли нужнымъ пріурочить къ общинѣ систему первоначальныхъ выборовъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться существующими самопроизвольно возникшими союзами, они предпочли вызвать къ жизни новыя числовыя единицы. Прямымъ назначеніемъ выдуманнаго ими кантональнаго дѣленія было служить очагомъ для выборовъ. Чѣмъ мельче избирательные округа, тѣмъ легче, думали члены собранія, достигнуть фактическаго участія народа. Отсюда предложеніе Ланжюинэ и Пизонъ дю Галанъ понизить максимумъ кантональнаго населенія съ 500 до ста активныхъ гражданъ, дабы избѣжать необходимости перемѣщенія для избирателей, хотя бы на короткое разстояніе. Но опасеніе, что малочисленныя собранія легче могутъ подчиниться незаконнымъ вліяніямъ со стороны сосѣдняго дворянина и приходскаго священника, заставило конституанту пренебречь въ концѣ концовъ этимъ соображеніемъ и постановить, что въ каждомъ кантонѣ, въ которомъ число активныхъ гражданъ менѣе девятисотъ, будетъ не болѣе одного избирательнаго собранія. При увеличеніи же этого числа до 900, избиратели раздѣлены будутъ поровну между двумя собраніями. На двѣсти избирателей полагается по одному выборщику, и выборщики будутъ призваны непосредственно къ назначенію депутатовъ, другими словами, собраніе останавливается на системѣ двойныхъ, отнюдь не тройныхъ или четверныхъ выборовъ [1]).

Въ засѣданіи ближайшаго дня, 17 ноября 89 года, поставленъ вопросъ о числѣ депутатовъ и распредѣленіи его между отдѣльными департаментами. Конституціонный комитетъ предлагаетъ положить при этомъ въ основу три различныхъ начала: 1) чи-

---

[1]) Arch. Parl., томъ X, стр. 67 и слѣдующія.

сленность населенія, 2) обширность территоріи и 3) сумму платимыхъ департаментомъ прямыхъ налоговъ Петіонъ первый считаетъ нужнымъ высказаться противъ проэкта. На его взглядъ представительство есть индивидуальное право, а отсюда дѣлается тотъ выводъ, что ни обширность территоріи, ни величина обложенія не должны имѣть никакого вліянія при опредѣленіи числа депутатовъ по департаментамъ. Въ свою очередь Монлозье доказываетъ примѣромъ Оверни, что обширность территоріи не должна быть принимаема въ расчетъ: «шестая часть этой провинціи ничего не производитъ; неужели вы надѣлите ее такимъ же правомъ по отношенію къ выбору депутатовъ, какъ и любую изъ остальныхъ частей». Онъ критикуетъ также и другую сторону проэкта, клонящуюся къ тому, чтобы связать число представителей съ числомъ платимыхъ департаментомъ податей. Налоговая реформа имѣется только въ виду. Какъ положить въ основу избирательнаго права несозданное или вѣрнѣе полуразрушенное зданіе».

Еще обстоятельнѣе развиваетъ эту мысль Бенжи Депюи Вале. Формы обложенія разнятся по провинціямъ: въ однихъ преобладаютъ прямые, въ другихъ косвенные сборы, въ третьихъ тѣ и другіе уравновѣшиваютъ другъ друга. Въ Провансѣ каждая муниципія вправѣ избрать ту форму, которая ей всего болѣе нравится. Въ Оверни всѣ налоги прямые и падаютъ на продукты урожаевъ. Въ Берри ими обложены одинаково и земля и предметы потребленія. Какъ примирить съ такимъ разнообразіемъ проэктъ коммиссіи? Какъ положить въ основу численнаго распредѣленія депутатовъ систему податей, лишенную общности и единства? Но, мало этого, значительность налоговыхъ платежей, какъ показываетъ примѣръ города Парижа, происходитъ не отъ зажиточности его гражданства, а отъ затратъ, производимыхъ его временными посѣтителями, отъ тѣхъ провинціаловъ, которыхъ привлекаютъ въ столицу дѣла и удовольствія. Какое же основаніе награждать Парижъ въ ущербъ провинціи за этотъ случайный избытокъ платежей? Не смотря на эти возраженія проэктъ комитета принятъ безъ малѣйшаго измѣненія [1]).

---

[1]) Arch. Parl., т. X, стр. 78—80. Засѣданіе 17 ноября 89 года.

Гдѣ будутъ производиться выборы депутатовъ, въ главномъ ли городѣ департамента или въ другомъ пунктѣ. Если первое рѣшеніе грозитъ подчинить избирателей тѣмъ косвеннымъ вліяніямъ, въ частности подкупу, какими располагаютъ жители зажиточнаго города департаментскаго центра, то производство выборовъ отдѣльно въ каждомъ окружномъ центрѣ можетъ имѣть то невыгодное послѣдствіе, что поставитъ избирателей въ прямую зависимость отъ наиболѣе вліятельнаго человѣка въ округѣ. Большое число, замѣчалъ Тестю де Траси (коментаторъ Духа законовъ), надежное средство противъ интригъ. Постороннія вліянія менѣе чувствительны въ департаментскомъ, нежели въ окружномъ центрѣ, такъ какъ въ немъ каждый избиратель въ отдѣльности стоитъ дальше отъ мѣстной администраціи, оказывающей ежечасное воздѣйствіе. Въ департаментѣ меньше простора также для незаконнаго вліянія двухъ, трехъ зажиточныхъ собственниковъ, замѣчаетъ Шапелье, называя послѣднихъ недавно отмѣненнымъ терминомъ сеньоровъ. Собраніе рѣшаетъ тѣмъ не менѣе, что выборы отъ всего департамента будутъ производиться попеременно въ центрахъ отдѣльныхъ округовъ [1]).

Вопросъ о томъ, будутъ ли выборщики связаны обязательствомъ назначать депутатовъ исключительно изъ жителей департамента или нѣтъ, вызвалъ довольно горячій обмѣнъ мыслей между тѣми, кто старался обезопасить выборы отъ вліянія большихъ городовъ и тѣми, кто видѣлъ во всякомъ покровительствѣ мѣстнымъ интересамъ стремленіе вызвать снова къ жизни провинціальную автономію. Одинъ изъ депутатовъ, Малесъ считалъ возможнымъ рисовать въ слѣдующихъ краскахъ картину ближайшихъ выборовъ при свободѣ назначать депутатовъ безразлично изъ всѣхъ департаментовъ. Едва послѣдуетъ приказъ о созывѣ избирательныхъ собраній, по всѣмъ провинціямъ разсѣется рой прелатовъ и придворныхъ, подобный тому, какой мывидѣли недавно при выборахъ въ генеральные штаты. Не разсчитывайте, говорилъ онъ, что короли Франціи всегда будутъ добрыми гражданами, а министры честными людьми. Когда правительство захочетъ снова сосредоточить въ своихъ рукахъ

---

1) Ibid., стр. 87.

власть, оно поступитъ такъ, какъ дѣлается это у нашихъ сосѣдей англичанъ: оно устроитъ заговоры, пустится въ интриги, прибѣгнетъ къ подкупу избирателей и національное собраніе наполнится депутатами, готовыми разрушить конституцію, чтобы снискать королевскую милость и замѣстить обѣщанныя имъ должности». Въ отвѣтъ на это заявленіе герцогъ Ларошфуко замѣтилъ, что примѣръ Англіи приведенъ неудачно, такъ какъ дѣйствительный источникъ несовершенства ея избирательной системы лежитъ не въ выборѣ депутатовъ безразлично отъ всѣхъ графствъ, а въ томъ, что на восемь милліоновъ жителей едва 500 тысячъ участвуетъ въ избраніи. Въ отдѣльныхъ городахъ, замѣтилъ онъ, выборы производятся нерѣдко пятнадцатью, двадцатью лицами, преданными правительству. «Къ чему ссылаться на примѣръ Англіи въ вопросѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ ея порядками», сказалъ въ свою очередь Мирабо. Къ чему взывать къ той сторонѣ ея политическаго устройства, которую всѣ мы признали негодной. Не проходитъ сессіи, въ которой правительство или оппозиція не толковали бы о необходимости избирательной реформы; и все же не дѣлается ничего къ ея осуществленію. Не лучшее ли это доказательство недобросовѣстности обѣихъ партій? Но чѣмъ объяснить ее, спросятъ насъ? Очевидно тѣмъ, что каждая орудуетъ подкупомъ въ свою пользу». Предложеніе депутата Д'Амбли ограничить выборъ жителями департамента, тѣмъ не менѣе принято и на обсужденіе поступаетъ новый вопросъ о числѣ выборщиковъ и депутатовъ.

Робеспьеръ стоитъ за возможное увеличеніе этого числа, думая что численность лучшее орудіе противъ интригъ. Собраніе въ концѣ концовъ останавливается на мысли, что число депутатовъ впредь будетъ наполовину меньше противъ наличнаго, т. е. будетъ равняться числу департаментовъ, помноженному на девять.

Безъ обсужденія принята статья, объявляющая, что депутаты являются представителями всей націи, что они не могутъ быть отставлены или отозваны раньше срока и что отставка ихъ можетъ послѣдовать лишь въ силу судебнаго приговора за преступленіе [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 88—90.

Такъ же легко устанавливается соглашеніе по вопросу освободѣ депутатовъ отъ всякихъ повелительныхъ мандатовъ или, что то же, обязательныхъ для нихъ наказовъ избирателей. Вся предшествовавшая дѣятельность собранія служила подтвержденіемъ этого положенія и неудивительно поэтому, что большинство стало на его сторону [1]).

Почти безъ споровъ проходитъ и предложеніе назначить, одновременно съ депутатами, и ихъ замѣстителей числомъ равнымъ трети всѣхъ представителей [2]).

Вопросы избирательнаго права подвергаются затѣмъ новому обсужденію при пересмотрѣ конституціи. Существенныя измѣненія вносятся послѣдовательно Конституціоннымъ комитетомъ и собраніемъ въ цензъ избирателей и кандидатовъ. Обо всемъ этомъ будетъ сказано въ одной изъ заключительныхъ главъ.

---

1) Ibid., засѣд. 3 дек. 1789 г., стр. 258.
2) Ibid., стр. 359.

ГЛАВА IX.

Организація исполнительной власти.

§ 1.

Мы переходимъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію той стороны учредительной дѣятельности собранія, которая посвящена была устройству исполнительной власти. Мы бы желали прежде всего выяснить себѣ тѣ вліянія, которымъ подчинилось оно при выполненіи этой задачи. Мы бы хотѣли опредѣлить, въ какой степени примѣръ другихъ народовъ, вѣковой опытъ самой Франціи и требованія ходячей политической теоріи сказались въ той организаціи, какая придана была управленію.

Первая трудность, какая представляется намъ при рѣшеніи этихъ вопросовъ, лежитъ въ предположеніи, высказанномъ еще современниками и, повидимому, раздѣляемомъ потомствомъ, что собраніе въ этомъ отношеніи не слѣдовало какому-нибудь опредѣленному плану, а подчинялось ходу событій. То довольно широкое представленіе, какое оно составило себѣ на первыхъ порахъ о предметахъ вѣдомства и границахъ исполнительной власти, постепенно сузилось по мѣрѣ разлива во Франціи республиканскихъ идей, а также подъ вліяніемъ усилившагося недовѣрія къ временному представителю власти, королю Людовику XVI. Если вѣрить Неккеру, ближайшему свидѣтелю тѣхъ событій, среди которыхъ развивалась учредительная дѣятельность собранія, дѣятели 89 года далеко не сразу подчинились вліянію того принципа абсолютнаго равенства и народнаго суверенитета, съ

которымъ трудно уживается монархическій образъ правленія [1]). При началѣ своей дѣятельности, думаетъ Неккеръ, депутаты далеко не считали себя вполнѣ свободными отъ выполненія тѣхъ наказовъ, какіе даны были имъ избирателями. Упроченіе же монархическаго образа правленія составляло, какъ мы видѣли, общую черту этихъ наказовъ. Такимъ образомъ, они не имѣли, принимаясь за организацію исполнительной власти, тѣхъ взглядовъ, которые со временемъ были выдаваемы за руководящіе принципы ихъ дѣятельности [2]). До 4-го февраля 1790 года собраніемъ, говоритъ Неккеръ, не было принято еще никакихъ мѣръ, способныхъ сдѣлаться въ будущемъ препятствіемъ къ установленію необходимаго авторитета исполненія. Самъ король въ своемъ обращеніи къ депутатамъ высказывалъ увѣренность, что они употребятъ всѣ средства къ упроченію исполнительной власти; собраніе сочувственно отнеслось къ этому заявленію и выразило монарху чрезъ посредство особой депутаціи свою признательность и лойяльность; только послѣ 4-го февраля проведены были тѣ новые законы, которыми поколеблены основы монархіи и уничтожена королевская прерогатива. Неккеръ перечисляетъ эти законы въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Новая судебная организація отняла у монарха всякое вліяніе на назначеніе судей гражданскихъ, уголовныхъ и мировыхъ.

2) Законъ о присяжныхъ вручалъ чиновникамъ, назначаемымъ отъ народа, право составленія списковъ лицъ, изъ которыхъ должны были выбираться члены обвинительнаго и судебнаго жюри.

3) Устройство верховнаго національнаго суда предоставило въ руки назначенныхъ народомъ избирателей выборъ «высокоприсяжныхъ», разбирательству которыхъ подчинены были лица, обвиняемыя въ измѣнѣ противъ націи.

4) Королю не предоставлено было никакого участія въ опредѣленіи на должность тѣхъ чиновниковъ, которымъ поручено исполненіе полицейскихъ функцій.

---

1) См. Necker (Du pouvoir exécutif dans les grands états. Томъ II, стр. 258—259).

2) Ibid., стр. 261.

5) «Гражданская конституція» духовенства отняла у короля всякое участіе въ назначеніи епископовъ.

6) Законъ о національной гвардіи лишилъ его вліянія на ея дисциплину и даже права назначать ея начальниковъ-офицеровъ.

7) Участіе монарха въ составленіи того жандармскаго корпуса, который замѣнилъ собою maréchaussée старой Франціи, устранено было почти вполнѣ.

8) Устройство военныхъ силъ страны удержало въ рукахъ короля лишь небольшое число назначеній въ арміи и, замѣнивъ прежній рекрутскій наборъ добровольной вербовкой, сдѣлало самое поступленіе въ ряды войскъ независимымъ отъ короля.

9) То же въ отношеніи къ флоту проведено было при новой организаціи морскихъ силъ.

10) Финансовые законы не оставили за королемъ права назначенія сборщиковъ и казначеевъ; даже лица, приставленныя къ косвеннымъ налогамъ, повышеніе которыхъ по службѣ зависѣло прежде отъ воли короля, освобождены были нынѣ отъ этой зависимости, благодаря закону, опредѣляющему порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать эти повышенія.

11) Отмѣна дворянства и рыцарскихъ орденовъ отняла у престола весьма серьезные способы воздѣйствія въ формѣ облагораживанія отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ семей и раздачи знаковъ отличія.

12) Установленіе же правила, по которому малѣйшее денежное пожалованіе, какъ и назначеніе пенсіи, невозможно безъ одобренія національнаго собранія, сузило въ свою очередь въ значительной мѣрѣ сферу королевскаго воздѣйствія.

13) Законъ, которымъ у короля отымалось право объявлять войну и заключать миръ, вступать въ союзы и торговыя соглашенія съ иностранными державами, прошелъ также послѣ 4-го февраля.

14) Равно и законъ, которымъ королевская санкція объявлялась ненужной для всѣхъ постановленій, касающихся введенія новыхъ налоговъ, уменьшенія существующихъ или измѣненія въ ихъ разверсткѣ.

15) Къ этому же времени относится отнятіе у короля права помилованія и

16) запрещеніе ему выбирать министровъ и другихъ правительственныхъ агентовъ изъ среды національнаго собранія, не только во время продолженія его сессіи, но и два года спустя послѣ закрытія [1]).

Въ этомъ перечнѣ мѣръ, которыми достигнуто было совершенное подчиненіе исполнительной власти законодательной и король, наравнѣ съ министрами, осужденъ на совершенное безсиліе, страннымъ образомъ упущены изъ виду тѣ законы о департаментскомъ, окружномъ и муниципальномъ управленіи, которыми центральная исполнительная власть лишена была съ сферѣ мѣстной администраціи содѣйствія непосредственно назначаемыхъ ею агентовъ. Перенесши въ руки самого народа право выбора муниципальныхъ и провинціальныхъ правителей, не оставивъ въ городахъ и селахъ ни одного чиновника, могущаго служить связующимъ звеномъ между центральнымъ правительствомъ и мѣстнымъ, собраніе, очевидно, опредѣленно высказало свое желаніе ослабить исполнительную власть, раздѣливъ ее между возможно большимъ числомъ органовъ. Этой же цѣли отвѣчало то новое представленіе о какой то отличной отъ исполнительной муниципальной власти, источникъ которой лежалъ бы въ самомъ народѣ; оно повело къ созданію избирательныхъ меровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, избирательныхъ департаментскихъ и окружныхъ директорій съ столь же избираемыми департаментскими и окружными совѣтами. Но всѣ эти мѣры подверглись обсужденію и сдѣлались дѣйствующими законами задолго до 4-го февраля, еще въ то время, когда Неккеръ стоялъ во главѣ министерства—обстоятельство, которое, быть можетъ, и вызываетъ его молчаніе на ихъ счетъ. Реформа мѣстнаго управленія принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыми собраніе задалось тотчасъ же послѣ редактированія декларація правъ и первыхъ статей конституціи. Новый раздѣлъ Франціи на департаменты и округа и устройство въ нихъ административной жизни на началахъ самоизбранія и самоуправленія громко провозглашаемо было Сіейсомъ еще при обсужденіи вопроса о границахъ королевскаго вето, а требованіе заняться устройствомъ муниципій формально сдѣлано было собраніемъ еще до переселенія его въ Парижъ.

---

[1]) Ibid., стр. 304—307.

Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право утверждать, что съ самаго начала національное собраніе придерживалось по отношенію къ исполнительной власти того воззрѣнія, торжественное признаніе котораго мы находимъ въ конституціи 1791 года.

Но гдѣ, спрашивается, источникъ этого воззрѣнія? Мы не ошибемся, сказавши, что онъ лежитъ въ тѣхъ разсужденіяхъ, какія Мабли посвящаетъ вопросу объ организаціи исполнительной власти въ двухъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ трактатахъ, «объ изученіи исторіи» и «о правахъ и обязанностяхъ гражданина». Вотъ нѣкоторые выдержки изъ этихъ сочиненій.

Читая ихъ, думаешь найти коментарій, теоретическое обоснованіе тѣхъ положеній, какихъ дѣятели 89 года придерживались въ устройствѣ исполнительной власти: «Если ваше высочество, пишетъ Мабли въ своемъ обращеніи къ наслѣднику Пармскаго престола, внимательно изучитъ исторію тѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ, которые придерживались смѣшаннаго образа правленія, оно вынесетъ то убѣжденіе, что тѣ изъ нихъ извлекли наибольшую выгоду изъ своей конституціи, которые, оставивъ законодательную власть за народомъ, раздѣлили исполнительную между возможно большимъ числомъ чиновниковъ [1]). Чтобы обезопасить себя отъ захватовъ исполнительной власти, необходимо установить отвѣтственность чиновниковъ, избраніе ихъ народомъ и краткосрочность ихъ полномочій [2]); необходимо раздѣлить исполнительную власть такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя вѣтви ея, порученныя разнымъ органамъ, уравновѣшивали и ограничивали другъ друга» [3]). Перечисляя тѣ условія, при которыхъ королевская власть, опасная для свободы въ виду ея наслѣдственности, перестанетъ быть постоянной угрозой для законодательной, вымышленный собесѣдникъ Мабли, лордъ Стенгопъ, выставляетъ слѣдующія требованія: «необходимо отнять у короля завѣдываніе и распоряженіе финансовыми сред-

---

[1]) См. Collection compléte (годъ изд. 1794 — 1795) des oeuvres de l'abbé de Mably (стр. 56), томъ XII, De l'étude de l'histoire et de la manière d'écrire l'histoire.

[2]) Ibid., стр. 59.

[3]) Ibid., томъ XI, стр. 289 (Des droits et des devoirs de citoyen).

ствами страны и вотируемыми парламентомъ налогами. Необходимо отнять у него право вести войну и заключать миръ, право, дающее ему слишкомъ большое вліяніе на милицію»[1]). Недостаточно объявить короля безотвѣтственнымъ и возложить на министровъ обязанность отвѣчать передъ палатами за всѣ правительственныя мѣропріятія, необходимо еще въ интересахъ свободы ограничить и раздѣлить функціи исполнительной власти, поручая ихъ возможно большему числу агентовъ. Только при этихъ условіяхъ правители поставлены будутъ въ необходимость сдѣлаться служителями одного закона и ничего, кромѣ закона[2]). Мудрая и предусмотрительная нація никогда не соединитъ въ рукахъ одного и того же лица всѣхъ функцій исполнительной власти изъ опасенія, что надѣленный неминуемо сдѣлается деспотомъ (il deviendra un despote dès qu'il sera magistrat universel)[3]). Необходимо поэтому существованіе нѣсколькихъ классовъ чиновниковъ, соотвѣтственно числу различныхъ общественныхъ потребностей, которыми завѣдують эти чиновники. Стремящаяся къ свободѣ нація должна слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру деспотовъ, озабоченныхъ упроченіемъ своей тираніи. Наслѣдственный монархъ хорошо знаетъ, что, имѣй онъ при себѣ подобіе карловингскихъ дворцовыхъ мэровъ, онъ тѣмъ самымъ создалъ бы для себя господина; онъ ввѣряетъ поэтому принадлежащую ему власть по частямъ въ разныя руки, онъ дѣлитъ ее между разными чиновниками такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ авторитета достаточно сильнаго, чтобы направить его противъ короля»[4]). Слѣдуя этому требованію возможнаго обособленія различныхъ исполнительныхъ функцій, Мабли рекомендуетъ передачу судебныхъ атрибутовъ самостоятельному органу и въ этомъ смыслѣ стоитъ за независимость парламентовъ и другихъ верховныхъ судовъ[5]). Все финансовое управленіе отходитъ въ руки органа законодательной власти. Только при внезапномъ нападеніи на государство въ правѣ король

1) Ibid., стр. 308
2) Ibid., стр. 308 и 348.
3) Ibid., стр. 480.
4) Ibid., стр. 481 и 482.
5) Ibid , стр. 482.

послать войско противъ непріятеля; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ какъ можно скорѣе созвать народныхъ представителей и подвергнуть ихъ рѣшенію вопросъ объ объявленіи войны. Во время мира король имѣетъ только верховный надзоръ за милиціей; установленіе же новыхъ крѣпостей, какъ и поддержаніе прежнихъ, организація милиціи и самый порядокъ вооруженія, все это вопросы, рѣшаемые народнымъ представительствомъ. Короля можно сдѣлать начальникомъ надъ войскомъ, но нельзя оставить въ его рукахъ назначенія на военныя должности. Мабли заявляетъ себя сторонникомъ предложенной аббатомъ Сенъ-Пьеромъ системы избранія начальниковъ полками и опредѣленія закономъ порядка преемственнаго перехода съ низшихъ военныхъ должностей на высшія [1]. Эти мысли высказаны Мабли еще въ 1758 году, въ эпоху полнаго господства той неограниченности королевскаго самодержавія, министерскаго произвола и административной централизаціи, въ которыхъ дѣятели 89 года, какъ мы сейчасъ покажемъ, видѣли главное препятствіе къ установленію политической свободы. Онѣ вызваны были въ немъ тѣмъ же отрицательнымъ отношеніемъ къ историческому прошлому Франціи, къ ея политическому опыту, которое въ равной мѣрѣ было присуще членамъ учредительнаго собранія. Наконецъ, онѣ заключали въ себѣ попытку критическаго отношенія къ тому ученію о королевской прерогативѣ, которое сложилось въ Англіи путемъ послѣдовательныхъ историческихъ наслоеній и въ концѣ XVIII вѣка являлось скорѣе пышнымъ выраженіемъ старинныхъ преимуществъ, нѣкогда принадлежавшихъ англійскимъ монархамъ, нежели вѣрной передачей дѣйствительно осуществляемыхъ ими правъ. Тогда какъ общность антипатій вызывала между членами національнаго собранія и самымъ смѣлымъ представителемъ демократическихъ тенденцій солидарность во взглядахъ на нормальныя границы исполнительной власти, критика популяризированнаго Делольмомъ ученія о прерогативѣ англійскихъ королей предостерегала депутатовъ отъ мысли положить въ основу затѣянной реформы рабское подражаніе англійскому образцу. Сказаннымъ опредѣляется та степень

[1]) Ibid., стр. 488, 490, 491, 493, 495.

вліянія, какую собственный опытъ и опытъ другихъ народовъ могъ оказать на дѣятелей 89 года при опредѣленіи ими роли, какую исполнительная власть должна играть въ ряду другихъ властей, и тѣхъ средствъ и путей, какими ея вліяніе должно сказываться въ ходѣ государственной машины. Собственный опытъ прошелъ не безслѣдно, но его воздѣйствіе было только отрицательнымъ: онъ породилъ въ умахъ извѣстныя предубѣжденія, создалъ предразсудки, отъ которыхъ депутаты не въ силахъ были освободиться и вліяніе которыхъ не трудно открыть въ ихъ мѣрахъ на счетъ устройства администраціи.

Въ свою очередь примѣръ свободныхъ народовъ Европы и Америки также замѣтенъ при разборѣ отдѣльныхъ постановленій конституціи, опредѣляющихъ взаимныя отношенія короля, министровъ и второстепенныхъ органовъ исполненія.

Но точка зрѣнія, съ которой собраніе относится къ опыту другихъ народовъ, чисто субъективная. Оно видитъ въ ихъ прошломъ только постепенное торжество политической свободы и ея источника—народовластія, надъ абсолютизмомъ и его источникомъ—королевской прерогативой. Тѣ преимущества, какія эта прерогатива доселѣ обезпечиваетъ монарху, не болѣе какъ слѣды прежняго угнетенія и рабства. Собраніе считаетъ себя призваннымъ продолжить вѣковую борьбу свободы съ произволомъ, устанавливая новыя и новыя границы для прерогативы. Созданіе конституціи, долженствующей оставить далеко за собою все сдѣланное доселѣ въ области политическаго творчества, конституціи, годной для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, конституціи, которой бы не одна Франція, но все человѣчество обязано было своимъ возрожденіемъ, не допускаетъ простаго заимствованія. Оно требуетъ самостоятельнаго отношенія къ самымъ совершеннымъ даже созданіямъ прошлаго, существеннѣйшихъ перемѣнъ въ нихъ, согласно требованіямъ разума и въ видахъ болѣе рѣшительнаго обезпеченія того торжества націи надъ монархической властью, которое въ глазахъ дѣятелей 89-го года подготовляемо было вѣками борьбы народнаго представительства съ самодержавіемъ.

Какое поученіе могли извлечь изъ прошлыхъ судебъ французской монархіи тѣ, кого открыто обвиняли въ желаніи добиться

«уродливаго сочетанія королевской власти и народнаго самодержавія»? Королевская демократія, о которой нѣкогда мечталъ д'Аржансонъ, очевидно, могла получить фактическое осуществленіе только при рѣшительномъ разрывѣ съ тѣми порядками, на которыхъ, начиная съ Ришелье, опиралось зданіи французскаго абсолютизма. Изъ ограниченной сословіями и провинціальными вольностями монархіи, какой Франція продолжала оставаться еще въ эпоху религіозныхъ войнъ лиги, Ришелье сумѣлъ сдѣлать прототипъ не знающей никакихъ противѣсовъ, всемогущей и вездѣсущей чиновной бюрократіи съ наслѣдственнымъ главою, воля котораго давала импульсъ разнообразнѣйшимъ проявленіямъ народной жизни. Чтобы создать этотъ изумительный по своей сложности и подвижности политическій механизмъ, онъ прибѣгъ къ содѣйствію той административной централизаціи, которую долгое время ошибочно считали порожденіемъ наполеоновскаго режима. Со временъ Токвиля общепризнаннымъ можно считать тотъ фактъ, что эта централизація, подготовляемая еще въ XIII и XIV вѣкѣ установленіемъ королевскихъ бальяжей и сенешоссей и постепеннымъ подчиненіемъ вотчинной юрисдикціи парижскому парламенту, была закончена съ момента введенія въ отдѣльныхъ «генералитетахъ» тѣхъ полномочныхъ комиссаровъ, непосредственно подчиненныхъ государственному совѣту, въ которыхъ надо видѣть зародышъ знаменитаго института интендантовъ. Кольберъ и смѣнившіе его министры только усовершенствовали эту административную машину, сосредоточивъ постепенно въ рукахъ совѣта и его второстепенныхъ агентовъ— интендантовъ, всѣ вѣтви управленія и освободивъ администрацію отъ всякаго законодательнаго и судебнаго контроля. Для этого имъ оставалось только передать въ руки того же государственнаго совѣта право изготовленія новыхъ законовъ, тѣхъ королевскихъ эдиктовъ, которые призваны были отнынѣ занять мѣсто составляемыхъ прежде при участіи штатовъ ордонансовъ. Для этого же имъ пришлось надѣлить совѣтъ и интендантовъ правомъ судебнаго разбирательства всѣхъ тяжбъ, поводъ къ которымъ могли подать превышенія власти или злоупотребленіе ею со стороны чиновниковъ. Упрочившаяся во Франціи къ XV вѣку автономія значительнаго числа городскихъ общинъ и

уцѣлѣвшія въ отдѣльныхъ провинціяхъ сословныя представительныя собранія одни продолжали тормозить произволъ этихъ мѣстныхъ агентовъ абсолютизма, обстоятельство, поведшее къ постепенному подчиненію провинціальныхъ штатовъ волѣ интендантовъ и къ установленію въ ихъ лицѣ системы правительственной опеки надъ общинами. Съ того момента, когда созывъ провинціальныхъ штатовъ перешелъ въ руки этихъ комиссаровъ центральнаго правительства и ихъ утвержденіе одно стало придавать обязательную силу постановленіямъ сословнаго представительства и муниципальныхъ совѣтовъ, королевское самодержавіе пустило корни несравненно болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, какіе оно имѣло въ эпоху самыхъ тираническихъ правителей, не исключая и Людовика XI.

Тѣсная зависимость, въ какой абсолютизмъ и опирающійся на немъ произволъ министровъ стоитъ отъ системы административной централизаціи и ея главныхъ агентовъ, интендантовъ, ясно сознавалось въ XVIII вѣкѣ всѣми ревнителями народной свободы. Начиная съ министерства Тюрго, частью задуманы, частью проведены были мѣры къ ограниченію произвола интендантовъ совѣщательной властью провинціальныхъ собраній. Эти assemblées provinciales, введеніе которыхъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, Берри [1]), сопровождалось самыми благопріятными результатами, въ годы, предшествовавшіе революціи, стали разсматриваться, какъ одно изъ средствъ мирнаго рѣшенія тѣхъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій, какія переживаемы были въ это время монархіей.

И Неккеръ въ эпоху перваго своего министерства, и Бріеннъ, одинаково высказывались въ пользу распространенія системы провинціальныхъ собраній на всю Францію. Людовикъ XVI могъ поэтому съ полнымъ правомъ сказать въ своемъ обращеніи къ членамъ національнаго собранія, что за цѣлыхъ десять лѣтъ до проведенія ими закона о департаментскомъ самоуправленіи, въ то время, когда голосъ націи не имѣлъ еще возможности ру-

---

[1]) См. о провинціальныхъ собраніяхъ во Франціи, монографію профессора Лучицкаго, а также Леонсъ де Лавернь. Les assemblées provinciales en France sous Louis XVI.

ководить его выборомъ, система провинціальныхъ собраній была испробована имъ съ полнымъ успѣхомъ [1]). Но король ошибался, утверждая въ той же рѣчи, что собраніе только усовершенствовало его собственныя предначертанія, такъ какъ затѣянная конституантой реформа мѣстнаго управленія были не видоизмѣненіемъ существовавшей дотолѣ системы, а радикальнымъ переворотомъ, не оставлявшемъ камня на камнѣ отъ прежнихъ порядковъ административной централизаціи, бюрократизма и правительственной опеки надъ общинами. Она знаменовала собою цѣлую революцію не только потому, что взамѣнъ историческаго дѣленія на провинціи вводила геометрическое дѣленіе на департаменты, но и потому, что разрывала всякую связь между мѣстною администраціею и центральною. Рѣчь не шла болѣе объ ограниченіи власти правительственныхъ агентовъ, о соучастіи въ администраціи избранныхъ представителей, а о совершенномъ упраздненіи интендантовъ. Члены національнаго собранія передали въ руки непосредственно назначаемыхъ народомъ органовъ не только «совѣщательную и спорную», но и «дѣятельную» администрацію, которая дотолѣ всецѣло признаваема была принадлежностью комиссаровъ центральнаго правительства. Удивительнѣе всего, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала человѣку, которому приписывается установленіе рѣзко идущей съ ней въ разрѣзъ политической аксіомы. Я разумѣю ту истину, которую самъ Сіейсъ передаетъ афоризмомъ: «agir est le fait d'un seul, délibérer est le fait de plusieurs», другими словами, дѣятельная администрація должна быть поручена единоличному органу, совѣщательная же—совокупности нѣсколькихъ лицъ. Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, и Сіейсъ, и его товарищи по собранію, были весьма далеки отъ этой мысли. Читая дебаты, вызванные въ собраніе обсужденіемъ новой департаментской, окружной и муниципальной организаціи, иниціативу которой Сіейсъ и въ позднѣйшіе годы такъ охотно приписывалъ себѣ [2]), поражаешься тѣмъ

---

[1]) Arch. Parl. (Ière série) томъ XI, стр. 429. (Рѣчь, произнес. корол. 4 февраля 1790 года).

[2]) Въ статьѣ, посвященной имъ характеристикѣ жизни и дѣятельности Сіейса (Revue des deux mondes отъ 1 января 1857 года), Минье, передаетъ о немъ свои личныя воспоминанія и говоритъ между прочимъ слѣду-

фактомъ, что, какъ сторонники, такъ и противники королевской прерогативы, хранятъ одинаково глубокое молчаніе по вопросу, который въ наше время равнозначителенъ былъ бы предложенію отмѣнить префектовъ, и, разумѣется, вызвалъ бы цѣлую бурю со стороны всѣхъ безъ различія «защитниковъ порядка». Мало этого, статья, объявлявшая, что «интенданты не будутъ впредь назначаемы въ отдѣльные генералитеты Франціи», сдѣлалась предметомъ единодушной манифестаціи на всѣхъ скамьяхъ собранія [1]). Только много времени спустя, когда въ общихъ и главныхъ чертахъ затѣянная собраніемъ реформа мѣстнаго управленія была уже проведена, послышались голоса, протестовавшіе противъ полнаго отчужденія мѣстной администраціи отъ центральной, но и на этотъ разъ никому не пришла въ голову та мысль, что единственнымъ средствомъ воспрепятствовать такому отчужденію является назначеніе непосредственно королемъ мѣстныхъ агентовъ или по крайней мѣрѣ совокупное участіе короля и народа въ опредѣленіи на должность органовъ дѣятельной администраціи. Самъ докладчикъ новаго закона Турэ высказывалъ мысли какъ разъ противоположныя тѣмъ, на которыхъ построено все современное административное право Франціи. «Поручите ли вы, спрашиваетъ онъ собраніе, единоличнымъ органамъ дѣятельную администрацію въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ? Нѣтъ, это значило бы то же, что ввести снова интендантовъ. Вы предпочтете имъ коллегіальные совѣты, члены которыхъ, контролируя другъ друга, взаимно поддерживали бы одинъ въ другомъ энергію. Въ своей совокупности они представляютъ большую гарантію дѣятельности и общественнаго довѣрія, нежели единоличный органъ. Существенную выгоду такихъ порядковъ составляетъ также то обстоятельство, что при нихъ большее число

ющее: «хотя новое административное дѣленіе Франціи и было предложено національному собранію Турэ, но на самомъ дѣлѣ оно было дѣломъ Сіейса; онъ дорожилъ имъ, какъ личною собственностью. Когда однажды, это было послѣ революціи 30-аго года, мнѣ пришлось спросить его, не былъ ли онъ главнымъ виновникомъ дѣленія Франціи на департаменты». «Главнымъ! отвѣтилъ онъ мнѣ живо и съ заслуженной гордостью, скажите лучше—единственнымъ!» (Стр. 10-ая отдѣльнаго оттиска).

[1]) Засѣданіе 10 декаб. 89 года. Arch. Parl. томъ X, стр. 494.

призывается къ отправленію правительственныхъ функцій. Надеждою на кооперацію вы заинтересовываете большее число лицъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, вы воспитываете большее число гражданъ. Мнѣ скажутъ: «это невыгодно въ томъ отношеніи, что отвлекаетъ слишкомъ многихъ лицъ отъ частныхъ занятій». Я отвѣчу: нѣтъ недостатка въ желающихъ, и Мирабо правъ, когда говоритъ: «необходимо приблизить администрацію къ людямъ и къ тѣмъ интересамъ, которыми она завѣдываетъ, необходимо вовлечь въ нее болѣе значительное число гражданъ. Это расширитъ кругозоръ и увеличитъ ея бдительность, т. е., придастъ ей настоящую силу и могущество» [1]).

Значительность автономіи, какой будутъ располагать общины, благодаря порядку назначенія на всѣ должности путемъ народныхъ выборовъ, не пугаетъ Турэ. «Для прочности и совершенства конституціи, думаетъ онъ, необходимо прежде всего строгое опредѣленіе, классификація и обособленіе властей. Не будемъ же смѣшивать муниципальную власть, имѣющую свою особую природу и свои особыя задачи, съ такими національными властями, какъ законодательство и общее управленіе. Національныя власти установлены въ общихъ интересахъ націи, муниципальная власть—въ интересахъ отдѣльнаго округа и лицъ его составляющихъ. Сами по себѣ муниципальные органы не имѣютъ никакихъ функцій, касающихся общихъ интересовъ управленія, но они могутъ быть возложены на нихъ центральною властью, такъ, напримѣръ, распредѣленіе податей между плательщиками, надзоръ за производствомъ публичныхъ работъ и тому подобное. На, сколько они являются органами общей администраціи, муниципіи подчинены контролю исполнительной власти. Во всемъ остальномъ они столь же независимы, какъ и частныя лица». Такими словами Турэ заявляетъ полный разрывъ собранія съ тою вѣковой традиціей правительственной опеки надъ общинами, которая, какъ мы видѣли, была связана съ административной централизаціей и расширяла до крайнихъ предѣловъ сферу правительственнаго вмѣшательства и воздѣйствія.

---

1) Arch. Parl. (I—série), томъ IX (засѣд. 9 ноября 89 года), стр. 726.

Тарже еще опредѣленнѣе высказывается въ томъ же смыслѣ. «Вашъ комитетъ, сказалъ онъ собранію, правъ, считая муниципіи чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ общей администраціи королевства. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на подчиненную часть ея. Вотъ какова на нихъ наша точка зрѣнія: каждая семья имѣетъ свое жилище; отецъ, супругъ, царствуютъ въ немъ; разъ онъ не нарушаютъ своими дѣйствіями общихъ законовъ страны,—домашняя администрація всецѣло принадлежитъ ему. Съ этой точки зрѣнія всякій домъ есть своего рода государство въ государствѣ и образуетъ одно цѣлое, существующее само по себѣ. То же надо сказать и о муниципіяхъ. Ихъ вѣдѣнію принадлежитъ все то, что касается частныхъ интересовъ такихъ сообществъ, какъ города, бурги и селенія; какъ то общинныя имущества, общинныя дороги и публичныя работы, общинныя учрежденія (пріюты больницы, и т. п.), общинная полиція, общинная гигіена и т. п. Во всѣхъ остальныхъ сферахъ муниципіи не болѣе, какъ агенты общаго правительства. Но въ тѣхъ, которыя перечислены выше, они должны быть вполнѣ свободны. А между тѣмъ не было такого момента, когда бы онѣ не были подчинены правительственному надзору, когда бы для продажи и покупки, для исковъ въ судахъ, для распоряженія своимъ лѣсомъ и т. п. онѣ не нуждались бы въ правительственномъ разрѣшеніи. Заслуга комитета состоитъ въ томъ, что онъ избавилъ ихъ отъ опеки интенданта и ввѣрилъ заботу объ ихъ интересахъ избираемымъ ими самими органамъ» [1]).

Но при такой автономіи общинъ не возникаетъ ли опасенія, что тѣ или другія мѣры, ими принятыя, не будутъ отвѣчать общимъ интересамъ государства, что постановленное ими, положимъ, въ интересахъ полицейской охраны, окажется недостаточнымъ для предотвращенія разбоевъ и грабежей и упроченія общественнаго спокойствія, что пути сообщенія не будутъ содержимы въ надлежащемъ порядкѣ, а народное здравіе подвергнется серьезной опасности благодаря пренебреженію къ элементарнѣйшимъ требованіямъ гигіены? Жертвою всѣхъ этихъ несовершенствъ могутъ

---

[1]) Ibid. засѣд. 11 ноября, стр. 747.

быть не одни жители общины, но и ни въ чемъ неповинные обыватели сосѣднихъ селеній. Для нихъ не безразлично, чтобы та или другая мѣстность сдѣлалась притономъ для преступниковъ или очагомъ заразы; они не могутъ помириться съ порядками, при которыхъ свобода передвиженій фактически нарушается невниманіемъ, съ которымъ община относится къ поддержанію собственныхъ путей сообщенія. Все это не болѣе, какъ отдѣльные примѣры въ доказательство того положенія, что частныя мѣропріятія отдѣльныхъ общинъ не безразличны для всего государства и что общая администрація, или, что то же, исполнительная власть, не можетъ относиться къ нимъ безразлично. Эта истина не ускользала вполнѣ отъ вниманія членовъ конституціоннаго комитета, и въ ихъ первоначальномъ проектѣ значилось, что постановленія мѣстныхъ административныхъ собраній не будутъ имѣть силы, помимо королевской санкціи. «Разсматривая эту статью, говоритъ депутатъ Дефермонъ, я убѣдился, что она клонится къ возстановленію власти интендантовъ. Король самъ не въ силахъ слѣдить за всѣми постановленіями мѣстныхъ собраній; ему необходимо будетъ поэтому поручить осуществленіе своей власти второстепеннымъ агентамъ, и, какое бы имя вы не дали этимъ агентамъ, они, на самомъ дѣлѣ, будутъ ни чѣмъ инымъ, какъ интендантами». Опасеніе возстановить власть этихъ ненавистныхъ фактотумовъ абсолютизма заставляетъ комитетъ ограничиться заявленіемъ, что административныя собранія будутъ агентами исполнительной власти, уполномоченными короля, какъ главы администраціи, будутъ дѣйствовать его именемъ, принимать отъ него приказы и состоятъ въ полномъ подчиненіи ему. Но и такая редакція кажется многимъ членамъ собранія опасной и дающей поводъ къ захватамъ со стороны исполнительной власти [1]). «Предлагаемая вамъ статья, говоритъ Ланжюинэ, даетъ возможность министру изъ глубины своего кабинета руководить всѣми сторонами провинціальной жизни. Не повторится ли снова во Франціи то, что было нѣкогда при Людовикѣ XIV, когда король изъ будуара считалъ возможнымъ направлять военныя дѣйствія Тюрена?»

---

[1]) Arch. Parl., томъ X (I série), засѣд. 23 ноября 89 года, стр. 226.

Реубель считаетъ статью опасной для законодательной власти. Каждый департаментъ всецѣло будетъ подчиненъ министру, а слѣдовательно сдѣлается совершенно чуждымъ національному собранію. Какая нужда будетъ въ законодательствѣ, разъ фактически изданіе приказовъ департаментамъ сосредоточится въ рукахъ министровъ и совѣтовъ. Рёбель требуетъ совершеннаго опущенія предлагаемой статьи.

Тарже справедливо доказываетъ, что мѣстныя административныя собранія имѣютъ своей задачей примѣненіе королевскихъ приказовъ объ исполненіи законовъ. Король передаетъ имъ волю народнаго представительства, которая, разъ она выражена въ утвержденныхъ имъ декретахъ собранія, становится его личной волей. Но изъ этого прямо слѣдуетъ, что мѣстныя административныя собранія должны быть подчинены королю. Замѣните въ этомъ отношеніи короля національнымъ собраніемъ, поставьте мѣстные административные совѣты въ непосредственную зависимость отъ народнаго представительства, и вы достигните тѣмъ самымъ нежелательнаго соединенія въ его рукахъ законодательства и исполненія». Тарже считаетъ необходимымъ сохранить предложенную редакцію, дополнивъ ее лишь слѣдующей прибавкой: «мѣстныя административныя собранія подчинены будутъ королю согласно правиламъ, установленнымъ въ конституціи, и постановленіямъ законодательныхъ собраній».

Но депутатъ Популюсъ не довольствуется этими объясненіями. «Признаніе предлагаемаго комитетомъ принципа, говоритъ онъ, поставитъ провинціи въ неограниченную зависимость отъ исполнительной власти. Не много времени потребуется для того, чтобы административныя собранія лишились всякаго самоопредѣленія, всякой энергіи. Въ то время, какъ вы будете говорить о мѣстной свободѣ, ни одинъ округъ не въ правѣ будетъ провесть новой дороги безъ одобренія министерскихъ агентовъ, которыхъ король неминуемо создастъ снова въ департаментахъ. Многіе депутаты требуютъ отсрочки въ обсужденіи, и собраніе большинствомъ голосовъ удовлетворяетъ этому требованію» [1]).

Въ окончательной редакціи вызвавшая такое разногласіе статья

---

[1]) Ibid., стр. 227.

проводитъ различіе между тѣми функціями департаментскихъ, окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ общей администраціи королевства, и тѣми, которыя носятъ чисто мѣстный характеръ. Первыя подчинены надзору высшей администраціи, вторыя же остаются свободными отъ него. Статья пятая секціи третьей декрета 22 декабря 89 года постановляетъ на этотъ счетъ слѣдующее: «рѣшенія административныхъ совѣтовъ-департамента въ вопросахъ, интересующихъ общую администрацію королевства, а также тѣ, которыя касаются новыхъ предпріятій и чрезвычайныхъ работъ, не подлежатъ исполненію ранѣе одобренія ихъ королемъ. Что же касается до частныхъ дѣлъ департамента, то для нихъ предварительное разрѣшеніе короля не считается необходимымъ». Въ объясненіяхъ, которыя собраніе сочло нужнымъ приложить къ тексту своего декрета, мы находимъ изложеніе тѣхъ мотивовъ, которые побудили къ принятію такого рѣшенія. «Государство представляетъ единое цѣлое, значится въ немъ, департаменты не болѣе, какъ части его. Однообразіе администраціи въ департаментахъ необходимо поэтому въ интересахъ единства правленія. Если бы административные совѣты департаментовъ, предоставленные сами себѣ, надѣлены были свободой выбора между принципами и формами администраціи, единство и правильность ея хода во всемъ королевствѣ были бы нарушены. Въ видахъ этого статья пятая и требуетъ королевскаго утвержденія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія административныхъ совѣтовъ департамента затрогиваютъ вопросы, касающіеся общаго хода управленія въ королевствѣ» [1]).

Но высказываясь такимъ образомъ въ пользу подчиненія, хотя бы и въ ограниченной сферѣ вопросовъ общей администраціи, мѣстнаго управленія главѣ исполнительной власти, собраніе въ то же время принимаетъ рѣшительныя мѣры противъ того, чтобы фактическій надзоръ за соблюденіемъ этого требованія не былъ возложенъ королемъ и министрами на назначаемыхъ ими мѣстныхъ агентовъ. Статья девятая секціи третьей того же закона постановляетъ: «между департаментской администраціей

---

[1]) Arch. Parl., томъ XI, стр. 194, 203. (I série).

и верховной исполнительной властью не будетъ существовать впредь никакого посредника». Такимъ образомъ, на практикѣ у короля отымается возможность зоркаго наблюденія за тѣмъ, чтобы департаментская администрація въ той или другой части королевства не входила въ противорѣчіе съ общей и по своей силѣ и энергіи всегда отвѣчала видамъ правительства и задачамъ исполненія. Агентами центральной администраціи въ департаментахъ, округахъ и муниципіяхъ, призваны быть члены выборныхъ коллегій, всецѣло зависящіе отъ избирателей или точнѣе отъ той или тѣхъ партій, которымъ принадлежитъ руководящая роль въ мѣстности. Ожидая отъ нихъ переизбранія, не получая отъ короля ни жалованья, ни служебнаго повышенія, они, разумѣется, въ случаѣ столкновенія между требованіями монарха и желаніями большинства довѣрителей, не преминутъ стать на сторону послѣднихъ, жертвуя своими обязанностями интересамъ партіи и собственной выгодѣ. Мы только что видѣли, какимъ образомъ боязнь оживить въ департаментахъ еще недавній произволъ интендантовъ заставила членовъ собранія отказать центральной администраціи въ правѣ имѣть независимыя отъ народнаго выбора мѣстныя власти. Въ низшихъ административныхъ дѣленіяхъ, кантонахъ или муниципіяхъ, этихъ созданныхъ собраніемъ искусственныхъ единицахъ, въ составъ которыхъ входитъ подчасъ городъ и сосѣднія селенія, подчасъ нѣсколько деревень, неотъемлемыя функціи исполнительной власти въ дѣлѣ поддержанія мира и общественнаго спокойствія въ свою очередь принесены были въ жертву какому-то метафизическому представленію о самостоятельности муниципальной власти [1]). Эта самостоятельность требовала исключительнаго подчиненія мѣстнымъ органамъ той національной гвардіи, которая, въ глазахъ дѣятелей 89 года, состоя подъ руководительствомъ избираемыхъ начальниковъ, должна была служить какимъ-то противовѣсомъ предводительствуемой королемъ постоянной арміи. Члены этой гвардіи призваны приносить присягу въ руки муниципальныхъ властей. Многіе изъ членовъ собранія настолько озабочены сохраненіемъ

---

[1]) Зародышъ этого представленія можно найти у д'Аржансона и физіократовъ.

даже внѣшнихъ признаковъ независимости національной гвардіи отъ короля, что требуютъ исключенія изъ формулы присяги самаго его имени. При наступленіи безпорядковъ, ихъ подавленіе падаетъ всецѣло на обязанность муниципальныхъ властей: избираемаго мэра и совѣтниковъ. Они уполномочены требовать содѣйствія національной гвардіи и только при недостаточности этого содѣйствія вправѣ прибѣгнуть къ королю, который ставитъ въ этомъ случаѣ въ ихъ распоряженіе необходимый контингентъ войска. Такимъ образомъ, инициатива репрессіи принадлежитъ не королю и не подчиненнымъ ему агентамъ, а выбираемымъ народомъ органамъ самостоятельной и независимой отъ общей муниципальной администраціи. Эти принципы положены въ основу тѣхъ правилъ къ подавленію безпорядковъ, какія по порученію національнаго собранія выработаны были его конституціоннымъ комитетомъ. 18 февраля 1790 года Шапелье отъ имени этого комитета внесъ ихъ на общее обсужденіе [1]).

Послѣдовавшія пренія обнаружили какъ нельзя лучше ту точку зрѣнія, съ какой большинство депутатовъ смотрѣло на конституціонныя границы исполнительной власти. Они же положили начало первымъ систематическимъ нападкамъ сторонниковъ короля на тайныхъ союзниковъ «демократической анархіи», «До сихъ поръ, сказалъ одинъ изъ нихъ, аббатъ Бонваль, въ засѣданіи 22 февраля 1790 года, собраніе не приняло ни одной мѣры къ тому, чтобы упрочить исполнительную власть во Франціи. Оно покрыло королевство сѣтью второстепенныхъ агентовъ, но что въ состояніи сдѣлать эти агенты безъ непосредственнаго вмѣшательства того верховнаго главы, который долженъ вызывать, направлять и контролировать всѣ ихъ дѣйствія. Раздробивъ Францію на 83 департамента, что, вмѣстѣ съ подраздѣленіемъ ихъ на округа, сдѣлалось источникомъ образованія шестисотъ отдѣльныхъ административныхъ группъ, создавъ около 45 тысячъ муниципій и вызвавъ къ жизни почти въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ самостоятельную гражданскую гвардію, національное собраніе тѣмъ самымъ заключило торжественное обязательство возможно скораго осуществленія главной своей задачи, уста-

[1]) Смотри томъ XI, стр. 641, §§ 2, 3, 5, 11.

новленія исполнительной власти, упроченія ея силы и вліянія въ тѣхъ границахъ, которыя соотвѣтствовали бы многочисленности и силѣ мѣстныхъ рычаговъ, приводимыхъ ею въ дѣйствіе. Вамъ хорошо извѣстно, господа, что согласно законамъ механики, чѣмъ машина сильнѣе, тѣмъ могущественнѣе долженъ быть ея двигатель. Искусный строитель высчитываетъ напередъ всѣ тренія, всѣ сопротивленія, всѣ неминуемыя потери силъ. Ему и въ голову не придетъ установить двигатель гдѣ-то на сторонѣ отъ машины. Нѣтъ, онъ, такъ сказать, амальгамируетъ его съ нею; тѣмъ самымъ онъ подымаетъ силу его до той высоты, которая дозволила бы превозмочь всѣ препятствія. Сказанное примѣнимо и къ политической машинѣ. Чѣмъ многочисленнѣе ея второстепенные агенты, чѣмъ больше они представляютъ элементовъ сопротивленія, тѣмъ внимательнѣе надо отнестись къ возможности ихъ взаимнаго противодѣйствія и тѣмъ необходимѣе привести центральнаго агента въ тѣсную связь со всей политической машиной. Это одно сдѣлаетъ возможнымъ подавить всѣ сопротивленія, подчиняя расходящіяся между собою части общему направленію. Надо поскорѣе создать эту исполнительную власть; подобно Провидѣнію, она должна парить надъ государствомъ, охраняя его единство. Уже страждущія провинціи открыто высказываютъ свое удивленіе тому, что нигдѣ не видятъ исполнительной власти. Они не замедлятъ громко потребовать ея установленія, какъ единственнаго средства положить предѣлъ ихъ бѣдствіямъ, источникъ которыхъ—овладѣвающая нами анархія. Они спросятъ насъ, «гдѣ та власть, которая должна оказать имъ покровительство и защиту? Мы видимъ ту, которая создаетъ законы,—она въ рукахъ національнаго собранія. Но гдѣ та, которая должна приводить ихъ въ дѣйствіе и мстить за ихъ нарушеніе; та, которая должна обезпечить намъ жизнь, собственность и свободу? Мы видимъ административные и судебные органы, но ихъ назначеніе повиноваться, а не повелѣвать. Если бы они сами призваны были давать импульсъ своей дѣятельности, они тѣмъ самымъ сдѣлались бы исполнительной властью. Но не въ ихъ руки желали мы передать эту власть. Во всѣхъ наказахъ мы поставили на видъ избирателямъ необходимость сохранить драгоцѣнное наслѣдіе предковъ—коро-

левскую прерогативу. Если она сохраняетъ только внѣшній обликъ прежняго могущества, если къ счастливой невозможности дѣлать зло у ней не присоединяется той полноты власти, которая необходима, чтобы дѣлать добро, мы обмануты въ нашихъ ожиданіяхъ, и король, котораго мы имѣемъ—не тотъ, котораго мы желали». Бонваль предлагаетъ поэтому, чтобы всѣ органы мѣстнаго управленія, департаментскія и окружныя директоріи, муниципалитеты и національныя гвардіи, дѣйствовали не иначе, какъ именемъ короля. Ему обязаны они отчетомъ въ пользованіи тѣми полномочіями, которыя даны имъ конституціей; отъ него должны они получать приказы, скрѣпленные подписью министра, и приводитъ ихъ немедленно въ исполненіе подъ страхомъ отвѣтственности. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства допускаютъ отсрочку, органы мѣстнаго самоуправленія вправѣ дѣлать королю представленія и возраженія противъ его приказовъ. Отъ короля въ конечномъ исходѣ зависитъ, принять или не принять ихъ во вниманіе. Войска обязаны дѣятельно участвовать въ защитѣ жизни, свободы, собственности гражданъ, общественной безопасности и т. д. каждый разъ, когда они будутъ призваны къ тому приказомъ короля. Имъ нечего ожидать приглашенія со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія. Необходимо только, чтобы приказъ короля былъ контрасигнированъ военнымъ министромъ. До тѣхъ поръ, пока министры будутъ скрѣплять своей подписью всѣ распоряженія короля и нести отвѣтственность за эти распоряженія, нечего опасаться захватовъ исполнительной власти; мы можемъ ожидать отъ нея только блага [1]).

Монлозье вполнѣ солидаренъ съ предшествующимъ ораторомъ, когда говоритъ, что сила, необходимая для подавленія мятежей и безпорядковъ, должна быть сосредоточена не въ рукахъ какихъ-то частныхъ корпорацій, разумѣя подъ ними муниципіи, а въ рукахъ короля. «Со всѣхъ сторонъ, предъявляютъ намъ, жалуется онъ, проэкты законовъ и во всѣхъ одинаково королевская власть тщательно устраняется, какъ будто по самому существу своему

---

[1]) Засѣданіе 22 февраля 1790 года (Opinion de M. l'abbé de Bonneval sur le décrêt à rendre pour le rétablissement de la tranquillité publique).

она можетъ быть только вредной. Развѣ собраніе забыло, что наши величайшіе публицисты и самъ Жанъ Жакъ Руссо признали ту истину, что король глава всѣхъ чиновниковъ и что его поэтому, а не кого другого, слѣдуетъ поставить у кормила всякой правительственной дѣятельности. Французская нація, которая привыкла чтить своего короля, вправѣ требовать, чтобы король сдѣлалъ что-нибудь для нея, чтобы его отеческая заботливость не прошла безслѣдно для народнаго благополучія. Но въ предлагаемомъ вами законѣ все сосредоточивается въ муниципалитетахъ; они все дѣлаютъ; королевская же власть совершенно меркнетъ. Все государство можетъ быть въ броженіи; организованныя шайки внесутъ замѣшательство повсюду, а монархъ, лишенный инициативы, не въ правѣ будетъ противиться ихъ безпорядкамъ. Составителямъ проэкта нужны только муниципалитеты и военная команда. Вся ихъ надежда на войско и мэра. А между тѣмъ, господа. въ обширной имперіи, какова Франція, король, котораго справедливо называютъ «дѣйствующимъ закономъ,» долженъ быть центромъ всѣхъ силъ, главною пружиною, приводящею ихъ въ дѣйствіе. Никакая власть, помимо его, не должна располагать войскомъ. И частныя лица, и муниципіи, и департаменты, и всѣ эти корпораціи, каково бы ни было ихъ имя, въ пользованьи этой силой не болѣе, какъ уполномоченные монарха. Одинъ онъ, и никто другой, распространяетъ на подданныхъ благодѣянія общественной защиты, такъ какъ онъ одинъ, надѣленъ правомъ приведенія законовъ въ дѣйствіе. Что сталось бы съ нами, если бы муниципалитеты, если бы частныя корпораціи захватили въ свои руки право репрессіи, помимо всякаго участія главы націи? Что бы помѣшало имъ воспользоваться со временемъ этимъ правомъ въ своихъ личныхъ распряхъ? Какой безпорядокъ, какую внутреннюю сумятицу внесло бы это въ государство! Много бѣдъ испытали мы, но еще большія грозятъ намъ, разъ мы позволимъ вовлечь себя въ эту темную бездну анархіи. Тогда у насъ не останется ничего, кромѣ надежды на болѣе или менѣе несовершенную федерацію. Не будемъ терять изъ виду, что если въ моментъ внутренняго потрясенія и кризиса мы въ состояніи будемъ обойтись безъ помощи королевской власти, она сдѣлается для насъ еще менѣе необходимой при мирѣ. Откладывая ея организацію, не давая ко-

ролю возможности проявить себя, мы тѣмъ самымъ подготовляемъ народъ къ мысли, что онъ можетъ обойтись безъ него. Если бы самоуправляемая демократія, которую я предвижу въ концѣ всего этого, къ которой мы съ каждымъ днемъ приближаемся, была единственнымъ оплотомъ свободы, если бы можно было установить ее въ нашей средѣ безъ преступленія, я бы первый рекомендовалъ ее вамъ; скажу болѣе, король, управляющій нашими судьбами, насколько я его знаю, способенъ былъ бы принесть эту новую жертву на пользу своего народа. Да, онъ сдѣлалъ бы это, если бы думалъ, что въ демократіи залогъ народнаго благополучія. Но когда я вызываю въ моемъ умѣ представленіе о вашей роскоши, о вашей испорченности, о вашихъ большихъ городахъ, о безднѣ, отдѣляющей васъ отъ патріархальныхъ порядковъ и прежде всего то, что вы нація въ 24 милліона человѣкъ, когда, съ другой стороны, я принимаю въ расчетъ, что свобода въ такой же степени возможна и въ монархіи, надѣленной мудрой конституціей, какъ и въ республикѣ, когда вспоминаю, что мы не имѣемъ болѣе свободы выбора, такъ какъ связаны святостію присяги и тѣмъ обязательствомъ, которое добровольно приняли на себя, провозгласивъ въ одной изъ статей нашей конституціи, что верховная исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ монарха, я не могу отказаться отъ мысли, что нашъ долгъ поддержать эту монархію, укрѣпивъ къ ней исполнительную власть» [1]).

Малуэ, Клермонъ Тоннеръ, поочередно высказываются въ томъ же духѣ. «Я не вижу, говоритъ первый, высшаго руководительства, которое бы соединяло воедино и направляло разрозненныя силы муниципальныхъ и департаментскихъ чиновниковъ; я не вижу нигдѣ въ изданныхъ нами законахъ верховнаго распорядителя исполнительной властью. Въ предлагаемомъ проэктѣ исполнительная власть отдѣлена отъ монарха; она въ рукахъ мѣстныхъ органовъ, а между тѣмъ, кто изъ насъ сомнѣвается, что потеря французами монархическаго образа правленія неминуемо будетъ сопровождаться утратой свободы и политическаго единства.

---

[1]) Ibid. стр. 677, 678.

Но мы лишились бы всѣхъ преимуществъ этого режима и удержали бы одни его матерьяльныя тягости, если бы королевская власть перестала служить своему назначенію — быть связующимъ звеномъ; руководительницею всѣхъ вѣтвей управленія, если бы въ дѣлѣ примѣненіи законовъ она не обнаруживала болѣе всей той энергіи, которая неразрывно связана съ единоначаліемъ. Всѣ опасности, которыми можетъ грозить такая централизація власти въ однихъ рукахъ, устраняются отвѣтственностью ея ближайшихъ агентовъ — министровъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что безопасность и свобода въ такой же мѣрѣ зависятъ отъ единства исполнительной власти, какъ и отъ отвѣтственности ея агентовъ. Но это единство возможно только, если всѣ административные и военные органы будутъ строго повиноваться приказамъ монарха. Нація, признающая единаго главу, должна озаботиться тѣмъ, чтобы его власть быть всѣми признаваема. Горе ей, если она остановится на мысли сдѣлать ее безполезной. Въ тотъ моментъ, когда король перестанетъ быть необходимымъ для благоденствія націи, онъ сдѣлается опаснымъ для ея свободы. Наоборотъ, монархъ, располагающій большою властью для того, чтобы дѣлать добро, и не знающій другихъ преградъ, кромѣ тѣхъ, которыя отдѣляютъ его отъ зла, не будетъ имѣть никакихъ поползновеній къ деспотизму и тираніи.

Малуэ заканчиваетъ свою рѣчь предложеніемъ, чтобы всѣ административныя и военныя власти стояли въ прямой зависимости отъ монарха и подчинялись его приказамъ, чтобы всякое неповиновеніе волѣ короля, разъ она согласна съ законами, наказывалось, какъ преступленіе, а всякій актъ несубординаціи ему въ арміи и флотѣ преслѣдовался военными судами. Королю должно принадлежать право предупреждать и подавлять съ помощію военной силы нарушенія безопасности и собственности гражданъ.

Если въ моментъ мятежа второстепенными органами исполненія приняты будутъ мѣры, противныя закону, о нихъ доносится законодательному корпусу, который вправѣ издать «обѣляющій чиновниковъ декретъ» (décret d'absolution). Если среди возстанія муниципальныя власти и судьи будутъ насильственно задержаны толпой, начальнику военной команды предоставляется

право объявить военное положеніе. Наконецъ всѣ акты исполнительной власти контрасигнируются министрами, которые и отвѣчаютъ за нихъ, какъ за собственные [1]).

Отстаивая такимъ образомъ неотъемлемыя права всякаго конституціоннаго монарха, Бонваль, Монлозье, Малуэ, не считали нужнымъ приводить въ ихъ защиту обязательный въ ихъ глазахъ примѣръ Англіи. Печальный опытъ предшествовавшихъ дебатовъ убѣдилъ ихъ въ томъ, что собраніе глухо къ тѣмъ требованіямъ, въ обоснованіе которыхъ приводятся не голыя теоретическія разсужденія, а историческая традиція или факты дѣйствительности. Но и тѣ, и другіе съ удобствомъ могли бы быть приведены въ подкрѣпленіе защищаемыхъ ими воззрѣній, и не только потому, что ученіе англійскихъ юристовъ о королевской прерогативѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно систематизировано Блакстономъ, признаетъ за конституціоннымъ монархомъ непосредственное начальство надъ всѣми гражданскими и военными чиновниками, надъ флотомъ, арміей и милиціей, но и потому, что весь строй англійскаго самоуправленія не только въ теоріи, но и на практикѣ, построенъ на той мысли, что мѣстные органы исполненія получаютъ импульсъ и приводятъ въ дѣйствіе тѣ предначертанія, которыя даетъ имъ свыше король— этотъ верховный охранитель мира въ государствѣ, этотъ призванный глава мировой юстиціи на протяженіи всего королевства. Только восходя къ историческимъ основамъ, изъ которыхъ развилась вся система англійскаго центральнаго и мѣстнаго управленія, только сохраняя въ памяти тотъ знаменательный фактъ, что земскій миръ въ Англіи долгое время сливался и вытекъ изъ понятія о мирѣ королевскомъ, что его защита и охрана была прямой задачей и источникомъ тѣхъ разнообразныхъ властей, которыми англо-саксонскіе и норманскіе правители, а за ними англійскіе короли изъ династіи Плантагенетовъ, покрыли какъ сѣтью не только непосредственно подчиненные имъ свободные округа и королевскіе бурги, но и феодальныя вотчины, можно понять причину, по которой мѣстное самоуправленіе почти до послѣдняго времени было построено въ Англіи

---

1) Засѣданіе 20 февраля 90 года. Ibid., стр. 658.

не на началѣ народнаго избранія, а на началѣ правительственнаго назначенія. За исключеніемъ выбираемыхъ слѣдственныхъ судей или коронёровъ и нисшихъ полицейскихъ агентовъ—констеблей, всѣ прочіе органы мѣстнаго управленія графствъ, какъ-то: шерифы, мировые судьи и учрежденные со временъ Елисаветы лорды-лейтенанты, опредѣляются на должность свыше и получаютъ отъ короля свои служебныя полномочія. Правда, всѣ они вербуются изъ рядовъ мѣстнаго землевладѣльческаго сословія, изъ среды всемогущей англійской джентри; правда, король или королева рѣдко исключаютъ кого либо изъ того списка кандидатовъ на мѣстныя должности, какой время отъ времени представляется имъ лордами-лейтенантами; проколъ булавкой—употребительный въ этихъ случаяхъ пріемъ, рѣдко когда поражаетъ имя непріятнаго монарху мѣстнаго сквайера; правда также, что пожизненность должности или, точнѣе, принципъ, что срокъ ея занятія зависитъ отъ добраго поведенія и истекаетъ не иначе, какъ въ силу смерти или обвинительнаго приговора судей, даетъ мѣстнымъ органамъ ту независимость отъ высшей администраціи и ея измѣнчивыхъ теченій, какую въ равной степени сообщаетъ судьямъ начало ихъ несмѣняемости. Но все это вмѣстѣ взятое доказываетъ только, что бремя самоуправленія въ теченіе вѣковъ падало всецѣло на мелкое дворянство, которое, взамѣнъ извлекаемаго изъ него почета и власти, охотно соглашалось на тѣ денежныя пожертвованія, какихъ требовала отъ него безвозмездность его службы. Правда также, что по самому факту принадлежности его къ землевладѣльческому классу, оно всегда находило свои интересы въ единеніи съ королемъ—верховнымъ охранителемъ исторически сложившагося общественнаго порядка. По всѣмъ этимъ причинамъ мѣстное самоуправленіе въ Англіи, по крайней мѣрѣ, въ прежнія столѣтія, отнюдь не мирилось съ началомъ народовластія и избирательной системой. Завѣдуя на малыхъ и четвертныхъ сессіяхъ одинаково судебными, полицейскими и экономическими интересами графства и пользуясь въ этомъ отношеніи такою широтою функцій, какой, согласно конституціи 91 года, далеко не располагали ни муниципальные, ни окружные, ни департаментскіе совѣты Франціи; имѣя, не въ примѣръ имъ, право создавать мѣстные регламенты, такъ на-

зываемыя «приузаконенія» (bye laws), органы мѣстнаго управленія графствъ въ то же время считали себя агентами верховной исполнительной власти. Назначаемый королевою лордъ-лейтенантъ признавался начальникомъ той мѣстной милиціи, того «posse comitatus», на который возлагалась обязанность подавленія безпорядковъ и предупрежденія народныхъ мятежей. Мировой судья, требующій отъ лицъ, заподозрѣнныхъ имъ въ намѣреніи сдѣлать посягательство на общественное спокойствіе, «обезпеченія добраго поведенія» (surety of peace and good behaviour) и шерифъ, издающій приказъ о задержаніи, препровождающій арестованнаго въ тюрьму или отпускающій его на поруки подъ залогъ или поручительство, дѣйствуютъ не болѣе, какъ на правахъ подчиненныхъ чиновниковъ, осуществляющихъ полномочія, данныя имъ непосредственно высшимъ правительствомъ за министерской подписью и отвѣтственностью, или назначаемыми королемъ и дѣйствующими его именемъ вестминстерскими судьями.

Такимъ образомъ, мѣстное самоуправленіе въ Англіи уживается съ тѣмъ единствомъ исполнительной власти, которое всѣми публицистами XVIII вѣка, за исключеніемъ аббата Мабли и аббата Сенъ-Пьерра, признавалось такимъ же необходимымъ условіемъ нормальнаго устройства монархіи, какъ и раздѣленіе и обособленіе властей.

Эта зависимость мѣстныхъ органовъ отъ центральнаго руководительства сказывается въ Англіи съ особенною силою въ эпоху народныхъ мятежей. Не довольствуясь правами, предоставленными ему такъ наз. «mutiny act», король испрашиваетъ въ этомъ случаѣ у парламента временную диктатуру, подобную той, какую устанавливаетъ на континентѣ провозглашеніе военнаго положенія. Казалось счелъ поэтому возможнымъ сослаться на примѣръ Англіи въ пользу своего предложенія, облечь Людовика XVI временно тѣми же неограниченными правами, какими англійскій парламентъ въ эпоху народныхъ смутъ облекаетъ главу государства. Этимъ, по его мнѣнію, только и можно было предотвратить бѣдствія начинающейся анархіи [1]). «Я знаю, сказалъ онъ, что мнѣ

[1]) Arch. Parl. Засѣданіе 20 февр. 90 года (томъ XI), стр 665.

возразятъ: опасно для цѣлости конституціи усиливать исполнительную власть, но я отвѣчу на это: если конституціи грозитъ какая опасность, то отъ насъ самихъ, отъ «преувеличенія нами силы принциповъ». «Англичане, прибавилъ въ свою очередь д'Эпремениль, едва ли могутъ быть заподозрѣны въ равнодушіи къ свободѣ, но это не помѣшало имъ надѣлить короля въ случаѣ опасности чрезвычайными полномочіями. Король жалуется, что муниципальныя власти не имѣютъ смѣлости или желанія подавлять мѣстные мятежи; надѣлимъ же короля неограниченными полномочіями для ихъ усмиренія». Мирабо спѣшитъ заявить, что оба оратора стоятъ внѣ вопроса и что нескончаемыя жалобы на безсиліе исполнительной власти объясняются только тѣмъ, что конституція далеко не закончена. Власть короля стоитъ въ такой тѣсной связи со всѣми сторонами предпринятой собраніемъ политической реформы, что одно лишь завершеніе ея позволитъ придать этой власти большую силу.

«Горе намъ, замѣтилъ Петіонъ, если мы согласимся дать королю и министрамъ тѣ чрезвычайныя полномочія для подавленія возстаній, какія предлагаетъ намъ Малуэ. Это было бы равносильно отказу отъ свободы. Административныя собранія, назначеніе которыхъ быть орудіями народной воли, сдѣлались бы средствомъ къ упроченію министерскаго произвола. Та отвѣтственность, которой думаютъ успокоить насъ, только послужила бы къ нашему угнетенію; вѣдь согласно проекту Малуэ министры вправѣ пренебречь установленными закономъ порядками. Отъ нихъ требуется только, чтобы они испросили у народнаго представительства «отпускную» (absolution).

«Тѣ, кто требуютъ надѣленія исполнительной власти диктатурой, говоритъ депутатъ Бленъ, стремятся къ тому, чтобы «противъ разбойниковъ и убійцъ, разоряющихъ наши провинціи, были посланы такіе же разбойники и убійцы». Это заявленіе вызываетъ цѣлую бурю, и предсѣдатель поставленъ въ необходимость призвать депутата къ порядку. Но всѣхъ далѣе въ отрицаніи пользы усиленія исполнительной власти идетъ Робеспьеръ. «Пришлось бы отчаяться въ будущемъ Франціи, говоритъ онъ, еслибы предложеніе диктатуры, сдѣланное Казалесомъ, нуждалось въ опроверженіи. Безпорядки вовсе не но-

сять того общаго характера, какой пытаются придать имъ. Большинство ихъ вызвано нежеланіемъ платить налоги, несправедливость которыхъ громко провозглашена самимъ собраніемъ. Противъ разбойниковъ же и убійцъ нѣтъ болѣе надежнаго средства, какъ народная милиція. Это естественная охранительница общественнаго спокойствія».

Собраніе останавливается на слѣдующемъ рѣшеніи: «муниципальныя власти призваны примѣнять всѣ поставленныя въ ихъ распоряженіе средства къ защитѣ лицъ и имущества, все равно, частнаго или публичнаго, а также къ предупрежденію и устраненію всѣхъ препятствій къ своевременному сбору налоговъ. Если бы личная безопасность, охрана собственности и платежъ податей встрѣтили препятствіе въ мятежныхъ сборищахъ, муниципальныя власти въ правѣ провозгласить военное положеніе» [1]).

Такимъ образомъ, собраніе сосредоточило всю силу репрессіи не въ королѣ и подчиненныхъ ему агентахъ, а въ избираемыхъ народомъ муниципальныхъ властяхъ.

Свидѣтель этого рѣшенія — американецъ Моррисъ, не безъ изумленія сопоставлялъ новые порядки монархической Франціи съ тѣми, примѣръ которыхъ представляла его родина. Англійская система мѣстнаго самоуправленія, пересаженная на почву Новаго Свѣта, въ это время не успѣла еще подвергнуться здѣсь видоизмѣняющему вліянію демократическихъ идей. Народное избраніе въ большинствѣ старыхъ штатовъ (за исключеніемъ одной Пенсильваніи) оставалось неизвѣстнымъ, и губернаторъ при содѣйствіи совѣта осуществлялъ еще въ это время по отношенію къ шерифамъ и мировымъ судьямъ тѣ самыя функціи назначенія, руководительства и контроля, какія въ Англіи принадлежали королю и его высшему правительственному агенту въ графствахъ, лорду-лейтенанту. Пользуясь широкими полномочіями въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, въ завѣдываніи общинными землями, церковнымъ и школьнымъ имуществомъ, въ проведеніи дорогъ, устройствѣ рынковъ и всѣхъ вообще заботахъ экономическаго управленія, приходы — эти низшія единицы мѣстной административной жизни въ то же время далеко

---

[1]) Arch. Parl. Томъ XI, стр. 681.

не были надѣлены той автономіей въ дѣлѣ полицейской репрессіи, которую національное собраніе предоставило, какъ мы сейчасъ видѣли, низшимъ правительственнымъ дѣленіямъ Франціи—муниципіямъ. Въ своемъ дневникѣ Моррисъ не разъ упоминаетъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія неминуемо будетъ имѣть для Франціи, эта, какъ онъ выражается, «муниципальная анархія». 15 февраля 90 года въ разговорѣ съ Лафайетомъ онъ откровенно высказываетъ мысль, что вся муниципальная реформа никуда не годится: «она ложна въ самомъ корнѣ, она сдѣлается источникомъ нескончаемыхъ смутъ, замѣшательствъ и причиной слабости правительства» [1]). Въ дневникѣ Морриса мы находимъ также отдѣльные примѣры той анархіи, какую неизбѣжно должна была вызвать неограниченная автономія муниципій и отсутствіе строгой власти, способной объединить ихъ дѣятельность. Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 89 года между нѣкоторыми общинами Бретани возникли несогласія по вопросу о народномъ продовольствіи: каждая хотѣла воспрепятствовать вывозу имѣвшихся въ ея распоряженіи хлѣбныхъ запасовъ. Дѣло дошло до открытаго сопротивленія, въ которомъ приняли участіе и національныя гвардіи, и военныя команды. «Таковы, замѣчаетъ отъ себя Моррисъ, первые плоды новаго муниципальнаго устройства». Не мало будетъ и другихъ подобныхъ. Не мудрено ожидать нескончаемыхъ замѣшательствъ тамъ, гдѣ предразсудкомъ признается все, чему мы научены опытомъ, что признано имъ желательнымъ въ интересахъ наилучшаго управленія людьми [2]).

Для Морриса конечнымъ исходомъ французской системы департаментовъ, округовъ и муниципій, будетъ обращеніе страны въ сѣть демократическихъ республикъ. Ихъ не будутъ отдѣлять другъ отъ друга горы и рѣки; каждая отмѣрена астролябіей и компасомъ по широтѣ и меридіану. Клочья отдѣльныхъ провинцій войдутъ въ составъ новыхъ административ-

---

[1]) Diary and Letters of Gouverneur Morris, глава XIII, стр. 294.

[2]) For when mankind are resolved to disregard as vulgar prejudice every principle which has hitherto been established by experience for the government of man, endless inconsistencies must be expected (Ibid., стр. 235).

ныхъ дѣленій, что неминуемо вызоветъ въ каждомъ новыя броженія и породитъ своего рода политическую «колику». Національное собраніе Франціи при такихъ условіяхъ сдѣлается подобіемъ того, чѣмъ былъ американскій конгрессъ въ эпоху конфедераціи.

Пока собраніе озабочено систематическимъ ограбленіемъ временнаго носителя этой власти. Отъ обстоятельствъ зависитъ, что будетъ оставлено за нимъ въ концѣ концовъ. Я думаю—весьма мало [1]).

Едва ли нужно прибавить что либо къ этому справедливому осужденію системы, при которой король, номинальный глава исполненія, самъ не въ правѣ предписать полицейской репрессіи; системы, о которой Бёркъ говорилъ, что она ставитъ короля въ необходимость «довольствоваться часто пассивной ролью и не выходить изъ оборонительнаго положенія».

Но можетъ быть безсильная поддержать порядокъ, она, по крайней мѣрѣ, обезпечиваетъ политическую свободу, ограждая личность отъ произвола чиновниковъ?—Ничуть не бывало!—Въ угоду теоріи раздѣленія и обособленія властей національное собраніе провело требованіе полнаго невмѣшательства суда въ дѣйствія избираемыхъ органовъ муниципальнаго и департаментскаго управленія. Особой статьею судебной власти запрещалось препятствовать мѣстнымъ административнымъ собраніямъ въ осуществленіи предоставленныхъ имъ функцій. «Надо, говоритъ въ защиту этого положенія Барнавъ, предоставить мѣстнымъ органамъ исполненія всю силу принужденія, необходимую для того, чтобы декреты ихъ не оставались мертвой буквой. Естественно поэтому вручить имъ самимъ юрисдикцію налоговъ, другими словами, разбирательство споровъ, поводъ къ которымъ даетъ неправильность въ ихъ разверсткѣ. Дефермонъ позволяетъ себѣ однако сомнѣніе въ томъ, чтобы этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ сразу безъ дальнѣйшаго обсужденія, и требуетъ передачи его въ руки комитета» [2]).

Но собраніе отклоняетъ это предложеніе. Въ засѣданіи 2 де-

---

[1]) Письмо къ Вашингтону въ январѣ 90 года. Ibid., стр 280.

[2]) Ibid., томъ X, стр. 227.

кабря 89 года оно сдѣлало новый шагъ къ установленію чиновничьего произвола, постановивъ, по предложенію Тарже, что жалобы на муниципальныя власти, въ случаѣ преступленія по должности, не поступаютъ непосредственно въ суды, а должны быть представлены сначала на разсмотрѣніе и утвержденіе департаментскихъ директорій. Тщетно Реубель старался доказать несоотвѣтствіе этого постановленія съ требованіями свободы, тщетно Мирабо заявлялъ, что нѣтъ власти въ мірѣ, способной отнять у гражданина право обжалованія произвольныхъ дѣйствій чиновниковъ. Собраніе приняло предложеніе комитета, рѣшивъ, что отъ департаментской директоріи будетъ зависѣть передать жалобу на разбирательство судовъ или оставить ее безъ послѣдствій [1].

Такимъ образомъ, устраняя вмѣшательство короля въ ходъ муниципальной администраціи изъ опасенія, что это вмѣшательство сдѣлается опаснымъ для свободы, собраніе въ то же время явно посягнуло на эту свободу, дѣлая невозможнымъ судебное обжалованіе незаконныхъ дѣйствій чиновниковъ. Законъ 11 сентября 1790 года оставилъ въ вѣдѣніи обыкновенныхъ судовъ только иски о неправильномъ взиманіи косвенныхъ сборовъ. Что же касается до прямыхъ налоговъ, то ихъ юрисдикція въ первой инстанціи предоставлена была окружной директоріи, а во второй департаментской. Тѣмъ же адмиистративнымъ органамъ вручено было право постановки въ порядкѣ посредническаго разбирательства споровъ, поводъ къ которымъ могла подать экспропріація, а также столкновеніе между частными лицами и предприпимателями публичныхъ работъ [2].

Англичанину, не превыкшему установлять различій между правонарушеніями, смотря по тому, совершаютъ ли ихъ частныя лица или должностныя, который не думаетъ, чтобы избраніе чиновниковъ народомъ было достаточной гарантіей закономѣрности ихъ дѣйствій, не могло не броситься въ глаза противорѣчіе, въ какомъ стоятъ эти мѣропріятія, съ тѣми интересами политической и гражданской свободы, которые дѣятели 89-го года открыто

[1] Ibid. Смот. томъ X, стр. 345, 355.

[2] См. Les coustitutions de la France, par Faustin Adolphe Hélie, 1880 года, стр. 171.

принимали подъ свою защиту. «Надо обратить взиманіе, пишетъ Бöркъ, на заботливость, съ какой національное собраніе изъяло изъ вѣдомства судовъ вновь созданные имъ административные совѣты, оно весьма характерно. Тѣ самыя лица, которыхъ прежде всего слѣдовало бы поставить подъ контроль законовъ, признаются свободными отъ него. Кого, какъ не завѣдующихъ казенными доходами, слѣдовало бы подчинить строгому исполненію ихъ обязанностей? Еслибъ не желаніе обратить административные округа въ подобіе независимыхъ государствъ, вы, несомнѣнно, позаботились бы о томъ, чтобы установить трибуналъ, подобный вашему старинному парламенту или нашему суду королевской скамьи, которому бы подвѣдомствены были всѣ должностныя лица, отъ кого бы они могли въ равной степени ждать осужденія произволу и защиты отъ несправедливыхъ обвиненій. Но вы для нихъ именно и сочли нужнымъ установить изъятіе. Дѣйствительный источникъ этого раскрыть не трудно. Избираемые члены административныхъ совѣтовъ призваны быть руководителями и главнѣйшими агентами задуманнаго вами на почвѣ демократіи олигархическаго порядка. Удивительно ли послѣ этого, если вы хотите поставить ихъ выше закона. Но вы скажете, что созданные вами суды негодны для исполненія тѣхъ функцій, которыхъ требуетъ отъ нихъ подобнаго рода разбирательство, предполагающее знакомство со всѣмъ строемъ администраціи? Я спѣшу согласиться съ вами. Да, они, несомнѣнно, не годны для этого, какъ и для всякой разумной работы. Могутъ сказать также, что судебная отвѣтственность замѣняется для административныхъ совѣтовъ отвѣтственностью предъ національнымъ собраніемъ. Но говорить это можно только подъ условіемъ совершеннаго непониманія природы, какъ національнаго собранія, такъ и административныхъ совѣтовъ» [1]). Законодательный контроль не можетъ замѣнить судебнаго, и народное представительство не въ силахъ защитить частное лицо отъ вымогательствъ и произвола чиновниковъ.

Отыскивая источникъ тѣхъ заблужденій, въ какія дѣятели 89

---

[1]) Edmund Burke. Reflexions sur la révolution de France, стр. 460. 1791 года.

года впали при рѣшеніи вопроса объ устройствѣ исполнительной власти, Неккеръ справедливо говоритъ, что національное собраніе и его комитеты всецѣло подчинились въ этомъ дѣлѣ положенію Монтескьё въ томъ крайнемъ развитіи, которое дано ему Руссо. Это положеніе гласитъ буквально слѣдующее: «народъ долженъ дѣлать самъ все то, что въ состояніи сдѣлать хорошо; то же, чего онъ сдѣлать самъ не въ силахъ, онъ препоручаетъ своимъ уполномоченнымъ». Но и тотъ, и другой философъ, выставляя это положеніе, имѣли въ виду, какъ они сами говорятъ, исключительно демократію. Примѣнять же къ монархіи, подобной Франціи, положенія относительно вѣрное въ демократіи, — величайшая изъ всѣхъ ошибокъ, въ какихъ можетъ быть повиненъ законодатель [1]).

Да, въ этомъ несомнѣнно лежитъ ближайшая причина неудачнаго рѣшенія учредительнымъ собраніемъ вопроса объ отношеніи, въ какомъ король долженъ стоять ко всей внутренней администраціи государства. И на этотъ разъ оправдывается положеніе, что монархическая конституція 91 года—дѣло безсознательныхъ республиканцевъ. Такъ отчасти смотрѣли на нее и тѣ изъ современниковъ, которыхъ опытъ Англіи убѣдилъ въ возможности политической свободы, при существованіи сильной и дѣятельной администраціи, администраціи, всецѣло подчиненной безотвѣтственному главѣ, дѣйствующему, однако, не иначе, какъ съ совѣта отвѣтственныхъ министровъ. И Бёркъ, и Моррисъ, были въ числѣ этихъ немногихъ избранныхъ. Критикуя устройство исполнительной власти національнымъ собраніемъ, Бёркъ говоритъ, что оно поступило бы гораздо послѣдовательнѣе, закончивъ то, къ чему стремилась революція 5 и 6 октября, другими словами, низвергнувъ совершенно королевскую власть. Новый исполнительный чиновникъ, поставленный на мѣсто низложеннаго короля, въ состояніи былъ бы вступить въ то подчиненное положеніе, какого требуетъ отъ него конституція. Общность интересовъ, отчасти чувство признательности, заставили бы его служить вѣрой и правдой тѣмъ немногимъ вожакамъ, которымъ подчинилось собраніе и которымъ самъ онъ обя-

[1]) Du pouvoir exécutif dans les grands états. Necker, томъ I, стр. 45.

занъ былъ бы своимъ положеніемъ. Весьма вѣроятно также, что собраніе не отказало бы ему во многихъ преимуществахъ, которыхъ оно не захотѣло признать за королемъ, считая его своимъ естественнымъ антогонистомъ и имѣя въ виду всячески обобрать и унизить его [1].

Въ свою очередь Моррисъ, который въ ноябрѣ 90 года, объявивъ въ разговорѣ съ Лафайетомъ, что выработанная собраніемъ конституція никуда негодна; призывалъ его употребить всѣ усилія къ возстановленію дворянства и сильной королевской власти [2]), въ письмѣ отъ 23 октября 1792 года высказываетъ полную увѣренность въ прочности вновь установленнаго республиканскаго режима. «Конституція 91 г., говоритъ онъ, не могла держаться. Королевская власть подверглась такимъ ограниченіямъ и сокращеніямъ, что ни ея представитель не въ силахъ былъ помириться съ созданнымъ ему положеніемъ, ни народъ повѣрить въ искренность его намѣренія сохранить конституцію. При такихъ условіяхъ перемѣна была неизбѣжной. Она могла сказаться или въ возвращеніи къ деспотизму, или въ созданіи отвѣчающей требованіямъ монархіи конституціи, или въ провозглашеніи демократической республики. Если бы Людовикъ XVI былъ честолюбивъ и обладалъ необходимыми въ данныхъ условіяхъ дарованіями, первое было бы неизбѣжно; но и того, и другого не было на лицо. Невозможность соглашенія между вожаками партій воспрепятствовала второму исходу; что же касается до третьяго, устройства демократической республики, то оно совершенно отвѣчало давно начавшемуся движенію и стояло въ историческомъ преемствѣ съ идеями, высказанными еще въ англійскомъ биллѣ о правахъ. Защитники республиканскаго образа правленія имѣли такимъ образомъ передъ собою относительно легкую задачу, хотя имъ самимъ и постороннимъ она и казалась трудной» [3]). «Я не сомнѣваюсь, пишетъ онъ двумя мѣсяцами ранѣе къ Джефферсону, что республиканская форма правленія установится довольно легко и продержится во

---

[1]) Burke, reflexions sur la révolution de France, стр. 444—445.

[2]) Diary, стр. 361.

[3]) Diary, стр. 601.

Франціи, сколькопозво лютъ это ея нравы [1]). «Конституція ниспровергнута, стоитъ въ письмѣ Морриса къ Гамильтону, отъ 24 октября 92 года, такъ какъ въ ней не было необходимаго балласта; и народъ въ настоящую минуту такъ привязанъ къ новому дѣтищу, какимъ надѣлилъ его Якобинскій клубъ, какъ будто республика издавна была предметомъ его сердечныхъ желаній» [2]).

§ 2.

Мы изучили пока лишь то положеніе, какое создано было исполнительной власти въ сферѣ внутренняго управленія. Но какова, спрашивается, роль, какую конституція 91 года признаетъ за королемъ и министрами въ дѣлѣ внѣшней защиты страны и представительствѣ ея интересовъ предъ иностранными державами? Реформа арміи и флота и неожиданное рѣшеніе собраніемъ, помимо всякой подготовки со стороны комитета, сложнаго и новаго вопроса о взаимодѣйствіи монарха и народнаго представительства въ дѣлѣ объявленія войны и заключенія союзовъ и мира—вотъ съ чѣмъ предстоитъ намъ познакомиться въ настоящее время для завершенія нашей задачи.

Первыя двѣ реформы интересуютъ насъ лишь настолько, насколько ими отнято было у короля принадлежавшее ему всюду право не только номинальнаго начальства надъ арміей и флотомъ, но и опредѣленія ихъ личнаго состава. Замѣна рекрутскаго набора или конскрипціи добровольной вербовкой освободила нижнихъ чиновъ отъ того непосредственнаго контроля, какой дотолѣ принадлежалъ королю и его военному министру. Установленіе же порядка выслуги, какъ средства повышенія по службѣ, отняло у правительства непосредственное вліяніе на замѣщеніе офицерскихъ должностей въ арміи и флотѣ.

Собраніе не сразу пришло къ такому рѣшенію. Согласно проекту Дюбуа де Крансэ, избраніе начальствующихъ лицами, состоящими подъ ихъ командой, признавалось такимъ же необходи-

---

1) Ibid., стр. 573.
2) Ibid., стр. 603.

мымъ требованіемъ свободы, какъ и право націи—установлять короля. Всѣ офицерскія должности подлежатъ замѣщенію путемъ выборовъ. Лейтенанты (прапорщики) выбираются подлейтенантами (подпрапорщиками); капитаны—лейтенантами. Начальники батальоновъ и майоры—капитанами. Майоръ въ свою очередь сдѣлается сперва подполковникомъ, потомъ полковникомъ. Начальники дивизіи выбираются между полковниками, батальонными начальниками, въ числѣ 4 отъ каждаго полка, и тремя высшими полковыми начальниками; наконецъ начальникъ надъ арміей выбирается изъ генераловъ всѣми полковыми командирами [1]). Но собраніе дало предпочтеніе предложенной ему комитетомъ системѣ послѣдовательнаго повышенія въ силу выслуги. 18-лѣтній возрастъ и прохожденіе экзамена требуются отъ кандидата въ офицеры. Только одна пятая числа всѣхъ офицеровъ выбирается изъ среды солдатъ помимо экзамена, по указанію ихъ товарищей и опредѣленію полковыхъ начальниковъ и капитановъ. Начиная отъ подлейтенанта и оканчивая капитаномъ, повышенія слѣдуютъ въ порядкѣ старшинства. Начиная съ капитана, всѣ высшія должности замѣщаются на двѣ трети въ силу выслуги, на одну треть—въ силу назначенія короля. Назначеніе генералъ-лейтенантовъ, маршаловъ Франціи и начальниковъ арміи зависитъ всецѣло отъ монарха [2]). Закономъ 21 марта 90 года (acte constitutionnel sur l'armée de terre) порядокъ пріема въ армію и повышенія въ званіи предоставлены регулированію каждаго вновь созваннаго законодательнаго собранія [3]), на ряду съ опредѣленіемъ размѣра жалованья, допущенія или недопущенія иностранныхъ войскъ къ службѣ, порядка добровольной вербовки и условій выхода волонтеровъ.

Перваго октября 89 года Вимпфенъ вноситъ предложеніе о назначеніи особаго комитета для выработки проекта военной реформы. При этомъ случаѣ впервые высказывается то третье положеніе, которое должно было внести цѣлую революцію въ отношенія короля къ войску и флоту. «Націи, говоритъ Вимпфенъ, должно принадлежать опредѣленіе величины арміи, числа

---

1) Томъ X, засѣд. 15 дек. 89 года, стр. 597.

2) Томъ XI, стр. 412.

3) Héllie, стр. 104.

солдатъ и офицеровъ въ ней, размѣра ихъ вознагражденія. Однимъ словомъ за ней надо признать право установленія основныхъ законовъ, которымъ должно подчиняться военное гражданство». Высказывая эту мысль, Вимпфенъ въ концѣ концовъ требовалъ только признанія того, что со временъ Вильгельма и Маріи существовало Англіи. Это заявленіе сразу встрѣтило протестъ со стороны членовъ правой. «Что такое армія, сказалъ Казалесъ, какъ не врученная монарху сила націи, которой онъ пользуется для защиты государства и приведенія законовъ въ дѣйствіе? А если такъ, то военная организація должна принадлежать исключительно исполнительной власти. Функціи народнаго представительства въ этомъ отношеніи ограничиваются заявленіемъ, какое число военныхъ силъ оно считаетъ достаточнымъ для безопасности государства, и какъ велика должна быть сумма, ассигнуемая для этой цѣли». Такимъ образомъ, тогда какъ Вимпфенъ желалъ видѣть въ военной власти своего рода аттрибутъ законодательства, Казалесъ связывалъ ее неразрывно съ функціями короля, какъ главы исполненія. Депутатъ Туланжонъ высказалъ среднее мнѣніе, которое въ наши дни является общепризнаннымъ «Армія, сказалъ онъ, не должна зависѣть отъ законодательнаго собранія, а отъ власти исполнительной. Но не менѣе вѣрно и то, что за націей должно быть признано право установить и организовать ее. Первое положеніе препятствуетъ законодательной власти захватить въ свои руки войско, второе не дозволяетъ исполнительной—сдѣлаться деспотической. Конституція арміи, ея политическое и гражданское устройство является необходимостью. Она одна сдѣлаетъ гражданина воиномъ, обезпечитъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность націи, сдѣлаетъ короля твердымъ исполнителемъ законовъ и ничего, кромѣ законовъ» [1]).

По предложенію Ноаля, внесенному на обсужденіе собранія еще 18 сентября 89 года, функціи военного управленія должны были подвергнуться слѣдующему раздѣлу между королемъ и собраніемъ. Король признавался начальникомъ арміи; всѣ приказы по войску впредь издаются отъ его имени. Но самое установ-

[1]) Засѣдан. 1 окт. 89 года. Томъ IX, стр. 233.

леніе военной власти и ея функціонированье должно было опредѣляться декретами національнаго собранія по инициативѣ государя. Король такъ же мало надѣленъ правомъ измѣнять существующую организацію войска и порядокъ управленія имъ, какъ и устройство судовъ и муниципалитетовъ; иначе, говорилъ Ноаль, исполнительная власть могла бы обратить эту общественную силу къ невыгодѣ общества, къ ниспроверженію установленнаго порядка [1].

Въ противность Ноалю, требовавшему, какъ мы только что видѣли, королевской иниціативы въ дѣлѣ организаціи арміи, и нашедшему поддержку въ лицѣ Деменье, Бюро де Пюзи и Вимифена, Александръ Ламетъ [2]) доказывалъ необходимость передачи всецѣло въ руки собранія, помимо всякаго почина со стороны короля и министровъ, права опредѣлять суммы, идущія на покрытіе военныхъ издержекъ, численный составъ войска, размѣръ вознагражденія солдатъ и тому подобное. Декретомъ 19 іюля 1790 года національное собраніе стало на сторону перваго предложенія, постановивъ, что число лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ воинскимъ чинамъ одинаково въ арміи и флотѣ, будетъ опредѣляться декретомъ Національнаго Собранія въ началѣ каждой новой сессіи по предложенію исполнительной власти [3].

Руководствуясь примѣромъ Англіи, на который и указано было герцогомъ Ліанкуромъ, дѣятели 89 года передали въ руки собранія ежегодное вотированье субсидій на армію и другія военныя издержки [4]. Регулируя порядокъ устройства войска, сказалъ Ліанкуръ, необходимо принять мѣры къ сохраненію нашей свободы. Я думаю, что этими мѣрами надо считать запрещеніе королю увеличивать численность войска и въ особенности иностранныхъ полковъ безъ декрета національнаго собранія. Англичане сознали вполнѣ эту истину, постановивши, что актъ, въ силу котораго наказывается дезертерство, неповиновеніе, и

---

1) Ibid, томъ IX, стр. 36, 37.

2) Томъ XI, засѣд. 9 февр. 90 года, стр. 521.

3) Les constitutions de la France, Hélie, стр. 140.

4) Hélie. Acte constitutionnel sur l'armée de terre), стр. 103 и 104, статьи IV и XI.

обезпечивается платежъ жалованья войску, вотируется парламентомъ срокомъ на одинъ годъ. Стоитъ собранію не возобновить этого акта (извѣстнаго подъ наименованіемъ mutiny act), и армія тѣмъ самымъ будетъ распущена. Другимъ биллемъ, биллемъ о правахъ, признано незаконнымъ держать войко въ мирное время безъ согласія парламента, или, что то же, имѣть полки, содержаніе которыхъ не обезпечено актомъ парламента. Собраніе, какъ мы видѣли, только въ томъ отношеніи разошлось съ англійской практикой, что не сочло нужнымъ ограничить годовымъ срокомъ установленіе бюджета для арміи и опредѣленіе ея внутренняго состава и порядка управленія, а сдѣлало это предметомъ обсужденія и рѣшенія каждаго новаго законодательнаго собранія.

Чтобы еще рѣзче высказать зависимость арміи не отъ одного только короля, ея естественнаго предводителя, но и отъ націи, армія призывается отнынѣ къ присягѣ не одному государю, но также націи и конституціи. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано еще 18 сентября 89 года герцогомъ де Ноаль. «Армія, говоритъ онъ, не должна никогда дѣйствовать противъ народа, котораго она является такъ сказать представительницей. Но ее можно направить противъ сходбищъ, имѣющихъ цѣлью нарушить общественный миръ, подъ условіемъ, чтобы обращеніе къ ней съ этой цѣлью происходило согласно правиламъ, установленнымъ національнымъ собраніемъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ армія должна приносить двойную присягу вѣрности: націи, которую она обязана защищать, и королю, которому она обязана повиноваться» [1]). Законъ 28 февраля 90 года, такъ называемый учредительный актъ арміи, постановляетъ: ежегодно 14 іюля въ присутствіи муниципальныхъ властей, толпы народа и всѣхъ наличныхъ военныхъ силъ, каждый солдатъ индивидуально обязанъ принесть присягу. Офицеры клянутся въ вѣрности націи, закону, королю и конституціи, клянутся оказывать военное содѣйствіе административнымъ и муниципальнымъ властямъ и не направлять своихъ подчиненныхъ противъ гражданъ иначе, какъ въ силу упомянутаго выше запроса, текстъ

---

[1]) Arch. Parl. Томъ IX, стр. 38.

котораго каждый разъ читается полкамъ. Солдаты въ свою очередь приносятъ въ руки офицеровъ присягу въ вѣрности націи, закону, королю и конституціи. Они клянутся не оставлять знамени и строго соблюдать правила военной дисциплины [1]).

Назначеніе арміи состоитъ исключительно въ защитѣ страны противъ внѣшнихъ враговъ, и это формально признается вторымъ параграфомъ ея конституціи [2]). Для поддержанія же силою внутренняго спокойствія національное собраніе создаетъ новую гражданскую милицію—національную гвардію.

Еще 18 сентября 89 года сдѣлано Ноалемъ предложеніе обезпечить ея независимость отъ короля, объявивъ, что каждый разъ, когда исполнительная власть нуждается въ содѣйствіи милиціи, она обращается съ запросомъ къ муниципальнымъ властямъ. Милиція, образуемая изъ всѣхъ гражданъ, возрастомъ отъ 18 до 40 лѣтъ, ограничиваетъ свои задачи подавленіемъ мятежей и отпоромъ иноземному вторженію. Въ послѣднемъ случаѣ она оказываетъ содѣйствіе арміи, оставаясь тѣмъ не менѣе подъ начальствомъ своихъ избираемыхъ властей [3]).

Вопросъ объ устройствѣ національной гвардіи рѣшенъ окончательно декретомъ 6—12 декабря 1790 года. Не образуя постояннаго корпуса, она включаетъ въ свои ряды всѣхъ активныхъ гражданъ государства, другими словами, всѣхъ тѣхъ, кто пользуется избирательными правами. Она не является, такимъ образомъ, синонимомъ вооруженнаго народа, и въ этомъ отношеніи менѣе демократична, чѣмъ тотъ «posse comitatus», который, въ случаѣ смутъ, подъ предводительствомъ лорда-лейтенанта призывается въ англійскихъ графствахъ къ разсѣянію незаконныхъ сборищъ и охраненію порядка. Предлагая установленіе національной гвардіи, Ноаль требовалъ допущенія въ ея ряды однихъ собственниковъ. «Чтобы имѣть право носить оружіе, читаемъ мы въ его проектѣ, необходимо будетъ доказать фактъ владѣнія собственностью. И политика, и справедливость, одинаково требуютъ, чтобы охраненіе общественнаго

---

[1]) Hélie, стр. 104.
[2]) Ibid. стр. 103.
[3]) Arch. Parl., т. IX, стр. 37.

спокойствія ввѣряемо было тѣмъ, кто всего болѣе заинтересованъ въ немъ, а такими лицами являются только собственники»[1]). Національное собраніе сочло возможнымъ распространить избирательныя ограничія и на право носить оружіе. Оно связало оба преимущества, голосъ на выборахъ и службу въ рядахъ гвардіи, такъ тѣсно между собою, что упущеніе кѣмъ-либо послѣдней обязанности признано было основаніемъ къ лишенію избирательнаго права.

Единство націи, сказывавшееся въ единствѣ войска, требовало также единства національной гвардіи; вотъ почему декретъ 12 декабря 90 года призналъ нужнымъ объявить, что національная гвардія составляетъ единое цѣлое, что члены ея подчиняются одному регламенту и носятъ одинаковый мундиръ[2]).

Въ засѣданіи 7 января 1790 года Таржэ вноситъ предложеніе, чтобы члены національной гвардіи приносили въ руки муниципальныхъ властей присягу въ сохраніи конституціи и вѣрности націи, закону и королю. Барнавъ предлагаетъ поправку, говоря, что не слѣдуетъ смѣшивать задачъ арміи съ задачами національной милиціи. Первая создана въ интересахъ защиты государства, вторая въ интересахъ защиты конституціи. «Я требую поэтому, чтобы имя короля не упоминаемо было въ присяги, такъ какъ обязанности гвардіи по отношенію къ нему передаются вѣрностью ея конституціи». Мирабо соглашается съ нимъ и, требуя временнаго сохраненія обычной формулы, допускаетъ, что въ будущемъ можно будетъ воздержаться отъ упоминанія имени короля въ той, какую будутъ приносить члены гвардіи[3]). Хотя собраніе и высказывается въ концѣ концовъ въ пользу единства присяги въ арміи и гвардіи, но приведенные дебаты тѣмъ не менѣе крайне поучительны, такъ какъ раскрываютъ передъ нами ту точку зрѣнія, съ которой дѣятели 89 года приступили къ устройству національной гвардіи. Эта точка зрѣнія весьма мѣтко передается Мирабо, говорящимъ, что національная гвардія должна быть противовѣсомъ войску[4]). Въ этомъ отно-

---

1) Arch. Parl., т. IX, стр. 37.
2) Hélie, стр. 193.
3) Arch. Parl., т. XI, стр. 113. Засѣд. 7 янв. 90 года.
4) Arch. Parl., т. XV, стр. 624. Засѣд. 20 мая 90 года.

шеніи, думаетъ онъ, лежитъ преимущество французскихъ порядковъ надъ англійскими. «Въ Англіи, говоритъ онъ, милиція всецѣло въ рукахъ короля: я бы предлагалъ поставить національную гвардію всецѣло въ зависимость отъ національнаго собранія. Буде король пожелаетъ вести войну безъ согласія національнаго собранія, послѣднее, по мнѣніюМирабо, въ правѣ воспротивиться созывомъ національной гвардіи [1]).

Собраніе не сочло нужнымъ принять этой послѣдней мѣры [2]), но самое ея предложеніе хорошо показываетъ, что даже въ глазахъ скрытыхъ сторонниковъ короля, какимъ Мирабо несомнѣнно сдѣлался уже въ это время (20 мая 1790 года), національная гвардія являлась, такъ сказать, военной обороной конституціи и установленнаго ею порядка. Если по отношенію къ арміи королевское назначеніе и выслуга взяли въ концѣ концовъ верхъ надъ первоначальнымъ рѣшеніемъ, установить систему выбора начальствующихъ подчиненными, то въ отношеніи къ гвардіи вполнѣ была установлена система избранія; даже главный начальникъ всей гвардіи признанъ былъ лицомъ избираемымъ. И только въ случаѣ созыва королемъ національной гвардіи для отпора иноземному нашествію, начальство надъ милиціей поступаетъ непосредственно въ руки короля [3]).

Я не могу присоединиться къ мнѣнію тѣхъ писателей, которые думаютъ, что устройство арміи въ томъ видѣ, въ какомъ оно проведено было Конституантой, должно быть признано систематическимъ посягательствомъ на права исполнительной власти. Основныя положенія, на которыхъ построена система отношеній короля и національнаго собранія къ арміи и флоту, тѣ самыя, какія установлены были въ Англіи со времени второй революціи и воцаренія Вильгельма и Маріи. Не можетъ быть сомнѣнія, что пока армія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и въ отношеніи къ денежнымъ средствамъ, необходимымъ для ея содержанія, зависитъ всецѣло отъ короля, она является самой опасной угрозой для цѣлости конституціи. Абсолютизмъ во Франціи, какъ извѣстно, ведетъ свое начало съ того момента, когда Карлъ VII въ созданіи постояннаго

---

1) Ibid., стр. 626

2) Ibid., стр. 641—644, 655—662.

3) Hélie, стр. 193.

налога для цѣлей внѣшней обороны (taille royale) и содержимаго на ея счетъ постояннаго войска, нашелъ самый надежный оплотъ своему всемогуществу и своей независимости отъ сословнаго представительства. И въ Англіи стремленія къ самодержавію всегда сказывались въ устройствѣ постоянной арміи, содержимной на счетъ постояннаго налога, взиманіе котораго не зависѣло бы отъ рѣшенія парламента. Лордъ Стаффордъ осуществилъ эти стремленія и «корабельныя деньги» (ship money) въ его рукахъ должны были сдѣлаться такимъ же независимымъ отъ палатъ источникомъ къ установленію «королевскаго войска», какимъ «taille royale» двумя вѣками ранѣе была во Франціи. Неудивительно поэтому, что первой заботой англичанъ въ концѣ революціоннаго періода было замѣнить королевское войско парламентскимъ, другими словами, перенесть въ руки парламента право не только вотированія налога для цѣлей военной обороны, но и опредѣленія внутренняго состава арміи: числа полковъ, размѣра ихъ вознагражденія и т. п. Билль о правахъ и такъ называемый mutiny act обезпечили англичанамъ ту совокупную зависимость арміи отъ короля и народнаго представительства, которой добивались дѣятели 89 года въ своемъ «конституціонномъ актѣ для арміи».

Нельзя сказать также, чтобы порядокъ добровольной вербовки и замѣщенія должностей въ войскѣ по старшинству и выслугѣ ослабляя до нельзя зависимость войска отъ короля дѣлали невозможной всякую дисциплину. Англійская армія доселѣ составляется путемъ добровольной вербовки и это обстоятельство нисколько не препятствуетъ сохраненію ею той законной субординаціи королю и военачальникамъ, которая составляетъ необходимое условіе нормальнаго устройства войска. Замѣщеніе должностей въ порядкѣ старшинства смѣнило собою продажу офицерскихъ мѣстъ и занятіе ихъ исключительно членами дворянства,—порядокъ вещей, который едва ли содѣйствовалъ въ большей степени торжеству талантовъ и военныхъ способностей и сосредоточенію команды въ рукахъ наиболѣе призванныхъ къ тому лицъ, нежели смѣнившая его система старшинства и выслуги Невозможно говорить также объ упадкѣ всякаго вліянія короля на личный составъ офицеровъ, имѣя въ

виду, что всѣ высшіе начальники въ арміи и одна треть нижнихъ чиновъ продолжали назначаться непосредственно главой исполнительной власти. Сравнительно недавно послѣдовала въ Англіи отмѣна тѣхъ самыхъ порядковъ продажи офицерскихъ полномочій членамъ высшаго сословія, конецъ которой во Франціи положенъ былъ революціей; и нельзя сказать, чтобы эта давно требуемая общественнымъ мнѣніемъ реформа отразилась неблагопріятно на характерѣ британскаго войска.

Но если такимъ образомъ опредѣленіе закономъ конституціонныхъ отношеній арміи и, по ея образцу, флота къ королю и народному представительству не заслуживаетъ того порицанія, какое оно встрѣтило со стороны современниковъ; если не только Каллонъ, но Неккеръ и Бёркъ одинаково несправедливы, утверждая, что собраніе добровольно вносило анархію въ войско: то, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что попытка создать въ національной гвардіи какой-то противовѣсъ арміи, при всей своей химеричности, являлась дѣйствительной угрозой для единства исполнительной власти, условіемъ, благопріятнымъ установленію двоеначалія короля и собранія. Опасность такихъ порядковъ сознавали даже вожаки радикальной партіи и въ числѣ ихъ Барнавъ. Возражая на предложеніе Мирабо—снабдить законодательный корпусъ полномочіемъ созыва національной гвардіи для противодѣйствія незаконно собранному королемъ войску, Барнавъ справедливо говоритъ: это было бы равнозначительно начатію гражданской войны для противодѣйствія войнѣ внѣшней. Но одно изъ преимуществъ монархическаго образа правленія, одна изъ причинъ, по которымъ друзья свободы дорожатъ монархіей, не лежитъ ли въ томъ, что она дѣлаетъ невозможнымъ всякій произвольный захватъ власти, всякую узурпацію. А между тѣмъ въ проектѣ такая узурпація прямо поощряется. Если онъ будетъ принятъ, честолюбивому законодателю, человѣку съ талантомъ и краснорѣчіемъ, съ сильнымъ вліяніемъ въ средѣ своихъ собратій и въ средѣ націи, не мудрено будетъ овладѣть народомъ и стать во главѣ его. Король будетъ вдалекѣ, и можно будетъ воспротивиться силой его возвращенію во Францію. Но этого мало. Законодательное собраніе само не можетъ быть военачальникомъ, оно должно положиться въ этомъ дѣлѣ

на своего уполномоченнаго. Военная доблесть, таланты, щедрость, легко могутъ сдѣлать изъ него идола для всѣхъ, кто состоитъ подъ его начальствомъ. Но въ такомъ случаѣ не сдѣлается ли онъ настоящимъ королемъ и не будетъ ли гражданская война и смѣна династіи конечнымъ исходомъ такого двуначалія [1])?

Національная гвардія въ томъ видѣ, въ какомъ она задумана собраніемъ, во всей предшествующей исторіи Европы не имѣетъ себѣ ничего равнаго, за исключеніемъ развѣ однихъ испанскихъ «германдадесъ», этихъ выбираемыхъ отдѣльными городами ополченій, которыя въ эпоху послѣднихъ столкновеній городскаго гражданства съ королевскимъ абсолютизмомъ, кончившихся полнымъ пораженіемъ средневѣковой автономіи монархической централизаціей, представили всѣ слабыя стороны избираемой гражданской дружины. Завися отъ короля только по имени, имѣя своихъ самостоятельныхъ начальниковъ и руководимая въ своихъ дѣйствіяхъ приказами выборныхъ муниципальныхъ властей, національная гвардія во все время революціи являлась въ такой же мѣрѣ союзницей порядка, какъ и анархіи. Ея роль въ подавленіи мѣстныхъ возстаній на всемъ юго-западѣ Франція была столь же сомнительной, какъ и въ знаменитую ночь съ 5 на 6-е октября 89 года, когда, отправившись во главѣ гвардіи въ Версаль для защиты двора отъ народной толпы, Лафайетъ вернулся въ Парижъ, ведя за собою фактически плѣннаго короля.

Въ южной Франціи въ департаментахъ, нѣкогда входившихъ въ составъ руководимаго альбигойцами Лангедока и Монтобана, религіозная ненависть, уцѣлѣвшая со временъ фанатическихъ избіеній этихъ первыхъ протестантовъ герцогомъ Монфоромъ, не замедлила воспользоваться національной гвардіей, какъ готовымъ орудіемъ междоусобій; война протестантовъ съ католиками возгорѣлась при участіи вновь созданныхъ городскихъ милицій. Протестантскій Нимъ пошелъ на католическій Монтобанъ и національному собранію пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ для подавленія вооруженной анархіи, въ устройствѣ которой далеко не послѣднюю роль игралъ федеративный характеръ созданной имъ національной гвардіи.

---

[1]) Arch. Parl., томъ XV, стр. 644. Засѣд. 21 мая 1890 года.

ГЛАВА X.

Право войны и мира.

Въ числѣ обвиненій, взводимыхъ современниками на дѣятелей 89 года, однимъ изъ важнѣйшихъ и, какъ я сейчасъ покажу, наименѣе заслуженныхъ, является неудачное на ихъ взглядъ рѣшеніе вопроса о роли короля въ объявленіи войны и заключеніи мира. И Капелло, и Бёркъ, не говоря уже о непосредственно заинтересованныхъ въ вопросѣ французскихъ монархистахъ, придаютъ особенное значеніе тому факту, что собраніе не рѣшилось оставить въ рукахъ короля исключительнаго руководства внѣшними сношеніями. Самъ Лафайетъ, котораго дотолѣ нельзя было заподозрить въ желаніи усилить исполнительную власть, по отзыву всегда хорошо извѣщеннаго о событіяхъ шведскаго дипломата Сталя, вошелъ въ тайное соглашеніе съ Людовикомъ XVI и въ поданномъ ему мемуарѣ заявилъ о готовности отстоять королевскую прерогативу въ дѣлѣ объявленія войны и заключенія мира» [1]).

Въ тайной корреспонденціи, открытой де-Лескюромъ въ рукописяхъ императорской библіотеки въ Петербургѣ, передаются даже подлинныя слова, произнесенныя Людовикомъ XVI при извѣстіи, что собраніе намѣрено ограничить его полномочія въ сферѣ иноземныхъ сношеній. «Если король болѣе не нуженъ, имъ стоитъ только объявить мнѣ объ этомъ» [2]). Никогда еще

---

[1]) См. депешу отъ 6 мая 1790 года. (Correspondence diplomatique du baron de Staël—Holstein; стр. 161).

[2]) Correspondence secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1788—1792, томъ II (издан. 1866 г.), стр. 448.

Людовикъ XVI не высказывалъ такъ рѣшительно готовности отказаться скорѣй отъ престола, нежели поступиться своей властью.

«Во всѣхъ монархическихъ странахъ объявленіе войны и заключеніе мира составляютъ неотъемлемое право монарха, пишетъ Калоннъ; одного упоминанія поэтому въ наказахъ о волѣ націи удержать монархическую форму правленія достаточно для признанія, что французы желали сохраненія за королемъ этого необходимаго атрибута его власти. Но наказы не ограничились этимъ. Многіе изъ нихъ (отъ дворянства Арасса, отъ нижняго Виварэ и отъ Эврё, отъ средняго сословія Парижа, Руана и Котантена) прямо говорятъ о неограниченности правъ короля въ этомъ дѣлѣ. Само собраніе, объявляя его главою исполнительной власти, давало основаніе предполагать, что, оно смотритъ на эти функціи съ той самой точки зрѣнія, какая была установлена наказами. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, исполнительная власть,—какъ не право располагать военными силами націи, и что такое война, какъ не распоряженіе этими силами? Не ясно ли, что въ войнѣ все—насиліе; а, съ другой стороны, что все, что имѣетъ характеръ насилія, не подлежитъ рѣшенію законодательной власти. Поставивши надъ собой главу въ лицѣ короля, нація, очевидно, ввѣрила ему заботу объ общественной безопасности. Нелѣпо предположить, что, вооружая его руку, она въ то же время связала его волю и парализовала его дѣятельность, Примѣръ всѣхъ народовъ доказываетъ, что, когда рѣчь идетъ о военныхъ дѣйствіяхъ, невозможно проведеніе какихъ - либо различій между волею и выполненіемъ. Начатіе ихъ совпадаетъ, всего чаще даже предшествуетъ декларации войны. Такимъ образомъ, никакія хитросплетенія не избавляютъ національнаго собранія отъ отвѣтственности въ противорѣчіи съ наказами и собственными рѣшеніями». Такъ разсуждаетъ Калоннъ, ближайшій совѣтникъ эмигрировавшихъ изъ Франціи принцевъ [1]).

А вотъ какъ судитъ о томъ же предметѣ иноземный критикъ, Бöркъ: «отъ васъ зависѣло, говоритъ онъ собранію, дать королю право вести войну и заключать миръ. Но это, скажете вы, опаснѣйшая изъ всѣхъ прерогативъ; нельзя оставить ея

---

[1]) De L'état de la France. Лондонъ, окт. 1790 года, стр. 203—208

безраздѣльно въ рукахъ исполнительной власти. Да, отвѣчу я, нѣтъ прерогативы болѣе опасной, но нѣтъ и болѣе необходимой... Нѣтъ другаго средства предотвратить интриги иностранныхъ правительствъ, предупредить ихъ вмѣшательство въ ваши дѣла, отнять у нихъ возможность порождать заговоры и созидать партіи въ самомъ сердцѣ страны. Опытъ учитъ, что всего страшнѣе тѣ партіи, которыя поддерживаются ими и служатъ ихъ интересамъ. Мы, англичане, слава Богу, избавлены пока отъ этого бѣдствія—величайшаго изъ всѣхъ. Ваше искусство должно было бы состоять въ изобрѣтеніи средствъ контроля за этой опасной прерогативой. Если вамъ не нравились тѣ, которыми мы пользуемся въ Англіи, то что мѣшало вашимъ вожакамъ изощрить свои таланты для придумыванія новыхъ. Но вмѣсто этого они предпочли занесть руку на самую власть короля» [1]).

Если защитники интересовъ и принциповъ монархіи энергично возставали противъ рѣшенія, какое дано было вопросу національнымъ собраніемъ, то народныя массы въ свою очередь съ такимъ же осужденіемъ относились ко всякой попыткѣ сохранить цѣлость королевской прерогативы въ дѣлѣ войны и мира.

По словамъ анонимнаго корреспондента польскаго двора, Лафайетомъ приняты были всѣ мѣры къ отраженію открытаго возстанія, неминуемость котораго казалась ему очевидной въ случаѣ рѣшенія дѣла въ пользу короля [2]). Даже въ эпоху обсужденія вопроса о характерѣ королевскаго вето страсти не были возбуждены въ такой степени, какъ въ настоящую минуту. Извѣстіе, что Мирабо выскажется въ пользу короля, подало поводъ къ открытому обвиненію его въ измѣнѣ. На улицахъ стали продавать брошюру подъ заглавіемъ: «великая измѣна графа Мирабо».

Журналистъ Фреронъ во второмъ номерѣ издаваемаго имъ «Народнаго Оратора» позволилъ себѣ слѣдующее обращеніе къ великому трибуну: «Мирабо. Мирабо, поменьше таланта и побольше

---

[1]) Réflexions sur la révolution de France (4 изд. 1791 года, стр. 449).

[2]) De Lescure, (Correspondence secrète) Paris, 29 мая 90 года, томъ II, стр. 449.

добродѣтели, а не то—на висѣлицу» (ou gare à la lanterne) [1]. Свистки покрывали впервые голосъ любимѣйшаго оратора, и изъ его устъ вырвались слова о близости Капитолія и Тарпейской скалы [2]).

Собраніе совершенно не было подготовлено къ рѣшенію такого сложнаго и, можно сказать, новаго вопроса. Событія застали его въ расплохъ. Носившаяся въ воздухѣ война Испаніи съ Англіей не дозволяла медлить отвѣтомъ. Въ силу семейнаго договора (pacte de famille), Мадридскій дворъ могъ ежечасно потребовать отъ Франціи дѣятельнаго вмѣшательства въ распрю. Конституантѣ небходимо было предупредить возможность ежечастнаго торжества династическихъ интересовъ постановленіемъ, мѣшающимъ вовлечь націю противъ ея воли въ столь несвоевременную и нежелательную войну.

Вопросъ, требовавшій зрѣлаго обсужденія, не могъ быть даже переданъ въ коммиссію, такъ какъ такой порядокъ дѣлопроизводства необходимо замедлилъ бы рѣшеніе. Положеніе собранія становилось къ тому же еще болѣе затруднительнымъ отъ рѣшительнаго нежеланія Сіейса принять ближайшее участіе въ его конституціонной работѣ. Не скрою отъ васъ, говорилъ Мирабо, моего глубокого сожалѣнія, что человѣкъ, положившій основы нашей конституціи и всего болѣе содѣйствовавшій ея великому дѣлу, человѣкъ, раскрывшій міру истинные принципы представительнаго образа правленія (?), самъ осудилъ себя на безмолвіе,—безмолвіе, которое я оплакиваю и считаю преступнымъ. Я тѣмъ болѣе горюю объ этомъ, что подобно многимъ другимъ, былъ увѣренъ, что великій мыслитель не откажется завершить начатаго имъ зданія. Я всячески уговаривалъ его во имя той дружбы, которой онъ удостоиваетъ меня, во имя любви къ родинѣ, прервать свое молчаніе. Подѣлитесь съ нами вашими мыслями, не оставляйте этого пробѣла въ вашей конституціи, говорилъ я ему; но онъ отказалъ мнѣ на отрѣзъ. Я доношу вамъ объ этомъ, совѣтуя еще разъ испросить его мнѣнія. Оно не должно оставаться для насъ тайной. Сдѣлайте все отъ

---

[1]) Les Mirabeau par Loménie, стр. 149 тома V

[2]) Arch. Parl., т. XV, стр. 655, засѣд. 22 мая 90 года.

васъ зависящее, чтобы вывести этого человѣка изъ того равнодушія и разочарованія, въ которое вовергла его недостаточная оцѣнка оказанныхъ имъ услугъ; его молчаніе, его невмѣшательство, являются общественнымъ бѣдствіемъ» [1]).

Трудность рѣшенія еще увеличивалась благодаря тому обстоятельству, что въ самой теоріи вопросъ, кому объявлять войну и заключать миръ, далеко не былъ выясненъ. Правда, и Гроцій, и Пурфендорфъ, подымали его въ своихъ трактатахъ, но государственный строй Европы въ эпоху составленія этихъ трактатовъ былъ такъ отличенъ отъ того, устройствомъ котораго задалось національное собраніе, что ихъ рѣшенія лишены были всякаго практическаго значенія для дѣятелей 89 года. Аббатъ Мори, упоминая въ своей рѣчи о мнѣніяхъ этихъ писателей, въ правѣ былъ сказать, что успѣхи, сдѣланные знаніемъ, установили такое разстояніе между ихъ временемъ и нашимъ, что тщетно бы стали мы искать у нихъ полезныхъ для насъ указаній. Оба писателя не имѣли представленія о правахъ человѣческаго рода, а также о не менѣе священныхъ правахъ каждаго народа въ отдѣльности. Говоря о правителяхъ, они относятся къ ихъ прерогативамъ, какъ ко всѣми признаваемымъ фактамъ, и не считаютъ нужнымъ задаваться ихъ обоснованіемъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка два писателя, Мабли и Гиберъ, одинаково приведены были своими занятіями международнымъ правомъ къ постановкѣ вопроса о лицахъ и учрежденіяхъ, которымъ должно принадлежать право объявленія войны и заключенія мира. Проникнутые ненавистью къ существующему порядку и ослѣпленные пристрастіемъ къ республикамъ древности, они высказались абсолютно противъ прерогативъ исполнительной власти. По вѣрному замѣчанію Мори, они не сочли даже нужнымъ задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ собраніе народныхъ представителей способно избѣжать того вліянія страстей и той возможности ошибокъ, за которыя они такъ строго осуждаютъ членовъ королевскаго совѣта [2]).

Но чѣмъ неожиданнѣе былъ представившійся вопросъ и чѣмъ

---

[1]) Arch. Parl., томъ XV, стр. 625.
[2]) Arch. Parl., томъ XV, стр. 566.

неподготовленнѣе являлось его рѣшеніе, тѣмъ рѣзче выступаетъ передъ нами та высокая талантливость, въ которой не отказываютъ дѣятелямъ конституанты даже тѣ, кто, какъ Малуэ, почти всегда встрѣчали со стороны большинства враждебность и отпоръ. Дебаты, поводъ къ которымъ дало обсужденіе вопроса о правѣ войны и мира, говоритъ Малуэ, доказываютъ, что ни одно представительное собраніе, ни раньше, ни позже, не соединяло въ своихъ стѣнахъ столько истинныхъ дарованій. Соглашеніе не было достигнуто сразу, но когда оно состоялось, оно явилось, поистинѣ, мнѣніемъ всего собранія, такъ какъ въ его пользу подано было громадное число голосовъ. Это обстоятельство одно какъ нельзя лучше показываетъ, что желаніе сговориться не такъ чуждо было дѣятелямъ этого времени, какъ утверждаютъ это нѣкоторые историки. Правда, оставшаяся въ меньшинствѣ партія пыталась набросить тѣнь на руководящіе мотивы большинства, указывая на связь его со дворомъ и нападая на диктатуру нѣкоторыхъ продавшихся членовъ. Но самый ходъ преній далеко не оправдываетъ такого заключенія. Читатель не можетъ отказаться отъ впечатлѣнія, что вожаки партій не столько заботились на этотъ разъ о торжествѣ защищаемой ими программы, сколько о раскрытіи истины, равно обязательной для всѣхъ. Вѣра въ политическую метафизику въ это время еще не была поколеблена,—дѣятели 89 года допускали возможность такихъ же абсолютныхъ истинъ въ области государственнаго права и политики, какими являются законы наукъ физическихъ. Дѣло было однако на столько ново, что самые даже смѣлые умы, въ родѣ Мирабо, предлагали свои проекты съ оговорками, какъ несовершенныя попытки приблизиться къ истинѣ. Съ большою свободою депутаты отказывались отъ собственныхъ предложеній и присоединялись къ мнѣніямъ противниковъ. Очевидно, вопросъ поставленъ былъ выше партій, хотя окончательное рѣшеніе и принято было въ значительной степени подъ вліяніемъ Мирабо, который въ это время уже успѣлъ завязать черезъ посредство Ламарка тайныя сношенія съ Людовикомъ XVI и его министромъ Монмореномъ. Но самое это рѣшеніе на столько было далеко отъ роялистической программы, что, по словамъ одного изъ современниковъ, оно произвело на первыхъ порахъ

удручающее впечатлѣніе на короля [1]). Съ другой стороны постановленное такъ мало отвѣчало чисто демократическимъ требованіямъ, что никто иной, какъ Капелло, говоря о декретѣ собранія, называетъ его наиболѣе умѣреннымъ изъ всѣхъ, предложеныхъ рѣшеній. Венеціанскій дипломатъ отмѣчаетъ то противорѣчіе, въ какое парижская толпа впала сама съ собой, покрывая аплодисментами то, что нѣсколькими днями раньше едва не навлекло на Мирабо кровавой расправы [2]). Самъ король по прочтеніи текста закона, по словамъ анонимнаго корреспондента, выразился о немъ: «собраніе приняло то рѣшеніе, какого я самъ могъ желать. Я только и думаю о томъ, чтобы видѣть націю счастливой и свободной» [3]).

Когда 16 мая 90 года собраніе впервые приступило къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли надѣлить короля правомъ войны и мира, ему предстояло столько же высказаться на счетъ характера будущей иностранной политики Франціи, сколько и рѣшить конституціонную задачу. Надо было высказать сужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ обновленная революціей монархія считаетъ себя солидарной съ тою завоевательной политикой, какую въ теченіе вѣковъ проводили ея короли и министры. Предстояло предъ лицомъ Европы провозгласить тѣ принципы, на которыхъ Франція желала бы впредь построить систему своихъ международныхъ сношеній. Вотъ почему постановленный въ концѣ преній декретъ является важнымъ моментомъ не только въ исторіи выработки того конституціоннаго принципа, который въ настоящее время принятъ большинствомъ державъ на Западѣ, но имѣетъ также большое значеніе и для судебъ международнаго права, какъ первая попытка положить въ основу политическаго строя Европы начало полнаго невмѣшательства въ чужія дѣла и какъ первое признаніе однихъ оборонительныхъ задачъ войны.

Оба вопроса—конституціонный и международный, поставлены

---

1) Письмо отъ 29 мая 1790 года. De Lescure, томъ II, стр. 449

2) Депеша Капелло отъ 24 мая 1890 года, посланная на имя Венеціанскаго сената.

3) De Lescure, т. II, стр. 449.

были одновременно и подверглись параллельному обсужденію. Каждый ораторъ призванъ былъ высказать свое мнѣніе о томъ, какую перемѣну революція должна произвесть въ сферѣ внѣшнихъ сношеній и въ какой мѣрѣ новое направленіе, принимаемое французской дипломатіей, требуетъ ограниченія исконнаго права короля. Первая сторона задачи выполнена уже въ третій день преній, когда извѣстному философу Вольнэ пришло на мысль резюмировать высказанные дотолѣ взгляды въ формѣ особой декларации, излагающей, какъ онъ говоритъ, тѣ принципы политической философіи, какихъ Франція отнынѣ намѣрена держаться предъ лицомъ Европы. До послѣдняго времени, сказалъ онъ, предлагая текстъ своей деклораціи, Европа представляла печальное зрѣлище бьющаго въ глаза чванства и глубокой народной нищеты. Она считалась пока съ интересами князей и династій; націи имѣли для нея только второстепенное и временное значеніе; государи владѣли своими имперіями, какъ помѣстьями. Въ приданое поступали народы точно стада овецъ. Ради забавы того или другаго правителя разорялись цѣлыя страны. Частными договорами народы лишаемы были своихъ естественныхъ преимуществъ. Миръ человѣчества зависѣлъ отъ плеврита, отъ паденія съ лошади; Индія и Америка повергаемы были во всѣ бѣдствія войны, благодаря внезапной смерти ребенка; споря между собою о его наслѣдствѣ, короли не отступали передъ мыслью о поединкѣ двухъ націй. Вы призваны положить конецъ такому печальному порядку вещей; вы не допустите того, чтобы милліоны людей были игрушкою въ рукахъ немногихъ. Вы вернете націямъ ихъ достоинство и права. Рѣшеніе, какое вы примете сегодня, сдѣлается исходнымъ моментомъ новой эры. Сегодняшній день—есть день вашего торжественнаго входа въ политику. Пока вы обсуждали только французскія дѣла и работали только для Франціи; отнынѣ вы призваны обсуждать вопросы міра и постановлять рѣшенія для міра. Смѣю сказать, вы наканунѣ созыва депутатовъ отъ всѣхъ націй. Въ высшей степени важно поэтому, чтобы во внушительной формѣ вы выразили то, чего могутъ ждать отъ вашихъ принциповъ и отъ васъ самихъ всѣ народы. Руководствуясь тѣми мыслями, какія высказаны были вами за послѣдніе три дня преній, я составилъ текстъ слѣдующаго за-

явленія: Въ виду чрезвычайныхъ вооруженій двухъ сосѣднихъ державъ (Испаніи и Англіи), вооруженій, вызывающихъ опасеніе войны, національное собраніе, впервые устремляя свои взоры за-границы имперіи и желая заявить о тѣхъ началахъ, которые впредь будутъ руководить его внѣшними сношеніями, торжественно заявляетъ, 1) что оно смотритъ на человѣческій родъ, какъ на единое цѣлое, какъ на сообщество, цѣль котораго есть миръ и счастіе всѣхъ и каждаго изъ его сочленовъ; 2) въ этомъ великомъ сообществѣ народы и государства разсматриваются какъ частные индивиды и, подобно имъ, должны пользоваться тѣми же естественными правами и подчиняться тѣмъ же правиламъ справедливости что и частныя лица; 3) поэтому ни одинъ народъ не можетъ овладѣть собственностью другаго, лишить его свободы и естественныхъ преимуществъ; 4) война, предпринятая съ цѣлью, чуждой защитѣ права, является актомъ угнетенія. Всякое государственное сообщество заинтересовано въ ея прекращеніи, такъ какъ вооруженное занятіе одного государства другимъ грозитъ свободѣ и безопасности всѣхъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ національное собраніе рѣшаетъ включить въ текстъ французской конституціи слѣдующее постановленіе: французская нація отказывается отъ всякой войны, задачей которой было бы расширеніе ея границъ» [1]).

По вопросу о внѣшней политикѣ, по крайней мѣрѣ въ той общей формѣ, какую представляетъ только что приведенная декларація, достигнуть соглашенія было не трудно. Всецѣло занятое своими внутренними дѣлами, національное собраніе, какъ одинъ человѣкъ, было проникнуто желаніемъ сохранить миръ, не дать вовлечь себя въ войну тѣми фамильными соглашеніями, какія заключены были обѣими вѣтвями Бурбонской династіи. Оно не желало продолжать вѣковаго соперничества съ Англіей, оппозиція которой казалась ему проникнутой сочувствіемъ къ защищаемому имъ дѣлу, и уже въ это время останавливалось на мысли о соглашеніи съ этой державой,—мысли, которая вызоветъ неудачную миссію Талейрана въ Лондонъ въ 1792 году

---

[1]) Засѣд. 18 мая 1790 года. Arch Parl. Томъ XV, стр. 576.

и, только съ 1815 года, подъ непосредственнымъ вліяніемъ того же Талейрана, сдѣлается важнѣйшей пружиной французской дипломатіи.

Высказываясь въ пользу невмѣшательства и осуждая всякую завоевательную политику, національное собраніе ни мало не предполагало, что на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ ему придется отказаться отъ собственныхъ принциповъ въ вопросѣ о присоединеніи Авиньона. Оно не предвидѣло, что не пройдетъ и двухъ лѣтъ, и завоеваніе Савойи, положившее начало цѣлому ряду новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, явится рѣшительнымъ отрицаніемъ имъ самимъ провозглашенныхъ основъ международнаго союза. Но все это вмѣстѣ взятое ни мало не подрываетъ этихъ основъ, не мѣшаетъ имъ быть руководящей тенденціей всей современной международной политики и не отымаетъ поэтому у засѣданія 18 мая 1790 года того значенія поворотнаго историческаго момента, какое признавалъ за нимъ Вольнэ. И какъ единодушно было, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, желаніе французовъ сдѣлать изъ революціи начало новой эры для правительствъ и народовъ, могутъ доказать слѣдующія выписки изъ рѣчей важнѣйшихъ ораторовъ, смѣнявшихъ другъ друга на трибунѣ въ томъ рядѣ засѣданій, какого потребовало въ маѣ 1790 года рѣшеніе вопроса о соотвѣтственныхъ правахъ короля и народныхъ представителей въ руководительствѣ внѣшней политикой.

Герцогъ Леви, рѣчью котораго открылись дебаты о правѣ войны и мира, предлагаетъ сдѣлать торжественное заявленіе, что французская нація никогда не предприметъ ничего противъ правъ и свободы другихъ народовъ, хотя въ то же время съ мужествомъ и энергіей, свойственной могущественной и свободной державѣ, она всегда готова будетъ отразить своихъ враговъ [1]).

Система вѣчнаго мира долгое время слыла химерой, говоритъ въ свою очередь Богарнэ, но французскому народу въ концѣ XVIII вѣка и національному собранію суждено задаться этой мыслью и высказать эту надежду [2]).

---

1) Arch. Parl., томъ XV, стр. 526.
2) Arch. Parl., т. XV, стр. 547.

Однимъ изъ средствъ обезпечить человѣчеству всѣ выгоды революціи и дать разительный примѣръ народамъ, — примѣръ, доселѣ неизвѣстный исторіи, читаемъ мы въ рѣчи Петіона, долженъ быть отказъ отъ всѣхъ старинныхъ хитросплетеній дипломатіи. Вѣрность данному слову и честность будутъ отнынѣ руководить нашей политикой; мы сознаемъ, что народамъ такъ же не дозволено обманывать другъ друга, какъ и частнымъ лицамъ. Слишкомъ давно вошло въ обыкновеніе относиться къ сосѣдямъ съ недовѣріемъ и видѣть въ нихъ всегда возможныхъ враговъ. Пора націямъ смотрѣть другъ на друга какъ на братьевъ, пора имъ принять мѣры ко взаимному сближенію, къ обезпеченію общаго счастія и продолжительнаго мира. Пусть національное собраніе объявитъ, что оно отказывается отъ всѣхъ честолюбивыхъ замысловъ, отъ всякихъ завоеваній, что оно смотритъ на границы Франціи, какъ на установленныя Всевышнимъ, что оно никогда не преступитъ ихъ само, но въ то же время будетъ защищать ихъ до послѣдняго издыханія. Всякое нападеніе на иностранную территорію и ея мирныхъ жителей—безчестная и позорная измѣна, на которую члены собранія не способны. Пригласимъ сосѣдей послѣдовать нашему примѣру, принимая по отношенію къ намъ тѣ же обязательства. Во имя ихъ собственныхъ интересовъ и общаго блага, во имя всего, что имъ дорого, убѣдимъ ихъ не проливать болѣе крови въ вѣчныхъ и безсмысленныхъ войнахъ. Эти священные принципы, эти чувства, подсказанныя намъ человѣчностью и любовью къ правосудію, должны быть изложены въ особомъ манифестѣ, который несомнѣнно вызоветъ изумленіе и восторгъ міра и потомства [1]).

Дюпонъ де Немуръ въ свою очередь требуетъ отъ депутатовъ заявленія, что французская нація никогда не будетъ вести наступательной войны съ цѣлью захватить чужую территорію или нанесть уронъ правамъ и свободѣ другихъ націй [2]).

Таковы тѣ чувства, съ которыми собраніе приступило къ обсужденію вопроса о правѣ войны и мира. Не въ интересахъ

---

1) Ibid., томъ XV, стр. 544.
2) Ibid., стр. 589.

расширенія революціонной пропаганды, а съ цѣлью положить предѣлъ военному честолюбію правителей, задалось оно мыслью о томъ, возможно ли оставить всецѣло въ рукахъ короля эту опасную прерогативу. Два радикально противоположныхъ взгляда раздѣляли собою депутатовъ; оба высказываемы были на первыхъ порахъ во всей ихъ исключительности и со всею тою односторонностью, какую вызываетъ духъ партій. Постепенно крайности стали сглаживаться, каждый согласился уступить доводамъ противника, признать долю истины въ представляемыхъ ему возраженіяхъ, и къ концу преній вопросъ освѣщенъ былъ такъ разносторонне и такъ полно, что явилась возможность уравновѣшеннаго и объективнаго рѣшенія. Личныя нападки, взаимныя обвиненія въ измѣнѣ и продажности, уступили мѣсто холодной оцѣнкѣ относительныхъ преимуществъ и недостатковъ, какіе представляютъ противоположныя предложенія; и въ концѣ концовъ установилось среднее мнѣніе, чуждое всякому оптимизму, готовое мириться со зломъ, какъ съ неизбѣжной необходимостью, готовое дать предпочтеніе тому рѣшенію, которое предполагаетъ минимумъ этого зла. Въ произнесенныхъ вначалѣ рѣчахъ цѣнится всего болѣе строгость логическихъ выводовъ, сотвѣтствіе ихъ съ установленными ранѣе метафизическими абстракціями, отвлеченными требованіями политической теоріи. Но вскорѣ вопросъ переносится на историческую почву. Аббатъ Мори и Фрето даютъ каждый цѣльное освѣщеніе всему прошлому Франціи, пытаясь доказать, первый—неограниченность права короля рѣшать вопросы войны и мира, второй—участіе націи въ этихъ рѣшеніяхъ. Авторитеты Мабли и Мезерэ, какъ историковъ, подвергаются строгой критической оцѣнкѣ. Ораторы восходятъ до самыхъ источниковъ. Цитируются вкривь и вкось, и нерѣдко съ явными искаженіями, тексты международныхъ трактатовъ, начиная съ знаменитаго договора въ Андело, къ которому, какъ извѣстно, долгое время возводимо было происхожденіе феодальной системы, и оканчивая международными соглашеніями Генриха IV и Людовика XV. Для историка дѣлаемыя ораторами ссылки и опирающіеся на нихъ выводы не лишены интереса. Они свидѣтельствуютъ и о низкомъ уровнѣ исторической науки въ концѣ

прошлаго столѣтія, и о громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ ею въ текущемъ. Не безъ улыбки прочтетъ современный историкъ выдержки изъ Мабли, сдѣланныя съ цѣлью доказать, что и при Карлѣ Великомъ нація участвовала въ заключеніи международныхъ соглашеній [1]), или утвержденія аббата Мори, что галлы въ эпоху германскихъ нашествій приняли названіе «франковъ», чтобы засвидѣтельствовать о своей привязанности къ свободѣ. Неменьшее недоумѣніе вызоветъ въ немъ заявленіе того же Мори, что договоръ въ Андело остался навсегда дорогъ французамъ, какъ первая запись народныхъ вольностей. Въ свою очередь и приводимый противникомъ знаменитаго аббата авторитетъ Мезерэ едва ли покажется особенно убѣдительнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ сказать о томъ искаженіи фактовъ, съ какимъ въ договорахъ феодальныхъ сеньеровъ или въ правѣ герцоговъ Нормандіи и Аквитаніи пойти войной на короля, Фрето, вслѣдъ за Мезере, видитъ доказательство тому, что народъ французскій всегда сохранялъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ? Но никакая критика не позволитъ отказать въ уваженіи той добросовѣстности, тому честному исканію истины, которое заставляло ораторовъ національнаго собранія предпринимать цѣлыя изслѣдованія въ области древней и средневѣковой исторіи, восходить до временъ Перикла, Карла Великаго и крестовыхъ походовъ, цитировать тексты договоровъ и такихъ юридическихъ памятниковъ, какъ, напримѣръ, извѣстный трактатъ Гинкмара de ordinatione palatii, изучать обстоятельно законодательную и дипломатическую практику иностранныхъ державъ, въ частности Англіи, и все это съ цѣлью найти историческіе преценденты для предлагаемыхъ ими рѣшеній. Такимъ образомъ, съ почвы отвлеченной теоріи, съ цитированія авторитетныхъ свидѣтельствъ Гроція, Пуфендорфа, Монтескье и Мабли, споръ постепенно перенесенъ былъ на историческую почву. Но такъ какъ исторія оказалась столь же безсильной подсказать рѣшеніе, такъ какъ историческое

[1]) Шабру въ засѣданіи 19 мая 1790 года, приводитъ извлеченіе изъ Мабли съ цѣлью доказать, что осенью каждаго года карловингскіе правители устраивали подобіе «майскихъ полей» для обсужденія международныхъ отношеній и разбора трактатовъ. Осенью подготовлялись рѣшенія, принимаемыя затѣмъ весною на майскихъ поляхъ.

прошлое, не знавшее внѣ республикъ народнаго самодержавія, было не способно отвѣтить на вопросъ, кому въ конституціонной монархіи должно принадлежать право войны и мира, то въ концѣ концовъ пришлось перейти къ тому единственно возможному въ данныхъ условіяхъ способу оцѣнки, который состоитъ во всестороннемъ разсмотрѣніи практическихъ выгодъ и неудобствъ, неизбѣжныхъ опасностей и несомнѣнныхъ преимуществъ, какія представляетъ участіе одного короля или соотвѣтственно одного собранія, или обоихъ вмѣстѣ въ направленіи иностранной политикой. Съ этой точки зрѣнія гораздо легче было достигнуть соглашенія, такъ какъ преніямъ неминуемо предстояло выяснить, что одностороннее участіе законодательной или исполнительной власти въ рѣшеніи вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ нерѣдко все будущее націи, связано съ невыгодами, отъ которыхъ легко освободиться, по крайней мѣрѣ наполовину, при совмѣстномъ участіи обѣихъ.

Познакомимся въ отдѣльности съ аргументаціей защитниковъ и противниковъ того взгляда, что король одинъ долженъ руководить внѣшними сношеніями. Графъ Серанъ первый обратилъ вниманіе на то, что передача въ руки собранія этой доселѣ исключительной прерогативы королей лишитъ дипломатію тѣхъ преимуществъ, какія представляетъ тайна переговоровъ и быстрота принимаемыхъ исполнительной властью рѣшеній. Онъ не скрылъ также отъ собранія опасеній, какія вызываетъ въ немъ мысль, что направленіе внѣшней политики будетъ зависѣть отъ числа слишкомъ значительнаго, чтобы не включить въ свою среду лицъ, доступныхъ вліянію иностраннаго золота. Недавніе примѣры Швеціи и Польши, изъ которыхъ въ первой французы и русскіе, а во второй всѣ три сосѣда съумѣли съ помощью подкупа сдѣлаться поперемѣнно руководителями иноземной политики, являлись какъ нельзя лучшей иллюстраціей той мысли, что сосредоточеніе въ рукакъ избираемыхъ депутатовъ заботъ о внѣшнемъ представительствѣ націи можетъ сдѣлаться серьезной опасностью для ея независимости и цѣлости [1]).

Въ отвѣтъ на эти обвиненія изъ рядовъ патріотовъ, разда-

---

[1]) Ibid., томъ XV, стр. 527 и 528.

вались нападки на легкость, съ которой короли и министры рѣшались поставить на карту будущее націи, вовлекая ее въ кровопролитныя войны. Герцогъ д' Эгвильонъ въ защиту предложенія, передать въ руки собранія вопросъ о войнѣ и мирѣ, приводилъ далеко не достовѣрный анекдотъ о Людовикѣ XIV, пришедшемъ въ ярость при видѣ нехорошо построеннаго окна въ Тріанонѣ, и котораго Лувуа не счелъ возможнымъ успокоить иначе, какъ отвлекши его вниманіе «отъ пустыхъ занятій къ болѣе сложнымъ—къ войнѣ» [1]).

Говоря въ томъ же направленіи, Шарль Ламетъ вздумалъ набросить тѣнь на самаго популярнаго изъ королей Франціи—на Генриха IV, утверждая, что въ моментъ убійства его Равальякомъ, этотъ всѣми признаваемый «отецъ народа» собирался предпринять войну съ половиной Европы, изъ страсти къ принцессѣ Кондэ, Шарлотѣ де Монморанси, и желанія вернуть ее изъ Брюсселя.

На этотъ разъ Ламету пришлось встрѣтиться съ противникомъ, историческія познанія котораго были слишкомъ обширны, чтобы допустить ни на чемъ не основанную клевету на величайшаго изъ правитетей Франціи. Поддерживаемый громкимъ сочувствіемъ всей правой, аббатъ Мори въ блестящей импровизаціи, ссылаясь на авторитетъ неодобрявшаго войны Сюлли, провелъ тотъ взглядъ, что затѣваемый Генрихомъ походъ имѣлъ въ виду соединить Европу въ конфедерацію собранныхъ вокругъ Франціи народовъ и положить начало вѣчному миру [2]).

Вѣрный защитникъ интересовъ монархіи, графъ Вирье поспѣшилъ привести противъ проекта передачи права войны и мира въ руки собранія самое серьезное изъ всѣхъ возраженій, а именно то, что депутаты безотвѣтственны, тогда какъ министры несутъ отвѣтственность за политику короля [3]).

Доводы противниковъ королевской прерогативы подвергнуты были систематической критикѣ со стороны Малуэ. «Говорятъ, что нація не должна никому поручать того, что можетъ быть сдѣлано

---

1) Ibid., стр. 528 (томъ XV).
2) Ibid., томъ XV, стр. 576.
3) Arch. Parl., томъ XV, стр. 530.

ею самою. Говорятъ, что для народа, стремящагося къ свободѣ, явною нелѣпостью было бы впутаться въ войну, исходъ которой интересуетъ однихъ только королей и на которую самъ онъ не далъ согласія. Говорятъ, наконецъ, что право войны и мира не есть атрибутъ исполнительной власти, а нѣчто совѣршенно отличное отъ нея. Въ противность мнѣнію многихъ публицистовъ я самъ раздѣляю послѣднее воззрѣніе. Пользованіе этимъ правомъ влечетъ за собою необходимость предписывать законы побѣжденнымъ, а поэтому оно тѣсно связано не только съ исполненіемъ, но и съ законодательствомъ». Несмотря на двойственность своей природы, это право все-таки, по мнѣнію Малуэ, должно быть предоставлено королю. Въ его рукахъ оно совершенно безопасно для свободы, благодаря отвѣтственности министровъ и факту вотированія военныхъ субсидій народнымъ представительствомъ. Но Малуэ дѣлаетъ оговорку, что заключеніе договоровъ, послѣдствіемъ которыхъ былъ бы платежъ денежной контрибуціи или другихъ падающихъ на націю затратъ, не можетъ быть оставлено всецѣло въ рукахъ короля и совѣта; онъ требуетъ въ этомъ случаѣ и участія народнаго представительства. Безъ этого нація не въ состояніи была бы сдержать въ разумныхъ границахъ единоличную волю исполнительной власти, такъ какъ тотъ тормазъ, какимъ она располагаетъ по отношенію къ ней въ другихъ вопросахъ, необходимо отсутствуетъ въ данномъ. Я разумѣю, говоритъ Малуэ, отказъ въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для выполненія обязательства, налагаемаго договоромъ; подобный отказъ потому немыслимъ, что онъ неизбѣжно сдѣлался бы источникомъ новой войны. Примѣръ Англіи доказываетъ, что сосредоточеніе въ рукахъ короля права войны и мира не влечетъ за собою невыгодныхъ послѣдствій для націи, такъ какъ въ виду министерской отвѣтственности парламентъ имѣетъ голосъ при обсужденіи договоровъ и объявленіи войны; ни одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ короля не рѣшится скрѣпить своимъ именемъ акта, идущаго въ разрѣзъ съ интересами и даже временными пристрастіями націи. Но если примѣръ свободныхъ государствъ доказываетъ возможность удержанія этого права за королемъ, то, съ другой стороны, сколько опасности представляетъ пе-

редача его въ руки народнаго представительства. Какъ быть въ томъ случаѣ, когда національному собранію для принятія рѣшенія придется подвергнуть разсмотрѣнію всѣ сокровеннѣйшіе интересы и стремленія иностранныхъ дворовъ и ихъ министровъ? Не думаете ли вы, что прежде, чѣмъ рѣшиться на союзъ съ нами, они не отступятъ предъ мыслью о неизбѣжномъ обнародованіи нами ихъ секретовъ. Не кажется ли вамъ также, что при свободномъ обсужденіи вопросовъ иностранной политики въ стѣнахъ собранія намъ придется не разъ задѣвать предразсудки, вызывать опасенія и порождать ненависть къ намъ иностранныхъ правителей? Такимъ образомъ, думаетъ Малуэ, при руководствѣ внѣшней политики собраніемъ, наталкиваешься на такія неудобства и препятствія, какихъ нѣтъ при рѣшеніе вопросовъ войны и мира королемъ [1]).

Говорятъ, что тайна необходима во всемъ, что касается международныхъ сношеній, что публичность дебатовъ выдала бы врагамъ предписываемыя благоразуміемъ мѣры и позволила бы имъ разсѣить всѣ наши планы. А я утверждаю, говоритъ Петіонъ, что эта тайна, которой такъ дорожатъ, служитъ только къ прикрытію низкихъ страстей, ошибокъ и заблужденій правительствъ, что она только держитъ народы въ рабствѣ и слѣпой зависимости. Всякій разъ, когда хотѣли устранить свѣтъ изъ глазъ, находили предлоги къ тому, чтобы удержать людей въ невѣжествѣ. Развѣ не препятствовали получать образованіе подъ предлогомъ, что оно можетъ быть вредно? Но, стоя за право націи руководить внѣшней политикой, Петіонъ требуетъ, чтобы иниціатива была удержана за исполнительной властью. Она одна знаетъ въ подробности то, что дѣлается за предѣлами государства. Сама эта иниціатива не опасна, такъ какъ законодательное собраніе всегда можетъ отказать королю въ его предложеніи. Возражаютъ, что быстрота рѣшеній пострадаетъ отъ такого совмѣстнаго участія; но какая необходимость въ ней? Вѣдь медленность и обдуманность сами по себѣ желательны въ такомъ дѣлѣ, какъ объявленіе войны и заключеніе мира [2]).

---

1) Ibid., стр. 533—536.
2) Ibid., стр. 536 - 544.

Возражая Петіону, Монлозье иронически хвалитъ его за смѣлость, съ которой онъ, не въ примѣръ другимъ политикамъ, рѣшается утверждать, что публичность и гласность полезны и при веденіе дипломатическихъ сношеній. Тѣ, которые говорятъ, что законодательное собраніе, какъ представитель націи, должно пользоваться правомъ войны и мира, теряютъ изъ виду, что король также представитель націи, также ея уполномоченный. Говорятъ: отказъ въ субсидіяхъ средство на столько крайнее, что народное представительство не рѣшится прибѣгнуть къ нему; но, если это справедливо въ примѣненіи къ обыкновенному ходу дѣлъ, то въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ объявленіе войны, національное собраніе не только въ правѣ, но и обязано воспользоваться этимъ тормазомъ въ интересахъ мира и спокойствія [1]).

Надо, чтобы нація делегировала принадлежащее ей право войны и мира тому изъ своихъ агентовъ, который менѣе всего склоненъ злоупотребить имъ, говоритъ Робеспьеръ; законодательное собраніе неспособно на это. Другое дѣло — король, облеченный могущественной диктатурой. Онъ всегда склоненъ начать войну въ интересахъ расширенія своей прерогативы; представители же націи, наоборотъ, имѣютъ прямой и даже личный интересъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать войнѣ. Вѣдь они не замедлятъ вернуться въ среду своихъ избирателей, война же падаетъ бременемъ на всѣхъ гражданъ [2]).

Разъ признано, что нація не въ силахъ сама осуществлять права войны и мира, лучше предоставить его немногимъ отвѣтственнымъ лицамъ, связаннымъ законами, нежели множеству людей, не признающихъ отвѣтственности. Изъ этого положенія Клермонъ Тоннеръ выводитъ то заключеніе, что въ интересѣ націи—не поручать законодательному собранію того, что гораздо лучше и съ меньшей опасностью для свободы можетъ быть осуществляемо министрами. «Исторія, говоритъ онъ, доказываетъ, какія неудобства и опасности влечетъ за собою передача внѣшней политики въ руки публично дебатирующихъ

---

1) Ibid., стр. 545 и слѣдующія.
2) Ibid., томъ XV, стр. 559.

собраній. Снова слѣдуютъ примѣры Швеціи и Польши, но къ нимъ Клермонъ Тоннеръ присоединяетъ еще древнія Аѳины, въ которыхъ Демосфену тщетно приходилось раскрывать тайные происки народныхъ ораторовъ, подкупленныхъ золотомъ Филиппа [1]).

Реубель энергично протестуетъ противъ мысли, что народные представители могутъ быть доступны подкупу. Такое подозрѣніе скорѣе возможно въ примѣненіи къ министрамъ. Дать королю право войны и мира—это то же, что соединить въ однѣхъ рукахъ законодательство и исполненіе, предоставить государю право продавать людей, какъ стада овецъ. Къ чему говорить намъ о возможности мѣшать войнѣ отказомъ въ налогахъ и допускать въ то же время свободное распоряженіе королемъ самой жизнью гражданъ! Большинство союзныхъ договоровъ неминуемо влечетъ за собою установленіе новыхъ податей и финансовое разореніе государства. Какую же возможность имѣетъ нація воспользоваться тѣмъ тормозомъ, какой представляетъ отказъ въ налогахъ, разъ договоръ уже заключенъ и нарушеніе его грозитъ повести къ войнѣ? Великая нація не нуждается въ другихъ союзникахъ, кромѣ Провидѣнія, собственной силы и правоты своего дѣла. И какое значеніе можетъ имѣть министерская отвѣтственность, разъ король располагаетъ вето. Нація должна поэтому поручить право войны и мира собственнымъ представителямъ, которые всегда раздѣляютъ ея интересы, тогда какъ министры всегда солидарны только съ тѣми, кто располагаетъ деньгами и вліяніемъ при дворѣ [2]).

Графъ Крильонъ думаетъ, что едва ли возможна отвѣтственность за ошибочное веденіе иностранной политики; она мыслима только въ случаѣ нарушенія законовъ. Министры поэтому не представляютъ большей гарантіи, чѣмъ депутаты; и нѣтъ, слѣдовательно, основанія отказывать собранію въ правѣ объявленія войны. Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о заключеніи мира. Переговоры должны необходимо вестись тайно, иначе они потеряютъ значеніе. Удобнѣе, слѣдовательно, предоставить эту сторону внѣшнихъ сношеній королю и министрамъ, выговаривая однако,

---

1) Ibid., томъ XV, стр. 561—564.
2) Ibid., стр. 564.

чтобы никакая часть государственной территоріи не могла подвергнуться отчужденію по договору иначе, какъ съ согласія законодательнаго собранія. Безъ такого согласія недопустимо также никакое пожертвованіе торговыми интересами [1]).

Аббатъ Мори пускается въ длинныя разсужденія съ цѣлью доказать, что историческое прошлое не только Франціи, но и Англіи, не представляетъ примѣровъ пользованія со стороны народнаго представительства правомъ войны и мира. Не въ интересахъ также Франціи завершить такой узурпаціей королевской прерогативы обращеніе двадцати семи милліоннаго народа въ демократію. «Не даромъ Мазарини съ цѣлью ослабить вѣковую соперницу Франціи поддерживалъ въ Англіи республиканскій образъ правленія (?)». Можно ли считать дѣломъ патріотизма подобный заговоръ, направленный на этотъ разъ не противъ непріятеля, а противъ собственной родины? И какія опасенія можетъ вызвать удержаніе королемъ права войны и мира! Объявивши себя вѣчнымъ (permanent), собраніе навсегда заручилось защитой противъ министерскаго деспотизма. Можно даже надѣяться, что само выраженіе, которымъ такъ злоупотребляютъ, исчезнетъ вскорѣ. Не деспотическихъ министровъ боимся мы нынѣ, а министровъ робкихъ, министровъ слабодушныхъ, министровъ, которые не посмѣютъ бороться со всемогуществомъ депутатовъ и низко будутъ ползать у ихъ ногъ. Никогда ни одинъ министръ не рѣшится объявить войны противъ воли вѣчно присутствующаго собранія. Да къ тому же, какъ вести войну безъ налоговъ, а можно ли установить ихъ безъ согласія палаты? Страннымъ поэтому надо признать тотъ патріотизмъ, единственной задачей котораго унизить престолъ безъ всякой существенной выгоды для націи. Когда мы говоримъ, что отказъ въ налогѣ гарантируетъ отъ произвола власти, отвѣчаютъ, что онъ равносиленъ возстанію, и что народъ не можетъ обращаться къ такому крайнему средству. Это справедливо по отношенію къ уже установленнымъ податямъ. Отказъ платить ихъ есть актъ мятежа. Но когда налогъ еще не созданъ, отказъ въ его установленіи не можетъ считаться возстаніемъ, а надежнѣйшимъ щитомъ народ-

---

1) Ibid., стр. 564.

ной свободы. Неужели законодательный корпусъ, свободный отъ всякаго контроля, увлекаемый краснорѣчіемъ ораторовъ, доступный подкупу и угрозамъ толпы, неразсудительный, неспособный воспротивиться минутному увлеченію патріотизмомъ, внушаетъ вамъ больше довѣрія, нежели король-гражданинъ, король, соединяющій въ своихъ рукахъ всѣ нити иностранной политики, который однимъ взглядомъ обнимаетъ всѣ мѣры, всѣ проекты, всѣ средства дворовъ, король, интересы котораго всегда неразлучны съ общественнымъ благомъ? Вы сами постановили, что народное представительство ежегодно должно оставаться въ сборѣ не дольше четырехъ мѣсяцевъ; но знаете ли вы такой день въ году, когда бы первый стражъ государства могъ отвернуть свой взглядъ отъ того, что подготовляется въ Европѣ? Или вы забыли, что шести недѣль было достаточно для устройства Аусбургской лиги, а трехъ, чтобы создать лигу въ Камбрэ съ цѣлью стереть съ лица земли Венеціанскую республику? Но вы должны принять въ разсчетъ еще и другую опасность: вы имѣете дѣло съ кабинетами, скрывающими отъ васъ всѣ свои намѣренія, и эти кабинеты будутъ извѣщены обо всѣхъ вашихъ планахъ; такимъ образомъ вы будете вести открытую игру съ партнеромъ, который тщательно скрываетъ всѣ свои карты. Вы станете подготовлять войну, въ надеждѣ избѣжать ея, и не избѣжите, такъ какъ ваши проекты будутъ обнародованы. Вы не будете имѣть тайнъ, и все будетъ тайною вокругъ васъ; сокровеннѣйшія рѣшенія примутъ форму декретовъ, обнародуемыхъ печатью всей Европы. Вы пригласите такимъ образомъ въ вашъ національный совѣтъ вашихъ же враговъ. Какой народъ въ мірѣ согласится быть съ вами въ союзѣ, зная, что, благодаря вашимъ дебатамъ, онъ раскроетъ передъ всѣми свои секреты? Какъ бы велико ни было могущество Франціи, вы не можете оставаться изолированными; сосѣди овладѣли бы вами, вздумай вы обособиться отъ международнаго союза. Съ тѣхъ поръ, какъ Ришелье положилъ его основы, Европа находится въ спокойствіи. Этотъ безсмертный министръ указалъ французамъ, въ чемъ должны состоять важнѣйшія задачи ихъ внѣшней политики: въ сохраненіи Германской конфедераціи, въ равновѣсіи сѣверныхъ державъ, въ нейтралитетѣ Италіи и въ союзѣ съ

Турціей. Намъ необходима вся бдительность, вся не прекращающаяся заботливость нашего короля, чтобы извлечь выгоды изъ этого великолѣпнаго наслѣдія, завѣщаннаго геніемъ Ришелье монархической Франціи.

Неужели вы думаете, что служите интересамъ націи, дозволяя, чтобы объявленіе войны совершалось подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Это общественное мнѣніе можетъ быть столь же безнравственно, какъ и безмысленно, особенно въ томъ случаѣ, когда престолъ его подымается въ центрѣ обширной столицы, въ которой безчисленные личные интересы вѣчно борятся изъ-за желанія овладѣть имъ. Мори вспоминаетъ по этому случаю, какъ кардиналъ Флёри всѣми силами противился войнѣ 1741 года, кончившейся такъ гибельно для Франціи, и какъ маршалу Бельилю, желавшему этой войны, удалось расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Парижа и заставить Людовика XV начать военныя дѣйствія, которыя съ энтузіазмомъ были приняты всей страною и повели въ концѣ концовъ къ невыгодному миру въ Ахенѣ. Ограждая себя всячески отъ узурпаціи королевскихъ агентовъ, говоритъ Мори, мы мало-по-малу подкапываемся подъ самый авторитетъ монарха. Наша воинствующая свобода, захватывая постепенно всѣ власти, хочетъ еще присвоить себѣ преимущество патріотизма. Если во Франціи нѣтъ человѣка, который бы высказывалъ соболѣзнованіе по случаю исчезновенія министерскаго самодержавія, то нѣтъ въ ней также гражданина, который бы не видѣлъ необходимости имѣть короля и не требовалъ отъ насъ возстановленія этого охранительнаго авторитета. Онъ одинъ можетъ защитить насъ и отъ народнаго деспотизма, и отъ деспотизма муниципальнаго, однимъ словомъ, отъ всякаго деспотизма, источникомъ котораго является произволъ и анархія. «Чѣмъ были французы, до созванія генеральныхъ штатовъ? Самой спокойной и благовоспитанной націей въ Европѣ. Иностранцы привлекаемы были въ страну мягкостью ея нравовъ, не уступающей мягкости климата. Земледѣліе, торговля, искусства процвѣтали подъ кровомъ престола. Всѣ сословія жили въ мирѣ. Намъ трудно было даже представить себѣ, что такое гражданскія несогласія, такъ какъ ихъ не было за послѣдніе два вѣка. Казна, правда, была истощена, но сами французы оставались богатыми; сбереженія, отмѣна зло-

употребленій и добродѣтели царствующаго монарха представляли собою неисчерпаемый источникъ для покрытія государственнаго долга. Всѣ блага міра были не только доступны, но и легко достижимы. Представители націи, сильные союзомъ общественнаго мнѣнія, которому ничто не можетъ противиться, собрались въ Версали, благословляемые всѣми, вызывая во всѣхъ надежду на возрожденіе этого дивнаго королевства, предмета зависти Европы. Что же представляетъ собою современная Франція? Печальное зрѣлище, вызывающее жалость всѣхъ націй. Заброшенный дворецъ нашихъ королей.... Самый кроткій народъ, сдѣлавшійся.... Я останавливаюсь, я вижу издали генія Франціи, вырывающаго изъ нашихъ анналъ эти кровавыя страницы; ихъ надо скрыть отъ потомства. Нѣтъ собственности, которой бы не грозили и не отрицали. Грабежъ повсемѣстенъ и безнаказанъ. Всеобщая эмиграція разсѣяла нашихъ гражданъ и наши сокровища. Вызывающіе тревогу предзнаменованія внезапно подымаются во всѣхъ провинціяхъ. Народы отказываютъ въ повиновеніи законамъ, разъ они не льстятъ ихъ страстямъ. Мало этого, въ департаментахъ изготовляются фальшивые декреты, въ которыхъ именемъ депутатовъ предписываются явныя преступленія. Народъ, желающій быть свободнымъ, забываетъ, что нѣтъ свободы безъ повиновенія законамъ. Нѣтъ болѣе ни субординаціи, ни судовъ, ни арміи! Что я — милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ въ оружіи, не имѣя передъ собой ни одного врага! Вооружены всѣ, кто долженъ платить налогъ; безоружны всѣ, кто долженъ собирать его. Благодаря мѣстнымъ мятежамъ изсякъ источникъ доходовъ. Общественная казна на краю гибели. Всѣ классы общества слѣдятъ другъ за другомъ съ недовѣріемъ и завистью; низшіе слои въ народныхъ собраніяхъ не хотятъ допустить присутствія на равной ногѣ съ ними людей, превосходство которыхъ никогда не подвергаемо было сомнѣнію. Церковь, которая одна могла бы вернуть людей къ единству принциповъ и интересовъ, безъ чего не можетъ существовать общественнаго духа, видитъ всѣ свои пружины ослабшими или сломанными. Всѣ прежнія связи, соединявшія сильнаго съ слабымъ, богатаго съ бѣднымъ, разорваны; въ нашемъ новомъ законодательствѣ нѣтъ ничего, что бы напоминало собою то пре-

красное учрежденіе, къ которому публицисты относятъ происхожденіе феодальныхъ порядковъ. Я разумѣю—римское кліенство, благодаря которому возникла солидарность между патронами и служащими, между селами и городами, между городами и провинціями. Этотъ не прекращающійся обмѣнъ заступничества и услугъ спасалъ знатныхъ отъ зависти и бѣдныхъ отъ презрѣнія. Что станется съ Франціей, внутренно растерзанной, покрытой столькими развалинами? Таковъ печальный вопросъ, который граждане ставятъ другъ другу въ свободѣ тайныхъ бесѣдъ. Пораженные дѣйствительностью, приведенные въ ужасъ будущимъ, они со страхомъ ищутъ исхода изъ столькихъ бѣдствій—и не находятъ его нигдѣ. Нѣтъ болѣе обезпеченной профессіи, защищенной собственности, нерушимаго убѣжища. И когда граждане подымаютъ глаза къ престолу, имъ кажется, что изъ нѣдръ этой революціи, которая пока не создала ничего, кромѣ жертвъ, возникаетъ передъ ними видѣніе трехъ новыхъ бѣдствій: деспотизма правительства, иноземнаго нашествія и политическаго раздробленія». Аббатъ Мори заканчиваетъ свою рѣчь предложеніемъ слѣдующаго декрета: національное собраніе постановляетъ, что право войны и мира, а также заключенія договоровъ съ иностранными державами, принадлежитъ исключительно королю; но мирные трактаты должны получить ратификацію законодательнаго собранія, разъ въ нихъ выговаривается отчужденіе части французской территоріи. То же требованіе примѣнимо къ союзнымъ договорамъ, если въ нихъ заходитъ рѣчь о платежѣ субсидій, и къ торговымъ, когда они вносятъ какія-либо измѣненія въ размѣръ таможенныхъ пошлинъ [1]).

Казалось бы, всѣ доводы въ пользу и противъ исключительнаго участія короля или собранія были исчерпаны и новымъ ораторамъ не оставалось ничего прибавить новаго. Дѣйствительно, въ теченіе цѣлаго засѣданія Лепельтье де Сенъ-Фаржо, Шабру, Дюпонъ де Немуръ и аббатъ Монтескье продолжаютъ вращаться въ заколдованномъ кругу все тѣхъ же обвиненій—министровъ въ произволѣ, готовности жертвовать кровью и средствами націи, собранія—въ продажности и неспособности хранить дипломатическіе секреты.

---

1) Ibid., стр. 565—575.

Интересъ преній значительно ослабѣваетъ въ виду децтринерства, съ какимъ смѣняющіе другъ друга ораторы, пренебрегая возможными возраженіями, стараются провести свой взглядъ, какъ абсолютную истину, внѣ которой начинается опасность для свободы и цѣлости Франціи. «Невозможно сохранить народныхъ вольностей, утверждаетъ Лепельтье, не соединивши въ рукахъ собранія пользованія всѣми правами» «Надѣлить короля правомъ войны и мира—это то же, что бросить конституцію къ его ногамъ и сказать ему, какъ Богу»: «да будетъ воля твоя», восклицаетъ, наоборотъ, Шабру. Королю принадлежитъ принятіе всѣхъ подготовительныхъ мѣръ, ведущихъ къ войнѣ или къ миру, но окончательное рѣшеніе вопроса—дѣло національнаго собранія [1]) Но среди этихъ апріорныхъ, ни на чемъ не основанныхъ утвержденій, слышится подчасъ и голосъ здраваго смысла. «Если бы всѣ народы имѣли подобную вамъ конституцію, говоритъ Дюпоръ, что, пожалуй, и будетъ впослѣдствіи, если бы всѣ они имѣли постоянное законодательное собраніе, придерживались публичности преній, не позволяли себѣ даже малѣйшихъ приготовленій къ войнѣ безъ согласія народнаго представительства, это равенство условій, эта равная возможность вести дѣло открыто, дозволила бы вручить собранію руководство всей внѣшней политикой [2]). Такъ какъ даже постоянная камера остается въ сборѣ только четыре мѣсяца, а внѣшняя политика требуетъ ежечаснаго вниманія, то депутатамъ пришлось бы поручить веденіе ея комитету, составленному изъ собственныхъ членовъ. Этотъ комитетъ только тѣмъ отличался бы отъ комитета министровъ, что пользовался бы безотвѣтственностью, которой министры къ счастью не имѣютъ. Когда во главѣ государства народъ желаетъ имѣть наслѣдственную династію, приходится смотрѣть на короля, какъ на отца большой семьи. А если такъ, то невозможно требовать, чтобы тѣ или другія національныя предпріятія оставались ему чужды. Нелѣпо поддерживать между нимъ и нами постоянное недовѣріе. Мы обезпечимъ свободу, поощряя короля оказывать намъ защиту [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 584 – 586.

[2]) Ibid., стр. 587.

[3]) Arch., Parl. Томъ XV. Рѣчь аббата Монтескье 19 мая 1790 г., стр. 590.

Немногіе ораторы стараются выдѣлить изъ того, что было сказано ихъ предшественниками, нѣкоторыя общія положенія, по которымъ успѣло установиться согласіе. Такъ, напримѣръ, Бенжи Депюи Вале подчеркиваетъ тотъ фактъ, что подготовленіе войны, начало военныхъ дѣйствій, какъ и веденіе переговоровъ съ непріятелемъ, всѣми признаются за аттрибутъ исполнительной власти. Такимъ образомъ, всѣ допускаютъ, что король долженъ имѣть нѣкоторый излишекъ вліянія въ рѣшеніи вопросовъ войны и мира. И по другимъ предметамъ незамѣтно устанавливается общность взглядовъ: одни хотятъ, чтобы война не была объявляема безъ согласія законодательнаго корпуса; другіе, чтобы средства для ея веденія не взимались безъ его согласія. Практическій результатъ того и другаго требованія тождественъ. Различіе болѣе въ формѣ, нежели въ сущности дѣла [1]). Такимъ образомъ постепенно складывается то среднее мнѣніе, одинаково враждебное исключительности правъ національнаго собранія и королевской прерогативѣ, лучшимъ выразителемъ котораго явится Мирабо. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію его мыслей, намъ необходимо остановиться на томъ обвиненіи, которое нѣкоторые изъ современниковъ возводятъ на великаго трибуна, говоря, что въ той формѣ, въ какой была произнесена его рѣчь, она нимало не отвѣчаетъ печатной редакціи. Мирабо будто бы сознательно измѣнилъ ея содержаніе, видя что большинство противится его предложенію и желая въ то же время сохранить видъ, что собраніе рѣшило вопросъ въ его смыслѣ.

Въ приложеніи ко второму тому своей Исторіи учредительнаго собранія Александръ Ламетъ приводитъ параллельно оба текста: тотъ, который былъ напечатанъ Монитеромъ немедленно вслѣдъ за преніями, и тотъ, который Мирабо самъ обнародовалъ уже вслѣдъ за постановкой декрета. Впечатлѣніе, которое выносишь изъ этого сопоставленія далеко, впрочемъ, не то, какое Ламетъ желалъ произвести, напечатавъ ихъ рядомъ [2]).

---

1) Ibid., стр. 615.

2) Впервые въ памфлетѣ, озаглавленномъ: Examen du discours du comte de Mirabeau sur la question du droit de paix et de guerre. (Juin 1790) и появившемся въ концѣ лѣта 1790 г.

Трудно отказаться отъ мысли, что имѣешь передъ собою не двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга системы, а только болѣе опредѣленное выраженіе въ позднѣйшей редакціи взглядовъ, смутно переданыхъ въ первой. Не таково однако мнѣніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ. Подчиняясь авторитету Ламета, Ломени-сынъ, напримѣръ, въ заключительномъ томѣ «Семейной хроники Мирабо» прямо признаетъ сознательное извращеніе тѣхъ мѣстъ рѣчи, въ которыхъ слишкомъ опредѣленно проводились желательные правительству взгляды [1]). Враждебность, какую не замедлили принять отношенія Мирабо къ Лафайету и членамъ покровительствуемаго имъ тріумвирата [2]), личное нерасположеніе къ человѣку, котораго онъ съ полнымъ, впрочемъ, основаніемъ, заподозривалъ въ тайныхъ сношеніяхъ со дворомъ, наконецъ, попытка самого Мирабо заручиться поддержкою Ламета до формулировки своего предложенія—все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ ту строгость, съ какой его противникъ отнесся къ тѣмъ поправкамъ, какія внесены были авторомъ въ печатную редакцію.

Но, придерживаясь даже первоначальнаго текста, трудно сказать, чтобы Мирабо отступалъ въ немъ отъ той «средней линіи» въ рѣшеніи спора между королемъ и собраніемъ, какой онъ обѣщалъ держаться въ запискѣ, посланной на имя Александра Ламета въ самый день произнесенія знаменитой рѣчи. И въ этой первой редакціи Мирабо признаетъ за королемъ только право дать отпоръ первому военному натиску, не дожидаясь момента, когда законодательное собраніе успѣетъ подать свой голосъ.

Все различіе въ томъ, что это отраженіе онъ называетъ войной, тогда какъ въ исправленномъ видѣ, имѣя въ виду замѣчанія Барнава, Мирабо даетъ ей другую квалификацію — фактическаго военнаго состоянія. Въ обѣихъ редакціяхъ одинаково онъ признаетъ право законодательнаго собранія высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ на счетъ продолженія или прекращеніе открывшагося столкновенія. Только въ первой это

---

[1]) См. Les Mirabeau; томъ V 1891 года, стр. 147.

[2]) Дюпоръ, Барнавъ и Шарль Ламетъ.

столкновеніе передается терминомъ начавшейся войны, а во второй говорится объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ военнаго состоянія. Быть можетъ, самымъ рѣзкимъ различіемъ является утвержденіе въ первоначальномъ текстѣ права не одобрить фактически начавшейся войны, а въ окончательномъ—права «постановить о начатіи военныхъ дѣйствій, если они необходимы, отклонить войну, если она безполезна и несправедлива, потребовать отъ короля начатія мирныхъ переговоровъ, грозя отказомъ въ субсидіяхъ». Но все это такія мѣры, къ которымъ, какъ мы видѣли, не прочь были прибѣгнуть и сторонники королевской прерогативы, и отъ которыхъ никакъ не могъ отказаться Мирабо, шедшій гораздо далѣе ихъ въ уступкахъ національному собранію. Что же касается до того, въ какой мѣрѣ предложенная Мирабо редакція перешла въ текстъ постановленнаго собраніемъ рѣшенія, то и въ этомъ приходится разойтись съ Ламетомъ и признать, что декретъ въ существенныхъ чертахъ воспроизводитъ мысли Мирабо. Доказывая противное, самъ Ламетъ въ состояніи привести только слѣдующіе варіанты. Въ текстѣ напечатанной Монитеромъ рѣчи стоитъ: «осуществленіе принадлежащаго націи права войны и мира поручается совмѣстно законодательной и исполнительной власти; въ изданномъ же собраніемъ законѣ мы читаемъ: «война объявляется декретомъ законодательнаго корпуса, издаваемымъ въ силу формальнаго предложенія короля и снабженнымъ его санкціей».

Слѣдуетъ еще два варіанта, въ статьѣ 5-ой и 7-ой. Въ текстѣ Мирабо несогласіе собранія на войну выражается словами: «оно отказываетъ въ налогахъ и заявляетъ о своемъ неодобреніи»...; въ декретѣ же мѣсто этихъ словъ занимаютъ слѣдующія: «собраніе рѣшаетъ, что война не должна имѣть мѣста»... Наконецъ, послѣднее измѣненіе: Мирабо говорилъ о правѣ народнаго представительства требовать открытія исполнительной властью переговоровъ о мирѣ; собраніе же прибавило: «исполнительная власть обязана подчиниться этому требованію». [1])

---

[1]) Histore de l'assemblée constituante par Al. Lameth I., т. II, стр. 483—499.

Въ чемъ состоитъ особенность системы, предложенной Мирабо и принятой въ концѣ концовъ національнымъ собраніемъ, это скажетъ намъ подробный разборъ его рѣчи. Отдавая дань духу времени, его пристрастію къ метафизическимъ отвлеченностямъ, его раболѣпію передъ политической теоріей, Мирабо пускается сначала въ подробныя разсужденія о томъ, что элементъ воли и элементъ дѣйствія одинаково присущи всякому рѣшенію вопроса о войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ въ этомъ правѣ войны и мира встрѣчаются атрибуты одинаково законодательной и исполнительной власти. Не слѣдуетъ ли поэтому и предоставить пользованіе имъ совмѣстно тѣмъ двумъ учрежденіямъ, въ рукахъ которыхъ находятся законодательство и исполненіе — собранію и королю? Но какъ долженъ произойти между ними этотъ раздѣлъ власти, и кому прежде всего предоставить инииціативу самихъ рѣшеній? кому вести иноземныя сношенія, слѣдить за безопасностью государства, предпринимать или предписывать подготовительныя мѣры къ его защитѣ? «Я думаю, говоритъ Мирабо, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ въ пользу короля; иначе пришлось бы примириться съ мыслью о созданіи въ государствѣ двухъ исполнительныхъ властей. Но разъ вы предоставите королю эти полномочія, вы поставлены тѣмъ самымъ въ необходимость допустить, что нерѣдко тѣ или другія враждебныя дѣйствія будутъ отражены прежде, чѣмъ законодательное собраніе найдетъ время высказаться на ихъ счетъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ собранію придется подавать голосъ только по вопросу, должна ли быть продолжена или прекращена уже разгорѣвшаяся вражда».

Предполагая, что оружіе пущено въ ходъ или должно быть пущено немедленно, зададимся вопросомъ, говоритъ Мирабо, каковы въ такомъ случаѣ права исполнительной и законодательной власти. Что касается до первой, то ей принадлежитъ нотификація военныхъ дѣйствій, объясненіе ихъ причинъ, запросъ о средствахъ и созывъ законодательнаго собранія каждый разъ, когда онъ является возможнымъ. Собраніе же въ свою очередь обязано разсмотрѣть, не виновны ли министры или другіе агенты исполненія въ невызванномъ врагомъ начатіи военныхъ дѣйствій. Если ви-

новны, то оно должно предать ихъ преслѣдованію за измѣну націи. Обязанность законодательнаго собранія—высказаться въ пользу войны, если она необходима, и противъ нея, если она не нужна и несправедлива. Оно должна предложить королю начатіе переговоровъ о мирѣ и принудить его къ этому отказомъ въ средствахъ на дальнѣйшее веденіе войны.

Таковы истинныя права палаты. Ихъ признаніе, говоритъ Мирабо, не ведетъ къ смѣшенію властей и нарушенію принциповъ, на которыхъ опирается монархическая форма правленія. Предоставьте собранію исключительное право рѣшенія, подобное тому, какимъ пользовался римскій сенатъ, и какое еще нынѣ осуществляютъ шведскіе и польскіе сеймы или голландская конфедерація, и вы сдѣлаете изъ короля Франціи подобіе штатгальтера или консула. Чтобы осуществить тѣ права, какія признаетъ за нимъ Мирабо, законодательное собраніе можетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ средствамъ: оно въ правѣ отказаться отъ вакацій во все время военныхъ дѣйствій; оно можетъ продолжить свою сессію въ виду близости войны и созвать большее или меньшее число корпусовъ національной гвардіи въ томъ случаѣ, если бы король вздумалъ вести войну на свой страхъ. Оно въ правѣ, высказавшись въ пользу войны, ходатайствовать тѣмъ не менѣе передъ королемъ, каждый разъ, когда это покажется ему удобнымъ, о начатіи новыхъ и новыхъ переговоровъ о мирѣ. Но самые эти переговоры должны быть ведены королемъ: отъ него зависитъ выборъ наиболѣе удобной для того минуты, соблюденіе тайны начавшихся переговоровъ и составленіе текста мирнаго договора, ратификація котораго принадлежитъ однако собранію. Тому же собранію надо предоставить право по окончаніи враждебныхъ дѣйствій требовать сокращенія арміи и сохраненія только того числа войскъ, какое полагается въ мирное время. Договоры о союзахъ также подготовляются исполнительной властью. Мирабо не считаетъ удобнымъ предоставить собранію непосредственное веденіе переговоровъ съ иностранными державами; но заключенныя исполнительной властью соглашенія должны быть немедленно заявлены законодательному корпусу, который имѣетъ право утвердить ихъ или отвергнуть.

Установивши такимъ образомъ отдѣльныя положенія предлагаемой имъ системы, Мирабо переходитъ къ критикѣ тѣхъ недостатковъ, какіе содержатъ въ себѣ проекты противниковъ. «Неужели, спрашиваетъ онъ, мы будемъ имѣть бóльшую гарантію справедливости войнъ, предоставивъ право войны и мира собранію въ 700 человѣкъ? Можно ли предвидѣть напередъ, до чего экзальтація храбрости и ложное представленіе о національномъ достоинствѣ могутъ довести его? Развѣ недавно одинъ изъ нашихъ ораторовъ не предлагалъ намъ, въ случаѣ войны Испаніи съ Англіей, переплыть немедленно моря, набросить одну націю на другую и начать съ гордыми островитянами единоборство не на животъ, а на смерть? И что же, мы всѣ аплодировали и никто другой, какъ я самъ, къ собственному моему изумленію, засталъ себя хлопающимъ въ ладоши. Такимъ образомъ, одного истинно ораторскаго движенія было достаточно, чтобы поставить ловушку вашей мудрости. Подобныя же ораторскія движенія не вовлекутъ ли васъ въ пагубныя войны, разъ въ ваши руки будетъ передано исключительное право войны и мира? Въ то время какъ съ трибуны еще будутъ предлагать дальнѣйшее обсужденіе, въ собраніи подымутся громкіе крики въ пользу войны». Мирабо останавливается въ подробности на той мысли, что отсутствіе отвѣтственности дѣлаетъ національное собраніе менѣе годнымъ къ веденію внѣшнихъ сношеній, нежели членовъ министерства. Говорятъ, что оно будетъ дѣйствовать всегда подъ контролемъ общественнаго мнѣнія; но подчиненіе общественному мнѣнію въ вопросахъ иноземной политики и можетъ сдѣлаться нерѣдко источникомъ роковыхъ ошибокъ. Дѣленіе собранія на враждующія партіи не отразится ли невыгодно на иноземной политикѣ, и вопросы войны и мира не будутъ ли подчасъ рѣшаться незначительнымъ и случайнымъ большинствомъ, созданнымъ соглашеніемъ между вожаками и не выражающимъ мнѣнія страны. Не представляется ли также другой опасности? Видя, что представители вкривь и вкось рѣшаютъ его именемъ вопросы войны и мира, французскій народъ можетъ перенести въ собственныя руки обсужденіе этихъ сложныхъ и мало доступныхъ ему вопросовъ. Не допускаете ли вы также возможности превышенія власти со стороны собра-

нія? Не думаете ли, что озабоченное успѣхомъ войны, предпринятой имъ вопреки мнѣнію короля, оно не вздумаетъ вліять и на самое ея направленіе, на выборъ генераловъ и характеръ военныхъ операцій; не будетъ ли послѣдствіемъ всего этого созданіе второй исполнительной власти? Наконецъ, считаете ли вы возможнымъ пренебречь тою опасностью, какую представляетъ переносъ республиканскихъ формъ въ конституцію представительной монархіи? Будетъ ли наша конституція отличаться необходимой устойчивостью, разъ въ основаніе ея будутъ положены принципы двухъ противорѣчащихъ другъ другу формъ правленія. Внѣ республикъ и ихъ конфедерацій нѣтъ государствъ, которыя бы предоставляли право войны и мира исключительно въ руки законодательнаго собранія. И сколько новыхъ враговъ создало бы для васъ подобное рѣшеніе! Ими сдѣлались бы всѣ тѣ, кто, желая свободы, боится въ то же время вѣчныхъ волненій, какими отличаются демократіи, тѣ, кто, считая постоянство собраній необходимымъ средствомъ противъ деспотизма, смотритъ на королевскую власть, какъ на столь же нужную преграду къ олигархіи собранія. И въ какое также положеніе поставили бы вы короля! Не забывайте, что честолюбивый монархъ, недовольный тою долею вліянія, какая отведена ему конституціей, сдѣлается ея скрытымъ врагомъ вмѣсто того, чтобы быть ея хранителемъ и защитникомъ. Но, можетъ быть, возможно дать законодательному собранію участіе въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ, въ лицѣ назначаемаго имъ комитета, который контролировалъ бы поведеніе короля и ограждалъ насъ отъ опасности необдуманной войны? Берегитесь смѣшать этимъ путемъ функціи законодательства и исполненія.

Исполнительная власть не замедлила бы сдѣлаться агентомъ вашего комитета. И намъ бы пришлось не только издавать законы, но и управлять. Съ другой стороны сила исполнительной власти была бы парализована. Мирабо доказываетъ это тѣмъ самымъ положеніемъ, которое нѣсколько лѣтъ спустя будетъ выражено Сіейсомъ въ консульской конституціи и сдѣлается одной изъ основъ дѣйствующаго административнаго права Франціи: «Когда рѣчь идетъ объ исполненіи, то, что дѣлается

многими, никогда не дѣлается хорошо», [1]) Мирабо заканчиваетъ свою рѣчь [2]) проектомъ декрета, который и сдѣлался предметомъ всѣхъ дальнѣйшихъ дебатовъ собранія. Имъ объявлялось, что право войны и мира принадлежитъ націи и осуществляется совмѣстно законодательной и исполнительной властью. Затѣмъ въ соотвѣтствіи съ только что изложенной системой Мирабо распредѣлилъ функціи между королемъ и собраніемъ такимъ образомъ, чтобы сохранить за первымъ иниціативу, а за вторымъ утвержденіе.

Одной изъ статей декрета (IX) законодательное собраніе надѣляемо было правомъ созыва національной гвардіи для противодѣйствія королю, который пожелалъ бы вести войну вопреки рѣшенію народнаго представительства.

Эта статья сдѣлалась предметомъ горячихъ нападокъ одинаково правой и лѣвой стороны. «Неужели, говорилъ Казалесъ, Мирабо хочетъ создать источникъ гражданскихъ междоусобій?» И то же обвиненіе повторяетъ Барнавъ, «Чтобы выйти изъ необходимости иноземной войны, Мирабо предлагаетъ войну гражданскую». Самъ Мирабо сознаетъ вскорѣ неудобства предложенной имъ мѣры. Онъ старается защитить необходимостью придать сколько нибудь легальную форму тому праву возстанія, которое является ultima ratio народовъ [3]).

Но въ концѣ концовъ онъ соглашается подать голосъ за предположеніе Шапалье, которое только тѣмъ отличается отъ его собственнаго, что не содержитъ въ себѣ ни слова о правѣ собранія созывать гвардію для противодѣйствія королю [4]).

О томъ вліяніи, какое рѣчь Мирабо оказала на дальнѣйшій ходъ преній, можно судить по тому обстоятельству, что съ момента ея произнесенія не было оратора, который бы не счелъ нужнымъ такъ или иначе высказаться о его проектѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія.

---

[1]) Сравни съ этимъ извѣстный афоризмъ: «administrer est le fait d'un seul, délibérer est le fait de plusieurs».

[2]) Arch. p. Рѣчь Мирабо произнесена 20 мая 1790 г., см. томъ XV, стр. 618–626.

[3]) Томъ XV, стр. 658.

[4]) Томъ XV, стр. 654.

Одинъ изъ членовъ упомянутаго мною тріумвирата, Барнавъ строитъ всю свою рѣчь на разборѣ взглядовъ Мирабо. То же дѣлаетъ и Шапелье, заявляя: рѣчь великаго трибуна содержитъ въ себѣ всѣ основныя идеи, всѣ принципы защищаемаго имъ взгляда. Если Дюпоръ и Ламетъ требуетъ слова, вопреки рѣшенію собранія покончить съ преніями, то только для того, чтобы возразить Мирабо. Если Лафайетъ рѣшается отдѣлиться въ данномъ вопросѣ отъ своихъ обычныхъ союзниковъ Ламетовъ, то опять—таки для того, чтобы примкнуть къ Мирабо. «Казалесъ и Барнавъ одинаково возстаютъ противъ него, говоритъ Дюкенуа, обвиняя, одинъ въ томъ, что онъ все даетъ законодательному собранію, другой въ томъ, что онъ все оставляетъ въ рукахъ короля. Но не служитъ ли само это доказательствомъ тому, что каждому онъ выдѣлялъ приходящуюся ему долю вліянія, не доказываетъ ли это, что Мирабо придерживается той благоразумной середины, которая необходима во всѣхъ общественныхъ вопросахъ?» [1]).

Какими доводами пытаются опровергнуть мнѣніе Мирабо? Новыми ли ссылками на историческій опытъ, новымъ ли разсмотрѣніемъ практическихъ неудобствъ, къ которымъ можетъ повести приложеніе его системы? Нимало! Рѣчь Казалеса опирается почти исключительно на той испробованной уже аргументаціи, что передача королю верховной исполнительной власти должна имѣть своимъ логическимъ послѣдствіемъ надѣленіе его исключительнымъ правомъ войны и мира. Въ свою очередь вся критика Барнава опирается на несоотвѣтствіи положеній Мирабо съ требованіями ходячей политической доктрины и въ частности съ авторитетомъ Мабли. Тайна дипломатическихъ переговоровъ безполезна. Развѣ Мабли не доказалъ, что не въ ней лежитъ сила, а въ справедливости политики».

Тотъ же Мабли, говоритъ Барнавъ, побѣдоносно установилъ, что общественное довѣріе, вызываемое гласностью, такъ же необходимо для политическаго кредита, какъ и для финансоваго. Болѣе серьезны тѣ возраженія, какія Барнавъ направляетъ противъ тѣхъ двухъ обычныхъ средствъ, которыми въ конститу-

---

1) Arhc. Parl. T. XV, засѣд. 22 мая 1890 года, стр. 652.

ціонной монархіи можетъ быть сдержанъ произволъ исполнительной власти. Я разумѣю отказъ въ военныхъ субсидіяхъ и министерскую отвѣтственность. Но и въ этомъ отношеніи мысли Барнава далеко не оригинальны и являются повтореніемъ уже сказаннаго. Стоитъ однако отмѣтить, что первый онъ указалъ на то, что въ принятой собраніемъ формѣ отвѣтственность министровъ возможна только въ случаяхъ уголовныхъ преступленій, а не въ случаѣ ошибокъ въ политикѣ, другими словами, что ихъ отвѣтственность только юридическая или судебная, а не политическая, не та, какая имѣетъ мѣсто въ Англіи и всюду, гдѣ кабинетъ является комитетомъ отъ палатъ, выразителемъ господствующихъ въ нихъ теченій [1]).

Возражая Барнаву, Мирабо старался провести тотъ взглядъ, что въ общемъ его противникъ сходится съ нимъ и что споръ вызывается болѣе личнымъ самолюбіемъ, нежели честнымъ исканіемъ истины. Проводя снова ту мысль, что смѣшеніе принциповъ республиканскаго и монархическаго устройствъ повело бы къ извращенію конституціи, Мирабо настаиваетъ на томъ, чтобы нація строго разграничила долю участія каждаго изъ своихъ уполномоченныхъ—собранія и короля, въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ. Иначе, говоритъ онъ, монархическое правленіе вырождится въ аристократію собранія [2]).

Въ своемъ декретѣ это послѣднее, какъ я уже сказалъ, является солидарнымъ съ предложеніями Мирабо. Подобно ему, оно отправляется отъ мысли, что вопросы войны и мира по порученію націи рѣшаются совмѣстно королемъ и палатой. «Война, значится въ декретѣ, можетъ быть начата только по постановленію представителей. Иниціатива предложенія исходитъ отъ короля; ему же принадлежитъ и санкція декрета. Забота о внѣшней безопасности, о сохраненіи правъ и владѣній націи, ввѣряется конституціей королю; онъ одинъ поддерживаетъ внѣшнія сношенія, ведетъ переговоры и назначаетъ дипломатическихъ агентовъ; одинъ дѣлаетъ приготовленія къ войнѣ, соотвѣтственныя тѣмъ, къ какимъ прибѣгаютъ сосѣднія государства; одинъ распредѣ-

---

[1]) Рѣчь Барнава отъ 21 мая 90 года, стр. 641 (томъ XV Arch. Parl).

[2]) См. стр. 655—659, 661 (тома XV Arch. Parl).

ляетъ сухопутныя и морскія силы и предписываетъ порядокъ военныхъ дѣйствій. Каждый разъ, когда предвидится начатіе ихъ, а также при происшедшемъ уже столкновеніи, вызванномъ желаніемъ поддержать союзника или отстоять силою нарушенное право, исполнительная власть не медля доноситъ обо всемъ законодательному собранію, объясняя побудительные мотивы своего поведенія. Если такая нотификація совпадетъ во времени съ вакаціями, народное представительство соберется немедленно.

Буде собраніе признаетъ начавшіяся военныя дѣйствія преступнымъ нападеніемъ со стороны министровъ или другихъ агентовъ исполненія, виновникъ этого нападенія подвергается преслѣдованію, какъ за измѣну. Національное собраніе заявляетъ, что французы отказываются разъ навсегда отъ веденія войнъ, цѣлью которыхъ было бы завоеваніе. Никогда впредь они не будутъ грозить своими силами свободѣ другихъ народовъ.

Каждый разъ, когда въ виду сдѣланной ему нотификаціи собраніе рѣшитъ, что война не должна имѣть мѣста, исполнительная власть немедленно обязана принять мѣры къ прекращенію и предупрежденію всѣхъ военныхъ дѣйствій. Министры отвѣтственны за проволочки.

Всякое объявленіе войны производится отъ имени короля и націи. Во все время военныхъ дѣйствій законодательное собраніе въ правѣ просить короля о начатіи переговоровъ о мирѣ, Исполнительная власть обязана удовлетворить этой просьбѣ.

Въ моментъ прекращенія войны законодательное собраніе опредѣляетъ срокъ, въ теченіе котораго исполнительная власть должна распустить добавочныя войска и низвесть армію до ея обычныхъ размѣровъ.

Платежъ жалованья войску продолжается до этого срока

По прекращеніи его министръ, виновный въ сохраненіи большаго числа военныхъ силъ, чѣмъ то, какое полагается во время мира, подвергается уголовному преслѣдованію, какъ за измѣну противъ націи. Конституціонной комитетъ приглашается представить немедленно результаты своихъ работъ касательно министерской отвѣтственности.

Король устанавливаетъ и подписываетъ съ иностранными державами всѣ договоры, необходимые для блага государства.

Мирные трактаты, договоры о союзахъ и торговые, не подлежатъ исполненію раньше утвержденія ихъ законодательнымъ собраніемъ. [1]).

Чтеніе декрета вызываетъ аплодисменты на скамьяхъ депутатовъ и радостныя крики присутствующихъ. Французскій народъ торжествуетъ «новую побѣду надъ королемъ», хотя на самомъ дѣлѣ декретъ въ оцѣнкѣ даже такого пристрастнаго судьи, какъ Антоніо Капелло, является «наиболѣе умѣреннымъ изъ тѣхъ рѣшеній, какія допускало господство демократическихъ принциповъ». [2]). Потомство подтвердило своимъ приговоромъ это сужденіе. Изъ всѣхъ частей конституціи 91 года, если не имѣть въ виду только тѣхъ общихъ принциповъ, которыми она регулировала личныя права гражданъ, ни одна не обнаружила столько жизненности, ни одна не вызвала столько подражаній, какъ та, которая регулируетъ совмѣстное участіе короля и народнаго представительства въ направленіи внѣшней политикой. При всей новизнѣ вопроса и оригинальности его рѣшенія, учредительное собраніе на этотъ разъ осуществило свое стремленіе «законодательствовать не для одной Франціи». За исключеніемъ Англіи, продолжающей держаться своей исконной практики, всѣ представительственныя государства Европы и Америки въ большей или меньшей степени допустили народное представительство къ ратификаціи международныхъ соглашеній. Многіе также признали за нимъ право прямаго выраженія своихъ желаній по случаю открывающейся войны. Такимъ образомъ, предложенная Мирабо и принятая собраніемъ система остается и въ наше время руководящимъ началомъ государственнаго и международнаго права.

---

[1]) стр. 661 и 662. (Arch. Parl. XV).

[2]) Депеша 24 мая 1890 года, № 224.

ГЛАВА XI.

Отношеніе законодательства и исполненія. – Министерская отвѣтственность.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ устройствѣ исполнительной власти, намъ необходимо въ настоящее время разсмотрѣть то положеніе, въ какое конституція 91 года ставитъ ее къ власти законодательной. Исторія представительнаго образа правленія, несмотря на все разнообразіе его видовъ и формъ, знаетъ только два рѣзко противоположныхъ типа отношеній между исполнительной властью и законодательной. Оба они имѣютъ источникомъ происхожденія Англію, но только въ разныя эпохи ея жизни. Самое рѣзкое выраженіе они нашли—одно въ Соединенныхъ Штатахъ, другое въ той же Англіи. При этомъ надо замѣтить, что американская форма не болѣе, какъ старинная англійская, и она же въ большей или меньшей мѣрѣ воспроизводится въ конституціяхъ тѣхъ государствъ, которыя, подобно Пруссіи, стараются оградить возможную независимость исполнительной власти. Современные публицисты Англіи и Америки обыкновенно прибѣгаютъ къ терминамъ «парламентское и президентское управленіе» для выраженія этихъ двухъ различныхъ системъ. Но выборъ этихъ названій, или по крайней мѣрѣ послѣдняго, объясняется болѣе національностью ихъ авторовъ, нежели самымъ характеромъ системы, которая, по существу своему, возможна въ такой же степени при монархической формѣ правленія, какъ и при республиканской, въ политически централизованномъ государствѣ, какъ и въ государствѣ сложномъ, федеративномъ. Все различіе обоихъ порядковъ сводится къ тому,

что при одномъ органы исполненія зависятъ по отношенію къ своему личному составу столько же отъ главы государства и администраціи, сколько и отъ народнаго представительства, тогда какъ при другомъ выборъ остается всецѣло въ рукахъ главы исполнительной власти, и народное представительство не имѣетъ иной возможности контроля, кромѣ той, какую даетъ ему судебная отвѣтственность министровъ въ случаѣ нарушенія ими законовъ. При первомъ порядкѣ, который всего болѣе отвѣчаетъ идеѣ самоуправленія общества, такъ какъ сосредоточиваетъ въ рукахъ народнаго представительства не только законодательство, но и общее направленіе внутренней и внѣшней политикой, глава исполнительной власти, будетъ ли имъ король, какъ въ Англіи, или президентъ республики, какъ во Франціи, выбираетъ министровъ изъ членовъ большинста. При этомъ возможны различныя комбинаціи. Парламентъ или вѣрнѣе палата общинъ можетъ указать королю на выборъ одного только главы кабинета, которымъ является лидеръ или вожакъ имѣющей большинство партіи. Король призываетъ этото лидера и вручаетъ ему право самостоятельнаго выбора членовъ кабинета. Но возможно и болѣе непосредственное участіе какъ со стороны народнаго представительства, такъ и со стороны главы исполнительной власти въ назначеніи министровъ. Существованіе въ Англіи всего на всего двухъ правящихъ партій, виговъ и торіевъ, дозволяетъ королю и парламенту положиться на выборъ премьера въ увѣренности, что онъ не возьметъ въ составъ своего кабинета никого, помимо членовъ предводимой имъ партіи. Той же увѣренности не можетъ быть въ равной мѣрѣ при существованіи въ представительной палатѣ нѣсколькихъ правящихъ партій, коалиціей которыхъ поддерживается правительство. При этихъ условіяхъ, соглашенію партій, при личномъ вмѣшательствѣ главы государства, приходится предоставить выборъ всѣхъ членовъ кабинета. Современные французскіе и итальянскіе порядки могутъ служить иллюстраціей этой послѣдней системы.

Но, пренебрегая этими различіями, обратимъ вниманіе только на ту противоположность, какую самоуправленіе общества въ формѣ парламентаризма представляетъ съ порядками, при

которыхъ члены министерства выбираются независимо главою государства и администраціи внѣ состава народнаго представительства. При такихъ порядкахъ, классическимъ образцомъ которыхъ остается Америка, гдѣ министры, не въ примѣръ Пруссіи, не могутъ быть членами законодательныхъ палатъ, общій ходъ управленія легко можетъ разойтись съ видами большинства депутатовъ. Палаты не имѣютъ возможности потребовать отъ министровъ измѣненія ихъ политики или выхода въ отставку; политическая отвѣтственность немыслима. Они могутъ быть привлечены къ суду только за нарушеніе законовъ, отнюдь не за ошибки, сдѣланныя въ направленіи администраціей. Тогда какъ при парламентскомъ управленіи простаго большинства достаточно, чтобы вызвать коллективную отставку кабинета, предложенія котораго отвергнуты, единогласное даже осужденіе политики назначенныхъ американскимъ президентомъ министровъ безсильно помѣшать дальнѣйшему отправленію ими ихъ обязанностей.

Источникъ этихъ различій далеко не лежитъ въ томъ, что англійскій король безотвѣтственъ, а американскій президентъ отвѣчаетъ за своихъ министровъ; отвѣтственъ также президентъ французской республики [1]), но это нисколько не мѣшаетъ тому, что оставшееся въ меньшинствѣ министерство тѣмъ самымъ ставится въ необходимость выйти въ отставку и уступить мѣсто новому, программа котораго соотвѣтствовала бы видамъ большинства. Источникъ различія лежитъ всецѣло въ желаніи однихъ подчинить исполненіе тому направленію, какое пожелаетъ придать ему большинство народнаго представительства, а другихъ— упрочить независимость и свободу исполнительной власти съ цѣлью придать ей единство направленія и цѣльность, хотя бы въ теченіе того четырехлѣтняго срока, на который избирается американскій президентъ. Въ теоріи оба начала еще раньше ихъ окончательной выработки нашли выразителей и приверженцевъ,— первое въ лицѣ Локка, требовавшаго подчиненія исполнительной власти законодательной, второе въ лицѣ Монтескье, стоявшаго за ихъ обособленіе и взаимную независимость. Въ то время,

---

1) Законъ 16 іюля 1875 года, статья 12. Hélie, 1413 стр.

когда Локкъ писалъ свой трактатъ о гражданскомъ управленіи, Англія не была еще страною парламентаризма; но значительный шагъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣланъ и палатѣ общинъ дозволено было представлять королю оффиціальное заявленіе о недовѣріи, какое внушаютъ депутатамъ поставленные государемъ министры. На практикѣ, однако, случаи такого открытаго заявленія были крайне рѣдки и министерская отвѣтственность продолжала носить еще исключительно тотъ чисто судебный характеръ, какой принадлежитъ ей всюду, гдѣ исполнительная власть устроена самостоятельно и независимо отъ народнаго представительства. Этотъ послѣдній порядокъ въ концѣ XVIII вѣка являлся, такимъ образомъ, господствующимъ и не только въ теоріи, въ которой, благодаря авторитету Монтескье, даже англійскіе юристы, въ родѣ Блекстона, проповѣдывали «обособленность» исполнительной власти и добровольно закрывали глаза на возникшую уже въ Англіи систему кабинета, но и на практикѣ, въ которой, какъ доказываетъ рядъ конституцій отдѣльныхъ американскихъ штатовъ, изданныхъ вслѣдъ за федеральной, независимость губернатора и поставленныхъ имъ агентовъ отъ законодательныхъ палатъ охранялась такъ же ревниво, какъ и свобода назначенныхъ президентомъ министровъ отъ руководительства конгресса.

Таково было положеніе вопроса о взаимномъ отношеніи обѣихъ властей и характерѣ министерской отвѣтственности въ тотъ моментъ, когда національному собранію пришлось впервые приступить къ опредѣленію правъ короля и министровъ въ дѣлѣ исполненія. Покончивъ съ устройствомъ законодательной власти и отказавъ монарху въ правѣ отклонять на неопредѣленное время разъ принятыя палатою рѣшенія, національное собраніе почти безъ преній постановило, что верховная исполнительная власть всецѣло будетъ сосредоточена въ его рукахъ и что осуществленіе ея ввѣряется королемъ подчиненнымъ его авторитету министрамъ, а также другимъ отвѣтственнымъ агентамъ [1]).

---

[1]) Это постановленіе, принятое собраніемъ 23 сент. 1889 года, вошло въ текстъ § 4, титула 3, конституціи 3 сент. 1891 года.

Также единогласно принято было рѣшеніе, что личность короля священна и неприкосновенна [2]).

Наконецъ, 29 сентября 1789 года, по предложенію Фрето, собраніе приступило къ вопросу объ отвѣтственности министровъ и рѣшило его въ томъ же засѣданіи. Деменье, рѣчью котораго открылись пренія, опредѣлилъ, что именно должно разумѣть подъ этой отвѣтственностью, говоря: министры наказуемы не только за нарушеніе законовъ, но и въ случаѣ представленія неправильныхъ счетовъ по администраціи, что, очевидно, не болѣе какъ одинъ изъ видовъ нарушенія тѣхъ же законовъ. Такимъ образомъ, Деменье сразу направилъ дебаты въ пользу признанія отвѣтственности юридической или судебной и умолчанія объ отвѣтственности политической, другими словами, о той, какой министры подлежатъ въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ администраціи съ видами большинства собранія.

Еще опредѣленнѣе высказался въ томъ же смыслѣ одинъ изъ членовъ дворянства, имени котораго не передаютъ намъ парламентскіе протоколы. Говоря о финансовой отвѣтственности министровъ, онъ отмѣтилъ, что она должна состоять только въ правѣ требовать отъ нихъ отчета въ издержкахъ. Несправедливо было бы, прибавилъ онъ, подвергать министра отвѣтственности за тѣ невыгодныя послѣдствія, какія можетъ имѣть для націи заключеніе имъ хотя бы торговаго договора съ иностранной державой.

Депутатъ Гильомъ указываетъ тотъ путь, какимъ можетъ быть установлена фактическая отвѣтственность министровъ. Это тотъ самый, какого придерживается англійская практика, въ которой приказы, изданные именемъ короля, скрѣпляются министрами и съ этого момента признаются ихъ отвѣтственнымъ дѣломъ. Фрето требуетъ этой скрѣпы даже для финансовыхъ мѣръ. Предложенія Деменье и Гильома поступаютъ на голосованіе собранія, которое издаетъ слѣдующій декретъ:

«Министры и прочіе агенты исполнительной власти отвѣтственны за то употребленіе, какое они дѣлаютъ изъ государственныхъ фондовъ, ассигнованныхъ на нужды каждаго мини-

---

[2]) Рѣшеніе это, принятое еще въ сентябрѣ 1789 года, составило вторую статью перваго отдѣленія второй главы конституціи.

стерства, а также за всѣ нарушенія законовъ, каковы бы ни были данные имъ приказы. Ни одно распоряженіе, исходящее отъ короля, не подлежитъ исполненію, если оно не скрѣплено подписью его и не контрасигновано государственнымъ секретаремъ (министромъ) или лицомъ, поставленнымъ во главѣ того или другаго управленія» [1]).

Признавая принципъ министерской отвѣтственности, національное собраніе въ то же время считало нужнымъ опредѣлить въ формѣ закона и самый порядокъ ея осуществленія, и спеціальную форму подсудности. Мирабо намѣтилъ одновременно и рядъ другихъ вопросовъ, изъ которыхъ важнѣйшими являлось участіе министровъ въ работахъ собранія съ голосомъ совѣщательнымъ и право депутатовъ дѣлаться министрами, не отказываясь отъ своихъ полномочій. Король съ самаго начала обнаружилъ готовность послѣдовать англійской практикѣ въ дѣлѣ выбора министровъ. Удерживая во главѣ кабинета популярнѣйшаго въ то время Неккера, о возвращеніи котораго не далѣе, какъ въ іюлѣ, ходатайствовало собраніе, онъ въ то же время пополнилъ ряды министерства лицами, взятыми изъ среды палаты.

Собраніе даже выразило ему благодарность за такое довѣріе, и можно было ждать, что во Франціи, какъ нѣкогда въ Англіи, путемъ практики и независимо отъ закона установится система кабинета, этого исполнительнаго комитета народнаго представительства. Имѣй это мѣсто, создались бы условія, благопріятныя для той политической отвѣтственности, которую, какъ мы сейчасъ увидимъ, собраніе не прочь было распространить на министровъ. Но дѣятели 89 года собственными мѣропріятіями воспрепятствовали этому торжеству начала самоуправленія общества. Они поступили такъ изъ преувеличеннаго опасенія потерять свободу, допустивъ возможность близкихъ сношеній между палатою и королемъ чрезъ посредство взятыхъ изъ ея среды министровъ. Это недовѣріе къ исполнительной власти и ея тайнымъ воздѣйствіямъ, эта излишняя заботливость обособить законодательную палату отъ органовъ исполненія, сказалась прежде всего въ нежеланіи дать голосъ министрамъ при обсужденіи вопроса о королевскомъ вето.

---

[1]) Arch. Parl., томъ IX, стр. 211 и 212.

По отзывамъ современниковъ, противодѣйствіе, оказанное Мунье чтенію присланнаго Неккеромъ адреса, вызвано было случайной причиной. Онъ зналъ или предугадывалъ его содержаніе, предвидѣлъ, что дорогая ему система абсолютнаго вето не найдетъ поддержки въ большинствѣ министровъ. Чтобы избѣжать того впечатлѣнія, какое неминуемо долженъ былъ имѣть на исходъ преній голосъ короля и его оффиціальныхъ выразителей, сторонникъ англійской конституціи выдвинулъ принципъ независимости и обособленности властей и отказалъ въ чтеніи королевскаго посланія. Но каковы бы ни были ближайшіе мотивы такого отношенія собранія къ министерскому вмѣшательству, оно создало прецедентъ, неблагопріятный всякой дальнѣйшей попыткѣ установленія парламентаризма. Вскорѣ новыя опасенія и личная зависть побудили собраніе принять предложеніе Ланжюинэ и запретить депутатамъ поступленіе въ ряды министровъ. Съ этого момента отрѣзанъ былъ всякій путь къ постепенному перерожденію Франціи въ ту парламентскую монархію, при которой вожаки законодательнаго собранія становятся во главѣ управленія и между администраціей и народнымъ представительствомъ устанавливается единство плана и солидарность дѣйствій.

Исчезла также возможность всякой иной отвѣтственности для министровъ, кромѣ судебной, и того дѣятельнаго контроля за ходомъ администраціи, какой англійскій парламентъ имѣетъ въ отставкѣ кабинета, вынуждаемой каждымъ неблагопріятнымъ ему голосованіемъ большинства. Французскій порядокъ управленія приблизился къ американскому типу, въ которомъ глава исполненія пользуется видимо большей свободой въ выборѣ своихъ совѣтниковъ. Во Франціи 89 г., какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, дѣятельность администраціи парализована была невозможностью соглашенія съ представительствомъ, распоряжающимся всецѣло народнымъ кошелькомъ и нерѣдко прибѣгающимъ къ отказу въ кредитѣ, какъ къ средству помѣшать исполненію непріятныхъ ему мѣръ. Замѣчательно, что во Франціи и въ Америкѣ эта изолированность исполнительной власти отъ той, которая располагаетъ денежнымъ обложеніемъ, повела къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Помимо законовъ и кон-

ституціи, даже въ явномъ противорѣчіи съ ними, фактическое руководство политикой, внутренней и внѣшней, сосредоточилось въ комитетахъ собранія. То соглашеніе, котораго министры не въ состояніи достигнуть прямымъ воздѣйствіемъ на палату, устанавливается въ комитетахъ обмѣномъ мыслей между предсѣдателемъ и приглашеннымъ къ совѣщанію министромъ. Министръ является въ комитетъ не столько для отдачи приказовъ, сколько за ихъ полученіемъ. Верхъ въ случаѣ разномыслія всетаки беретъ та власть, отъ которой зависитъ открыть или не открыть министру требуемый имъ кредитъ.

Въ теченіе всего 1790 года раздаются во Франціи нескончаемыя жалобы на бездѣйствіе исполнительной власти.

О немъ говоритъ и король въ своемъ адресѣ собранію, и многіе муниципалитеты, въ которыхъ, пишетъ Капелло, уже успѣла воцариться анархія [1]), и вожаки политическихъ партій, во главѣ всѣхъ Мирабо, который указываетъ и средство къ оживленію правительственной энергіи, требуя допущенія министровъ въ палату и назначенія ихъ изъ ея среды. Еще опредѣленнѣе говоритъ о безсиліи исполненія Неккеръ какъ въ своихъ обращеніяхъ къ представителямъ, такъ и въ томъ трактатѣ объ исполнительной власти, какой изданъ былъ имъ въ 1792 году.

Написанное въ поученіе вновь созванному законодательному собранію, это сочиненіе, путемъ сравненія съ англійскими и американскими порядками, побѣдоносно устанавливаетъ тотъ взглядъ, что исполнительная власть надѣлена конституціей 91 года несравненно меньшими правами, чѣмъ тѣ, какими пользуются премьеръ и члены кабинета въ Англіи, президентъ и губернаторы отдѣльныхъ штатовъ въ Америкѣ. Неккеръ сознавалъ, повидимому, что источникъ безсилія министерской власти во Франціи лежитъ въ той розни, какую неизбѣжно вызываетъ между главами администраціи и народнымъ представительствомъ ихъ постоянное противоположеніе, какъ двухъ враждебныхъ силъ, изъ которыхъ одна сохраняетъ, повидимому, полную свободу дѣйствій, а другая возможность парализовать ея иниціативу отказомъ въ средствахъ. Онъ справедливо думалъ, что въ интересахъ

---

[1]) Капелло, депеша 3 мая 1790 года.

болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на финансовую политику палаты, желательно, чтобы лица, поставленныя во главѣ государственнаго казначейства, выбираемы были изъ ея среды. Этимъ устранилось бы то постоянное соперничество и тѣ нескончаемыя пренія, какія возникали доселѣ между главою финансоваго управленія и главою финансоваго комитета. Въ своемъ, можно сказать, прощальномъ адресѣ онъ рекомендуетъ собранію принятіе этой въ сущности англійской системы. Венеціанскій дипломатъ Капелло [1]), передавая содержаніе этого, какъ онъ говоритъ, политическаго завѣщанія, справедливо указываетъ на ту пользу, какую могла бы извлечь изъ него Франція.

На безсиліе исполнительной власти и ея безжизненность жалуются и члены тріумвирата, Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ. Но послѣдній обвиняетъ въ ней самихъ министровъ, говоря: «исполнительная власть притворяется мертвой» (le pouvoir éxecutif fait le mort). Гораздо вѣрнѣе указываетъ на дѣйствительный источникъ зла Казалесъ. «Единственное средство возстановить силы исполнительной власти, говоритъ онъ въ засѣданіи 20 октября 90 года, это уничтожить всѣ административные комитеты собранія и сдѣлать министровъ отвѣтственными». Отвѣтственность, которую онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ, не есть отвѣтственность судебная, уже признанная декретомъ собранія, а отвѣтственность политическая, отвѣтственность за самый ходъ управленія, отвѣтственность, которой, какъ мы сказали, не можетъ существовать безъ соединенія въ рукахъ министровъ руководительства господствующей партіей въ парламентѣ и общей администраціей государства. И это не замедлили признать и сами члены собранія.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1790 года произошли безпорядки въ Брестѣ. Они вызваны были недовольствомъ флотскихъ командъ новымъ уголовнымъ кодексомъ, изданнымъ для моряковъ 22 августа 1790 года. Этимъ закономъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе, но вводился рядъ другихъ, противъ которыхъ и протестовали матросы. Возстаніе разраслось съ момента прибытія

[1]) Депеша 1 марта 90 года, за № 222. Неккеръ предлагалъ поручить функціи министра финансовъ коммиссарамъ казначейства, взятымъ изъ среды собранія.

въ портъ 14 сентября корабля «Леопардъ», шедшаго изъ Сенъ Доминго. Экипажъ этого корабля состоялъ изъ лицъ, игравшихъ выдающуюся политическую роль въ колоніи. Всѣ они принадлежали къ числу якобинцевъ. Принятые весьма сочувственно брестскимъ отдѣленіемъ этого клуба, они вскорѣ сдѣлались руководителями всего движенія. Мятежъ начался на кораблѣ «Патріотъ», но иниціаторомъ его явился пьяный матросъ съ «Леопарда». Графъ Альбертъ де Ріонсъ вмѣстѣ съ капитаномъ «Патріота» принужденъ былъ высадиться на берегъ. Возстаніе распространилось вскорѣ и на экипажи другихъ кораблей, на рабочихъ арсенала и народную чернь. Члены мѣстнаго клуба, афиліированнаго клубу якобинцевъ, въ Парижѣ, поддерживали и всячески усиливали недовольство, составляя отъ имени возставшихъ петиціи къ собранію. Брестскій муниципалитетъ въ свою очередь вмѣшался въ дѣло и запретилъ коменданту порта, де Мариньи, выслать изъ гавани одинъ изъ мятежныхъ бриговъ (la Ferme) пока не будутъ удовлетворены требованія экипажа.

Національное собраніе, выслушавъ отчетъ члена колоніальнаго комитета, де Куртъ, постановило подвергнуть мятежниковъ наказанію, раскассировать экипажъ «Леопарда» и послать двухъ коммиссаровъ въ Брестъ для возстановленія порядка. Но усилія коммиссаровъ оказались тщетными. Матросы съ каждымъ днемъ становились все требовательнѣе и, руководимые «Народнымъ клубомъ», продолжали грозить общественному порядку. Командовавшій эскадрой Альбертъ де Ріонсъ принужденъ былъ оставить свой постъ, но и это не положило конца мятежу. Вотъ при какихъ условіяхъ баронъ де Мену отъ имени соединенныхъ комитетовъ, дипломатическаго, колоніальнаго, военнаго и морскаго, внесъ въ собраніе докладъ, которымъ заявлялось, что безпорядки въ Брестѣ вызваны и лежатъ на отвѣтственности морскаго министра, графа де ла Люцернъ [1])

Такимъ образомъ, собраніе стало впервые лицомъ къ лицу

---

[1]) См. Guérin. Histoire de la Flotte, vol. V, pp. 269 — 274; Histoire de la ville et du port de Brest, de Prosper. Levot, vol. III, chap. IV, pp. 229—249. Brest. 1866.

съ вопросомъ, какъ далеко должна простираться отвѣтственность министровъ, и какое право имѣетъ оно само требовать отставки ихъ у короля. Въ предложеніи соединенныхъ комитетовъ, на ряду съ мѣрами къ устраненію дальнѣйшихъ безпорядковъ на эскадрѣ и въ муниципальномъ управленіи Бреста, заключалось и требованіе отставки кабинета. Александръ Ламетъ настоялъ на совмѣстномъ обсужденіи всѣхъ частей проекта.

«Соединенные комитеты, сказалъ онъ, сочли нужнымъ искать причину безпорядковъ въ томъ недовѣріи, какое министры и ихъ проекты внушаютъ повсюду. Видя, что вездѣ, и въ колоніяхъ, и во флотѣ, и въ арміи, недовольство ими вызываетъ общественныя бѣдствія и грозитъ новыми потрясеніями, видя ту инерцію, какую они обнаруживаютъ въ отправленіи своихъ функцій, отсылая на ваше разсмотрѣніе всѣ возникающія затрудненія, съ цѣлью затормозить наши работы, породить недовѣріе въ душахъ гражданъ, усилить надежды недовольныхъ, члены комитетовъ единогласно признали, что каковы бы ни были мотивы такого поведенія, личная ли неспособность или недоброжелательство—дальнѣйшее пребываніе министровъ во главѣ управленія является опасностью для государства». Такимъ образомъ, прямо ставился вопросъ о томъ, въ правѣ или не въ правѣ національное собраніе потребовать отставки министровъ. Бутилье, единственный изъ членовъ соединенныхъ комитетовъ, подавшій голосъ противъ ихъ рѣшенія, счелъ своей обязанностью изложить передъ собраніемъ руководившіе имъ принципы. Его рѣчь подымаетъ конституціонный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ политическая отвѣтственность возможна для министровъ при отдѣленіи исполнительной власти отъ законодательной въ томъ видѣ, въ какомъ оно проведено было учредительными декретами. «Національное собраніе, сказалъ онъ, постановило, что верховная исполнительная власть принадлежитъ королю; оно создало также министерскую отвѣтственность. Съ обѣихъ точекъ зрѣнія предлагаемая отставка министровъ одинаково неконституціонна. Требовать отъ короля удаленія его совѣтниковъ, тѣхъ, кого онъ самъ считаетъ нужнымъ приблизить къ себѣ, что это, какъ не посягательство на его права, какъ не соединеніе въ однѣхъ рукахъ всѣхъ вла-

стей, какъ не нарушеніе конституціи? Законодательное собраніе можетъ обвинить того или другаго министра, въ отдѣльности, оно уполномочено на это декретами; но предлагать противъ нихъ совмѣстную проскрипцію оно не въ правѣ. Что станется съ авторитетомъ короля, если законодательное собраніе ежечасно будетъ позволять себѣ подобныя посягательства!»...

Бутилье справедливо ставитъ въ связь невозможность вынудить отставку кабинета съ постановленіемъ, по которому члены его назначаются изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу палаты. «Національное собраніе, говоритъ онъ, постановило, что члены его не могутъ занять никакого поста въ министерствѣ. Слишкомъ явныя притязанія вызвалъ въ свое время этотъ мудрый декретъ (намекъ на Мирабо). Тѣ же притязанія возобновляются въ настоящее время въ новой формѣ. Требуемая отставка есть только первый шагъ. Разъ новое министерство будетъ создано изъ лицъ, пріятныхъ господствующей партіи, они не преминутъ ходатайствовать о допущеніи ихъ въ ряды собранія. Интересъ націи, быть можетъ, и требуетъ ихъ присутствія, но въ данномъ случаѣ онъ будетъ служить однимъ предлогомъ. Народное представительство, удовлетворяя этому требованію, только окажетъ услугу честолюбцамъ, единственная задача которыхъ вступить въ ряды министерства, какъ только отмѣненъ будетъ противящійся этому декретъ». Въ этихъ выраженіяхъ Бутилье доводитъ до свѣдѣнія собранія тѣ весьма укрѣпившіеся за послѣднее время слухи, что тріумвиратъ готовитъ пересмотръ декрета, закрывающаго депутатамъ доступъ въ ряды кабинета. Моррисъ говоритъ намъ объ этихъ слухахъ. Въ своемъ дневникѣ онъ передаетъ содержаніе одного разговора съ Лафайетомъ. Покровитель и союзникъ Дюпора и Ламетовъ открыто высказывалъ ему, пишетъ онъ, увѣренность, что вопреки декрету, устраняющему депутатовъ отъ министерства, ему удастся составить кабинетъ изъ членовъ собранія. «Онъ сказалъ мнѣ, что Мирабо правъ, говоря о собраніи, какъ о дикомъ ослѣ, что не пройдетъ и двухъ недѣль и оно поставлено будетъ въ необходимость признать за нимъ власть, отъ который онъ отказывался доселѣ. Все въ немъ говоритъ, что эта власть сокровеннѣйшее желаніе

его сердца. «Но какая власть»? — спрашиваю я его; нѣчто въ родѣ диктатуры, отвѣчаетъ онъ» [1]).

Въ своихъ мемуарахъ Малуэ передаетъ также о ходѣ переговоровъ съ членами тріумвирата и, въ частности, съ Барнавомъ. Изъ его сообщенія видно, что партія Ламетовъ считала нужнымъ усилить исполнительную власть [2]). Говоря о томъ же предметѣ, анонимный корреспондентъ польскаго двора замѣчаетъ, что цѣль коалиціи, въ которую вошли, кромѣ тріумвировъ и Малуэ, д'Андрэ и Турэ, проложить себѣ путь въ министерство. Короля хотятъ побудить къ протесту противъ той статьи конституціи, которая закрываетъ доступъ министрамъ въ собраніе. Онъ приметъ ее съ оговоркой и все будетъ улажено путемъ соглашенія съ членами конституціоннаго комитета, которые всѣ мѣтятъ въ министры [3]).

Мѣсяцами ранѣе Малэ дю-Панъ въ письмахъ къ Мунье предсказывалъ неминуемое назначеніе министровъ собраніемъ. «Такимъ образомъ, пишетъ онъ, управленіе страною перейдетъ въ руки національнаго представительства» [4]). Тотъ же Мале сообщаетъ о переговорахъ Малуэ съ Дюпоромъ и о согласіи послѣдняго на всѣ мѣры, послѣдствіемъ которыхъ будетъ усиленіе исполнительной власти [5]).

Начало этихъ переговоровъ должно быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ. Шведскій посолъ, Сталь Гольштейнъ, говоритъ о личныхъ сношеніяхъ королевы съ Ламетами еще въ концѣ декабря 1790 года. Чрезъ ихъ посредство дворъ разсчитывалъ руководить революціей [6]). Самые эти переговоры были не болѣе, какъ возобновленіемъ тѣхъ, въ какіе Лафайетъ пытался вступить съ королемъ въ маѣ 1790 г. и которые повели къ временному его союзу съ Мирабо [7]).

---

1) Смотри дневникъ Морриса отъ 18 ноября 1789 г. (Diary and letters гл. VI, стр 232).

2) Мемуары Малуэ, томъ II, стр. 152.

3) См. письма отъ 27 августа и 3 сентября 1791 г. (Correspoudence secrète par de Lescure, томъ II, стр. 544 и 545.

4) Autour d'une révolution (1788—1799) par le comte d'Hérisson, стр.178.

5) Ibid., стр. 184, письма 26 іюня.

6) Correspondance diplomatique du Baron de Staël Holstein, стр. 186, депеша 30 декабря 90 года.

7) Ibid., стр. 161, депеша 6 мая 90 года.

Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятнымъ являются подозрѣнія Бутилье, что, требуя отставки министровъ въ октябрѣ 1790 г., Ламеты и ихъ партія имѣли въ виду проложить дорогу той реформѣ, безъ которой имъ было бы немыслимо стать во главѣ управленія и «повести дѣло революціи». Г-жа Сталь прямо говоритъ, что въ дебатахъ, поводъ къ которымъ представленъ былъ безпорядками въ Брестѣ, депутаты лѣвой говорили: «въ Англіи верховная исполнительная власть (король) имѣетъ назначаемыхъ ею агентовъ, во Франціи та же власть, не менѣе могущественная, но болѣе счастливая, будетъ имѣть преимущество начальствовать исключительно надъ избранными націей министрами и такимъ образомъ тѣснѣе сознаетъ свою связь съ народомъ». Но эта лѣвая въ октябрѣ 90 года была партіей тріумвирата [1]). Малуэ, не состоявшій еще въ это время въ открытомъ союзѣ съ ними, но стремившійся къ той же, что и они цѣли, образованія правящей партіи въ самомъ собраніи, въ свою очередь указывалъ на то, что слабость министерской власти лежитъ въ сосредоточеніи высшаго руководства въ комитетахъ собранія. «Съ сентября мѣсяца прошлаго года, говорилъ онъ, я уже началъ осуждать министровъ за готовность быть агентами фактически упраздненной власти; они гораздо лучше выполнили бы свой долгъ, еслибъ, чувствуя недостатокъ средствъ къ проведенію своего вліянія, они каждый разъ заявляли о томъ собранію; не худо бы имъ послѣдовать примѣру начальника брестской эскадры, который, видя себя безсильнымъ подавить возстаніе, предпочелъ добровольно оставить свой постъ [1]). И Александръ Богарнэ сознаетъ ту опасность, какую для власти собранія представляетъ бездѣйствіе или, какъ онъ выражается, «нейтралитетъ» министровъ. Онъ неминуемо поведетъ къ тому, что всѣ ихъ труды сведутся къ однимъ теоретическимъ разсужденіямъ, къ какимъ-то соціально-политическимъ принципамъ, тогда какъ они призваны дать новую жизнь омертвѣвшему политическому тѣлу» [2]).

Но на тѣхъ началахъ строгаго обособленія администраціи и законодательства, всецѣлаго подчиненія одной королю, другаго

[1]) Réflexions sur la Révolution française. T. I, глава 19.
[2]) Arch. Parl. I—ére série, томъ XIX, стр. 729 и 730.

собранію, немыслимо было установить отвѣтственность за недостатокъ правительственной энергіи. Богарнэ могъ высказывать, при апплодисментахъ присутствующихъ, соболѣзнованіе о томъ, что министры, зная мнѣніе о нихъ народнаго представительства, не постыдились ждать осуждающаго ихъ декрета и не предупредили его выходомъ въ отставку. Клермонъ Тоннеръ взялся доказать, что, оставаясь вѣрнымъ конституціи, собраніе не можетъ пойти далѣе этихъ соболѣзнованій. «Предложеніе вынудить отставку министровъ, говоритъ онъ, преступная попытка, попытка васъ недостойная. Отъ васъ требуютъ, чтобы вы сказали королю: ваши министры не заслуживаютъ довѣрія. Очевидно, что такое заявленіе равносильно приказу смѣнить министровъ. Но это возможно только при нарушеніи конституціи, при смѣшеніи всѣхъ властей, при деспотизмѣ представителей» [1]).

Если прямое требованіе министерской отставки немыслимо безъ явнаго нарушенія конституціи, то не представляется ли возможнымъ достигнуть того же, начавъ противъ министровъ уголовное преслѣдованіе? Даже противники министровъ не считаютъ себя въ правѣ поддерживать такое предложеніе. «Поведеніе министра можетъ быть предосудительнымъ, говоритъ депутатъ Бревэ, и въ то же время не представлять повода къ обвиненію; развѣ только собраніе объявитъ слабость и неспособность измѣною противъ націи» [2]). Говоря это, онъ тѣмъ самымъ указываетъ, что на почвѣ, на которую стало собраніе, объявивъ, что министры не могутъ быть членами палаты, нѣтъ мѣста для политической отвѣтственности и не возможна отставка кабинета, повиннаго въ одной политической ошибкѣ.

Но какой въ такомъ случаѣ исходъ можетъ имѣть недовольство собранія существующимъ министерствомъ? Барнавъ думаетъ найти его, указывая на англійскую практику. «Каждый разъ говоритъ онъ, когда въ Англіи дѣлается предложеніе, однохарактерное съ тѣмъ, какое вы обсуждаете въ настоящую минуту (другими словами предложеніе выразить недовѣріе министрамъ), всѣ признаютъ его согласнымъ съ конституціей и никто не видитъ въ немъ посягательства на королевскую власть».

---

[1]) Ibid., стр. 730.
[2]) Ibid., стр. 732.

Но тотъ же Барнавъ поставленъ въ необходимость прибавить, что англичане рѣдко прибѣгаютъ къ этому средству, и вотъ по какой причинѣ: „министры, говоритъ онъ, принимаютъ тѣ или другія мѣры въ средѣ самой палаты общинъ и не въ состояніи вести дѣлъ иначе, какъ имѣя на своей сторонѣ большинство. Нѣтъ его болѣе, и король, извѣщенный о невозможности оказывать имъ дальнѣйшее довѣріе, лишаетъ ихъ занимаемыхъ ими постовъ“. [1]). Изъ устъ Барнава, сознававшаго уже въ это время необходимость приблизиться къ англійской системѣ солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, такое заявленіе ни мало не удивляетъ. Принятіе рекомендуемой имъ практики сдѣлалось бы первымъ шагомъ на пути къ упроченію во Франціи парламентаризма. Но этотъ шагъ заставилъ бы собраніе отказаться отъ проведеннаго ранѣе начала раздѣленія властей. Аббатъ Жакмаръ поспѣшилъ указать товарищамъ, что запрещеніе министрамъ быть членами палаты и неоднократное заявленіе, что раздѣленіе властей есть основа конституціи, не дозволяли депутатамъ никакого вмѣшательства въ исполнительную дѣятельность, Присвоеніе депутатами такихъ функцій, замѣчалъ онъ, было бы могилой для конституціи [2]). Послѣ долгихъ преній большинство 403 голосовъ противъ 37 признало невозможнымъ обращеніе къ королю и посылку ему депутаціи съ цѣлью выразить недовѣріе министрамъ [3]).

Это не помѣшало однако тому, что при окончательной редакціи закона, организующаго министерство (законъ 27 апр. 91 года) собраніе не только выговорило себѣ права интерпеляціи министровъ касательно хода управленія и состоянія бюджета, по предложенію Бюзо, восполнило проектъ комитета слѣдующею статьею: законодательное собраніе въ правѣ дѣлать королю замѣчанія касательно поведенія министровъ и даже заявлять ему, что они потеряли довѣріе націи. [4]) Это рѣшеніе не было однако равносильно признанію, что король обязанъ отпустить министровъ, потерявшихъ довѣріе палаты. Свобода

[1]) Ibid., стр. 734.
[2]) Ibit , стр. 735.
[3]) Ibit., стр. 737.
[4]) Hélie, стр. 224, 227.

короля осталась нетронутой, по крайней мѣрѣ въ теоріи, и министерская отвѣтственность сохранила характеръ исключительно судебной, т. е. возникающей только въ случаѣ нарушенія законовъ и конституціи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ пренія, какія вызвало вскорѣ обсужденіе ея характера и границъ въ средѣ Якобинскаго клуба. Нѣсколько ораторовъ сочли нужнымъ потребовать слова по этому вопросу. Начиная съ мая и оканчивая октябремъ, вопросъ о министерской отвѣтственности продолжалъ оставаться одной изъ любимѣйшихъ темъ для дебатовъ.

Въ сообщеніи, сдѣланномъ имъ 29 мая 1790 года, Луазо въ слѣдующихъ словахъ знакомилъ слушателей съ конституціонными порядками министерской отвѣтственности.

«Исполнительная власть, говорилъ онъ, всецѣло сосредоточивается въ высшей инстанціи въ коллективной личности короля». Это различіе между королемъ, какъ частнымъ лицомъ, и королемъ-учрежденіемъ издавна было признаваемо англійскими юристами, но въ особенности развито въ XVII вѣкѣ, въ эпоху столкновеній Стюартовъ съ парламентомъ. Конституціоналисты въ средѣ учредительнаго собранія и народныхъ клубовъ поставила его исходнымъ моментомъ своей полемики съ абсолютистами. Они доказывали, что позволенное королю, какъ учрежденію, не принадлежитъ ему, какъ частному лицу, и что королевская безотвѣтственность не устраняетъ возможности отвѣтственности короля, въ случаѣ посягательства имъ на частныя права гражданъ.

Только смотря на короля, какъ на коллективное лицо, можно говорить о его священности и неприкосновенности. Интересы общественнаго спокойствія вызвали принятіе этого положенія. Если бы индивидуальный представитель королевской власти оказался виновнымъ въ преступленіяхъ, возмущающихъ человѣческую природу, преступленіяхъ, которыя бы дѣлали изъ того, кто предается имъ, дикаго звѣря, неприкосновенность его коллективной личности не помѣшала бы принятію мѣръ къ прекращенію печальныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ возмутительности его характера. Какъ противовѣсъ неприкосновенности короля, установлена была отвѣтственность лицъ, имъ уполномоченныхъ, пользующихся его довѣріемъ. Они обязаны повино-

ваться королю лишь настолько, насколько его приказы не противорѣчатъ порядку, установленному конституціей и законами. Всякій актъ исполнительной власти, противный конституціи, подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія. Сверхъ этого, Лузо предлагаетъ подвергнуть виновнаго денежнымъ взысканіямъ, пропорціональнымъ тѣмъ утратамъ, какія понесены были лицами, потерпѣвшими отъ его акта. Само общество вознаграждается въ такомъ же размѣрѣ. На ряду съ нарушеніями конституціи Луазо ставитъ и нарушенія законовъ. Уголовное наказаніе отпадаетъ въ этомъ случаѣ, но виновный не только лишается занимаемаго имъ поста, но и права активнаго гражданства. Потерпѣвшіе вознаграждаются взысканіемъ двойной стоимости убытковъ, а министерство четверной. Судъ надъ органами исполнительной власти, министрами и другими ея агентами, долженъ принадлежать тому же учрежденію, которому предоставлена законодательная власть. Луазо полагаетъ, что это не будетъ противорѣчить принципу раздѣленія властей (?), такъ какъ въ функціи законодателя входитъ не только выраженіе воли націи, но и надзоръ за тѣмъ, чтобы, подъ предлогомъ исполненія, не послѣдовало прямаго нарушенія ея приказовъ или, что то же, законовъ. «Это не значитъ„ утверждаетъ онъ, что законодатель дѣлаетъ посягательство на права исполнительной власти. Вопросъ идетъ только о томъ, чтобы не допустить нарушенія изданныхъ законовъ, а это принадлежитъ непосредственно къ функціямъ законодателя. Поручите судъ надъ министрами верховному трибуналу, и передъ вами неизбѣжно возникнетъ та опасность, какую представляетъ замѣна духа законовъ корпоративнымъ духомъ, присущимъ всякой могущественной судебной палатѣ (намекъ на парламенты). Можно было бы пожалуй избѣжать этого, назначая членовъ такого трибунала срокомъ на два года, не болѣе, но едва ли это было бы выполнимо на практикѣ. Пришлось бы составить трибуналъ по меньшей мѣрѣ изъ 83 лицъ, по одному отъ департамента, а это повело бы уже къ издержкамъ въ полтора милліона ливровъ; между тѣмъ комитетъ законодательнаго собранія легко бы могъ безъ всякихъ издержекъ производить слѣдствія по ходатайству генеральнаго стряпчаго. Въ совокупности съ существующимъ уже

«комитетомъ разслѣдованія» (comité de recherches), онъ могъ бы вполнѣ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія ставятся трибуналу, призванному судить министровъ. Можно было бы назначить еще комитетъ для кассаціи и подчинить оба необходимости давать полный отчетъ въ своей дѣятельности законодательному собранію, которое такимъ образомъ имѣло бы надъ министрами судъ высшей инстанціи» [1]).

Другой членъ якобинскаго клуба, Польверель, ограничивая министерскую отвѣтственность также случаями нарушенія конституціи и законовъ, въ то же время рѣшительно высказывался противъ передачи суда надъ ними законодательному собранію или его комитету. «Смѣю сказать, говорилъ онъ, что это невозможно съ точки зрѣнія конституціонныхъ требованій, во-первыхъ потому, что законодательное собраніе необходимый обвинитель всѣхъ подобнаго рода преступленій, но обвинитель не можетъ быть одновременно и судьею; во-вторыхъ потому, что соединеніе законодательной и судебной власти является величайшимъ бѣдствіемъ для свободы какъ политической, такъ и гражданской; въ третьихъ потому, что въ числѣ принятыхъ уже собраніемъ конституціонныхъ мѣръ имѣется постановленіе, запрещающее законодательному корпусу всякія судебныя функціи» [2]).

На эти возраженія Луазо отвѣчаетъ: «раздѣленіе властей, несомнѣнно, прекрасный конституціонный принципъ, но это раздѣленіе не требуетъ отъ верховной власти отказа въ контролѣ за подчиненными властями съ цѣлью сохраненія за каждой ея настоящаго назначенія. Судебная власть должна слѣдовать этому высшему руководительству точно такъ же, какъ и власть исполнительная. Главою той и другой является самъ суверенъ или его делегатъ—законодательное собраніе; вотъ почему за послѣднимъ и должно быть признано право суда надъ министрами и другими агентами исполненія. Создавъ верховный трибуналъ, отличный отъ законодательнаго собранія, мы бы тѣмъ придали чрезмѣрную силу судебной власти, мы бы открыли ей возможность войти въ со-

---

1) La Societé des Jacobins par Aulard. Томъ I, стр. 116 и 124.

2) Ibid., засѣданіе клуба Якобинцевъ 30 мая 90 г., стр. 133.

глашеніе съ исполнительной въ ущербъ законодательной, а этого всячески надо избѣжать. Правильное устройство государственнаго общества требуетъ такой комбинаціи частей, при которой само это общество было бы во главѣ всего, одно приводило бы въ движеніе всѣ свои органы, могло останавливать ихъ ходъ, замедлять или давать ему новое направленіе, смотря по тому, чего требуютъ интересы цѣлаго [1]).

Защищая устройство самостоятельнаго трибунала для суда надъ министрами и постановки приговоровъ противъ лицъ, виновныхъ въ измѣнѣ націи, Польверель въ свою очередь предлагаетъ организовать его слѣдующимъ образомъ. «Такъ какъ, говоритъ онъ, задача этого трибунала—разслѣдовать и судить ошибки и преступленія агентовъ исполнительной власти, то изъ этого слѣдуетъ, что послѣдняя не въ правѣ назначать ни членовъ этого трибунала, ни лицъ, призванныхъ исполнять при немъ обязанности публичнаго обвиненія». Разъ право вчинать искъ противъ министровъ будетъ признано за законодательнымъ собраніемъ, ему же надо предоставить и выборъ коммиссаровъ, уполномоченныхъ исполнять роль публичныхъ обвинителей. Но по той же причинѣ нельзя оставить въ рукахъ законодательнаго собранія и выбора судей, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно пріобрѣло бы слишкомъ много вліянія на приговоры. Изъ всего этого слѣдуетъ, что судьи надъ министрами должны быть назначаемы первичными избирательными собраніями (assemblées primaires). Польверель рекомендуетъ слѣдующій порядокъ выборовъ. Личный составъ трибунала мѣняется каждые два года. Департаментскіе избиратели, приступая къ назначенію новыхъ депутатовъ, выбираютъ также одного члена верховнаго національнаго суда изъ среды депутатовъ распущеннаго собранія. Подобно Луазо, Польверель стоитъ за строгость налагаемыхъ на министровъ наказаній. Они должны быть суровѣе тѣхъ, какимъ подлежатъ за тѣ же преступленія частныя лица, во-первыхъ, потому, что въ преступленіи правительственнаго агента всегда имѣется добавочный видъ преступности—нарушеніе общественнаго довѣрія; во-вторыхъ потому, что дѣлаемыя ими покушенія

---

[1]) Ibid., стр. 126, 127.

могутъ имѣть болѣе печальныя послѣдствія, такъ какъ въ ихъ рукахъ сосредоточивается распоряженіе силами націи.

Но чтобы отвѣтственность министровъ не была пустой угрозою, необходимо, чтобы король не имѣлъ возможности избавить ихъ отъ заслуженной кары. Польверель ставитъ на очередь тотъ самый вопросъ, какимъ задался англійскій парламентъ въ эпоху второй революціи, внося въ «билль о правахъ» извѣстное положеніе, отмѣняющее такъ называемую «диспенсаціонную власть короля» по отношенію къ его агентамъ. Польверель идетъ далѣе этой отмѣны; онъ ставитъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вообще сохранить за королемъ право помилованія,— право, признанное за нимъ англійской конституціей. Тотъ, чье назначеніе исполнять законы и приговоры, говоритъ онъ, не долженъ имѣть возможности освобождать отъ ихъ примѣненія; исполнительная власть не можетъ поэтому прощать дѣйствій, противныхъ закону. Аргументація Польвереля заслуживаетъ вниманія, такъ какъ знакомитъ насъ съ тѣми мотивами, по которымъ собраніе рѣшилось отказать королю въ правѣ помилованія. «Если, замѣчаетъ онъ, доселѣ такъ много говорилось въ пользу этого права, то объясняется это тѣмъ, что наши уголовные законы были весьма несовершенны. Подъ понятіе преступленія подводимы были ими законныя дѣйствія или дѣйствія невольныя. Они наказывали, напримѣръ, какъ убійцу того, кто причинилъ другому смерть въ актѣ необходимой обороны. Прославляли также право помилованія, какъ средство обезпечить безнаказанность лицамъ привилегированнымъ или пользующимся особой защитой. «Позаботьтесь о томъ, чтобы имѣть хорошіе законы, которые наказывали бы только преступныя дѣйствія, не дѣлая никакихъ различій между людьми—и исчезнетъ необходимость надѣлять кого либо правомъ помилованія. Но если бы, отмѣнивши столько злоупотребленій, вы не рѣшились напасть отрыто на это право, если бы вы оставили за королемъ эту старинную прерогативу, то, по меньшей мѣрѣ, вамъ необходимо допустить изъятіе для преступленій, совершаемыхъ агентами исполненія. Признать въ такихъ случаяхъ право помилованія за королемъ — равносильно предоставленію чиновникамъ возможности считать себя безнаказан-

ными. Но что бы сталось въ такомъ случаѣ съ ихъ отвѣтственностью?» [1]).

Другой не менѣе важный вопросъ, на кого должна падать эта отвѣтственность, на однихъ ли только министровъ, или также на второстепенныхъ агентовъ? Польверель рѣшаетъ его въ ограничительномъ смыслѣ, слѣдуя въ этомъ отношеніи англійской практикѣ. «Отвѣтственность, справедливо говоритъ онъ, сдѣлала бы второстепенныхъ агентовъ независимыми отъ ихъ начальства, дала бы имъ возможность противодѣйствія приказамъ и запретамъ. Никто, очевидно, не рѣшился бы предписывать имъ дѣйствія, отвѣтственность за которыя падаетъ на нихъ однихъ. Послѣдствіемъ было бы упраздненіе исполнительной власти, что одинаково опасно и для порядка, и для свободы. Вся сила исполненія лежитъ вѣдь въ единствѣ дѣйствія. Разъ подчиненный пріобрѣтетъ возможность не дѣлать того, что ему приказываютъ, или дѣлать то, что ему запрещаютъ, исполнительная власть впадетъ въ ничтожество. Сама отвѣтственность, благодаря такому раздробленію ея между множествомъ лицъ, сдѣлается неосязаемой, и вы сами не будете знать, на кого обратить ее. «Вотъ какъ должна, по моему мнѣнію, прибавляетъ Польверель, осуществляться министерская отвѣтственность для того, чтобы доставить всѣ тѣ выгодныя послѣдствія, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ нея. Передо мною актъ, противный закону, свободѣ, безопасности или собственности. Тотъ, кто совершилъ этотъ актъ, есть первый виновный. А потому прежде всего я обращаюсь къ нему. Если его дѣйствіе не вызвано было приказомъ старшаго, онъ одинъ отвѣтственен, но если онъ предъявитъ мнѣ письменный документъ, удостовѣряющій, что онъ подчинился чужому велѣнію, его виновность исчезаетъ въ моихъ глазахъ, и начальникъ, давшій приказъ, одинъ является отвѣтственнымъ. Я прохожу такимъ образомъ всю іерархическую лѣстницу съ низшихъ ступеней до высшихъ и останавливаюсь на министрѣ и вообще томъ должностномъ лицѣ, отъ котораго изшелъ приказъ. На него и возлагаю я все бремя отвѣтственности. Изъ этого общаго правила возможно исключеніе только для актовъ, столь очевидно

---

[1]) Ibid., стр. 132.

преступныхъ, что сама совѣсть должна была подсказать необходимость воздержаться отъ нихъ. Въ этомъ случаѣ на мой взглядъ отвѣтственности подлежатъ одинаково: лицо, издавшее приказъ, тѣ, которые передали его, и тѣ, кто привелъ его въ исполненіе» [1]).

Пренія о министерской отвѣтственности не ограничились обмѣномъ взглядовъ между Луазо и Польвеpaземъ. Новый ораторъ, имя котораго не стоитъ въ заголовкѣ рѣчи, поставилъ себѣ задачей доказать необходимость прямой отвѣтственности для второстепенныхъ агентовъ. Это мнѣніе высказано было уже раньше депутатомъ отъ канскаго бальяжа, Лами [2]). Вспоминая выраженіе Людовика XV: «я мѣняю министровъ, но министерскія бюро остаются тѣ же»; вспоминая, какъ этотъ король, подобно Людовику XIV, не прочь былъ принимать тѣ или другія рѣшенія помимо министровъ, съ совѣта однихъ директоровъ департаментовъ, Лами указывалъ на ту выдающуюся роль, какую послѣдніе призваны играть въ дѣйствіяхъ исполнительной власти. Не всегда министры направляютъ ихъ дѣятельность, бываетъ и такъ, что ихъ рѣшенія связываютъ волю министровъ. Сама справедливость требуетъ, чтобы они раздѣляли отвѣтственность съ министрами, чтобы они скрѣпляли своимъ именемъ поступающія къ министрамъ донесенія, точь въ точь, какъ министры подписываютъ всѣ приказы короля. Отвѣтственность, разъ она будетъ раздѣлена между министрами и ихъ ближайшими помощниками, сдѣлается не болѣе, какъ естественнымъ обязательствомъ каждаго должностнаго лица, обязательствомъ—не дѣлать ничего безъ завѣдомаго мотива, безъ правоваго или разумнаго основанія. Министры перестанутъ бояться всегда возможнаго обмана со стороны начальниковъ бюро, а начальники бюро въ свою очередь не будутъ подчиняться тупому упорству лица, отдающаго приказы. Лами оканчиваетъ предложеніемъ декрета, которымъ начальники бюро признавались бы отвѣтственными, каждый въ предѣлахъ своего вѣдомства, и министрамъ запрещалось бы принимать тѣ или другія постановленія иначе, какъ на основаніи рапорта, подпи-

---

1) Ibid., стр. 135.

2) См. Arch. Parl. I serie, т. XI, стр. 281.

саннаго начальникомъ бюро, которому поручено разсмотрѣть дѣло [1]).

Эту систему самостоятельной отвѣтственности начальниковъ департаментовъ, предложенную Лами еще въ засѣданіи 21 января 90 года, приходилось въ настоящее время отстоять отъ возраженій, какія направлены были противъ нея Польверелемъ. На заявленіе, что она затормозила бы ходъ администраціи, уничтожила бы единство власти и уменьшила министерскую отвѣтственность, анонимный авторъ разбираемаго нами памфлета говоритъ: «порядокъ дѣлопроизводства въ министерствахъ нисколько не будетъ измѣненъ предлагаемой реформой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ современной практикой: начальникъ бюро письменно докладываетъ обо всѣхъ поступившихъ дѣлахъ; каждый изъ представляемыхъ имъ отчетовъ содержитъ замѣчанія и сообщенія, задача которыхъ освѣтить вопросъ и направить выборъ министра и короля на то или другое рѣшеніе. Что нужно еще для установленія отвѣтственности начальниковъ бюро? Необходимо вмѣнить имъ въ обязанность скрѣпу ихъ рапортовъ. Это дастъ возможность признать виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, то министра, то начальника,—перваго, если онъ дѣйствовалъ вопреки данному ему совѣту, втораго въ противномъ случаѣ. Отвѣтственность второстепеннаго агента не вызоветъ необходимо съ его стороны отказа въ повиновеніи. Она побудитъ его только засвидѣтельствовать своей подписью, что рѣшеніе принято министромъ на свой страхъ [2]).

Въ противность Луазо и за-одно съ Польверелемъ, авторъ предлагаетъ поручить палатѣ одно обвиненіе агентовъ исполненія; судъ же долженъ, по его мнѣнію, принадлежать временному трибуналу, хотя и составленному изъ депутатовъ, но подъ условіемъ немедленнаго отказа отъ дальнѣйшаго участія въ собраніи. Выборъ такихъ разбирателей слѣдуетъ предоставить самому обвиняемому. Судъ распускается немедленно по произнесеніи приговора.

---

1) Ibid., стр. 282.

2) Aulard, Société des Jacobius, стр. 145.

Всѣ приведенныя мнѣнія сходятся въ одномъ, въ отрицаніи за министрами и другими администраторами всякой иной отвѣтственности, кромѣ судебной [1]), въ осужденіи всѣхъ попытокъ непосредственнаго воздѣйствія собранія на выборъ министровъ или на ихъ отставку. Члены Якобинскаго клуба сохраняютъ эту точку зрѣнія и позднѣе, когда конституанта на опытѣ узнали всѣ неудобства, какія ведетъ за собою исключительно судебный характеръ министерской отвѣтственности. «Національное собраніе, говоритъ въ засѣданіи «друзей мира и конституціи» (офиціальное названіе Якобинскаго клуба) извѣстный физіократъ, Дюпонъ де Немуръ, удержало за собой право наказывать министровъ въ случаѣ ихъ виновности; но оно не имѣетъ возможности настаивать на ихъ отставкѣ, когда противъ нихъ нѣтъ формальнаго обвиненія; оно можетъ требовать ихъ головы, отнюдь не ихъ мѣстъ». Отказываясь отъ права смѣнять министровъ и назначать имъ преемниковъ, національное собраніе, говоритъ Дюпонъ, поступило весьма разумно, въ противномъ случаѣ къ чему бы послужилъ ему тотъ въ высшей степени мудрый декретъ, который запрещаетъ депутатамъ дѣлаться членами министерства? Заставляя короля прибѣгнуть къ послѣдовательной отставкѣ ряда его совѣтниковъ, депутаты поставили бы монарха въ необходимость образовать министерство изъ собственныхъ креатуръ; но это было бы еще хуже прямаго участія народныхъ представителей въ министерствѣ [2]). Такимъ образомъ Дюпонъ ясно сознаетъ ту связь, какая существуетъ между политической отвѣтственностью министровъ и выборомъ ихъ изъ среды палаты. Гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ не можетъ быть и другой отвѣтственности, кромѣ судебной.

Вопросъ объ устройствѣ суда надъ министрами поступилъ на обсужденіе національнаго собранія 25 октября 1790 года. Отъ имени конституціоннаго комитета Шапелье представилъ проектъ декрета объ устройствѣ верховнаго національнаго судилища. Проектъ этотъ, несмотря на горячій протестъ многихъ выдающихся депутатовъ, почти безъ измѣненій перешелъ въ текстъ закона

---

[1]) Ibid., стр. 148—152

[2]) Arch. Parl. томъ XIX (serie I), стр. 737, 738, 739.

$^{10}/_{15}$ мая 1791 года. Вотъ каковы его важнѣйшія постановленія.

I. Конституціонный комитетъ предлагалъ составить верховное національное судилище изъ пяти «великихъ судей» (число это уменьшено декретомъ до четырехъ) и 83 «велико-присяжныхъ». Судьи обязаны вести слѣдствіе и примѣнять постановленія закона къ фактамъ, установленнымъ присяжными.

II. Во время производства выборовъ въ законодательное собраніе избиратели каждаго департамента, вслѣдъ за назначеніемъ депутатовъ, выбираютъ еще одного гражданина, отвѣчающаго тѣмъ же избирательнымъ требованіямъ. Имя его вносится въ списокъ «велико-присяжныхъ» и остается въ немъ до времени выборовъ въ новое законодательное собраніе.

III. Вслѣдъ за повѣркою полномочій депутатовъ собраніе составляетъ списокъ «велико-присяжныхъ» по департаментамъ и предаетъ его гласности.

IV. Верховное національное судилище вѣдаетъ всѣ преступленія и проступки, по которымъ законодательное собраніе выступаетъ въ роли обвинителя.

V. Судилище открывается не раньше, какъ послѣ постановки депутатами декрета объ обвиненіи.

VI. на разстояніи по меньшей мѣрѣ 15 лье отъ мѣста пребыванія законодательнаго собранія.

VII. Декретъ законодательнаго корпуса объ обвиненіи не нуждается въ санкціи короля.

VIII. До его постановки собраніе въ правѣ призвать и выслушать свидѣтелей; оно не обязано вносить ихъ показаній въ свои протоколы.

IX. Когда законодательное собраніе постановитъ о начатіи обвиненія, оно обязано издать торжественную прокламацію, которой объявлялось бы о созывѣ верховнаго національнаго суда. Двое изъ членовъ собранія, по выбору, исполняютъ при верховномъ судѣ, подъ именемъ великихъ прокуроровъ націи, обязанности оффиціальныхъ обвинителей.

X. Великіе судьи, ведущіе слѣдствіе, назначаются изъ членовъ кассаціоннаго трибунала по жребію. Это происходитъ въ собраніи законодательнаго корпуса и въ присутствіи двухъ назначенныхъ королемъ коммиссаровъ.

XI. Число «велико-присяжныхъ», участвующихъ въ постановкѣ приговора, 24.

XII. Обвиняемые въ теченіе пятнадцати дней могутъ представить отводъ. Статья XXII декрета прибавляетъ, что обвиняемый безъ объясненія причинъ въ правѣ отвести двойное число присяжныхъ противъ того, какое положено въ обыкновенныхъ уголовныхъ случаяхъ.

XIII. Послѣ отвода и установленія комплекта «велико-присяжныхъ» 24 изъ нихъ по назначенію судей должны явиться на засѣданіе не позже 15 дней со времени представленія имъ призывныхъ писемъ.

XV. Порядокъ судебнаго разбирательства тотъ же, что и въ обыкновенныхъ судахъ.

XVI. Королевскій коммиссаръ, акредитованный при судѣ того округа, въ которомъ соберется верховный національный судъ, исполняетъ при немъ обязанности прокурорскаго надзора. Обязанности эти по отношенію къ слѣдствію и суду тѣ же, что и при производствѣ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлъ [1]).

Проектъ комитета подвергнутъ былъ критикѣ съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: противъ него высказались одинаково и Робеспьеръ, и Мори, и защитники демократическихъ стремленій, и сторонники сильной монархической власти. Мы находимъ однако мало новаго въ ихъ аргументаціи.

Сплошь и рядомъ ораторы повторяютъ мысли, высказанныя ранѣе въ обществѣ якобинцевъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ подтверждается справедливость того положенія, что большинство рѣчей, произносимыхъ въ національномъ собраніи, и большинство дѣлаемыхъ ему предложеній подвергались предварительному искусу народныхъ клубовъ. Робеспьеръ повторяетъ обычные доводы противъ постоянныхъ судовъ, даетъ новое выраженіе опасеніямъ создать плотину для демократическихъ теченій въ корпоративномъ духѣ верховныхъ палатъ. «Установленіе постояннаго судилища, призваннаго высказываться по такимъ существеннымъ вопросамъ, болѣе опасно, нежели выгодно

---

[1]) Сравни Arch. Parl., т. XX, стр. 22 и 23, и законъ $^{10}/_{15}$ мая 91 года Hélie. стр. 229 и слѣдующее.

для свободы. Въ эпоху народныхъ движеній, подобныхъ тѣмъ, какія мы переживаемъ нынѣ, заговорщики ни отъ кого не могутъ найти болѣе надежнаго надзора и болѣе грознаго отмщенія, какъ со стороны представителей націи, а также со стороны всей той массы гражданъ, которые сдѣлали революцію». Это заявленіе въ устахъ будущаго члена «комитета общественнаго спасенія» и инспиратора революціоннаго трибунала въ высшей степени характерно. Оно раскрываетъ передъ нами сокровенную мысль Робеспьера. Въ его глазахъ министерская отвѣтственность является прежде всего средствомъ къ предупрежденію или отраженію проектовъ контръ-революціи. Она орудіе къ ниспроверженію измѣны, орудіе въ рукахъ того, кто всего болѣе содѣйствовалъ дѣлу революціи и имѣетъ поэтому наибольшее основаніе опасаться ея враговъ. Неудивительно, если Робеспьеръ не отступаетъ передъ мыслью оживить практику «уголовныхъ биллей» (bills of attainder) противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ свободы, биллей, которыми нѣкогда былъ возведенъ на эшафотъ министръ Карла I, Страффордъ, «Лучшая удержъ для деспотизма, говоритъ Робеспьеръ, есть бдительность національнаго собранія; съ нимъ народъ всегда будетъ связывать свое дѣло при малѣйшей опасности для свободы». Но, выставляя эти положенія, онъ не заблуждается на счетъ пріема, какой его мысли встрѣтятъ со стороны большинства «Такъ какъ вы уже высказались въ пользу образованія самостоятельнаго національнаго судилища и притомъ такъ рѣшительно, что было бы смѣлостью противиться вамъ долѣе, то я отправлюсь, говоритъ онъ депутатамъ, отъ вашего же рѣшенія и постараюсь примѣнить къ устройству этого трибунала тѣ общія положенія, которыя сами собою вытекаютъ изъ предшествовавшихъ моихъ разсужденій. По характеру своихъ функцій создаваемый вами трибуналъ является рѣшителемъ народныхъ судебъ; онъ предполагаетъ въ лицахъ, засѣдающихъ въ немъ, великое мужество и неподкупную добродѣтель; изъ этого прямо слѣдуетъ, что членовъ его слѣдуетъ избирать народу. Очевидная неизбѣжность этого вывода побѣдоносно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, кто бы желалъ предоставить назначеніе его судей вполнѣ или отчасти королю. Изъ всѣхъ властей, совокупность которыхъ образуетъ правительство, исполнительная

власть, какъ сосредоточенная всецѣло въ рукахъ одного, наиболѣе опасна для свободы. Не подъ ея ли ударами пала свобода большинства націй, и не должна ли быть отвѣтственность правительственныхъ агентовъ, подавленіе покушеній, дѣлаемыхъ ими противъ конституціи, главною задачею національнаго судилища? На мой взглядъ, противорѣчило бы здравому смыслу дать королю какое-либо участіе въ его образованіи. Нельзя согласиться поэтому съ предложеніемъ комитета, чтобы члены верховнаго національнаго трибунала взяты были изъ среды кассаціоннаго суда, въ составленіи котораго король принимаетъ участіе. Не будетъ ли явнымъ противорѣчіемъ признать, съ одной стороны, право народныхъ судей разбирать даже ничтожнѣйшія тяжбы, и ввѣрить, съ другой, заботу о свободѣ судьямъ, зависимымъ отъ короля. Но недостаточно того, чтобы члены создаваемаго трибунала не были креатурами министровъ. Необходимо также, чтобы никто изъ лицъ, прикосновенныхъ къ нему, не былъ назначаемъ свыше. Отсюда само собой слѣдуетъ, что нелѣпо установленіе при немъ королевскаго коммиссара. Самъ конституціонный комитетъ признаетъ, повидимому, справедливость нашего положенія; это слѣдуетъ изъ той статьи, которой онъ предлагаетъ освободить отъ санкціи короля декреты объ обвиненіи. Другое, не менѣе важное послѣдствіе нашихъ принциповъ — это необходимость принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры противъ подкупа членовъ будущаго національнаго судилища. Наипростѣйшими и дѣйствительнѣйшими надо считать краткосрочность мандатовъ, надзоръ за судьями со стороны законодательнаго корпуса и возможную ихъ численность. Первое требованіе, какъ я полагаю, удовлетворяется тою статьею проекта, которая объявляетъ, что составъ судилища подлежитъ возобновленію каждые два года. Второе также находитъ себѣ признаніе въ статьѣ, говорящей, что его вѣдѣнію подлежатъ всѣ дѣла, внесенныя національнымъ собраніемъ, на его разбирательство и что два депутата будутъ исполнять при немъ обязанности публичнаго обвиненія. Но я не вижу возможности привести въ связь съ духомъ этихъ постановленій ту статью, которая говоритъ, что трибуналъ не можетъ собираться на разстояніи менѣе 15 лье отъ мѣста нахожденія наці-

ональнаго собранія. Контроль, какой это собраніе должно имѣть за дѣйствіями трибунала, требуетъ его близости къ нему. Я полагаю, что судилище, задача котораго охранять права націи, приговоры котораго должны быть выраженіемъ общей воли, судилище, нуждающееся въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, чтобы избѣжать всѣхъ окружающихъ его соблазновъ, не можетъ имѣть болѣе подходящаго мѣстопребыванія, какъ въ городѣ, являющемся центромъ всѣхъ знаній, городѣ, въ которомъ общественное мнѣніе обнаруживаетъ свое счастливое вліяніе съ наибольшимъ безпристрастіемъ и энергіей. Великія услуги, какія просвѣщенный и мужественный патріотизмъ столицы оказалъ свободѣ и національному собранію, доказываютъ необходимость установить въ Парижѣ трибуналъ, задача котораго — обезпечить продолжительность и успѣшный исходъ нашего дѣла. Что касается, наконецъ, до третьяго требованія, я разумѣю значительность числа судей, то предложеніе комитета мнѣ кажется недостаточнымъ. Я желалъ бы, чтобы каждый департаментъ назначилъ, по крайней мѣрѣ, двухъ присяжныхъ и чтобы все оставшееся за отводомъ число ихъ участвовало въ постановкѣ рѣшенія. Наконецъ, въ интересахъ той же независимости суда я бы желалъ запретить переизбраніе его членовъ, а также распространить на нихъ дѣйствіе статьи, запрещающей депутатамъ въ теченіе двухъ лѣтъ со времени прекращеніи ихъ полномочій получать подарки, пенсію или правительственное назначеніе» [1]).

Если проектъ комитета не удовлетворилъ вполнѣ требованіямъ крайней лѣвой, то еще больше основанія къ недовольству имъ имѣли члены правой. Мори сдѣлался выразителемъ этого недовольства и положилъ въ основу своей критики тѣ общія начала правильнаго судебнаго устройства, которыя не разъ были приводимы въ стѣнахъ самого собранія. Изъ устъ этого еще недавняго приверженца старинной французской конституціи, съ ея сословными учрежденіями и верховными палатами, послышались рѣчи, свидѣтельствовавшія о преклоненіи передъ англійскими и даже американскими порядками. Современники отмѣтили эту перемѣну. Они подчеркнули тотъ интересный фактъ, что по

[1]) Arch. Parl., т. XX, стр. 25—27.

мѣрѣ пораженія ихъ плановъ, вожаки правой все болѣе и болѣе становились на почву защиты англійскихъ порядковъ, признавая въ нихъ съ полнымъ основаніемъ послѣдній оплотъ монархіи. Я сказалъ уже, что англійская практика, отказываясь отъ уголовныхъ биллей противъ министровъ, высказалась открыто въ пользу того принципа, что задача судовъ сводится къ примѣненію уже обнародованныхъ законовъ къ выдвигаемымъ жизнью фактамъ. Но это требованіе, очевидно, предполагаетъ, что не только наказаніе, но и обвиненіе можетъ быть формулировано только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. А отсюда то необходимое послѣдствіе, что законъ, а не воля собранія, долженъ рѣшать, какія дѣла подлежатъ преслѣдованію передъ верховнымъ судилищемъ. Но національное собраніе не приняло никакихъ мѣръ къ установленію подсудности создаваемаго ею трибунала; оно не перечислило тѣхъ дѣлъ, какія подлежатъ его уазбирательству, и ограничилось заявленіемъ, что каждый разъ, когда законодательное собраніе пожелаетъ выступить въ роли обвинителя, трибуналъ обязанъ будетъ постановить приговоръ. «Неужели васъ не поражаетъ, сказалъ Мори въ своемъ обращеніи къ депутатамъ, что, создавая верховный національный судъ, вашъ конституціонный комитетъ не счелъ нужнымъ представить проекта закона, опредѣляющаго, что такое преступленіе противъ націи (crime de lèse — nation) и каковы падающія за него наказанія. Все въ рѣшеніяхъ этого трибунала было бы произволомъ и тираніей, если бы ему не пришлось руководствоваться незыблимыми и неизмѣнными правилами при постановкѣ своихъ рѣшеній». Предоставить обвиненіе національному собранію Мори считаетъ неудобнымъ. И въ Англіи, и въ Америкѣ, за исключеніемъ одной Пенсильваніи, принята система двухъ палатъ. Поэтому обвиненіе нижней палаты не есть еще обвиненіе отъ имени всей націи; конституціонный же комитетъ требуетъ, чтобы всѣ преслѣдованія противъ чиновниковъ производимы были отъ имени націи. «Судите, какимъ бременемъ падетъ на обвиняемаго самый фактъ преслѣдованія его отъ имени народа. Есть ли необходимость усиливать еще тотъ страхъ, какой создаваемый вами трибуналъ неминуемо долженъ вызвать противоположеніемъ преслѣдуемому такого всемогущаго противника,

какимъ является законодательный корпусъ. Ни въ Америкѣ, ни въ Англіи обвиняемому не приходится считаться съ такимъ сильнымъ противовѣсомъ, какъ интересъ цѣлой націи. Ни въ той, ни въ другой ему не надо вступать въ ту неравную борьбу, какую необходимо предполагаетъ столкновеніе одного съ совокупностью всѣхъ. Къ тому же во Франціи виновнаго ждутъ сильныя уголовныя кары; въ Америкѣ же единственнымъ послѣдствіемъ является принудительная отставка, отнятіе права на публичную должность. Проектъ комитета предполагаетъ только случаи обвиненія со стороны законодательнаго корпуса. Но какъ быть, спрашиваетъ Мори, когда преступленіе министра заключаетъ въ себѣ нарушеніе не правъ собранія, а королевской прерогативы? Мори думаетъ, что въ этомъ случаѣ необходимо предоставить королю право вчинанія иска. Онъ указываетъ также, что проектируемый собраніемъ институтъ великоприсяжныхъ не имѣетъ ничего общаго ни съ англійскимъ, ни съ американскимъ жюри. «Это странное и чудовищное учрежденіе, не имѣющее имени ни на одномъ языкѣ». Для правильнаго устройства суда присяжныхъ необходимо, чтобы обвинитель не зналъ напередъ членовъ жюри и лишенъ былъ тѣмъ самымъ возможности оказать давленіе на ихъ совѣсть. Соотвѣтственно этому англійское законодательство объявляетъ ничтожнымъ всякое назначеніе присяжныхъ, предшествующее обвиненію. Но конституціонный комитетъ устанавливаетъ какъ разъ обратное. Другой, столь же основной принципъ суда присяжныхъ—это постановка рѣшенія жителями того околотка, въ которомъ произведено было преступленіе. Это даетъ возможность передать судъ въ руки людей, хорошо знающихъ обвиняемаго, имѣющихъ представленіе о всемъ его прошломъ. Нарушеніе этого принципа «сосѣдскаго суда» признано было американцами такимъ страшнымъ предвѣстникомъ тираніи, что въ числѣ побудительныхъ мотивовъ къ ихъ возстанію не послѣднюю роль играло отрицаніе англійскимъ правительствомъ этого конституціоннаго требованія. Но можетъ ли быть рѣчь о «сосѣдскомъ жюри» въ томъ проектѣ великоприсяжныхъ, который предлагаетъ комитетъ? Прежде чѣмъ декретировать обвиненіе, значится въ его проектѣ, законодательное собраніе въ правѣ вызвать свидѣтелей и отобрать у нихъ показанія.—«Какъ,

говоритъ Мори, вы объявляете себя публичными обвинителями и хотите выслушать свидѣтелей, поддерживающихъ ваше обвиненіе? Но стачка обвинителей со свидѣтелями не носитъ имени легальнаго преслѣдованія, она называется заговоромъ. Этотъ заговоръ лишаетъ свидѣтельство всякой юридической силы. Знайте, что общественный голосъ Европы не найдетъ для этихъ мнимыхъ свидѣтелей другаго названія, кромѣ сообщниковъ».

Мори заканчивалъ свою рѣчь требованіемъ закона, опредѣляющаго характеръ тѣхъ преступленій, которыя будутъ переданы на разбирательство верховнаго національнаго суда, а также устройства института великоприсяжныхъ на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя были предложены комитетомъ. Справедливость его замѣчаній была такъ очевидна, что даже крайніе представители лѣвой, въ родѣ Бюзо, высказывали надежду, что при пересмотрѣ проекта конституціоннымъ комитетомъ устранены будутъ недостатки, указанные аббатомъ. Казалесъ также присоединился къ предложенію потребовать наискорѣйшей редакціи закона о преступленіяхъ противъ націи. «Слишкомъ долго, сказалъ онъ, эти преступленія оставались безъ точной формулировки. Потомство съ удивленіемъ узнаетъ, что законодатели предлагали устройство трибунала, а судьи соглашались постановлять рѣшенія, не установивши предварительно, что слѣдуетъ понимать подъ преступленіемъ противъ націи [1]).

Соотвѣтствіе закона 10—15 мая 1791 года объ устройствѣ верховнаго національнаго суда съ проектомъ комитета доказываетъ, что замѣчанія, представленныя противъ него Робеспьеромъ и Мори, оставлены были безъ вниманія.

Послѣднимъ звеномъ въ установленіи системы судебной отвѣтственности министровъ является законъ, отнимавшій у короля право помилованія. Я разумѣю слѣдующее постановленіе уголовнаго кодекса, вошедшаго въ силу 6 октября 1791 года (13 статья 7 титула первой части): «Всѣ акты, направленные къ тому, чтобы воспрепятствовать или остановить ходъ уголовной юстиціи, какъ-то: изданіе граматъ о помилованіи, о прощеніи и замѣнѣ наказанія, отмѣняются во всѣхъ случаяхъ

[1]) Arch. Parl., т. XX (serie I), стр. 27—37.

преступленій, подлежащихъ суду присяжныхъ» [1]). Статья эта вызвана была тѣми соображеніями, какія указаны нами выше и нашли впервые выраженіе себѣ въ клубѣ якобинцевъ.

Лишенный права препятствовать обвиненію министровъ собраніемъ, король отнынѣ терялъ возможность противиться исполненію осуждающихъ ихъ приговоровъ. Такъ какъ одновременно постановка рѣшеній перешла въ руки «великоприсяжныхъ», въ избраніи которыхъ участвовалъ одинъ народъ, то можно сказать, что отвѣтственность министровъ была установлена на началахъ, не допускавшихъ вмѣшательства главы исполнительной власти и вполнѣ гарантировавшихъ законодательное собраніе отъ захватовъ и посягательствъ со стороны ближайшихъ агентовъ исполненія. Но остается еще поставить вопросъ, въ какой мѣрѣ та же система являлась гарантіей для частныхъ лицъ противъ произвола администраторовъ? Примемъ прежде всего въ разсчетъ то обстоятельство, что ни частные граждане, ни самъ судъ не въ правѣ начать преслѣдованія противъ министровъ. Шапелье поддерживалъ это требованіе, доказывая, что оно устраняетъ возможность непредусмотрительныхъ обвиненій. Но въ какой мѣрѣ эта передача исключительно въ руки собранія права вчинать преслѣдованіе противъ министровъ примирима съ требованіями гражданской свободы—еще вопросъ.

Въ рѣшеніи національнаго собранія не трудно открыть въ данномъ случаѣ слѣды того печальнаго вліянія, какое оказало стремленіе обратить судебную отвѣтственность въ политическую. Мы видѣли, что для послѣдней нѣтъ мѣста при той системѣ отношеній между властями и томъ отрицаніи необходимѣйшихъ требованій парламентаризма, на которомъ остановились депутаты. Но видя, что безъ политической отвѣтственности исполнительная власть ускользаетъ отъ ихъ контроля; видя, что они лишены возможности прямаго вліянія на выборъ министровъ и должны

---

[1]) Hélie. Les constitutions de la France, стр. 317, 318. Послѣдними защитниками королевскаго права помилованія явились депутаты Тулонжонъ, Ланжюинэ и Малуэ; но ихъ доводамъ не удалось взять верхъ надъ тѣми, какіе представлены были противъ этого права докладчикомъ новаго уголовнаго кодекса Лепельтье, и поддерживавшими его предложеніе депутатами Петіонъ и Гупиль.

ограничиться однимъ заявленіемъ королю о недовѣріи имъ [1], —депутаты задались мыслью, обезпечить себѣ повиновеніе фактическихъ главъ исполненія страхомъ и неопредѣленностью тѣхъ обвиненій, поводъ къ которымъ могли подать неконституціонныя и нелегальныя въ ихъ оцѣнкѣ дѣйствія. Изъ тѣхъ средствъ, какими англичане стремились въ разное время обезпечить конституціонный ходъ управленія, національное собраніе избрало такимъ образомъ наименѣе удачное и уже осужденное практикой. Я хочу сказать, что оно приблизилось къ тому типу законовъ ad hoc, которыми заднимъ числомъ признается преступность и наказуемость извѣстныхъ дѣйствій. Но, оживляя практику билля of attainder, національное собраніе въ то же время не приняло серьезныхъ мѣръ къ установленію судебнаго контроля за чиновниками. Въ постановленія, регулирующія министерскую отвѣтственность, внесено, правда, закономъ 27 апрѣля 1791 г. то существенное добавленіе, что поводомъ къ обвиненію можетъ быть, на ряду съ преступленіями противъ безопасности государства и затратою государственныхъ средствъ помимо разрѣшающаго ее декрета, и посягательство на свободу и собственность гражданъ [2]. Но какъ потерпѣвшіе, такъ и судъ, свидѣтель этого нарушенія, поставлены въ необходимость отнестись къ нему пассивно. Имъ приходится ждать иниціативы собранія, голосованія имъ декрета, постановляющаго, что есть основаніе къ обвиненію. Подобного декрета, разумѣется, не легко добиться. Вытекающая отсюда практическая безнаказанность министровъ за служебныя дѣйствія, задѣвающія свободу и собственность частныхъ лицъ, распространяется и на второстепенныхъ агентовъ исполненія. Съ точки зрѣнія политической отвѣтственности, разумѣется, является невозможнымъ открыть судебное преслѣдованіе противъ начальника департамента, виновнаго въ нарушеніи того или другаго закона или конституціи. Министръ покрываетъ его своею отвѣтственностью и, только подъ этимъ условіемъ, можетъ требовать отъ него той субординаціи, безъ которой нельзя было

---

[1] Это право, долгое время служившее предметомъ спора, окончательно признано за собраніемъ закономъ 25 мая 1791 года объ организаціи министерствъ. Hélie, стр. 224.

[2] Helie, стр. 224.

бы достигнуть необходимаго въ администраціи единства. Но дѣло мѣняется, разъ рѣчь заходитъ о неправомѣрномъ нарушеніи частныхъ интересовъ дѣйствіями этого департаментскаго начальника, а также подчиненныхъ ему лицъ. Правомѣрный порядокъ въ государствѣ немыслимъ въ томъ случаѣ, если частное лицо безсильно обжаловать передъ судами тѣ служебныя дѣйствія чиновниковъ, въ которыхъ одновременно съ нарушеніемъ законовъ содержится посягательство на интересы жалобщика. Эта отвѣтственность, издавна установленная въ Англіи, выдвинула на очередь вопросъ о закономѣрномъ повиновеніи, надѣлила чиновника правомъ пассивнаго сопротивленія приказу начальника, заключающему въ себѣ нарушеніе закона или изданному въ незаконной формѣ. Полицейскій агентъ, уклоняющійся отъ задержанія лица, имя или внѣшнія примѣты котораго не обозначены съ точностью въ данномъ ему приказѣ объ арестѣ, требующій, выражаясь языкомъ англійской административной практики, спеціальнаго, а не общаго, «воранта» (warrant), въ большей мѣрѣ служитъ интересамъ личной свободы гражданъ, нежели законодательный корпусъ, передающій на разбирательство суда неконституціонныя или нелегальныя на его взглядъ дѣйствія однихъ только министровъ. Но для установленія судебной отвѣтственности чиновниковъ національному собранію приходилось отказаться отъ одного изъ тѣхъ принциповъ, которыми оно всего болѣе дорожило. Я разумѣю доведенное до полнаго обособленія отдѣленіе суда отъ администраціи. Правило, что судъ не можетъ останавливать «нормальнаго хода управленія» (le cours de l'administration ne doit pas être entravé par la justice) казалось дѣятелямъ 89 года вполнѣ установленнымъ труизмомъ. Они не давали себѣ отчета въ томъ, что источникъ этого административнаго предразсудка лежитъ въ разрушенномъ ими старомъ порядкѣ [1]), въ требованіи, чтобы чиновники были отвѣтственны только передъ спеціальными административными судами, всего чаще представляемыми ихъ ближайшимъ начальствомъ. Отюда обращеніе директоріи каждаго департамента, т. е. избирательнаго административнаго органа, въ

1) Сравни Tocqueville. L'ancien régime et la révolution, т I.

судебную палату для всѣхъ гражданскихъ исковъ, направленныхъ противъ муниципальныхъ чиновниковъ, окружныхъ и департаментскихъ, и даже противъ предпринимателей публичныхъ работъ, снявшихъ ихъ съ торга у правительства [1]). Отсюда, однимъ словомъ, лишеніе французскихъ гражданъ той существенной гарантіи, какой издавна пользуются англичане и которая въ большей или меньшей степени установлена въ настоящее время государственнымъ правомъ Европы, гарантіи, съ которой неразрывно связано представленіе о «закономѣрномъ» или «правовомъ» государствѣ и которая въ сущности сводится къ установленію судебной самообороны.

---

1) См. законы 14 и 22 дек. 89 года, законъ 11 сент. 90 года. Hélie., стр. 172, 173.

ГЛАВА XII.

Организація судебной власти.

Ни одна сторона учредительной дѣятельности собранія не оставила такого глубокаго слѣда, не оказала большаго вліянія на ходъ развитія политическаго творчества, какъ предпринятая имъ судебная реформа. И на этотъ разъ Франція явилась истолковательницей англійскихъ идей. Не простое однако заимствованіе, а пересозданіе англійской системы народнаго участія въ судѣ, гласности и публичности, представляетъ собою начатая Бергассомъ и выполненная Турэ и Дюпоромъ реформа. Задача ихъ—привести отправленіе правосудія въ соотвѣтствіе съ новымъ ученіемъ о народномъ суверенитетѣ, политической и гражданской свободѣ. Чтобы судить о вліяніи, какое дѣятельность учредительнаго собранія оказала на современное судоустройство и судопроизводство, достаточно привесть тотъ фактъ, что наполеоновское законодательство, насколько оно касается организаціи и порядка отправленія уголовной и гражданской юстиціи, является не болѣе, какъ развитіемъ тѣхъ основъ, которыя заложены были дѣятелями 1789-го года. Французскіе же кодексы, какъ извѣстно, обошли весь міръ, остаются доселѣ дѣйствующимъ правомъ многихъ странъ и провинцій, послужили исходной точкой отправленія при самостоятельной переработкѣ процессуальнаго права современными правительствами, не исключая и русскаго. Судебные уставы Александра II-го — одно изъ позднѣйшихъ и, быть можетъ, наиболѣе полныхъ проявленій этого французскаго вліянія въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго правосудія. Насколько при проведеніи судебной ре-

формы учредительное собраніе руководствовалось историческимъ опытомъ, являлось истолкователемъ англо-американскихъ началъ гражданскаго и уголовнаго правосудія, его дѣло содержитъ въ себѣ задатки прочности и устойчивости. Но дѣятели 89 года во всемъ и всегда являлись жертвами собственной доктрины. Метафизическіе принципы и ихъ логическое развитіе интересовали ихъ въ гораздо большей степени, нежели способность проводимыхъ ими нормъ отвѣчать практической потребности и историческому опыту. Теорія Монтескье и то или другое изреченіе Руссо казались имъ нерѣдко достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отказаться отъ соображеній практическаго удобства и кореннымъ образомъ измѣнить самыя основы заимствуемыхъ ими учрежденій. Опять-таки и въ этой области, какъ при устройствѣ законодательной власти, они отправлялись не отъ реформы дѣйствующихъ порядковъ, а отъ тѣхъ или другихъ юридико-политическихъ афоризмовъ, въ жертву которымъ приносились эти порядки. Они дѣлали не надстройку къ существующему уже зданію, а ломали его до основанія и на очищенной такимъ образомъ почвѣ строили все снова. И на этотъ разъ вина лежала не столько въ нихъ самихъ, сколько въ неспособности старинныхъ французскихъ порядковъ дать исходную точку отправленія для новыхъ созданій. Я знаю, что, говоря это, я иду рѣшительно въ разрѣзъ съ господствующимъ мнѣніемъ, которое видитъ въ верховныхъ палатахъ Франціи и въ подчиненныхъ имъ судахъ наиболѣе жизненную сторону стараго порядка. Еще Бёркъ высказывалъ эту мысль, и современные критики судебной реформы конституанты дали ей только дальнѣйшее развитіе. Но сторонники подобнаго воззрѣнія раздѣляютъ ошибку тѣхъ, кто думаетъ, что дореволюціонная Франція имѣла опредѣленную конституцію. Они не хотятъ видѣть и сознательно обходятъ молчаніемъ тотъ фактъ, что руководящія начала судебной организаціи были поколеблены захватами абсолютизма въ такой же степени, какъ и основы, на которыхъ опиралось нѣкогда участіе сословныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи. Путемъ «эвокацій», или переноса дѣлъ изъ вѣдомства обыкновенныхъ судей въ руки чрезвычайныхъ коммиссій, административныхъ чиновниковъ и совѣтовъ (intendants и

conseil d'état), король и министры постепенно извратили нормальные порядки судопроизводства и произвели искусственное сліяніе суда и администраціи въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Покупка судебныхъ должностей, бывшая несомнѣнно нѣкогда источникомъ относительной независимости судей, сдѣлалась за послѣднія два столѣтія для нуждающихся въ деньгахъ министровъ поводомъ къ созданію безконечнаго ряда второстепенныхъ органовъ правосудія, что въ свою очередь повело къ возрастанію судебныхъ издержекъ, такъ какъ купившіе должность старались возмѣстить свои расходы увеличеніемъ суммы такъ называемыхъ «épices».

Одну изъ положительныхъ сторонъ въ устройствѣ старинной французской юстиціи составлялъ дѣятельный контроль суда за администраціей. Правда, этому контролю подлежали въ равной мѣрѣ далеко не всѣ стороны управленія. Полиція безопасности почти всецѣло была изъята отъ него. Это обстоятельство, замѣтимъ мимоходомъ, и было главнымъ источникомъ той незащищенности частнаго лица отъ произвола, того отсутствія личной свободы, торжеству которой въ Англіи служило и доселѣ служитъ ежечасная возможность обжалованія передъ судами всякаго дѣйствія полиціи, нарушающаго личныя права. Но если контроль судебной власти отсутствовалъ по отношенію къ тѣмъ административнымъ органамъ, обязанностію которыхъ было поддержаніе полицейскаго порядка въ государствѣ, то, съ другой стороны, неприкосновенность собственности находила въ старой Франціи достаточную гарантію въ существованіи такъ называемой «административной юстиціи» (contentieux administratif), вмѣшательство которой въ сферу управленія вызываемо было каждый разъ частными жалобами на неправильность или неравномѣрность обложенія, на нарушеніе частныхъ интересовъ при производствѣ экспропріаціи въ пользу государства и тому подобное. Но это здоровое начало старинной французской монархіи за послѣднія два столѣтія было совершенно искажено частью передачей, частью захватомъ административно-судебныхъ функцій единоличными и коллегіальными органами управленія—интендантами и королевскимъ совѣтомъ. Правда, въ послѣднія два царствованія верховные суды обнаружили небывалую энергію

въ отстаиванiи своихъ политическихъ правъ. Общественное мнѣнiе, защищая ихъ свободу предъявлять протесты противъ королевскихъ эдиктовъ и отказывать имъ въ регистрацiи, косвенно содѣйствовало передачѣ въ руки судовъ той задерживающей власти, какую нѣкогда въ другой только формѣ, въ формѣ отказа субсидiй, обнаруживали по отношенiю къ королю и министрамъ генеральные и провинцiальные штаты; но это искусственное присоединенiе нѣкоторыхъ законодательныхъ функцiй къ судебнымъ нимало не препятствовало дальнѣйшему подчиненiю суда администрацiи, дальнѣйшему ослабленiю его независимости и извращенiю естественнаго хода правосудiя ежечасными переносами дѣлъ, ежечаснымъ отнятiемъ у подсудимыхъ, выражаясь языкомъ французскихъ публицистовъ XVIII вѣка, той гарантiи, которую представляетъ подвѣдомственность ихъ «своимъ естественнымъ судьямъ» (juges naturels).

Если прибавимъ къ сказанному, что въ низшихъ инстанцiяхъ судъ сливался еще съ землевладѣнiемъ, что въ рукахъ назначенныхъ сеньерами сельскихъ бальифовъ юстицiя лишена была гарантiй публичности и гласности; если мы не будемъ терять изъ виду, что продажа должностей распространялась и на стряпчихъ и адвокатовъ, ложась тяжелымъ гнетомъ на тяжущихся и оправдывая поговорку: «если проигравшiй процессъ теряетъ и рубашку, то выигравшiй все, кромѣ рубашки»,—то позволено будетъ усомниться въ возможности найти въ судебномъ устройствѣ стараго порядка необходимые элементы задуманной собранiемъ реформы. Замѣчательно однако, что, относясь отрицательно къ самому строю французской юстицiи, дѣятели 89 года всецѣло прониклись той теорiей, которая зародилась на почвѣ этого строя. Коментаторы Монтескье, на мой взглядъ, не достаточно оцѣнили то влiянiе, какое на ученiе о раздѣленiи властей оказало положенiе, занятое въ старой Францiи судомъ по отношенiю къ администрацiи. Они повѣрили на слово автору «Духа Законовъ», который возводилъ свою теорiю къ англiйскимъ основамъ. Они упустили изъ виду, что полная обособленность суда отъ законодательства не существуетъ въ странѣ, въ которой судебный приговоръ является юридическимъ прецедентомъ, т. е. руководящимъ правиломъ для рѣшенiй, столь

же обязательнымъ, какъ и парламентскій статутъ. Они не обратили должнаго вниманія на тотъ фактъ, что ежечасное вмѣшательство суда въ администрацію, которому англичане обязаны, какъ я уже замѣтилъ, гарантіей личности и собственности, гораздо менѣе отвѣчаетъ извѣстному афоризму: «надо, чтобы ходъ управленія не былъ прерываемъ юстиціей», нежели сосредоточеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ и дѣятельной полиціи, и права разбирательства по жалобамъ на чиновниковъ, какое представляетъ собою административная юстиція интендантовъ и королевскаго совѣта. Приведенный афоризмъ очевидно не болѣе, какъ буквальное примѣненіе начала раздѣленія властей къ взаимодѣйствію суда и администраціи; установляя его, дѣятели революціи давали такимъ образомъ признаніе не только ученію автора Духа Законовъ, но и руководящимъ принципамъ стараго порядка, положеннымъ въ его основу. То же можетъ быть сказано и о запрещеніи ими судьямъ всякаго расширительнаго толкованія законовъ. Оно удовлетворяло требованію теоріи раздѣленія властей, но рѣшительно противорѣчило, какъ мы видѣли, англійской практикѣ. Преданность теоріи заставляла ихъ идти далѣе самого Монтескье въ стремленіи обособить судъ одинаково отъ законодательства и администраціи. Положеніе Монтескье: «власть должна останавливать власть», не устраняетъ возможности всякаго касательства короля или судовъ къ законодательной власти; напротивъ того, чтобы избѣжать возможности захвата исполнительной власти законодательной, Монтескье, какъ мы видѣли, надѣлялъ короля правомъ вето, какъ средствомъ защиты. Однохарактерной цѣли отвѣчало право верховныхъ судовъ отказывать въ регистраціи новыхъ законовъ. Эти два права должны были служить къ предотвращенію того неизбѣжнаго столкновенія, которое возникаетъ между властями при полной обособленности ихъ другъ отъ друга.

Въ глазахъ Монтескье и его школы они должны были служить палліативомъ для тѣхъ бѣдствій, къ какимъ ведетъ слишкомъ строгое проведеніе его основной теоріи; но далеко не такъ понимали ихъ дѣятели 89 года. Для нихъ отказъ въ регистраціи, противодѣйствіе немедленному проведенію закона въ жизнь казался немыслимымъ.

Право судей прибѣгать къ нему въ такой же степени противорѣчило въ ихъ глазахъ строгости принциповъ, какъ и признаніе за королемъ вето. Требуемое теоріей невмѣшательство суда въ законодательство понимаемо было ими въ самомъ строгомъ смыслѣ; они отказывали судьямъ даже въ правѣ логической интерпретаціи законовъ и подведенія подъ нихъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Та же преданность апріорнымъ началамъ, ошибочно признаваемымъ за какіе-то неопровержимые законы политической мудрости, заставила ихъ сдѣлать изъ теоріи раздѣленія властей выводъ, съ которымъ, разумѣется, Монтескье первый никогда бы не согласился. Если судъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи, то не значитъ ли это, что право назначенія судей должно быть отнято у короля, какъ главы исполнительной власти. Не сказалъ ли самъ Монтескье: «все потеряно, когда государь осуществляетъ лично правосудіе; но что такое назначаемые имъ судьи, какъ не его личные агенты». Редереръ ссылается на это положеніе въ засѣданіи 7 мая 1790 года и старается обосновать имъ ученіе о необходимости передать выборъ судей изъ рукъ короля въ руки народа. И, что всего изумительнѣе, въ опроверженіе этой мысли, якобы вытекающей изъ теоріи Монтескье, приведены будутъ сторонниками королевской власти, аббатомъ Мори, напримѣръ, изреченія того самаго писателя, къ которому обыкновенно прибѣгали и доселѣ прибѣгаютъ сторонники народнаго избранія. Руссо на этотъ разъ обмѣняется ролью съ Монтескье, и фраза женевскаго философа: «короли—прирожденные судьи народа, не имѣя возможности отправлять лично правосудія, ввѣряютъ заботу о немъ своимъ агентамъ», сдѣлается знаменемъ борьбы тѣхъ, кто думаетъ, что источникомъ правосудія необходимо долженъ быть глава государства—монархъ. Нечего доказывать, разумѣется, что ни та, ни другая фраза, вовсе не имѣли въ виду предрѣшить въ томъ или другомъ смыслѣ вопросъ объ источникѣ судебной власти. Руссо не устанавливалъ принципа, онъ только констатировалъ историческій фактъ. Монтескье же высказывалъ положеніе, долженствовавшее въ его глазахъ служить опорою для ученія о несмѣняемости судей и необходимости въ этихъ интересахъ удержать начало продажи должностей. Но «Духъ Законовъ» и «Обще-

ственный договоръ» постепенно сдѣлались для членовъ учредительнаго собранія какимъ-то подобіемъ Корана и Суннъ, изъ которыхъ мусульманскіе юристы различныхъ школъ выводятъ нерѣдко прямо противоположныя другъ другу рѣшенія. Замѣчательно, что во всей аргументаціи «за» и «противъ» народнаго избранія примѣръ Англіи и опытъ Америки игралъ далеко не первенствующую роль. Мало этого, сторонники и противники королевскаго назначенія нисколько не задавались также вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ антогонизмъ интересовъ и порожденная имъ вражда классовъ могутъ вліять на пристрастный выборъ судей и обратить правосудіе въ орудіе легальнаго угнетенія меньшинства большинствомъ. Споръ не выходилъ изъ предѣловъ политической метафизики, и побѣда оставалась за тѣмъ, чьи доводы складывались въ болѣе строгую логическую систему. Остается только изумляться, какимъ образомъ въ эту апріорно построенную схему вдвинутъ былъ исторически сложившійся институтъ присяжныхъ. Правда, отъ этого учрежденія сохранены были лишь немногія, давно воспринятыя теоріей черты.

Вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ Англіи, одинаково органами обвиненія и суда, и не только въ дѣлахъ уголовныхъ, но и гражданскихъ; вмѣсто того, чтобы высказывать свое сужденіе одинаково о фактѣ и правѣ въ освященной обычаемъ формулѣ «виновенъ или невиненъ»: французскіе присяжные призваны были подавать свое мнѣніе только по вопросу о совершеніи или несовершеніи преступникомъ тѣхъ или другихъ дѣйствій; уголовная же ихъ квалификація, подведеніе подъ законъ оставлены были всецѣло въ рукахъ ученыхъ судей, опять таки съ цѣлью удовлетворить требованію теоріи, говорившей, что общественное довѣріе будетъ достигнуто подъ условіемъ предоставленія разнымъ лицамъ права опредѣлять фактическій составъ преступленія и права давать ему юридическую квалификацію. Болѣе внимательное отношеніе къ историческому опыту, болѣе глубокое знакомство съ практикойсу да присяжныхъ, одинаково въ Англіи и Америкѣ, несомнѣнно открыло бы глаза на то, что возможно большая свобода присяжныхъ, въ постановкѣ приговора является существеннѣйшей гарантіей правосудія. Формула, въ которой англійское жюри высказываетъ свой приговоръ о ви-

новности, даетъ присяжнымъ возможность взвѣсить всѣ обстоятельства даннаго случая, все, что увеличиваетъ, уменьшаетъ и даже совершенно упраздняетъ отвѣтственность подсудимаго, даже при совершеніи имъ преступнаго дѣйствія. Иное дѣло, когда присяжнымъ приходится высказываться лишь о фактической сторонѣ дѣла и судьямъ представлено опредѣленіе наказанія.

Summum jus — summa injuria. Сознаніе этой истины, убѣжденіе, что въ данныхъ условіяхъ преступное по природѣ дѣйствіе перестаетъ быть таковымъ и что въ ихъ рукахъ нѣтъ другой возможности воспротивиться явной несправедливости, какъ отрицая самый фактъ преступленія, ставитъ присяжныхъ въ необходимость сознательной лжи, сознательнаго оскорбленія нашего нравственнаго чувства, которое не можетъ помириться съ мыслью, что органы общественной совѣсти въ интересахъ высшей справедливости призваны сказать неправду [1]. Такое искаженіе англійскаго института присяжныхъ было бы необъяснимо, если бы дѣятели учредительнаго собранія не подчинились и на этотъ разъ своему всегдашнему влеченію отдавать предпочтеніе теоретическимъ выкладкамъ надъ указаніями опыта; если бы они не видѣли своей задачи въ созданіи «совершеннѣйшихъ учрежденій, годныхъ для всѣхъ временъ и народовъ» и проникнуты были сознаніемъ той великой истины, которую французская поговорка передаетъ словами «le bien est l'enemi du mieux». Безпочвенность, частью добровольное, частью вынужденное пренебреженіе исторической традиціей, не помѣшали, однако, дѣятелямъ 89 года провести въ судебную реформу нѣсколько принциповъ, далеко опередившихъ собою, если не идеи, то учрежденія современныхъ имъ народовъ, и сдѣлавшихся впослѣдствіи предметомъ заимствованія для всѣхъ европейскихъ кодексовъ. Къ числу ихъ надо отнести не только упраздненіе продажи должностей, но и провозглашеніе той истины, что правосудіе есть долгъ государства по отношенію къ гражданамъ и по этой причинѣ безвозмездно; что оно должно

---

[1]) Сравни Henry Sidgwick. The Elements of Politics (London 1881. стр. 470).

быть обставлено гарантіями гласности и публичности, что подсудимому предоставляются всѣ средства къ защитѣ, что равенство наказаній—необходимое послѣдствіе гражданскаго равенства, что конфискація имуществъ, какъ падающая на ни въ чемъ неповинное потомство преступника, должна быть исключена изъ системы наказаній и т. п. Но всѣ эти рѣшенія, произведшія цѣлый переворотъ въ порядкахъ какъ процессуальныхъ, такъ и уголовныхъ, не носятъ въ себѣ характера конституціонныхъ законовъ. Ихъ ближайшее изученіе выходитъ такимъ образомъ за предѣлы нашей задачи. Мы остановимся поэтому только на той сторонѣ дебатовъ, поводъ къ которымъ дала отмѣна стариннаго порядка судебнаго устройства и установленіе новаго.

Впервые судебная реформа задѣта была еще въ моментъ обсужденія текста деклараціи правъ и первымъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о продажѣ должностей. Изъ самаго хода преній видно, что упраздненіе ея казалось депутатамъ необходимымъ шагомъ къ достиженію того идеала даровой юстиціи, къ какому направлены были всѣ ихъ усилія. Относясь къ своей должности, какъ къ собственности, пріобрѣтенной дорогою цѣною, судьи, очевидно, стремились къ постоянному увеличенію доставляемыхъ ею доходовъ. А это, разумѣется, отражалось на непомѣрномъ возрастаніи издержекъ тяжущихся. Въ свою очередь правительство видѣло въ продажѣ судебныхъ мѣстъ возможность пополненія государственной казны и постоянно прибѣгало къ созданію второстепенныхъ органовъ юстиціи, что въ свою очередь падало новымъ бременемъ на тяжущихся. Нерѣдко, правда, установленіе новыхъ должностей являлось только угрозой для тѣхъ, кто исполнялъ уже однохарактерныя функціи. Предвидя сокращеніе своихъ доходовъ, судьи и судебные пристава предлагали правительству извѣстную сумму выкупа, отвѣчавшаго размѣру ожидаемыхъ казною выгодъ. Очевидно, однако, что эти непредвидѣнные добавочные расходы, вызванные заботой о поддержаніи своей чиновничьей монополіи, возмѣщаемы были съ избыткомъ на тяжущихся и увеличивали дороговизну процессовъ. Продажа должностей ложилась тѣмъ большимъ бременемъ на стороны, что распространена была и

на судей, и на приставовъ, и на стряпчихъ, и на адвокатовъ. Мирабо всѣхъ ихъ одинаково называетъ «пьявками народа» и думаетъ, что отмѣна привилегированной адвокатуры является такимъ же средствомъ къ установленію безплатности юстиціи, какъ и совершенное упраздненіе второстепенныхъ органовъ правосудія: прокуроровъ, приставовъ и сержантовъ. «Я требую, говоритъ онъ, чтобы каждому дозволено было быть защитникомъ въ собственномъ дѣлѣ; вносимыя сторонами иски не должны проходить черезъ руки жадныхъ агентовъ; я требую, чтобы тяжущіеся могли обойтись безъ приставовъ и стряпчихъ».

Поддерживая предложеніе Мирабо, Тарже въ то же время настаивалъ на необходимости выкупной операціи и возмѣщенія судебному персоналу имущественныхъ затратъ, сдѣланныхъ на пріобрѣтеніе должностей.

Д'Андре, заявляя, что члены высшихъ судовъ охотно поступятся своими доходами безвозмездно, высказывалъ сомнѣніе, чтобы это было возможно въ равной степени для судей низшихъ инстанцій. Его рѣчь прервана многими депутатами средняго сословія, принадлежащими къ персоналу этихъ судовъ. Они громко заявляютъ о готовности принесть эту жертву на алтарь отечества. Д'Андре продолжаетъ настаивать, однако, что присутствующіе въ составѣ собранія не могутъ связать въ этомъ отношеніи совѣсти отсутствующихъ и что выкупъ—нравственная обязанность правительства. Герцогъ Ларошъ Фуко требуетъ отъ депутатовъ трехъ заявленій: 1) продажа должностей отмѣняется подъ условіемъ выкупа; 2) правосудіе впредь будетъ отправляться безвозмездно и судьямъ положено постоянное жалованіе, наконецъ, 3) судьи должны быть избираемы, каждый въ предѣлахъ своего округа, всѣми тѣми, кто подвѣдомственъ ихъ юстиціи. Собраніе вотируетъ пока лишь отмѣну продажи должностей и принципъ безплатности юстиціи. Вопросъ о порядкѣ замѣщенія судебныхъ должностей только поставленъ, но самый фактъ, что предложеніе объ избраніи вышло изъ рядовъ умѣренной партіи, изъ среды приверженцевъ Лафайета и сторонниковъ американскихъ порядковъ даетъ возможность предсказать уже въ это время (т. е. въ началѣ августа 89 года),

въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшенъ важнѣйшій для конституціи вопросъ о порядкѣ замѣщенія магистратуры.

Всѣ основы судебной реформы установлены были членами перваго назначеннаго собраніемъ конституціоннаго комитета, въ составъ котораго, какъ я уже сказалъ, входили сторонники англійской конституціи, люди умѣренные: Мунье, Лалли, Бергассъ; но это обстоятельство не помѣшало тому, что, не въ примѣръ Англіи, проектъ комитета остановился на принципѣ народнаго избранія судей въ соотвѣтствіи съ порядками многихъ, далеко впрочемъ не всѣхъ, американскихъ штатовъ, всего же болѣе въ угоду проводимому съ логической строгостью принципу раздѣленія властей.

«Отчетъ конституціоннаго комитета объ организаціи судебной власти» вышелъ всецѣло изъ рукъ депутата Бергасса. Своей извѣстностью Бергассъ обязанъ былъ участію въ процессѣ Корнманъ и произнесенію надѣлавшей много шума обвинительной рѣчи противъ Бомарше, автора «Севильскаго цирульника» и «Женитьбы Фигаро». Это дало Бергассу поводъ серьезно ознакомиться со всѣми недостатками французскаго судоустройства и процесса. Въ своемъ словѣ, произнесенномъ въ апрѣлѣ 89 года, Бергассъ, расширяя тему дебатовъ, подвергнулъ критикѣ всю существующую систему французской юстиціи. Онъ говорилъ и противъ пренебреженія къ законамъ, и противъ произвольнаго вмѣшательства министровъ въ ходъ правосудія, и противъ искаженія французскихъ нравовъ всюду проникшей продажностью и произволомъ. Эта рѣчь обнаружила въ немъ широту взглядовъ и обстоятельное знакомство съ англійской практикой. Она указала на него, какъ на человѣка, способнаго помочь собранію въ затѣваемой имъ судебной реформѣ. Неудивительно поэтому, если на Бергасса выпало, по опредѣленію конституціоннаго комитета, составленіе проекта будущаго устройства юстиціи. Докладъ, сдѣланный имъ по этому предмету, оправдалъ всѣ ожиданія. Его можно признать самымъ систематическимъ изложеніемъ тѣхъ принциповъ, въ силу которыхъ произведена была «революція въ судахъ». Хотя Бергассу и не суждено было сдѣлаться авторомъ вотированныхъ собраніемъ декретовъ, хотя рѣшительная оппозиція его тому направленію,

какое, начиная съ октября 1789 года, приняли дебаты, и повела къ сложенію имъ депутатскихъ полномочій и добровольному удаленію, заодно съ Мунье и Лалли, отъ главной арены дѣйствій, но новому конституціонному комитету и его докладчику Турэ не пришлось сдѣлать существенныхъ перемѣнъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ основныхъ положеніяхъ, на которыхъ была построена задуманная Бергассомъ реформа. Вотъ каковы были эти положенія: Судебное устройство должно отвѣчать той цѣли, какую ставитъ себѣ новая конституція Франціи, а эта цѣль—упроченіе свободы. Свобода можетъ быть политической и гражданской. Первая есть участіе въ народномъ самодержавіи лично или черезъ представителей; вторая—право дѣлать все, что не запрещено закономъ. Если первая требуетъ, чтобы законы были выраженіемъ общей воли, то вторая нуждается въ правильной защитѣ судами личности и собственности. Но гражданская свобода тѣсно связана съ политической; что представляетъ опасность для одной, вредитъ также и другой. Личность и собственность, разсуждаетъ Бергассъ, не имѣютъ иной защиты, кромѣ закона. Если политическая свобода будетъ нарушена и законъ перестанетъ быть выраженіемъ общей воли, защита гражданской свободы сдѣлается недостаточной. Отсюда то послѣдствіе, что организація судебной власти должна быть такова, чтобы не подвергать опасности ни гражданскую, ни политическую свободу. Но этого, думаетъ Бергассъ, можно достигнуть только при слѣдующихъ условіяхъ: «необходимо, чтобы суды лишены были всякаго воздѣйствія на политическій строй государства, не имѣли никакого вліянія на составленіе и сохраненіе законовъ. Нужно, съ другой стороны, чтобы они располагали силою, необходимою для защиты и содѣйствія всѣмъ частнымъ лицамъ и интересамъ».

Первая половина приведенной сентенціи направлена была противъ верховныхъ судовъ и присвоеннаго имъ «права ремонстраціи и регистраціи». Вторая опредѣляла тѣ границы, далѣе которыхъ не должна простираться дѣятельность суда. Указывая на защиту имъ однихъ гражданскихъ интересовъ, она устраняла всякое вмѣшательство его въ администрацію, относя такое вмѣшательство къ числу «угнетеній», которыми судебная власть можетъ грозить прочимъ властямъ.

Изъ обоихъ положеній Бергассъ сдѣлалъ слѣдующіе логическіе выводы. Судебная власть въ интересахъ независимости отъ другихъ властей не должна имѣть иного источника, кромѣ народа. Чтобы достигнуть равновѣсія, необходимо устранить судей отъ всякаго участія въ законодательствѣ. Каждой власти свойственно стремленіе къ расширенію своихъ функцій, къ захвату непринадлежащихъ ей правъ. Въ виду этого надо воспрепятствовать излишней численности магистратуры и образованію изъ ея членовъ могущественныхъ палатъ (подобныхъ существующимъ парламентамъ). Онѣ желательны были, разсуждаетъ Бергассъ, до тѣхъ поръ, пока во Франціи господствовалъ деспотизмъ, такъ какъ могущество этихъ палатъ могло умѣрить отчасти произволъ министровъ. Но въ настоящее время ихъ сохраненіе равносильно удержанію опаснѣйшей изъ всѣхъ аристократій. Чтобы судебная власть не имѣла больше силы, чѣмъ нужно для защиты гражданскихъ интересовъ, необходимо, чтобы число судей не было особенно значительнымъ, а также, чтобы должность не была собственностью отправляющаго ее; наконецъ, замѣщеніе себя другимъ должно быть запрещено судьямъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ установлена была бы зависимость, помимо той, которая должна существовать между судьей и народомъ. Устройство магистратуры несовершенно, если народъ лишенъ того или другаго участія въ выборѣ судей. Бергассъ считается съ мнѣніемъ тѣхъ, кто, подобно Монтескье, стоитъ за назначеніе судей королемъ. «Желательно, разумѣется, говоритъ онъ, чтобы въ интересахъ единства исполнительной власти назначеніе судей принадлежало королю; но признавая за нимъ это право, надо обставить осуществленіе его такими условіями, которыя препятствовали бы назначенію судьями лицъ, не располагающихъ народнымъ довѣріемъ. Бергассъ высказывается поэтому въ пользу смѣшанной системы въ замѣщеніи судебныхъ должностей.

Провинціальныя собранія предлагаютъ королю трехъ кандидатовъ на открывшуюся вакансію, король же назначаетъ одного изъ нихъ по собственному выбору.

Судебная власть организована несовершенно, говоритъ далѣе Бергассъ, если развѣтвленія ея не покрываютъ собою, какъ

сѣтью, всѣхъ частей государства. Вездѣсущей должна быть юстиція для того, чтобы быть доступной одинаково всѣмъ гражданамъ. Необходимо поэтому такое распредѣленіе судовъ, чтобы избавить частныхъ лицъ отъ перемѣщенія на далекое разстояніе; иначе гражданинъ готовъ будетъ поступиться своимъ правомъ, лишь бы избѣжать затратъ, связанныхъ съ обращеніемъ къ правосудію. Въ тѣхъ же интересахъ необходимо, чтобы юстиція была даровой; отправленіе ея есть долгъ государства передъ обществомъ. «Безсмысленно требовать вознагражденія за то, что является выполненіемъ обязанности; пока судъ не сдѣлается даровымъ, неимущій не въ состояніи будетъ прибѣгнуть къ нему; задача же государственныхъ учрежденій—обезпечить возможность равной борьбы неимущаго съ имущимъ. Частное вознагражденіе судей представляетъ еще то неудобство, что можетъ вызвать стяжательство, а поэтому и несправедливость того, кто постановляетъ вердиктъ. Скупой судья, утверждаетъ Бергассъ, всегда рабъ того, кто платитъ, и тиранъ по отношенію къ тому, кто не можетъ платить». Для противодѣйствія стороннимъ вліяніямъ, какимъ нерѣдко подчиняется дѣятельность судей, желательно поставить ихъ подъ контроль общественнаго мнѣнія, а лучшимъ средствомъ къ этому надо считать гласность юстиціи. Чѣмъ больше признанная за судьею власть, тѣмъ важнѣе, чтобы рядомъ съ нею существовала другая, равносильная ей. Общественное мнѣніе—сильнѣйшая и неподкупнѣйшая изъ всѣхъ властей. Но судьямъ его приговоры останутся неизвѣстными, разъ дѣла будутъ разбираться втайнѣ.

Противорѣчитъ также свободѣ, думаетъ Бергассъ, надѣленіе судей правомъ расширительнаго толкованія законовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ гражданинъ поставленъ въ необходимость подчиниться чему-то отличному отъ той общей воли, какой является законъ.

Переходя затѣмъ къ изложенію принциповъ, на которыхъ должно опираться уголовное правосудіе, Бергассъ требуетъ, чтобы слѣдствіе и разбирательство окружены были процессуальными формами, способными внушить довѣріе подсудимому въ готовности судей признать его невинность; довѣріе, говоритъ онъ, возникнетъ, разъ законъ дастъ подсудимому право предпринять

такое же число дѣйствій въ свою защиту, сколько предпринято будетъ ихъ въ его обвиненіе. Отсюда то заключеніе, что свидѣтелямъ, предъявленнымъ обвиненіемъ, подсудимый въ правѣ противоставить свидѣтелей оправданія. Довѣріе возникнетъ, разъ обвиняемому дозволено будетъ въ интересахъ защиты выйти за границы обсужденія даннаго случая, призывая всю свою предшествующую жизнь въ свидѣтельницы добраго поведенія,—порядокъ, примѣръ котораго Бергассъ находитъ въ Англіи. Оно установится и въ томъ случаѣ, если судьей, постановляющимъ приговоръ, будетъ не то лицо, которое высказалось въ пользу отдачи подъ судъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, самолюбіе могло бы заставить его поддерживать обвиненіе, несмотря на недостаточность уликъ.

Для довѣрія необходимо также, чтобы судьями права и факта были разныя лица, и фактическій составъ преступленія установленъ былъ взятыми изъ народа присяжными. Въ тѣхъ же интересахъ Бергассъ считаетъ нужнымъ предоставить подсудимому право немотивированнаго отвода части присяжныхъ и сверхъ того, устраненія тѣхъ или другихъ лицъ изъ оставшагося числа ихъ, каждый разъ съ объясненіемъ причинъ

Все сказанное Бергассомъ на счетъ процессуальныхъ гарантій обвиняемаго на слѣдствіи и судѣ имѣетъ въ настоящее время силу юридическихъ труизмовъ и воспринято въ большей или меньшей степени всѣми кодексами уголовнаго судопроизводства. Прочность затѣянныхъ въ этомъ отношеніи реформъ объясняется тѣмъ, что онѣ были подсказаны вѣковымъ опытомъ англійскихъ и американскихъ судовъ. Самъ Бергассъ признаетъ это, говоря: «легко убѣдиться, что любое изъ предложенныхъ нами средствъ издавна примѣняется въ Англіи и Америкѣ. Процессуальные порядки, нѣкогда общіе намъ съ этими странами, одни проникнуты характеромъ человѣчности, одни примиримы со свободой. Лучшее, что мы можемъ сдѣлать,—это усвоить ихъ возможно скорѣе, въ томъ числѣ и превосходный институтъ присяжныхъ, которыхъ всѣ, кто привыкъ размышлять о вопросахъ законодательства, о политикѣ и нравственности, въ одно слово признаютъ въ высшей степени желательными». Бергассъ не ошибается, говоря о единогласіи французовъ въ этомъ

вопросѣ. Даже систематическій противникъ революціи, ближайшій совѣтникъ эмигрировавшихъ принцевъ, Калоннъ находитъ, что въ созданіяхъ національнаго собранія единственнымъ прочнымъ и благотворнымъ было установленіе присяжныхъ [1]). Общественное мнѣніе издавна приготовлено было къ принятію этой реформы, благодаря краснорѣчивой защитѣ суда присяжныхъ авторомъ «Духа законовъ» и его итальянскимъ послѣдователемъ Бекаріей. Вольтеръ, по поводу процесса Калласа, также имѣлъ случай указать на преимущества этого англійскаго института. Многіе наказы прямо высказывались въ пользу его принятія. Бергассу оставалось поэтому только дать удовлетвореніе этой давно сознанной потребности и пріурочить иностранное по своему источнику учрежденіе къ особенностямъ французскаго законодательства и требованіямъ политической теоріи. Мы сейчасъ увидимъ, какъ выполнена была имъ эта задача.

Особое мѣсто въ своихъ разсужденіяхъ объ основныхъ принципахъ судебной реформы Бергассъ отводитъ тому положенію, какое должны занять въ новомъ конституціонномъ устройствѣ Франціи полиція и судъ полицейскій. Задачи полиціи онъ сводитъ къ предупрежденію преступленій. Неправильное же устройство ея онъ считаетъ столь опаснымъ, что приписываетъ ему возможность извращенія всѣхъ нравственныхъ понятій гражданъ. «Нашей полиціи, пишетъ онъ, такъ незаслуженно прославляемой, обязаны мы многими печальными особенностями нашего характера». Ея щепетильной предусмотрительности, ея тиранической организаціи, ея недовѣрчивой ретивости, ея способности сѣять подозрѣнія и страхъ въ сердцахъ, поддерживать ужасъ тайною наказаній и мести, надо приписать потерю старинной французской доблести, постыдную выносливость рабства, замѣну общественнаго духа интригами, а также тотъ мрачный разгулъ низкихъ страстей, какой встрѣчается всюду, гдѣ не существуетъ свободы. Возможное сокращеніе дѣятельности полиціи, отдѣленіе ея отъ суда и уменьшеніе срока полицейской службы—таковы средства, которыми Бергассъ надѣется предупредить повтореніе въ будущемъ тѣхъ злоупотребленій, какими ознаменовала себя

---

1) Calonne, „De l'état de la France présent et à venir“ (окт. 1790 года).

полиція стараго порядка. Что касается до полицейскаго суда, до разбирательства тѣхъ правонарушеній и проступковъ, поводъ къ которымъ даетъ несоблюденіе полицейскихъ регламентовъ, то, по мнѣнію Бергасса, оно должно быть ввѣрено непосредственно избираемымъ народомъ судьямъ. Назначеніе ихъ королемъ кажется ему еще болѣе нежелательнымъ, чѣмъ назначеніе обыкновенныхъ судей. Особенность полицейскаго суда лежитъ въ томъ, что въ своей дѣятельности онъ руководствуется не только законами, но и соображеніями цѣлесообразности и административнымъ опытомъ. Его юрисдикція произвольнѣе юрисдикціи другихъ судей, а отсюда — необходимость, чтобы органы его внушали народу особое довѣріе, средствомъ къ чему является ихъ избраніе.

Въ число общихъ гарантій правосудія Бергассъ включаетъ отвѣтственность судей. Эта отвѣтственность должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы сдѣлать возможнымъ одновременное сохраніе другаго принципа—ихъ несмѣняемости. Обязанные своимъ назначеніемъ совокупному участію короля и народа, французскіе судьи, подобно англійскимъ, сохраняютъ свою должность до тѣхъ поръ, пока продолжается ихъ доброе поведеніе (during good behaviour). Это значитъ, что для смѣны ихъ необходимъ приговоръ поставленнаго надъ ними дисциплинарнаго трибунала. Въ отличіе отъ англійской практики Бергассъ предлагаетъ, однако, назначить срокъ, по истеченіи котораго судьи не могли бы продолжать своей профессіи иначе, какъ въ силу новаго утвержденія. Это помѣшало бы удержанію на судебныхъ мѣстахъ лицъ, которымъ старческій возрастъ, болѣзнь или другія причины препятствуютъ правильно отправлять свою должность. Бергассъ заканчивалъ свои разсужденія проектомъ организаціи судебной власти. Въ немъ мы отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя особенности. Отдѣленіе суда отъ законодательства проведено въ требованіи, чтобы ни одинъ изъ членовъ судебнаго персонала не состоялъ одновременно членомъ законодательнаго собранія (титулъ первый, статья вторая). Въ тѣхъ же видахъ статья девятая того же титула постановляла, что за судьею не будетъ признано права толкованія законовъ. Каждый разъ, когда возникнетъ сомнѣніе въ его интерпретаціи, судья

дѣлаетъ обращеніе къ законодательному корпусу, который удовлетворяетъ его запросъ изданіемъ болѣе опредѣленнаго закона.

Продажа должностей отмѣняется статьею, говорящею, что никакая должность не будетъ создана впредь для того, чтобы сдѣлаться предметомъ продажи (статья четвертая титула перваго). Вмѣстѣ съ нею падаетъ и вотчинная юстиція. «Отправленіе правосудія есть публичная функція и не можетъ поэтому сдѣлаться собственностью частнаго лица» (статья шестая). Судьи получаютъ опредѣленное жалованье изъ государственныхъ средствъ, а это дѣлаетъ возможнымъ провозглашеніе безплатности юстиціи (статья седьмая). Гарантіей безпристрастія судей и соблюденія ими законовъ является гласность слѣдствія и суда и отвѣтственность магистратуры (статья десятая). Близость трибунала ко всѣмъ нуждающимся въ его защитѣ достигается установленіемъ въ каждомъ высшемъ административномъ округѣ суда второй инстанціи, а въ любомъ низшемъ—первой. Сверхъ того, въ каждомъ мѣстечкѣ и сельскомъ приходѣ будутъ дѣйствовать мировые судьи, а въ торговыхъ и приморскихъ центрахъ—суды коммерческіе и адмиралтейскіе (титулъ 2, статьи I—V). Переносъ дѣлъ въ руки чрезвычайныхъ коммиссій и нарушеніе тѣмъ принципа подвѣдомственности каждаго его естественнымъ судьямъ сдѣланъ невозможнымъ отмѣной всякихъ «исключительныхъ трибуналовъ». Отнынѣ должны существовать всего двѣ инстанціи: низшая и высшая. Послѣдняя судитъ только по апеляціямъ на приговоры какъ окружного суда, такъ и мироваго (статья VII титула 2). Дешевизна процессовъ достигается правиломъ, дозволяющимъ каждому быть собственнымъ адвокатомъ, а также устройствомъ при судахъ первой и второй инстанціи благотворительныхъ бюро, составленныхъ изъ юрисконсультовъ и заслуживающихъ довѣрія гражданъ для подачи даровыхъ совѣтовъ тяжущимся.

Адвокатская защита неимущихъ поручается по очереди состоящимъ при судахъ королевскимъ адвокатамъ (титулъ 2, статьи VIII, X, XI). Титулъ третій посвященъ всецѣло устройству уголовной юстиціи. Свобода отъ произвольныхъ арестовъ гарантирована, какъ и въ Англіи, требованіемъ немедленнаго представленія мировому судьѣ всякаго обвиняемаго въ преступленіи или задержаннаго на мѣстѣ преступника. Мировой судья въ со-

обществѣ четырехъ нотаблей обязанъ разсмотрѣть доводы за и противъ арестованнаго, отпустить его на свободу или отправить въ домъ предварительнаго заключенія. Замѣна личнаго ареста залогомъ допускается во всѣхъ дѣлахъ, по которымъ не предвидится возможности уголовной кары. Предварительное слѣдствіе поручается по очереди двумъ судьямъ, принадлежащимъ къ составу трибунала второй инстанціи. Участіе присяжныхъ въ процессѣ выражено статьей VII въ слѣдующей формѣ: «никто изъ обвиняемыхъ не будетъ признанъ виновнымъ иначе, какъ по приговору равныхъ ему лицъ (de ses pairs); судья не можетъ примѣнить къ нему закона и постановить наказанія раньше, какъ послѣ признанія его виновности этими равными ему лицами. Полицейскій судъ вручается въ кантонѣ мировымъ судьямъ и избраннымъ изъ среды мѣстныхъ жителей нотаблямъ, исполняющимъ при мировомъ судѣ обязанности ассессоровъ» (титулъ 4, статья VI).

Послѣдній титулъ посвященъ вопросу объ избраніи и назначеніи судей. Права короля въ этомъ отношеніи ограничиваются выборомъ одного изъ трехъ представленныхъ ему кандидатовъ. Избраніе же послѣднихъ поручается въ каждомъ высшемъ административномъ округѣ имѣющемуся въ немъ представительному собранію. Мировые судьи, не въ примѣръ прочимъ, а равно и ихъ ассессора, назначаются непосредственно муниципальными собраніями. Члены торговыхъ судовъ выбираются негоціантами, купцами и капитанами кораблей тѣхъ городовъ, въ которыхъ будутъ учреждены эти судьи.

Таковъ въ общихъ чертахъ проектъ судебной реформы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ перваго конституціоннаго комитета [1]). Его ближайшему составителю Бергассу пришлось, какъ мы сказали, передать въ другія руки дѣло выполненія намѣченной имъ реформы. Второй конституціонный комитетъ возложилъ на Турэ заботу о выполненіи по частямъ той программы, честь составленія которой всецѣло принадлежитъ Бергассу. Много оригинальнаго нельзя найти въ проектѣ Турэ. Представленный имъ перечень безпорядковъ и несовер-

[1]) Смотри Arch. Parl., томъ VIII, стр. 440—450 (1-ая серія).

шенствъ, какія заключаетъ въ себѣ существующая система судебнаго устройства, воспроизводитъ собою въ общихъ и главныхъ чертахъ тѣ обвиненія, какія были представлены противъ него Бергассомъ. Вотчинный характеръ низшей юстиціи, дороговизна процессовъ, присвоеніе судьямъ нѣкоторыхъ функцій законодательной власти, существованіе наряду съ обыкновенными особыхъ привилегированныхъ инстанцій,—таковы тѣ упреки, которые Турэ дѣлаетъ французской юстиціи съ ея системой верховныхъ судовъ или парламентовъ, ограничивающихъ власть законодателя отказомъ въ регистраціи, съ ея государственнымъ совѣтомъ, разбирающимъ обыкновенный процессъ въ силу эвокаціи или предписаннаго королемъ переноса дѣлъ изъ вѣдѣнія судебныхъ инстанцій на рѣшеніе этого административнаго трибунала и съ ея іерархіей низшихъ судовъ, въ которыхъ юстиція не всегда отдѣлена отъ землевладѣнія и нерѣдко смѣшивается съ управленіемъ въ лицѣ такихъ административныхъ судей, какъ элю (élus) [1]), и интенданты [2]). Подобно Бергассу, Турэ не видитъ возможности ограничиться одной реформой существующихъ порядковъ и высказывается въ пользу ихъ отмѣны. Его проектъ тѣмъ существенно отличается отъ предыдущаго, что провозглашаетъ начало непосредственнаго избранія судей народомъ. Сверхъ предложенныхъ инстанцій, Турэ стоитъ за установленіе какъ верховнаго національнаго суда, подъ наименованіемъ Haute cour Nationale, такъ и суда ревизіоннаго. Первому долженъ быть предоставленъ судъ надъ министрами, дѣла государственной измѣны (crimes de lèze majesté et de lèze nation); случаи неповиновенія департаментскихъ и муниципальныхъ собраній волѣ законодательнаго корпуса, а также случаи нарушенія начальниками національной гвардіи приказовъ, данныхъ имъ муниципалитетами, наконецъ «неподчиненіе высшихъ судебныхъ

[1]) Элю занимались рѣшеніемъ споровъ, поводъ къ которымъ давало прямое обложеніе. Аппеляціи на ихъ приговоры поступали въ cours des aides (Смотри мою Исторію юрисдикціи налоговъ въ Франціи. Москва. Мамонтовъ, 1876 годъ).

[2]) Интенданты постепенно сдѣлались первой инстанціей для всѣхъ споровъ административно-судебнаго характера. Аппеляція на ихъ приговоры поступала въ Государственный Совѣтъ (Ibid.).

инстанцій регулирующимъ ихъ власть постановленіямъ конституціи, какъ-то: произвольное прекращеніе ими своихъ функцій, отказъ въ исполненіи законовъ, посягательство на права законодательной и исполнительной власти». Эта палата должна быть составлена, подобно обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ, изъ судей и присяжныхъ. Первые въ числѣ пяти человѣкъ назначаются законодательнымъ корпусомъ, вторые избираются, по одному отъ департамента, одновременно съ производствомъ выборовъ въ депутаты.

Что касается до ревизіоннаго суда, то это не болѣе, какъ зародышъ будущаго суда кассаціоннаго. Въ составъ его входитъ 36 человѣкъ, по выбору трибуналовъ второй инстанціи. Составленному такимъ образомъ судилищу предоставлено будетъ право кассировать приговоры судей первой и второй инстанціи, постановлять рѣшенія о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ, разбирать вопросы о подсудности между низшими и высшими органами, постановка приговоровъ по частнымъ жалобамъ на членовъ магистратуры и прокурорскаго надзора, наконецъ докладъ королю поступившихъ на его имя прошеній о помилованьѣ [1]).

Проектъ Турэ представлялъ также ту особенность, что вводилъ два вида посредничества—судъ семейный и судъ мировой. Тяжбы не могли поступать на спорное разбирательство, не прошедши предварительно черезъ посредническое; въ городѣ, надѣленномъ окружнымъ судомъ, третейскимъ разбирателемъ должно быть благотворительное бюро, составленное по образцу того, какое мы встрѣчаемъ въ проектѣ Бергасса. Только въ томъ случаѣ, когда этому бюро не удастся примирить тяжущихся, дѣло поступаетъ въ судъ. Въ спорахъ между мужемъ, женой и родственниками, включая въ ихъ число дядей и племянниковъ, дѣдовъ и внуковъ, а также воспріемныхъ отцовъ и нареченныхъ сыновей, не только посредничество, но и судъ уголовный принадлежатъ семейному совѣту. Онъ въ правѣ подвергнуть виновнаго лишенію свободы срокомъ не болѣе года. Его приговоръ не приводится однако въ исполненіе раньше, какъ по утвержденіи судомъ первой инстанціи [2]).

[1]) Arch. parlementaires, I-ère série, томъ X, стр. 730, 731.
[2]) Ibid., стр. 729 и 738.

Къ числу специальныхъ судовъ Турэ относитъ еще суды административные. Разбирательство споровъ, поводъ къ которымъ даетъ нарушенiе чиновниками полицейскихъ законовъ и регламентовъ, подлежитъ вѣдѣнiю муниципальныхъ совѣтовъ. Юрисдикцiя налоговъ ввѣряется административному трибуналу; ихъ по одному въ каждомъ департаментѣ. Трибуналъ составленъ изъ пяти человѣкъ по выбору тѣхъ самыхъ избирателей, которымъ принадлежитъ назначенiе на всѣ административныя должности въ предѣлахъ департамента. Этому же суду подвѣдомственны и столкновенiя частныхъ лицъ съ администрацiей, поводъ къ которымъ даетъ примѣненiе закона объ экспропрiацiи и толкованiе договоровъ, заключенныхъ администрацiей съ подрядчиками. Такимъ образомъ, вновь создаваемые административныя инстанцiи далеко не сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣхъ тѣхъ функцiй «спорной юрисдикцiи» (jurisdiction contentieuse), какiя во Францiи стараго порядка распредѣлены были между «элю», судами казначейства (trésoriers), интендантами, низшими инстанцiями «по управленiю лѣсами и водами» (tables de marbre) и верховными палатами: счетной, денежныхъ сборовъ, доменовъ, водъ и лѣсовъ, государственнымъ совѣтомъ, игравшими по отношенiю къ первымъ роль апеляцiонныхъ инстанцiй [1]).

Нѣкоторыя изъ функцiй прежнихъ административныхъ судовъ предположено было передать въ руки муниципальныхъ совѣтовъ, т.-е. чисто административныхъ органовъ, другiя—въ руки обыкновенныхъ судебныхъ инстанцiй. Нѣкоторыя стороны управленiя (къ числу ихъ надо отнести почти всю область полицiи безопасности) оставлены были безъ всякаго судебнаго контроля, точь-въ-точь какъ въ старой Францiи и не въ примѣръ Англiи, гдѣ четвертныя сессiи мировыхъ судей и вестминстерскiе суды издавна сосредоточивали въ своихъ рукахъ право разбирательства по жалобамъ на дѣятельность полицiи [2]).

Въ числѣ нововведенiй мы встрѣчаемъ въ проектѣ втораго конституцiоннаго комитета учрежденiе прокурорскаго надзора подъ названiемъ «ministère public». Члены его объявлены аген-

---

1) См. Rodolphe Dareste. De la justice administrative en France, часть I.

2) Смотри мою Исторiю полицейской администрацiи въ Англiи. Томъ I, главу о четвертныхъ сессiяхъ мировыхъ судей.

тами не судебной, а исполнительной власти, и ихъ обязанностью признано слѣдить за тѣмъ, чтобы судьи, при которыхъ они аккредитованы, соблюдали законы, охраняющіе общественное спокойствіе и порядокъ. Въ ихъ функціи входитъ также надзоръ за приведеніемъ въ исполненіе разъ постановленныхъ рѣшеній. Въ сферѣ гражданскаго права они удерживаютъ издавна принадлежавшее королевскимъ прокурорамъ назначеніе опекуновъ малолѣтнимъ и попечителей безумнымъ. Ихъ мнѣніе испрашивается каждый разъ передъ началомъ исковъ, вчинаемыхъ малолѣтними, замужними женщинами и лицами, гражданская правоспособность которыхъ ограничена. Попеченію ихъ ввѣряется также охраненіе правъ отсутствующихъ. Всѣ процессы, въ исходѣ которыхъ заинтересованы, на правахъ собственника, вся нація или отдѣльная община, не обходятся безъ ихъ вмѣшательства и совѣта. Что касается до уголовныхъ дѣлъ, имъ предоставлено право поддерживать на судѣ обвиненіе, сдѣланное какъ частными лицами, такъ и тѣми изъ членовъ суда, которые будутъ уполномочены на производство предварительнаго слѣдствія. Надзоръ за соблюденіемъ судьями процессуальныхъ формъ и за примѣненіемъ къ разбираемому случаю соотвѣтствующаго закона также принадлежитъ прокурорамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, затрогивающихъ общественный порядокъ, прокурорамъ поручается надзоръ за приведеніемъ приговора въ исполненіе. Прокуроры, аккредитованные при судахъ апеляціонныхъ, уполномочены слѣдить за поведеніемъ судей и публичныхъ обвинителей на протяженіи всего подвѣдомственнаго имъ района [1]).

§ 2.

Намъ интересно было бы, разумѣется, познакомиться съ порядкомъ обсужденія въ комитетѣ только что изложенной программы. Несомнѣнную важность представило бы для исторіи учредительнаго собранія непосредственное знакомство съ тѣми разнообразными мнѣніями, какія проекты Бергасса и Турэ должны

[1]) Смотри титулъ VII, томъ X, стр. 737.

были вызвать въ средѣ ихъ товарищей, но къ сожалѣнію протоколы комитетовъ конституанты доселѣ остаются неизданными. Волей-неволей мы должны ограничить нашу задачу изученіемъ однѣхъ лишь дальнѣйшихъ судебъ предпринятой реформы. Она сдѣлалась предметомъ обсужденія одинаково въ національномъ собраніи и въ политическихъ клубахъ. Цѣлый рядъ засѣданій, начиная съ 24 марта, посвященъ былъ вопросу объ устройствѣ судебной власти. Непосредственно задѣтые реформой члены высшихъ судовъ поспѣшили выставить противъ нея краснорѣчивыхъ защитниковъ. Талантливѣйшіе ораторы правой спѣшили преломить копья съ вожаками лѣвой, отстаивая то положеніе, что Франція нуждается въ одной только реформѣ существующей магистратуры. Въ свою очередь крайніе, находя проектъ Турэ недостаточно радикальнымъ, сочли нужнымъ выставить противъ него цѣлый рядъ возраженій, и засѣданія «якобинскаго клуба» не разъ заняты были горячими спорами по вопросу о томъ, какъ далеко должно простираться право народнаго избранія судей и членовъ прокурорскаго надзора, въ какой мѣрѣ институтъ присяжныхъ примѣнимъ въ области гражданскаго процесса и т. п. Знакомясь съ содержаніемъ этихъ дебатовъ, входишь непосредственно въ тотъ кругъ идей, изъ котораго вытекла современная судебная организація большинства народовъ Европы. Предложенія, прочитанныя наканунѣ въ засѣданіи клуба, вносились затѣмъ на обсужденіе собранія и дѣлались нерѣдко поводомъ къ изданію новыхъ декретовъ, всего же чаще къ измѣненію внесенныхъ комитетомъ проектовъ.

Нельзя не пожалѣть, что отъ бурныхъ сессій якобинскаго клуба дошли до насъ лишь тѣ подробности, какія переданы въ частныхъ брошюрахъ, заключающихъ въ себѣ всего чаще не первоначальный текстъ произнесенныхъ ораторами рѣчей, а позднѣйшую ихъ литературную обработку. Клубъ въ это время не издавалъ еще своего журнала, а веденные секретаремъ протоколы были уничтожены при Наполеонѣ. Но и того немногаго, что дошло до насъ отъ первыхъ мѣсяцевъ существованія клуба, достаточно для того, чтобы выяснить тѣ руководящіе принципы, какихъ онъ придерживался въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Перепечаткой старинныхъ брошюръ, иллюстрирующихъ его дѣятельность въ этотъ начальный періодъ, профессоръ Оларъ оказалъ существенную услугу всѣмъ историкамъ французской революціи, но недавнее появленіе его сборника—причина, по которой никто раньше насъ не воспользовался имъ для иллюстраціи тѣхъ крайнихъ теченій, какія сказывались еще въ 1790 году при проведеніи отдѣльныхъ статей конституціи и въ частности при устройствѣ судебной власти. А между тѣмъ только подъ условіемъ ихъ изученія возможно открыть уже въ это время зародышъ тѣхъ идей, торжество которымъ временно доставитъ конституція 1793 года, если не фактически, то на бумагѣ.

Первый вопросъ, поднятый собраніемъ при разсмотрѣніи проекта Турэ, состоялъ въ томъ, слѣдуетъ ли ограничить задачу собранія реформой существующей магистратуры, или заодно съ комитетомъ, высказаться въ пользу устройства суда на совершенно новыхъ основаніяхъ. Еще Бергассъ, предвидя, что главнымъ возраженіемъ противъ его плана будетъ предлагаемое упраздненіе парламентовъ и другихъ верховныхъ судовъ, считалъ нужнымъ убѣдить собраніе въ необходимости ихъ отмѣны. Отдавая должное славному прошлому этихъ еще недавно могущественныхъ противовѣсовъ самодержавія, онъ доказывалъ невозможность примирить ихъ дальнѣйшее удержаніе съ тѣми новыми требованіями, какія заявлены были въ декларацій правъ, и въ частности съ провозглашеннымъ ею началомъ раздѣленія властей. «Наша магистратура, говорилъ онъ, была организована какъ нельзя лучше для противодѣйствія деспотизму; но теперь, когда деспотизма болѣе не существуетъ, невозможно оставить въ ея рукахъ ту степень власти, какой она располагала, такъ какъ пользованіе ею могло бы сдѣлаться опаснымъ для свободы» [1]. Турэ предпринимаетъ почти однохарактерную защиту своего проекта, доказывая «необходимость радикальнаго измѣненія существующей системы судовъ». Конституція не только останется неполной, говоритъ онъ, но «несовершенной, противорѣчивой и поэтому лишенной серьезныхъ основъ, если всѣ части не будутъ согласованы между собой. Ничто однако не про-

[1]) Ibid., томъ VIII, стр. 449.

тиворѣчитъ въ большей степени ея принципамъ, какъ существующая система судовъ. Вы считаете несомнѣнной истиной, что всякій излишекъ власти, не вызываемый необходимостью, по этому самому опасенъ и зловреденъ, но этотъ излишекъ несомнѣнно находится въ рукахъ теперешней магистратуры». Другой конституціонный принципъ, тотъ, что всякая власть создана въ интересахъ тѣхъ, кто ей подвѣдомственъ, также не находитъ себѣ признанія въ современной организаціи, не отвѣчающей требованію общедоступности суда для тяжущихся, по своей близости и дешевизнѣ.

На каждомъ шагу выступаетъ явное противорѣчіе между декларацией правъ и тѣми началами, на которыхъ построена судебная организація. Декларація говоритъ, что источникомъ всякой власти является народъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ судей не назначается народомъ. Декларація признала, что публичныя должности открыты всѣмъ; но отвѣчаетъ ли этому существованіе той «noblesse de robe», того судебнаго дворянства, которое въ силу покупки должностей одно захватило въ свои руки отправленіе правосудія.

Возражая Турэ, Казалесъ настаивалъ на несправедливости и неразуміи всякой попытки ниспровергнуть учрежденія, имѣющія восьмисотлѣтнее существованіе. Развѣ парламенты не были свѣточами знанія, проводниками правосудія и примѣрами гражданской доблести? Развѣ они не были главными противниками тяготѣвшей нѣкогда надъ королевствомъ феодальной аристократіи? Развѣ забыли, что парламенту обязаны недавнимъ созывомъ генеральныхъ штатовъ. По истинѣ, благодарность — добродѣтель неизвѣстная націи.

Въ засѣданіи слышатся знаки неодобренія, но они не мѣшаютъ Казалесу продолжить развитіе своей мысли, настаивая на томъ, что парламенты заслужили признательность противодѣйствіемъ произволу. Ораторъ сомнѣвается также въ томъ, чтобы въ настоящую минуту возможенъ былъ выкупъ парламентскихъ должностей государствомъ, такъ какъ онъ потребовалъ бы немедленной затраты пяти милліоновъ. Заявленіе, что судебная власть должна зависѣть отъ исполнительной, что послѣдняя служитъ ей источникомъ и что король верховный судья

націи, вызываетъ дружный протестъ со стороны членовъ лѣвой. Казалесъ тѣмъ не менѣе заканчиваетъ свою рѣчь предложеніемъ голосовать предварительно вопросъ объ удержаніи или отмѣнѣ существующей судебной организаціи. Пріеръ де-ла-Марнъ, отвѣчая Казалесу, говоритъ, что общественное мнѣніе по этому вопросу совершенно опредѣлилось. Парламенты не могутъ быть сохранены въ виду несовершенства въ ихъ устройствѣ, въ виду лживости тѣхъ принциповъ, на которыхъ они построены, и антипатріотическихъ чувствъ, какія высказываются ихъ членами. «Не забывайте, прибавилъ онъ, повторяя мысль, Монтескье, что гражданская свобода существуетъ только у народовъ, имѣющихъ судъ присяжныхъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Но въ проектѣ конституціоннаго комитета говорится только объ уголовномъ жюри. Вы не можете поэтому голосовать предложенія, не выслушавши предварительно контръ-проектовъ».

Собраніе въ томъ жа засѣданіи высказывается утвердительно по предложенному ему Казалесомъ вопросу. «Судебная власть должна быть переустроена въ самыхъ ея основаніяхъ», постановляетъ оно [1]).

Въ числѣ контръ-проектовъ представленный Дюпоромъ является выраженіемъ взглядовъ радикальной партіи на основныя задачи судебной реформы. Въ пространной рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи 29 марта 1790 года и отпечатанной въ Монитерѣ, Дюпоръ [2]) развиваетъ тотъ взглядъ, что въ интересахъ правосудія въ каждомъ процессѣ, все равно гражданскомъ или уголовномъ, необходимо строго разграничить вопросъ права и факта; иначе можетъ случиться, что постановленный большинствомъ одного голоса приговоръ будетъ выраженіемъ мысли меньшинства. Дюпоръ придумываетъ различныя комбинаціи, въ которыхъ между судьями возникаетъ разнорѣчіе одинаково о наличности извѣстныхъ преступныхъ дѣйствій и объ ихъ юридической квалификаціи. Одни судьи согласны съ приговоромъ большинства, насколько приговоръ затрогиваетъ

---

[1]) Arch. Parl. Томъ XII, стр. 344–348.

[2]) Рѣчь Дюпора съ приложеніемъ его контръ-проекта обнимаетъ собою 62 столбца мелкаго шрифта. Arch. Parlim. XII, 408—440.

собою фактическую сторону дѣла, и въ то же время несогласны съ подведеніемъ судимаго случая подъ избранный большинствомъ законъ, другіе, наоборотъ, примыкаютъ ко второй половинѣ рѣшенія и несогласны съ первой. Очевидно, что при такихъ условіяхъ большинство одного голоса всегда является искусственнымъ и можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ компромисса, а не какъ выраженіе дѣйствительнаго убѣжденія.

Недостаточно, однако, думаетъ Дюпоръ, одного обособленія факта отъ права въ предлагаемыхъ судьямъ вопросахъ. Цѣли правосудія не будутъ достигнуты въ томъ случаѣ, если лица, принадлежащія къ одной и той же судебной профессіи, хотя и отличныя другъ отъ друга, будутъ разсматривать порознь тѣ двѣ стороны, фактическую и юридическую, какія необходимо встрѣчаются въ каждомъ процессѣ. Тотъ корпоративный духъ, то единство принциповъ, которое присуще членамъ юридической корпораціи, неизбѣжно отразится на характерѣ принимаемыхъ ими рѣшеній и вызоветъ искусственное единогласіе нерѣдко въ ущербъ судебной истинѣ. Другое дѣло, если ввѣрить рѣшеніе этихъ столь отличныхъ другъ отъ друга вопросовъ двумъ различнымъ классамъ лицъ; фактическаго—простымъ гражданамъ, юридическаго—членамъ судебной профессіи. Никто больше гражданъ, полагаетъ Дюпоръ, не призванъ къ правильному освѣщенію фактической стороны дѣла. За ними жизненный опытъ, практическій смыслъ. Гражданскіе вопросы, правда, и со стороны фактической болѣе сложны, чѣмъ уголовные; они предполагаютъ большее знаніе законовъ; но ихъ сложность, по мнѣнію Дюпора, зависитъ отъ казуистичности дѣйствующаго права и сама собою исчезнетъ, разъ въ основу кодификаціи положены будутъ незыблемыя и простыя истины естественнаго права. Что же касается до знанія законовъ, то какое средство въ большей степени можетъ содѣйствовать привитію его гражданамъ, какъ не постоянно повторяющееся участіе ихъ въ рѣшеніи судебныхъ споровъ.

Распространеніе суда присяжныхъ на гражданскія дѣла—не болѣе, какъ одна изъ статей выставленной Дюпоромъ программы. Другую, не менѣе важную, представляетъ отрицаніе того начала несмѣняемости судей, въ которомъ какъ судебная практика,

такъ и юридическіе писатели видѣли доселѣ гарантію независимости правосудія. Мы имѣли уже случай замѣтить, что эта несмѣняемость достигалась въ Англіи и во Франціи различными путями. Въ Англіи судьи назначаемы были королемъ не «durante bene placito» (т. е. пока угодно будетъ королю удержать ихъ въ должности), а до тѣхъ поръ, пока своимъ поведеніемъ они не вызовутъ судебной репрессіи и обвинительнаго приговора (during good behaviour). Во Франціи та же несмѣняемость достигалась покупкою судьей его должности и отношеніемъ къ ней, какъ къ неотъемлемой собственности. Упраздняя продажу должностей, конституціонный комитетъ въ то же время нимало не имѣлъ въ виду лишить судей той гарантіи независимости, какую представляло пожизненное несеніе купленной должности. Англійскій порядокъ назначенія на срокъ добраго поведенія справедливо представился членамъ комитета естественнымъ выходомъ изъ той дилеммы, какую ставило имъ желаніе, съ одной стороны, положить конецъ имущественному характеру должности, а, съ другой, удержать начало несмѣняемости. Они не сочли возможнымъ отказаться отъ него и тогда, когда мѣсто правительственнаго назначенія заняло народное избраніе. Несмѣняемость въ глазахъ Турэ явилась такою же гарантіей противъ измѣнчивости народныхъ желаній, какой она была дотолѣ по отношенію къ произволу правительства. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло Дюпоръ. Въ его глазахъ гарантіи необходимы только по отношенію къ такимъ производнымъ властямъ, какой является власть королевская. Онѣ безполезны по отношенію къ самодержавному народу, источнику всякой власти. Дюпоръ желаетъ поэтому сохранить за націей право періодической замѣны ея судей и предлагаетъ установленіе извѣстныхъ сроковъ для производства выборовъ. Его, повидимому, нимало не смущаетъ то соображеніе, что безстрастные рѣшители вопросовъ о жизни, чести и собственности гражданъ, какими необходимо должны быть судьи, могутъ быть избраны подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, благодаря временному торжеству той или другой партіи. Его не останавливаетъ также и то, что число лицъ, знаніе и безпристрастіе которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія, необходимо ограничено. Примѣръ Англіи, не считающей возмож-

нымъ расширить наличнаго состава своихъ верховныхъ судовъ и довольствующейся назначеніемъ всего на всего пятнадцати вестминстерскихъ судей, не имѣетъ для Дюпора никакой обязательной силы. Эра возрожденія, въ которую вступила Франція, благодаря своей славной революціи, обѣщаетъ ему, повидимому, безграничное возрастаніе знаній и талантовъ.

Существенную сторону проекта Дюпора составляетъ также замѣна постоянныхъ и осѣдлыхъ судей разъѣздными. На этотъ разъ историческій опытъ приводится въ защиту предлагаемой реформы. Разъѣздные судьи нѣкогда были извѣстны Франціи; въ доказательство этой мысли нечего восходить до временъ карловингскихъ missi dominici; достаточно сослаться на тѣхъ enquêteurs и réformateurs, которыхъ Людовикъ IX Святой и его ближайшіе преемники посылали скорѣе для контроля за дѣятельностію провинціальныхъ чиновниковъ, вотчинныхъ и королевскихъ, пересмотра уже состоявшихся рѣшеній, нежели для разбирательства въ первой инстанціи. Институтъ разъѣздныхъ судей получилъ, впрочемъ, гораздо большее развитіе въ Англіи, гдѣ, по примѣру Нормандіи, въ теченіе XII столѣтія постепенно возникли сперва періодическіе объѣзды шерифомъ или губернаторомъ отдѣльныхъ мѣстностей ввѣреннаго ему графства, а затѣмъ сессіи такъ называемыхъ «justices itinerant» на протяженіи всего королевства. Эти коммиссары, функціи которыхъ во многомъ напоминаютъ тѣ, какія возложены были нѣкогда на «missi dominici» и «enquêteurs», со второй половины XIV столѣтія сливаются съ вестминстерскими судами, наполовину осѣдлыми, наполовину «кочевыми». Въ этомъ обстоятельствѣ сказывается торжество выраженнаго еще въ Великой Хартіи желанія, чтобы по крайней мѣрѣ гражданскія тяжбы подчинены были вѣдомству постоянно пребывающаго въ одномъ и томъ же мѣстѣ суда. Такимъ образомъ, примѣръ Англіи доказывалъ скорѣе самопроизвольное стремленіе къ замѣнѣ кочеваго характера юстиціи осѣдлымъ, нежели наоборотъ. Если разъѣзды судей и не прекратились вполнѣ, то благодаря лишь незначительности наличнаго ихъ состава и невозможности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ процессахъ, установить во всѣхъ подробностяхъ фактическую сторону дѣла иначе, какъ перенесшись на мѣсто событій. Въ глазахъ

Дюпора выгода кочеваго характера магистратуры лежала частью въ сокращенiи издержекъ на содержанiе судей, благодаря уменьшенiю ихъ числа, главнымъ же образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что разъѣзды должны были, какъ онъ полагалъ, воспрепятствовать образованiю корпоративнаго духа, которымъ въ такой сильной степени была проникнута старинная французская магистратура и который дѣятелямъ 89 года казался почему-то несовмѣстимымъ съ равенствомъ. Не имѣя осѣдлости, разъѣздные судьи неспособны, думалъ Дюпоръ, подчиниться тѣмъ многообразнымъ влiянiямъ, какiя создаетъ сосѣдство и жизнь въ предѣлахъ одного и того же околотка. Такимъ образомъ, они представляютъ большую гарантiю безпристрастiя, нежели судьи постоянные. Установленiе ихъ на ряду съ расширенiемъ компетенцiи присяжныхъ на всякаго рода дѣла, не исключая и гражданскихъ, дастъ возможность сократить издержки, связанныя съ аппеляцiей. Перемѣщенiе сдѣлается ненужнымъ для тяжущихся, такъ какъ судьи сами поспѣшатъ имъ навстрѣчу, и самые случаи обращенiя къ высшей инстанцiи для пересмотра рѣшенiй низшей сдѣлаются рѣдкими. Нельзя допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы приговоръ присяжныхъ о фактической сторонѣ дѣла не былъ окончательнымъ. Это значило бы признать, что одни присяжные являются въ большей степени выразителями общественной совѣсти, нежели другiе. Остается поэтому ограничить поводы къ аппеляцiи чисто юридической стороной дѣла—подведенiемъ судимаго случая подъ законъ. Въ этомъ отношенiи ошибка всегда возможна, и есть поэтому основанiе поручить однимъ судьямъ пересмотръ рѣшенiй другихъ. Съ цѣлью сократить число дѣлъ, уменьшить страсть съ сутяжничеству и разоренiю цѣлыхъ семей процессами Дюпоръ предлагаетъ расширить по возможности посредническiй судъ, поручивъ его членамъ мироваго института. Въ то же время онъ противится надѣленiю послѣднихъ судебными функцiями, предвидя въ противномъ случаѣ упущенiе ими обязанностей посредниковъ и примирителей. Полицейскiй судъ по этой причинѣ, думаетъ онъ, долженъ быть порученъ самостоятельнымъ органамъ; его не слѣдуетъ соединять съ исполненiемъ обязанностей медiатора. Наконецъ, въ интересахъ строгаго раздѣленiя властей, судьи должны быть

лишены всякаго касательства къ политикѣ, а потому Дюпоръ рѣшительно высказывается противъ созданія верховнаго національнаго трибунала въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ его Турэ. Всѣ свои предложенія Дюпоръ излагаетъ въ формѣ декрета слѣдующаго содержанія:

1) Въ виду того, что король верховный глава исполнительной власти, всѣ судебные приговоры примѣняются его именемъ и черезъ посредство назначенныхъ имъ чиновниковъ.

2) Во всемъ королевствѣ будутъ дѣйствовать присяжные; имъ предоставлено рѣшеніе фактической стороны дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ.

3) Никакой приговоръ, уголовный или гражданскій, не можетъ состояться раньше, какъ послѣ выясненія фактической стороны дѣла присяжными.

4) Приговоръ произносятъ судьи, поставленные народомъ на опредѣленный срокъ.

5) Въ каждомъ округѣ мѣстопребываніемъ уголовныхъ и гражданскихъ «ассизъ» избранъ будетъ какой-нибудь городъ; въ него назначается два судебныхъ чиновника. Попеременно каждый будетъ исполнять,—одинъ обязанности постановляющаго приговоръ судьи, другой—производящаго на мѣстахъ «повальный обыскъ» судьи слѣдственнаго.

6) При обоихъ обязанности публичнаго обвинителя несетъ спеціально назначенный для того коммиссаръ.

7) Приговоры ассизныхъ судовъ могутъ подвергнуться пересмотру со стороны такъ называемыхъ «великихъ судей» (grands juges) Они могутъ быть отмѣнены, и самое дѣло передано въ руки новаго ассизнаго судьи каждый разъ, когда рѣшеніе не согласно съ закономъ.

8) «Великіе судьи» поперемѣнно избираются департаментами. Ихъ компетенція распространяется на все королевство. Они производятъ судебные разъѣзды по округамъ и отправляютъ правосудіе въ избранныхъ для того окружныхъ центрахъ.

9) Въ этихъ центрахъ установлены будутъ два чиновника: одинъ для доклада «великимъ судьямъ» дѣлъ, требующихъ пересмотра, другой—для приведенія въ исполненіе всѣхъ рѣшеній, состоявшихся въ предѣлахъ округа.

Судьи, подъ страхомъ наказанія, не должны присвоивать себѣ другихъ функцій, кромѣ тѣхъ, какія признаны за ними конституціей. Подъ страхомъ того же наказанія они обязаны немедленно вносить въ свои протоколы, безъ всякихъ замѣчаній, декреты законодательнаго корпуса и озаботиться о немедленномъ приведеніи этихъ декретовъ въ исполненіе.

11) Въ каждомъ кантонѣ назначенъ будетъ особый посредникъ или мировой-судья, обязанность котораго призывать стороны къ соглашенію. Законодательное собраніе можетъ надѣлить его различными функціями подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не носили судебнаго характера и не создавали изъ него особой инстанціи [1]).

Планъ Дюпора не замедлилъ сдѣлаться предметомъ горячаго обсужденія парижскихъ клубовъ. Луазо, редакторъ «историко-политическаго журнала, посвященнаго конституціи и законодательству», представилъ подробный разборъ его въ особой брошюрѣ, заключающей въ себѣ, какъ онъ самъ говоритъ, литературную обработку рѣчи, произнесенной въ клубѣ якобинцевъ 24 марта 1790 года. Въ ней заявлялось, что проектъ Дюпора удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ свободы, естественнаго права и человѣколюбія. Полное одобреніе высказывается мысли, что вопросы факта должны быть отдѣлены отъ вопросовъ права и предоставлены вѣдѣнію выбранныхъ изъ народа присяжныхъ. Рекомендуемые Дюпоромъ пріемы для рѣшенія этихъ вопросовъ, по мнѣнію Луазо, вполнѣ отвѣчаютъ природѣ вещей. Присяжные нѣкогда были намъ извѣстны, но исчезли вмѣстѣ съ феодализмомъ. Англичане заимствовали ихъ у французовъ и только усовершенствовали этотъ иностранный по источнику институтъ. Теперь же французамъ предстоитъ въ свою очередь подвергнуть измѣненіямъ ихъ систему, чтобы извлечь изъ нея еще большую пользу.

Заявленіе, что проектъ Дюпора невыполнимъ, не болѣе, какъ ни на чемъ не основанный предлогъ. «Человѣкъ, не получившій другаго образованія, кромѣ того, какое даетъ природа и здравый разумъ, можетъ быть прекраснымъ судьею факта». Всѣ

---

[1]) Arch Parl, томъ XII, стр. 432.

одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы правосудіе отправляемо было возможно скоро, отличалось простотою, доступностью и безпристрастіемъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяетъ проектъ Дюпора. Луазо высказываетъ увѣренность, что мировому институту въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ задуманъ Дюпоромъ, удается предупредить необходимость судебнаго разбирательства въ девяти десятыхъ случаевъ. Для этого нужно только одно, чтобы, какъ этого требуетъ Дюпоръ, члены мироваго института были только посредниками и не соединяли въ своемъ лицѣ никакихъ судейскихъ функцій [1]).

Проектъ Дюпора нашелъ не менѣе горячаго защитника и въ стѣнахъ національнаго собранія. Шабру въ длинной рѣчи настаивалъ и на необходимости замѣнить постоянные суды временными ассизами разъѣздныхъ судей, и на строгомъ обособленіи въ правосудіи вопросовъ факта и права, и на передачѣ народу выбора членовъ магистратуры, и на срочности даннаго послѣднимъ мандата. Еще рѣшительнѣе Дюпора онъ отрицалъ пользу апеляціи, доказывая, что и въ старомъ порядкѣ бѣдные, на ряду съ религіозными корпораціями и общинами, имѣли преимущество прямаго обращенія къ парламенту, а слѣдовательно избавлены были отъ подсудности двумъ различнымъ инстанціямъ.

Доказывая необходимость строгаго отдѣленія суда отъ администраціи, Шабру требовалъ передачи тѣхъ дѣлъ, которыя доселѣ входили въ кругъ вѣдомства административныхъ судовъ, въ руки судовъ обыкновенныхъ [2]).

Рѣзкую противоположность съ проектами Дюпора представлялъ обнародованный Сіейсомъ въ мартѣ 1790 года «эскизъ новой судебной и полицейской организаціи Франціи». Этотъ трудъ изложенъ былъ въ формѣ законодательнаго проекта, отдѣльныя части котораго, преимущественно тѣ, которыя касались суда присяжныхъ, вызвали затѣмъ въ собраніи обстоятельную мотивировку со стороны какъ самого Сіейса, такъ и многихъ его приверженцевъ. Проектъ въ концѣ концовъ былъ

---

[1]) Смотри Aulard, томъ I, стр. 43—55.

[2]) Arch., Parl, I-ère série. томъ XII, стр. 443—451.

отвергнутъ, но мысли, въ немъ высказанныя, не разъ воспроизводимы были въ дебатахъ, и былъ моментъ, когда собраніе готово было отдать ему предпочтеніе предъ всѣми прочими. Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя наиболѣе оригинальныя изъ тѣхъ положеній, на которыхъ опирается задуманная Сіейсомъ судебная реформа. Знакомство съ ними намъ кажется полезнымъ для уясненія той точки зрѣнія, съ какой проектъ конституціоннаго комитета, или что то же проектъ Турэ, наравнѣ съ контръ-проектомъ Дюпора, подвергся нападкамъ и критикѣ. Сіейсъ, въ противность Турэ и Дюпору, не считалъ возможнымъ различать въ каждомъ процессѣ вопросы факта и права, а это обстоятельство побуждало его внести существенныя измѣненія въ личный составъ присяжныхъ въ виду разнообразія дѣйствующихъ во Франціи «кутюмовъ» и отсутствія общаго земскаго права, подобнаго англійскому «common law». До момента изданія новаго гражданскаго кодекса Сіейсъ считалъ нужнымъ внести въ списки присяжныхъ исключительно лицъ юридической профессіи. Это давало ему возможность подчинить ихъ рѣшенію, на ряду съ уголовными дѣлами, и дѣла гражданскія, болѣе техническія и сложныя, въ которыхъ вопросы факта и права на столько переплетены другъ съ другомъ, что необходимо требуютъ въ лицахъ, занимающихся ими, юридической подготовки.

Особенность проекта Сіейса составляла также попытка примирить выгоды, какія обезпечиваетъ начало несмѣняемости судей, съ возможностью постояннаго контроля за магистратурой со стороны народа. Онъ не довольствовался поэтому признаніемъ, что судьи подлежатъ отставкѣ въ случаѣ преступленій, но вводилъ для членовъ магистратуры ежегодные повѣрочные выборы (le scrutin d'épreuve). Каждый избиратель въ правѣ былъ указать въ своемъ бюллетенѣ имя судьи, отставку котораго онъ считалъ желательной. Если противъ того или другаго судьи высказывался голосъ большинства, онъ признавался лишеннымъ должности, и открывалась необходимость добавочныхъ выборовъ.

Не безынтересную подробность въ проектѣ Сіейса составляла еще попытка подчинить контролю обыкновенныхъ судовъ дѣятельность чиновниковъ исполнительной полиціи. Сіейсъ устанавли-

ваетъ уже то различіе между «jurisdiction gracieuse» и «jurisdiction contentieuse», которое мы встрѣчаемъ въ современной французской администраціи. На ряду съ правомъ ходатайства передъ прямымъ начальникомъ, онъ признаетъ еще право потерпѣвшаго обжаловать въ судѣ незаконныя дѣйствія власти и требовать возмѣщенія убытковъ.

Въ системѣ Сіейса нѣтъ мѣста для особой административной юстиціи, но это не значитъ, чтобы онъ не считалъ нужнымъ внести нѣкоторыхъ измѣненій въ обычный порядокъ судопроизводства каждый разъ, когда дѣло идетъ объ обжалованіи дѣйствій правительственныхъ властей. Въ 165-й статьѣ его проекта мы находимъ зародышъ извѣстнаго постановленія консульской конституціи, по которому министры и высшіе сановники государства не могутъ быть привлечены къ суду помимо спеціальнаго разрѣшенія. Въ проектѣ Сіейса давать это разрѣшеніе уполномоченъ законодательный корпусъ; въ консульской же конституціи и во всѣхъ тѣхъ, которыя заимствовали у нея это постановленіе, разрѣшеніе дается государственнымъ совѣтомъ.

Не одной только необходимостью испросить предварительно согласія государственнаго корпуса отличается порядокъ судебнаго преслѣдованія чиновниковъ; даже тогда, когда это согласіе не необходимо, другими словами, когда рѣчь идетъ объ отвѣтственности второстепеннаго агента, проектъ Сіейса требуетъ увеличеннаго состава присутствія и замѣны присяжныхъ лицами, принадлежащими къ судебной профессіи. Этому порядку подчиняются всякаго рода процессы по должности, въ томъ числѣ и жалобы на неправильное и неравномѣрное обложеніе.

Сіейсъ высказывается противъ установленія аппеляціи, существованіе которой кажется ему непримиримымъ съ постановкой приговоровъ присяжными. Онъ знаетъ только два вида суда: посредническій, суммарный, отправляемый членами мирового института, которые въ его проектѣ носятъ названіе «lieutenants de justice», и департаментскій, составленный изъ двѣнадцати избранныхъ судей, раздѣленныхъ на четыре камеры и призванныхъ къ производству періодическихъ разъѣздовъ и къ устройству временныхъ ассизъ.

Въ главѣ всей судебной и полицейской организаціи Сіейсъ

ставитъ особый національный судъ изъ 83 членовъ, по одному отъ каждаго департамента. Эти судьи образуютъ изъ себя четыре камеры, изъ которыхъ первая является высшимъ полицейскимъ совѣтомъ, вторая — кассаціоннымъ судомъ, третья должна принимать аппеляціи по жалобамъ на должностныхъ лицъ и иски первой инстанціи противъ департаментскихъ судей; четвертая, наконецъ, завѣдуетъ государственными преступленіями. Всѣ онѣ одинаково постановляютъ приговоры при участіи присяжныхъ [1]).

Разборъ тѣхъ трехъ важнѣйшихъ проектовъ судебной реформы, какіе поступили на разсмотрѣніе собранія въ мартѣ 1790 года, познакомилъ насъ съ кругомъ идей, въ которомъ по вопросу объ организаціи правосудія вращались дѣятели 89 года. Намъ предстоитъ въ настоящее время присутствовать при столкновеніи этихъ различныхъ системъ въ стѣнахъ собранія. Мы должны показать, какимъ образомъ каждый изъ трехъ выше приведенныхъ проектовъ сдѣлался лозунгомъ борьбы политическихъ партій, въ какой мѣрѣ защитники и противники старинной французской магистратуры, сторонники короля и такъ называемые патріоты связали свои интересы съ торжествомъ того или другаго изъ нихъ. Слѣдуетъ также познакомить читателя съ тѣми доводами, какіе приводимы были одинаково противъ всѣхъ и каждаго изъ названныхъ проектовъ тѣми, кто, какъ Гара, напримѣръ, заявляли себя враждебными институту присяжныхъ или, подобно Казалесу и аббату Мори, не могли помириться съ мыслью, что король лишенъ будетъ участія въ назначеніи судей.

Первымъ дѣломъ было установить самый порядокъ обсужденія собраніемъ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ входило въ задачу судебной реформы. Барерь взялъ на себя этотъ трудъ. Большинствомъ голосовъ собраніе утвердило составленную имъ программу. Вотъ каково было ея содержаніе. «Національное собраніе постановляетъ, что прежде, чѣмъ установить организацію судебной власти, оно поставитъ на обсужденіе и рѣшеніе вопросы: 1) Слѣдуетъ ли установить судъ присяжныхъ?

2) Слѣдуетъ ли допустить его одинаково въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ?

---

[1]) См. Arch. Parl., I série. томъ XII, стр. 249—258.

3) Ввѣрить ли отправленіе правосудія осѣдлымъ судамъ, или временнымъ ассизамъ разъѣздныхъ судей?

4) Будетъ ли установлено нѣсколько инстанцій, или аппеляція будетъ отмѣнена?

5) Будутъ ли судьи пожизненными, или назначаемыми на срокъ?

6) Будутъ ли они избираемы народомъ, или установляемы королемъ?

7) Будутъ ли органы публичнаго обвиненія всецѣло назначаться правительствомъ?

8) Будетъ ли установленъ судъ для кассацій?

9) Слѣдуетъ ли сосредоточить въ рукахъ однихъ и тѣхъ же судей рѣшеніе всякаго рода дѣлъ, гражданскихъ и уголовныхъ, или установить особую подсудность для дѣлъ торговыхъ, административно-судебныхъ и полицейскихъ, а также для споровъ, поводъ къ которымъ даетъ налоговое обложеніе [1])?

Первымъ на очередь поставленъ былъ вопросъ о присяжныхъ. Рѣшительнымъ противникомъ этого института явился Гара. «Для народовъ образованныхъ, желающихъ освободить судъ отъ произвола, надо признать химерой, говоритъ онъ, всякую попытку обособить вопросы права и факта и предоставить рѣшеніе послѣднихъ первому встрѣчному». Гара приводитъ рядъ случаевъ, заимствованныхъ по преимуществу изъ гражданской практики, въ которыхъ обѣ стороны, юридическая и фактическая, такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что присяжнымъ волею - неволею приходится имѣть обѣ въ виду при составленіи своего вердикта, а это обстоятельство само доказываетъ въ его глазахъ невозможность ввѣрить ихъ рѣшеніе лицамъ, не принадлежащимъ къ юридической профессіи. Примѣръ Англіи въ данномъ вопросѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ ея гражданскій процессъ совершенно отличенъ отъ французскаго. Въ Англіи важнѣйшимъ видомъ доказательствъ признается свидѣтельское показаніе, во Франціи—преобладаютъ, наоборотъ, письменные документы, и свидѣтельское показаніе почти не допускается. Легче представить себѣ участіе присяжныхъ въ обсужденіи вѣскости

---

[1]) Arch. Parl. Томъ XII, засѣд. 31 марта, стр. 489.

свидѣтельствъ, нежели опредѣленіе ими достовѣрности и юридической силы предъявленныхъ въ судъ актовъ. «И къ чему, спрашиваетъ Гара, нуженъ Франціи судъ присяжныхъ?—Для того, скажутъ, чтобы обезпечить каждому постановку приговора равными ему лицами; но развѣ равенство не провозглашено законами и конституціей и избранные народомъ судьи не удовлетворяютъ тому же требованію равенства и общественнаго довѣрія, что и присяжные» [1]).

Большинство депутатовъ проникается вскорѣ одинаковыми сомнѣніями относительно возможности ввести присяжныхъ въ гражданскія дѣла. Прюньонъ спѣшитъ заявить, что «учрежденіе, годное для народа, вышедшаго изъ лона природы, какимъ онъ почему-то считаетъ англичанъ, не годится для французовъ. Мы не подготовлены къ принятію этого англійскаго нововведенія, перешедшаго вмѣстѣ съ англичанами и на американскую почву. Начнемъ съ реформы нашихъ законовъ, нашихъ процессуальныхъ порядковъ, создадимъ систему народнаго образованія, сдѣлаемъ людей годными къ принятію этого института и только тогда мы въ правѣ будемъ задаться мыслью о привитіи его во Франціи». Петіонъ думаетъ, что справедливость этихъ замѣчаній не препятствуетъ принятію суда присяжныхъ въ той формѣ, въ какой предлагаетъ его Сіейсъ, другими словами, присяжныхъ, которые по своей профессіи были бы призваны къ рѣшенію вопросовъ не только фактическихъ, но и юридическихъ. Антуанъ пытается поддержать проектъ введенія присяжныхъ въ гражданскія дѣла ссылкой на тотъ фактъ, что и при старомъ порядкѣ участіе ихъ было допущено при производствѣ повальнаго обыска, при повѣркѣ подлинности документовъ и во всякаго рода экспертизахъ. Онъ думаетъ, что суверенитетъ націи требуетъ сохраненія за гражданами всѣхъ тѣхъ функцій, делегація которыхъ не является неизбѣжной. Присяжные же призваны служить противовѣсомъ судьямъ, и ихъ установленіе отвѣчаетъ требованіямъ раздѣленія властей [2]).

Муженъ-де-Рокфоръ, ссылаясь на трудъ Пасторэ объ уголов-

---

[1]) Arch. Parl., томъ XII, стр. 490—502.

[2]) Ibid. Засѣданіе 5 апрѣля 1890 года, томъ XII, стр. 543—545.

ныхъ законахъ, совѣтуетъ собранію установить институтъ присяжныхъ по образцу того, который дѣйствовалъ въ Римѣ, гдѣ судья довольствовался примѣненіемъ одного закона, а присяжные, назначаемые на годъ, высказывали свое сужденіе касательно фактической стороны дѣла. Муженъ не думаетъ, чтобы участіе присяжныхъ въ гражданскихъ процессахъ было бы столь же необходимо, какъ и въ уголовныхъ. Невозможность строгаго обособленія факта и права въ спорахъ о владѣніи и наслѣдствѣ, а также при толкованіи контрактовъ, кажется ему рѣшительнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы эти споры разсматриваемы были лицами, не принадлежащими къ юридической профессіи.

Сенъ Мартенъ, не отрицая трудности обособленія фактической и юридической стороны въ вопросахъ договорнаго права, говоритъ, что англичане сумѣли, однако, установить извѣстныя правила, при которыхъ возможна помощь присяжныхъ и при рѣшеніи подобнаго рода дѣлъ. Нечего ссылаться на простоту англійскихъ законовъ, якобы дозволяющую прибѣгать къ присяжнымъ и при рѣшеніи гражданскихъ тяжбъ, такъ какъ этой простоты на самомъ дѣлѣ не существуетъ; а между тѣмъ англійскіе юристы въ одно слово утверждаютъ, что въ этомъ лабиринтѣ весьма несовершенныхъ и чрезмѣрно численныхъ нормъ содѣйствіе присяжныхъ является рѣшительнымъ благодѣяніемъ для судьи. Изъ всѣхъ возраженій, приводимыхъ противъ допущенія присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, Сенъ Мартенъ самымъ вѣскимъ считаетъ необходимость принести ему въ жертву благосостояніе многихъ судейскихъ семей, которымъ отнынѣ придется отказаться отъ доходной профессіи; но это соображеніе не изъ тѣхъ, съ которыми слѣдуетъ считаться при установленіи конституціи, и члены магистратуры первые готовы будутъ поступиться своими выгодами въ интересахъ отечества.

Турэ стоитъ за возможное расширеніе функцій присяжныхъ, требуетъ ихъ присутствія и въ военныхъ судахъ, и въ процессахъ о печати. Онъ надѣется, что въ будущемъ возможно будетъ участіе жюри и въ гражданскихъ дѣлахъ, но онъ думаетъ, что немедленное введеніе ихъ въ этихъ послѣднихъ неосуществимо и можетъ повлечь за собою гибель всего института. Избраніе судей, котораго нѣтъ въ Англіи, позволяетъ пренебречь той

политической гарантіей, какую представляетъ участіе присяжныхъ во всякаго рода процессахъ, не исключая и гражданскихъ. Сами англичане признаютъ, что выгода, представляемая присяжными въ этихъ послѣднихъ процессахъ, далеко не такъ велика, какъ въ уголовныхъ, что присяжные не свободны отъ народныхъ пристрастій и увлеченій, вызываемыхъ настроеніемъ минуты. Не даромъ Вильямъ Пале находитъ, что на приговоръ присяжныхъ трудно положиться особенно въ спорахъ между собственниками и фермерами, предпринимателями и рабочими, т. е. во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ они чувствуютъ свою солидарность съ одной изъ сторонъ. Если въ уголовныхъ дѣлахъ участіе присяжныхъ желательно въ интересахъ свободы и личной безопасности, то того же нельзя сказать о дѣлахъ гражданскихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Турэ высказывается въ пользу такого рѣшенія, при которомъ не устранялась бы возможность введенія въ будущемъ присяжнаго института и въ сферу гражданскаго процесса, и въ то же время не признавалось бы необходимости сдѣлать это немедленно [1]); Барнавъ присоединяется къ Турэ и требуетъ допущенія присяжныхъ въ однихъ уголовныхъ дѣлахъ. Шарль Ламетъ старается убѣдить собраніе, что законный приговоръ немыслимъ безъ присяжныхъ даже въ гражданскихъ процессахъ. Не допускать ихъ къ рѣшенію частныхъ тяжбъ равносильно заявленію: граждане! мы согласны поручить вамъ защиту собственной жизни, отнюдь не нашего имущества. Робеспьеръ критикуетъ самый способъ назначенія присяжныхъ, какъ онъ практикуется въ Англіи и какъ думаютъ ввести его во Франціи. Онъ не хочетъ слышать объ участіи исполнительной власти въ составленіи списковъ, предлагаетъ ежегодный выборъ жюри избирателями по кантонамъ и желаетъ распространить его компетенцію одинаково на обвиненіе и судъ; онъ требуетъ также денежнаго вознагражденія присяжнымъ, такъ какъ оно одно сдѣлаетъ возможнымъ отправленіе этихъ обязанностей лицами неимущими. Объ участіи присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ Робеспьеръ не говоритъ ни слова [2]). Госсенъ находитъ

---

[1]) Засѣданіе 6 апрѣля 90 года, стр. 547—558. (томъ XII).
[2]) Ibid. Засѣданіе 7 апрѣля 90 года, томъ XII, стр. 574—579.

невозможнымъ ввести присяжныхъ и въ гражданскій процессъ. Онъ ссылается на то, что сразу не можетъ исчезнуть между французами то равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, къ которому пріучилъ ихъ деспотизмъ. «Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, возлагать слишкомъ много обязанностей на людей, смотрѣвшихъ доселѣ вполнѣ безучастно на все, что стояло внѣ сферы ихъ частныхъ интересовъ, на людей, жившихъ въ полномъ политическомъ ничтожествѣ. Надо прежде всего сдѣлать ихъ умъ доступнымъ къ воспріятію великихъ принциповъ, привить имъ вкусъ къ общественному служенію».

Бюзо, наоборотъ, не считаетъ возможнымъ обезпечить торжество правосудія и свободы безъ участія присяжныхъ во всѣхъ безразлично дѣлахъ. Только подъ этими присяжными онъ разумѣетъ однихъ лицъ юридической профессіи, точь-въ-точь, какъ Сіейсъ. По настоянію Бюзо, собраніе приглашаетъ Сіейса изложить снова свои мысли съ трибуны. Сіейсъ удовлетворяетъ этому требованію, доказывая вторично невозможность, при существующихъ условіяхъ и безъ предварительной реформы гражданскаго кодекса, ввѣрить постановку рѣшеній лицамъ, не принадлежащимъ къ юридической профессіи.

«Институтъ присяжныхъ, такъ какъ я его понялъ, такъ какъ я его комбинировалъ, отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ; имъ устраняются всякія затрудненія, всякія препятствія; нельзя возразить противъ него, что дѣла сколько-нибудь сложныя не могутъ быть ему поручены; это значило бы, что при старомъ порядкѣ никто не имѣлъ права судить; вѣдь тѣ же люди, которые прежде отправляли правосудіе, призываются мною къ исполненію обязанностей присяжныхъ» [1].

Впечатлѣніе, произведенное рѣчью Сіейса, такъ глубоко, что никто иной, какъ Клермонъ Тоннеръ, спѣшитъ предложить собранію дать предпочтеніе его проекту надъ остальными [2]. Но Турэ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій снова выступаетъ въ защиту своего предложенія, доказывая, что присяжные въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ Сіейсъ, не представляютъ ни тѣхъ преимуществъ, какія принадлежатъ имъ, какъ голосу обществен-

[1]) Засѣд. Ibid. 8 апр. 90 года, томъ XII, стр. 583.

[2]) Ibid., стр. 589, томъ XII.

ной совѣсти, ни тѣхъ, какія мы находимъ въ обыкновенныхъ судьяхъ. Уступая его доводамъ, собраніе рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли дать пріоритетъ при обсужденіи проекту Сіейса.

Въ ближайшемъ засѣданіи, послѣ рѣчи Гара младшаго, доказывавшаго преимущества римскихъ судебныхъ порядковъ надъ англійскими и настаивавшаго поэтому на принятіи въ гражданскихъ дѣлахъ системы, рекомендованной Сіейсомъ, собраніе выслушиваетъ весьма пространную и обстоятельную критику проектовъ Дюпора и Сіейса со стороны извѣстнаго юриста Тронше. Вотъ вкратцѣ содержаніе его рѣчи, оказавшей рѣшительное вліяніе на дебаты и побудившей депутатовъ отказаться отъ участія присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Возвращаясь къ поднятому уже вопросу о различіи англійскихъ процессуальныхъ порядковъ отъ французскихъ, Тронше обстоятельно устанавливаетъ тотъ фактъ, что задача присяжныхъ въ Англіи несравненно легче той, какая бы выпала имъ на долю во Франціи при распространеніи ихъ компетенціи на гражданскія дѣла. Въ Англіи отъ присяжныхъ требуется по преимуществу оцѣнка свидѣтельскихъ показаній; мало этого, они призваны отвѣчать исключительно на вопросъ, въ какой мѣрѣ эти показанія позволяютъ утверждать или отрицать ту юридическую формулу, въ которой судья резюмируетъ содержаніе гражданскаго иска. Иное дѣло во Франціи: во всѣхъ тяжбахъ на сумму свыше ста ливровъ свидѣтельскія показанія не допускаются, и мѣсто ихъ занимаютъ письменные документы. Присяжные призваны были бы высказаться на счетъ правоспособности составителей этихъ актовъ, что одно уже предполагало бы въ нихъ присутствіе юридическихъ познаній, которыми они не располагаютъ на дѣлѣ. Отсутствіе во французскомъ процессѣ формализма, подобнаго тому, какой имѣется въ англійскомъ, свелъ бы ихъ задачи къ простому принятію или отверженію судейской семпетенціи; они имѣли бы только значительный просторъ въ выборѣ рѣшенія, но поэтому и большую техническую трудность въ его формулированьѣ.

Изъ всего этого Тронше выводитъ то заключеніе, что въ большинствѣ процессовъ присяжнымъ пришлось бы высказываться не объ одной фактической сторонѣ дѣла; имъ предстояло

бы отвѣчать на вопросы смѣшанные, наполовину фактическіе, наполовину юридическіе, а это превышаетъ компетенцію простыхъ гражданъ, не получившихъ никакой технической подготовки. Такимъ образомъ, англійская система участія присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ немыслима во Франціи, и предложеніе Дюпора должно быть отклонено. Болѣе выполнимъ на первый взглядъ проектъ Сіейса, но и онъ на самомъ дѣлѣ непрактиченъ, такъ какъ предполагаетъ наличность въ отдѣльныхъ департаментахъ такого числа юристовъ, какимъ они едва ли располагаютъ. Согласно Сіейсу, гражданское жюри должно быть составлено по меньшей мѣрѣ изъ восемнадцати человѣкъ, а уголовное изъ 27; только при этомъ условіи возможно то широкое пользованіе правомъ немотивированнаго отвода, въ которомъ Сіейсъ справедливо видитъ существенную гарантію безпристрастія. Трудно допустить, чтобы лица юридической профессіи могли быть отвлекаемы отъ своихъ обычныхъ занятій срокомъ долѣе одного мѣсяца, а это заставляетъ насъ предположить, что выполненіе плана Сіейса требуетъ присутствія въ каждомъ департаментѣ пятисотъ съ лишнимъ человѣкъ, обладающихъ юридическимъ образованіемъ. Но Сіейсъ не считаетъ возможнымъ ограничиться созданіемъ въ департаментѣ одной гражданской палаты; при двухъ же палатахъ число присяжныхъ юристовъ увеличилось бы еще вдвое. Восьмидесяти четырехъ тысячъ юристовъ едва будетъ достаточно, чтобы удовлетворить на протяженіи всей Франціи тѣмъ требованіямъ, какія заключаетъ въ себѣ проектъ Сіейса. Но не въ этомъ одномъ лежитъ неудобство предлагаемой системы; она заключаетъ въ себѣ еще серьезныя опасности. «Душевная чистота, отличающая собою аббата Сіейса, и его неопытность въ дѣлахъ одни помѣшали ему, говоритъ Тронше, предвидѣть тѣ случаи, когда адвокаты воспользуются возможностью постановлять приговоры, чтобы снискать расположеніе кліентовъ, когда они будутъ клонить свои рѣшенія въ пользу туземныхъ жителей и во вредъ пришельцамъ, между которыми имъ труднѣе создать для себя постоянную практику. И какая надобность поручать этимъ временнымъ коммиссіямъ юристовъ разсмотрѣніе вопросовъ, которые съ удобствомъ могутъ быть рѣшены постоянными судьями? Ужъ не та ли, что

народъ не долженъ переносить на другихъ функцій, которыя онъ самъ въ силахъ отправлять? Но юристы - присяжные такіе же его уполномоченные, какъ и избранные имъ судьи. Или, можетъ быть, участіе юристовъ-присяжныхъ желательно въ интересахъ безпристрастія приговоровъ? Но безпристрастіе не единственное качество, необходимое въ судьѣ. Для лица, потерпѣвшаго отъ приговора, безразлично, жертва ли онъ несправедливости или невѣжества; а есть вѣроятіе, что рѣшенія случайныхъ судей будутъ проникнуты меньшимъ знаніемъ и мудростью, нежели рѣшенія лицъ, дѣлающихъ изъ судебной профессіи свое постоянное занятіе. И со стороны безпристрастія приговоры лицъ, обязанности которыхъ прекращаются съ истеченіемъ мѣсячнаго срока, которые поэтому лично не заинтересованы въ сохраненіи высокой репутаціи того учрежденія, которому они служатъ, вызываютъ большее сомнѣніе, чѣмъ приговоры постоянныхъ судей, связанныхъ корпоративнымъ духомъ и объединенныхъ чувствомъ должностной чести [1]).

Тщетно въ ближайшемъ засѣданіи Дюпоръ пытается отстоять предложенный имъ проектъ, тщетно убѣждаетъ онъ собраніе, что «безъ установленія присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ все доселѣ сдѣланное для свободы потеряно», тщетно также приводитъ онъ въ пользу своего мнѣнія то обстоятельство, что вопросы права и факта рѣшались разными лицами и въ Римѣ, гдѣ, рядомъ съ преторами-судьями права, дѣйствовали своего рода присяжныя коммиссіи—судьи факта, и во Франціи, въ которой въ эпоху карловинговъ скабины исполняли тѣ же функціи, какія нынѣ предоставляются присяжнымъ, и въ Италіи, гдѣ вопросы факта и права различаемы были въ процессахъ, производимыхъ въ трибуналѣ «de la rotta», и въ Испаніи, Артуа и Фландріи, гдѣ юриспруденція постоянно отличала ошибки права отъ ошибокъ факта, и въ старинной французской монархіи по крайней мѣрѣ до ордонанса 1667 года.

Напрасно съ другой стороны Гара старшій, въ надеждѣ отклонить собраніе отъ мысли создать во Франціи институтъ присяжныхъ, вызывалъ тѣнь Тюрго и цитировалъ его извѣстное изре-

---

[1]) Arch. Parl. Томъ XV, засѣд. 29 апрѣля 90 года, ст. 327—332.

ченіе: «постараемся избѣжать невѣжества попадающихъ въ силу случая присяжныхъ».

Предсѣдатель собранія, объявивъ пренія законченными, поставилъ на голосованіе два вопроса: 1) Объ участіи присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ и 2) объ ихъ участіи въ дѣлахъ гражданскихъ. На первый послѣдовалъ утвердительный, на второй отрицательный отвѣтъ.

§ 4.

Предстояло теперь рѣшить, будутъ ли суды имѣть постоянный характеръ, или мѣсто ихъ займутъ временные судебные разъѣзды. Собраніе приступило къ обсужденію этого вопроса въ засѣданіи 1 мая 1790 года, но мѣсяцемъ ранѣе Ланжюинэ уже высказалъ настроеніе большинства, вооружаясь противъ «гарцующихъ судей» (juges chevaucheurs), противъ «судей-бродягъ» (juges vagabonds)—эпитеты, которыми онъ награждалъ членовъ задуманныхъ Дюпоромъ судебныхъ ассизъ [1]).

Пизонъ дю-Галанъ въ интересахъ быстроты правосудія потребовалъ установленія постоянныхъ судовъ. Шабру старается опровергнуть его, говоря, что они въ интересахъ большихъ городовъ, отнюдь не крестьянства. Села, по его словамъ, требуютъ созданія временныхъ ассизъ, такъ какъ однѣ эти ассизы дѣлаютъ для нихъ судъ доступнымъ. «Вы хотите избѣжать сутяжничества и не замѣчаете того, что лучшимъ средствомъ къ его развитію является установленіе постоянныхъ судовъ. При нихъ необходимо возникнетъ цѣлое сословіе стряпчихъ и адвокатовъ, которые сдѣлаются новой язвой для общества».

Деландинъ, бросая бѣглый взглядъ на прошлое, развиваетъ ту мысль, что временныя судебныя коммиссіи были возможны въ ту эпоху, когда большинство дѣлъ рѣшалось судебнымъ поединкомъ. Съ развитіемъ городовъ, съ образованіемъ класса крестьянъ-собственниковъ, съ умноженіемъ кутюмовъ и усвоеніемъ многихъ началъ римскаго права, судебная профессія потребовала такихъ техническихъ знаній, что сами феодальные

---

[1]) Arch. Parl., т. XII, засѣд. 31 марта 90 г., стр. 487.

сеньоры сочли нужнымъ передать отправленіе ея въ руки ученыхъ юристовъ. Они сохранили за собою исключительное занятіе войной и создали постоянные суды. Эта, скажемъ мы, постепенная дифференціація общественныхъ функцій подсказываетъ Деландину рѣшеніе занимающаго собраніе вопроса. Онъ объявляетъ себя сторонникомъ осѣдлой юстиціи. Гара старшій поддерживаетъ его, говоря, что «отъ судей, являющихся въ почтовомъ экипажѣ и ботфортахъ, трудно ждать серьезности характера и внѣшняго престижа; что функціи ихъ требуютъ уединеннаго размышленія, которое едва ли мирится съ тѣми постоянными развлеченіями, какія представляетъ путешествіе». «Добрые судьи, прибавляетъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ добрые отцы семействъ: частныя добродѣтели порождаютъ въ нихъ общественныя. Но можете ли вы принудить отцовъ семействъ къ постоянному странствію? Стороны относятся съ уваженіемъ къ судебному приговору, зная добродѣтель постановившихъ его лицъ; но трудно ее предположить въ людяхъ, готовыхъ на вѣчное странствіе. Имъ невозможно будетъ внушить довѣрія. Съ другой стороны, надо помнить, что страхъ общественнаго мнѣнія для магистратуры существенная удержь, но его избѣгаютъ колесящіе по дорогамъ судьи». Такимъ образомъ, въ пользу предложенной Дюпоромъ системы судебныхъ разъѣздовъ не раздается почти ни одного голоса, и большинствомъ принято предложеніе Тронше объявить судей первой инстанціи осѣдлыми [1]).

§ 5.

Въ томъ же засѣданіи собраніе подвергаетъ обсужденію вопросъ, допущено ли будетъ обжалованіе судебныхъ приговоровъ во второй инстанціи.

Пизонъ дю-Галанъ говоритъ, что аппеляція существовала и существуетъ повсюду; что ему кажется даже невозможной постановка вопроса объ ея отмѣнѣ. Иного мнѣнія держится Маркизъ де Ла-Рошфуко. «Вы создали вчера институтъ уголов-

1) Ibid., т. XV., стр. 351—353.

ныхъ присяжныхъ, но мыслима ли апеляція на ихъ приговоръ!» Ла-Рошфуко думаетъ, что она не допустима.

Барнавъ полагаетъ, что, отвергнувъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, собраніе тѣмъ самымъ сдѣлало необходимымъ утвердительное рѣшеніе вопроса объ апеляціи. Судьи, близко поставленные къ тяжущимся, могутъ руководствоваться личными интересами, которыхъ не будетъ у членовъ апеляціоннаго трибунала. Опасаясь ихъ критики, судья первой инстанціи отнесется внимательнѣе къ отправленію своихъ обязанностей. Боязнь судебной аристократіи нелѣпа. Апеляціонные судьи будутъ отличаться отъ остальныхъ только большимъ возрастомъ, большими знаніями, большею опытностью; а такія преимущества не умаляютъ ничьего достоинства. Возможная въ гражданскихъ дѣлахъ апеляція немыслима въ дѣлахъ уголовныхъ. Въ нихъ, какъ замѣтилъ уже Ла-Рошфуко, приговоръ постановляется органами общественной совѣсти. Передъ кѣмъ обжаловать ихъ рѣшеніе? какъ не признать его окончательнымъ? Судья можетъ сдѣлать ошибку въ примѣненіи закона къ преступленію, но эта ошибка подлежитъ исправленію не суда апеляціоннаго, а ревизіоннаго.

Петіонъ высказывается противъ апеляцій. «Онѣ умножаютъ только расходы, нарушаютъ равенство въ пользу богатыхъ и совершенно безполезны. Апеляціонные судьи имѣютъ тѣ же страсти, что и судьи первой инстанціи. Если дорожить той гарантіей, какую представляетъ пересмотръ дѣла, то почему не поручить слѣдственному судьѣ суммарнаго рѣшенія, а окружнымъ судамъ окончательнаго».

Предсѣдатель предлагаетъ слѣдующую форму декрета: собраніе объявляетъ, что въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства будутъ существовать двѣ инстанціи; вопросъ объ апеляціи въ уголовныхъ дѣлахъ остается открытымъ. Декретъ принятъ большинствомъ [1]).

Втораго мая открываются пренія по вопросу, будутъ ли апеляціонные судьи осѣдлыми. Турэ повторяетъ въ пользу постоянства апеляціоннаго суда разсужденія Гара о добромъ

[1]) Arch. Parl., I-ser., томъ XV, стр. 351—354.

отцѣ семейства, которому добродѣтель мѣшаетъ вести странствующій образъ жизни разъѣзднаго судьи. Чтобы приблизить судъ къ тяжущимся, достаточно умножить число трибуналовъ; нѣтъ необходимости вводить судебныя ассизы. Согласно этому онъ предлагаетъ образованіе смѣшанныхъ судовъ, наполовину осѣдлыхъ, наполовину кочевыхъ; это помѣшаетъ, съ одной стороны развитію въ верховныхъ судахъ того корпоративнаго духа, того «esprit de corps», который сдѣлалъ изъ парламентовъ опасныхъ противниковъ конституціи, а съ другой—позволитъ безостановочное отправленіе правосудія и подготовку постоянными судьями дѣлъ для разбирательства судебныхъ ассизъ. Аппеляціонный трибуналъ учреждается въ каждомъ департаментѣ; одно отдѣленіе его составлено изъ постоянныхъ судей, другое изъ судей, разъѣзжающихъ по району. Подготовительная работа дѣлается тѣми и другими; окончательныя рѣшенія постановляются въ соединенномъ засѣданіи. Этотъ планъ, думаетъ Турэ, удовлетворяетъ требованіямъ простоты и дешевизны, быстроты рѣшеній и судебнаго безпристрастія.

Прюньонъ думаетъ, что одно постоянство судовъ можетъ внушить довѣріе къ вездѣсущему оку правосудія, которое такъ наивно передается слѣдующимъ ходячимъ разсказомъ. «Однажды крестьянка обратилась къ судьѣ съ просьбою вернуть ей украденную овцу. Кража произведена была во время ея сна. — Сонъ вашъ былъ очень глубокъ? спросилъ ее судья. — Да, отвѣтила женщина, — я спала покойно, зная, что за меня бодрствуетъ судъ».— Но какъ можетъ бодрствовать онъ, если суды не будутъ постоянными. Какъ можетъ также сохраниться представленіе о судилищѣ, какъ о своего рода храмѣ, когда судьи будутъ являться, какъ почтальоны, производя на всѣхъ впечатлѣніе какихъ-то шарлатановъ! Судья не долженъ знать ничего, кромѣ присутствія и кабинета, кромѣ труда, слѣдующаго за трудомъ; а отъ него требуютъ разъѣзда за разъѣздомъ; требуютъ, чтобы онъ проводилъ болѣе времени на дорогахъ, нежели въ залѣ присутствія. Если бы Локкъ, д'Агнессо, Монтескье или Лопиталь имѣли несчастіе быть членами конституціоннаго комитета, имъ бы не оставалось другаго исхода, какъ выйти въ отставку, чтобы избѣжать необходимости все

разрушить, все реформировать. Люди, заслуживающіе уваженія, но не видящіе передъ собою, подобно математикамъ, ничего, кромѣ геометрическихъ линій и точекъ внѣ пространства, представляютъ вамъ проектъ за проектомъ. Покойный дофинъ говорилъ однажды епископу верденскому, показывая ему планъ новаго зданія: «Лучшее въ немъ то, что оно будетъ построено только въ головѣ». Надѣюсь, что то же будетъ сказано и о планахъ собранія.

Оратора смѣняетъ на трибунѣ Тронше: «Вы не хотите постоянныхъ судовъ! говоритъ онъ, обращаясь къ депутатамъ, такъ какъ боитесь, чтобы они не сдѣлались новыми парламентами, но ваши опасенія напрасны; причины, вызвавшія къ жизни корпоративный духъ парламентовъ, сдѣлавшія изъ нихъ опасный противовѣсъ для правительства, исчезли вмѣстѣ съ деспотизмомъ.

Гупиль де-Префельнъ доказываетъ, что созданіе апеляціонныхъ судовъ лежитъ столько же въ интересахъ неимущихъ, сколько и богатыхъ. Установленіе законности рожденія, толкованіе брачныхъ договоровъ интересуютъ не однихъ богатыхъ. Чтобы уменьшить издержки, связанныя съ учрежденіемъ постоянныхъ трибуналовъ, Гупилль предлагаетъ подчинить подсудности каждаго изъ нихъ нѣсколько департаментовъ.

Собраніе постановляетъ, что всѣ апеляціонные суды будутъ постоянными.

§ 6.

На очередь поступаетъ новый вопросъ о пожизненности или срочности судебныхъ полномочій. Д'Андрэ полагаетъ, что пожизненность заставила бы судей смотрѣть на свою должность, какъ на собственность. Обезпеченность вызоветъ небрежность.

Бюзо думаетъ, что срочность мандата избавляетъ народъ отъ тѣхъ опасностей, которыми грозитъ неудачный выборъ. Пожизненность, думаетъ онъ, открыла бы возможность судьямъ войти въ стачку съ правительствомъ и содѣйствовать его самымъ произвольнымъ мѣропріятіямъ, вліяя на выборы въ законодательный корпусъ.

Пожизненность, утверждаетъ Редереръ, въ интересѣ однихъ дурныхъ судей, хорошіе всегда могутъ разсчитывать на переизбраніе. Она имѣетъ то неудобство, что ведетъ къ созданію въ каждомъ трибуналѣ своей особой юриспруденціи, основанной не на законѣ, а на судебной практикѣ.

Ни одному изъ ораторовъ не приходитъ въ голову, что пожизненность—лучшая гарантія суда противъ народныхъ страстей; что обязанные своимъ выборомъ временному настроенію толпы и завися всецѣло въ своемъ будущемъ отъ того впечатлѣнія, какое ихъ дѣятельность произведетъ на большинство избирателей, судьи не разъ готовы будутъ принести въ жертву своей популярности интересы правосудія.

Собраніе дѣлаетъ роковую ошибку, объявляя, что судьи будутъ избираемы только на срокъ, и усиливаетъ ее, допуская возможность вторичнаго избранія, вопреки заявленію Гара, что надежда снова попасть на должность сдѣлаетъ немыслимымъ судебное безпристрастіе, обратитъ судей въ клевретовъ тѣхъ, кто имѣетъ вліяніе на выборахъ [1]).

§ 7.

Пятаго мая открываются пренія по вопросу, то или другое рѣшеніе котораго столько же обусловило собой дальнѣйшія судьбы королевской власти во Франціи, сколько и порядокъ судебнаго устройства. Предстояло опредѣлить, будутъ ли судьи избираемы народомъ и установляемы въ должности королемъ, или король не будетъ имѣть впредь накакого участія въ ихъ назначеніи. Послѣ рѣчи депутата Бушъ, въ которой съ поразительнымъ невѣжествомъ проводился тотъ взглядъ, *что судьи до 697 года были избираемы, а съ этого времени, благодаря вступленію въ генеральные штаты (?) духовенства*, перестали быть предметомъ народнаго выбора, собраніе единогласно постановило: «судьи подлежатъ избранію народа».

Оставалось высказаться по вопросу объ утвержденіи. Интересы противниковъ и сторонниковъ королевской прерогативы,

---

[1]) Засѣд. 3 мая 1790 года. Arch. Parl., т. XV, стр. 369—371.

скрытыхъ друзей республики и явныхъ приверженцевъ монархіи, столкнулись съ новой силой и энергіей. Вожаки партій съ большей откровенностью, чѣмъ прежде, высказали свои сокровеннѣйшія цѣли; всѣмъ казалось, что насталъ моментъ рѣшительнаго и послѣдняго боя, что монархія должна выйти или побѣдительницей изъ возникшаго столкновенія, или уступить мѣсто республикѣ.

Для друзей революціи участіе короля въ назначеніи судей было равнозначительно полному пораженію всего затѣяннаго ими дѣла, тогда какъ для друзей короля оно являлось залогомъ возрожденія во Франціи традиціонной монархіи, внѣ которой они видѣли только деспотизмъ собранія и произволъ муниципальныхъ совѣтовъ. Намъ трудно понять причину, по которой этотъ второстепенный вопросъ призванъ былъ занять такое выдающееся мѣсто въ дебатахъ національнаго собранія; мы въ недоумѣніи спрашиваемъ себя, какъ могли тѣ самые депутаты, которые только что высказались единогласно въ пользу народнаго избранія судей, обнаружить такое разнорѣчіе, такой раздоръ въ вопросѣ, счастливое рѣшеніе котораго могло только отчасти поднять престижъ королевской власти, сохраняя за монархомъ право выбора между кандидатами, представленными ему народомъ. Но надо помнить, что въ тотъ моментъ, когда начались дебаты, королевская власть постепенно лишена уже была во Франціи существеннѣйшихъ своихъ атрибутовъ.

Отъ нѣкогда принадлежавшей ей всецѣло законодательной власти удержано было одно относительное вето. Выборъ департаментской, окружной и муниципальной администраціи перешелъ въ руки народа; монархъ пересталъ быть военачальникомъ надъ соединенными силами націи. Гражданская милиція получила независимаго и избираемаго главу. Большинство назначеній въ войскѣ и флотѣ отнято было у короля и сосредоточено въ рукахъ самихъ полковъ. Хотя назначеніе министровъ и оставлено было за правительствомъ, но собраніе въ то же время постаралось ограничить до крайности ихъ участіе въ руководительствѣ дѣлами страны; оно закрыло имъ доступъ въ свою среду и сосредоточило въ рукахъ своихъ комитетовъ фактическое завѣдываніе отдѣльными отраслями управленія. Въ

одной лишь области суда королевская прерогатива до сихъ поръ оставалась нетронутой. Упраздненіе парламентовъ, этихъ еще недавно могущественныхъ противовѣсовъ министерскаго произвола, пророчило даже нѣкоторое усиленіе королевской власти. Оставалось только удержать за нею хотя бы въ ограниченномъ размѣрѣ исконное и неотъемлемое право быть фактическимъ главою, источникомъ и руководителемъ правосудія. Эта функція, которой не рѣшались отнять самые рѣшительные противники королевской прерогативы, была такъ тѣсно связана со всѣмъ прошлымъ монархіи, что трудно было представить себѣ короля иначе, какъ наслѣдственнымъ судьею своихъ подданныхъ. Не были ли цари израиля прямыми преемниками тѣхъ судей, о которыхъ говорятъ намъ книги Ветхаго Завѣта? Какой иной источникъ, кромѣ судейской должности, имѣли греческіе базилевсы? И чѣмъ, какъ не судьею, рисовался въ народномъ воображеніи французовъ Людовикъ Святой, отправляющій правосудіе подъ историческимъ дубомъ въ Венсенѣ? Примѣръ Англіи—страны, въ которой королевская власть подверглась наибольшимъ ограниченіямъ и сохранила тѣмъ не менѣе всю полноту судебныхъ функцій; въ которой, начиная отъ канцлера и оканчивая органами мировой юстиціи не было и нѣтъ судьи, который не производилъ бы своихъ полномочій отъ короны,—поддерживалъ ходячее представленіе, что въ монархіи источникомъ магистратуры является король. Въ большинствѣ штатовъ Сѣверной Америки продолжало еще держаться правительственное назначеніе. Съ момента провозглашенія въ нихъ независимости, оно сосредоточилось въ рукахъ губернаторовъ, власть которыхъ была до нѣкоторой степени сколкомъ съ той, какая въ Англіи принадлежала королю. Правда, въ нѣкоторыхъ штатахъ, въ томъ числѣ въ Пенсильваніи, успѣхи демократіи сказались уже въ подчиненіи судебныхъ должностей народному выбору, но большинство политическихъ дѣятелей и писателей, Адамсъ, Гамильтонъ и другіе, высказывались еще рѣшительно въ пользу правительственнаго назначенія. Теорія независимости судебной власти, провозвѣстникомъ которой явился Монтескье, нисколько не поднимала вопроса о необходимости отнять у короля право выбора. Она указывала только на пользу несмѣняемости, до-

стигаемой въ старой Франціи продажей должностей, а въ Англіи ихъ пожизненностью. Тѣмъ не менѣе этой именно теоріи и суждено было сдѣлаться невольнымъ источникомъ ученія о необходимости отдѣлить отъ функцій исполнительной власти и ея главы — короля, право установленія органовъ власти судебной.

Развѣ логическимъ выводомъ изъ теоріи, требующей раздѣленія и обособленія властей, не является установленіе для каждой независимаго источника; и развѣ сочетаніе ея съ ученіемъ о суверенитетѣ націи не указываетъ прямо на народъ, какъ на этотъ источникъ? Неудивительно, если, какъ мы сейчасъ увидимъ, практическій вопросъ о степени участія короля въ установленіи членовъ магистратуры вызвалъ на очередь теоретическій споръ о томъ, въ какой мѣрѣ судебная власть должна быть признана самостоятельной и независимой отъ власти исполнительной. Казалесъ и Барнавъ, Мори и Петіонъ преломляли копья, доказывая—одни невѣрность положенія Монтескье о существованіи трехъ независимыхъ властей и необходимость свести всѣ власти къ законодательству и исполненію, другіе, наоборотъ, неоспоримость этого ученія и вытекающую изъ его признанія обязанность отнять у короля, какъ главы исполнительной власти, всякое участіе въ назначеніи судей.

Этотъ послѣдній выводъ сдѣланъ былъ, впрочемъ, не сразу, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи ко всѣмъ членамъ магистратуры. Проектъ конституціоннаго комитета выговаривалъ только избраніе полицейскихъ и мировыхъ судей, для всѣхъ же остальныхъ онъ требовалъ правительственнаго назначенія, ограничивая въ то же время выборъ короля тремя представленными народомъ кандидатами. Первымъ вооружился противъ такого изъятія депутатъ Муженъ де-Рокфоръ. «Народъ, сказалъ онъ, источникъ всякой власти; онъ въ правѣ удержать въ своихъ рукахъ всѣ тѣ функціи, отправленіе которыхъ возможно для него безъ участія посредниковъ; передача ихъ послѣднимъ далеко не безопасна. Глава исполнительной власти не долженъ имѣть никакого вліянія на агентовъ власти судебной. Ихъ избраніе принадлежитъ несомнѣнно тѣмъ, въ пользу кого эта власть будетъ осуществляться. Король не можетъ знать представля-

емыхъ ему кандидатовъ. Выборъ между ними сдѣланъ будетъ не имъ, а министрами. Тотъ изъ кандидатовъ, который обнаружитъ наибольшую способность къ интригѣ, кто сумѣетъ снискать себѣ расположеніе министровъ, и возьметъ верхъ надъ остальными.

Клермонъ Тоннеръ поддерживалъ проектъ коммиссіи, доказывая, что въ каждомъ приговорѣ имѣется двѣ стороны: фактическая и юридическая; судья долженъ опредѣлить и характеръ разсматриваемаго случая, и законъ, какой будетъ примѣненъ къ нему. Изъ этихъ двухъ частей приговора одна должна имѣть источникомъ народъ, другая—короля. Отсюда одинаковая необходимость избранія снизу и утвержденія сверху.

Ларевелльеръ Лепо, повторяя ученіе Руссо о неотчуждаемости тѣхъ функцій народнаго суверенитета, природа которыхъ дозволяетъ осуществленіе ихъ самой націей, указывалъ въ то же время на непослѣдовательность, какую представляло бы утвержденіе избранныхъ судей королемъ, особенно послѣ того, какъ само собраніе удержало исключительно за націей выборъ и утвержденіе органовъ мѣстной администраціи. Наши противники, прибавилъ онъ, несомнѣнно сошлются на примѣръ Англіи. Съ дѣтства я привыкъ слышать это имя съ истиннымъ наслажденіемъ. Съ годами это чувство еще болѣе усилилось, но это не помѣшаетъ мнѣ сказать тѣмъ, кто ссылается на примѣръ Англіи: приведите мнѣ лучше авторитетъ разума. Разумъ же говоритъ: все, что народъ можетъ сдѣлать самъ, онъ долженъ дѣлать. Народъ же можетъ избрать и назначить судей, а слѣдовательно пусть онъ одинъ избираетъ и назначаетъ ихъ.

«Опредѣленіе на судебныя должности королемъ противно принципамъ свободнаго правительства, утверждаетъ Барнавъ. Если король сохранилъ это право въ Англіи, то только въ силу феодальнаго принципа. Пусть не говорятъ, что судебная власть составляетъ часть власти исполнительной. Между обѣими нѣтъ ничего аналогичнаго. Обѣ имѣютъ одинаково источникомъ народъ. Предоставить королю назначеніе судей—это открыть ему возможность вліять на цѣлый рядъ семей и поэтому на всѣ власти. Вы не преминули бы увидѣть вскорѣ слѣды этого вліянія на магистратурѣ. Министры воспользовались бы этимъ опаснымъ средствомъ, и скоро возникла бы легальная возможность

возстановить деспотизмъ и притомъ въ самой позорной его формѣ — той, источникомъ которой является покровительство и личный разсчетъ. Освятите эти порядки, откройте новые пути для подкупа, и надежда на свободу и счастье навсегда будетъ потеряна. Вскорѣ во Франціи вы увидите образованіе тѣхъ же партій, что и въ Англіи. Одна изъ нихъ всегда была бы въ рукахъ короля, и члены ея одни имѣли бы доступъ ко всѣмъ должностямъ; другая же не выходила бы изъ состоянія хроническаго возстанія».

Едва ли можно найти въ дебатахъ національнаго собранія болѣе рѣзкое доказательство полнаго непониманія англійскихъ конституціонныхъ порядковъ. Я не буду настаивать уже на безсмысліи считать феодализмъ источникомъ судебной власти короля, такъ какъ на самомъ дѣлѣ феодализмъ стремился, наоборотъ, къ отнятію этой власти у монарха. Рѣчь Барнава встрѣтила въ этомъ отношеніи должный отпоръ въ стѣнахъ самого собранія. Но того же нельзя сказать о его характеристикѣ англійскихъ политическихъ партій, характеристикѣ, которая отвѣчала общему представленію людей 1789 года. Читая французскія газеты, справедливо пишетъ Шавеленъ, дипломатическій агентъ Франціи при Сенъ-Джемскомъ дворѣ, ежедневно убѣждаешься, что наши соотечественники совершенно ложно понимаютъ термины «министерская партія», «партія оппозиціи». Если вѣрить имъ, король и всѣ защитники привилегій и королевской прерогативы входятъ въ ряды первой, тогда какъ вторая составлена всецѣло изъ друзей народа. Одна заботится ежечасно о подъемѣ авторитета, другая столь же ревностно о расширеніи народной свободы [1]). Въ этой характеристикѣ торіямъ и вигамъ не легко было бы узнать себя; такъ же трудно, какъ и въ той, какую даетъ имъ Барнавъ, отождествляя ихъ не столько съ консерваторами и либералами, сколько съ легитимистами и революціонерами. На самомъ же дѣлѣ членовъ обѣихъ партій разъединяли и разъединяютъ болѣе фамильныя традиціи, нежели принципы, иностранная политика, нежели вну-

---

[1]) Chauvelin au ministre des affaires étrangères (стр. 292) (Londres, 23 mai 1792, l'an IV de la liberté). (La Mission de Talleyrand à Londres en 1792, par Pallain (Paris, 1889).

тренняя, соціальные интересы, какъ-то, крупное землевладѣніе и капиталистическое производство, нежели политическіе. Торіи, затѣвающіе въ лицѣ Питта избирательную реформу и приводящіе ее въ исполненіе столѣтіе спустя по иниціативѣ Дизраэли, торіи, подымающіе руку на то, что постоянно считалось оплотомъ всякаго консерватизма, вводящіе систему избирательныхъ совѣтовъ графствъ и муниципій и ограничивающіе авторитетъ мировыхъ судей, очевидно, стоятъ далеко отъ того представленія о партіи, всецѣло подчиненной интересамъ короля и привилегированныхъ сословій, какого держались на ихъ счетъ дѣятели 1789 года.

Обѣ партіи имѣли и имѣютъ въ виду сохраненіе въ общемъ дѣйствующей конституціи; онѣ соперничаютъ только въ желаніи стать у кормила правленія, сдѣлаться правительствомъ, выбирать министровъ изъ своей среды. Но для этого имъ нужно добиться большинства, т. е. склонить въ свою пользу нерѣшительные голоса путемъ уступокъ и пожертвованій; отсюда необходимость коалицій и смѣшанныхъ программъ, необходимость принять иниціативу въ реформѣ, нерѣдко не имѣющей ничего общаго съ ихъ задачами, но которая на столько назрѣла, что несомнѣнно будетъ предложена если не ими, то ихъ противниками. И вотъ, чтобы не упустить ея изъ рукъ, чтобы не дать соперникамъ возможности легкаго торжества и средства къ упроченію своей популярности, однимъ словомъ, чтобы сохранить за собою власть, партія берется за проведеніе въ жизнь дѣла, противъ котораго сама она долго боролась. Все это не входило въ область пониманія людей 89 года; они не видѣли, что обѣ партіи въ равной степени могутъ быть названы правительственными, въ равной степени являются врагами революціи, что обѣ по существу своему консервативны, такъ какъ проникнуты одинаково уваженіемъ къ существующимъ учрежденіямъ и имѣютъ своей задачей сохраненіе конституціи. Но непониманіе смысла политическихъ партій въ Англіи дѣлало невозможнымъ и всякій честный опытъ парламентаризма, т. е. искреннюю попытку примирить традиціонную монархію съ новымъ требованіемъ самоуправленія общества. А безъ этого «друзья народа и свободы» могли быть только безсознательными поборниками республики. Это не

мѣшало имъ считать себя сторонниками конституціонной монархіи и протестовать противъ всякаго обвиненія въ систематической враждебности къ монархическому принципу. Ихъ протесты чередовались съ попытками подкапаться подъ самыя основы монархическаго строя, изолировать короля, сдѣлать его совершенно ненужнымъ для хода правительственной машины и тѣмъ самымъ подготовить его легальное упраздненіе, какъ результатъ его фактической безполезности. Все это какъ нельзя лучше было сознано тѣми немногими сторонниками конституціоннаго режима, которыхъ въ это время собраніе еще считало въ своей средѣ. Удивительно, что на этотъ разъ ими выступили не только бывшіе союзники Мунье, но и недавніе сторонники сословной монархіи, аббатъ Мори и Казалесъ. По мѣрѣ того, какъ королевская власть теряла почву въ общественномъ мнѣніи и подвергалась все большимъ ограниченіямъ со стороны собранія, ея защитники, какъ мы видѣли, измѣняя прежней тактикѣ, все чаще и чаще стали опирать свои требованія на тѣхъ самыхъ началахъ англійской конституціи, которыя послужили исходною точкою отправленія для ихъ борьбы съ королевской властью. Если бы Мунье и Маллэ оставались еще въ стѣнахъ собранія, имъ бы не только пришлось голосовать за одно съ тѣми, кого еще недавно они считали вожаками враждебной имъ партіи, но они услышали бы также изъ ихъ устъ ту аргументацію, какая выдвигаема была ими самими при обсужденіи взаимнаго отношенія властей, правъ короля и атрибутовъ собранія.

«Люди, желающіе сосредоточить всѣ власти въ рукахъ націи и обобрать короля, думаютъ, что тѣмъ самымъ являются сторонниками народа; я же, говорилъ Гара, хочу не только прослыть, но и сдѣлаться настоящимъ его другомъ, отстаивая установленіе судей королемъ. Вы, которые являетесь не болѣе, какъ частью націи, слушайте, что я намѣренъ предложить вамъ въ интересахъ счастья, свободы, чести всего французскаго народа».

На этомъ мѣстѣ оратора прерываютъ шумныя неодобренія трибунъ. Гара продолжаетъ: «Я не имѣю въ виду слѣдовать шагъ за шагомъ за рѣчью моего предшественника (Барнава); онъ такъ много говорилъ пустяковъ, онъ сказалъ столько ненужнаго; я обращу вниманіе только на суть его разсужденій.

Источникомъ назначенія судей королемъ онъ призналъ феодальное право; онъ надѣялся, что при одномъ упоминаніи о феодализмѣ послѣдуетъ всеобщій протестъ, но кому же неизвѣстно, что короли назначали судей задолго до феодализма. Барнавъ жестоко заблуждается, когда думаетъ, что король не въ силахъ самъ предупредить неудачнаго выбора; онъ забываетъ, что выборы производятся не самой націей, а ея депутатами, которые могутъ злоупотребить ея довѣріемъ, подчиниться вліянію подкупа и предложить людей недостойныхъ. Не было ли бы поэтому истиннымъ несчастіемъ, если бъ король лишенъ былъ возможности устранять дурныхъ судей. Если мы не побоялись дать королю вето по отношенію къ дурнымъ законамъ, то неужели насъ испугаетъ мысль надѣлить его вето по отношенію къ дурнымъ судьямъ. Не сдѣлавъ этого, мы дадимъ полное основаніе обвинять насъ въ желаніи всячески ослабить исполнительную власть. Умоляю васъ во имя вашей чести, во имя вашей лойяльности, умоляю васъ именемъ націи, дайте королю право установленія судей, право, которое не грозитъ никакой опасностью націи и необходимо для ея благополучія. Иначе вамъ придется сознаться, что вы желаете оставить за королемъ только власть воображаемую».

Казалесъ также начинаетъ свою защиту королевскаго установленія судей критикой положенія Барнава о феодальномъ источникѣ этой власти.

«Исторія доказываетъ, справедливо замѣчаетъ онъ, что феодализмъ не только не надѣлилъ этой властью монарха, но напротивъ узурпировалъ ее въ ущербъ королю». Сказавши это, ораторъ переходитъ къ установленію теоретическихъ основъ, побуждающихъ его выговорить королю участіе въ назначеніи судей. «Въ каждомъ политическомъ обществѣ, говоритъ онъ, существуютъ исключительно двѣ власти: законодательная и исполнительная. Судебная, что бы на этотъ счетъ ни говорили публицисты, не власть сама по себѣ, а только функція власти, заключающаяся въ прямомъ примѣненіи закона. Но примѣненіе закона входитъ въ атрибуты исполненія, исполненіе же принадлежитъ королю, изъ чего слѣдуетъ, что ему и должно быть предоставлено назначеніе судей, точь точь, какъ и назначеніе

офицеровъ въ арміи. Кому, какъ не королю, принадлежитъ защита собственности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ? Но какъ можетъ онъ защищать ее, разъ у него отнято право руководить судьями? Философъ, мнѣнія котораго едва ли покажутся собранію подозрительными, я разумѣю гражданина Женевы (Руссо), сказалъ: «Короли прирожденные судьи народа, осуществляющіе правосудіе лично или черезъ уполномоченныхъ!» Примѣръ всѣхъ народовъ доказываетъ справедливость этого положенія. Въ Римѣ народъ избиралъ претора, но преторъ независимо отъ народа назначалъ своихъ субститутовъ-судей. Такимъ образомъ признанъ былъ тотъ принципъ, что глава правосудія самъ опредѣляетъ своихъ агентовъ.

Не доумѣваешь, какъ могла возникнуть мысль лишить короля вліянія на назначеніе судей. И безъ того уже король не находитъ во всемъ административномъ персоналѣ никого, кто бы могъ считаться его агентомъ. Недавно онъ былъ господиномъ надъ арміей, отнынѣ онъ только ея глава. Какое же правительство хотите вы создать во Франціи? И къ чему сводятся всѣ обѣщанія, данныя вашими декретами? Если планъ демократическаго образа правленія отуманилъ ваши головы, честнѣе было бы откровенно передъ лицомъ всего міра признать это, а не вести насъ хитрыми путями къ этой пагубной цѣли. Какая, спрашиваю я, будетъ существовать отнынѣ связь между тѣми восемьюдесятью съ лишнимъ частями, на которыя вы разбили королевство? Каждая изъ нихъ имѣетъ уже свою независимую духовную и свѣтскую администрацію, теперь каждая получитъ свои частные суды. Королевство раздробится, и вы снова увидите возрожденіе феодализма, ничтожные слѣды котораго отмѣнены были вами... Имѣй я возможность развить свою мысль въ полномъ объемѣ, мысль, которая одна мнѣ кажется справедливой и разумной, я бы сказалъ, что королю всецѣло должно принадлежать право назначенія судей; но вы постановили уже противное. Зараза демократическихъ принциповъ сдѣлала такіе успѣхи, что мое мнѣніе на этотъ счетъ заслужило бы неодобреніе мудрѣйшихъ изъ членовъ собранія. Я довольствуюсь поэтому требованіемъ, чтобы королю предоставлено было право выбора изъ трехъ предложенныхъ народомъ кандидатовъ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Шабру представилъ самое откровенное изложеніе тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ собраніе дорожить народнымъ избраніемъ. Онъ сослался на авторитетъ Мабли, «одного, какъ онъ выразился, изъ нашихъ учителей въ дѣлѣ политики», и указалъ заодно съ нимъ на опасность недѣлимой исполнительной власти. «До тѣхъ поръ, сказалъ онъ, пока всѣ вѣтви исполненія будутъ соединены въ однѣхъ рукахъ, законодательная власть въ состояніи будетъ сдѣлаться предметомъ нападенія со стороны исполнительной. Свобода погибнетъ, а вмѣстѣ съ нею и конституція. Ссылаются на то, что правосудіе отправляется именемъ короля, и выводятъ отсюда, что назначеніе судей должно принадлежать ему. Но Бентамъ доказалъ, что упоминаніе имени короля въ приговорахъ—не имѣющая значенія формальность. Мѣсто королевскаго имени должно было бы занять имя судьи, такъ какъ именемъ короля только приводится въ исполненіе приговоръ. Если вы думаете, что добрые нравы необходимы для свободы, то не поощряйте доноса и клеветы. Добродѣтельнѣйшій человѣкъ имѣетъ враговъ, которые представятъ его въ невыгодномъ свѣтѣ министрамъ и государю. Этими врагами легко могутъ быть его конкуренты на должность; ихъ интригамъ мы обязаны будемъ тѣмъ, что король изъ трехъ кандидатовъ выберетъ наименѣе достойнаго. Не портите же сознательно нравовъ, надѣляя короля правомъ, которое онъ не можетъ осуществлять, не поддерживая корысти и клеветы».

«Ораторъ, котораго вы только что слышали, сказалъ, отвѣчая Шабру, аббатъ Мори, раскрылъ намъ тайну нашихъ противниковъ. Демократическій образъ правленія, противъ котораго мы давнымъ давно боремся и принципы котораго никто еще не смѣлъ изложить открыто въ этомъ собраніи, теперь выступаетъ воочію передъ націей. Намъ откровенно сказали, что исполнительная власть должна быть раздѣлена и что политическая свобода непримирима съ сосредоточеніемъ въ рукахъ короля всѣхъ исполнительныхъ функцій. Никогда еще эта мысль не представляема была намъ, какъ основа будущей конституціи. Разъ это сдѣлано, я считаю своимъ долгомъ, не теряя минуты, напасть на нее открыто. Что такое исполнительная власть? Это—сила общественная, направленная къ приведенію закона въ дѣйствіе.

Во всѣхъ государствахъ въ мірѣ, каковъ бы ни было ихъ образъ правленія, существуетъ исполнительная власть. Когда законодательство соединено съ нею воедино, государство является деспотіей. Если же законодательство осуществляется совмѣстно націей и королемъ, органомъ исполненія, мы имѣемъ монархію. Но разъ исполнительная власть раздѣлена между нѣсколькими публичными должностями, мѣсто монархіи занимаетъ республика.

Монархъ нуждается, разумѣется, при осуществленіи принадлежащей ему исполнительной власти въ помощи второстепенныхъ органовъ, но единство исполнительной власти сохраняется тѣмъ, что король самъ выбираетъ своихъ агентовъ, самъ распредѣляетъ между ними различныя функціи исполненія. Какъ только мѣсто короля въ этомъ дѣлѣ занимаетъ конституція, не можетъ быть больше рѣчи о монархіи, а только о республикѣ, болѣе или менѣе народной. «Нужно ли доказывать, говоритъ Мори, что во всѣхъ существующихъ республикахъ исполнительная власть раздѣлена», и въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ примѣры Венеціи, Генуи, Голландіи, Швейцаріи и Женевы. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, опытъ всей Европы доказываетъ, заодно съ теоріей, что для сохраненія монархическаго образа правленія надо отказаться отъ мысли о раздѣлѣ исполнительной власти, а слѣдовательно и отъ отдѣленія судебной администраціи, этой необходимой составной части исполненія. Тѣ, кто предлагаетъ вамъ объявить судъ независимымъ отъ короля, имѣютъ поэтому въ виду обратить Францію въ республику.

Таковъ печальный исходъ нашихъ препирательствъ, такова цѣль, къ которой мы приведены. Я констатирую этотъ фактъ передъ лицомъ націи и требую отъ моихъ противниковъ, чтобы они признали справедливость моего утвержденія. Гдѣ власть исполнительная раздѣлена, имѣется мѣсто только для республики. Исторія доказываетъ намъ, что раздѣлъ исполнительной власти былъ всегда источникомъ перехода монархіи въ республику. Пока въ Польшѣ правила династія Ягеллоновъ, законодательство принадлежало сейму, исполненіе королю; но въ концѣ XVI столѣтія при Стефанѣ Баторіи дворянство, которое къ сожалѣнію одно представляетъ собою польскую націю, овладѣло

судомъ, установило ежегодно возобновляемую путемъ выборовъ магистратуру и сдѣлало ее совершенно независимой отъ короля. Каково же было послѣдствіе этой мѣры? Чѣмъ отразилась она на судьбахъ Польши? Ею началось то разложеніе монархической власти, которое постепенно привело страну къ анархіи и подготовило такимъ образомъ паденіе ея политической независимости. Вотъ что стоило полякамъ примѣненіе того самаго декрета, который предлагаютъ вамъ нынѣ... Вы сами постановили, что образъ правленія во Франціи будетъ монархическій и что исполнительная власть принадлежитъ исключительно королю. Тѣ, кто предлагаетъ вамъ послѣ этого раздѣлъ исполнительной власти, возстаютъ такимъ образомъ открыто противъ вашихъ декретовъ. Вы помните, какъ поразило всѣхъ насъ заявленіе, что Франція должна сдѣлаться демократической монархіей. Это чудовищное сочетаніе словъ, которыя, по выраженію Мирабо, вопіютъ одно противъ другаго, встрѣтило съ нашей стороны такое явное неодобреніе, что авторъ его, баронъ Вимпфенъ, счелъ нужнымъ дать объясненія и сказать, что онъ поставилъ рядомъ эти термины съ цѣлью воочію представить все безуміе современныхъ новаторовъ. Кто бы сказалъ намъ, господа, что это нелѣпое сочетаніе словъ заключало въ себѣ пророчество, выполненіе котораго совершается теперь на нашихъ глазахъ. Эта безумная система какой-то монархической демократіи съ каждымъ днемъ все рѣзче и рѣзче выступаетъ передъ нами. Всякими путями стараются сдѣлать короля чуждымъ администраціи, его хотятъ обратить въ какого-то великаго пенсіонарія, по образцу Голландіи, лишеннаго фактическаго вліянія и авторитета. Намъ обѣщали, что установленіе исполнительной власти будетъ естественнымъ послѣдствіемъ конституціи, что организація прочихъ властей сдѣлаетъ снова жизненной исполнительную власть короля. И что же? Чѣмъ болѣе развертываются наши конституціонные принципы, тѣмъ болѣе и болѣе падаетъ монархическая власть. Мы ставимъ ее не въ центрѣ, а въ окружности, передавая ея функціи мѣстному управленію или войску. А тепер ьнамъ предлагаютъ сдѣлать то же по отношенію къ суду, т. е. въ дѣйствительности устранить вполнѣ королевскую власть изъ нашей политической организаціи. Мирабо совершенно правъ,

утверждая, что разъ она стоитъ около публичныхъ властей, она тѣмъ самымъ внѣ ихъ, внѣ созданной конституціей политической организаціи. Но всякій образъ правленія, въ которомъ королевская прерогатива не будетъ составною частью, немыслимъ во Франціи. Ее нельзя обратить въ какую-то федерацію сорока пяти тысячъ муниципальныхъ деспотій и восьмидесяти четырехъ департаментскихъ республикъ. Это можно сдѣлать только на бумагѣ или въ воображеніи. Нація при первомъ пробужденіи потребуетъ своего короля. Государство, столь обширное, столь населенное, нуждается въ связующей силѣ, нуждается во власти, которая бы служила для всѣхъ ея частей объединяющимъ началомъ. Уже провинціи, испуганныя всеобщей анархіей, ходатайствуютъ объ усиленіи королевской власти. Мнимые патріоты, постоянно выставляющіе передъ нами спектръ деспотіи, не хотятъ видѣть, что сами они дѣлаютъ эту деспотію неизбѣжной, отказывая королю въ легальномъ возстановленіи его власти. Мы хотимъ короля, и если намъ откажутъ въ этомъ требованіи, мы вскорѣ не будемъ имѣть другого прибѣжища, кромѣ деспотіи. Когда намъ не останется иного выбора, какъ или отказаться отъ личной обезпеченности въ интересахъ мнимой свободы, или отъ этой свободы въ интересахъ обезпеченности, мы охотно бросимся въ объятія самаго крайняго деспота.

Предсказавши такимъ образомъ неизбѣжное наступленіе въ будущемъ опирающейся на силу меча деспотіи, подобной той, какую нѣкогда въ равныхъ условіяхъ пережила Англія и которой Франціи суждено было вскорѣ подчиниться подъ скипетромъ Наполеона, этого самозваннаго спасителя общества отъ соціальной розни, Мори переходитъ къ разсмотрѣнію нормальныхъ условій, въ которыя должна быть поставлена монархическая власть въ конституціонномъ государствѣ. Король, утверждаетъ онъ, не долженъ оставаться чуждымъ ни одной вѣтви управленія: его власть есть тотъ цементъ, который связываетъ воедино отдѣльныя части конституціи. Что значили бы сами по себѣ судебные приговоры, если бы они лишены были содѣйствія исполнительной власти. Они не имѣли бы большей обязательной силы, чѣмъ сентенціи юристовъ. И какое значеніе имѣло бы государство, если бы судебная и исполнительная власть

не были связаны между собою въ лицѣ короля и, какъ двѣ независимыя силы, вступили въ открытое столкновеніе. Повторяя мысль Казалеса, Мори утверждаетъ, что въ каждомъ государствѣ существуетъ всего на всего двѣ власти, законодательная и исполнительная.

Функціи муниципальныя, административныя, судебныя сами по себѣ не образуютъ еще особыхъ властей; это только отдѣльныя вѣтви или необходимыя дополненія исполнительной власти. «Безсмертный Монтескье, который оцѣненъ какъ слѣдуетъ только со времени открытія національнаго собранія, съ тѣхъ поръ какъ пережитыя нами революціи раскрыли вполнѣ всю глубину этого пророческаго генія, первый, выдѣлилъ судебную власть изъ исполненія». Подобно Казалесу, Мори критикуетъ этотъ взглядъ. Я апеллирую на рѣшеніе этого великаго человѣка къ авторитету разума, который опровергаетъ его, и утверждаю, что національное собраніе, отвергшее почти во всемъ мнѣнія Монтескье, впало бы въ изумительное противорѣчіе съ самимъ собой, давая признаніе на этотъ разъ самой грубой изъ его ошибокъ. Монтескье былъ вовлеченъ въ нее желаніемъ поддержать независимость парламентовъ. Не странно - ли видѣть національное собраніе примѣняющимъ его теорію въ то самое время, когда оно подымаетъ руку на парламенты, въ интересахъ которыхъ построена эта теорія!

Мори останавливается подробно на развитіи той мысли, что съ самаго происхожденія государства короли были судьями народа. Переходя къ Франціи, онъ представляетъ живой и вѣрный очеркъ исторіи судебной власти въ ней, очеркъ, подтвержденный впослѣдствіи изслѣдованіями Пардессю и Бутарика. Въ противоположность тѣмъ, кто, слѣдуя Мабли, утверждалъ ни на чемъ не основанный фактъ избирательности судей въ меровингскую эпоху, Мори проводитъ тотъ взглядъ, что при первыхъ двухъ династіяхъ судьи были неизмѣнно назначаемы королемъ.

Его посланцы — missi dominici поддерживали между провинціями то единство, ту политическую централизацію, средоточіемъ которой должна быть все объединяющая королевскаи власть.

Феодализмъ узурпировалъ прерогативу монарха, перенесши въ руки вотчинныхъ собственниковъ право назначенія судей. Но короли вскорѣ открыли съ помощью своихъ бальифовъ побѣдоносную борьбу съ этими захватами и воспользовались самымъ отказомъ въ правосудіи (défaute de droit) со стороны сеньеровъ для расширенія своей юрисдикаціи на ихъ земли. Великіе вассалы, въ родѣ норманскаго герцога, присвоили себѣ даже право постановлять приговоры не именемъ короля, а собственнымъ именемъ, и только возсоединеніе Нормандіи съ Франціей положило конецъ такому захвату. «Несправедливо поэтому, заключаетъ Мори, говорить о вмѣшательствѣ короля въ судебную организацію, какъ о феодальномъ злоупотребленіи. Такое утвержденіе предполагаетъ слишкомъ много невѣжества, чтобы можно было объяснить его иначе, какъ недобросовѣстностью». Мори побѣдоносно доказываетъ, что и въ Англіи королевское назначеніе судей не имѣетъ источникомъ феодализма. Эта прерогатива принадлежитъ англійскому королю ни болѣе ни менѣе, какъ и всѣмъ прочимъ монархамъ. Всеобщая исторія не представляетъ примѣра монархическаго устройства, въ которомъ бы глава государства не имѣлъ права установленія судей. Самъ Руссо признаетъ этотъ фактъ, утверждая, что отправленіе правосудія не можетъ быть отнято у короля; не имѣя возможности осуществлять эту функцію лично, король назначаетъ субститута и «это право создавать судей—необходимый аттрибутъ его власти, такъ какъ никто другой, какъ король, отвѣтственъ за приговоры, постановленные его именемъ».

Доказавши такимъ образомъ, что защищаемый имъ порядокъ твѣчаетъ требованіямъ историческаго права, Мори переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ неудобствъ, которыя повлекла бы за собою система непосредственнаго выбора судей народомъ. «Судей поистинѣ національныхъ, утверждаетъ онъ, можетъ создавать одна только нація и ея представитель—король. Судьи, избираемые по кантонамъ, округамъ и департаментамъ, будутъ имѣть необходимо только мѣстныя полномочія. Нація устанетъ вскорѣ отъ выборовъ. Какъ можетъ народъ терять свое время на постоянное избраніе муниципальныхъ чиновниковъ, членовъ департаментскихъ директорій, депутатовъ окружныхъ, департаментскихъ,

національныхъ, наконецъ, того множества судей, выборъ которыхъ долженъ быть отнынѣ сосредоточенъ въ его рукахъ. Съ другой стороны, кто рѣшится сдѣлать необходимыя затраты времени и средствъ для пріобрѣтенія юридическаго образованія, разъ назначеніе его въ судьи зависитъ отъ случайностей народнаго избранія?. Кто будетъ смотрѣть на судебную профессію, какъ на постоянный заработокъ, зная, что онъ можетъ лишиться своего мѣста на ближайшихъ выборахъ? Какой судья будетъ имѣть смѣлость быть справедливымъ, предвидя, что судьба его завтра будетъ рѣшаться тѣмъ самымъ человѣкомъ, надъ которымъ нынѣ онъ постановляетъ свой приговоръ? Не въ интересахъ деспотизма, а народной безопасности, установлено было королями начало несмѣняемости судей. «Могу увѣрить васъ, говоритъ Мори депутатамъ, что вы отнеслись къ вопросу односторонне. Опытъ вернетъ васъ къ настоящимъ принципамъ; я рѣшаюсь предсказать, что несмѣняемость будетъ возстановлена, разъ вы пожелаете надѣлить народъ судьями, вполнѣ независимыми и потому безпристрастными».

«Сама природа поставила Францію въ необходимость быть монархіей; а если такъ, то королю должно принадлежать назначеніе судей въ такой же мѣрѣ, какъ и офицеровъ въ армію. Въ его обязанность входитъ защита собственностей извнѣ и внутри, извнѣ — силою оружія, внутри — хорошей администраціей юстиціи. Если бы единство исполнительной власти было нарушено и судебная власть отдѣлена отъ королевской, это политическое манихейство извратило бы природу французскаго правительства; мы бы сохранили всѣ невыгоды монархіи и утратили бы всѣ ея преимущества. Отъ имени моихъ довѣрителей, отъ имени всей націи я требую поэтому, чтобы за королемъ удержано было по меньшей мѣрѣ право выбора одного изъ трехъ предложенныхъ ему кандидатовъ».

Мирабо взялся представить возраженія, если не на всю рѣчь Мори, то на его теорію непримиримости монархическаго строя со всякой попыткой раздѣла исполнительной власти. Правая не даетъ ему говорить; изъ ея рядовъ слышатся обидные эпитеты и угрозы. «Вы не болѣе, какъ болтунъ!» кричатъ Мирабо его противники.

Народному трибуну удается однако покрыть своимъ голосомъ всѣ возгласы и провести тотъ взглядъ, что отличіе монархіи и республики составляетъ раздѣлъ не исполнительной власти, а законодательной. Всѣ хорошо устроенныя правительства, утверждаетъ онъ, имѣютъ общіе принципы. Одно распредѣленіе властей вноситъ различіе между ними. Республики въ нѣкоторомъ смыслѣ — монархіи; а монархіи въ свою очередь — республики. Не существуетъ дурныхъ образовъ правленія внѣ деспотіи и анархіи. Но ихъ даже нельзя назвать правительствами; онѣ результатъ отсутствія правительства. Соединеніе судебной власти съ исполнительной, по мнѣнію Мирабо, отличаетъ собою не монархію, а деспотію. Всякій судъ въ его глазахъ имѣетъ характеръ посредничества. Граждане имѣютъ тяжбу, назначаютъ своихъ судей; исполнительная властьне имѣетъ голоса, пока приговоръ не постановленъ; ея функціи начинаются тамъ, гдѣ оканчиваются функціи суда. Несправедливо поэтому утверждать, что назначеніе судей—дѣло исполнительной власти.

Такими общими возраженіями трудно было, очевидно, изгладить впечатлѣніе, произведенное рѣчью Мори. Но Мирабо, по собственному сознанію, не могъ войти по существу въ самый вопросъ, такъ какъ не присутствовалъ на предшествовавшихъ засѣданіяхъ и считалъ предметъ спора выходящимъ за предѣлы своей компетенціи.

Пренія объявляются закрытыми, но Казалесъ старается оживить ихъ вновь, требуя, чтобы конституціонный комитетъ высказалъ свое мнѣніе по вопросу. Одинъ изъ членовъ его Деменье направляется къ трибунѣ, но Шарль Ламетъ овладѣваетъ ею раньше, крича: большинство комитета раздѣляетъ мнѣніе Сіейса и не желаетъ установленія судей королемъ.

Собраніе постановляетъ тѣмъ не менѣе, что право голоса принадлежитъ Деменье, который вслѣдъ затѣмъ требуетъ отсрочки преній до слѣдующаго засѣданія и обѣщаетъ, что комитетъ представитъ къ этому времени полное изложеніе собственныхъ взглядовъ.

Большинство даетъ на это свое согласіе, и 6-аго мая снова возобновляются пренія.

«Вы ничего не достигли, говоритъ въ обращеніи къ «лѣвой»

Шарль Ламетъ, пока за королемъ останется право отказывать въ утвержденіи судей или производить выборъ между кандидатами. Совѣсть подскажетъ каждому, что тотъ, кому дано будетъ министромъ предпочтеніе, всегда будетъ министерской креатурой. Еще труднѣе предоставить королю право отказа въ утвержденіи. Это дало бы ему возможность противоставить свое вето половинѣ гражданъ королевства. Вся будущность конституціи зависитъ отъ вашего рѣшенія». На этомъ мѣстѣ оратора прерываетъ громкое неодобреніе правой. «Само это неодобреніе доказываетъ справедливость утверждаемаго, спѣшитъ заявить Ламетъ. Порядки, вами затѣваемые, грозятъ порчей нравовъ, а потому и потерей свободы. Можете ли вы найти людей достаточно смѣлыхъ, чтобы защищать ее, разъ вы отдадите народъ на растленіе судьямъ, обязаннымъ своимъ назначеніемъ министерскому фаворитизму».

Послѣ новыхъ преній, не прибавившихъ ничего къ прежней аргументаціи, собраніе рѣшаетъ, что на голосованіе поступитъ вопросъ: «будутъ ли судьи назначаемы королемъ». Вставаніемъ и сидѣніемъ большинство высказывается въ пользу такой постановки, но правая объявляетъ большинство спорнымъ и требуетъ переклички (appel nominal).

Незамѣтно ораторы переходятъ снова къ разсмотрѣнію самаго существа вопроса; пренія касаются не одной лишь формулировки его, но и самаго принципа народнаго выбора судей. Барнавъ принимаетъ подъ свою защиту теорію Монтескье о необходимости отдѣлить судебную власть отъ исполнительной. Онъ опровергаетъ мнѣніе Малуэ, что назначеніе королемъ не представляетъ опасности для свободы. Въ Англіи, думаетъ онъ, эта опасность меньше, такъ какъ коронные судьи всюду встрѣчаютъ противовѣсъ въ избираемыхъ изъ народа присяжныхъ. Но того же нельзя ждать во Франціи, гдѣ присяжные допущены въ однихъ только уголовныхъ процессахъ.

Честный, гордый и поистинѣ свободный человѣкъ, утверждаетъ Барнавъ, не согласится на включеніе его имени въ число кандидатовъ, разъ королю предоставлено будетъ право выбора между ними; истинно достойный человѣкъ не захочетъ подвергнуться оскорбленію быть назначеннымъ по указу или отверг-

нутымъ по рѣшенію министровъ. Нельзя поддерживать назначенія судей королемъ, не имѣя въ виду посягательства на свободу и тайнаго желанія возродить политическое рабство.

Седьмаго мая снова возобновляются пренія, на этотъ разъ отдѣльно по каждому изъ слѣдующихъ трехъ вопросовъ:

1) Вправѣ ли король отказать въ утвержденіи избраннаго народомъ судьи.

2) Обязаны ли избиратели представлять нѣсколькихъ кандидатовъ.

3) Долженъ ли избранный народомъ судья получить отъ короля патентъ на должность за національной печатью.

Хотя Рёдереръ и сознается, что Барнавъ не оставилъ ему сказать ничего новаго въ защиту народнаго выбора, но три столбца едва умѣщаютъ даже сокращенную передачу его рѣчи. Вся она посвящена развитію мысли Монтескье и его знаменитаго афоризма: «все погибло, когда государь самъ осуществляетъ правосудіе». Рёдереръ доказываетъ, что и въ старой Франціи парламенты пользовались независимостью отъ королевской власти. Законы, говоритъ онъ, настолько могутъ быть стражами свободы, насколько народъ поручаетъ примѣненіе ихъ нелицепріятнымъ исполнителямъ, имъ самимъ назначаемымъ. Отдѣленіе исполнительной власти и законодательной было бы неполно, если бы въ лицѣ короля судъ соединенъ былъ съ исполненіемъ.

Гупилль де-Префельнъ, защищая приблизительно тѣ же взгляды, говоритъ: «дѣло идетъ объ ограниченіи власти не короля, а его визирей. Выше всѣхъ авторитетовъ и метафизическихъ тонкостей надо поставить природу человѣка: она должна быть постояннымъ руководителемъ законодателя. Но чему учитъ природа? Она соединила людей для собственнаго ихъ счастья. Цѣль общества—есть благополучіе живущихъ въ немъ. Ваша задача обезпечить возможно большее благо для возможно большаго числа людей. Въ виду этого каковы должны быть границы исполнительной власти? Необходимо, чтобы эта верховная власть могла содѣйствовать благу общественному во всѣхъ смыслахъ и во всѣхъ направленіяхъ, не угнетая въ то же время правъ націи и свободы. Но какъ достигнуть этого въ примѣненіи къ суду? Обезпечивши его доступность, простоту, безпристрастіе и надежность. Но какого

безпристрастія можно ждать отъ судьи, вымолившаго себѣ должность въ переднихъ министровъ. Отсюда я заключаю, что король не долженъ имѣть неограниченнаго права отказа. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что подъ вліяніемъ интриги народъ можетъ сдѣлать неудачный выборъ. Не слѣдуетъ ли поэтому предоставить королю возможность устранить дурнаго судью? Я знаю, что министры могутъ злоупотребить этимъ правомъ, и думаю поэтому, что каждый отказъ долженъ быть переданъ на судъ общества». Изъ всего этого Гупилль дѣлаетъ тотъ выводъ, что отказъ въ утвержденіи долженъ быть мотивированъ и всегда можетъ быть обжалованъ передъ верховнымъ судомъ.

На трибуну снова всходитъ Казалесъ, снова теорія Монтескье подвергается толкованію, и ораторъ старается объяснить ея происхожденіе тѣмъ, что авторъ подчинился духу того сословія, къ которому самъ принадлежалъ. «Если бы мнѣ удалось изобразить весь ужасъ народныхъ партій, всѣ печальныя послѣдствія интригъ и того гибельнаго вліянія, какое не разъ оказывало краснорѣчіе; если бы я привелъ имена Сократа, Ликурга, Аристида, Солона, которые всѣ были жертвой народа, его ошибокъ и произвола; если бы я напомнилъ вамъ примѣръ Коріолана и Камилла, преданныхъ изгнанію, Гракховъ, убитыхъ у подножія трибунала; если бы мнѣ удалось представить въ ихъ настоящемъ свѣтѣ народныя собранія древнихъ римлянъ, которыя на дѣлѣ были не болѣе, какъ постоянными заговорами, сборищами мятежниковъ; если бы я изобразилъ передъ вами народное собраніе, обращенное въ поле битвы, и могъ убѣдить васъ, что ни одно избраніе, ни одинъ законъ, ни одинъ приговоръ не обходился безъ междоусобія: вы можетъ быть согласились бы признать, что народный образъ правленія представляетъ нѣкоторыя неудобства... Наши избиратели не предоставили намъ права выбора между формами правленія. Всѣ наказы требуютъ монархіи; всѣ добрые французы готовы соединиться подъ знаменемъ королевской власти. Они отворачиваются отъ безумной свободы, грозящей сдѣлаться произволомъ, отъ этого народовластія, болѣе похожаго на анархію. Къ чему стремятся народные демагоги, какъ не къ тому, чтобы, пользуясь тою

усталостью, какую вызвала въ народѣ безпрестанная смѣна бурныхъ собраній, упрочить собственный абсолютизмъ, упрочить его на развалинахъ духовенства, дворянства, парламентовъ». Съ разныхъ сторонъ раздаются апплодисменты. «Въ государствѣ, продолжаетъ Казалесъ, въ которомъ нѣтъ болѣе посредниковъ между народомъ и королемъ, гдѣ ниспроверженіе духовенства, дворянства, парламентовъ»... Новые апплодисменты не даютъ оратору окончить фразы.

Удивительно ли, кричитъ депутатъ Лави, что собраніе отказывается выслушать надгробное слово надъ могилою стольких угнетателей.—«Я произношу надгробное слово надъ самой монархіей» отвѣчаетъ Казалесъ. Вся правая, какъ одинъ человѣкъ, высказываетъ одобреніе оратору. «Уничтоженіе всякихъ посредствующихъ властей, продолжаетъ онъ, сдѣлало то, что разъ вы потеряете свободу, не будетъ народа, котораго положеніе такъ близко подойдетъ къ рабству. Произволъ не найдетъ болѣе сопротивленія, даже того, какое въ деспотіяхъ востока представляютъ религія и ея служители. Но чего хотятъ эти враги королевской прерогативы? Неужели они надѣются низвергнуть престолъ, на которомъ въ теченіе четырнадцати вѣковъ возсѣдали преемники Клодвига. Половина націи готова лечь подъ его развалинами; двадцати лѣтъ не будетъ достаточно, чтобы доставить торжество такой революціи. И чего можетъ бояться отъ королевской власти народъ, который вернулъ себѣ право представительства, который имѣетъ возможность высказывать свою мысль, настаивать на проведеніи своей воли? Не о личныхъ и классовыхъ интересахъ идетъ теперь рѣчь, а объ общемъ интересѣ, какой воплощаетъ въ себѣ монархическая власть. Пусть всѣ друзья родины соединятся въ ея защиту! Проникнимся тѣмъ убѣжденіемъ, что единство исполнительной власти должно быть сохранено во всѣхъ частяхъ въ интересахъ народнаго благополучія и свободы. Она опасна только для тѣхъ, кто боится возвращенія порядка. Соединимся же для защиты этой священной власти и потребуемъ, чтобы королю предоставленъ былъ выборъ между кандидатами на судебныя должности».

Мори, Мадье де-Монжо и Лемюлье де-Брессе бросаются къ трибунѣ и обнимаютъ Казалеса.

Голосованіе даетъ слѣдующіе результаты:

1) Король не вправѣ отказать въ утвержденіи избранному народомъ судьѣ.

2) Избиратели не будутъ представлять королю болѣе одного кандидата [1]).

Въ ближайшемъ засѣданіи, рѣшивши почти безъ преній вопросъ о томъ, что избранные судьи получатъ отъ короля патенты на должность за государственной печатью, собраніе переходитъ къ дебатамъ объ устройствѣ прокурорскаго надзора.

§ 7.

Тотъ самый Шабру, вліянію котораго надо приписать рѣшеніе въ пользу народа вопроса объ избраніи судей, подаетъ голосъ въ пользу правительственнаго назначенія членовъ прокурорскаго надзора. Король, сказалъ онъ въ защиту этого положенія, блюститель закона, но онъ не можетъ исполнить этой миссіи безъ помощниковъ, и самое ея исполненіе было бы несовершеннымъ, если бы королю не былъ предоставленъ выборъ этихъ помощниковъ. Бѣдныя сироты и вдовы нуждаются въ защитѣ того, кто призванъ быть блюстителемъ закона. Защита ихъ интересовъ и дѣлаетъ изъ короля отца народа. Она не можетъ осуществляться имъ лично, а черезъ уполномоченныхъ. Какъ отнять у короля право выбора этихъ уполномоченныхъ?

Д'Андрэ предлагаетъ, чтобы отъ королевскаго выбора были изъяты депутаты національнаго собранія, а также и члены будущихъ собраній. Это предложеніе встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ.

Мюже де Нанту въ свою очередь доказываетъ необходимость обезпечить независимость прокурорскаго надзора отъ произвола министровъ, допустивши въ пользу его членовъ начало пожизненности. Онъ требуетъ также, чтобы королю запрещено было дѣлать выборъ между членами судовъ. Это помѣшаетъ развитію въ нихъ того духа интриги, котораго собраніе, повидимому, такъ боится. Оба предложенія, несмотря на противодѣйствіе Дюпонъ де Немура, приняты.

---

1) См. Arch Parl. Томъ XV, стр. 393—400; 407—410; 415—421;

Дюбуа де Крансе предлагаетъ новое дополненіе: члены прокурорскаго надзора не должны быть взяты ни изъ среды департаментскихъ, ни изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ.

Собраніе подвергаетъ затѣмъ голосованію главный вопросъ и единогласно принимаетъ слѣдующее рѣшеніе. Члены прокурорскаго надзора назначены будутъ королемъ пожизненно и подлежатъ отставкѣ не иначе, какъ за преступленіе [1]).

Этотъ декретъ встрѣченъ былъ враждебно въ средѣ якобинскаго клуба; Луазо еще при обсужденіи проекта Шабру 24 марта 1790 года упрекнулъ въ противорѣчіи тѣхъ, кто требуетъ выбора судей и допускаетъ назначеніе членовъ прокурорскаго надзора. Его критика опирается только на томъ соображеніи, что функціи трибуновъ и цензоровъ, къ осуществленію которыхъ призывается прокурорскій надзоръ, еще въ большей степени, чѣмъ судебныя должности, носятъ характеръ общественный. Народу поэтому, а не королю, представителю частнаго интереса, слѣдуетъ вручить заботу о его личномъ составѣ [2]).

Знакомясь съ тѣми взглядами, какихъ по вопросу объ устройствѣ прокурорскаго надзора держались якобинцы, намъ легко понять причину, по которой законъ 16 августа 90 года (объ организаціи судебной власти), вручивъ прокурорскій надзоръ назначаемымъ королемъ агентамъ (commissaires du roi), постарался, съ одной стороны, ограничить ихъ функціи и отнять у нихъ право публичнаго обвиненія (титулъ VIII, ст. IV), а съ другой—придалъ имъ большую независимость, проведши начало ихъ пожизненности. Обязанностью королевскихъ комиссаровъ признано слѣдить за тѣмъ, чтобы въ постановляемыхъ судами рѣшеніяхъ строго соблюдаемы были законы королевства (титулъ VIII, ст. I), а также заботиться о приведеніи приговоровъ въ исполненіе (титулъ VIII, ст. I). Поддерживаніе дисциплины и правильности службы въ тѣхъ трибуналахъ, при которыхъ они акредитованы, также входитъ въ составъ ихъ функцій (тит. VIII, ст. VI). Ихъ особому попеченію поручаются состоящія подъ опекой по причинѣ несовершеннолѣтія, сума-

---

[1]) Arch. Parl. Засѣд. 8 мая 90 года. Ibid. (томъ XV, стр. 430 и 431).

[2]) La Société des jacobins par A. Aulard (томъ I), стр. 57.

сшествія или признанной судами несостоятельности, а также замужнія женщины и лица, находящіяся въ отсутствіи въ моментъ начатія иска. Мнѣніе комиссаровъ испрашивается во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ раньше начатія обвиненія, а въ гражданскихъ только по искамъ, въ которыхъ замѣшанъ имущественный интересъ націи или общины. Во все время слѣдствія они вправѣ настаивать на соблюденіи установленныхъ закономъ формъ. Непосредственно передъ постановкой приговора они указываютъ судьямъ на тотъ законъ, какой, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ примѣнить къ данному случаю. Когда въ исполненіи приговора заинтересованъ общественный порядокъ, королевскіе комиссары по собственному почину принимаютъ мѣры къ его исполненію. Во всѣхъ же остальныхъ стороны должны ходатайствовать объ ихъ вмѣшательствѣ, и только по настоянію заинтересованныхъ комиссаръ даетъ приставамъ приказъ о выполненіи приговора, предписываетъ насильственный входъ въ чужое жилище и обращается въ случаѣ надобности къ содѣйстію военной силы [1]).

§ 8.

Мы видѣли, что при рѣшеніи вопроса о порядкѣ замѣщенія судебныхъ мѣстъ торжество осталось на сторонѣ тѣхъ, кто думалъ, что народное самодержавіе требуетъ избранія судей. Но возраженія противниковъ и высказанное ими опасеніе увидѣть въ ближайшемъ будущемъ политическое раздробленіе Франціи, благодаря отсутствію объединяющей власти, произвели тѣмъ не менѣе свое дѣйствіе. Муниципальная независимость, казавшаяся американцу Моррису предвѣстіемъ будущаго обращенія Франціи въ сѣть болѣе или менѣе независимыхъ республикъ, должна была пустить новые и болѣе глубокіе корни съ того момента, когда къ избираемымъ управителямъ кантона, округа и департамента присоединились столь же избираемые судьи. Можно было предвидѣть, что послѣдствіемъ этого факта будетъ усиленіе того юридическаго сепаратизма, какимъ всегда отли-

---

[1]) Hélie. Les constitutions de la France, стр. 153.

чалась Франція, благодаря богатству и разнообразію ея кутюмовъ. Но если дѣятели 89 года были проникнуты идеей народнаго самодержавія и гражданскаго равенства, то они нисколько не дѣлали изъ нихъ того вывода, что каждая область государства имѣетъ равное съ прочими право устроить свою юридическую жизнь, какъ заблагоразсудитъ. Борьба съ духомъ провинціальной независимости вызвала, какъ мы видѣли, самую попытку новаго административнаго дѣленія, въ которомъ географическія условія и численность населенія должны были заступить мѣсто общности историческаго прошлаго. Борьба съ тѣмъ же провинціализмомъ вызвала въ настоящую минуту попытку обезпечить правовое единство націи созданіемъ постояннаго ревизіоннаго или вѣрнѣе кассаціоннаго суда, блюстителя единообразія въ толкованіи и примѣненіи законовъ. Правда, многіе изъ членовъ собранія, оставаясь вѣрными принципу возможной доступности суда для тяжущихся, продолжали и на этотъ разъ рекомендовать систему разъѣздныхъ судей, но голоса ихъ остались въ меньшинствѣ; забота о поддержаніи юридическаго единства превозмогла всѣ остальныя. Пренія начаты были д'Андрэ въ засѣданіи 8 мая 1790 года. «При постоянствѣ кассаціоннаго суда, сказалъ онъ, сторонамъ пришлось бы нерѣдко являться на разбирательство съ окраинъ государства. Это отдало бы бѣднаго на произволъ богатаго. Я требую поэтому установленія судебныхъ разъѣздовъ для членовъ кассаціоннаго суда, устройства ими мѣстныхъ ассизъ».

Бареръ, признавая справедливость этого замѣчанія, указалъ, съ другой стороны, на опасность, какую для юридическаго единства представляетъ система судебныхъ разъѣздовъ. Онъ предложилъ поэтому смѣшанный составъ судилищъ. Избранные судьи по одному отъ каждаго изъ департаментовъ Франціи распадаются на двѣ половины: осѣдлую и кочевую. Послѣдняя ограничивается собираніемъ на мѣстахъ данныхъ для кассаціи. Первая произноситъ приговоры.

«Двѣ причины побуждаютъ насъ къ созданію кассаціоннаго судилища, сказалъ Барнавъ: во первыхъ, сохраненіе монархическаго единства, требующаго предупрежденія всѣми имѣющимися въ нашихъ рукахъ средствами тѣхъ сепаратическихъ стрем-

леній, которыя ставятъ себѣ цѣлью федеративный образъ правленія. Во вторыхъ, мотивомъ къ созданію кассаціоннаго трибунала является забота объ установленіи единства законодательства,—предотвращеніе разнорѣчія въ примѣняемыхъ судами юридическихъ нормахъ. Вы признали полезнымъ дать каждому департаменту самостоятельные органы администраціи и суда, но само это обстоятельство дѣлаетъ нужнымъ, въ интересахъ прочности монархіи, установить единый кассаціонный судъ, юрисдикція котораго распространялась бы одинаково на всѣ части государства, связывала и соединяла бы ихъ воедино. Критики нашей конституціи доказываютъ, что мы посягнули на единство имперіи, отнявши у короля что было произвольнаго въ его власти и возвративъ народу его права. Созданіе кассаціоннаго суда должно быть отвѣтомъ на эти обвиненія и средствомъ къ сохраненію единства». По этому началу можно было ожидать, что Барнавъ выскажется въ пользу постоянства кассаціоннаго суда; но опасеніе создать въ его лицѣ могущественный противовѣсъ собранію, вызвать снова къ жизни тѣ сильныя своимъ корпоративнымъ духомъ верховныя палаты, съ которыми такъ безплодно боролись недавно французскіе короли и оппозиція которыхъ была еще на столько опасна, что вызвала въ дѣятеляхъ 89 года рѣшимость занести руку на самое ихъ существованіе, взяло въ немъ верхъ надъ всѣми прочими соображеніями. Онъ сдѣлалъ судебной централизаціи только одну уступку: по его плану, кассаціонный судъ дѣлится ежегодно на секціи, изъ которыхъ каждая разъѣзжаетъ по большему или меньшему числу департаментовъ. Судьи, посѣтившіе въ одномъ году извѣстную часть французской территоріи, въ ближайшемъ посылаются въ другую. Это мѣшаетъ образованію между ними и тѣми мѣстностями, въ которыя они посланы, прочной, постоянной связи. Это устраняетъ возможность, думаетъ Барнавъ, всякаго мѣстнаго колорита въ толкованіи законовъ, всякой мѣстной юриспруденціи, отличной отъ общей, дѣлаетъ немыслимымъ юридическій сепаратизмъ, посягательство на правовое единство Франціи.

Собраніе откладываетъ дальнѣйшія пренія до 24 мая и послѣ новаго обмѣна мыслей, въ которомъ на этотъ разъ принимаетъ участіе и извѣстный юристъ Мерленъ, декретируетъ право об-

жалованія въ кассаціонномъ порядкѣ апеляціонныхъ приговоровъ.

Этимъ постановленіемъ нимало не рѣшенъ былъ еще вопросъ о составѣ кассаціоннаго суда; потребовалось цѣлыхъ три засѣданія, прежде чѣмъ собраніе сочло возможнымъ приступить къ голосованію и на этотъ счетъ. Рѣшающее вліяніе оказала рѣчь Мерлена. Въ докладѣ, далеко не имѣвшемъ характера импровизаціи, этотъ извѣстный юристъ задался вопросомъ о томъ, какой изъ порядковъ составленія кассаціоннаго суда отвѣчаетъ болѣе интересамъ націи, правосудія и тяжущихся. «Интересъ націи, говоритъ онъ, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить единство; онъ побуждаетъ насъ принять всѣ мѣры къ обезпеченію этого единства. Раздѣлить же кассаціонный судъ на нѣсколько секцій, изъ которыхъ каждая прогуливалась бы по отдѣльнымъ областямъ государства, равносильно отказу сдѣлать этотъ судъ орудіемъ политическаго единства и средствомъ упроченія монархіи. Чѣмъ долженъ быть кассаціонный трибуналъ, какъ не верховнымъ блюстителемъ закона, связующимъ звеномъ для всѣхъ апеляціонныхъ судовъ? Но если вы раздѣлите его, обособите каждую секцію, если вы прекратите то общеніе, которое не только ежечасно, но ежеминутно должно существовать между его членами, какъ можно будетъ достигнуть того, чтобы повсюду апеляціонные суды были призываемы къ соблюденію однѣхъ и тѣхъ же юридическихъ нормъ, однихъ и тѣхъ же процессуальныхъ правилъ? Неужели не очевидно, что тогда какъ у подножья Пириней, одна секція выскажется въ одномъ смыслѣ, у подножья Юры другая можетъ дать противоположное толкованіе. По сю сторону рѣки признано будетъ правомъ то, что по ту сторону явится безправіемъ. И не думайте, чтобы злу можно было помочь посылкой законодательному корпусу выдержекъ изъ вашихъ рѣшеній съ тѣмъ, чтобы оно внесло своими декретами единство въ толкованіе спорныхъ вопросовъ. Такой порядокъ можетъ воспрепятствовать только дальнѣйшему разнорѣчію; онъ отнюдь не устранитъ прежняго. Законодатель, по мнѣнію Мерлена, долженъ, подобно Ньютону, поставить въ центрѣ задуманной имъ судебной системы единое свѣтило, которымъ и будетъ кассаціонный судъ. Два солнца въ такой же

мѣрѣ препятствовали бы возможности всемірнаго тяготѣнія, въ какой двѣ самостоятельныя секціи кассаціоннаго суда помѣшали бы распространенію на всю Францію единства юридической жизни. Подобно тому, какъ невозможенъ раздѣлъ верховной исполнительной власти, такъ точно немыслимо учрежденіе двухъ или нѣсколькихъ верховныхъ судилищъ. Примѣръ Англіи также говоритъ въ пользу единства и постоянства кассаціоннаго суда. Допустивши, какъ общее правило, существованіе судебныхъ разъѣздовъ, англичане не распространили ихъ на кассацію и предоставили послѣднюю постоянному учрежденію — верхней палатѣ.

Осѣдлость и единство кассаціоннаго суда не менѣе необходимы въ интересахъ правосудія. Разъѣздный характеръ этого трибунала удалилъ бы отъ него лучшихъ судей, этихъ добрыхъ отцовъ семействъ, не согласныхъ на вѣчное передвиженіе. Онъ помѣшалъ бы также въ случаѣ ежегоднаго возобновленія секцій пріобрѣтенію отдѣльными судьями того наживаемаго годами знанія мѣстныхъ кутюмовъ, безъ котораго немыслима была бы правильная ревизія приговоровъ, постановленныхъ въ Нормандіи или въ Гено (Hainaut). Наконецъ, она явится препятствіемъ и къ той подкупности, которой, утверждаетъ Мерленъ, гораздо доступнѣе лица, временно попавшія въ ту или другую мѣстность и не обязанныя связать съ нею своихъ постоянныхъ судебъ.

По мнѣнію Мерлена, интересъ тяжущихся также противится постояннымъ разъѣздамъ кассаціонныхъ судей. Если справедливо по отношенію къ обыкновеннымъ требованіе легкой доступности для тяжущихся, то того же отнюдь нельзя сказать о кассаціонныхъ. Чтобы подавить духъ сутяжничества, надо, наоборотъ, сдѣлать обращеніе къ нимъ затруднительнымъ. Нельзя пользоваться кассаціей, какъ своего рода третьей инстанціей. Само собраніе сочло нужнымъ ограничить число инстанцій, чтобы предотвратить нескончаемость процессовъ. Но чтобы бѣдные не пострадали отъ тѣхъ трудностей, какія ставитъ для кассаціи отдаленность произносящаго ее трибунала, Мерленъ рекомендуетъ расширеніе той системы даровой адвокатуры, которая, говоритъ онъ, съ такимъ успѣхомъ дѣйствуетъ уже въ Нанси и Дуэ.

Гупилль де-Префельнъ старается запугать собраніе перспек-

тивою новой «cour plénière», подобной той, какую затѣвалъ Ломени де-Бріеннъ. «Постоянный кассаціонный судъ, говоритъ онъ, можетъ войти въ стачку съ министрами и сдѣлаться орудіемъ ихъ деспотизма».

Тѣ же опасенія высказываетъ и Муженъ де-Рокфоръ.

Робеспьеръ вооружается противъ самой мысли о созданіи кассаціоннаго суда. По его мнѣнію, кассація не есть аттрибутъ судебной, а законодательной власти. Судебный приговоръ имѣетъ въ виду рѣшеніе спора между гражданами; кассація же—защиту законовъ и цензуру судей. Но чтобы сохранить полное соотвѣтствіе ея съ законами, нужно, чтобы примѣняющіе ее не были проникнуты духомъ той особой корпораціи, къ которой они принадлежатъ, не образовывали изъ себя чего-то отличнаго отъ законодателя и подчасъ враждебнаго ему. Древній Римъ сознавалъ эту истину, говоря: «ejus est interpretari legem, qui condidit legem». Ее сознавало и древнее французское право, предоставляя королю, органу законодательной власти, кассацію приговоровъ. Робеспьеръ предлагаетъ поэтому, чтобы особый комитетъ законодательнаго собранія, составленный по выбору послѣдняго, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ права кассаціоннаго судилища.

Бареръ возстаетъ противъ этой мысли, указывая на возможность образованія изъ этой секціи законодательнаго корпуса подобія сената и слѣдовательно оживленія системы двухъ палатъ, противъ которой такъ рѣшительно возстало національное собраніе. Онъ возвращается поэтому къ уже высказанной имъ мысли о смѣшанной системѣ кассаціоннаго суда, объ открытіи въ немъ двухъ отдѣленій: постояннаго и разъѣзднаго. То же мнѣніе высказываетъ и Тронше.

Клермонъ Тонеръ, объявляя себя сторонникомъ постояннаго кассаціоннаго суда въ интересахъ юридическаго единства Франціи, предлагаетъ въ то же время прикомандировать къ нему особыхъ разъѣздныхъ чиновниковъ, подобныхъ «missi dominici». Ихъ обязанность разъѣзжать по странѣ и принимать на мѣстахъ кассаціонныя жалобы. Всякое судебное разбирательство, даже посредническое, должно быть строго воспрещено имъ. Иначе, подобно «missi dominici», они сами выродятся въ разъѣздныхъ судей.

Аббатъ Ройе, долго бывшій членомъ королевскаго совѣта, предлагаетъ въ свою очередь передать въ руки послѣдняго право постановлять кассаціонныя рѣшенія. «Кассаціонная жалоба, почему-то утверждаетъ онъ, не болѣе, какъ аппеляція къ государю». Ссылаясь на примѣръ старинной Франціи, въ которой спорная юрисдикція въ дѣлахъ административныхъ и пререканія о компетенціи между судами принадлежали государственному совѣту, аббатъ Ройе пытается убѣдить собраніе, что это учрежденіе, какъ составленное изъ лицъ по собственному назначенію короля, всего болѣе отвѣчаетъ тому представленію о непосредственной аппеляціи къ монарху, какое онъ составилъ себѣ о кассаціи. Но такъ какъ его представленіе на этотъ счетъ нимало не раздѣляется собраніемъ, то его рѣчь не разъ прерываютъ шумные протесты, насмѣшливые аплодисменты, требованіе перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Гара старшій подаетъ голосъ въ пользу постоянства кассаціоннаго суда. Онъ требуетъ установленія его въ мѣстѣ пребыванія короля и собранія. Король—его прирожденный предсѣдатель, такъ какъ судебная власть, что бы ни говорилъ о ней Монтескье, не болѣе, какъ вѣтвь исполнительной. Близость же кассаціоннаго трибунала къ законодательному корпусу сдѣлаетъ возможнымъ своевременное увѣдомленіе послѣдняго о тѣхъ нарушеніяхъ закона, какія проникли въ кассаціонныя рѣшенія.

Снова Шабру умоляетъ собраніе не подвергать свободу и конституцію опасности, какой грозитъ созданіе постояннаго верховнаго трибунала, подобнаго по своей силѣ и значенію только что отмѣненнымъ парламентамъ. Онъ требуетъ по меньшей мѣрѣ установленія мѣстныхъ секцій въ одиннадцати главныхъ городахъ Франціи.

Петіонъ устремляется на трибуну, чтобы поддержать это требованіе, но со всѣхъ сторонъ слышатся заявленія о необходимости положить конецъ преніямъ. Громаднымъ большинствомъ голосовъ собраніе высказывается въ пользу осѣдлости судей кассаціоннаго трибунала [1]).

---

[1]) Arch. Parl.-ére série; томъ XV, стр. 432 и слѣдующія; стр. 669—675; 678—680.

Въ текстъ конституціи это постановленіе перешло въ слѣдующемъ видѣ: во всемъ королевствѣ будетъ существовать только одинъ кассаціонный судъ, пребывающій возлѣ законодательнаго корпуса. Вѣдомству его будутъ подлежать: 1) кассаціонныя жалобы на приговоры судовъ послѣдней инстанціи; 2) просьбы о переносѣ дѣла изъ одного трибунала въ другой въ силу законнаго недовѣрія (pour cause de suspicion légitime); 3) а также опредѣленіе подсудностей (reglements de juges) и обвиненія, направленныя противъ цѣлаго трибунала (et les prises à partie contre un tribunal entier). Конституція опредѣляетъ юридическую природу кассаціи, говоря, что она никогда не можетъ коснуться существа дѣла. Послѣдствіемъ ея является новое разбирательство, производимое новымъ трибуналомъ. По одному и тому же дѣлу не можетъ быть болѣе двухъ кассацій. При недовольствѣ приговоромъ третьяго въ порядкѣ суда, законодательный корпусъ долженъ вмѣшаться въ дѣло и постановить декретъ, содержащій въ себѣ толкованіе спорнаго закона. Ежегодно кассаціонной судъ посылаетъ законодательному корпусу депутацію изъ восьми членовъ, которые представляютъ ему докладъ о постановленныхъ приговорахъ съ краткой передачей дѣлъ и приведеніемъ текста законовъ, на основаніи которыхъ состоялись рѣшенія *).

Мы покончили съ обзоромъ важнѣйшихъ изъ учредительныхъ декретовъ собранія. Мы показали, какъ рѣшенъ былъ имъ вопросъ о личныхъ правахъ гражданъ, о народномъ суверенитетѣ и организаціи тѣхъ трехъ властей, изъ которыхъ слагается этотъ суверенитетъ. Намъ предстоитъ въ настоящее время перейти къ вопросу, какую оцѣнку нашла у современниковъ эта конституціонная работа и въ какой мѣрѣ король и депутаты сознали необходимость ея исправленія и дополненія. Это составитъ задачу ближайшей книги.

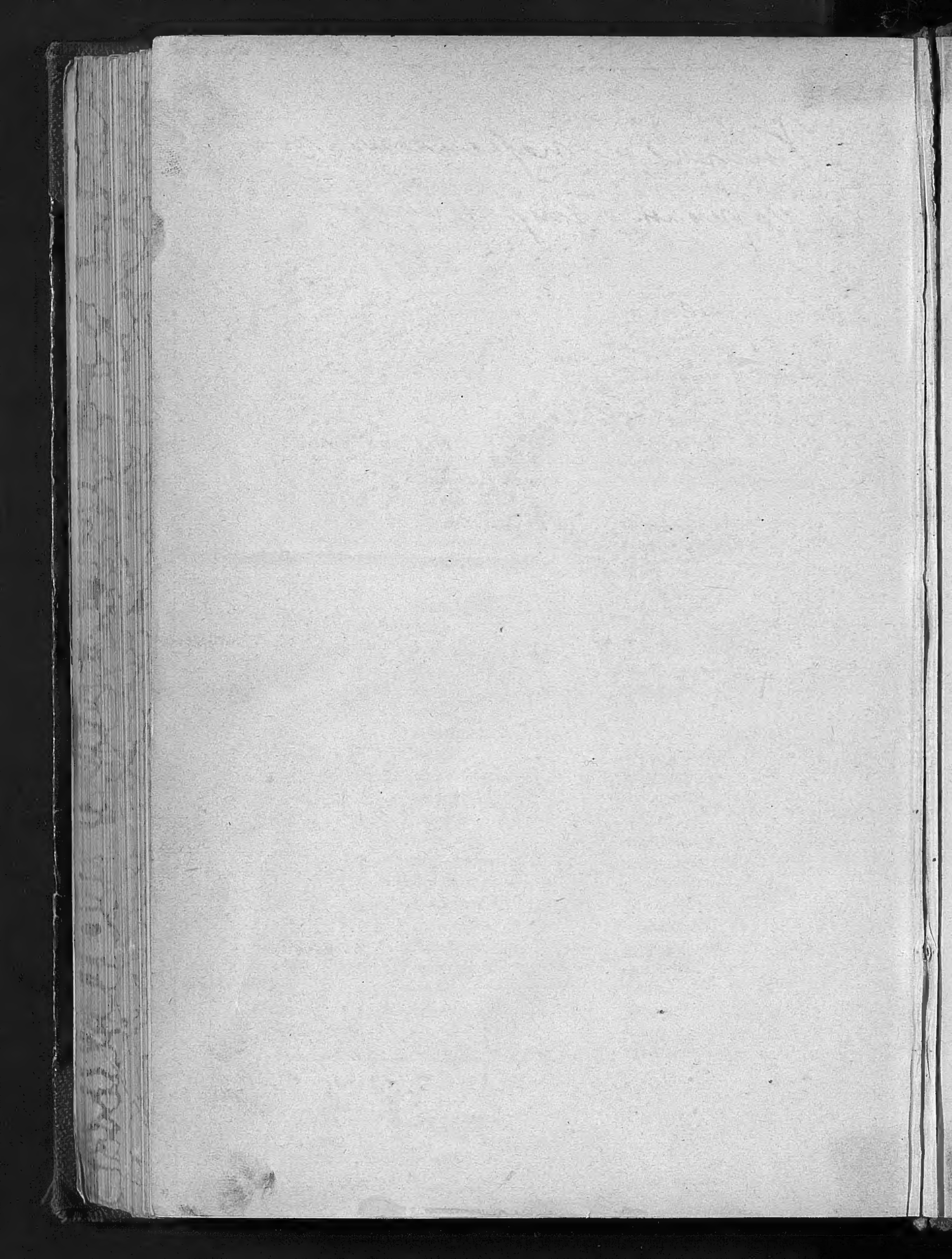
*) Конст. 3 сент. 91 года, глава V, статья 19—22. Hélie, стр. 290.

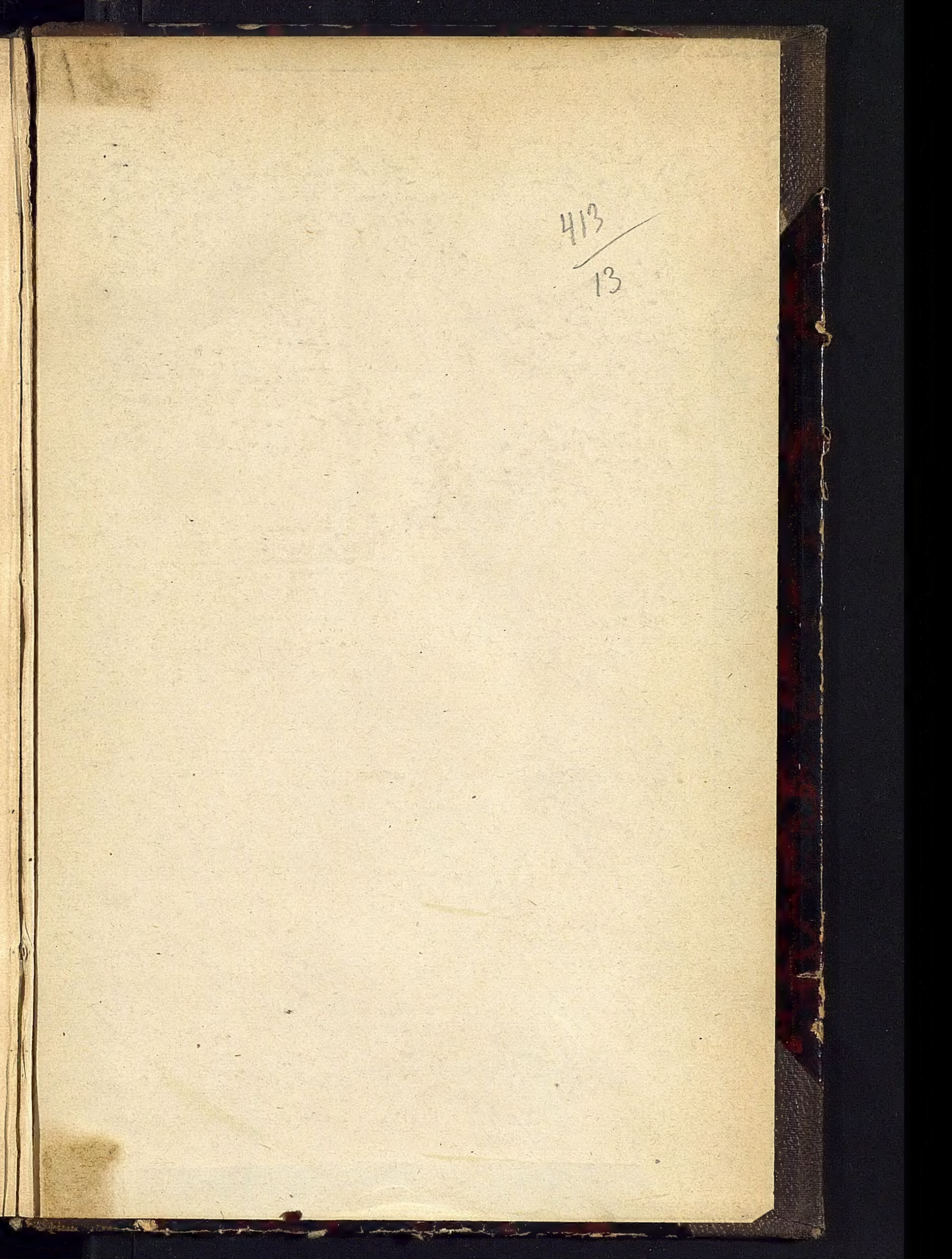
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строка.*	*напечатано.*	*надо читать.*
2 прим.	1	1774 г.	съ 1774 г.
5	9	*Берка*	*Бöрка*
5 прим.	1	Roccolta	Raccolta
9	12	въ отвѣтѣ	въ отвѣтъ
23	5	депутатовъ	депутатахъ
24	16	Тиржэ	Таржэ
33	13	засѣдающіе	засѣдающія
35	12	изъ	ихъ
35	16	неодобрѣніе	неодобреніе
40	16	Пюиелюръ	Пюисегюръ
45	15	границы	границъ
45	37	редство	средство
47	4	отдаетъ	отдастъ
54	25	Томеръ	Тоннеръ
57	27	домыслами	помыслами
65	33	замышленіяхъ	размышленіяхъ
85	2	становиться	установиться
85	10	принципомъ	принципамъ
86	18	Бена	Вена
87	6	1892	1792
91	32	Нанолеонъ	Наполеонъ
107	15	Клермонъ-Топеръ	Клермонъ-Тонеръ
109	1	фермернаго	фермерскаго
109	13	основняго	основного
125	8	франузмъ	французамъ
130	32	провинціальности вольности привилегіи	провинціальныя вольности и привилегіи
134	19	отъ обѣщинъ	отъ общинъ
139	24	сужденія	осужденія
149	23	Ланжскій	Лангрскій
156	9	возникаетъ	возникнетъ
157	2	руки	руку
158	5	можетъ средство черпать	можетъ черпать средства

стр.	*строка.*	*напечатано.*	*надо читать.*
167	21	пожеланіе	желаніе
190	23	пролетеріевъ	пролетаріевъ
263	28	лангрской	лангрскій
270	3	становиться	становится
270	3	достоинства	достоинство
270	3	послѣ довать	послѣдовать
270	3	жалованаанья	жалованья
271	20	проницiальности	проницательности
276	18	съ	въ
292	6	числѣ	число
302	6	общины	общинъ
316	16	прибѣгаетъ	прибѣгнетъ
321	1	первый	послѣдній
326	10	законы	законовъ
329	8	спреступленіемъ	преступленіемъ
329	35	старался поставить	старался онъ поставить
345	19	права	право
345	29	Кордельровъ	Кордельеровъ
347	10	констутуція	конституція
359	33	теріи	теоріи
370	23	вручалъ	вручилъ
378	17	сознавалось	сознавалась
379	5	были	была
384	6	Робель	Реубель
392	15	быть	была
395	30	Казалось	Казалэсъ
399	14	часто	чисто
401	1	взиманіе	вниманіе
406	6	Англіи	въ Англіи
419	8	Пурфендорфъ	Пуффендорфъ
422	12	деклорація	декларація
428	21	лишить	лишитъ
430	5	совѣршенно	совершенно
439	1	дектринерства	доктринерства
447	24	предположеніе	предложеніе
447	20	защитить	защитить ее
451	5	радостныя	радостные
474	7	Польвеpаземъ	Польвереле́мъ
496	6	представлено	предоставлено
508	4	него	нея
522	6	удаѐтся	удастся
523	16	внести	вносить
531	32	семпетенціи	сентенціи

Книга и переплетъ нов.
съ полн. страницами.

413
13

